

M. Меленко

Тарас Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5
//Государственное издательство художественной литературы, Москва,
1956
FB2: , 19.12.2010, version 1.0
UUID: OoFBTools-2010-12-19-10-5-0-369
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Тарас Григорович Шевченко

**Автобиография. Дневник.
Избранные письма и
деловые бумаги**
(Собрание сочинений в пяти томах #5)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТИ ТОМАХ
Том 5

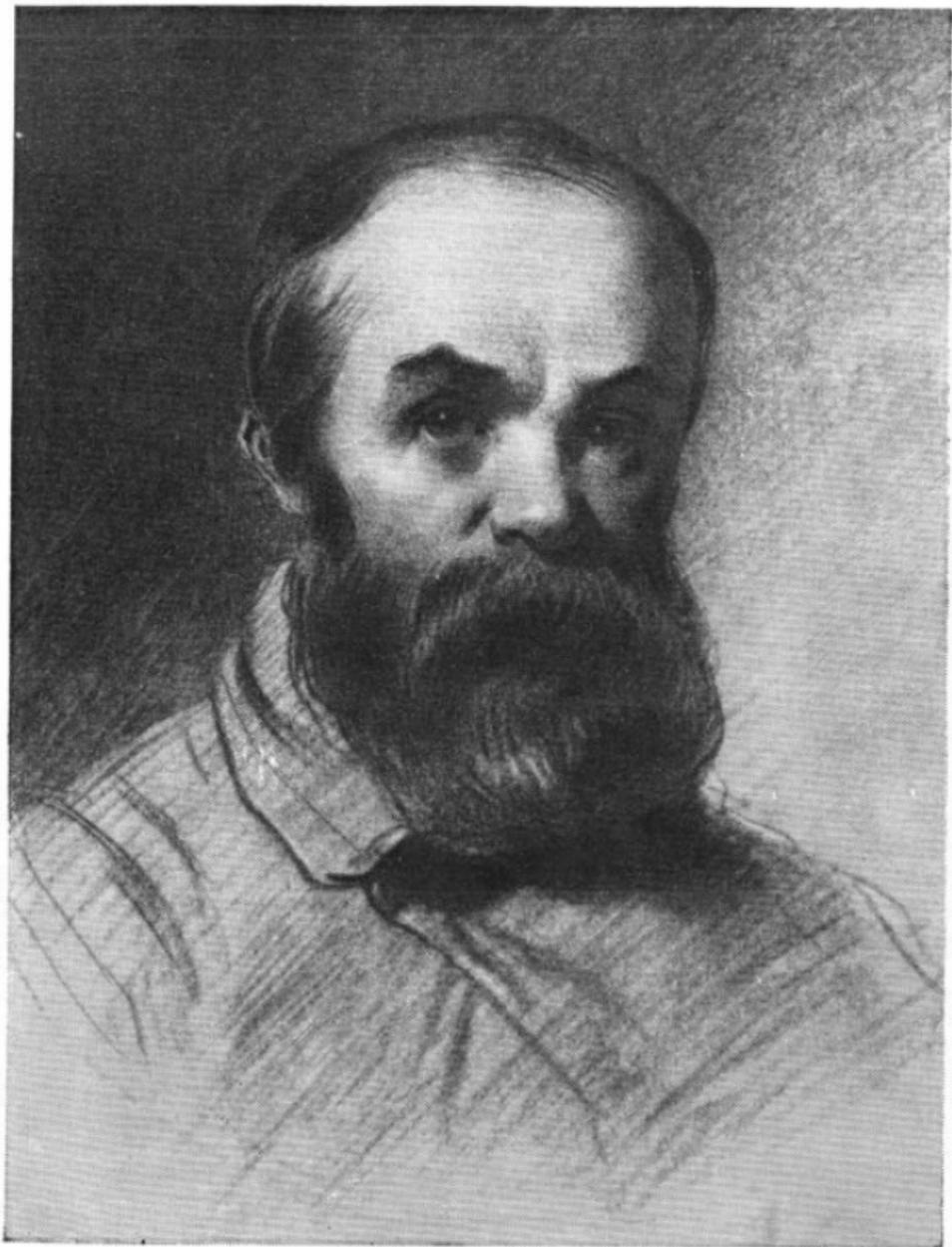
Содержание

Тарас Шевченко	0005
Автобиография {1}	0006
Дневник {2} (С 12 июня 1857 по 13 июля 1858 года)	0014
1857	0014
1858	0317
Избранные письма и деловые бумаги	0423
1839	0423
1840	0424
1841	0425
1842	0430
1843	0435
1844	0446
1845	0454
1846	0457
1847	0460
1848	0474
1849	0483
1850	0489
1851	0504
1852	0507
1853	0522
1854	0534
1854–1855	0557
1855	0558

1856	0583
1857	0619
1858	0683
1859	0730
1860	0758
1861	0795
Приложение	0801
Бенефис г-жи Пиуновой января 21, 1858 г.	0801
[Автобиография]	0806
Алфавитный указатель имен, встречающихся в 5 томе	0818
Украинские слова и выражения, встречающиеся в 5 томе и требующие объяснения	0863
Алфавитный указатель к 3, 4 и 5 томам	0866

Тарас Шевченко

Т. Г. Шевченко Автопортрет

Автобиография [1]^{1}

Тарас Шевченко, сын крепостного крестьянина Григория Шевченка, родился в 1814 году, февраля 25, в селе Кирилловке Звенигородского уезда Киевской губернии, в имении помещика Василия Васильевича Энгельгардта. На восьмом году, лишившись отца и матери, приютился он у дьячка в школе в виде школяра-попыхача. По многотяжком двухлетнем испытании прошел он граматку, часловец и, наконец, псалтырь. Дьячок, убедившись в досужестве своего школяра-попыхача, посылал его вместо себя читать псалтырь по усопших крепостных душах за что и платил ему десятую копейку яко поощрение. Но, несмотря на столь лестное к себе внимание сурового спартанца-учителя, в один из многих дней и ночей, когда спартанец-учитель со своим другом Ионою *Лымарем* были мертвецки пьяны, школяр-попыхач без зазрения совести, обнажив задняя своего наставника и благодетеля, всыпал ему великую дозу березовой каши. Помстившись до отвалу и похитивши какую-то книжечку с *кунштыками*, в ту

же ночь бежал в местечко Лысянку, где и нашел себе учителя живописи отца диакона, тоже спартанца. Терпеливо бродяга-школяр носил из Тикича три дня ведрами воду и растирал медянку на железном листе и на четвертый день бежал. Бежал он в село Тарасовку к дьячку-маляру, славившемуся в околотке изображением великомученика Никиты и Ивана Воина; у последнего для большего эффекта рисовал он на левом рукаве две солдатские нашивки. К сему-то Апеллесу обратился школяр-бродяга с твердым намерением перенести все испытания, только бы хоть малость научиться его великому искусству. Но, увы! Апеллес посмотрел внимательно на левую ладонь бродяги, отказал ему наотрез, не находя в нем таланта не только к малярству или к шевству, но и к бондарству.

Потеряв всякую надежду сделаться когда-нибудь хоть посредственным маляром, с сокрушенным сердцем бродяга возвратился в свое родное село с намерением наняться в погоньчи или пасти громадскую *ватагу*, и, ходя за стадом овец и свиней, читать краденую книжечку *с кунштыками*.

И это не сбылось. Помещику Павлу Васильевичу Энгельгардту, только что наследовавшему достояние побочного отца своего, понадобился расторопный мальчик, и оборванный школяр-бродяга попал прямо в тиковую куртку, в такие-же шаровары и, наконец, в комнатные казачки. В должности казачка он втихомолку срисовывал украденным у конторщика карандашом картины суздальской школы, украшавшие панские покои. Странствуя с обозом за своим *дидычем* в Киев, Вильно и в Петербург, на постоянных дворах крал он изображения разных исторических героев, как то: Соловья-разбойника, Кульнева, Кутузова, казака Платова и прочих, с намерением скопировать их на досуге точь-в-точь.

Случай и досуг представился в Вильне. Это было в 1829 году, декабря 6. Пан и пани уехали в *ресурсы* на бал, в доме, все успокоилось, уснуло. Тогда он развернул краденые сокровища и, выбрав из них казака Платова, принялся благоговейно-тщательно копировать. Уже дошел до маленьких казачков, гарцующих около дюжих копыт коня казака Плато-

ва, как растворилась дверь — пан и пани возвратились с балу. Пан с остервенением выдрал его за уши, надавал пощечин за то, дескать, что он мог не только дом — город сжечь. На другой день пан велел кучеру Сидорке выпороть его хорошенько, что и было исполнено сугубо.

В 1832 году в С.-Петербурге по неотступной его просьбе помещик законтрактовал его на четыре года разных живописных дел цеховому мастеру, некоему Ширяеву. Ширяев был ретивее всякого дьячка-спартанца. Но, несмотря ни на какие стеснения, он в светлые летние ночи бегал в Летний сад рисовать с безобразных неуклюжих статуй. Достойное украшение Петрового сада! В этом саду и в то же время начал он делать этюды в стихотворном искусстве. Из многочисленных попыток он впоследствии напечатал только одну — балладу «Причинна». В один из этих сеансов познакомился он с художником Иваном Максимовичем Сошенком, с которым и до сих пор в самых искренних братских отношениях. По совету Сошенка он начал пробовать портреты с натуры акварелью. Для многочисленных

проб терпеливо служил ему моделью его земляк и друг Иван казак Нечипоренко, дворовый человек того же Энгельгардта. Однажды тот же Энгельгардт увидел у Нечипоренка работу своего крепостного артиста, которая ему, верно, очень понравилась, потому что он начал употреблять его для снятия портретов с своих любимых любовниц, за которые иногда и награждал рублем серебра, не более.

В 1837 году И. М. Сошенко представил его конференц-секретарю Академии Художеств В. И. Григоровичу с целью освободить его от крепостного состояния. В. И. Григорович просил о нем В. А. Жуковского, и В. А. Жуковский, предварительно узнавши цену от помещика, просил К. П. Брюллова написать его, В. А. Жуковского, портрет для императорской фамилии с целью разыграть его в лотерею в царском семействе. Великий Брюллов охотно согласился. Портрет написан. В. А. Жуковский с помощью графа М. Ю. Виельгорского устроили лотерею в 2500 рублей ассигнациями, и этою ценою была куплена свобода Тараса Шевченка в 1838 году, апреля 22.

С того же дня начал он посещать классы

Академии Художеств и вскоре сделался одним из любимых учеников и товарищей великого Карла Брюллова.

В 1844 году удостоился он звания свободного художника, а в 1847 году был арестован вместе с Костомаровым, Кулишем и многими другими по доносу студента Киевского университета, некоего Петрова. Без суда и следствия разослали их в разные крепости, а 30 мая того же года из каземата Третьего отделения Т. Г. Шевченко был сослан в Орскую крепость и потом в Новопетровское укрепление с строжайшим запрещением писать и рисовать.

В 1858 году, 22 августа, по ходатайству графини Анастасии Ивановны Толстой освободили его из Новопетровского укрепления. И по ее же ходатайству всемилостивейше повелено быть ему под надзором полиции в столице и заниматься своим художеством.

В 1859 году летом, после долгой и тяжелой разлуки, увидел он свою прекрасную родину, крепостных братьев, сестру и благополучно осенью возвратился в Академию Художеств, где благодаря правящим Академиею с любо-

вью истинного художника занимается гравюрою акватинта и аквафорта.

После долгих двухлетних проволочек Главный цензурный комитет разрешил ему печатать только те из своих сочинений, которые были напечатаны до 1847 года, вычеркнувши из них десятки страниц [прогресс!].

1860 года, в первой половине генваря.

**Дневник[2]^{2}
(С 12 июня 1857 по 13 июля
1858 года)**

1857

Июня 12

Первое замечательное происшествие, которое я вношу в мои записки, суть следующее. Обрезывая сию первую тетрадь для упомянутых записок, я сломал перочинный нож. Происшествие, повидимому, ничтожное и не заслуживающее того внимания, которое я ему оказываю, внося его как что-то необыкновенное в сию пеструю книгу. Случись этот казус в столице или даже в порядочном городе, то, натурально, он не попал бы в мою памятную книгу. Но это случилось в Киргизской степи, то есть в Новопетровском укреплении, где подобная вещь для грамотного человека, как, например, я, дорого стоит; а главное, что не всегда ее можно достать и даже за порядочные деньги. Если вам удастся растолковать свою нужду армянину-маркитанту, кото-

рый имеет сообщение с Астраханью, то вы все-таки не ближе как через месяц — летом, а зимою через пять месяцев получите прескверный перочинный ножик, и, разумеется, не дешевле монеты, то есть рубля серебром. А случается и так, и весьма часто, что вместо ожидаемой вами с нетерпением вещи, он вас попотчует или московской бязью, или куском верблюжьего сукна, или, наконец, кислым, как он говорит, дамским чихирем. А на вопрос ваш, почему он вам не привез именно то, что вам нужно, он вам пренаивно ответит, что мы люди коммерческие, люди неграмотные, всего не упомнишь. Что вы ему [скажите] на такой резонный довод? Ругнете его, он усмехнется, а вы все-таки без ножа останетесь. Теперь понятно, почему в Новопетровском укреплении утрата перочинного ножа — событие, заслуживающее бытописания. Но бог с ним — и с укреплением, и с ножом, и с маркитантом; скоро, даст бог, вырвуся я из этой безграничной тюрьмы. И тогда подобное происшествие не будет иметь места в моем журнале.

13 июня

Сегодня уже второй день, как сшил я себе и аккуратно обрезал тетрадь для того, чтобы записывать, что со мною и около меня случится. Теперь еще только девятый час, утро прошло, как обыкновенно, без всякого замечательного происшествия, — увидим, чем кончится вечер? А пока совершенно нечего записать. А писать охота страшная. И перья есть очинённые. По милости ротного писаря я еще не чувствую своей утраты. А писать все-таки не о чем. А сатана так и шепчет на ухо:

— Пиши, что ни попало, ври, сколько душе угодно. Кто тебя станет поверять. И в шканечных журналах врут ^{3}, а в таком, в домашнем, и бог велел.

Если бы я свой журнал готовил для печати, то, чего доброго, пожалуй, и искусил бы лукавый враг истины, но я, как сказал поэт наш ^{4},

*Пишу не для мгновенной славы,
Для развлеченья, для забавы,
Для милых искренних друзей,
Для памяти минувших дней.*

Мне следовало бы начать свой журнал со времени посвящения моего в солдатский сан, сиречь с 1847 года. Теперь бы это была пре-

толстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшие грустные десять лет, я сердечно радуюсь, что мне не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что бы я записал в ней? Правда, в продолжение этих десяти лет я видел даром то, что не всякому и за деньги удастся видеть. Но как я смотрел на все это? Как арестант смотрит из тюремного решетчатого окна на веселый свадебный поезд. Одно воспоминание о прошедшем и виденном в продолжение этого времени приводит меня в трепет. А что же было бы, если бы я записал эту мрачную декорацию и бездушных грубых лицедеев, с которыми мне привелось разыгрывать эту мрачную, монотонную десятилетнюю драму? Мимо, пройдем мимо, минувшее мое, моя коварная память! Не возмутим сердца любящего друга недостойным воспоминанием, забудем и простим темных мучителей наших, как простил милосердный человеколюбец своих жестоких распинателей. Обратимся к светлому и тихому, как наш украинский осенний вечер, и запишем все виденное и слышанное и все, что сердце продиктует.

От второго мая получил я письмо из Петербурга от Михайла Лазаревского⁽⁵⁾ с приложением 75 рублей. Он извещает меня или, лучше, поздравляет с свободою. До сих пор, однакож, нет ничего из корпусного штаба, и я, в ожидании распоряжений помянутого штаба, собираю сведения о волжском пароходстве. Сюда приезжают иногда астраханские флотские офицеры (крейсера от рыбной экспедиции). Но это такие невежды и брехуны, что я, при всем моем желании, не могу до сих пор составить никакого понятия о волжском пароходстве. В статистических сведениях я не имею надобности, но мне хочется знать, как часто отходит пароход из Астрахани в Нижний-Новгород и какая цена местам для пассажиров. Но, увы! При всем моем старании я узнал только, что места разные и цена разная, а пароходы из Астрахани в Нижний ходят очень часто. Не правда ли, точные сведения?

Несмотря, однакож, на эти точные сведения, я уже успел (разумеется, в воображении) устроить свое путешествие по Волге уютно, спокойно и, главное, дешево. Пароход букси-

рует (одно-единственное верное сведение) несколько барок, или, как их называют, подчалок, до Нижнего-Новгорода с разным грузом. На одной из таких барок я думаю устроить свою временную квартиру и пролежать в ней до нижегородского дилижанса. Потом в Москву. А из Москвы, помолившись богу за Фультонову душу⁽⁶⁾, через 22 часа и в Питер. Не правда ли, яркая фантазия? Но на сегодня довольно.

Нынешний вечер ознаменован прибытием парохода из Астрахани. Но как событие сие совершилось довольно поздно, в девятом часу, то до следующего утра я не получу от него никаких известий. Важного ничего я и не ожидаю от астраханской почты. Вся переписка моя идет через Гурьев городок⁽⁷⁾. А через Астрахань я весьма редко получаю письма. Следовательно, мне от парохода ждать нечего. Не вздумает ли *батъко кошовый* Кухаренко⁽⁸⁾ написать мне? То-то бы одолжил меня старый черноморец. Замечательное явление между людьми этот истинно благородный человек. С 1847 года, по распоряжению высшего начальства, все друзья мои должны были

прекратить со мною всякое сношение. Кухаренко не знал о таком распоряжении. Но так же не знал и о моем местопребывании. И, будучи в Москве во время коронации депутатом от своего войска, познакомился со стариком Щепкиным и от него узнал о месте моего заключения. И, благороднейший друг! Написал мне самое искреннее, самое задушевное письмо. Через девять лет и не забыть друга, и еще в несчастьи друга. Это — редкое явление между себялюбивыми людьми. С этим же письмом, по случаю, как он пишет, по случаю получения им Станислава первой степени, прислал он мне, на поздравку, 25 рублей серебром. Для семейного и небогатого человека большая жертва. И я не знаю, чем и когда я ему воздам за эту искреннюю, нелицемерную жертву?

По случаю этого дружеского неожиданного приветствия я расположил было мое путешествие таким образом: через Кизляо и Ставрополь проехать в Екатеринодар прямо к Кухаренку. Насмотревшись досыта на его благородное, выразительное лицо, я думал проехать через Крым, Харьков, Полтаву, Киев — в

Минск, Несвиж и, наконец, в село *Чирковичи* и, обняв своего друга и товарища по заключению Бронислава Залесского⁽⁹⁾, через Вильно проехать в Петербург. План этот изменило письмо М. Лазаревского от 2 мая. Из письма этого я увидел, что мне, нигде не останавливаясь, нужно поспешить в Академию Художеств⁽¹⁰⁾ и облобызать руки и ноги графини Настасий Ивановны Толстой и ее великодушного супруга, графа Федора Петровича. Они единственные виновники моего избавления, им и первый поклон. Независимо от благодарности, этого требует простая вежливость. Вот главная причина, почему я, вместо ухарской тройки, выбрал тридцатидневное монотонное плавание по матушке по Волге. Но состоится ли оно, я этого еще наверное не знаю. Легко может случиться, что я еще, в хламиде поругания и с ранцем за плечами, попунтирую в Уральск в штаб батальона № 1. Всего еще можно ожидать. И потому не следует давать слишком много воли своему неугомонному воображению. Но утро вечера мудренее. Посмотрим, что завтра будет. Или, лучше сказать, что привезет гурьевская почта.

14 июня

Я что-то чересчур усердно и аккуратно взялся за свой журнал. Не знаю, долго ли продлится этот писательский жар? Как бы не сглазить. Если правду сказать, я не вижу большой надобности в этой пунктуальной аккуратности. А так — от нечего делать. На безделье и это рукоделье. Записному литератору или какому-нибудь поставщику фельетона, — тому необходима эта бездушная аккуратность как упражнение, как его насущный хлеб. Как инструмент виртуозу, как кисть живописцу, так литератору необходимо ежедневное упражнение пера. Так делают и гениальные писатели, так делают и пачкуны. Гениальные писатели потому, что это их призвание. А пачкуны потому, что они иначе себя и не воображают, как гениальными писателями. А то бы они и пера в руки не брали.

Какое же казусное событие запишу я сегодня? А вот какое. Вчерашний пароход разрешился порядочным мешком целковых и арапчиков^[11]. Это третное жалованье гарнизона. Офицеры сегодня же его и получили и сегодня же отнесли его Попову (маркитанту) и

спиртомеру (целовальнику), а остальное тоже отослали к спиртомеру и начали кутить или, вернее, пьянствовать. Завтра выдадут жалованье солдатам, и солдаты тоже начнут кутить, то есть пьянствовать. И это продлится несколько дней сряду. И кончится как солдатская, так и офицерская попойка дракой и, наконец, курятником, то есть гауптвахтой.

Солдаты — самое бедное, самое жалкое словие⁽¹²⁾ в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, — одним словом, все. Ему простительно окунуть иногда свою сирую, одинокую душу в полштофе сивухи. Но офицеры, которым отдано всё, все человеческие права и привилегии, чем же они разнятся от бедняка солдата? (Я говорю о Ново-петровском гарнизоне.) Ничем они, бедные, не разнятся, кроме мундира. И добро бы еще были так называемые старые *бурбоны*. А то ведь юноши и воспитанники кадетских корпусов. Хорошо должно быть воспитание? Бесчеловечное воспитание. Зато дешевое. А главное, скорое. Восемнадцатилетний юноша уж он офицер. Восторг и загляденье матери и

опора дряхлого отца. Жалкая мать и глупый отец.

Кажется, Казак Луганский написал книгу^{13} под заглавием «Солдатские досуги». Заглавие ложное. У русского солдата досуга не имеется. А если же солдат и встречается с ним иногда, то непременно в кабаке. Какая же, спрашивается, была цель прославленного сочинителя писать подобные досуги? И что нравственно-го в подобных досугах, если они написаны с натуры (я книги не читал)? А если же это просто сочинение, то есть фантазия, то опять — какая цель подобной фантазии? А не лучше ли бы сделал почтеннейший автор сих ненужных фантастических досугов, если б написал истинные досуги линейных, армейских и даже гвардейских молодых офицеров. Этим он оказал бы величайшую услугу чадолюбивым и эполетолюбивым родителям.

15 [июня]

Что же я сегодня занесу в свой журнал? Совершенно нечего занести. А ни-ни, ничего хоть сколько-нибудь выходящего из круга обыденной монотонной жизни. Сегодня поутру начал я рисовать портрет г. Бажанова^{14},

черным и белым карандашом, в киргизской кибитке на огороде. Прекрасное освещение. И я с охотой принялся за работу. Черт принес приятельницу — помешала. Я закрыл портфель и вышел из кибитки. Скромная приятельница не утерпела, взглянула одним глазком на мою работу и нашла решительное сходство, если бы рот и нос поменьше. И, не удовольствовавшись собственным замечанием, спросила мнения у горничной и у своего фаворита Молчалина А. Это меня решительно взбесило, и я, не простившись, ушел в укрепление. В укреплении видел пьяную официю и выслушал историю о том, как вчерашнего числа раскроил лоб чубуком тесть своему будущему зятю Чарцу, тоже по случаю жалованья. Солдатам выдавали жалованье. Мне тоже выдали. Я передал его своему еще трезвому дядьке и велел ему сшить из подкладочного холста торбу для дороги. Потом зашел к Мостовскому⁽¹⁵⁾, выслушал в другой раз историю (с некоторыми прибавлениями) о будущем тесте и зяте, выпил рюмку водки и возвратился на огород. Обедал, после обеда, по доброму обычаю предков, заснул часика два, и тем

кончилось 15 число июня. О вечере совершенно нечего написать.

16 [июня]

Сегодня воскресенье. Я ночевал на огороде. Поутру был в укреплении. Дождь (весьма редкое явление) помешал мне возвратиться на огород, и я остался обедать у Мостовского. Мостовский один-единственный человек во всем гарнизоне, которого я люблю и уважаю. Человек не сплетня, не верхогляд, человек аккуратный, положительный и в высокой степени благородный. Говорит плохо по-русски, но русский язык знает лучше воспитанников Неплюевского корпуса. Во время восстания поляков в 1830 году служил он в артиллерии бывшей польской армии и из военнопленных зачислен был рядовым в русскую службу. Я много от него слышал чрезвычайно интересных подробностей о революции 1830 года. Достоин замечания то, что поляк рассказывает о собственных подвигах и неудачах без малейших украшений: редкая черта в военном человеке, тем более — в поляке. Одним словом, Мостовский — человек, с которым можно жить, несмотря на сухость и прозаич-

ность его характера.

Сегодня же милейшая миледи Мешкова сообщила мне, впрочем не по секрету, со всеми подробностями, историю о побоище, происшедшем между будущим тестем и будущим зятем. Из этой истории можно бы выкроить водевиль, разумеется, водевиль для здешней публики. Назвать его можно «Свадебный подарок, или недошитая кофта». Дело вот в чем. Жених в прошедшем месяце отправился в Астрахань купить свадебные подарки для своей невесты. Для этой милой необходимости взял он у своего будущего тестя, такого же голыша, как и сам, последние крохи с тем, чтобы при получении жалованья возвратить эти крохи. Хорошо. Жених возвращается из Астрахани и отдает унтер-офицерше Петровой сшить для своей невесты ситцевое платье и коленкоровую кофту. Хорошо. Унтер-офицерша шьет, а между тем получается на гарнизон жалованье. Но, увы! Несчастному жениху выдают на руки всего-навсего два с половиной, а все остальное удержано в батальоне по его же собственным распискам. Но герой, как ни в чем не бывало, посылает своего вер-

ного раба Григория к спиртомеру за четвертью полугару и с торжествующей физиономией, сопровождаемый Григорием с четвертью в руках, отправляется к будущему тестю. Начинается поздравка с получением жалованья. Но, увы! И на старуху бывает проруха. Бедный жених слишком увлекся будущим счастьем и в жару мечтаний проговорился, что он получил жалованья всего-навсего только два с полтиной. Разочарованный будущий тесть тоже в жару негодования хватил своего милого зятяка чубуком по лбу, да так хватил ловко, что кровь полилась с благородного чела. Но чтобы не показать соседям, что между ними вышло контро, они принялись вдвоем бить собаку. Бедная собака! Но этим дело не кончилось. Догадливый раненый герой бежит к портнихе, но, увы, платье уже отдано невесте, осталась только недошитая кофта; он отбирает у портнихи этот неоконченный предмет и закладывает еврейчику солдату за две чары водки. Премиленький и назидательный мог бы выкроиться водевильчик.

И это гнусное происшествие — не выходящее из круга обыкновенных происшествий в

Новопетровском укреплении. И я в этом омуте, среди этого нравственного безобразия седьмой год уже кончаю. Страшно! Теперь, когда уже узнали о моем освобождении, то ближайшие мои начальники — фельдфебель и ротный командир, не увольняя меня от ученья и караула, позволили мне свободные часы от службы проводить на огороде, за что я им сердечно благодарен. На огороде или в саду — летняя резиденция нашей комендантши, и все свободное время теперь я провожу в ее семействе: у нее двое миленьких детей, Наташенька и Наденька, и это единственный мой отдых и рассеяние в этом отвратительном захолустье.

17 [июня]

Сегодня, в четвертом часу утра, пришел я на огород¹⁶¹. Утро было тихое, прекрасное. Иволги и ласточки нарушали изредка только сонную и сладкую тишину утра. С некоторого времени, с тех пор как мне позволено уединяться, я чрезвычайно полюбил уединение. Милое уединение! Ничего не может быть в жизни слаще, очаровательнее уединения. Особенно перед лицом улыбающейся, цветущей

щей красавицы матери природы. Под ее сладким, волшебным обаянием человек невольно погружается сам в себя и видит бога на земле, как говорит поэт⁽¹⁷⁾. Я и прежде не любил шумной деятельности, или, лучше сказать, шумного безделья. Но после десятилетней казарменной жизни уединение мне кажется настоящим раем. А я все-таки не могу ни за что приняться. Ни малейшей охоты к труду. Сижую или лежу молча по целым часам под моею любимую вербою, и хоть бы на смех что-нибудь шевельнулося в воображении. Таки совершенно ничего. Настоящий застой. И это томительное состояние началось у меня с 7 апреля, то есть со дня получения письма от М. Лазаревского. Свобода и дорога меня совершенно поглотили. Спасибо еще Кулишу, что догадался прислать книг⁽¹⁸⁾, а то я не знал бы, что с собою делать. В особенности благодарен я ему за «Записки о Южной Руси». Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мне так живо, так волшебно живо напомнила мою прекрасную бедную Украину, что я как будто с живыми беседую с ее *слипыми лирниками* и *кобзарями*. Прекраснейший, благороднейший

труд. Бриллиант в современной исторической литературе. Пошли тебе господи, дружеской искренний, силу, любовь и терпение продолжать эту неоцененную книгу. Прочитавши в первый раз эту алмазную книгу, я дерзнул было делать замечания, но когда прочитал в другой и в третий раз, то увидел, что заметки мои — заметки пьяного человека и ничего больше. Кроме Субботова, то есть насчет места бывшего дома Богдана Хмельницкого. Но такое ничтожное пятнышко не должно быть замечаяемо на драгоценной ткани. Я обещал, начитавшись до отвала этой книги, послать ее Кухаренку, и теперь жалею, что обещал. Во-первых, потому, что я ее никогда не начитаюсь до отвала. А, во-вторых, потому, что поля книги испачканы нелепыми замечаниями. Даст бог, я ему из Петербурга вышлю чистенький экземпляр.

Вчерашний водевиль кончился, как и следовало ожидать, сегодня миром и гомерической попойкой с песельниками. Интересно знать, чем кончится свадьба. Вероятно дракой.

18 [июня]

Сегодня я, как и вчера, точно так же рано пришел на огород. Долго лежал под вербою, слушал иволгу и, наконец, заснул. Видел во сне Межигорского Спаса^{19}, Дзвонковую криницу^{20} и потом Выдубецкий монастырь^{21}. А потом — Петербург и свою милую Академию. С недавнего времени мне начали грезиться во сне знакомые, давно невиданные предметы. Скоро ли увижу все это я наяву? Сновидение имело на меня прекрасное влияние в продолжение всего дня, а тем более, что сегодня гурьевскую, то есть оренбургскую, почту ожидали. К вечеру действительно почта пришла, но ни мне, ни обо мне ничего не привезла. Опять я спустил нос на квинту. Опять тоска и бесконечное ожидание. Неужели от 16 апреля до сих пор не могли сделать в корпусном штабе насчет меня распоряжения? Холодные, равнодушные тираны! Вечером возвратился я в укрепление и получил приказание от фельдфебеля готовиться к смотру. Это результаты давно ожидаемой почты и с таким трепетом ожидаемой свободы. Тяжело, невыразимо тяжело! Я одурею, наконец, от этого бесконечного ожидания.

Как быстро и горячо исполняется приказание арестовать. Так, напротив, вяло и холодно исполняется приказание освободить. А воля одного и того же лица. Исполнители одни и те же. Отчего же эта разница? В 1847 году, в этом месяце, меня на седьмые сутки доставили ^{22}из Петербурга в Оренбург. А теперь дай бог на седьмой месяц получить от какого-нибудь батальонного командира приказание отобрать от меня казенные вещи и прекратить содержание. Форма. Но я не возьму себе в толк этой бесчеловечной формы.

19 [июня]

Вчера ушел пароход в Гурьев и привезет оттуда вторую роту и самого батальонного командира, а по случаю прибытия сюда этой важной особы остающаяся здесь рота, к которой принадлежу и я, готовится к смотру. Для этого важного грядущего события мне сегодня пригоняли амуницию. Какое гнусное грядущее важное событие! Какая бесконечная и отвратительная эта пригонка амуниции! Неужели и это еще не в последний раз меня выведут на площадь, как бессловесное животное, напоказ? Позор и унижение! Трудно, тя-

жело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать на вытяжку, слушать команды и двигаться, как бездушная машина. И это единственный, опытом доказанный способ убивать разом тысячу себе подобных. Гениальное изобретение! Делающее честь и христианству и просвещению.

Странно, что даже благоразумные люди, как, например, наш лекарь Никольский^[23], любят посмотреть, как вытягивает носок посиневший от напряжения человек. Не понимаю этого нечеловеческого наслаждения. А наш почтенный Гиппократ, несмотря на зной и холод, целые часы просиживает у калитки и любит унижением себе подобного. Палачты, как видно, по призванию и только по названию лекарь.

В детстве, сколько я помню, меня не занимали солдаты, как это обыкновенно бывает с детьми. Когда же я начал приходить в возраст разума вещей, во мне зародилась неодолимая антипатия к христоролюбивому воинству. Антипатия усиливалась по мере столкновения моего с людьми сего христоролюбивого звания. Не знаю, случай ли, или оно так есть

в самой вещи, только мне не удалось, даже в гвардии, встретить порядочного человека в мундире. Если трезвый, то непременно невежда и хвастунишка. Если же хоть с малой искрою разума и света, то также хвастунишка и вдобавок пьяница, мот и распутник. Естественно, что антипатия моя возросла до отвращения. И нужно же было коварной судьбе моей так ядовито, злобно посмеяться надо мною, толкнув меня в самый вонючий осадок этого христоролюбивого сословия. Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный оренбургский корпус солдатом. Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнята благороднейшая часть моего бедного существования! Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора. А бездушные исполнители приговора исполнили его с возмутительною точностью.

Август-язычник, ссылая Назона^{24} к диким гетам, не запретил ему *писать* и *рисовать*. А

христианин Н[иколай] запретил мне то и другое. Оба палачи. Но один из них палач-христианин, и христианин девятнадцатого века, в глазах которого выросло огромное государство в мире, выросло на началах христовой заповеди. Флорентийская республика — полудикая, исступленная средневековая христианка, но все-таки, как материальная христианка, она поступила с своим строптивым гражданином Дантом Алигиери^[25]. Боже меня сохрани от всякого сравнения себя с этими великомучениками и светочами человечества. Я только сравниваю материального, грубого язычника и полуозаренную средневековую христианку с христианином девятнадцатого века.

Не знаю наверное, чему я обязан, что меня в продолжение десяти лет не возвели даже в чин унтер-офицера. Упорной ли антипатии, которую я питаю к сему привилегированному сословию? Или своему невозмутимому хохлацкому упрямству? И тому и другому, кажется. В незабвенный день объявления мне конфирмации я сказал себе, что из меня не сделают солдата. Так и не сделали. Я не только глу-

боко, даже и поверхностно не изучил ни одного ружейного приема. И это льстит моему самолюбию. Ребячество, и ничего больше. Майор Мешков^[26], желая задеть меня за живое, сказал однажды мне, что я, когда буду офицером, то не буду уметь в порядочную гостиную войти, если не выучусь, как следует бравому солдату, вытягивать носка. Меня, однакож, это не задело за живое. И бравый солдат мне казался менее осла похожим на человека. Почему я и мысли боялся быть похожим на бравого солдата.

Вторая и не менее важная причина моего неповышения. Бездушному сатрапу и наперснику царя^[27] пригрезилось, что я освобожден от крепостного состояния и воспитан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру своего благодетеля. Так пускай, дескать, казнится неблагодарный. Откуда эта нелепая басня^[28] — не знаю. Знаю только, что она мне не дешево обошлась. Надо думать, что басня эта сплелась на конфирмации, где в заключении приговора сказано: «*Строжайше запретить писать и рисовать*». Писать запрещено за возмутительные стихи на малорос-

сийском языке. А рисовать — и сам верховный судья не знает, за что запрещено. А просвещенный блюститель царских повелений непоясненное в приговоре сам пояснил, да и прихлопнул меня своим бездушным всемогуществом. Холодное, развращенное сердце. И этот гнилой старый развратник пользуется здесь славою щедрого и великодушного благодетеля края. Как близоруки или, лучше сказать, как подлы эти гнусные славельщики. Сатрап грабит вверенный ему край и дарит своим распутным прелестницам десятитысячные фермуары, а они прославляют его щедрость и благодеяния. Мерзавцы!

20 [июня]

Сегодня рота придет в Гурьев, а по случаю полноводия в Урале она пройдет прямо на Стрелецкую косу и сегодня же сядет на пароход. Завтра рано пароход подымет якорь и послезавтра высадит роту в Новопетровской гавани. Держись, наша официя! Гроза, гроза ужасная близится. Батальонный командир, подобно тучегонителю Крониону⁽²⁹⁾, грядет на тебя во облаце мрачне, в том числе и на нас бессловесных. В ожидании сего грозного су-

дии и карателя пропившиеся до снаги блажат и умоляют эскулапа выдумать и форменно засвидетельствовать их небывалые немощи душевные и телесные, и паче душевные, и тем спасти их от праведного суда громоносного Крониона. Но мрачный эскулап неумолим. И только нашего брата солдата, также пропившегося до снаги и не имеющего в чем явиться пред лицо отца-командира, Никольский кладет на койки и приписывает слабительное. Непопулярный эскулап наш намерен сделать-ся популярным коновалом. Сегодня не без видимого удовольствия сказал смотритель полугоспиталя, что на его попечение, то есть продовольствие, прибыло семнадцать жильцов. Следовательно, рубль семь гривен в продолжение суток в кармане, не считая отопления и освещения. Не здесь ли скрывается и причина великодушия нашего эскулапа? Шепнуть разве Нагаеву⁽³⁰⁾ и другим, чающим и не могущим вымолить защиты у жестокосердого эскулапа.

К добру ли это я так сегодня расфантазировался? В прежние годы, в эти истинно критические дни, со мною этого не было. Не было,

однакоже, и того, не в похвалу будь сказано, чтобы я прятался под кровом стонов и воздыханий. В этом случае я никогда не искал медицинского пособия. С трепетным замиранием сердца я всегда фабрил усы, облачался в бронь и являлся пред хмельно-багровое лицо отца-командира сдать экзамен в пунктах, ружейных приемах и в заключение выслушать глупейшее и длиннейшее наставление о том, как должен вести себя бравый солдат и за что он обязан любить бога, царя и своих ближайших начальников, начиная с дядьки и капрального ефрейтора.

Смешно. Потому смешно, что я освоился с этим отвратительным спектаклем. Но каково было прежде, когда я не умел, а должен был похоронить в самом себе всякое человеческое чувство, сделаться бездушным автоматом и слушать молча, не краснея и не бледнея, слушать нравственное назидание от грабителя и кровопийцы. Нет, тогда это не было смешно. Гнусно! Отвратительно! Дождусь ли я тех блаженных дней, когда из памяти моей испарится это нравственное безобразие? Не думаю, потому что медленно и глубоко врезывалось

В нее это безобразие.

Странно еще вот что. Все это неисповедимое горе, все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня. Малейшего следа не оставили по себе. Опыт, говорят, есть лучший наш учитель. Но горький опыт прошел мимо меня невидимкою. Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. Хорошо ли это? Хорошо. По крайней мере мне так кажется. И я от глубины души благодарю моего всемогущего создателя, что он не допустил ужасному опыту коснуться своими железными когтями моих убеждений, моих младенчески светлых верований. Некоторые вещи просветлели, округлились, приняли более естественный размер и образ. Но это следствие невозмутимо летущего старика Сатурна^{31}, а никак не следствие горького опыта.

Получивши от Кухаренка письмо с приложением 25 рублей, значит, с приложением весьма вещественным, я отблагодарил его письмом же, со вложением собственного почлиция, и вторым письмом, со вложением еще

менее вещественным. Со вложением небывалого рассказа мнимого варнака, под названием «Москалева криница»^{32}. Я написал его вскоре по получении письма от батька-атамана кошового. Стихи оказались почти одной доброты с прежними моими стихами. Немного упруже и отрывистее. Но это ничего; даст бог, вырвуся на свободу, и они у меня потекут плавнее, свободнее, и проще, и веселее. Дождусь ли я этой хромой волшебницы свободы?

21 [июня]

*Вперед, вперед, моя история,
Лицо нас новое зовет.*^{33}

У кого что болит, тот о том и говорит. Сегодня вечером, возвращаясь из огорода в укрепление вместе с комендантом, он мне в сотый раз повторил со всевозможными подробностями историю о коварном друге своем, некоем полковнике Киреевском^{34}. Полковник этот Киреевский, как видно, птица высшего полета, а по словам коменданта, настоящий аристократ. А что он птица высокого полета, это я заключаю по тому, что он служил чиновником особых поручений при графе В. А.

Перовском и был с ним в весьма близких отношениях. Следовательно, это не какая-нибудь шваль, а человек с достоинством. Потому что такой вельможа, как граф Перовский, какую-нибудь шваль к себе и в прихожую не допустит. А следующее дело показывает, что граф Перовский весьма неразборчив на своих приближенных и приближает к своей высокой персоне именно шваль. Да еще какую шваль? Самую грязную, кабашную шваль, прикрытую полковничьим мундиром и 600-ми крепостных душ.

История такого содержания Ираклий Александрович Усков (наш комендант), будучи хорошо знаком в Оренбурге с помянутым полковником и аристократом Киреевским, просил его, когда он выехал в Петербург, просил он его и лично и письмом из Новопетровского укрепления, как в некотором роде химика и знатока фотографического дела, просил выслать из Петербурга камеру со всем необходимым для фотографии. Киреевский изъявил (тоже письмом) самую обязательную готовность услужить другу. И потребовал на эту услугу 350 рублей серебром. Деньги тотчас же

были посланы (в сентябре прошлого года). Получено также весьма дружеское письмо о получении этой суммы, с означением месяца и даже числа, в которое непременно получится помянутая камера с прибором и со всеми необходимыми химическими солями. Тем все и кончилось. Благородный, обязательный друг как в воду канул. Ираклий Александрович между бесконечными предположениями решил, что друг его отправился на пароходе Харона прогуляться в Елисейском парке. Другой причины его молчания и подозревать нельзя. Но чтобы убедиться в этой непреложной истине, я написал, по просьбе Ираклия Александровича, в Петербург приятелю своему Марковичу^[35], чтобы он разведал и сообщил мне, что случилось с таким-то полковником Киреевским. От Марковича еще известия не получено. А из «Русского инвалида» видно, что обязательный друг мая 16 выехал из Петербурга в Москву. А из Оренбурга уведомляют коменданта, что полковник Киреевский принят новым генерал-губернатором Катениным^[36] тоже в чиновники по особым поручениям, но по домашним обстоятельствам по-

дал в отставку. Из всего этого оказывается, что помещик 600 душ крестьян, аристократ, наперсник графа Перовского, наконец, полковник Киреевский — подлец и негоднейшая тряпка.

Ираклий Александрович дает мне форменную доверенность получить обратно от Киреевского эти деньги; я охотно готов услужить ему, если не удастся добром и миром, то, делать нечего, бесконечными стезями закона. Во всяком случае я буду очень рад, если удастся мне эта сомнительная операция.

Сегодняшним же числом мне хочется записать или, как зоологи выражаются, определить еще одно отвратительное насекомое. Но как бы не напичкать мой журнал этой негодной тварью до того, что и порядочному животному в нем места не останется. А впрочем, ничего, это миниатюрное насекомое места немного требует. Это — двадцатилетний юноша. Сын статского советника Порциенка. Следовательно, тоже птица не низкого полета.

25 [июня]

Только что успел я написать «Следовательно, тоже птица не мелкого полета», как разда-

лось во всех концах огорода слово *пароход*. Я, разумеется, бросил свое писание и побежал в крепость. С пароходом я ожидал оренбургской почты, а с почтой и свободы. Вышло, однакож, совершенно противное тому, чего я ожидал. Пароход почты не привез, а следовательно, и волшебного, очаровательного слова. А вместо одного слова привез дело в виде рыжей, весьма непривлекательной персоны, то есть привез батальонного командира, первым делом которого было обегать казармы, надавать зубочисток фельдфебелям и прочим нижним чинам, даже до профоса^[37]. А ротным командирам и прочей официи, смотря по лицу и образу жизни, — приличное родительское наставление. И после этого нежного, грациозного вступления назначен был формальный смотр той несчастной роте, к которой и я имею несчастье принадлежать. Бедная рота всю ночь готовилась к этому истинно страшному суду и в пять часов утра 23 июня, умытая, причесанная, нафабренная, выстроилась на полянке, точно игрушка, вырезанная из картона. От 5-ти и до 7-ми часов, в ожидании судии праведного, рота равнялась. В 7 часов

явился во всем своем грозном величии сам судия и испытывал или, лучше сказать, пытал ее, несчастную, ровно до 10-ти часов. В заключение спектакля спросил претензию, ругнул в общих выражениях, посулил суд и розги и даже зеленую аллею, то есть шпицрутены. Для всех гроза прошла, а для меня она еще только собиралась. В числе прочих подтвержденных должен был и я предстать после обеда, в 5 часов, на вторичное, и еще горшее, испытание. К этому вторичному испытанию я готовился довольно равнодушно, как человек, вполнину свободный. Но когда предстал пред неумолимого экзаминатора, куда что девалось! Ниже малейшей тени, ничего похожего на человека, вполнину свободного, во мне не осталось. Та же самая мучительная холодная дрожь пробежала по моему существу. То же самое, что и в прежние годы, чувство — нет, не чувство, а мертвое бесчувствие — охватило меня при взгляде на эту деревянную выкрашенную фигуру. Одним словом, я превратился в ничто. Не знаю, на всех ли так сильно действует антипатия, как на меня? Экзамен повторился слово в слово,

как и десять лет тому назад, четверти буквы ни прибавлено, ни убавлено. Зато и я ни на йоту не подвинулся на поприще военного просвещения: упорство обоюдное и невозмутимое. По примеру прежних годов, экзаминатор и блюститель нравственности спросил нас по ранжиру, кто и за что удостоился нести сладкую сердцу обязанность солдата.

— Ты за что? — спросил он у первого.

— За утрату казенных денег, ваше высокоблагородие.

— Да, знаю, ты неосторожно загнул угол. Надеюсь, вперед не будешь гнуть углы, — сказал он насмешливо и оборотился к следующему.

— А ты за что?

— По воле родительницы, ваше высокоблагородие.

— Хорошо. Надеюсь, вперед не будешь и... — и обратился к следующему.

— Ты за что?

— За буйные поступки, ваше высокоблагородие.

— Хорошо. Надеюсь, вперед... и...

— Ты за что? — спросил он у следующего.

— По воле родителя, ваше высокоблагородие.

— Надеюсь... а ты за что? — спросил он, обращаясь ко мне.

— За сочинение возмутительных стихов, ваше высокоблагородие.

— Надеюсь, вперед не будешь...

— А ты за что, за что? — спросил он у последнего.

Последний отвечал, что тоже по воле родительницы, и, не выслушавши последнего, он обратил к нам сильную, назидательную речь, замкнувшуюся весьма новой истиной, что за богом молитва, а за царем служба не пропадают.

В заключение церемонии спросил он у ротного командира, почему Порциенко⁽³⁸⁾ не явился на испытание. На что тот отвечал, что Порциенко болен, то есть пьян, и находится под сохранением у свинопаса. Все эти подтвержденные, так называемые господа дворяне, с которыми я теперь представлялся пред лицо отца-командира, все они — люди замечательные по своим нравственным качествам, но последний субъект, под названием

Порциенко, всех их перещеголял. Все их отвратительные пороки вместил в своей подлой двадцатилетней особе. Странное и непонятное для меня явление этот отвратительный юноша. Где и когда успел он так глубоко заразиться всеми гнусными нравственными болезнями? Нет мерзости, низости, на которую бы он не был способен. Романы Сю^{39} со своими отвратительными героями — пошлые куклы перед этим двадцатилетним извергом. И это сын статского советника, следовательно, нельзя предполагать, чтобы не было средств дать ему не какое-нибудь, а порядочное воспитание. И что же? Никакого. Хорошо должен быть и статский советник. Да и вообще должны быть хороши отцы и матери, отдающие детей своих в солдаты на исправление. И для чего, наконец, попечительное правительство наше берет на себя эту неудобоисполнимую обязанность? Оно своей неуместной опекой растлевает нравственность простого хорошего солдата и ничего больше. Рабочий дом, тюрьма, кандалы, кнут и неисходимая Сибирь — вот место для этих безобразных животных, но никак не солдатские ка-

зармы, в которых и без них много всякой сволочи. А самое лучшее — предоставить их попечению нежных родителей, пускай спотешаются на старости лет своим собственным произведением. Разумеется, до первого криминального проступка, а потом отдавать прямо в руки палача.

До прибытия моего в Орскую крепость я и не воображал о существовании этих гнусных исчадий нашего православного общества. И первый этого разбора мерзавец меня поразили своим зловредным существованием. Особенно, когда мне сказали, что он тоже несчастный, такой же, как и я, разжалованный и, следовательно, мой товарищ по званию и по квартире, то есть по казармам. Слово *несчастный* имело для меня всегда трогательное значение, пока я его не услышал в Орской крепости. Там оно для меня опошлело, и я до сих пор не могу вернуть ему прежнего значения. Потому что я до сих пор вижу только мерзавцев под фирмою несчастных.

По распоряжению бывшего генерал-губернатора, довольно видного политика Обручева^{40}, я имел случай просидеть под арестом в од-

ном каземате с колодниками и даже с клейменными каторжниками, и нашел, что этим заклеянным злодеям слово *несчастный* более к лицу, нежели этим растленным сыновьям безличных эгоистов родителей.

26 [июня]

Два дня уже прошло, как выехал от нас отец-командир наш, но я все еще не могу освободиться от тяжелого влияния, наведенного его коротким присутствием. Этот отвратительный смотр так плотно притиснул мои блестящие розовые предположения, так меня обескуражил, что если бы не Лазаревского письмо у меня в руках, то я бы совсем обессилил под гнетом этого тяжелого впечатления. Но слава богу, что у меня есть этот неоцененный документ; значит, у меня есть канва, по которой я могу выводить самые прихотливые, самые затейливые арабески.

Надеждою живут ничтожные умы^{41}, сказал покойник Гете. И покойный мудрец сказал истину вполовину. Надежда свойственна и мелким, и крупным, и даже самым материальным положительным умам. Это наша самая нежная, постоянная, до гробовой доски

неизменная нянька-любовница. Она, прекрасная, и всемогущего царя, и мирового мудреца, и бедного пахаря, и меня, мизерного, постоянно лелеет доверчивое воображение и убаюкивает недоверчивый ум своими волшебными сказками, в которые всякий из нас так охотно верит. Я не говорю — безотчетно. Тот действительно ничтожный ум, который верит, что на вербе вырастут груши. Но почему же не верить мне, что я хотя к зиме, но непременно буду в Петербурге, увижу милые моему сердцу лица, увижу мою прекрасную Академию, Эрмитаж, еще мною не виданный ^[42], услышу волшебницу оперу. О, как сладко, как невыразимо сладко веровать в это прекрасное будущее. Я был бы равнодушный, холодный атеист, если бы не верил в этого прекрасного бога, в эту очаровательную надежду.

Материальное свое существование я предполагаю устроить так, разумеется, с помощью друзей моих. О живописи мне теперь и думать нечего. Это было бы похоже на веру, что на вербе вырастут груши. Я и прежде не был даже и посредственным живописцем. А теперь и подавно. Десять лет неупражнения в

состоянии сделать и из великого виртуоза самого обыкновенного кабашного балалаешника. Следовательно, о живописи мне и думать нечего. А я думаю посвятить себя безраздельно гравюре акватинта. Для этого я полагаю ограничить свое материальное существование до крайней возможности и упорно заниматься этим искусством. А в промежутке времени делать рисунки сепиею с знаменитых произведений живописи, рисунки для будущих эстампов. Для этого, я думаю, достаточно будет двух лет прилежного занятия. Потом уеду на дешевый хлеб в мою милую Малороссию и примусь за исполнение эстампов, и первым эстампом моим будет «Казарма» с картины Теньера^[43]. С картины, про которую говорил незабвенный учитель мой, великий Карл Брюллов, что можно приехать из Америки, чтобы взглянуть на это дивное произведение. Словам великого Брюulloва в этом деле можно верить.

Из всех изящных искусств мне теперь более всего нравится гравюра^[44]. И не без основания. Быть хорошим гравером, значит быть распространителем прекрасного и поучи-

тельного в обществе. Значит быть распространителем света истины. Значит быть полезным людям и угодным богу. Прекраснейшее, благороднейшее призвание гравера. Сколько изящнейших произведений, доступных только богачам, коптилось бы в мрачных галереях без твоего чудотворного резца? Божественное призвание гравера!

Кроме копий с мастерских произведений, я думаю со временем выпустить в свет, в гравюре акватинта, и собственное чадо — «Притчу о блудном сыне»⁽⁴⁵⁾, приноровленную к современным нравам купеческого сословия. Я разделил эту поучительную притчу на двенадцать рисунков, они уже почти все сделаны на бумаге. Но над ними еще долго и прилежно нужно работать, чтобы привести их в состояние, в котором они могут быть переданы меди. Общая мысль довольно удачно приноровлена к грубому нашему купечеству. Но исполнение ее оказалось для меня не по силе. Нужна ловкая, меткая, верная, а главное — не карикатурная, скорей драматический сарказм, нежели насмешка. А для этого нужно прилежно поработать. И с людьми сведущи-

ми посоветоваться. Жаль, что покойник Федотов^[46] не наткнулся на эту богатую идею, он бы из нее выработал изящнейшую сатиру в лицах для нашего темного полутатарского купечества.

Мне кажется, что для нашего времени и для нашего среднего полуграмотного сословия необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, например, как «Жених» Федотова или «Свои люди — сочтемся» Островского^[47] и «Ревизор» Гоголя^[48]. Наше юное среднее общество, подобно ленивому школьнику, на складах остановилось и без понуканья учителя не хочет и не может перешагнуть через эту бестолковую *тму-мну*. На пороки и недостатки нашего высшего общества не стоит обращать внимания. Во-первых, по малочисленности этого общества, а во-вторых, по застарелости нравственных недугов, а застарелые болезни если и излечиваются, то только героическими средствами. Кроткий способ сатиры тут недействителен. Да и имеет ли какое-нибудь значение наше маленькое высшее общество в смысле национальности? Кажется, никакого. А средний класс — это

огромная и, к несчастью, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце нашей национальности, ему-то и необходима теперь не суздальская лубочная притча о блудном сыне, а благородная, изящная и меткая сатира. Я считал бы себя счастливейшим в мире человеком, если бы удался мне так искренно, чистосердечно задуманный мой бессознательный негодяй, мой блудный сын.

Свежо предание, а верится с трудом. Мне здесь года два тому назад говорил Н. Данилевский⁽⁴⁹⁾, человек, стоящий веры, что будто бы комедия Островского «Свои люди — сочтемся» запрещена на сцене по просьбе московского купечества. Если это правда, то сатира, как нельзя более, достигла своей цели. Но я не могу понять, что за расчет правительства покровительствовать невежеству и мошенничеству. Странная мера!

27 [июня]

От купечества перехожу к офицерству. Переход не резкий, даже гармонический. Эта привилегированная каста также принадлежит среднему сословию. С той только разницею, что купец вежливее офицера. Он офице-

ра называет: вы, ваше благородие. А офицер его называет: эй ты, борода! Их, однакож, несколько не разъединяет это наружное разъединение, потому что они по воспитанию родные братья. Разница только та, что офицер вольтерьянец, а купец — старовер. А в сущности одно и то же.

Сегодня к вечеру появились комары на огороде, и я, чтобы избавиться от этих несносных насекомых, ушел на ночь в укрепление. Но, увы! Неумолимая Немезида преследует меня на каждом шагу. Избегая комаров, я наткнулся на шмелей. С подобающим почтением проходя мимо офицерского флигеля, я услышав новую для меня песню, начинающуюся так:

*Коврики на коврики
И шатрики на шатрики.*

Далее я ничего не мог расслышать потому, что певец слишком густо забасил и потому, что пьяный Кампиньони, инженерный офицер и отчаянный пьяница, выбежал на площадь, не знаю, для какой надобности, и, увидя меня, вздумал оказать мне небольшую

услугу, покровительство, познакомив меня с вновь прибывшими офицерами, с лихими ребятами, по его выражению. Для этого схватил он меня за рукав и потащил в коридор. Вновь прибывшие лихие ребята сидели и лежали в одних красных рубахах на разостланной кошме, и перед ними красовалась полуведерная бутылка сивухи. Живая сцена из «Двумужницы» князя Шаховского⁽⁵⁰⁾. Я, чтобы не дополнить собою группы волжских разбойников, вырвался из объятий покровителя и выбежал на площадь. Покровитель выбежал за мною, закричал дежурного унтер-офицера по роте и велел взять меня на гауптвахту за лично нанесенную дерзость офицеру. Приказание офицерское было исполнено в точности. После пробития зори дежурный по караулам доложил коменданту о вновь прибывшем арестанте, и комендант сказал: «Пускай проспится». Итак, я, избегая кровопийц комаров, отдан был на терзание клопам и блохам. Как после этого не верить в предопределение?

Сегодня новый дежурный по караулам разъяснил темное происшествие коменданту, и я милостиво освобожден от беспощадных

инквизиторов. Записывая в журнал эту весьма обыкновенную в моем положении трагическую шутку, я в глубине души прощаю моих гонителей и только молю всемогущего бога избавить скорее от этих получеловеков.

Сегодня ожидают пароход с почтой из Гурьева. И никто его не ожидает с таким трепетным нетерпением, как я. Что, если не привезет он мне так долго ожидаемой свободы? Что я тогда буду делать? Придется, во избежание гауптвахты с блохами и клопами, знакомиться со вновь прибывшими офицерами и, в ожидании будущих благ, пьянствовать с ними. Мрачная, отвратительная перспектива! А если, паче чаяния, привезет эту ленивую колдунью свободу? О, какая радостная, какая светлая перспектива! Иду в укрепление и на всякий случай упакую в *чувал* (торбу) мою мизерию, авось либо и совершится.

28 [июня]

Совершилось, только совершенно не то, чего я ожидал. А совершилась мерзость, которую нельзя было предполагать даже в совершителе ее, мерзавце Кампиньони. Пошел я вчера в укрепление во ожидании парохода,

паковать свою мизерию, и как это обыкновенно бывает, когда человек ожидает чего-нибудь хорошего, то на этом хорошем и хорошие строит планы. Так и я, во ожидании вестника благодатной свободы, развернул ковер-самолет, и еще одна, одна только минута, и я очутился бы на седьмом магометовом небе. Но, не доходя укрепления, [встретился] мне посланный за мною вестовой от коменданта.

— Не пришел ли пароход? — спрашиваю я у вестового.

— Никак нет, — отвечает он.

— Какая же встретилась во мне надобность коменданту? — спросил я сам себя и прибавил шагу.

Прихожу. И комендант вместо всякого приветствия молча* подает мне какую-то бумагу. Я вздрогнул, принимая эту таинственную бумагу как несомненную вестницу свободы. Читаю и глазам не верю. Это рапорт на имя коменданта от поручика Кампиньонн о том, что я в нетрезвом виде наделал ему дерзости матерными словами. В чем свидетельствуют и вновь прибывшие офицеры. И в за-

ключение рапорта он просит и требует поступить со мной по всей строгости закона, то есть немедленно произвести следствие. Я остолбенел, прочитавши эту неожиданную мерзость.

— Посоветуйте, что мне делать с этой гаденой? — спросил я коменданта, придя в себя.

— Одно средство, — сказал он, — просите прощения, или, по смыслу дисциплины, вы арестант. Вы имеете свидетелей, что вы были трезвы, а он имеет свидетелей, что вы его ругали.

— Я приму присягу, что это неправда, — сказал я.

— А он примет присягу, что правда. Он офицер, а вы все еще солдат.

У, как страшно отозвалось во мне это, почти забытое, слово. Делать нечего, спрятал гордость в карман, напялил мундир и отправился просить прощения. Простоял я в передней у мерзавца битых два часа. Наконец, он допустил меня к своей опохмелившейся особе. И после многих извинений, прошений, унижений даровано мне было прощение, с условием сейчас же послать за четвертью

водки. Я послал за водкой, а он пошел к коменданту за рапортом. Принесли водку. А он принес рапорт и привел своих благородных свидетелей.

— Что, батюшка, — сказал один из них, подавая мне пухлую, дрожащую с похмелья руку, — вам не угодно было познакомиться с нами добровольно, как следует с благородными людьми, так мы вас заставили.

На эту краткую и поучительную речь уже пьяная компания захохотала, а я чуть-чуть не проговорил: мерзавцы! да еще и патентованные мерзавцы.

29 [июня]

«Широкий бытый шлях из раю, а в рай узенька стежечка, та й та колючим терном поросла», — говорила мне, еще ребенку, одна замиравшая старуха⁽⁵¹⁾. И она говорила истину. Истину, смысл которой я теперь только вполне разгадал.

Пароход из Гурьева пришел сегодня и не привез мне совершенно ничего, ни даже письма. Писем, впрочем, я не ожидаю, потому что верные друзья мои давно уже не воображают меня в этой отвратительной конуре. О

мои искренние, мои верные друзья! Если б вы знали, что со мною делают на расставанье десятилетние палачи мои, вы бы не поверили, потому что я сам едва верю в эти гнусности. Мне самому это кажется продолжением десятилетнего отвратительного сна. И что значит эта остановка? Никак не могу себе ее растолковать. Мадам Эйгерт⁽⁵²⁾, от 15 мая, из Оренбурга поздравляет меня с свободой. А свобода моя где-нибудь с дельцом-писарем в кабаке гуляет. И это верно, верно потому, что ближайшие мои мучители смотрами, учениями, картами и пьянством проклажаются, а письменные дела ведает какой-нибудь писарь Петров, разжалованный в солдаты за мошенничество. Так принято искони, и нарушить священный завет отцов из-за какого-то рядового Шевченка было бы противно и заповеди отцов и правилам военной службы.

На сердце страшная тоска, а я себя шуточками спотешаю! А все это делает со мною ветерница надежда. Не вешаться же и в самом деле из-за какого-нибудь пьяницы отца-командира и достойного секретаря его.

Сегодня празднуется память величайших

двух провозвестников любви и мира^{53}. Великий в христианском мире праздник! А у нас — колоссальнейшее пьянство по случаю храмового праздника.

О святые, великие, верховные апостолы! Если б вы знали, как мы запачкали, как изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, светлую истину! Вы предрекли лжеучителей, и ваше пророчество сбылось. Во имя святое, имя ваше так называемые учителя вселенские подрались^{54}, как пьяные мужики, на Никейском вселенском соборе. Во имя ваше папы римские ворочали земным шаром и во имя ваше учредили инквизицию и ужасное автодафе. Во имя же ваше мы поклоняемся безобразным суздальским идолам и совершаем в честь вашу безобразнейшую вакханалию. Истина стара и, следовательно, должна быть понятна, вразумительна, а вашей истине, которой вы были крестными отцами, минает уже 1857 годочек. Удивительно, как тупо человечество!

30 [июня]

Чтобы придать более прелести моему уединению, я решил завестись медным

чайничком. И эту мысль привел я в исполнение только вчера вечером, и то случайно. К тихому, прекрасному утру на огороде прибавить стакан чаю — мне казалось это роскошью позволительною. С самого начала весны меня преследует эта милая, непышная затея. Но я никак не мог привести ее в исполнение по неимению здесь в продаже такой затейливой вещицы. Только вчера вечером пошел я к Зигмонтовским⁽⁵⁵⁾ (поверенный винной конторы и отставной чиновник 12 класса) и, проходя мимо кабака, увидел я оборванного, но трезвого денщика одного из вновь прибывших офицеров с медным чайником в руке такой величины, какой мне нужно.

— Не продаешь ли чайник? — спросил я его.

— Продаю, — отвечает он.

— Не хапаный ли?

— Никак нет-с. Сами барин велели продать. Они думают самовар завести.

— Хорошо, я спрошу. А что стоит?

— Рубль серебра.

— Полтину серебра, — сказал я сколько мог хладнокровнее и пошел своей дорогой.

Едва успел я сделать несколько шагов, как он догнал меня и без торгу вручил мне давно желанную посуду. А денщик, получивши полтину серебра, отправился прямо в кабак и через минуту вышел из него со штофом в руке и направился прямо к офицерским квартирам. «Туда и дорога!» — подумал я. Проведя вечер в сообществе Филемона и Бавкиды (так я в шутку называю Зигмонтовских), по дороге зашел я к маркитанту, взял у него полфунта чаю, фунт сахара и сегодня, в 4 часа утра, сибаритствую себе на огороде и вписываю в свой журнал происшествие вчерашнего вечера, благословляя судьбу, пославшую мне медный чайник.

Собираясь путешавать по Волге от Астрахани до Нижнего, я обзавелся чистой тетрадью для путевого журнала и пологом от комаров, которые неутомимо преследуют путешественника от устьев Волги до самого Саратова. Запасаясь этими необходимыми вещами, мне и в ум не приходил медный чайник. И вчера только — спасибо старику Зигмонтовскому — он объяснил мне важность этой нехитрой посуды во время плавания на реч-

ной воде, где необходим крепкий чай во избежание поноса и просто для препровождения времени, как он выразился в заключение. И многим еще кое-чем советовал он мне запастись в Астрахани на дорогу, но это все лишнее. Я отправлюсь да не на пароходе, а на одной из барок, буксируемых пароходом, просто отставным солдатом.

Странно, что меня считают здесь все, в том числе и Зигмонтовские, темным богачом. Это, вероятно, потому, что если я делаю долги, разумеется, ничтожные, то в сказанный срок аккуратно их выплачиваю, не прибегаю к помощи Израиля и не закладываю последней рубашки, как это делают многие из офицеров. Когда я сказал Зигмонтовским, что весь мой капитал состоит из 100 рублей серебра, на который я, кроме дорожных издержек, намерен еще сделать в Москве необходимое платье, то они в один голос назвали меня Плюшкиным. Я не нашел нужным разочаровывать их своей нищетой и расстался с ними как настоящий богач.

Странные старые люди эти Зигмонтовские! Бездетные, старые, одинокие, имеют

обеспечивающее даже прихотливую старость состояние, вздумали поселиться в этой безводной, бесплодной пустыне. И добро бы на отдых: нет, он взял обязанности почти целовальника. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной в юности физической деятельности или просто жажда к приобретению; последнее, может быть, только вполонину, потому что в нем не заметно скряжничества, нередко сопровождающего в могилу одинокую, беспомощную старость. Она, то есть Зигмонтовская, мне очень нравится; это — добродушно улыбающаяся, гостеприимная кубическая старушка, бывшая немка, а теперь православная. Он тоже добродушный старик, но пренаивный и самый безвредный лгунишка. Например, он очень простодушный и каждый раз с новыми вариациями рассказывает, какие он прошел мытарства, пока достиг настоящего звания. Происхождение свое ведет он от какого-то короля польского Сигизмунда, вероятно, Третьего^[56]. О ближайших предках он не упоминает, равно как и о виновнике собственного существования. Детство тоже покрыто мраком неизвестности.

Первую часть юности провел он в звании домашнего учителя у известного табачника Онисима Головкина, в Петербурге. И в этот период его жизни случилось с ним таинственное происшествие⁽⁵⁷⁾, которое разом поставило его на ноги. Происшествие такого сорта. Однажды ночью, на улице, — ему кажется, что на Литейной, но за достоверность не ручается, — схватывают его два гайдука, сажают в карету, завязывают глаза, везут, везут и, наконец, привозят прямо в роскошнейший будуар, надо думать, какой-нибудь графини или княгини. Является, наконец, и таинственная обитательница будуара, вся в дезабилье (собственное выражение), только лицо покрыто маской. По совершении таинства любви — завязывают ему опять глаза, сажают в карету, привозят на то самое место, где взяли, и один из гайдуков вручает ему пачку ассигнаций не более, не менее как 20 тысяч. Долго он думал, какую основать будущность на этом незыблемом фундаменте, и, хладнокровно отринув почести и злато, вступил (внемя внутреннему призванию) в скромный кружок поклонников Мельпомены, где

имел блестящий успех в ролях Эдипа, Фингала, Димитрия Донского^{58} и в «Ябеде» Капниста, к несчастью, не помнит, в какой именно роли; но, по проискам знаменитого учителя Каратыгина, Яковлева,^{59} должен был оставить избранное поприще и вступить в морскую службу, разумеется — лейтенантом. Здесь он совершил плавание (два раза) вокруг света и один только раз к южному полюсу вместе с Лазаревым^{60}. И что во время этих плаваний он узнал досконально, откуда добывается деревянное масло, неправильно называемое прованским. Вот где его родник. Между Ливорно и Сингапуро^{61} (удивительное знание географии!) есть остров Прованс, а на этом острове Провансе растет огромное масличное дерево, из которого и выпускают масло, как у нас, например, весною сок из березы. Островом и деревом владеют англичанин, француз и итальянец, а мы и немцы уже от них получаем этот дорогой продукт. Из корабля переселился он в земский одесский суд, неизвестно в каком ранге. Тут он вел жизнь отчаянного кутилы, попал в сонмище декабристов и был сослан бессрочным арестантом

в крепость Измаил, где в скором времени и сделался правой рукой коменданта и, по стечению удивительных обстоятельств, был переведен в город Астрахань в звании квартального надзирателя. Но не всегда чистые обязанности по долгу этого звания заставили его подать в отставку и принять от питейной конторы звание поверенного в Новопетровском укреплении, где его окрестили именем спиртомора.

Кампиньони, мой покровитель, — не меньший враль, но вредный и бессовестный, заврался однажды до того, что назвал себя племянником графа Закревского, московского генерал-губернатора, и кандидатом дерптского университета. Чтобы разом озадачить и уничтожить дерзкого лгунишку, Зигмонтовский разом махнул в ротмистры лейб-гусар и в ближайшие родственники фельдмаршалу графу Гудовичу. Знай наших!

Но, несмотря на этот невинный недостаток, он все-таки добрый и наивный старик. А она также добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная старушка; и я их не иначе называю, как Филемон и Бав-

кида. Они получают вместе с Никольским «Петербургские ведомости»; и я частенько приношу им с огорода укроп, петрушку и тому подобный злак, пью чай, прочитываю фельетон и выслушиваю волшебные похождения наивного Филемона, за что и пользуюсь полной доверенностью Бавкиды.

1 ИЮЛЯ

Сегодня послал я с пароходом письмо М. Лазаревскому⁽⁶²⁾. Быть может, последнее из душевной тюрьмы: дал бы бог. Я много виноват перед моим нелицемерным другом. Мне бы следовало отвечать ему на письмо его от 2 мая тотчас же по получении, то есть 3 июня. Но я, в ожидании радостной вести из Оренбурга, которую хотелось мне сообщить ему первому, прождал напрасно целый месяц и все-таки должен был ему написать, что я не свободен. И до 20 июля, а может быть и августа, такой точно солдат, как и прежде был, с тою только разницею, что мне позволено занимать за себя в караул и ночевать на огороде, чем я и пользуюсь с благодарностью. До 20 июля я удалил от себя всякие возмутительные помышления и наслаждаюсь теперь по

утрам роскошью совершенного уединения и даже стаканом, правда, неказистого, но все-таки чаю. Если бы еще хорошую сигару воткнуть в лицо, такую, например, как прислал мне 25 штук мой добрый друг Лазаревский, тогда бы я себя легко мог вообразить на петергофском празднике^[63]. Но это уж слишком. А сегодня действительно в Петергофе праздник. Великолепный царский праздник! Когда-то давно, — в 1836 году, если не ошибаюсь, — я до того был очарован рассказами об этом волшебном празднике, что, не спросясь хозяина (я был тогда в ученье у маляра^[64] или так называемого комнатного живописца, некоего Ширяева — человека грубого и жестокого) и пренебрегая последствиями самовольной отлучки (я знал наверное, что он меня не отпустит), с куском черного хлеба, с полтиною меди в кармане и в тиковом халате, какой обыкновенно носят ученики-ремесленники, убежал с работы прямо в Петергоф на гулянье. Хорошо, должно быть, я был тогда. Странно, однакож, — мне и вполонину не понравился тогда великолепный Самсон, и прочие фонтаны, и вообще праздник, против то-

го, что мне об нем наговорили. Слишком ли сильно было воспламенено воображение рассказами, или я просто устал и был голоден. Последнее обстоятельство, кажется, вернее. Да ко всему этому, я еще увидел в толпе своего грозного хозяина с пышною своею хозяйкой. Это-то последнее обстоятельство вконец помрачило блеск и великолепие праздника, и я, не дождавшись иллюминации, возвратился вспять, совершенно не дивясь бывшему. Прodelка эта сошла с рук благополучно. На другой день нашли меня спящим на чердаке, и никто и не подозревал о моей самовольной отлучке. Правду сказать, я и сам ее считал чем-то вроде сновидения.

Во второй раз, в 1839 году, посетил я петергофский праздник совершенно при других обстоятельствах. Во второй раз, на Бердовском пароходе⁽⁶⁵⁾, сопровождал я, в числе любимых учеников, Петровского и Михайлова⁽⁶⁶⁾, сопровождал я своего великого учителя — Карла Павловича Брюллова. Быстрый переход с чердака грубого мужика-маляра в великолепную мастерскую величайшего живописца нашего века. Самому теперь не верится, а действи-

тельно так было. Я — из грязного чердака, я — ничтожный замарашка — на крыльях перелетел в волшебные залы Академии Художеств. Но чем же я хваюсь? Чем я доказал, что я пользовался наставлениями и дружескою доверенностью величайшего художника в мире? Совершенно ничем. До его неуместной женитьбы и после уместного развода я жил у него на квартире или, лучше сказать, в его мастерской. И что же я делал? Чем занимался я в этом святилище? Странно подумать. Я занимался тогда сочинением малороссийских стихов, которые впоследствии упали такой страшной тяжестью на мою убогую душу. Перед его дивными произведениями я задумывался и лелеял в своем сердце своего слепца-Кобзаря и своих кровожадных Гайдамаков. В тени его изящно-роскошной мастерской, как в знойной дикой степи надднепровской, передо мною мелькали мученические тени наших бедных гетманов. Передо мной расстилалась степь, усеянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бедная Украина, во всей непорочной меланхолической красоте своей... И я задумывался: я не

мог отвести своих духовных очей от этой родной чарующей прелести. Призвание — и ничего больше.

Странное, однакож, это всемогущее призвание. Я хорошо знал, что живопись — моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И, вместо того чтобы изучить ее глубокие таинства, и еще под руководством такого учителя, каков был бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто ни гроша не заплатил и которые, наконец, лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю. И даже подумываю иногда о тиснении⁽⁶⁷⁾ (разумеется, под другим именем) этих плаксивых тощих детей своих. Право, странное это неугомное призвание.

Не знаю, получу ли я от Кухаренка здесь его мнение насчет моего последнего чада («Москалева криниця»). Я дорожу его мнением чувствующего благородного человека и как мнением неподдельного самобытного земляка моего. Жаль мне, что я не могу теперь посетить его на его раздольной Черномории. А как бы хотелось! Но что делать? Сна-

чала уплачивается долг, потом удовлетворяется голодная нужда, а на остатки — покупается удовольствие. Так по крайней мере делают порядочные люди. А я и тенью боюсь быть похожим на безалаберного разгильдяя. Кутнул и я на свой пай когда-то. Довольно.

*Пора, пора душой смириться,
Над жизнью нечего глумиться,
Отведав горького плода.^{68}*

В прошлом году получалась здесь комендантом «Библиотека для чтения»^{69}. Бывало, хоть перевод Курочкина из Беранже прочитаешь^{70}: все-таки легче станет. А нынче, кроме фельетона «П[етербургских] ведомостей» совершенно ничего нет современно-литературного. Да и за эту тощую современность нужно платить петрушкою и укропом. Хоть бы редька скорее вырастала, а то совестно уже стало потчевать стариков одним и тем же продуктом.

2 [июля]

Две случайно сделанные мною вещи так удачны, как редко удаются произведения, глубоко обдуманые. Первая вещь — это сей

журнал, который в эти томительные дни ожиданий сделался для меня необходимым, как страждущему врач. Вторая вещь — это медный чайник, который делается необходимым для моего журнала, как журнал для меня. Без чайника, или без чаю, я как-то лениво, бывало, принимался за сие рукоделье. Теперь же, едва успею налить в стакан чай, как перо само просится в руку. Самовар — тот шипением своим возбуждает к деятельности: это понятно. Правда, я не имел случая испытать на себе это благодетельное влияние самовара. Но имел случай существенно убедиться в этом волшебном влиянии на других, а именно: был у меня, во время оно, приятель в Малороссии, некто Г. Афанасьев, или Чужбинский⁽⁷¹⁾. В 1846 году судьба столкнула нас в «Цареграде», не в оттоманской столице, а в единственном трактире в городе Чернигове. Меня судьба забросила туда по делам службы, а его по непреодолимой любви к рассеянности или, как он выражался, по влечению сердца. Я знал его как самого неистового и неистоцимого стихотворца, но не знал скрытого механизма, которым приводилось в дви-

жение это неутомимое вдохновение, и тогда только, когда поселились мы, во избежание лишних расходов, во-первых, а во-вторых, чтобы, как товарищи по ремеслу, созерцать друг друга во все минуты дня и ночи, — тогда только узнал я тайную пружину, двигавшую это истинно-неутомимое вдохновение. Пружина эта была — шипящий самовар. Сначала я не мог взять в толк, почему мой товарищ по ремеслу не спросит, когда ему вздумается, стакан чаю из буфета, как это я делаю, а непременно велит подать самовар; но когда я рассмотрел приятеля поближе, то оказалось, что он собственно не самовар велел подавать, а велел подавать вдохновение, или пружину, приводящую в движение эту таинственную силу. Я прежде удивлялся, откуда, из какого источника вытекают у него такие громадные стихотворения, а оказалось, что ларчик просто отворялся.

Мы прожили с ним вместе весь великий пост, и не оказалось в городе не только барышни, дамы, даже старухи, которой бы он [не написал] в альбом не четырехстишие какое-нибудь (он мелочь презирал), а полную

увесистую идиллию. Если же альбома не обреталось у какой-нибудь очаровательницы, как, например, у старушки Дороховой, вдовы известного генерала 1812 года, то он преподносил ей просто на шести и более листах самое сентиментальное послание.

Но это все ничего. Кто из нас без слабостей? А главное дело в том, что, когда пришлось нам платить дань обладателю «Цареграда», то у товарища по ремеслу не оказалось наличной дани, и я должен был заплатить, не считая другие потребления, но собственно за локомотив, приводивший в движение вдохновение, 23 рубля серебром, которые, несмотря на дружеское честное слово, и до сих пор не получил. Вот почему я существенно узнал действие шипящего самовара на нравственные силы человека.

В моем положении естественно, что я постоянно нуждался в копейке, и я писал ему в Киев два раза о помянутых 23 руб., но он даже стихами не ответил. Я так и подумал, что, увы! Россия лишилась второго Тредьяковско-го. Но я ошибся. Прошлой зимой в фельетоне «Русского инвалида»^[72] вижу на бесконечных

столбцах бесконечное малороссийское стихотворение по случаю, не помню, по какому именно случаю, помню только, что отвратительная и подлая лесть русскому оружию. «Ба, — думаю себе, — не мой ли это приятель так отличается». Смотрю, — действительно он: А. Чужбинский. Так ты, мой милый, жив и здоров да еще подличать научился. Желаю тебе успеха на избранном поприще, но встретиться с тобою не желаю^{73}.

Не помню, кто именно, а какой-то глубокий сердцеведец сказал, что вернейший дружбамер есть деньги. И он сказал справедливо. Истинная, настоящая дружба, которая высказывается только в критических, трудных случаях, и она даже требует этого холодного мерила. Самый живой, одушевленный язык дружбы — это деньги. И чем более нужда, тем дружба искреннее, прогоняющая эту голодную ведьму. Я был так счастлив в своей, можно сказать, коловратной жизни, что неоднократно вкушал от плода этого райского дерева. И в настоящее, мне кажется — самое критическое, время я получаю 75 руб. За что? За какое одолжение? Мы с ним виделись все-

го два раза. Первый раз в Орской крепости, второй раз в Оренбурге. Пошли, господи, всем людям такую дружбу и такого друга, как Лазаревский. Но искорени эти плевелы, возросшие на ниве благороднейшего чувства. Искорени друзей, подобных Афанасьеву, Бархвицу и Апрелеву^[74]. Положим, это дрянь, мелочь, и Бархвиц и Афанасьев, но Апрелев — это крупный, видный человек, это не какой-нибудь Чугуевский улан или забулдыга линейный поручик, а ротмистр кавалергардского ея величества полка, сибарит и обжора, известный в столице, — это, как говорится, видное лицо. С этим видным лицом познакомился я в 1841 году у одного земляка моего, у некоего Соколовского. Первое впечатление было в его пользу. Молодой, свежий, румяный толстяк (я, не знаю почему, особенно верую в доброкачественность подобного объема и колорита людей). И чтобы довершить свое очарование, я вообразил его еще и либералом. Вот мы знакомимся, потом дружимся, переходим на *ты* и, наконец, входим в финансовые отношения. Он мне заказывает свой портрет, и я ему позволяю приезжать ко мне на сеансы с соб-

ственным фриштиком, состоящим из 200 устриц, четверти холодной телятины, 6 бутылок портеру и 1 бут. джину. Все это съедалось и выпивалось в продолжение сеанса самым дружеским образом. Третий сеанс начался у нас на *ты* и кончился шампанским. Я был в восторге от друга-аристократа. Кончились сеансы отправился я к другу за мздой; друг занят, никого не принимает; другой раз — то же самое; третий, четвертый и так до десяти раз — все то же самое. Я плюнул другу на порог, да и ходить перестал. Таких друзей у меня было много, и, как на подбор, все люди военные. Я уверен, что, если бы Афанасьев не был прежде уланом, он мог бы писать стихи без помощи самовара и мы бы с ним расстались иначе.

Вера без дел мертва есть. Так и дружба без существенных доказательств — пустое, лукавое слово. Блаженны, стократ блаженны друзья, которых жизнь была осенена радужным сиянием улыбающегося счастья и голодная нужда своим железным посохом испытания ни разу не постучала в дверь их бескорыстной дружбы. Блаженны, они и в могилу сой-

друг, благословляя друг друга.

3 [июля]

Сегодня во сне видел я Лазаревского. Будто бы он приехал за мною в укрепление и, несмотря на мои доводы о невозможности оставить мне укрепление без пропуска, увез меня насильно, не позволив проститься даже с Мостовским. Вскоре очутились мы в каком-то русско-татарско-немецком городе, вроде Астрахани. И верблюды, и англазированные лошади по улице ходят, и фонтаны бьют, и кумыс продают, и папиросная фабрика, и театр; наконец — вечер, ночь; Лазаревский скрылся; ищу его, спрашиваю и просыпаюсь. Проснувшись, я обрадовался, что это только сон и что я, слава богу, не дезертир. А иначе опять бы меня вооружили лет на десять за престол и отечество. Нужно будет зайти к сотнику Чеганову посмотреть в сонник, что значит видеть во сне самовольную отлучку.

Сегодня, то есть 4 июля, когда я, по обыкновению, встал в три часа, согрел свой чайник, налил стакан чаю и взялся за перо, начали собираться дождевые тучки, а через несколько минут пошел тихий, меланхолический дож-

дик. И я, оставив всякое писание и мечтание, люблюсь этим прекрасным и чрезвычайно редким здесь явлением. Ветер из Астрахани, то есть норд-вест. Можно надеяться, что дождик усилится и продлится за полдень. Какая была бы благодать для этой безводной пустыни.

4 [июля]

Ночевал на огороде, в комендантской беседке. Это моя теперешняя резиденция. Вскоре по пробитии вечерней зори пошел тихий дождик, и по этому случаю я ранее обыкновенного лег спать. Под тихий гармонический шум падающих на крышу беседки капель дождя я сладко задремал и видел во сне покойника Карла Павловича Брюллова и с ним вместе товарища своего Михайлова, сначала в какой-то огромной галерее, в которой, кроме какого-то эскиза Гвидо Рени⁽⁷⁵⁾, ничего не было и который Михайлов собирался копировать. Потом перешли мы в мастерскую, что в портике, вместе с Карлом Павловичем. Тут тоже ничего не было, кроме большого, во всю залу натянутого и загрунтованного полотна, как это делается для декораций, и к стене прикле-

енной, грубо раскрашенной литографии Калама^{76} с подписью Рио-Джанейро. Потом Карл Павлович пригласил нас на лукьяновский ростбиф^{77}, как это бывало во времена незабвенные. Но ударил гром, и я проснулся. Пошел проливной дождь. Затворив двери и окна беседки, я снова уснул. Во второй сеанс увидел я в Москве Михайла Семеновича Щепкина таким же свежим и бодрым, как видел я его в последний раз в 1845 году. Говорили о театре, о литературе. Я ему заметил, почему он не продолжает свои «Записки артиста»^{78}, начало которых напечатано в первой книжке «Современника» за 1847 год. На что он мне сказал, что жизнь его протекла так тихо, счастливо, что не о чем и писать. Я хотел ему на это возразить что-то, но мы очутились в Новопетровском укреплении и встретились с П. А. Кулишем, собирающим какие-то тощие растения. Я, как хозяин, хлопотал об обеде и пошел искать полевой спаржи, которой здесь и в помине нет. Но новый удар грома разбудил меня, и я уже не мог заснуть.

С недавнего времени мне начали представляться во сне давно виденные мною ми-

лые сердцу предметы и лица. Это, вероятно, оттого, что я об них теперь постоянно думаю. Ложась спать вчера, я думал об «Осаде Пскова» и о «Гензерихе» Брюллова⁽⁷⁹⁾. И увидел во сне самого их великого творца. Довольно! Утро после ночной грозы тихое, свежее, редкое в здешней знойной пустыне утро. И я буду большой руки тетеря, если проведу его за своим журналом.

5 [июля]

Голенький ох, а за голеньким бог. Из моей библиотеки, которую я знаю наизусть всю⁽⁸⁰⁾ и которую уже давно упаковал в ящик, не нашлось книги, достойной сопровождать мне в моем радостном одиноком путешествии по Волге. Ригельмана «История Донского войска» показалась мне слишком старою спутницей, и я упаковал ее на самый спуд. Что же делать без книги в таком медленно-спокойном путешествии, как плавание по Волге от Астрахани до Нижнего? Это меня беспокоило. И в самом деле, что я буду делать целый месяц без хоть какой-нибудь книги? Но фортуна — это гордая повелительница повелителей мира, эта безглазая царица царей — сегодня мой

лакей, хуже — бердичевский фактор.

Насладившись прекрасным свежим утром на огороде, я в девятом часу пошел в укрепление. Мне нужно было взять хлеба у артельщика и отдать высушить на сухари для дороги. Прихожу в ротную канцелярию, смотрю: на столе рядом с образцовыми сапогами лежат три довольно плотные книги в серой подержанной обертке. Читаю заглавие — и что же я прочитал: «Estetyka czyli umnictwo piekne przez Karola Libelta»^{81}. В казармах — эстетика! «Чьи это книги?» — спрашиваю я писаря. — «Каптенармуса, унтер-офицера Кулиха». — Отыскал я вышеречекомого унтер-офицера Кулиха. И на вопрос мой, не продаст ли он мне «Umnictwo piekne», он отвечал, что оно принадлежит мне, что Пшевлоцкий, уезжая из Уральска на родину, передал ему, Кулиху, эти книги с тем, чтобы они были переданы мне, и что он, Кулих, принес их с собою сюда, положил в цейхгауз и забыл про их существование и что вчера только они попались ему на глаза и что он очень рад, что теперь может их препроводить по принадлежности. Для вящей радости я послал за водкой, а книги по-

ложил в свою дорожную торбу.

Видимое, осязательное дело услужливой факторши фортуны! Итак, по милости этой слепой царицы царей, я имею в дороге чтение, на которое вовсе не рассчитывал. Чтение, правда, не совсем по моему вкусу, но что делать: на безрыбье и рак рыба. Я, несмотря на мою искреннюю любовь к прекрасному в искусстве и в природе, чувствую непреодолимую антипатию к философиям и эстетикам, и этим чувством я обязан сначала Галичу и окончательно почтеннейшему Василию Ивановичу Григоровичу⁽⁸²⁾, читавшему нам когда-то лекции о теории изящных искусств, девизом которых было: *побольше рассуждать и поменьше критиковать*. Чисто платоновское изречение.

С Либельтом⁽⁸³⁾ я немного знаком по его «Деве Орлеанской» и по его критике и философии. На первый взгляд он мне показался мистиком и непрактиком в искусствах. Посмотрим, что дальше будет. Боюсь, как бы во все не раззнакомиться.

6 [июля]

Видел во сне Академию Художеств. Михай-

лов показывал мне какую-то неоконченную копию и потом скрылся от меня вместе с копией. Из Академии я вышел на Большой проспект и, не доходя церкви Андрея Первозванного, встретился с семейством здешнего коменданта. И от радости проснулся.

Третьего дня вечером был я случайным зрителем, кажется, последней сцены из водевиля, под названием «Недошитая кофта». Я не хотел бы вносить в мой журнал эту балаганную сцену, но как она оказалась важною по своему неожиданному результату, то я и заносу ее со всею пошлою точностью в мою неизменную хронику.

Сие событие совершилось 5 числа текущего месяца. В отсутствие родителя нареченной жениху пришла благая мысль — попотчевать свою будущую супругу серенадой со всеми онёрами. Для этого собрал он из 2 рот песельников, также со всеми онёрами — с бубном, тарелками, ложками, треугольником и еще с какими-то погремушками. И когда был пропет — разумеется, с танцами — весь репертуар солдатских песен и даже «После батюшки остался сиротою молодец», с небольшими из-

менениями, — восторженному этой последней песней жениху, которая изображала в некотором роде его собственное положение, ему захотелось, чтобы ребята маненько его покачали. Почему же и не так? Ребята принялись за дело, и — о судьба злодейка! — когда верные и усердные ребята затащили десятое ура, в воротах показался комендант; протяжное громкое ура вдруг оборвалось, и верные, неизменные ребята бросили своего отца-командира среди улицы, а сами скрылись где кто мог. Положение жениха действительно критическое, и тем более критическое, что он без нежного участия своей возлюбленной нареченной не мог стать на ноги по случаю бесхитростной радости, или, проще, он был мертвецки пьян.

На другой день рано является с рапортом к коменданту отец нареченной и просит, на законном основании, избавить его опозоренную дочь, а равно и все его семейство, от гнусного, безобразного пьяницы-жениха подпоручика Чарца. На такое законное требование резолюции еще не последовало.

Каково же быть порядочному и семейному

человеку комендантом этого заграничного гнездилища безграничных мерзостей! Быть судьей и разбирателем этих бесконечных ежедневных гадостей! А он как начальник обязан пачкаться в этой вонючей грязи. Отвратительная обязанность.

7 [июля]

Видел сегодня во сне Москву, не встретил никого знакомых и храма Спаса не видал. Был на Красной площади и Василия Блаженного не видал. Искал в гостином дворе ивановского полотна для рубах и не нашел. Так и проснулся. Проснувшись, я, по обыкновению, нагрел свой чайник, положил чаю и начал вытирать стакан, как является ко мне мой дядька и объявляет мне повеление фельдфебеля — немедленно явиться к пригонке амуниции.

— Да ее недавно пригоняли, — говорю я.

— Не могу знать-с: приказано, — отвечает он.

Итак, для воскресенья не удалось мне чаем побаловать себя. Прихожу в укрепление и узнаю, что вчера пришел какой-то татарин из Астрахани с казенным провиантом и рас-

пустил слух, что в конце августа месяца в Астрахань дожидадут великого князя Константина Николаевича и что по этому случаю в Астрахани делаются большие приготовления для встречи августейшего гостя. Капитан Косарев^{84}, заведующий двумя ротами I батальона, тотчас смекнув дело, и, чтобы не ударить в грязь лицом, вчера же, с помощью писаря Петрова, назначил почетный караул, в число которого, по протекции писаря Петрова, назначен и я. Головоломная эта задача была кое-как решена к рассвету, а с восходом солнца (несмотря на воскресенье) приказано пригнать амуницию и, как будет готова, вывести людей на смотр перед телячье лицо капитана Косарева и верного его сподвижника писаря Петрова.

Сказано — сделано. К 7 часам все было готово. В полной амуниции люди были выведены на полянку, в том числе и я; в 7 часов явился сам капитан Косарев во всем своем ослином величии и, после горделивого приветствия, подошел прямо ко мне, благосклонно хлопнув меня по плечу, и сказал:

— Что, брат, отставка? Нет, мы еще из тебя

сделаем отличного правофлангового, а потом — и с богом!

И тут же отдал приказание капральному ефрейтору заняться со мной маршировкой и ружейными приемами часика четыре в день. Я ужаснулся, услышав это благосклонное приказание. Вот тебе и безмятежное уединение на огороде.

Тот же самый татарин вместе с накладной привез коменданту письмо из Астрахани, в котором его уведомляют, что адмирал Васильев⁽⁸⁵⁾ получил известие из Петербурга, чтобы его высочества в Астрахань не ожидали и, следовательно, не трепетали. Комендант, узнавши о распоряжении предупредительного капитана Косарева, натянул ему нос и даже погрозил ему гауптвахтой, если он вперед осмелится тревожить людей без его ведома. Тем все и кончилось. И я, как ни в чем не бывало, встал сегодня, по обыкновению, в 3 часа утра, нагрел свой чайник, очинил новое перо и занес сей невероятный казус в мою верную хронику... Господи, настанет ли, наконец, для меня час искупления! Настанут ли когда-нибудь для меня те блаженные дни, когда я буду

читать эти отвратительные правдивые сказания, как ложный сон, как небывалую небылицу?

8 [июля]

Сегодня ушла почтовая лодка в Гурьев. Ветер зюйд-вест. В среду или четверг она должна быть на Стрелецкой косе, 15 верст от Гурьева, в субботу получит последнюю оренбургскую почту, воскресенье поспразднует и в понедельник — в обратный путь. Как раз через неделю, при благополучном ветре, ее должно ожидать 17-го или 18-го числа, и никак не дальше 20-го. Неужели она для меня ничего не привезет? Не может быть. Это было бы уже умышленное тиранство.

Сегодня же поутру пригласил я к себе на огород унтер-офицера Кулиха, того самого, что принес мне из Уральска «Umnictwo riekne» Libelta. Разговор наш, разумеется, вертелся на батальоне и в особенности на 2 роте, которая два года назад тому ушла отсюда и которая теперь сюда возвратилась. И тогда и теперь я имею несчастье состоять в этой роте. Начиная с бывшего тогда ротного командира поручика Обрядина, мы перебрали всю роту

поодиночке и, наконец, дошли до рядового Скобелева. Этот рядовой Скобелев, несмотря на свое прозвание, был мой земляк, родом Херсонской губернии, и в особенности мне памятен по малороссийским песням, которые он пел своим молодым мягким тенором удивительно просто и прекрасно. С особенным же выражением он пел песню:

*Тече річка невеличка
З вишневого саду.*

Я забывал, что я в казармах слушаю эту очаровательную песню. Она меня переносила на берега Днепра, на волю, на мою милую родину. И я некогда не забуду этого смуглого, полунагого бедняка, штопающего свою рубаху и уносившего меня своим безыскусственным пением так далеко из душной казармы.

По сложению своему и по манерам он не был похож на бравого солдата, за что я его особенно уважал, но он пользовался в роте славою честного и смышленного солдата. И несмотря на смуглое, аляповатое и оспою изрытое лицо, в его лице светилась отвага и благородство, И я любил его как земляка и

как честного человека, независимо от песен. Он был, как он мне говорил по секрету, беглый крепостной крестьянин, попался в бродяжничестве, сказался непомнящим родины и семейства и был зачислен в солдаты, где и дали ему прозвище Скобелева, в честь известного балагура «Русского инвалида» Скобелева^{86}. Так об этом-то бедняге Скобелеве Кулих мне рассказал следующую возмутительную повесть.

Вскоре по прибытии 2 роты в г. Уральск командир роты поручик Обрядин взял к себе в постоянные вестовые рядового Скобелева, как трезвого и благонадежного, но слабого по фронту солдата. А рядовой Скобелев неумышленно сделался поверенным сердечных тайн своего командира и постоянным лакеем его любовницы. Не прошло и полгода, как неуклюжий лакей Скобелев также неумышленно сделался любовником любовницы своего повелителя, и однажды в минуту сердечных излияний коварная изменница открыла Скобелеву, что два месяца тому назад на его имя получены Обрядиным из Москвы 10 рублей серебром от какого-то его бывшего товарища

(вероятно, по бродяжничеству), теперь лавочного сидельца. И, в доказательство истины слов своих, показала ему конверт с пятью печатями. Поручик же Обрядин, будучи еще батальонным адъютантом и казначеем, не только подозреваем, но и даже был уличаем в краже подобных присылок, но он как-то умел концы в воду прятать и слыть вообще порядочным человеком. Скобелев, узнавши такую проделку отца-командира, явился к нему с пустым пакетом в руках требовать вынутых из него денег. Отец-командир попотчевал его пощечиной, а он отца-командира оплеухой. Будь это сам-на-сам, тем бы и кончилось, но как эта сцена была представлена при благорожденных зрителях, при офицерах, то сконфуженный поручик Обрядин, арестовав рядового Скобелева, подал батальонному командиру рапорт о случившемся. Вследствие рапорта произведено следствие, а вследствие следствия поручику Обрядину велено подать в отставку, а рядового Скобелева предали военному суду. А по приговору военного суда рядовой Скобелев прошел по зеленой аллее, как выражаются солдаты, сквозь 2000 спиц-

рутенев и сослан в Омск на семь лет в арестантские роты. Печальное и, к несчастью, не единственное в этом роде происшествие.

Бедный Скобелев! Родился ты и вырос в невольничестве. Вздумалось тебе попробовать широкой, сладкой вольной воли, и ты залетел в Эдикуль ^{87} (так обыкновенно называют солдаты Новопетровское укрепление), залетел ты в мою семилетнюю тюрьму певуньей-птицей из Украины, как будто для того только, чтобы своими сладкими заунывными песнями напомнить мне мою милую, мою бедную родину. Бедный, несчастный Скобелев! Ты честно, благородно возвратил пощечину благородному вору-грабителю, и за это честное дело прошел ты сквозь строй и понес тяжелые кандалы на берега пустынного Иртыша и Оми. Встретишь ли в своей новой неволе такого внимательного и благодарного слушателя, товарища твоих заунывных, сладких песен, как я был? Встретишь — и не одного такого же, как и ты, невольника-сироту, земляка варнака, клейменного, который прольет слезу благодарности на твои тяжелые кайданы за отрадные сердцу, милые, род-

ные звуки... Бедный, несчастный Скобелев!

9 [июля]

Перед закатом солнца заштилело. А в сумерки поднялся свежий ветер от норд-оста, прямо в лоб нашей почтовой лодке. Она теперь в открытом море бросила якорь; а когда подымет — бог знает. Норд-ост здесь господствующий ветер. Он может простоять долго и продлить мою и без того длинную неволю далеко за предначертанную мною границу, то есть за 20 июля. Грустно, невыразимо грустно. В продолжение ночи я не мог заснуть; меня грызла и гоняла, как на корде, вокруг огорода самая свирепая тоска. На рассвете я пошел к морю, выкупался и тут же, на песке, заснул. Видел во сне покойника Аркадия Родзянку⁽⁸⁸⁾ в его Веселом Подоле, близ Хорола; показывал он мне свой чересчур затейливый сад, толковал о возвышенной простоте и идеале в искусствах вообще и в литературе в особенности; ругал наповал грязного циника Гоголя и в особенности «Мертвые души» казнил немилосердно; потом потчевал какими-то герметически закупоренными кильками и своими грязнейшими малороссийскими виршами

вроде Баркова. Отвратительный старичишка. Разбудил меня мелкий тихий дождик, и я прибежал на огород мокрой курицей.

Говорят, о чем наяву думаешь, то и во сне пригрезится. Это не всегда так. Я, например, Аркадия Родзянку видел всего один раз, и то случайно, в 1845 году, в его деревне Веселый Подол, и он мне в несколько часов так надоел своею глупой эстетикой и малороссийскими грязнейшими и глупейшими стихами, что я убежал к его брату Платону⁽⁸⁹⁾, к его ближайшему соседу и, как водится, злейшему врагу. Я забыл даже, что я виделся когда-то с этим сальным стихоплетом, а он мне сегодня во сне пригрезился. Какая же связь между моими вчерашними грустными мечтами и между этим давно забытым мною человеком? Каприз нашей нравственной природы и совершенно никакой логической связи. И оракул сотника Чеганова едва ли объяснит загадку подобных сновидений. Пойду, однакож, на всякий случай, посмотрю в это зеркало сокровенных таинств природы.

10 [июля]

Ветер все тот же. Тоска та же самая. Дождь

продолжает омывать новую луну. Такие длинные любезности здесь с ним редко случаются. Я недвижимо пролежал весь день в беседке и слушал однотонную тихую мелодию, производимую мелкими и частыми каплями дождя о деревянную крышу беседки. Принимался несколько раз дремать, но неудачно. Проклятые мухи со всего огорода слетелись в беседку и не дают покоя. Принимался несколько раз строить воздушные замки на своих будущих эстампах акватинта — так же неудачно. «Гензерих» и «Осада Пскова» Брюллова мне особенно не удавались. Нужно избежать на первый раз наготы. Нужен опыт и опыт, а иначе эта очаровательная брюлловская нагота выйдет в эстампе безобразие. Я не желал бы, чтобы мои будущие эстампы были похожи на парижский эстамп акватинта с картины «Последний день Помпеи». Топорный, безобразный эстамп. Поругано, обезображено гениальное произведение.

В таком скверном настроении унывающей души вспомнил я про «Umnicstwo piekne» Либельта, принялся жевать: жестко, кисло, приторно — настоящий немецкий суп-вассер.

Как, например, человек, так важно трактующий о вдохновении, простосердечно верит, что будто бы Иосиф Вернет⁽⁹⁰⁾ велел себя во время бури привязывать на марсах к мачте для получения вдохновения. Какое мужицкое понятие об этом неизреченно божественном чувстве! И этому верит человек, пишущий эстетику, трактующий об идеальном, возвышенно-прекрасном в духовной природе человека. Нет, и эстетика сегодня мне не далась. Либельт, он только пишет по-польски, а чувствует (в чем я сомневаюсь) и думает по-немецки или по крайней мере пропитан немецким идеализмом. (Бывшим, — не знаю как теперь?) Он смахивает на нашего В. А. Жуковского в прозе. Он так же верит в безжизненную прелесть немецкого, тощего, длинного идеала, как и покойный В. А. Жуковский.

В 1839 году Жуковский⁽⁹¹⁾, возвратившись из Германии с огромною портфелью, начиненною произведениями Корнелиуса, Гессе и других светил мюнхенской школы живописи⁽⁹²⁾, нашел Брюллова произведения слишком материальными, придавляющими к грешной земле божественное выпретенное искусство и,

обращаясь ко мне и покойному Штернбергу, случившемуся в мастерской Брюллова, предложил зайти к нему полюбоваться и поучиться от великих учителей Германии. Мы не преминули воспользоваться сим счастливым случаем и на другой же день явились в кабинете германофила. Но, боже! Что мы увидели в этой огромной, развернувшейся перед нами портфели! Длинных безжизненных мадонн, окруженных готическими тощими херувимами и прочих настоящих мучеников и мучеников живого улыбающегося искусства. Увидели Гольбейна, Дюрера, но никак не представителей живописи девятнадцатого века. До какой степени, однакож, помешались эти немецкие идеалисты-живописцы! Они не заметили, что в архитектуре Кленца⁽⁹³⁾, для которой они творили свои готические безобразные творения, и тени нет напоминающего готическую архитектуру. Странное, непонятное затмение.

«Umnićtwo pićkne» Либельта спрятал я в дорожную торбу и снова привел свою фигуру в горизонтальное положение. Что дальше будет, не знаю.

Незабвенные золотые дни, мелькнули вы светлым, радостным сновидением передо мною, оставив по себе неизгладимый след чарующего воспоминания. Мы были тогда с Штернбергом едва оперившиеся юноши и, рассматривая эту единственную коллекцию идеального безобразия, высказывали вслух свое мнение и своим простодушием довели до того кроткого, деликатного Василия Андреевича, что он назвал нас испорченными учениками Карла Павловича и хотел было уже закрыть портфель перед нашими носами, как вошел в кабинет князь Вяземский⁽⁹⁴⁾ и помешал благому намерению Василия Андреевича. Мы продолжали с невозмутимым равнодушием перелистывать портфель и были награждены за терпение первоначальным эскизом «Последнего дня Помпеи», ловко начерченным пером и слегка попятнанным сепией. За этим гениальным очерком, почти неизменным в картине, следовало несколько топорных чертежей Бруни⁽⁹⁵⁾, которые ужаснули нас своим заученным однообразным безобразием. И где и из какого тлетворного источника почерпнул и усвоил г. Бруни эту

ненатуральную манеру? Неужели это одно желание быть оригинальным так страшно обезобразило произведения неумолимого Бруни? Жалкое желание. Грустный результат. И этот человек мечтал еще равняться с Карлом Великим! (Так обыкновенно называл Брюллова В. А. Жуковский.)

Один мой знакомый, не художник и даже не записной, а так просто любитель изящного, смотря на «Покров божией матери», картину Бруни в Казанском соборе, сказал, что если бы он был матерью этого безобразного ребенка, что валяется на первом плане картины, то он не только взять на руки, — боялся бы подойти к этому маленькому крестину. Замечание чрезвычайно верное и ловко высказано. А «Медный змий» его? Это — толпа безобразных и самых бесталанных актрис и актеров. Я видел эту картину в подмалевке, и она меня ужаснула. Неприятное, но все-таки впечатление. Оконченная же эта огромная картина не произвела на меня даже и этого неприятного чувства. А ведь цель ее была уничтожить «Последний день Помпеи». Колоссальное, но, увы, неудачное намерение.

11 [июля]

В полночь переменялся ветер. Отошел к норд-весту. Я любовался прозрачными исчезающими облаками и лег спать. Проснулся до восхода солнца. Небо было чисто. Только одна-единственная звездочка, как алмаз, горела высоко на востоке. Это должна быть Аврора. Солнце не успело выглянуть из-за горизонта, и она исчезла. Я весело принялся за свой чайник. И когда все было готово для моего утреннего одинокого пиршества, я очинил внимательно перо, развернул свой журнал и, что называется, полбуквы не мог написать: так мне вдруг сделалось весело! И я, напившись чаю и наслушавшись чириканья веселых ласточек, отправился в укрепление заказать торбу для сухарей и взять второй том Либельта; зашел к Мостовскому, он мне предложил стакан чаю, от которого я не имел силы отказаться, потому что чай был с лимоном — неслыханная роскошь в этой пустыне. За чаем сообщил он мне о начавшемся следствии над женихом и невестой. Следствие началось медицинским освидетельствованием невесты, как водится, в присутствии понятых,

причем лекарь Никольский сострил, найдя невесту нерастленную, что подало повод к грубым насмешкам над женихом. Мерзость!

Заказавши торбу для сухарей, я окончательно упаковал свою мизерию, взял второй том Либельта и три оставшиеся сигары из числа тех 25 сигар, что прислал мне Лазаревский вместе с сепиею. Отличные сигары — настоящие гаванские. Возвратившись на огород, я, по обыкновению, до обеда лежал под своею любимую вербою и читал Либельта. Сегодня и Либельт мне показался умеренным идеалистом и более похожим на человека с телом, нежели на бесплотного немца. В одном месте он (разумеется, осторожно) доказывает, что воля и сила духа не может проявиться без материи. Либельт решительно похорошел в моих глазах, но он все-таки школяр. Он пренаивно доказывает присутствие всемогущего творца вселенной во всем видимом и невидимом нами мире и так хлопчет об этой старой, как свет, истине, как будто бы это его собственное открытие.

За обедом было веселее обыкновенного. Комендант подтрунивал над моими сборами

В поход, другие ему вторили более или менее любезно, но вообще вся компания была, как говорится, в своей тарелке. После обеда я, также по обыкновению, заснул под своей фавориткою-вербою, а перед вечером надел чистый китель, соломенную шляпу-самодельщину и пошел на туркменские бакчи (баштаны), и, несмотря на скудность зелени, мне и бакчи понравились. Я зашел к хозяевам в аул; около кибиток играли с козлятами нагие, смуглые дети, визжали в кибитках женщины, должно быть ругались, а за аулом мужчины творили свой намаз перед закатом солнца. Вечер был тихий, светлый. На горизонте чернела длинная полоса моря, а на берегу его горели в красноватом свете скалы, и на одной из скал блестели белые стены второй батареи и всего укрепления. Я любовался своею семилетнею тюрмою. Возвращаясь на огород, набрел я на тропинку, на уже засохшей грязи которой видны были отпечатки миниатюрных детских ножек. Я любовался и следил этот крошечный детский след, пока он не исчез в степной пыли вместе с тропинкою. На огород пришел я к вечернему чаю и попот-

чевал Ираклия Александровича (коменданта) и Николая Ефремовича (смотрителя полугоспиталя) своими заветными сигарами и сам закурил остальную. Все, начиная с Наташеньки^{96}, немало удивились, увидев в моем лице торчащую дымящуюся сигару, а нянька Авдотья, уральская казачка, та совершенно во мне разочаровалась. Она до сих пор думала, что я по крайней мере часовенный, а я такой же еретик-щепотник, как и другие. Все же вообще находили, что мне сигара к лицу и что с сигарой в лице я похож на вояжера порядочного тона. Такому удачному сравнению я и не думал противоречить и мысленно переносился на палубу парохода «Меркурия» или «Самолета»^{97}, а о скромной расшиве, о бурлацких песнях, о преданиях про Стеньку Разина забыл и думать.

*Уж сколько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна. Но все
не впрок.*^{98}

Отуманенный лестию, я против обыкновения и, разумеется, во вред желудку не имел силы отказаться от пельменей. Пельмени бы-

ли мастерски приготовлены, и я оказал им неложную честь. После ужина я долго гулял вокруг огорода и, мало-помалу освобождаясь от влияния самолюбия, привел, наконец, свой гордый дух в нормальное состояние и тихо запел гайдамацкую песню^{99}:

*Ой поїжджає по Україні та коза-
ченько Швачка.*

От этой любимой моей песни я незаметно перешел к другой, не менее любимой:

*Ой ізійди, зійди, ти зіронько, та
вечірняя...*

Эта меланхолическая песня напомнила мне тот вечер, когда я и молодая жена Кулиша^{100} пели в два голоса эту очаровательную песню. Это было на другой день после их свадьбы в роковом 1847 году. Увижу ли я эту прекрасную блондинку? Запою ли с нею эту задушевную песню?

Воспоминания меня убаюкали; я сладко заснул и видел во сне Новгород-Северский (вероятно, вследствие недавнего чтения «Алексея Однорога»^{101}). По улице ездили в старосветском огромном берлине огромные рыжие

пьяные монахи, и между ними очутился мой трезвый друг Семен Гулак-Артемовский⁽¹⁰²⁾. Это все пельмени так наметаморфозили.

12 [июля]

Одиннадцатым нечетным, но счастливым для меня числом кончился первый месяц моего журнала. Какой добрый гений шепнул мне тогда эту мысль? Ну, что бы я делал в продолжение этого минувшего, бесконечно длинного месяца? Хотя и это занятие мимоходное, но все-таки оно отнимет у безотвязной скуки несколько часов дня. А это — важная для меня теперь услуга. В первые дни не нравилось мне это занятие, как не нравится всякое занятие, пока мы его себе не усвоим, не смешаем его с нашим насущным хлебом. Сначала я принимался за свой журнал как за обязанность, как за *пунктики*, как за ружейные приемы; а теперь, и особенно с того счастливого дня, как завелся я медным чайником, журнал для меня сделался необходимым, как хлеб с маслом для чаю. И не случись этого несносного ожидания, этого тягостного бездействия, мне бы и в голову никогда не пришло обзавестись этой эластической мебе-

лью, на которой я теперь каждое [утро] так безмятежно отдыхаю. Справедливо говорится: нет худа без добра.

Сегодня утром, записавши счастливое одиннадцатое число, я вздумал попробовать ветчины собственного приготовления. Для этого я выпил фундаментальную рюмку водки, закусил молодой редькой, потом уже приступил к собственному производству. Ветчина оказалась превосходною, свежею, несмотря на то, что приготовлена еще в генваре месяце. Первого генваря текущего года получил я первое радостное письмо из Петербурга от графини Толстой^{103} и с того же дня начал готовиться в дорогу. Так как путешествовать мне предстояло — может быть и теперь еще предстоит — по серебряным берегам Урала, где благочестивые уральцы, а особенно уралки, нашему брату не раскольнику воды напиться не дадут, то я и заготовил для трудного пути сей необходимый копченый продукт. Не знаю, чем восхищается в уральцах этот статистико-юмористик и вдобавок враль Небольсин^{104}? Грязнее, грубее этих закоренелых раскольников я ничего не знаю. Соседи

их, степные дикари киргизы, тысячу раз общежительнее этих прямых потомков Стеньки Разина. А помянутый враль в восторге от их общежития и мнимого гостеприимства. Верно, ему, пьяному, в грязном погребке диктовал какой-нибудь Железнов⁽¹⁰⁵⁾ статейку под названием «Уральские Казаки», а он, под веселую руку, записал, да и посвятил еще В. И. Далю. Бессовестны, вредны и подлы, наконец, такие писатели.

Попробовавши дорожного продукта и найдя оный более нежели удовлетворительным, я самодовольно успокоился под своей фавориткою-вербою и принялся за Либельта. Он сегодня мне решительно нравится: или он в самом деле хорош, или он мне только кажется таким, потому что мне вот уже другой день даже вовсе непривлекательные предметы кажутся привлекательными. Блаженное состояние! Либельт, например, весьма справедливо замечает и высказывает эту, правда, не совсем моложавую истину коротко, изящно и ясно: что религия и древних и новых народов всегда была источником и двигателем изящных искусств. Это верно. А вот это так не со-

всем: он, например, человека-творца в деле изящных искусств вообще, в том числе и в живописи, ставит выше природы, потому, дескать, что природа действует в указанных ей неизменных пределах, а человек-творец ничем не ограничен в своем создании. Так ли это? Мне кажется, что свободный художник настолько же ограничен окружающею его природой, насколько природа ограничена своими вечными, неизменными законами. А попробуй этот свободный творец на волос отступить от вечной красавицы природы, он делается богоотступником, нравственным уродом, подобным Корнелиусу и Бруни. Я не говорю о дагеротипном подражании природе: тогда бы не было искусства, не было бы творчества, не было бы истинных художников, а были бы только портретисты вроде Зарянка

{106}

Великий Брюллов черты одной не позволял себе провести без модели, а ему как исполненному силою творчества казалось бы это позволительным. Но он как пламенный поэт и глубокий мудрец-сердцеведец облакал свои выпренье, светлые фантазии в формы

непорочной вечной истины. И потому-то его идеалы, полные красоты и жизни, кажутся нам такими милыми, такими близкими, родными.

Либельт сегодня мне решительно нравится. В продолжение десяти лет я, кроме степи и казармы, ничего не видел и, кроме солдатской рабской речи, ничего не слышал. Страшная, убийственная проза. И теперь случайный собеседник Либельт — самый очаровательный мой собеседник. Искренняя сердечная моя благодарность унтер-офицеру Кулиху.

Как начался приятно, так и кончился этот второй для меня день приятно. Вечер был тихий, прекрасный. Для моциона я обошел два раза укрепление. Начал было и третий обход, только у второй батареи остановил меня уральский казак своею старинной песней про Игнату Степанова, сына Булавина. Первый стих песни мне чрезвычайно нравится:

*Возмутился наш батюшка
Славный тихий Дон
От верховица
Вплоть до устьица.*

Эта песня собственно донская, но она усвоена и уральцами как братьями по происхождению. Я немало удивился, услышав в первый раз здесь эту песню, потому что приходящие сюда на службу уральцы большею частью народ бывалый в Москве и в Петербурге и поют все модные нежные романсы, захваченные ими в салонах на *Козихе* и в Мещанских и Подъяческих улицах. Так я немало удивился, услышав этого отступника от закона моды.

С удовольствием слушал я незримого певца, пока он не замолчал и, вероятно, заснул, чему и я благоразумно последовал. На рассвете приснилось мне, будто бы приехал в Новопетровское укрепление фельдмаршал Сакен^{107} вместе с другом своим митрополитом киевским Евгением и потребовал меня к себе. Но так как у меня не оказалось солдатского облачения, кроме шинели и то без эполет, то, пока нашивали эполеты, я проснулся и был сердечно рад этой неудаче.

13 [июля]

Сегодня суббота; ветер все тот же — норд-вест. Это хорошо. Значит, волею-неволею лод-

ка должна дожждаться оренбургской почты. Чем ближе ко мне это радостное событие, тем делаюсь я нетерпеливее и трусливее. Семь тяжелых лет в этом безвыходном заточении мне не казались так длинными и страшными, как эти последние дни испытания. Но все от бога. Заглушив в себе по мере возможности это ядовитое сомнение, я принялся за моего неизменного друга Либельта и с наслаждением пробеседовал с ним до самого вечера. Вечером пошел я опять ко второй батарее в надежде услышать вчерашнего Баяна. Но вчерашний Баян обманул мои ожидания. Я возвратился на огород, лег под своей заветною вербою и — сам не знаю, как это случилось — уснул и проснулся уже на рассвете. Редкое, необыкновенное событие! Такие дни и такие события я должен вносить в мою хронику, потому что я вообще мало спал, а в последние дни сон меня решительно оставил.

14 [июля]

Сегодня воскресенье. Ветер все тот же. Не пора ли отойти к норд-осту? О, как бы он меня обрадовал, если бы хоть к завтраму отошел. Лучше решительный удар обуха, нежели

тулая деревянная пила ожидания.

В полдень ветер засвежел и отошел к норду. Добрый знак. Сегодня третьи сутки, как я не посещал вертепа мерзостей, то есть укрепления. И это теперь мое единственное счастье, что я безнаказанно могу делать такое укрывательство. И чтобы не видеть еще сутки топорной декорации вертепа и его пьяных разбойников, я не побрился и не пошел к обедне. А перед вечером, во избежание встречи с теми же разбойниками (они по праздникам имеют обыкновение нарушать спокойствие обитателей огорода), я, надевши чистый белый чехол на фуражку и положивши в карман огурец и редьку, отправился к Филемону и Бавкиде. Филемон, вопреки своему постоянному расположению духа, был не в духе, и Бавкида, вопреки своей постоянной улыбке, была тоже не в духе, даже не показала мне своей новой соломенной шляпки, о которой я слышал стороною. Я вспомнил пословицу: «Не во время гость — хуже татарина» — и взялся за фуражку, но Филемон остановил меня, просил садиться и также просил свою печальную Бавкиду подать на пробу недавно

полученного из Астрахани варенья, а сам принес кружку холодной воды и после первой аппробации поведал мне свое горе. Неосторожный или жадный лоцман, взявшийся представить ему товар из Астрахани, нагрузил свою утлую ладью так грузно, что при первом свежем ветре должен был половину груза выбросить в море. К несчастью Филемона и Бавкиды, их товары лежали на палубе, состоящие из двух ящичков горячих напитков и 30 мешков муки, и, разумеется, первые полетели за борт. Уцелели только ничтожные мелочи, как-то: варенья, лимоны, соленые огурцы и соломенная шляпка. Откровенная беседа, как исповедь, умиляет наше тоскующее сердце. Старики, рассказавши мне про постигшее их несчастье, пришли в свое нормальное положение. Филемон простодушно начал врать о какой-то стычке с французами в 1812 году. А Бавкида показала мне шляпку и даже мантилью, а на прощанье подарила мне лимон, с которым я имею радость сегодня, то есть в понедельник, пить чай, записывая сей визит и грустное событие, совершившееся в ущерб торговле моего Филемона и

Бавкиды.

Вчера, как я сегодня узнал, несмотря на воскресенье и хорошую погоду, ни один из официю имеющих не появлялся на огороде. Странная, непонятная антипатия к благоухающей зелени! Они предпочитают пыль и несносную вонючую духоту в укреплении прохладной тени, цветам и свежей зелени на огороде. Непонятное затвердение органов. Настоящие суровые сыны Беллоны. Одно, чем я могу растолковать себе это отсутствие обоняния и зрения у суровых детей Беллоны, — это всепокоряющая владычица водочка. На огороде, извольте видеть, хотя и можно пропустить рюмочку-другую, потому что сам комендант предлагает, но нельзя нализаться как следует, не потому чтобы это было неприлично, а потому, чтобы не очутиться в Калабрии, то есть на гауптвахте. Так что же и в самом деле за удовольствие посещать огород? Не лучше ли дома втихомолку нализаться так, чтобы в глазах позеленело? Вот тебе и огород с цветами и с благоуханием!

Независимо от этой глубокой политики, в великороссийском человеке есть врожденная

антипатия к зелени, к этой живой, блестящей ризе улыбающейся матери-природы. Велико-российская деревня, это, как выразился Гоголь, — наваленные кучи серых бревен, с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! Нигде прутика зеленого не увидишь, а по сторонам непроходимые леса зеленеют, а деревня, как будто нарочно, вырубилась на большую дорогу из-под тени этого непроходимого сада, растянулась в два ряда около большой дороги, выстроила постоянные дворы, а на отлете часовню и кабачок, и ей ничего больше не нужно. Непонятная антипатия к прелестям природы. В Малороссии совсем не то. Там деревня и даже город укрыли свои белые, приветливые хаты в тени черешневых и вишневых садов. Там бедный, неулыбающийся мужик окутал себя великолепною вечно улыбающеюся природою и поет свою унылую, задушевную песню в надежде на лучшее существование. О моя бедная, моя прекрасная, моя милая родина! Скоро ли я вздохну твоим живительным, сладким воздухом? Милосердый бог — моя нетленная надежда.

15 [июля]

Ветер все тот же — норд. Хоть бы на одну четверть румба отошел к осту, все бы мне легче было. В продолжение двухлетнего плаванья⁽¹⁰⁸⁾ по неисследованному еще Аральскому морю я одного раза не взглянул на компас; а в эти последние бесконечно длинные дни и ночи я изучил его во всех самонаименьших направлениях. О ветер, ветер! Если бы ты мог сочувствовать моему неусыпному горю, — ты бы еще третьего дня отошел к норд-осту, и сегодня я бы уже сидел с карандашом в руке на палубе аргонавтом татарского корабля, идущего к берегам Колхиды, то есть к Астрахани, и в последний раз рисовал бы вид своей тюрьмы; хорошо, если бы так, а если иначе, тогда что? Тогда я и сам не знаю — что.

Вчера вечером обошел я два раза укрепление и, придя на огород, прилег усталый под своей заветною вербою с крепким намерением вздремнуть хоть полчасика. Я уже другие сутки глаз не смыкаю. Но Морфей, по обыкновению, изменил мне, и я лежал себе под вербою и рассеянно слушал болтовню огородников, недалеко от меня расположившихся на

травке. Между ними был уральский казак, — он-то и владел разговором или болтовнёю. После разных случаев, случившихся с рассказчиком в разных походах, свел он речь на колдунов, мертвецов и, наконец, на самоубийц. Он рассказал историю о каком-то самоубийце, которая меня совершенно не интересовала, но меня заинтересовало религиозное поверье уральских казаков о душе самоубийцы, которое он при этом случае рассказал. Самоубийцу хоронят без всяких церковных обрядов и не на общем кладбище, а выносят далеко в поле и закапывают, как падаль. В дни поминовения усопших родственники несчастного или просто добрые люди выносят и посыпают его могилку хлебным зерном: житом, пшеницею, ячменем и проч. для того, чтобы птицы клевали это зерно и молили бога о отпущении грехов несчастному. Какое поэтически-христианское поверье!

За моей памяти в Малороссии на могилах самоубийц совершался обряд, не менее поэтический и истинно христианский, который наши высшие просвещенные пастыри как обряд языческий повелели уничтожить.

В Малороссии самоубийц хоронили также в поле, но непременно на перекрестной дороге. В продолжение года идущий и едущий мимо несчастного покойника должен был что-нибудь бросить на его могилу, — хоть рукав рубашки оторвать и бросить, если не случилось чего другого. По истечении года, в день его смерти, а более в зеленую субботу (накануне троицына дня), сжигают накопившийся хлам как очистительную жертву, служат панихиду и ставят крест на могиле несчастного.

Может ли быть чище, возвышеннее, богогоднее молитва, как молитва о душе нераскаявшегося грешника? Религия христианская, как нежная мать, не отвергает даже и преступных детей своих, за всех молится и всем прощает. А представители этой кроткой, любящей религии отвергают именно тех, за которых должны бы молиться. Где же любовь, завещанная нам на кресте нашим спасителем-человеколюбцем? И что языческое нашли вы, лжеучители, в этом христианском, всепрощающем жертвоприношении?

В требнике Петра Могилы^[109] есть молитва, освящающая нареченное или крестовое брат-

ство. В новейшем требнике эта истинно христианская молитва заменена молитвою об изгнании нечистого духа из одержимого сей мнимой болезнью и о очищении посуды, оскверненной мышью. Это даже и не языческие молитвы. Богомудрые пастыри церкви к девятнадцатому веку стараются привить двенадцатый век. Поздненько спохватились.

Туркменцы и киргизы святым своим (аулье) не ставят, подобно батырям, великолепных абу (гробниц), на труп святого наваливают безобразную кучу камней, набросают верблюжьих, лошадиных и бараньих костей, остатки жертвоприношений, ставят высокий деревянный шест, иногда увенчанный копьем, увивают этот шест разноцветными тряпками, и на том оканчиваются замогильные почести святому. Грешнику же, по мере оставленного им богатства, ставят более или менее великолепный памятник. И против памятника, на двух небольших изукрашенных столбиках, ставят плоски: в одной по ночам ближние родственники жгут бараний жир, а в другую плоску днем наливают воду для птичек, чтобы птички, напившись воды, по-

молились богу о душе грешного и любимого покойника. Безмолвная поэтическая молитва дикаря, в чистоте и возвышенности которой наши просвещенные архипастыри, вероятно, бы усомнились и запретили бы как языческое богохуление.

16 [июля]

После заката солнца заштило, и в первом часу ночи ветер поднялся от зюйд-оста, ветер тихий и ровный, такой самый, какой нужен для нашей почтовой лодки. Дождавшись рассвета, я вскарабкался на самую высокую прибрежную скалу и просидел там до тех пор, пока мне захотелось есть, то есть до полудня. Не увидевши на горизонте ни заветного, ни какого паруса, я в унынии пришел на огород и в ожидании обеда принялся за свою ветчину подорожную. Копченый продукт мой с каждым днем умалается. Еще несколько дней ожидания — и от него останутся ни к чему годные руины. Хорошо, если я поеду через Астрахань. Там есть лавки сарептских колонистов, а между ними, вероятно, есть и колбасные: без колбасы немец и дня не проживет, следовательно копченый продукт

можно пополнить. А если придется прогуляться через Гурьев и Уральск по злачным и серебряным берегам благочестивого Урала? Тогда что? Аппетит в торбу, а зубы на полку или, во избежание голодной смерти, прикинуться ворожейкой, а лучше всего — мучеником за веру, расстригою-попом. Тогда, как по щучью велению, все явится перед тобой, начиная с каймака и джурмицы и оканчивая свальным грехом. Мать единственную дочь свою предложит святому мученику за веру для ночной забавы. Отвратительно, хуже всяких язычников.

В 1848 году, после трехмесячного плавания по Аральскому морю, возвратились мы в устье Сыр-Дарьи, где должны были провести зиму. У форта, на острове Кос-Арале, где занимали гарнизон уральские казаки, вышли мы на берег. Уральцы, увидев меня с широкою, как лопата, бородою, тотчас смекнули делом, что — непременно мученик за веру. Донесли тотчас же своему командиру, есаулу Чарторогову, а тот, не будучи дурак, зазвал меня в камыш да бац передо мною на колени.

— Благословите, — говорит, — батюшка!

Мы, — говорит, — уже все знаем.

Я тоже, не будучи дурак, смекнул, в чем дело, да и хватил самым раскольничьим крестным знаменем. Восхищенный есаул облобызал мою руку и вечером задал нам такую пирушку, какая нам и во сне не грезилась.

Вскоре после этого казуса, уже обривши бороду, отправился я в Раим, главное тогда укрепление на берегу Сыр-Дарьи. В Раиме встретили меня уральцы с затаенным восторгом, а отрядный начальник их, полковник Марков, тоже не будучи дурак, испросив мое благословение, предложил мне 25 рублей, от которых я неблагоразумно отказался и этим, по их понятиям, беспримерным бескорыстием, подвинул благочестивую душу старика отговориться в табуне, в кибитке, по секрету и, если возможность позволит, приобщиться святых тайн от такого беспримерного пастыря, как я.

Чтобы не нажить себе хлопот с этими седыми беспримерными дураками, я поскорее оставил укрепление и уже аккуратно, каждую неделю два раза, брею себе бороду. Случись это глупое, смешное происшествие где-

нибудь на берегах Урала, где были бы женщины, я не разделался бы так легко с этими изуверами. Весь фанатизм, вся эта мерзость гнездится в их распутных дочерях и женах. В Уральске постоянно набит острог беглыми солдатами, их мнимыми пресвитерами, и, несмотря на явные улики, они благоговеют перед этими разбойниками и бродягами. И это не простые, а почетные чиновные казачки. Непонятная закослелость.

После полудня отошел ветер к зюйд-весту, прямо в лоб почтовой лодке.

17 [июля]

Ветер все тот же, как заколдованный. Перед вечером по направлению Астрахани на горизонте показался пароход. В укреплении засуетились, увидя это неожиданное явление, а в особенности капитан Косарев с своим почетным караулом и с ординарцами. Но кого несет пароход? Никому положительно не известно. Но все, даже самые умеренные фантазеры, догадывались, что ежели не великого князя Константина Николаевича, то непременно адмирала Васильева, губернатора астраханского. Последней догадки, или предпо-

ложения, капитан Косарев сначала и слушать не хотел, не внимая доводам ученого друга своего, лекаря Никольского, о невозможности такого чисто исторического события в таком темном уголке империи, как наше укрепление, и ученый муж подкрепил свое мнение историческим фактом, сказавши, что после Петра Великого никто из членов царской фамилии не посетил не только полуострова Мангышлака, [но] даже знатного портового города Астрахани. Против этого аргумента сказать было нечего. Но сметливый капитан Косарев нашелся, сказавши:

— Ну что же? Если и не великий князь, так по крайней мере губернатор, все же особа в генеральском чине, и почетный караул необходим.

На такое простое, повидимому, слово даже ученый муж полез в карман за возражением. Но увы! Пока ученый эскулап рылся в своем умственном кармане, таинственная загадка разрешилась. Прискакал казак с пристани и донес коменданту, что на пароходе, кроме его командира, лейтенанта Поскочина, никого не имеется. Гора мышь родила.

Комендант послал гарантас за командиром парохода и велел его просить к себе на огород. А я, чтобы мой поход в укрепление не втуне совершился, зашел в казармы и побрился; потом зашел к Мостовскому. Посмеявшись над совершившимся, мы по поводу подобного же происшествия, случившегося в 1847 году в Орской крепости, перенесли наш разговор в Орскую крепость, как ему, так и мне хорошо памятную. И Мостовский своим неживописным слогом так живо описывал эту неживописную, пустынную крепость, что я заслушался его, и первые темные дни моей неволи просветлели и улыбнулись в моем воспоминании. Неужели и для настоящего моего положения придет когда-то светлое, улыбающееся воспоминание? Факт перед глазами, а все-таки не верится.

В девятом часу вечера возвратился я на огород и застал еще моряков, громко любезничавших с комендантшею. Но мне так опротивели эти пустые хвастунишки, астраханские моряки, что я, издали заслышав их громкие голоса, сделал поворот направо и до пробития зори обошел вокруг укрепления.

Несвоевременная прогулка утомила меня и прежде времени, к великому моему удовольствию, уложила спать, за что я в душе поблагодарил любезных астраханских мореходов.

Сон мой не был, однакож, так спокоен, как я ожидал: в продолжение ночи я несколько раз просыпался и наблюдал ветер. Перед рассветом ветер затих, и я в надежде на его непостоянство успокоился и заснул. Во сне видел Кулиша, Костомарова и Семена Артемовского, будто бы я встретил их в Лубнах во время успешной ярмарки, — Кулиша и Костомарова в обыкновенных, а Артемовского в каком-то театральном костюме; в этом фантастическом наряде он представлялся на улице Петру Великому, а я тут же для Кулиша рисовал молодого слепого лирника в тирольском костюме. Продолжению этой безалаберщины помешал мой услужливый дядька: он принес мне на огород новый китель и разбудил меня, за что наградил я его большим огурцом и редькой.

Ветер не изменил моей надежде: к утру отошел к зюйд-осту. Пароход поутру вышел из гавани и направился к Кизляру. Я прово-

дил его глазами на горизонт, принялся за свой чайник и потом за журнал.

18 [июля]

Кончивши сказание о вчерашнем событии, я [подумал] о рюмке водки и о умеренном куске ветчины, как присылает за мной Бажанова, просит на чашку кофе. Наш Филат чему и рад. Пошел я. Прихожу. Комендантша тут же; после поздраванья речь началась о вчерашних гостях. Я спросил о цели их кратковременного пребывания на наших берегах и на прямой мой вопрос получил ответ довольно косвенный и перепутанный, как водится, отступлениями, ни к чему не ведущими. Одним словом, я выслушал из милых уст такую чепуху, какой иному не удастся выслушать и в модном салоне. Гостей оказалось не двое, как я полагал, а пятеро, кроме флотских — командира парохода и его штурмана, весьма образованного (по словам рассказчиц) молодого человека, и еще трое штатских: два ученые, а третий — доктор; и что пароход ходит около наших берегов для каких-то наблюдений, и что штатские ученые должны быть не ученые и просто политические шпионы,

потому что говорили все о влиянии на здешнюю Туркменскую орду. Один из них, что по-моложе, блондин с длинными волосами а la мужик, может быть и действительно ученый, потому что вместе с Данилевским и другими участвовал в экспедиции Бэра^{110}, и что, точно так же, как и Бэр, собирает степной полынь и другие травы, и что он спрашивал обо мне, но так двусмысленно, что милые собеседницы даже косвенно не умели, удовлетворить его любопытства, и, как я догадываюсь, ловко отстранивши этот, по их понятиям, щекотливый вопрос, они, как водится, перенесли свою болтовню в Астрахань, прямо в персидские лавки с канаусом и другими недорогими материями.

Если это был сколько-нибудь порядочный человек, то какое понятие получил он о нашем бонтоне, о сливках здешнего дамского общества? Заплесневевшие, прокисшие сливки.

Собравши такие положительные сведения о вчерашних таинственных посетителях, я, разумеется, перестал об них думать и до самого обеда лежал под вербою и читал Либельта.

О ветре также старался не думать. Он из меня душу вытянет, этот проклятый зюйд-вест. На одни сутки, на полсутки отойди он к осту — и я свободен. Невыносимая пытка!

За обедом опять завязался разговор о таинственных путешественниках, и благодаря коменданту он вполовину пояснил это загадочное событие. В числе вчерашних гостей не было главного двигателя всей этой суматохи, именно астронома, который остался на пароходе и делал вычисления. Звездочет сей прислан гидрографическим департаментом проверить астрономические пункты на берегах Каспийского моря, определенные в прошлом году каким-то не совсем дошлым звездочетом. Вот настоящая цель неожиданного прибытия парохода к нашему берегу. А два ученые мужи, которые сделали честь огороду и его милым обитательницам своим посещением, [не кто иные] как один чиновник, мнимый политический агент, отправляющийся на службу в гебрийский город Баку⁽¹¹¹⁾, а другой — учитель словесности при астраханской гимназии, пользующийся свободным каникулярным временем, и чуть ли еще не земляк

мой, потому что передал мне поклон через здешнего плац-адъютанта, за что я ему сердечно благодарен.

Таинственное происшествие, к немалому удивлению наших романических дам, объяснилось очень просто и даже прозаически. Но новость, которую сообщил коменданту плывущий в Баку чиновник, мне кажется просто сочинением будущего великого администратора. Он сообщил, и даже с подробностями, что образовалась коммерческая компания пароходства на Каспийском море, на началах Триестской Ллойды^{112}, и что уже вызывает морских офицеров служить на ее пароходах с правом чинопроизводства, и что уже назначены три директора, и что он — сей будущий великий администратор — едет в Баку занять место помощника при директоре, некоем бароне Врангеле, с содержанием 1 500 рублей серебром в год. Что будет делать эта Ллойда на Каспийском озере? И какое доверит поручение этому помощнику директора, выпущенному в настоящем году, по его словам, из петербургского университета?

С закатом солнца ветер отошел к зюйд-

осту, но слабый, безнадежный. Кончится ли, наконец, это гнусное существование, это однообразное записывание однообразнейших бесконечных дней?

19 [июля]

С закатом солнца ветер засвежел и отошел к северу. Обрадовавшись такому неожиданному явлению, я принялся ходить вокруг укрепления и до пробития зори обошел четыре раза, — значит, я сделал без присесту 12 верст. Прогулка порядочная, но я не почувствовал и тени усталости. Ночь лунная, прекрасная, и я не перенес своего лагеря в беседку, оставив его под вербою, чтобы удобнее было наблюдать ветер по флюгеру, вертящемуся на голубятне. Часы в укреплении пробили 12, ветер не переменился и не ослабел. Добрый знак. В надежде на добрый знак, я задремал и на крыльях волшебника Морфея [перелетел] в Орскую крепость и в какой-то татарской лагуне нашел М. Лазаревского^{113}, Левицкого и еще каких-то земляков, играющих на скрипках и поющих малороссийские песни. Я присоединил свой тенор к капелии, и мы пели стройно и согласно:

*У степу могила з вітром говори-
ла...*

Не кончивши этой песни, мы начали Другу^о, а именно «Петруся», и я так гро'мко пропел стихи:

*Люблю, мамо, Петруся,
Поговору боюся,—*

что капелия замолчала, а я на последней ноте проснулся. Очнувшись от этого сладкого сновидения, я посмотрел на флюгер. Ветер, слава богу, все тот же — не переменялся. Поворочался, прочитал, сколько помню, стихов из песни про счастливого, белолицого соперника Грыця, снова заснул, моля Морфея продолжить прерванное милое сновидение.

Морфей исполнил мою молитву^{114}, только не совсем. Он перенес меня в какой-то восточный город, утыканный, как иглами, высокими минаретами. В тесной улице этого восточного города встречаю я будто бы ренегата Николая Эврестовича Писарева^{115} в зеленой чалме и с длинною бородою, а безрукий Бибииков^{116} и рядом с ним Софья Гавриловна Писарева сидят на балконе и тоже в турецком костюме.

Они что-то говорили о киевском пашалыке. Но мне на лицо вскочила холодная лягушка, и я проснулся. Перенеся одр свой в беседку, я снова было скорчился под шинелью, но при всем моем старании заснуть не мог. У меня все вертелся перед глазами ренегат Писарев со своим всемогущим покровителем и со своей бездушной красавицей супругой. Где он? Что теперь с этим гениальным взяточником и с его целомудренной помощницей? Я слышал здесь уже, что он из Киева переведен в Вологду гражданским губернатором и что в Вологде какой-то подчиненный ему чиновник публично в церкви во время обедни дал ему пощечину. И после этой истинно торжественной сцены неизвестно куда скрылся так громогласно уличенный взяточник.

В ожидании утра я на этом полновесном фундаменте построил каркас поэмы вроде «Анджело» Пушкина, перенеся место действия на Восток, и назвал ее «Сатрап и Державин». При лучших обстоятельствах я непременно исполню этот удачно спроектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно

непрерывно написать по-русски.

Есть еще у меня в запасе один план⁽¹¹⁷⁾, основанный на происшествии в оренбургской Сатрапии. Не присоединить ли его, как яркий эпизод, к «Сатрапу и Дервишу»? Не знаю только, как мне быть с женщинами. На Востоке женщины — безмолвные рабыни, а в моей поэме они должны играть первые роли; их нужно провести — как они и в самом деле были — немыми, бездушными рычагами позорного действия.

Если бы я знал, что эта общипанная «Ласточка» (название почтовой лодки) не принесет мне свободы, я сегодня же приступил бы к делу, вопреки поговорке: тише едешь, дальше будешь.

Пока я записывал свои сновидения, ветер отошел к весту, и «Жаворонок» (другая почтовая лодка) на всех парусах полетела в Гурьев. Несносный ветер, мучительная неизвестность!

20 [июля]

Ильин день. Илия — космат; так пишется он в библии. Должно быть, этот библейский циник⁽¹¹⁸⁾ был безграмотный, потому что не

оставил по себе подобно другим пророкам писаного пророчества. У палестинских магометан (если верить Норову^{119}) он пользуется таким же почетом, как у евреев и христиан.

Ильин день. Ильинская ярмарка в Ромни^{120}, — теперь, кажется, в Полтаве. В 1845 году я случайно видел это знаменитое торжище. Три дня сряду глотал пыль и валялся в палатке покойного Павла Викторовича Свички^{121}. Сам он себя называл только огарком от большой свинки — и сальным огарком. Это был сын того самого полковника Свички, что, шутки ради, закупил во время контрактов в Киеве^{122} все шампанское вино без всякой коммерческой цели, а так, чтобы подурочить польских панов, приехавших в Киев с единственной целью покутить. А в своем местечке Городище (Пирятинского уезда) он учредил заставу, чтобы не пропускать никого ни идущего, ниже в берлине едущего, не накормив его до отвала и не напоив до положения риз. После таких шуток натурально, что после большой Свечки едва остался маленький огарок, да и тот скоро погас. Мир праху твоему, мой благородный друже!

Тогда же я в первый раз видел гениального артиста Соленика в роли Чупруна^{123} («Москаль-чаривник»), он показался мне естественнее и изящнее неподражаемого Щепкина. И московских цыган тогда же я в первый и в последний раз слышал и видел, как они отличались перед ремонтерами и прочею пьяною публикою; и как в заключение своего дико-грязного концерта они хором пропели:

*Не пылит дорога,
Не дрожат листья.
Подожди немного,
Отдохнешь и ты, —* ^{124}

намекая этим своим пьяным покровителям, что им тоже не мешало бы отдохнуть немного и с силами собраться для завтрашнего пьянства.

Думал ли великий германский поэт, а за ним и наш великий Лермонтов, что их глубоко поэтические стихи будут отвратительно-дико петы пьяными цыганками перед собором пьянейших ремонтеров? Им и во сне не снилась эта грязная пародия.

Что же я еще видел тогда замечательного на этом замечательном торжище? Кажется,

ничего больше. Познакомился с распутным стариком Якубовичем⁽¹²⁵⁾ (отцом декабриста) и с его меньшим сыном Квазимодо, которому дал на честное слово до завтра два полуимпериаля и которые, разумеется, пропали. Еще познакомился с одним из бесчисленных членов фамилии Род-янки и на третий день моего пребывания в Ромни купил на жилет какой-то материи, фунт донского балыка и с непоименованным Родзянкою выехал из этого омута на Ромодановский шлях.

Вот и все, что я на досуге припомнил о роменской ярмарке по поводу ильина дня.

20-е июля — день, в который я предполагал проститься с моею тюрьмою, так написал и Лазаревскому и Кухаренку. А ветер, олицетворенная судьба, распорядился иначе. Что делать? Посидим еще за морем да подождем погоды. В продолжение ильина дня и ночи ветер не шелохнулся. Мертвая тишина.

21 [июля]

Записавши роменские воспоминания, я по случаю воскресения пошел в укрепление побриться и от первого унтер-офицера Кулиха услышал, что в 9-м часу утра пришла почто-

вая лодка. Побрившись, скрепя сердце, я возвращался на огород и, выходя из укрепления, встретил смотрителя полугоспиталя Бажанова, и он первый поздравил меня с свободой 21 июля 1857 года, в 11 часов утра.

В первом часу получил Залесского письмо ^{126} от 30 мая.

От трех часов пополудни до трех часов полуночи под вербою с Фиялковским пили чай ^{127} и лимоновку и на выдержку прочитали несколько мест Либельта и нашли, что подобные книги пишутся для арестантов, которым даже библии не дают читать. Замечание довольно резкое и почти верное, но об этом на досуге.

22 [июля]

По случаю сего радостного для меня события можно бы и оставить небольшой пробел в сей прозаической хронике, но так как в физической моей деятельности, или, лучше сказать, бездействии, не последовало решительной перемены и, как кажется, раньше 8-го дня августа не должно ожидать сицевой перемены, то во избежание решительного бездействия, а паче — соблазнительной лимоновки,

и буду, не нарушая заведенного порядка, по утрам нагревать свой чайник и число за числом, стройно, как солдатская шеренга, вести свой журнал. От безделья и это рукоделье.

Сегодня комендант сказал мне, что он не может дать мне пропуск от Новопетровского укрепления через Астрахань^{128} до Петербурга, потому что он не имеет приказа по корпусу о моем увольнении, и если таковой приказ не получится на следующей почте, то предполагаемое мною живописное, спокойное и дешевое путешествие Волгою не состоялось. Но это поправная беда. В Оренбурге с помощью друзей моих, Бюрно и Герна^{129}, я восстановлю свои оскудевшие финансы. Жаль только, что ненужное удаление от прямого пути заставляет меня отказаться от желания видеть в нынешнем году художественную выставку в Академии, — опоздаю; а еще больше жаль, что я должен отсрочить радостное свидание с Лазаревским и прочими моими земляками-друзьями, а еще более жаль мне, что совершенно лишние 1000 верст отдалят от меня минуту блаженнейшего счастья, минуту, в которую я сердечною слезою благодарности

омочу руку моей благороднейшей заступницы графини Настасий Ивановны и ее великодушного супруга графа Федора Петровича.

О мои незабвенные благодетели! Без вашего человеколюбивого заступничества, без вашего теплого родственного участия к моей печальной судьбе меня бы задушил всемогущий сатрап в этом безотрадном заточении. Благодарю вас, мои заступники, мои избавители! Вся радость, все счастье, вся моя светлая будущность суть ваше нетленное добро, мои единые, мои святые заступники!

Графу Федору Петровичу с этой же почтою я напишу письмо. О, как бы мне не хотелось писать этих бездушных каракуль, которые выражают только чопорную вежливость и ничего больше. Графине Настасий Ивановне я не могу теперь писать: все, что бы я ни написал ей, это и тени не выскажет того восторженно-сладкого чувства благодарности, которым переполнено мое сердце и которое я могу излить только слезами при личном моем свидании с нею.

Лазаревскому, вместо письма, пошлю эти две тетради моего журнала^{130}: пускай читает

с Семеном в ожидании меня — его искренне-го счастливого друга.

На сегодня довольно. Пойду в укрепление, достану свежих чернил от Кулиха, новое перо и бумаги на третью тетрадь для сего журнала. Настала новая эпоха в моей старой жизни. Должно быть все новое.

23 [июля]

Кулих, снабдивши меня бумагою, пером и чернилами, предложил мне с собою пообедать, быть может, в последний раз. На такой трогательный довод сказать было нечего, и я согласился тем охотнее, что и Фиялковский, веселый и умный малый, случился тут же и тоже не отказывался от солдатской трапезы. Кулих, как каптенармус, к обыкновенным щам и каше прибавил кусок жареной баранины; я достал из кармана большой огурец (без этого лакомства я не являюсь в укрепление). А Фиялковский тоже достал из кармана и поставил на стол бутылку с водкой. Не пышно, но с аппетитом и так искренно весело мы пообедали, как дай бог всем добрым людям так каждый день обедать. За обедом и после обеда Фиялковский забавно подтрунивал над Ку-

лихом, его чином и в особенности над его тепленьким местом. Кулих, чтобы отделаться от неистоцимого Фиялковского, обратился ко мне с вопросом: как мне нравится книга, которую он принес для меня из Уральска? Я, разумеется, сказал, что очень нравится. На что Фиялковский страшно захохотал и громогласно назвал Либельта просто дурнем за то, что он написал такую книгу, Пшевлоцкого за то, что он купил эту книгу, а Кулиха дубельтовым дурнем⁽¹³¹⁾ за то, что он 500 верст нес на плечах своих эту пустую, увесистую книгу. Кулих не на шутку обиделся такой нецеремонной критикой и требовал ясных доказательств на такую грубую клевету. Чтобы утишить возникавшую ссору, я пригласил приятелей к себе на огород пить чай. Предложение было принято, и мы отправились под мою вербу. Либельт лежал у меня под подушкой, и я в ожидании чайника предложил Фиялковскому прочесть вслух страничку из сего великого творения; он охотно это исполнил. Кулих не поверил слышанному. Он думал, что Фиялковский импровизирует и продолжает трунить над его тяжелою ношею, вы-

рвал у него из рук книгу и прочитал сам весь параграф «О фантазии».

— Что? — спросил Фиялковский наивно изумленного Кулиха.

— Пшевлотский, — отвечал он, — цивилизованный дурень: вот и все!

Насмешки Фиялковский возобновил с прежнею силою, пока не остановил его своим приходом общий наш приятель Кампиньони. Этот бессовестный пьяница ради рюмки лимонки не постыдился подойти к нам и поздравлять меня с получением свободы. Мы встали и разошлись в разные стороны, предоставив в полное распоряжение незваного гостя чайник и бутылку с лимонкой. Вежливость за вежливость.

Ночь была лунная, тихая, очаровательная ночь! Я долго гулял по огороду, а нежные наши дамы (комендантша и Бажанова) из опасения простудиться сидели за сальным огарком в вонючей киргизской кибитке и, разумеется, сплетничали. Им бы предложить эстетику Либельта, что бы они из нее сделали? Наверное, папильотки. И это естественно. Для человека-материалиста, которому бог отказал

в святом, радостном чувстве понимания его благодати, — его нетленной красоты, для такого получеловека всякая теория прекрасного — ничего больше как пустая болтовня; для человека же, одаренного этим божественным разумом — чувством, подобная теория также пустая болтовня и еще хуже — шарлатанство. Если бы эти безжизненные ученые эстетика, эти хирурги прекрасного, вместо теории писали историю изящных искусств, тут была бы очевидная польза. Вазари переживет целые легионы Либельтов^{132}.

24 [июля]

Перед рассветом прошел сильный дождь с грозой, и около города в запруженную балку налилось с каменных оврагов столько воды, что можно плавать порядочной лодке, что мы и пробовали с Ираклием Александровичем после обеда. Жаль, что в этой лощине песчаный грунт и вода на поверхности его не может удержаться долго; а какое бы было украшение и польза этому безводному месту.

Вечером капитан Косарев объявил мне с претензией на благодарность, что он, по приказанию коменданта, отдал приказ по полу-

батальону о моем увольнении, за что я ни-
жайше благодарил господина коменданта.

25 [июля]

Весь день провел в гостях у Мостовского на
ближней пристани. Он арестован на неделю
по распоряжению окружного начальника ар-
тиллерии генерала Фреймана вследствие кля-
уз своего цейхвахтера, отвратительнейшего
надворного советника Мешкова. Арест Мо-
стовского ничего больше как маска, а надвор-
ному советнику велено подать в отставку и
передать свою подполковничью должность
нижнему чину, какому-то фейерверкеру Ми-
хайлу Иванову. Это в своем роде маска.

Перед вечером приехал на пристань ко-
мендант и взял меня с собою на огород, а к ве-
черу еще раз покатались мы в лодке по дож-
девому ставу.

26 [июля]

Сегодня во весь день и до половины ночи
работал я над письмом графу Федору Петро-
вичу и ничего не мог сделать с этим неудаю-
щимся письмом. Мне хочется высказаться
как можно проще и благороднее, а оно выхо-
дит или высокопарно до смешного, или чув-

ствительно до нелепого, или, наконец, льсти-
во до подлого, но никак не выходит то, чего
бы мне хотелось. Это, вероятно, оттого оно у
меня не клеится, что я еще не пришел в себя
от радости. Нужно подождать; еще время тер-
пит: раньше 8 августа почта не отправится из
укрепления. Время еще терпит. Записать раз-
ве черновое на память и исподволь, на досуге,
поправить во избежание поговорки: поспе-
шить — людей насмешить, как я это сделал
моим ответом на письмо графини Настасий
Ивановны от 12 октября минувшего года, ко-
торым она первая известила меня о предсто-
ящей свободе и на которое я хватил ей такую
восторженную чепуху (второпях, разумеется),
что она сочла меня или с ума спятившим,
или просто пьяным. А чтобы этого и теперь
не случилось, то напишу сначала черновое
письмо, а попростывши немного, напишу и
беловое.

Ваше сиятельство

Граф Федор Петрович!

*Вашему великодушному заступниче-
ству и святому человеколюбивому
участию графини Настасий Ивановны*

обязан я моей новой жизнью, моим радостным обновлением. Я теперь так счастлив, так невыразимо счастлив, что не нахожу слов достойно выразить вам мою сердечную, мою бесконечную благодарность. Без вашего человеколюбивого христианского участия в моей безотрадной судьбе меня задушили бы в этой широкой тюрьме, в этой бесконечной, безлюдной пустыне; а теперь я свободен. Теперь, независимо ни от чьей воли, я строю свое радужное будущее, свое безмятежное грядущее. Какая радость, какое полное счастье наполняет мою душу при мысли, что я снова увижу Академию, увижу вас, моего единого спасителя, и слезами радости и благодарности омочу ваши чудотворящие руки! Молю милосердного господа сократить путь и время к этому беспредельному счастью. А теперь, боже всемогущий, услыши мою чистую, искреннюю молитву и надолго-долго продли ваши драгоценные дни для славы божественного искусства и для счастья людей, близких вашему любящему сердцу.

21 июля получено здесь официальное известие о моем освобождении. В тот же день я просил коменданта дать мне пропуск через Астрахань до Петербурга; но он без воли высшего начальства не может этого сделать, и я для получения драгоценного этого паспорта должен побывать еще раз в Оренбурге и сделать по этому случаю 1000 верст лишних почти по пустыне. Но господь милосердый, помогавший мне исходить во всех направлениях эту безлюдную пустыню, не оставит меня и на этом, теперь коротком, пути. Грустно только, что этот ненужный путь отдалит, по крайней мере на месяц, радостную минуту свидания с вами, с графиней Настасией Ивановной, главной виновницей моего счастья!

Всемогущий и премилосердый господь не оставил меня здоровьем в этом долголетнем и суровом испытании; и любовь, которую я, с раннего детства, бессознательно питал к прекрасным искусствам, теперь посылает он мне, — любовь сознательную, и светлую, и крепкую, как алмаз. Живопис-

цем-творцом я не могу быть; об этом счастью неразумно было бы и помышлять, но я по приезде в Академию с божиею помощию и с помощию добрых и просвещенных людей буду гравером а la aquatinta и, уповая на милость и помощь божую и на ваши советы и покровительство, надеюсь сделать что-нибудь достойное возлюбленного искусства. Распространять посредством гравюры славу славных художников, распространять в обществе вкус и любовь к доброму и прекрасному — это чистейшая, угоднейшая молитва человеколюбцу богу. И посылно бескорыстная услуга человеку. Это мое единственное непреложное стремление. На большее я не могу надеяться. И только буду просить не оставить меня вашим просвещенным содействием в этой моей милой лучезарной надежде.

Целую руки моей святой заступницы гр. Настасий Ивановны, целую вас, ваше семейство, целую все близкое вашему доброму сердцу и остаюсь по гроб благодарный художник Т. Шевченко.

Я не мог себе отказать в радости подписать под этим черновым письмом «художник Т. Шевченко». В продолжение 10 лет я писался и подписывался «рядовой Т. Шевченко». И сегодня в первый раз написал я это душу радующее звание.

27 [июля]

Сегодня за обедом Ираклий Александрович сообщил мне важную художественную новость, вычитанную им в «Русском инвалиде»^{133}. Новость эта для меня интересна своею неновостью. «Инвалид» извещает, что, наконец, колоссальное чудо живописи — картина Иванова «Иоанн Креститель» окончена! И была представлена римской публике во время пребывания в Риме вдовствующей императрицы Александры Федоровны. И, по словам самого художника (в газете сказано — скромного), произвела фурор, какого он не ожидал. Дай, боже, нашему теляті вовка зыисты. Но мне что-то страшно за автора «Марии Магдалины». Двадцатилетний труд сохранил ли сочность и свежесть жизни? Не увял ли он, как южный роскошный цветок, от долгого и ненужного поливания, не заплесневел ли он,

как хмельное пиво, от долгого брожения? Боже сохрани всякого артиста от такого печального и запоздалого урока.

Еще будучи в Академии, я много слышал об этом колоссальном, тогда уже почти оконченном, труде. Художники нерешительно говорили о нем; аматоры решительно восхищались^{134}, в том числе и покойный Гоголь. Карл Павлович Брюллов никогда ни слова не говорил о картине Иванова, самого же Иванова в шутку называл немцем, то есть кропуном. А кропанье, по словам великого Брюллова, верный признак бездарности, с чем я не могу согласиться в отношении Иванова, глядя на его «Марию Магдалину».

Восторженное письмо Гоголя ничего не сказало художнику, ни даже опытному знатоку об этом произведении. Теоретики все одним миром мазаны. Граф де Кенси написал отличнейший трактат^{135} о «Юпитере Олимпийском» — статуе Фидия, издал его *in folio*, великолепно для своего времени (в начале текущего столетия), и, если бы не приложил к своему роскошному изданию рисунков, художники бы подумали, что душа самого вели-

кого Фидия говорит устами вдохновенного графа. Но неуклюжие изобличители-рисунки испортили все дело. Как после этого верить этим восторженным теоретикам? Говорит как будто бы и дело, а делает черт знает что. Почтенному графу, вероятно, нравились эти рисунки-уроды, если он приложил их к своему ученому трактату.

Как бы я был рад, если бы картина Иванова опровергла мое предубеждение: к коллекции моих будущих эстампов а la aquatinta прибавился бы еще один великолепный эстамп.

О картине Моллера^{136} «Иван Богослов проповедует на острове Патмосе во время праздника вакханалий», о которой я случайно прочитал в «Русском инвалиде», что она показывается в Петербурге публично в пользу раненых в Севастополе, — не знаю, почему я имею выгоднее понятие о картине Моллера, чем о многолетнем произведении Иванова.

28 [июля]

Еще вчера, то есть в субботу вечером, уговорились мы с Фиялковским провести сегодняшней воскресный день где-нибудь по-

дальше от противного укрепления и для сей уединенной радости *назнали* место в балке, в глубоком диком овраге, верстах в пяти от укрепления, где можно найти и защиту от солнца под скалами и родниковую свежую воду. Уговорились мы идти туда рано и провести весь день в ущельях этого мрачного оврага. Насчет провианта положено было, чтобы он взял кусок сырой баранины, фунтов 5 для *кебаба*, хлеба соразмерную долю и бутылку водки; а я — чайник чаю, сахару, стакан и 5 огурцов. Все улажено как нельзя лучше, — и дешево, и забористо, и я уже, по своему обыкновению, сибаритствовал умственно в объятиях мрачного оврага. Прошла ночь; настало утро, и солнышко взошло, а Фиялковский не является на огород, как мы условились. Я ждать-пождать, а его все нет как нет. Я нагрел чайник и принялся за чай, не переставая смотреть на укрепление. Наконец, ругнул я изменника хорошенько и принялся строчить новую тетрадь, а Андрий Обеременко (огородник от подвижной команды и близкий мой земляк), которого я пригласил с собою в балку в виде товарища и мехоноши⁽¹³⁷⁾,

выпивши вместо стакана чаю рюмку водки, принялся ругать проклятого нечестивого ляха.

Поусумнившись достаточно в достоинстве многолетнего труда Иванова, я закрыл тетрадь и пошел в укрепление разрешать задачу, заданную мне паном Фиялковским. Прихожу, а он сидит на крылечке около казарм и ругает Дахмищина, солдата еврея, за то, что он не дает ему более 20 копеек за койку.

— А что же ты, — говорю я, — про балку забыл?

— Постой, дай кончить гандель, — говорит он. Кончивши гандель, он признался мне, что от заката до восхода солнца тянул штосса и протянулся до снаги. Кулих даже подушку взял. Пособолезновав немного о его неудаче, я предложил снова путешествие в балку, уже в три часа после обеда, взявши на свой кошт и хлеб, и мясо, и водку. Он охотно согласился, и мы, сказавши друг другу «непременно», расстались. Взял я у артельщика в долг 5 фунтов баранины, столько же фунтов хлеба и, возвращаясь на огород, послал Обеременка в кабак за водкою.

После обеда я, по обыкновению, вздремнул немного под вербою, и ровно к трем часам собрались мы с Обеременком в дорогу. Собравшись, уселись мы снова под вербою. Пробило 4 часа: нема нашего пана Фиялковского. Андрий молча посмотрел на меня и принялся снова за свою люльку-буруньку. Пробило и пять часов, а пана Фиялковского не видать. Андрий снова посмотрел на меня и уже не вытерпел: плюнул. Прошло еще полчаса, и Андрий начал *росташовувать* торбу с провиантом и, вынимая баранину, проговорил:

— Понапрасну тилько добро знівечилы... Сказано — лях! — прибавил он как бы про себя. — Невира. То так и пропаде, так здохне невирую.

Я не нашел нужным убеждать Андрия в противном, велел ему отдать баранину в комендантскую кухню и просить повара зажарить ее к вечеру, а сам пошел на ближнюю пристань навестить заключенного друга Мостовского.

Проходя мимо первой батареи или флагштока, я увидел внизу под скалою кучку солдат, играющих в орлянку. Сначала я не обра-

тил внимания на эту весьма обыкновенную картину. Но мне как будто шепнул кто-то: не здесь ли Фиялковский? Всматриваюсь и глазам не верю: мой Фиялковский, спустив с правого плеча шинель, с ловкостью знатока дела бросил что-то вверх; кружок игроков быстро поднял головы и потом медленно опустил, крикнувши: орел! Фиялковский нагнулся очистить кон, а я, пожелав ему успеха, пошел далее.

Погостивши у Мостовского до восхода едва ущербленной луны, я собрался в обратный путь. Прощаясь, он благодарил меня за навещение и еще за то, что два года тому назад я не принял его благородного предложения поселиться у него на квартире. Теперь он только понял, какую подлую кляuzu мог вывести Мешков из нашего сожителства: у него не дрогнула бы рука воспользоваться силою военных уголовных законов, где сказано, что офицер, позволивший себе фамильярное обращение с нижним чином, предается военному суду. Теперь только он увидел пропасть, от которой я его отвел, зная лучше отвратительного надворного советника Мешкова.

Ночь. Лунная, тихая, волшебная ночь. Как прекрасно верно гармонировала эта очаровательная пустынная картина с очаровательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочитал несколько раз, как лучшую молитву создателю этой невыразимой гармонии в своем бесконечном мироздании. Не доходя укрепления, на каменистом пригорке я сел отдохнуть и, глядя на освещенную луной тоже каменистую дорогу, еще раз прочитал:

*Выхожу один я на дорогу,
Предо мной кремнистый путь
блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет бо-
гу,
И звезда с звездою говорит.*

Отдыхая на камне, я смотрел на мрачную батарею, высоко рисовавшуюся на скале, и многое, многое вспомнил из моей прошлой невольнической жизни В заключение поблагодарил всемогущего человеколюбца, даровавшего мне силу души и тела пройти этот мрачный, тернистый путь, не уязвив себя и не унизив в себе человеческого достоинства.

Успокоив себя святою молитвою, я побрел тихонько на огород, нарушив глубокую тишину очаровательной ночи песнею:

*Та нема в світі гірш нікому,
Як сіромі молодому...*

Не доходя с полверсты до огорода (это уже было в первом часу ночи), меня встретил Андрей Обеременко вопросом:

— Дэ це вас бог носыть до такой добы?

— У гостях, — кажу, — був.

— Та я бачу, що в гостях, бо добри люды тилько йдучи з гостей співають.

Я как будто не слышу его слов, запел:

*Іде багач, іде дукач,
П'ян шатається,
Над бідною голотою
Насміхається.*

— Та годи вже вам, — перебивает меня ласково Андрей, — идить лучче та покладитесь спать... А я продолжаю:

*Один веде за чуприну,
Другий з тила б'є:
Не йди туди, вражий сину,
Де голота п'є.*

Андрей, убедившись, что я совершенно пьяный, взял меня осторожно под руку, привел к вербе, разостлал свою шинель, нарвал и положил под голову бурьяну, положил меня, перекрестил и ушел. Мне не приходилось разочаровывать старика в его богоугодном подвиге и тем более являть перед ним свои лицедейские качества. Я от души молча поблагодарил его и, не долго поворочавшись, заснул.

29 [июля]

Видел во сне Семена Артемовского с женою, выходящего от обедни из церкви Покрова; на Сенной площади будто бы разведен парк, деревья еще молодые, но огромные; в особенности поразил меня своею величиною папоротник: настоящий китайский ясень. В парке встретили Кулиша, тоже с женой, и вместе пошли в гости к Михайлу Лазаревскому.

Все, что сердцу дорого, сгруппировалось на этот раз в моем сновидении. И если б не проклятые курчата своим несносным чокотаньем меня разбудили, я непременно бы увидел еще кого-нибудь из дорогих моих друзей.

И мало того, что бегают около тебя, визжат, ко-кочут, — нет, нужно еще тебе на лицо вскочить да за нос ущипнуть. Счастлив ты, храбрый молодец, что не попался мне под руку, а то бы я оторвал смелую голову, чтобы ты знал, как клевать доброго человека, когда он спит и видит во сне такие отрадные, милые сердцу лица.

Разбуженный так некстати чубатеньким нахалом, я встал и ушел в беседку с твердым намерением продолжить прекрасное видение. Но при всем моем желании этот проект мне не удался. Солнце, которое другой раз так вяло, медленно поднимается из-за горизонта, тут, как насмех, быстро выскочило, как бы желая поощрить бесчеловечный поступок чубатого нахала и поднять на ноги смиренно в углах дремавших мух. Делать нечего. Трудно противу рожна прати; делать нечего, я встал, уготовал себе трапезу, то есть чай, и пошел искать человеколюбивого Андрия, так любовно успокоившего меня вчера под вербою; чтобы столь милосердый подвиг достойно оценить, я думал его попотчевать

Чаем шклянкою

І горілки чаркою.

Но увы! Это доброе намерение мне не удалось! Андрий (чего я никак не ожидал) спал сном праведника в своей темной землянке. Зная из недавнего опыта, как невежливо и нехорошо нарушить чужой покой, я оставил Андрия в покое, вполне уверенный, что старик позволил себе вчера лишнюю чарку, что с ним если и случается, то весьма-весьма редко. Артиллерийский огородник, его друг и товарищ по землянке, приятно рассеял мое, не совсем выгодное, предположение в отношении Андрия. Он сказал мне, что прошлой ночи Андрий был очередным ночным сторожем огорода и, разумеется, всю ночь не спал, так теперь и пополняет ущерб.

Делать нечего, чаю шклянку и горилки чарку отложил до другого разу, а теперь напишу несколько строк в моем журнале на память о тебе, мой настоящий, простой, благородный земляк.

Вскоре по прибытии моем в укрепление я заметил в солдатской публике (другой публики в укреплениях не имеется), в этой однообразной, жалкой публике, совершенно не сол-

датскую фигуру. Походка, физиономия, даже шапка-чабанка — все в нем обличало моего земляка. Спрашиваю, что это за человек такой? Мне отвечают, что это Андрий, госпитальный служитель и хохол. Это-то мне и нужно. Физиономия его показалась мне более суровою, нежели вообще у земляков моих, и потому-то я начал с ним сближаться издалека и осторожно, удостоверившись от его ближайшего начальства, унтер-офицера Игнатьева и капитана Балагурова, смотрителя полугоспиталя, что Андрий Обеременко — примерной честности и трезвой жизни человек. Я начал искать случая поговорить с ним наедине по-своему, но он как будто бы заметил мои маневры и, как казалось, старался отклонить от себя эту честь. Меня это более подстрекало на сближение.

Большую часть бессонных ночей в Новопетровском укреплении провел я, сидя на крылечке у офицерского флигеля. Однажды — это было зимой часу в третьем ночи — сижу я, по своему обыкновению, на крылечке, смотрю — из лазаретной кухни выходит Андрий. Он тогда занимал должность хлебопека

и квасника. Завидное место огородника я уже ему выхлопотал.

— А що, — говорю я Андрию, — и тоби, ма-
буть, не спытсья?

— Та не спытсья, матери его ковинька, —
сказал он. Я затрепетал, услыша его чистый,
неиспорченный, родной выговор. Я попросил
его посидеть *трохи* со мною, на что он
неохотно согласился. Разговор начал я, как
это обыкновенно водится между солдатами,
спросом, которой земляк губернии и т. д. На
мой спрос Андрий отвечал, что он губернии
Киевской, повита Звенигородского, из села
Ризаной, тут, коло Лысянки, колы чувалы, —
прибавил он, а я прибавил, что не тилько чу-
вав, а сам бував и в Лысянці, и в Ризаний, и в
Русаливци, и всюды. Одним словом, оказа-
лось, что мы — самые близкие земляки.

— Я сам бачу, — сказал он, — що мы свои,
та не знаю, як до вас приступыты, бо вы все
то з офицерами, то з ляхами, то що. Як тут, ду-
маю, до его пидийты? Може воно й сам який-
небудь лях, та так тилько ману пускае.

Я принялся снова уверять его, что я насто-
ящий его земляк, искренно желал продол-

жать разговор, но пробило три часа, и он ушел топить печь для хлебов и для квасу.

Так началось наше личное знакомство с Андрием Обеременком. И чем далее-более узнавали мы друг друга и более привязывались друг к другу. Но наружные отношения наши остались те же самые, что и в первое наше свидание: он себе не позволял ни одного шагу наружного сближения, ни тени ласкательства, как это делали другие. Подозревая во мне, не знаю почему, богача-земляка и даже родственника коменданта, Андрий наравне с другими верил во все это, но при других он даже не кланялся со мною, чтобы не подумали другие, что он навязывается ко мне в друзья. Местом наших постоянных свиданий было помянутое крылечко, а время — ночь, когда все, кроме перекликавшихся часовых, спало. Невозмутимо холодная, даже суровая наружность его обличала в нем человека жестокого, равнодушного. Но это — маска. Он страстно любит маленьких детей, а это верный знак сердца кроткого, незлобивого. Я часто, как живописец, любовался его темно-бронзовой усатой физиономией, когда она

нежно льнула к розовой щечке младенца. Это была одна-единственная радость в его суровой, одинокой жизни. Независимо от его простого, благородного характера, я полюбил его за то, что он в продолжение двадцатилетней солдатской пошлой, гнусной жизни не опозил и не унизил своего национального и человеческого достоинства. Он остался верным во всех отношениях своей прекрасной национальности. А такая черта благородит и даже неблагородного человека. Если мелькали светлые минуты в моем темном долголетнем заточении, то этими сладкими минутами я обязан ему, моему простому, благородному другу, Андрию Обеременку.

Пошли же тебе, господи, мой неизменный друже, скорый конец испытанию. И поможи тебе пресвятая мать всех скорбящих пройти эти безводные пустыни, напиться сладкой днепровой воды и вдохнуть в измученную грудь живительный воздух нашей прекрасной, нашей милой родины!

В продолжение дня я не видался с Андрием. Перед вечером пошел я нарисовать вид первой батареи с того самого места, с которо-

го я ночью любовался ею, возвращаясь от Мостовского. Когда-нибудь сделаю акварельный рисунок. Уже стемнело, когда я возвратился на огород. Под вербою сидел Андрий и встретил меня таким вопросом:

— А що мы будем робыть з отым мясом?

— З яким?

— А що на льоди другий день валяється.

— Собакам його викинуть, а як не смердыть, то повечеряем.

— Я вже вечеряв.

— А я не хочу вечерять, — сказал я и уже хотел идти в беседку.

— А знаете що? — сказал Андрий, останавливая меня.

— Не знаю що.

— Ходимо з отим мясом завтра раненько на балку та поснідаем доладу.

— Добре, ходимо.

— Та не берыть з собою отого цыгана, отого проклятого ляха. Нехай вин сказыться.

— Добре, не визьмемо никого.

И мы расстались.

5 [августа]

В 5 часов вечера приплыл я на самой ут-

лой рыбацкой ладье в город Астрахань. Все это так нечаянно и так быстро совершилось, что я едва верю совершившемуся. Я, как во сне виденную, припоминаю теперь прогулку мою в балку с Андрием Обеременком, после которой на другой день, то есть 31 июля, Ираклий Александрович внезапно согласился ^{138} дать мне пропуск прямо в Петербург. На другой же день он сдержал свое слово, а на третий, то есть 2 августа, в 9 часов вечера, оставил я Новопетровское укрепление и после трехдневного благополучного плавания по морю и по одному из многочисленных рукавов Волги прибыл в Астрахань.

6 [августа]

Астрахань это — остров, омываемый одним из протоков Волги, перерезанный рядом вонючих болот, называемых рекою Кутумом, и каналом, ни в чем не уступающем реке Кутуму. Полуостров этот окружен густым лесом мачт и уставлен живописными бедными лачугами и серыми, весьма неживописными, деревянными домиками с мезонинами, не похожими на лачуги потому только, что из них выглядывают флотские и вообще официаль-

ные физиономии. Всю эту огромную безобразную серую кучу мусора венчают зубчатые белые стены кремля и стройный великолепный пятиглавый собор московской архитектуры XVII столетия. Таков город Астрахань, но не таким он мне представлялся, когда я, подходя к Бирючей косе (главная застава в устьях Волги), увидел сотни, правда безобразных, кораблей, нагруженных большею частью хлебом, — мне представлялась Венеция времен дождей, а оказалось — гора мышь родила. А проток Волги, окружающий Астрахань и сообщаящийся с Каспийским морем, глубиной и шириной Босфору не уступит. Но проток этот омывает не Золотой Рог, а огромную кучу вонючего навоза. Где же причина этой нищеты (наружной) и отвратительной грязи (тоже наружной) и, вероятно, внутренней? Где эта причина? В армяно-татарско-калмыцком народонаселении или в другой какой политическо-экономической пружине? Последнее вероятнее, потому вероятнее, что и другие наши губернские города ничем не уступают Астрахани, исключая Ригу^{139}.

Из множества частных пароходов теперь

ни одного нет в Астрахани по причине Макарьевской ярмарки^{140}. Пароход «Меркурий» возвратится в Астрахань не прежде 15 августа, а к 20 августа нагрузится и пойдет в Рыбинск и меня довезет до Нижнего. А пока я волею-неволею делаюсь соглядатаем сего нарочито грязного города.

7 [августа]

Ай да Астрахань! Ай да портовый город! Ни одного трактира, где бы можно хоть как-нибудь пообедать, а о квартире в гостинице и говорить нечего. Зашел я в одну сегодня из так называемых гостиниц на косе Герап (на астраханском Золотом Рого), спросил чего-нибудь поесть. И запачканный вертлявый половой отвечал мне, что все, что прикажете, все есть, кроме чая. А на поверку оказалось, что ничего не имеется, кроме чая, даже обыкновенной ухи. Это — в Астрахани, в городе, который половину огромного русского царства кормит осетриной! И если бы не приехал сюда по делам службы, двумя месяцами прежде меня, Новопетровского укрепления плац-адъютант Бурцов^{141}, то мне пришлось бы ночевать если не на улице, то в калмыцкой кибит-

ке. Они здесь так же чисты, как и грязные лачуги, но гостеприимнее. Спасибо Бурцову: он приютил и накормил меня в этом негостеприимном улусе.

8 [августа]

На человека, прозябавшего, как я, семь лет в нагой пустыне, всякий, даже богоспасаемый город Белебей (самый ничтожный городишко Оренбургской губернии), должен бы был сделать приятное впечатление. Со мной случилось не так. Стало быть, я не совсем еще одичал. Это хорошо. Сегодня поутру вышел я в город с намерением отыскать колбасную лавку, чтобы заpastись прочной провизией для дороги и попристальнее всмотреться в наружность города. Проходя по Московской улице (Невский проспект), у меня начало сглаживаться первое неприятное впечатление. Улица — хоть куда. Дома большею частью трехэтажные, украшенные снизу, как водится, вывесками, преимущественно голубыми с золотом. Из лавок, преимущественно галантерейных, выглядывают вяло-красивые армянские, а изредка и персидские выразительные физиономии. Гостиный двор, несмотря на массу,

здание легкое и даже грациозное, здание во вкусе Гваренги^[142]. Губернаторский дом — тоже здание массивное в отношении к частным домам, бельэтаж, а ля ренессанс, смотрит весело, вроде бонтонного отеля, поддерживаемый массивною галереєю аркад, под которыми помещаются лавки с разными благородными товарами, в том числе и с кумысом. Сначала меня это поразило своей дисгармонией: в жилище представителя верховной власти — лавки с разными товарами, в том числе и с кумысом! Странно. Но как мирная промышленность не может иначе процветать, как под эгидою власти, то я на этой мысли помирился и пошел далее. Обойдя вокруг покрытый пылью сквер, я вышел в другую, параллельную Московской, улицу, уже менее украшенную вывесками и армянами. Из этой ничем особенно не примечательной улицы я взял налево и, перейдя деревянный мост, очутился за Кутумом.

Пройдя шагов сто по улице, перед домом, наружностью своей напоминающим загородный трактир средней руки, деревянный, одноэтажный с бельведером, и по широкой,

окружающей бельведер галерее, усатый кавалер, в сером пальто-сак и с серебряным Георгием, прохаживается и с достоинством поглядывает на спящих плебеев, калмыков и татар. Настоящий гренадер под фирмою лонлакея. «Не дворянское ли это астраханское собрание?» — подумал я и хотел идти далее, как мне мелькнула в глазах над воротами желтая табличка с надписью: дом Сапожникова¹⁴³. Не будь Александр Александрович Сапожников бриллиантовой звездой астраханского горизонта и безмездным астраханским метрд'отелем, я зашел бы к нему, как к старому знакомому, но эти великолепные его недостатки меня остановили.

За домом и садом Сапожникова видны вдали лачуги. Я, как живописец, люблю шляться по этим грязным живописным закоулкам, но как человек, искренно любящий человека, я перед домом миллионера сделал налево кругом и вскоре очутился в центре города.

В центре города, то есть на Московской улице, зашел я в гостиницу под фирмою «Москва», спросил себе пару чаю и уселся в компании татар и армян. Машину накрутил

какой-то молодец в солдатской шинели, и она задрезжала увертюру «Роберта-Дьявола»^{144}. Несмотря на отсутствие всякой гармонии, меня тронула и до слез тронула эта изуродованная красавица-мелодия. Значит, я давно уже не слышал ничего и похожего на музыку. Барабан и горн очерствили мой слух, но не очерствили сердца, воспринимающего прекрасное.

После увертюры «Роберта» машина зашипела «Уж как веет ветерок». Я и это шипение прослушал с наслаждением и, почти примиренный с Астраханью, заплатил пятиалтынный за чай и вышел на улицу

Московская улица. Существует ли хоть один губернский город в России без Московской улицы? Кажется, нет. А без колбасной лавки существуют многие губернные города, в том числе и портовый город Астрахань. Дрянь, никуда негодный портовый город Астрахань! Я обошел все главные и неглавные улицы, прочитал всех цветов большие и малые вывески, говорившие большей частью о продаже чихиря и панских товаров, но ни одна из них не сказала о продаже копченых

колбас. Эх, немцы, немцы сарептские, и вы акклиматизировались, а я наверняка рассчитывал на вашу стойкую колбасолюбивую натуру.

После обеда, по наставлению Авдотьи, кухарки Бурцова, пошел я отыскивать немецкую булочную, в которой, по ее словам, продаются и немецкие колбасы. Топография города уже мне более или менее известна, и я, по указаниям тоже Авдотьи, без особенного труда нашел немецкую булочную. Добродушная круглая физиономия немца вытянулась и осторожно улыбнулась, когда я вместо булки спросил колбасу. Но как я не шутя спрашивал, то немец не шутя и отвечал мне, что он булочный, но не колбасный мастер и что колбасного мастера во всем городе нет ни одного, и что если в сарептской лавке я не найду этого товара, то до самого Саратова я не увижу ни одной колбасы. Но так как сарептская лавка, по сказаниям того же немца, весьма неблизка к центру города, то я и отложил мои поиски до завтрашнего дня.

Сегодня 8 августа. Сегодня выйдет почтовая лодка из Новопетровского укрепления в

Гурьев-городок и возьмет с собою Фиялковского и прочих, освобожденных вместе со мною. Желаю тебе лучшей будущности, Фиялковекий, ты вполне ее достоин. На расставанье он и Мостовский дали мне свои будущие адреса, но едва ли у нас завяжется когда-нибудь переписка, потому что я не принадлежу к касте пустомелей, а они, как люди более меня практические, тоже не будут переливать из пустого в порожнее. Но я всегда сохраню воспоминания о вас, мои благородные друзья.

9 [августа]

В 5 часов утра пошел я от нечего делать на косу (пристань) проведать моих новопетровских аргонавтов, так быстро переплывших со мною Хвалынское море. Рыбу они свою продали, купили хлеба и с этим золотым руном отплывут завтра к пустынным берегам полуострова Мангышлака. Желаю вам счастливого плавания, бесстрашные плователи. Поклонитесь от меня прибрежным скалам, на которых я провел столько бессонных ночей, поклонитесь от меня коменданту и благородному Мостовскому — и больше никому.

Простившись с аргонавтами, я прошел на

малые *исады* (съестной базар). Кроме фруктов, огородной зелени и хлеба печеного, на этих исадах я ничего не заметил; мясо не продается по случаю поста, а рыба продается на лодках. Публика рыночная, как и везде: перекупки, повара и кухарки; изредка попадаетесь заплывшая жиром купчиха-гастрономка да такого же содержания особа духовного чина, сугубо рачащая о плоти греховной. У щеголя, краснобородого кизыл-баша^{145}, купил я за 5 копеек серебра 5 головок чесноку (это добро доставляется сюда из Персии) и отправился в кремль полюбоваться вблизи красавцем-собором. Он, как щеголь XVII века, красуется в кружевах перед всем городом.

По слухам знаю я о существовании книги под названием «Описание города Астрахани»^{146}. Но о приобретении ее здесь на месте и помышлять нечего. Город, не имеющий книжной лавки, значит и читателей не имеет, а как бы кстати иметь теперь в руках эту книгу: там, верно, помещены документальные сведения о времени построения кремля и собора, как главного украшения города. Кто же мне заменит эту дорогую книгу? К кому обра-

титься мне с моим любопытством? И как ранняя обедня еще не отошла, то я пошел прямо в собор с целью встретить там священника и обратиться к нему с моей антикварской любознательностью. К счастью моему, я встретил самого ключаря собора отца Гавриила Пальмова. Так он мне рекомендовался. Но удовлетворить мое любопытство сегодня он не мог, по недостатку времени, и назначил мне свидание в соборе в воскресенье после поздней обедни. Подожду.

10 [августа]

Ходил в контору «Меркурия» узнать, скоро ли прилетит этот сын Юпитера, и мне сказали, что его ожидают не ближе 15 августа, а к 20 августа выйдет обратно в Нижний. Ожидание, как всякое ожидание, несносно. Но к этому ожиданию лепятся еще издержки, которые я думал устранить, прилепившись у Бурцова на квартире; а он, на грех, вздумал жениться (это общая слабость Новопетровского гарнизона), 17 августа у него свадьба, и я, разумеется, оказался совершенно лишним человеком. С целью отыскать себе угол на несколько дней, пошел я шляться по переул-

кам вокруг конторы «Меркурия». Здесь все заперто, кроме скворечниц на высоких шестах, свидетельствующих о жилищах меломанов. Постучался я в несколько запертых ворот наугад, потому что билетиков здесь над воротами не приклеивают, как это водится в порядочных городах. После долгих поисков удалось мне открыть наемный чулан с миниатюрным окном, выходящим прямо на помойную яму. На безрыбье и рак — рыба, на безлюдье и Фома — человек, говорит пословица. Вследствие этой мудрой пословицы, с завтрашнего дня я ночую в чулане, за 20 коп. серебра в сутки, 6 рублей в месяц чулан с помойной ямой! Да это хоть и в Сан-Франциско — так в пору.

Давши задаток, я пришел к Бурцову и, по случаю духоты и пыли на улице, я пробыл весь день в комнате, написал радостные письма друзьям⁽¹⁴⁷⁾ моим, Лазаревскому и Герну. Кухаренку напишу завтра. Ожидаю от него ответа на «Москалеву криныцю». Не знаю, что значит его молчание.

Перед вечером вышел я, как говорится, и себя показать и на людей посмотреть. Вышел

я на набережную канала. Здесь это — английская набережная в нравственном отношении, а в физическом — деревянная, дощатая. Канал сам по себе дрянь. Но как дело частного лица, это произведение гигантское, капитальное. Я не мог добиться времени его построения, узнал только, что он построен на кошт некоего богатого грека Варвараца. Честь и слава покойному элину! Так на этой-то набережной по вечерам рисуется цвет здешнего общества.

Женщины здешние ненатурально белы и преимущественно чахоточны. Мужчины вообще в белых фуражках с кокардою, не исключая и мужчин гражданского ведомства. Непонятная любовь к ливрее. Нередко попадаются львы и львицы. Эти повсеместные плотоядные не климатизируются: они и здесь такой же шерсти, как и в Архангельске, как и везде. Плебейская же физиономия калмыка и татарина здесь редко покажется: ее место на *усадах* и в грязных переулках. Всматриваясь пристальнее в господствующую здесь узкоглазую физиономию калмыка, я нахожу в ней прямодушное, кроткое выражение. И эта пре-

красная черта благородит этот некрасивый тип. Вернейшие слуги и лучшие работники здесь суть калмыки. Любимый цвет — желтый и синий, пища — какая угодно, не исключая и падали. Место жительства — кибитки, а занятия — рыбная ловля и вообще тяжелая работа. Мне понравились эти родоначальники монгольского племени.

11 [августа]

После поздней обедни в соборе обязательный отец Гавриил показал мне ризницу собора, замечательную немногими, но по достоинству работы и старины весьма редкими вещами. Первое, что он мне показал, это — плащаница, шитая шелками и золотом, времен Ивана Грозного и, по преданию, отбитая у Марины Мнишек; 2) печатное, плохо сохранившееся евангелие 1606 года; 3) сакос, шелками и золотом шитый, епископа Иосифа, убиенного Разиным; 4) фелон, шелками и золотом шитый, того же епископа; 5) архиерейский посох удивительно тонкой работы, дар царя Бориса Годунова; 6) серебряный ковш искусной работы, дар царя Петра Первого 1701 года. Огромный потир венецианской работы 1705 года.

Время заложения собора — 1698 года, и освящения — 1710 года 14 августа.

На вопрос мой, кто был архитектором этого колоссального и прекрасного собора, отец Гавриил отвечал: простой русский мужичок^{148}. Не мешало бы Константину Тону поучиться^{149} строить соборы у этого русского мужичка. Я, разумеется, не противоречил и спросил его о времени построения кремля. Он отвечал:

— Борисом Годуновым, а малый Троицкий собор построен царем Иваном Грозным, вскоре после взятия у татар Астрахани, — прибавил он, замыкая ризницу.

И на том спасибо.

12 [августа]

В 7 часов утра пришел сверху пароход «Князь Пожарский», принадлежащий компании «Меркурия». Я пошел в контору справиться о его обратном рейсе, — определительно в конторе мне ничего не сказали. Хотел взять билет, и его не дали за отсутствием главного приказчика. В надежде на скорое отплытие и по случаю умеренной духоты я пошел шляться из улицы в улицу, не теряя на-

дежды отыскать хоть какую-нибудь колбасную лавку. Но увы! Кроме пыли, смраду и вечной вывески — продажа чихиря, я ничего не встретил.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Возвращаясь из сарептского магазина, в котором все есть, кроме копченой колбасы и сарептской горчицы в банках, ругнул я моих приятелей немцев, разумеется, выйдя на улицу. Полюбовался вычурно-грубой старой архитектурой церкви рождества богородицы, морского ведомства, и, по наставлению отца Гавриила, пошел отыскивать градскую библиотеку. Против губернаторского сквера прочитал я на бледноголубой вывеске: «Публичная библиотека для чтения». Браво, подумал я, в Астрахани публичная библиотека! Стало быть, и чтения имеются. Замарашка мальчуган указал мне вход в это святилище, и я благоговейно поднялся во второй этаж и вступил в единственную залу библиотеки. Библиотекарь, в сюртуке с красным воротником и с гренадерскими усами, которого я принял за полицейского чиновника, сказал мне, что книги Рыбушкина «Описание города Астрахани» в на-

стоящее время в библиотеке не имеется, а что она находится у бухгалтера общественного призрения Васильева. Я объяснил ему, что я нездешний, но он все-таки послал меня в Приказ общественного призрения. Делать нечего, отправился я к помянутому бухгалтеру Васильеву и от сего почтенного старичка получил надежду прочитать книгу Рыбушкина завтра в 9 часов утра.

13 [августа]

Переночевал кое-как в новой квартире, или, вернее, в чулане, поутру пошел отворить ставню, и меня какой-то сытый бородач окатил помоями из полоскательной чашки и меня же выругал за то, что меня черт носит спозаранку под окнами. Я ругнул его бородастым старым ослом и отправился к Бурцову чай пить. После чаю написал Кухаренку письмо, нарочито небольшое, и с лоскутком бумаги и кусочком карандаша пошел в Публичную библиотеку для чтения. Библиотекарь, с красным воротником и гренадерскими усами, объявил мне, что бухгалтер Васильев не сообщил еще желаемой мною книги. Я остался ждать, потому что бухгалтер Васильев вчера

сам мне обещал представить книгу в библиотеку непременно к 9 часам.

В ожидании «Описания города Астрахани» Рыбушкина я спросил каталог Публичной астраханской библиотеки; каталог тоже был на дому у какого-то важного лица (не у Сапожникова ли?). И так, без каталога в руках, я увидел на полках запыленный «Вестник Европы»,^{150} длинную фалангу «Московского телеграфа» в нескольких экземплярах, графа Хвостова, Державина, Карамзина, «Дух законов» и Свод законов с прибавлениями, а остальные полки завалены творениями Дюма и Сю, не в подлиннике. О манускриптах, касающихся истории города и края, я, не знаю отчего, совестился спросить.

Но что всего интереснее было для меня в этой Публичной библиотеке — это «Русский вестник» — журнал, уже несколько лет издаваемый, а я сегодня в первый раз вижу. В какой же я дикой пустыне прозябал до сих пор!

Первая книжка «Русского вестника» за 1856 год^{151} попала мне в руки. Оглавление мне понравилось. Там были выставлены имена Гоголя, Соловьева, Аксакова — имена, хо-

рошо известные в нашей литературе. Я развертываю книгу, и мне попалась литературная летопись, читаю — и что же я читаю? Наша славная-преславная Савор-Могила раскопана! Нашли в ней какие-то золотые и другие мелочи, не говорящие даже, действительно ли это была могила одного из скифских царей. Я люблю археологию; я уважаю людей, посвятивших себя этой таинственной матери-истории; я вполне сознаю пользу этих раскопываний. Но лучше бы не раскапывали нашей славной Савор-Могилы. Странная и даже глупая привязанность к безмолвным, ничего не говорящим курганам! Во весь день и вечер я все пел:

*У степу могила
З вітром говорила.
Повій, вітре буйнесенький,
Щоб я не чорніла!*

14 [августа]

В продолжение ночи шел проливной дождь, и из пыльной серой Астрахани поутру я увидел Астрахань черную, грязную. Вооружившись туркменским чапаном^{152}, я пошел к

Бурцову пить чай, потом отнес на почту письмо и пошел в библиотеку. Но сия Публичная библиотека, вероятно по случаю дождя и грязи, была заперта, и я, поклонившись дверям сего недоступного, таинственного святилища, ушел восвояси с миром, дивясь бывшему.

И что мне этот Рыбушкин так завяз в зубах? Интереснейшее в Астрахани и без его указания я увидел (соборную ризницу), а об остальном стоит ли хлопотать? Не стоит!

15 и 16 [августа]^[153]

В день Успения пресвятой богородицы встретил я в Астрахани старого моего бывшего профессора Киевского университета, дражайшего и любимейшего нашего поэта, и встретил я его с величайшею радостью в такой далекой стороне, которого я встретил, как отца, как брата, как величайшего друга, и имел счастье прожить с ним несколько дней почти вместе.

Воспитанник Киевского университета *Иван Клопотовский*.

В тот же день и я был осчастливлен встречей с любимым и уважаемым мною поэтом, Тарасом Григорьевичем Шевченко, с которым я провожу эти дни, что оставит во мне глубокое воспоминание навсегда. Воспитанник того же университета *Степан Незабитовский^[154]*.

Я запишу в своем дневнике, что 16 августа я провел с поэтом Малороссии, Шевченко. *Евгений Одинцев^[155]*.

16 [августа]

С душевным восторгом я встретил и провел несколько часов с милым моим батьком, старым казаком Тарасом Григорьевичем Шевченко, за что очень благодарен богу, что он довел меня быть вместе с ним. *Федор Чельцов^[156]*.

17 [августа]

Иван Рогожин, из дружбы к Перфилу^[157], поступил за него на полгода в солдаты; но как ни хитер и ни изворотлив был бес, но никак не мог примениться к порядку, и его бидного драли, як Сидорову козу, так что, когда прошло уже полгода, ему стыдно было показаться к своему набольшему. Бедный бес не рассчитал, что как надеть ранцы, то выходит крест, и так ему поистине пришлось несть крест господень, а Перфил,

когда услышал от него рассказ о службе, сказал ему: «в чужие сани не садись». С тех пор ни один бес уже не хотел служить в солдатах; а ты ж то, батьку, десять лет пробув в них. Офицеры, як почуялы от Перфила о том, что Рогожин за него пробыл полгода, выразили свой восторг словами: «Знатно, и бес побывал в наших руках». Скрепил Иван Рогожин. Фельдфебель *Перфил*.

18 [августа]

В. Кишкин⁽¹⁵⁸⁾. Встреча со старым знакомым.

19 [августа]⁽¹⁵⁹⁾

*Lekarz Karol Nowicki
Paweł Radziejowski
Tytus Szalewicz.*

20 [августа]

Krasomówstwo niewielu otrzymano w udziale; mnie zaś, pozbawionemu tego boskiego daru, pozostaje w milczeniu tylko podziwiać i hołdować twórczej twej potędze, Święty narodowy wieszczu-męczenniku Małejrosii. Twoja dzisiejsza przytomność wśród nas zupełnie szczęśliwym mnie czyni i chwile obecne nigdy się w mej pamięci nie zatra. O, stokroć, stokroć błogosławię ten drogi dzień, w którym niebo pozwoliło mi osobiście poznać się z tobą, gorliwy i nieulekły opowiadacz słowa prawdy. Niech ży słów tych kilka przypominają ci [3] poetomalarzu głęboką czcią poważającego ciebie *Tomasza Zbrożnika*⁽¹⁶⁰⁾.

23 [августа]

С 15 по 22 августа был у меня в грязной и пыльной Астрахани такой светлый прекрасный праздник, какого еще не было в моей жизни. Земляки мои⁽¹⁶¹⁾, большей частью кяне, так искренно, радостно, братски приветствовали мою свободу и до того распростерли свое гостеприимство, что лишили меня свободы самому вести свой журнал и взяли эту обя-

занность на себя. Благодарю вас, благородные, бескорыстные друзья мои. Вы подарили меня такую радость, таким полным счастьем, которое едва вмещаю я в моем благодарном сердце. И память об этих счастливейших днях я вношу не в прозаический журнал мой, — я внесу в сокровищницу моего сердца.

15 же августа, вечером, Зброжек случайно у Сапожниковых проговорился, что я в Астрахани. И 16 августа я возобновил старое знакомство с Александром Александровичем^{162}. Это уже был не шалун-школьник в детской курточке, которого я видел последний раз в 1842 году; это уже был мужчина, муж и, наконец, отец прекрасного дитяти, а сверх всего этого, я встретил в нем простого, высокоблагороднейшего, доброго человека. Черта, характеризующая семейство Сапожниковых. Он, не знаю, как надолго, оставляет Астрахань и до Нижнего-Новгорода предложил мне каюту на абонированном им пароходе «Князь Пожарский». Пятирублевый билет, взятый мною, я возвратил в контору пароходной компании «Меркурий» с тем, чтобы он был отдан первому бедняку безденежно. Капитан паро-

хода «Князь Пожарский», Владимир Васильевич Кишкин, распорядился так, что, вместо одного бедняка, поместил на барже пять бедняков, не могших заплатить за место до Нижнего даже по целковому. Черта практически благородная.

25 [августа]

Парохода «Князь Пожарский» буфетчик Алексей Панфилов Панов, отпущенник г-на Крюкова.

Moderato

27 [августа]

Ночи лунные, тихие, очаровательно-поэтические ночи! Волга, как бесконечное зеркало,

подернутая прозрачным туманом, мягко отражает в себе очаровательную бледную красавицу ночи и сонный обрывистый берег, уставленный группами темных деревьев. Восхитительная, сладко-успокоительная декорация! И вся эта прелесть, вся эта зримая немая гармония оглашается тихими задушевными звуками скрипки. Три ночи сряду этот вольноотпущенный чудотворец безмездно возносит мою душу к творцу вечной гармонии [?] пленительными звуками своей лубочной скрипки. Он говорит, что на пароходе нельзя держать хороший инструмент, но и из этого нехорошего он извлекает волшебные звуки, в особенности в мазурках Шопена. Я никогда не наслушаюсь этих общеславянских, сердечно-глубоко-унылых песен. Благодарю тебя, крепостной Паганини, благодарю тебя, мой случайный, мой благородный! Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяжный, мрачный, глубокий стон миллионов крепостных душ. Скоро ли долетят эти пронзительные вопли до твоего свинцового уха, наш праведный, неумолимый, неублажимый

боже?

Под влиянием скорбных, вопиющих звуков этого бедного вольноотпущенника пароход, в ночном погребальном покое, мне представляется каким-то огромным, глухо ревающим чудовищем с раскрытой огромной пастью, готовую проглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон! И великий Уатт! Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное, гениальное дитя. Мое пророчество несомненно. Молю только многотерпеливого господа умалить малую часть своего бездушного терпения. Молю его коснуться своим свинцовым ухом хоть одной полноты этого душу раздирающего вопля, вопля своих искренних, простосердечных молителеей.

28 [августа]

Со дня выхода парохода из Астрахани, то есть с 22 августа, я не могу ни за что, ни даже

за свой журнал, приняться аккуратно, как это было в Новопетровском укреплении. Я все еще не могу и не желаю освободиться из-под влияния, произведенного на меня в Астрахани моими земляками. И повторившего это чудное влияние Александром Александровичем Сапожниковым и всеми сопутствующими ему его родственниками и друзьями. Все они, начиная с хозяйки (Нины Александровны) и хозяина, все они так дружески просты, так внимательны, что я от избытка восторга не знаю, что с собою делать, и, разумеется, только бегаю взад и вперед по палубе, как школьник, вырвавшийся из школы. Теперь только я сознаю отвратительное влияние десятилетнего уничижения, теперь только я вполне чувствую, как глубоко во мне засела казарма со всеми ее унижительными подробностями. И такой быстрый и неожиданный контраст мне не дает еще войти в себя. Простое человеческое обращение со мною теперь мне кажется чем-то сверхъестественным, невероятным.

Берега Волги от Царицына и Дубовки с часу на час делаются выше, живописнее, очаро-

вательнее. И я не сделал еще ни одного очерка^{163}. Недосуг. Все книги всех русских журналов за текущий год добрейший Александр Александрович предложил к моим услугам, и я только сегодня начал читать «Королеву Варвару» Попова^{164} и только начал, а журнал свой, который в эти дни должен бы был наполняться такими очаровательными событиями, я совсем оставил, извиняя себя невозможностью писать по случаю вздрагивания палубы.

О, как бы я желал продлить это сладкое состояние, это чувство животворного очаровательного бездействия.

Я оставил знойную степь в кителе и туркменском верблюжьем чапане. В Астрахани я думал только о пологе от комаров, а север, к которому стремлюсь, мне и в голову не приходил. И сегодня я мог бы быть порядочно наказан за невнимание к беловласому Борею, если бы не выручил меня Александр Александрович. В продолжение ночи дул свежий норд-ост, и к утру сделалось порядочно холодно, так порядочно, что не прочь бы был и от тулупа. А у меня, кроме кителя и помянутого

чапана, совершенно ничего не оказалось. Александр Александрович, спасибо ему, предложил мне свое теплое пальто, брюки и жилет. Я с благодарностью принял все это, как дар, ниспосланный мне свыше, и через минуту явился на палубе преображенным в настоящего денди. Бог да наградит тебя, мой добрый Саша, за это братски-дружеское преображение!

29 [августа]

Берега Волги с каждым часом делаются выше и привлекательнее. Я попробовал сделать очерк одного места с палубы парохода, но, увы, нет никакой возможности. Палуба дрожит, и контуры берегов быстро меняются, и я со своим давнишним новопетровским предположением — рисовать берега матушки-Волги — должен теперь проститься. Сегодня, с полуночи и до восхода солнца, пароход грузился дровами около Камышина, и я едва успел сделать легонький очерк Камышинской пристани с правым берегом Волги; дров взято до Саратова, и, значит, я ближе Саратова ничего не сделаю. Выше Камышина, в 60 верстах, на правом берегу Волги, лоцман па-

рохода показал мне бугор Стеньки Разина. Это было на рассвете, и я не мог хорошо рассмотреть этой замечательной, но неживописной местности. Исторический бугор этот, — он и на вершок не выше окружающей его местности. И если бы лоцман мне не указал его, я не заметил бы этой ничтожной твердыни славного льцаря Стеньки Разина, этого волжского барона и, наконец, пугала московского царя и персидского шаха. Открытые большие грабители испугались скрытого ночного воришки; так белоголового великана-хищника беркута пугает иногда ничтожный нетопырь.

Самое плоское суздальское изображение прославленного предмета так же интересно, как и самое изящное произведение живописи. Сознывая эту истину, мне еще досаднее, что я не мог сделать ниже слабого очерка с этого весьма прославленного бугра. Солнце еще не всходило, а бугор оставался за нами верстах в десяти; и я должен был довольствоваться небольшим фантастическим рассказом несловоохотливого лоцмана.

Волжские ловцы и вообще простой народ

верит, что Стенька Разин живет до сих пор в одном из приволжских ущелий близ своего бугра и что (по словам лоцмана) прошедшим летом какие-то матросы, плывшие из Казани, останавливались у его бугра, ходили в ущелье, видели и разговаривали с самим Семейным Степановичем Разиным. Весь он, сказывали матросы, оброс волосами, словно зверь какой, а говорит по-человечьи. Он уже начал было рассказывать что-то про свою судьбу, как настал полдень и из пещеры выполз змий и начал сосать его за сердце, а он так страшно застонал, что матросы от ужаса разбежались куда кто мог. А за то его, прибавил лоцман, ежедневно змий за сердце сосет, что он проклят во всех соборах, а проклят он за то, что убил астраханского архиерея Иосифа. А убил он его за то, что тот его волшебству сопротивлялся.

По словам того же рассказчика, Разин не был разбойником; а он только на Волге брандвахту держал и собирал пошлину с кораблей и раздавал ее неимущим людям; коммунист, выходит.

30 [августа]

Из уважения к имениннику и принятому обычаю дарить именинников я сегодня подарил Александру Александровичу портрет его тещи т-те Козаченко. Портрет сделан в один сеанс белым и черным карандашами довольно аляповато, но не лишен экспрессии. Именинник, по обыкновению своему, был весел и любезен, а гости его, — в том числе и нас, господа, устрой, — также охулки на руку не положили, и нецеремонная милая гармония царила на палубе «Князя Пожарского».

Вечеру от саратовской пассажирки, некоей весьма любезной дамы, Татьяны Павловны Соколовской, случайно узнал я, что Н. И. Костомаров уехал за границу, а мать его живет в Саратове^{165}. Я просил у нее адрес Костомаровой и...[4]

31 [августа]

Едва пароход успел остановиться у Саратовской набережной, как я уже был в городе и, по указаниям обязательной т-те Соколовской, я, как по-писаному, без помощи дорогого извозчика, нашел квартиру Татьяны Петровны Костомаровой. Добрая старушка, она узнала меня по голосу, но, взглянувши на ме-

ня, усумнилась в своей догадке. Убедившись же, что это действительно я, а не кто иной, она *привитала*, как родного сына, радостным поцелуем и искренними слезами.

Пароход простоял в саратовской пристани до следующего утра, и я с полудня до часу пополудни провел у Татьяны Петровны. И, боже мой, чего мы с ней ни вспомнили, о чем мы с ней ни переговорили. Она мне показывала письма^{166} своего Николашки из-за границы и лепестки фиалок, присланные ей сыном в одном из писем из Стокгольма от 30 мая. Это число напомнило нам роковое 30 мая 1847 года^{167}, и мы, как дети, зарыдали. В первом часу ночи я расстался с счастливейшей и благороднейшей матерью прекраснейшего сына.

1 сентября

Петр Ульянов Чекмарев

Новый месяц начался новым приятнейшим знакомством. За полчаса до поднятия якоря явился в капитанской каюте и в моем временном обиталище человек некрасивой, но привлекательно-симпатической наружности. После монотонно произнесенного: Петр

Ульянов Чекмарев, он сказал с одушевлением:

— Марья Григорьевна Солонина, неизвестная вами, ваша милая землячка и поклонница, поручила мне передать вам ее сердечный сестрин поцелуй и поздравить вас с вождельной свободой.

И тут же напечатлел на моей лысине два полновесных искренних поцелуя — один за землячку, а другой за себя и за саратовскую братию. Долго я не мог опомниться от этого нечаянного счастья, и, придя в себя, я вынул из моей бедной коморы какую-то песенку¹⁶⁸ и просил своего нового друга передать эту лепту моей милой сердечной землячке. Вскоре начали подымать якорь, и мы расстались, давши друг другу слово увидеться будущей зимой в Петербурге.

2 [сентября]

*Пятнадцать лет не изменили нас,
Я прежний Сашка все, ты также все
Тарас.*

Александр Сапожников

Сегодня в 7 часов утра случайно собрались

мы в капитанской каюте и слово за слово из обыденного разговора перешли к современной литературе и поэзии. После недолгих пересудов я предложил А. А. Сапожникову прочесть «Собачий пир» из Барбье, Бенедиктова^{169}, и он мастерски его прочитал. После прочтения перевода был прочитан подлинник, и общим голосом решили, что перевод выше подлинника. Бенедиктов, певец кудрей и прочего тому подобного, не переводит, а воссоздает Барбье. Непостижимо! Неужели со смертью этого огромного нашего Тормоза^{170}, как выразился Искандер^{171}, поэты воскресли, обновились? Другой причины я не знаю. По поводу «Собачьего пира» наш добрый, милый капитан, Владимир Васильевич Кишкин, достал из своей заветной портфели^{172} его же, Бенедиктова, «Вход воспрещается» и с чувством поклонника родной обновленной поэзии прочитал нам, внимательным слушателям. Потом прочитал его же «На новый 1857 год». Я дивился и ушам не верил. Много еще кое-чего упруго-свежего, живого было прочитано нашим милым капитаном. Но я все свое внимание и удивление сосредоточил на Бенедикто-

ве, а прочее едва слушал.

Итак у нас сегодня из обыкновенной болтовни вышло необыкновенно эффектное литературное утро. Приятно было бы повторять подобную импровизацию. В заключение этой поэтической сходки А. А. Сапожников вдохновился и написал двестише грациозное и братски-искреннее.

Ночью против города Волжска (место центральной конторы дома Сапожниковых) пароход на несколько часов остановился. А. А. сошел на берег и в скором времени возвратился на пароход с своим главным управляющим Тихоном Зиновьевичем Епифановым; белый, с черными бровями, свежий, удивительно красивый старик, с прекрасными манерами, и тени не напоминающими русского купца... Он мне живо напомнил своей изящной наружностью моего дядю Шевченка-Грыня.

3 [сентября]

Не забывайте любящего вас

И. Явленского^{173}.

Ел, пил, спал. Во сне видел Орскую кре-

пость и корпусного ефрейтора Обручева; я так испугался этого гнусного ефрейтора, что от страха проснулся и долго не мог прийти в себя от этого возмутительного сновидения.

4 [сентября]

В продолжение ночи пароход грузился дровами против города Хвалынска: одно-единственное место на берегах Волги, напоминающее древнее название Каспийского моря. Поутру, снявшись с якоря, мы собрались в каюте нашего доброго капитана и после недлинного прелюдия составилось у нас опять литературно-поэтическое утро. Обязательный Владимир Васильевич прочитал нам из своей заветной портфели несколько животрепещущих стихотворений неизвестных авторов и, между прочим, «Кающуюся Россию» Хомякова^{174}. Глубоко-грустное это стихотворение я занес в свой журнал на память о наших утренних беседах на пароходе «Князь Пожарский».

КАЮЩАЯСЯ РОССИЯ

*Не уклони сердце твое в словеса
лукавствия непщевати о гресех
твоих.*

Тебя призвал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да совершишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная!
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,—
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни, быть орудьем бога
Земным созданьям тяжело:
Своих рабов он судит строго,
А на тебе, увы, как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетвор-
ной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

И, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой

*Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!*

*С душой коленапреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!*

*И встань потом, верна призва-
нию,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бра-
нию,
Держи сталь крепкой божьей дла-
нию,
Рази мечом — то божий меч!*
А. Хомяков

5 [сентября]

Берега Волги более и более изменяются, принимают вид однообразный и суровый. Плоские возвышенности правого берега покрыты лесом, большею частию дубовым. Кое-где изредка блестят белые стволы берез и серые матовые стволы осин. Древесный лист заметно желтеет. Температура воздуха изменя-

ется, холодеет. Как бы меня она не захватила врасплох. Сегодня был первый утренник. Ноги прозябли. Нужно будет в Самаре купить коты и дубленый полушубок. Ничего не читаю и не рисую. Рисовать не дает машина своим неутомным шумом и трепетаньем, а читать — ненаглядные берега Волги. Во сне видел церковь святая Анны в Вильне, и в этой церкви молящуюся милую Дуню^{175}, чернобровую Гусиковскую. Это, верно, вследствие чтения «Королевы Варвары Радзивилл». Г. Попов — историк нового и прекрасного стиля. Он, кажется, ученик Соловьева. Нужно будет прочесть его в «Русском вестнике» «Турецкую войну»^{176} при царе Федоре Алексеевиче. Мне теперь много нужно прочесть. Я совершенно отстал от новой литературы. Как хороши «Губернские очерки»^{177}, в том числе и «Мавра Кузьмовна» Салтыкова, и как превосходно их читает Панченко (домашний медик Сапожникова): без тени декламации. Мне кажется, что подобные глубоко грустные произведения иначе и читать не должно. Монотонное однообразное чтение сильнее, рельефнее рисует этих бездушных, холодных, этих от-

вратительных гарпий. Я благоговею перед Салтыковым. О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалася бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!

6 [сентября]

В 10 часов утра «Князь Пожарский» бросил якорь у набережной города Самары. Издали эта первой гильдии отроковица весьма и даже весьма неживописна. Я вышел на берег и пошел взглянуть поближе на эту чопорную юную купчиху и купить коты. На улице попался мне И. Явленский, и мы сообща пустились созерцать город, ровный, гладкий, набеленный, нафабранный, до тошноты однообразный город. Живой представитель царствования неудобозабываемого Николая *Тормоза*.

Как из любопытства, так и вследствие вопиющего аппетита — это случилось часу около второго, — и мы велели извозчику ехать к самому лучшему трактиру в городе; он и поехал и привез нас к самому лучшему заведе-

нию, то есть трактиру. Едва вступили мы на лестницу сего заведения, как оба в один голос проговорили: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет», то есть салом, гарью и всевозможной мерзостью. У нас, однакож, хватило храбрости заказать себе котлеты, но, увы, не хватило терпения дожидаться этих бесконечных котлет. Явленский бросил половому полтинник, ругнул маненько, на что тот молча с улыбкою поклонился, и мы вышли из заведения. Огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан! И нет порядочного трактира. О Русь!

После мнимого завтрака мы поехали в лавки. В лавках, даже в лавочках, не оказалось такого товара, какой мне был необходим (коты), и мы отправились на пароход.

В капитанской каюте на полу увидел я измятый листок старого знакомца «Русского инвалида»^{178}, поднял его и от нечего делать принялся читать фельетон. Там говорилось о китайских инсургентах и о том, какую речь произнес Гонг, предводитель инсургентов, перед штурмом Нанкина. Речь начинается так: «Бог идет с нами; что же смогут против нас демо-

ны? Мандарины эти — жирный убойный скот, годный только в жертву нашему небесному отцу, высочайшему владыке, единому истинному богу». Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?

В Самаре живет богатый купец Светов^{179}, глава секты молокан. Правительство (кроткими мерами) заставляло его принять православие, но он, несмотря на кроткие меры, решительно отказался от православия и изъявил желание принять кальвинизм. На что, однакож, правительство не изъявило своего желания и оставило его в покое, запретив ему и его секте торговать (одна из кротких мер).

7 [сентября]

В 10 часов утра, при свежем норде с дождем и снегом, мы оставили Самару. От Самары вверх начинает подниматься левый берег Волги: это плоская возвышенность Жигулевских гор. Через два часа мы подошли к воротам Жигулевских гор. Это — ущелье, сузившее Волгу до одной версты; за горами, как за рамой, открылась нам новая, доселе невиданная панорама, испятнанная темносиними по-

лосами. Это — обитатель севера, сосновый лес. На первый план этой [панорамы] из-за ущелья, поросшего черным лесом, высунулась обнаженная отдельная гора. Это Царев-курган⁽¹⁸⁰⁾; народное предание говорит, что Петр Первый, путешествуя по Волге, останавливался на этом месте и всходил на эту гору⁽¹⁸¹⁾, вследствие чего она и получила название Царева-кургана.

Гора эта своею формою и величиною напомнила мне такую же гору близ Звенигородки, Киевской губернии, в селе Гудзивци. И Гудзивскую гору, быть может, какой-нибудь помазанник-пройдоха освятил своим восшествием, но земляки мои как-то тупо сохраняют в своей памяти подобные освящения. Они (земляки мои) чуть ли не догадываются, что если царь взойдет на такую гору, то, верно, не даром, а уповательно для того, чтобы несытым оком окинуть окрестность, на которой (если он полководец) сколько в один прием можно убить верноподданных. А если он, бже сохрани, агроном, то это еще хуже, особенно если окрестность окажется бесплодною, то он высочайше повелит сделать ее плодонос-

ною, и тогда потом и кровью крепостного утучнится бесплодный солончак. Земляки мои, верно, не без причины не освящают своей памятью подобных урочищ.

Не мог я дознаться, на каком народном предании основываясь, покойный князь Воронцов назвал в своих Мошнах гору обыкновенную Святославою горою, с которой будто бы этот пьяный варяг-разбойник любовался на свою шайку, пенившую святой Днепр своими разбойничьими ладьями. Я думаю, это просто фантазия сиятельной башки, и ничего больше. Сиятельному англomanу просто пожелалось украсить свой великолепный парк башнею вроде маяка; вот он и сочинил народное предание, приноровив его к местности, и аляповатую свою башню назвал башнею Святослава. А Михайло Грабовский (не в осуд будь сказано) чуть-чуть было документально не доказал народного предания о Святославовой горе.

Капитан наш — спасибо ему — догадался сегодня из своей каюты-ажур сделать посредством кошм каюту-темницу и учредил в ней чугунную печь, и я теперь буквально нахо-

жусь в теплых объятиях друга.

Вот тебе и волжские комары, которых я так боялся.

8 [сентября]

Утро ясное, тихое, с морозцем. Левый берег Волги от самого Царева-кургана заметно понижается, и сегодня рано я его увидел таким точно, как и до Самары: ровный, плоский, однообразный. Правый берег попрежнему угрюмо возвышен и покрыт мелким лесом. Если бы и можно было рисовать, то совершенно рисовать нечего, кроме разве огромной расшивы, стоящей на якоре посредине Волги, как на зеркале.

Я рассчитывал, что казенные смотровые сапоги послужат мне по крайней мере до Москвы, а они и до Симбирска не дотянули, изменили, проклятые, то бишь казенные. Иван Никифорович Явленский заметил этот ущерб в моем весьма нещегольском костюме и предложил мне свои сапоги из числа запасных, за что я ему сердечно благодарен. Сапоги его пришлись мне по ноге, и я теперь щеголяю почти в новых сапогах, вдобавок на высоких каблуках, что мне не совсем нравится, но

даренному коню в зубы не смотрят.

9 [сентября]

Симбирск-от видишь,

А неделю идешь.

Бурлацкая поговорка

С восходом солнца далеко, на пологой возвышенности, упирающейся в Волгу, показался Симбирск, то есть несколько белых пятнышек неопределенной формы. Матрос вахтенный, указывая мне на беленькие пятнышки, проговорил бурлацкую поговорку, которую я тут же и записал. От Сенгилея до Симбирска 50 верст, и это пространство мы прошли не в продолжение недели, но в продолжение битых десяти часов. «Князь Пожарский» сегодня как-то особенно медленно двигался вперед. А может быть, мне это так показалось, потому что Симбирск не сходил с горизонта, в котором мне хотелось побывать засветло, взглянуть на монумент Карамзина^{182}. Симбирск же, вместо того чтобы приблизиться ко мне, он, увы, совершенно скрылся за непроницаемой завесой, сотканной из дождя и снега. Мерзость эта усиливалась, вечер быстро бли-

зился, и я терял надежду видеть на месте, видеть музу истории, которую я видел только в глине в мастерской незабвенного Ставассера. Чего я боялся, то и случилось. Едва к пяти часам «Князь» положил свой якорь у какой-то дощатой пристани, прочая декорация была закрыта дождем со снегом. Несмотря на все это, я решился выйти на берег. Черноземная моя родная грязь по колена, и ни одного извозчика. Промочивши в луже и грязи ноги, я возвратился, нельзя сказать благополучно, на пароход.

Другой раз я проезжаю мимо Симбирска. И другой раз не удастся видеть мне монумент придворного историографа. Первый раз в 1847 меня провез фельдъегерь мимо Симбирска; тогда было не до монумента Карамзина. Тогда я едва успел пообедать в какой-то харчевне, или, вернее сказать, в кабаке. Во мне была (как я после узнал) экстренная надобность в Оренбурге, и потому-то фельдъегерь неудобозабываемого Тормоза не дремал. Он меня из Питера на восьмые сутки поставил в Оренбург, убивши только одну почтовую лошаадь на всем пространстве. Теперь же, в 1857

году, вместо экстренности, ночь, и с такими отвратительными вариациями, что глупо бы и думать о монументе Карамзина.

По случаю двадцатиоднолетней супружеской жизни Катерины Никифоровны Козаченко за завтраком побороли мы двух великанов, под именем пироги, с разными удивительными внутренностями, и поэтому-то необыкновенному случаю обедали поздно, ровно в 7 часов, и ровно в 7 часов положил рядом с «Князем» якорь пароход «Сусанин». Капитан «Сусанина», Яков Осипович Возницын, был приглашен самим хозяином к обеду. По случаю неудачи видеть Симбирск и монумент Карамзина у меня родился и быстро вырос великолепный проект: за обедом напиться пьяным, но, увы, этот великолепный проект удался только вполовину.

После обеда зашли мы в капитанскую светелку (так называют волжские плователи-матроеы напалубную капитанскую каюту) и принялись за чай. Между прочими интересными разговорами за чаем Возницын сказал, что он после закрытия волжской навигации едет в свое поместье (Тверской губернии) по

случаю освобождения крепостных крестьян^{183}. Он хотя и либерал, но, как сам помещик, проговорил эту великолепную новость весьма не с удовольствием. Заметья сие филантропическое чувство в помещике Тверской губернии, я почел лишним завести разговор с помещиком о столь щекотливом для него предмете. И не разделив восторга, пробужденного этой великой новостью, я закутался в свой чапан и заснул сном праведника.

В 6 часов приходил к капитану нашему некий герр *Ренненкампф*^{184}, агент компании фирмы «Меркурий», пошлая, лакейско-немецкая [физиономия] и ничего больше, а, между прочим, эта придворно-лакейская физиономия принадлежит статскому советнику и председателю какой-то палаты, чуть ли не казенной!

10 [сентября]

Вчерашний мой великолепный, вполонину удавшийся проект сегодня, и то уже слава богу только вечером, удался и удался с мельчайшими подробностями, с головою болью и прочим тому подобным.

11 [сентября]

Так как от глумленья пьянственного у Тараса колеблется десница, и просяй шуйцу, но и она в твердости своей поколебася (тож от глумления того ж пагубного пьянства), вследствие чего из сострадания и любви к немощному, приемлю труд описать день, исчезающий из памяти ослабевающей, дабы оный был неким предречением таковых же будущих и столпом якобы мудрости (пропадающим во мраке для человечества, не быв изречено литерам), мудрости, говорю, прошедшего. Историк вещает одну истину, и вот она сицевая.

Борясь со страстями обуревающими – и по совету великого наставника – «не иде на совет нечестивых – и на пути грешных не ста» блажен убо – и совлекая ветхого человека – Тарас, имя рек, вооружася духом смирения и удаливыйся во мрак думы своея – ретива бо есть за человечество – во един вечер, – был причастен уже крещению духом по смыслу св. писания «окрестивыйся водою и духом – спасен будет», вкусив по первому крещению водою (в зловонии же и омерзении непотребного человечества – водою сугубо прозываемое) – был оный Тарас зело подходящ по духу св. еванг. – пропитан бе зело, не остановился на полпути спасения, глаголивый «Елицы во Христа крестистися – во Христа облекостеся». Не возмогивый – по тлению и немощи телесне – достиги сего крайнего предела идеже ангелы уподобляется. Тарас зашел-таки далеко, уподобясь – тому богоприятному состоянию – коим не все сыны божий награждаются – и иже, на языке – порока и лжи, тлетворной – мухою зовется. И бе свиреп в сем положении – не давая сомкнуть мне зеницы в ночи – часа одного – и вещая неподобные изреки – греховному миру сему – изрыгая ему проклятия – выступаая с постели своей бос и в едином рубище – яко Моисей преобразенный, иже бе писан рукою Брюно, выступающим с облак и повергшемуся во прах израильтянину, жертвоприносящему тельцу злату. В той веси был человек некий – сего излияния убояхуся – шубкой закрыся и тут же яко мельчайший инфузорий легким сном забывся. – Тут следует пробел, ибо Тарас имел свидетелем своего величия и торжества немудрого некоего мужа – мала, неразумна и на языке того ж злоречия *кочегаром* зовомого, кой бе тих и тупомыслен на дифирамбы невозмутимого Тараса. – **В. Кишкин.**

Р. С. Далее не жди тож от Тараса, о! бедное, им любимое человечество! никакого толку, и большого величия, и мудрого слова, ибо – опохмелившийся, яко некий аристократ (по писанию крестивыйся водою), опохмеление немалое и деликатности не последней, водка вишневая, счетом пять (а он говорит 4, нехай так буде), при оной цыбуль и соленых огурцов велие множество.

12 [сентября]

Погода отвратительная. «Князь Пожарский» и «Сусанин» положили на ночь якорь в Спасском затоне. Это зимняя стоянка парохо-

дов Меркуриевской компании. Здесь устроены мастерские, квартиры для капитанов, помещение для мастеровых, школа и кабаки. Местность прекрасная, окруженная молодыми дубовыми рощами, и, несмотря на холодную погоду, в рощах сохранилась свежая зелень и некоторые цветы, из которых я набрал маленький букет, и, как истинный Терсис Пошков^{185}, преподнес его милейшей баронессе Медем, одной из пассажирок «Князя Пожарского» и жене одного из капитанов Меркуриевской компании. Милая, привлекательная женщина.

Утро ясное с морозом до пяти градусов. К 12 часам дня погода по-вчерашнему изменилась в перемежающийся дождь со снегом. «Князь Пожарский» благополучно перешел Красновидовский пережат (мели) и в 11 часов вечера положил якорь в 10 верстах от Казани.

13 [сентября]

Казань городок — Москвы уголок.

Эту поговорку слышал я в первый раз в 1847 году на почтовой станции в Симбирской губернии, когда препровождался я на фельдъ-

егере в Оренбург. Какой-то упитанный симбирский степняк, описывая моему препроводителю великолепие города Казани, замкнул свое описание этою ловкою поговоркою. Сегодня поутру увидел я издали Казань, и давно слышанная поговорка сама собою вспомнилась и невольно проговорилась. Едва пароход успел положить якорь, как я выскочил на берег, поместился за четвертак в татарской тележке и пустился в город. Как издали, так и вблизи, так и внутри Казань чрезвычайно живо напоминает собою уголок Москвы: начиная с церкви, колоколен, до саек и калачей, везде, на каждом шагу видишь влияние белокаменной Москвы. Даже башня Сумбеки, несомненный памятник времен татарских, показалась мне единоутробною сестрою Сухаревой башни. Большая улица (конечно, Московская), ведущая в кремль, смахивает на Невский проспект своею чопорностью и торцовой мостовою. Улица эта начинается великолепным зданием университета, украшенного грандиозными тремя ионическими портиками. Жаль, что этому прекрасному зданию недостает площади. Оно бы много выиг-

рало, и монумент певца Екатерины^{186} не красовался бы на дворе в миниатюрном палисаднике, меланхолически созерцаемый рудою коровою.

Полюбовавшись, вместе с рудою коровою, статуею сплетателя торжественных од и иной гнусной лести, я, проходя через двор, встретил студента с порядочно синим подбородком, почему и заключил, что он не новичок в здешней аудитории. На этом основании я обратился к нему с вопросом, не помнит ли он Посяду и Андрузского^{187}, переведенных в 1847 году из Киевского университета в Казанский. Он сказал, что не помнит, и советовал мне обратиться к старому сторожу Игнатьеву. Я вежливо поблагодарил его за наставление, но, не находя нужным применить к делу это милое наставление, я вышел на улицу. Выйдя на улицу, я услышал глухой шум барабана и увидел густую толпу народа, провожавшего на казнь преступника. Чтобы не встретить эту гнусную процессию, я своротил в переулок и в числе бегущих смотреть эту процессию увидел молодую девушку с шарманкою за плечами и ободранного мальчика с тамбурином в

руках. Мне сделалось не грустно, а как-то особенно скверно, и я опять взял за четвертак татарскую тележку и возвратился на пароход.

Возвращаясь на пароход, я увидел с правой стороны от дороги памятник, воздвигнутый над костями убитых при взятии Казани царем Иваном Лютым. Это усеченная пирамида с портиками, поставленная будто бы на том самом месте, где стоял шатер царя Лютого. Печальный памятник.

14 [сентября]

По случаю принятия нового груза, пароход наш простоял до 11 часов утра у казанского берега. Пользуясь этим редким случаем и хотя пасмурною, но не мокрою погодою, я вышел на берег и сделал два абриса: общий вид Казани и вид на Волгу против Казани и села Услон. Возвращаясь на пароход, купил я у смазливой перекупки соленого отваренного ляща и, придя на пароход, задал себе настоящий плебейский пир. Кроме ляща и новопетровской ветчины, заключил я свой пир головкой чесноку с черным хлебом и провонял не только капитанскую светелку, — всего «Князя Пожарского». Сопутники мои бегали от меня,

как черт от ладану. Одна только милая хозяйка и добрейшая ее мамаша, Катерина Никифоровна Козаченко, нашли, что чеснок, хотя и воняет, но не так несносно, чтобы при встрече со мною необходимо было закрывать нос, и еще более, чтобы доказать им, господам, не любящим чесноку, что чеснок вещь не только не противная, но даже приятная, обещались заказать обед с чесноком и обкормить хулителей. Милейшая Катерина Никифоровна!

Против города Свияжска прошли благополучно Васильевский пережат (мель) и встретили пароход «Адашев» Меркуриевской же компании. Он буксирует две баржи с дровами и одну из них посадил на мель. «Князь Пожарский» попытался было стащить ее с мели, но безуспешно, и, пройдя несколько верст вперед, положил якорь на ночь, из опасения сесть на Вязовском пережете. Выше устья Камы Волга заметно сделалась уже и мельче.

15 [сентября]

Проспал я ровно до девяти часов утра. Надо думать, что это случилось со мною под глухой шум «Князя Пожарского», потому что со

мною этого прежде не случилось, ни даже под нетрезвую руку. Это на диво долгое спанье заключилось отвратительным сновидением, будто бы Дубельт со своими помощниками (Попов и Дестрем)⁽¹⁸⁸⁾ в своем уютном кабинете, перед пылающим камином, меня тщетно навращал на путь истины, грозил пыткой и в заключение плюнул и назвал меня извергом рода человеческого. Едва успел он произнести этот милый эпитет, как явился в полном мундире капитан Косарев и сделал мне палочный выговор за то, что я опоздал на уче- нье. Тем и кончилось это позорнее сновиде- ние. Меня разбудил гром падающего якоря, то есть цепи, перед Ураковским перекатом.

Пользуясь сей непродолжительной стоян- кой и продолжительным тихим переходом через сей Ураковский перекат, я нарисовал белым и черным карандашом довольно удачно портрет Михайла Петровича Комаровско- го, будущего капитана будущего парохода А. Сапожникова, за то, что он подарил мне свои бархатные теплые сапоги.

В 10 часов «Князь Пожарский» положил якорь перед Гремячевским перекатом.

За ужином Нина Александровна [Сапожникова] наивно рассказывала содержание «Дон Жуана» Байрона, который она прочитала на днях в французском переводе, и еще милее и наивнее просила своего мужа учить ее английскому языку.

16 [сентября]

СОБАЧИЙ ПИР

(Из Барбье)

*Когда взошла заря и страшный
день багровый,*

Народный день настал;

*Когда гудел набат и крупный
дождь свинцовый*

По улицам хлестал;

*Когда Париж взревел, когда народ
воспрянул*

И малый стал велик;

*Когда в ответ на гул старинных
пушек грянул*

Свободы звучный клик!

*Конечно, не было там [видно] лов-
ко сшитых*

Мундиров наших дней;

*Там действовал напор, лохмотья-
ми прикрытых,*

Запачканных людей,

Чернь грязною рукой там ружья
заряжала
И закопченным ртом
В пороховом дыму там сволочь
восклицала:
Е.... м... умрем!

А эти баловни в натянутых перчатках,
С батистовым бельем,
Женоподобные, в корсетах на подкладках,
Там были ль под ружьем?
Нет! Их там не было, когда, все низвергая
И сквозь картечь стремясь,
Та чернь великая и сволочь та
Святая
К бессмертию неслась!
А те господчики, боясь громов и блеску
И слыша грозный рев,
Дрожали где-нибудь вдали за занавеской,
На корточки присев!

Их не было в виду, их не было в помине

*При общей свалке там.
Затем, что, видите ль, свобода не
графиня
И не из модных дам,
Которая, нося на истощенном ли-
ке
Румян карминных слой,
Готова в обморок при первом па-
дать крике,
Под первую пальбой.
Свобода — женщина с упругой
мощной грудью,
С загаром на щеке.*

11 [сентября]

Вчера мне ничто не удалось. Поутру начал рисовать портрет Е. А. Панченка, домашнего медика А. Сапожникова. Не успел сделать контуры, как позвали завтракать. После завтрака пошел я в капитанскую светелку с твердым намерением продолжать начатый портрет, как начал открываться из-за горы город Чебоксары. Ничтожный, но картинный городок. Если не больше, так по крайней мере наполовину будет в нем домов и церквей. И все старинной московской архитектуры. Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет,

для православия. Главный узел московской старой внутренней политики — православие. Неудобо-забываемый Тормоз по глупости своей хотел затянуть этот ослабевший узел и перетянул: он теперь на одном волоске держится.

Когда скрылися от нас живописные грязные Чебоксары, я снова принялся за портрет. Но принялся вяло, неохотно. Принялся для того, чтобы его окончить, и кончил, разумеется, скверно. От этой первой неудачи я с досады лег спать и проспал прекрасный вид села Ильинского. Вечеру, когда «Князь Пожарский» положил на ночь якорь и все успокоилось, я, чтобы хоть чем-нибудь вознаградить две неудачи, принялся переписывать «Собачий пир», как вошел в светелку А. Сапожников с Кишкиным и Панченко и ни с сего, ни с того составил у нас литературный вечер. Капитан наш вытащил из-под спуда «Полярную звезду» 1824 года⁽¹⁸⁹⁾ и прекрасно прочитал нам отрывок из поэмы «Наливайко», а Сапожников из поэмы «Войнаровский». Потом Александр Александрович пригласил нас ужинать, и как это случилось в 12 часов, то за

ужином оказалась именинница, а именно бабушка Любовь Григорьевна Явленская. Поздравили, и не один, и не два, а три раза поздравили. Потом начали отсутствующих именинниц поздравлять, и я-таки порядком напоздравлялся.

Несмотря на последнее вчерашнее событие, я сегодня проснулся рано и, как ни в чем не бывало, принялся за свой журнал и, пока братия еще в объятиях Морфея, буду продолжать «Собачий пир» до новой перепойки.

*С зажженным фитилем, приложенным к орудию,
В дымящейся руке!
Свобода — женщина с широким
гордым шагом,
Со взором огневым,
Под гордо вьющимся по ветру
красным флагом,
Под дымом боевым;
И голос у нее не женственный со-
прано:
Но жерл чугунный ряд,
Ни медь (звон) колоколов, ни пал-
ка барабана
Его не заглушат!*

Свобода — женщина, но в сладострастье щедром
Избранникам своим верна,
Могучих лишь одних к своим приемлет недрам
Могучая жена.
Ей нравится плебей, окрепнувший
в проклятьях,
А не гнилая знать,
И в свежей кровию дымящихся
объятых
Ей любо трепетать.

Когда-то ярая, как бешеная дева,
Явилась вдруг она,
Готовая дать плод от девственного
чрева
Грядущая жена.
И гордо вдаль она при кликах
иступленья
Свой совершала ход,
И целые пять лет горячкой
вожделенья
Сжигала свой народ!
А после кинулась вдруг к палкам,
к барабану,
И маркитанткой в стан

К двадцатилетнему явилась ка-
питану:
«Здорово, капитан!»
Да, — это все она! Она с отрадной
речью
Являлась нам в стенах,
Избитых ядрами, испятнанных
картечью,—
С улыбкой на устах;
Она! Огонь в глазах, в ланитах
жизни краска,
Дыханье горячо,
Лохмотья, нищета, трехцветная
повязка
Через голое плечо!
Она! В трехдневный срок францу-
зов жребий вынут!
Она! Венец долой!
Измята армия, трон скомкан,
опрокинут
Кремнем из мостовой!

И что же? О, позор! Париж столь
благородный
В кипенье гневных сил,
Париж, где некогда великий вихрь
народный

Власть львиную сломил,—
Париж, который весь гробницами
уоставлен
Величий всех времен!
Париж, где камень стен пальбою
продырявлен,
Как рубище знамен!
Париж — отъявленный сын хар-
тий, прокламаций,
От головы до ног
Обвитый лаврами, апостол в деле
наций,
Народов полубог,
Париж, что некогда, как светлый
купол храма
Всемирного, блистал,
Стал ныне скопищем нечистоты
и срама,
Помойной ямой стал.
Вертепом подлых душ, мест ищущих
в лакеи,
Паркетных шаркунов,
Прозящих нищенски для рабской
их ливреи
Мишурных галунов;
Бродяг, которые рвут Францию на
части,
И сквозь плевки, толчки,

Визжа, зубами рвут издохшей
тронной власти
Кровавые клочки.

Так вебрь израненный, сраженный
смертным боем,
Чуть дышит в злой тоске;
Покрытый язвами, палимый
солнца зноем,
Простертый на песке;
Кровавые глаза померкли; обесси-
лен,
Могучий зверь поник:
Отверзтый зев его шипучей пеной
взмылен,
И высунут язык...
Вдруг рог охотничий пустынного
простора
Всю площадь огласил,
И спущенных собак неистовая сво-
ра
Со всех рванулась сил!
Завыли жадные! Последний пес
дворовый
Оскалил острый зуб
И с визгом кинулся на пир ему го-
товый —

На неподвижный труп!
Борзые, гончие, лягавые, бульдоги:
«Пойдем! — и все пошли: —
Нет вепря-короля! Возвеселитесь,
боги!
Собаки короли! Пойдем!
Свободны мы! Нас не удержат се-
тью,
Веревкой не скрутят!
Суровый сторож нас не приуда-
рит плетью,
Не крикнет: пес, назад!
За те щелчки, толчки хоть
мертвому отплатим!
Коль не в кровавый сок
Запустим морду мы, так падали
ухватим
Хоть нищенский кусок!
Пойдем!» И начали из всей соба-
чьей злости
Трудиться, что есть сил;
Тот пес щетины клоч, а тот кро-
вавой кости
Обгрызок ухватил
И рад бежать домой, вертя хво-
стом мохнатым.
Чадолюбивый пес
Ревнивой суке в дар и в корм сво-

им щенятам
Хоть что-нибудь принес.
И, бросив из своей окровавленной
пасти
Добычу, говорит:
«Вот, ешьте! Эта кость — уры-
вок царской власти!
Пируйте! Вепрь убит!»
Бенедиктов

18 [сентября]

Вчера праздновали именины милейшей бабушки Любовь Григорьевны Явленской. Сегодня празднуем день рождения ее милейшего внука А. А. Сапожникова. А пока еще не грозит завтрак, то я по-вчерашнему воспользуюсь безмятежным утром и перепишу еще одно стихотворение из заветной портфели нашего обязательнейшего капитана.

РУССКОМУ НАРОДУ⁽¹⁹⁰⁾
1854 года.

— Меня поставил бог над русскою
землю, —
Сказал нам русский царь:
— Во имя божие склонитесь пре-
до мною,
Мой трон — его алтарь!

Для русских не нужны заботы
гражданина,
Я думаю за вас!
Усните. Сторожит глаз царский
властелина
Россию всякий час.
Мой ум вас сторожит от чуждых
нападений,
От внутреннего зла,
Пусть ваша жизнь течет вдали
забот, в смиренье,
Спокойна и светла!
Советы не нужны помазаннику
бога.
Мне бог дает совет.
[Народ идет за мной невидимой
дорогой,
Один я вижу свет.]
Гордитесь, русские, быть царски-
ми рабами,
Закон ваш — мысль моя!
Отечество вам — флаг над гор-
дыми дворцами,
Россия — это я.

Мы долго верили: в грязи восточ-
ной лени
И мелкой суеты

Покорно целовал ряд русских поколений
Прах царственной пяты.
Бездействие ума над нами тяготело
За грудями бумаг,
За перепискою мы забывали дело
В присутственных местах.
В защиту воровства, в защиту нераденья
Мы ставили закон;
Под буквою скрывались преступленья,
Но пункт был соблюден;
Своим директорам, министрам мы служили,
Россию позабыв,
Пред ними ползали, чинов, у них просили,
Крестов наперерыв;
И стало воровство нам делом обыденным,
Кто мог схватить — тот брал,
И тот меж нами был всех более почтенный,
Кто более украл.
Развод определял познанье генерала —

Глуп он или умен,
Церемониальный марш и выправка
решала,
Чего достоин он.
Бригадный командир был лучший
губернатор,
[Искуснейший стратег,]
Отличный инженер, правдивей-
ший сенатор,
Честнейший человек.
Начальник, низшие права не при-
знавая,
Был деспот, полубог;
Бессмысленный сатрап был цар-
ский бич для края,
Губил, вредил, где мог.
Стал конюх цензором, шут цар-
ский адмиралом,
Клейнмихель графом стал!
Россия отдана в аренду обира-
лам...
Что ж русский? Русский спал...
Кряхтя, нес мужичок, как
прежде, господину
Прадедовский оброк;
Кряхтя, помещик нес вторую по-
ловину
Имена в залог.

Кряхтя, попрержнему дань русские
платили
Подъячим и властям,
Качали головой, шептались, гово-
рили,
Что это стыд и срам,
Что правды нет в суде, что тра-
тят миллионы,
России кровь и пот,—

На путешествия, киоски, навильо-
ны,
Что плохо все идет.
Потом за ералаш садились по
полтине;
Косясь по сторонам,
Рашели хлопали, бранили Фрецо-
лини,
Лорнировали дам
И низко кланялись продажному
вельможе
[И грызлись за чины,
И спали, жизнь свою заботой не
тревожа],
Отечества сыны!
Иль удалялись в глушь прадедов-
ских имений
В бездействии жиреть,

Мечтать о пироге, беседовать о
сене,
Животным умереть.
А если кто-нибудь среди общей ле-
таргии,
Мечтою увлечен,
Их призывал на брань за правду и
Россию,—
Как был бедняк смешон!
Как ловко над его безумьем изде-
вался
Чиновный фарисей,
Как быстро от него, бледнея, от-
рекался
Вчерашний круг друзей!
И под анафемой общественного
мненья,
Средь смрада рудников
Он узнавал, что грех прервать
оцепененье.
Тяжелый сон рабов;
И он был позабыт; порой лишь о
безумце
Шептали здесь и там:
«Быть может, он и прав... да
жалко вольнодумца,
Но что за дело нам?»

Спасибо Ивану Никифоровичу Явленскому

за то, что он отказался от завтрака и помог мне кончить превосходную прелюдию к превосходнейшему стихотворению, которое я, если бог поможет, перепишу завтра.

19 [сентября]

*Не хвались, йдучи на рать,
А хвались, йдучи с рати.*

Вчера вечером путешественник и путешественницы сыграли по последней пульке преферанса в кают-компании «Кн. Пожарского», рассчитались и расплатился до денежки за все пульки, сыгранные в продолжение рейса, то есть от 22 августа. Покончивши эту статью, сели за ужин, приготовленный из последней провизии. Поужинали, — разумеется, в последний раз, — в кают-компании. Выпили последний херес, мадеру и, кажется, шампанское. Составили проект завтрашнего обеда в Нижнем-Новограде и разошлись спать. Хорошо. С рассветом «Кн. Пожарский» поднял якорь, свистнул, фыркнул и весело захлопал своими огромными колесами. Хорошо. Берега быстро меняют свои контуры. Пролетаем мы мимо красивого по местоположению села Зи-

менки помещика Дадьянова и замечательно-го по следующему происшествию. Прошедшего лета, когда поспели жито и пшеница, мужичков выгнали жать, а они, чтобы покончить барщину за один раз, зажгли его со всех концов при благополучном ветре. Жаль, что яровое не поспело, а то и его бы за один раз покончили бы. Отрадное происшествие! Так вот, летим мы во весь дух мимо этого замечательного села, как вдруг левое колесо перестало вертеться, и из «Кн. Пожарского» — дельфина сделалась черепаха.

— Что случилось? — раздался общий голос.

— *Шатун* лопнул, — раздался в ответ одинокий голос машиниста.

Я смекнул, что прежде вечера мы не будем в Нижнем-Новгороде, то есть прежде вечера не будем обедать; смекнувши делом, я пошел в капитанскую светелку, выпил добрую чару лимонки, закусил остатком новопетровской ветчины, взял какую-то газету, лег да и заснул себе с богом. Просыпаюсь, а наш «Кн. Пожарский» стоит себе, тоже с богом, на Телячьем броде; Собачий брод кое-как переполз, а Телячий невмоготу стало. Что делать? Пау-

зиться, то есть перегружаться. Пауза эта длится до сих пор, то есть до первого часу кочи. А путешественницы и путешественники пробаваются натошак в ералаш в ожидании нижегородского обеда.

20 [сентября]

Пауза продолжалась за полночь. С рассветом «Кн. Пожарский» поднял якорь и, как подстреленный орел, захлопал одним колесом своим. Вошло солнце и осветило очаровательные окрестности Нижнего-Новгорода. Я хотел было хоть что-нибудь начертить, но увы, дрожание палубы при одном колесе еще ощутительнее, а серые сырые тучки не замедлили закрыть животворящее светило и задернуть прозрачным серым туманом живую декорацию. Декорация от тумана сделалась еще очаровательнее, но рисовать ее решительно невозможно. Тучки небесные, вечные странницы, пустили из себя такую мерзость, что я укрылся в капитанскую светелку и принялся за свои чувалы (торбы).

В 11 часов утра «Кн. Пожарский» положил якорь против Нижнего-Новгорода. Тучки разошлись, и солнышко приветливо осветило

город и его прекрасные окрестности. Я вышел на берег и без помощи извозчика, мимо красавицы XVII столетия, церкви св. Георгия, поднялся на гору. Зашел в гимназию к Бобржицкому^{191}, бывшему студенту Киевского университета, не нашел его дома, я пошел в кремль. Новый собор — отвратительное здание. Это огромная квадратная ступа с пятью короткими толкачами. Неужели это дело рук Константина Тона? Невероятно. Скорее это произведение самого неудобозабываемого Тормоза. Далее. Приношение благородного потомства гражданину Минину и кн. Пожарскому^{192} — копеечное, позорящее неблагодарное потомство, приношение! Утешительно, что этот грошовый обелиск уже переломился.

Из кремля зашел я опять к Бобржицкому и опять не застал его дома. Из гимназии пошел я искать в Покровской улице дом Сверчкова, квартиру А. А. Сапожникова. Нашел. И только что успел поздравить с временным новосельем хозяйку, хозяина и вообще сопутниц и сопутников, как является Николай Александрович Брылкин (главный управляющий компании пароходства «Меркурий») и по сек-

рету от других объявляет сначала хозяину, а потом мне, что он имеет особенное предписание полицеймейстера дать знать ему о моем прибытии в город. Я хотя и тертый калач, но такая неожиданность меня сконфузила. Позавтракавши кое-как, я отправился на пароход, поблагодарил моего доброго друга капитана за его обязательности, взял свой паспорт и передал его вместе с вещами Н. А. Брылкину. Успокоившись немного, я в третий раз пошел к Бобржицкому и на сей раз нашел его дома с широко распростертыми объятиями. В 8 часов вечера я отправился к Н. А. Брылкину, провел у него часа два времени в дружеской беседе, взял у него для прочтения «Голос из России», лондонское издание⁽¹⁹³⁾, и отправился к Павлу Абрамовичу Овсянникову⁽¹⁹⁴⁾, на мою временную квартиру.

21 [сентября]

Добрые мои новые друзья, Н. А. Брылкин и П. А. Овсянников, посоветовали мне прикинуться больным во избежание путешествия, пожалуй по этапам, в Оренбург за получением указа об отставке. Я рассудил, что не грех подлость отвратить лицемерием, и притво-

рился больным. До первого часу лежал, читал «Голос из России» и дожидал медика и полицеймейстера. А в первом часу махнул рукой и отправился к Сапожниковым. После обеда проводил моих добрых, милых спутников и спутниц до почтовой конторы и простился с ними. Они в почтовых каретах отправились в Москву. Когда увижусь я с вами, прекраснейшие люди? Просил Комаровского и Явленского целовать в Москве моего старого друга М. С. Щепкина, а Сапожникова просил в — Петербурге целовать мою святую заступницу графиню Н. И. Толстую. Вот тебе и Москва! Вот тебе и Петербург! И театр, и Академия, и Эрмитаж, и сладкие дружеские объятия земляков, друзей моих Лазаревского и Гулака-Артемовского! Проклятие вам, корпусные и прочие командиры, мои мучители безнаказанные! Гнусно! Бесчеловечно! Отвратительно гнусно!

В 7 часов вечера зашел я к Н. А. Брылкину, встретил у него Овсянникова и Кишкина и дружеской откровенной беседой заглушил вопли так внезапно, так гнусно, подло уязвленного сердца. Если бы не эти добрые люди,

мне бы пришлось теперь сидеть за решеткой и дожидаться указа об отставке или просто броситься в объятия красавицы-Волги. Последнее, кажется, было б легче.

22 [сентября]

Сегодня, как и вчера, погода — дрянь, слякоть и мерзость. На улицу выйти нет возможности. Из-за стены кремля показывает собор свои безобразные толкачи с реповидными верхушками. И ничего больше не видно из моей квартиры. Скучно. Медика и полицеймейстера по-вчерашнему дожидал и, не дождавшись, пошел к Н. А. Брылкину обедать. После обеда, как и до обеда, лежал и читал «Богдана Хмельницкого» Костомарова^{195}. Прекрасная книга, вполне изображающая этого гениального бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулась вперед в продолжение последнего десятилетия. Она осветила подробности, закопченные дымом фимиама, усердно кадимого перед порфирородными идолами.

23 [сентября]

Погода постоянно скверная. Я постоянно

лежу и читаю Зиновия Богдана. Прекрасная, современная книга! От нечего делать нарисовал потрет В. В. Кишкина удовлетворительно. Обедал по обыкновению у Н. А. Брылкина и по обыкновению после обеда читал и спал.

24 [сентября]

Н. А. Брылкин ездил в Балахну с мистером Стремом, американским инженером, посмотреть на строящийся там пароход и баржи для компании «Меркурий». От нечего делать и я напросился им сопутствовать. Щегольской, новенький пароход «Лоцман» в полдень поднял якорь и понес нас вверх по Волге. С разными остановками в 5 часов вечера мы, наконец, остановились у Балахны. Едва успел вскарабкаться на кучу бревен и взглянуть на эту родильницу бесчисленных живописных расшив, как инспектация кончилась, и я пошел к «Лоцману». Из рассказов я узнал, что Балахна одна из главных верфей на берегах Волги, то же, что на Оке Дедново, где строился голландскими мастерами первый русский корабль «Орел». В десятом часу возвратились в Нижний. Пообедали или поужинали и разошлись спать.

25 [сентября]

Утро было хотя и неясное, по крайней мере без ветру и дождя. Воспользовавшись сиею бесцветною погодой, я с крылечка моей квартиры начертил верхушку церкви св. Георгия. Хоть что-нибудь да делал.

26 [сентября]

Опять дождь, опять слякоть. Настоящее безвыходное положение. Старинные нижегородские церкви меня просто очаровали. Они так милы, так гармонически пестры... И отвратительная погода не дает мне рисовать их. Я, однакож, сегодня перехитрил упрямую погоду. Рано поутру пошел в трактир, спросил себе чаю и нарисовал из окна Благовещенский собор. Древнейшая в Нижнем церковь. Нужно будет узнать время ее построения. Но от кого? К пьяным косматым жрецам не хочется мне обращаться, а больше не к кому. Нижний-Новгород во многих отношениях интересный город и не имеет печатного указателя. Дико! По-татарски дико!

21 [сентября]

Проходя мимо церкви святого Георгия и видя, что двери церкви растворены, я вошел в

притвор и в ужасе остановился. Меня поразило какое-то безобразное чудовище, нарисованное на трехаршинной круглой доске. Сначала я подумал, что это индийский Ману или Вишну заблудил в христианское капище полакомиться ладаном и деревянным маслом. Я хотел войти в самую церковь, как двери растворились, и вышла пышно, франтовски разодетая барыня, уже не совсем свежая, и, обратись к нарисованному чудовищу, три раза набожно и кокетливо перекрестилась и вышла. Лицемерка! Идолопоклонница! И наверное б... И она ли одна? Миллионы подобных ей бессмысленных, извращенных идолопоклонниц. Где же христианки? Где христиане? Где бесплотная идея добра и чистоты? Скорее в кабаке, нежели в этих обезображенных животных капищах. У меня не хватило духу перекреститься и войти в церковь; из притвора я вышел на улицу, и глазам моим представилась, по темному фону широкого луга, блестящая, грациозно извивающаяся красавица-Волга. Я вздохнул свободно, невольно перекрестился и пошел домой.

28 [сентября]

Нарисовал портрет мамзель Анхен Шаубе. Гувернантка Брылкиных, очень милая молодая немочка, резвая, наивная, настоящий мальчик в юбке.

Прочитал комедию Островского «Доходное место»^{196}. Не понравилось. Много лишнего, ничего не говорящего и вообще аляповато; особенно женщины не натуральны. В скором времени ее будут давать на здешней сцене. Нужно будет посмотреть.

Перед вечером требовала меня зачем-то полиция, но я не пошел.

29 [сентября]

Солнце сегодня взошло светло, весело. Я пошел в кремль и начал рисовать соборную колокольню, но руки так озябли, окоченели, что я едва мог сделать общий абрис. Пользуясь улыбкою осеннего дня, я после завтрака отправился к Печерскому монастырю с намерением нарисовать эту живописную обитель. Выбрал точку. Прилег отдохнуть. И лелеемый теплыми лучами солнца, задремал и так плотно задремал, что проснулся уже перед закатом солнца. Возвращаясь на квартиру мимо Георгиевского публичного сада, я зашел в

сад, встретил много гуляющей публики обоих полов и всех возрастов. Между женщинами, как на подбор, ни одной не только красавицы или хорошенькой, даже сносной не встретил. Уроды и, как кажется, большею частью старые девы. Бедные старые девы!

30 [сентября]

В ожидании незваного гостя, г. полицеймейстера, я предложил сеанс моему доброму хозяину, Павлу Абрамовичу Овсянникову. Портрет был окончен к двум часам довольно удачно, а г. Лапа (так прозывается) к нам не жаловал. Погода прекрасная. Я вышел на бульвар. Между прочей публикой встретил я на бульваре детей — три девочки и мальчика. Прехорошенькие и резвые дети. Костюм их показался и странным и жалким. На девочках были какие-то коротенькие, легенькие дырявые мантильки дворянско-немецкого покроя. Ручонки нагие, и почти босиком. На мальчике — поярковая серая шляпа с пером и мантилька такая же, как и на девочках, а башмаки еще хуже. Вообще показались мне они похожими на трупшу младенцев-комедиантов. Я дошел с ними до кондитерской, ку-

пил им сладких пирожков на полтину и познакомился. Зовут их: Катя (самая бойкая), Надя и Дуня, а мальчика Саней; дети они некоего Арбеньева, театрального музыканта. Значит, я немногим ошибся. На расставанье они просили меня к себе в гости, и я, разумеется, обещал прийти.

Расставшись с детьми, вспомнил я Алексея Панфилыча Панова, крепостного Паганини, на «Князе Пожарском»; он зимует в Нижнем и квартирует где-то против архиерейского дома. С Георгиевской набережной пошел я к архиерейскому дому с целью найти квартиру и навестить моего возлюбленного виртуоза. Квартиры виртуоза я, однакож, не нашел, а мимоходом зашел в архиерейский сад. Это преимущественно липовая роща, обнесенная деревянным забором, посредине которой красуется, вроде казармы, огромное трехэтажное здание (архиерейская келья). Невдалеке от здания, между деревьями, беседка с колоколами, и в другой стороне, также между деревьями, четыре улья, отделаны наподобие надгробных памятников. Везде пусто и уныло, физическая гниль и нравственный застой на

всем отражается. Скверно. Придя на квартиру я, на сон грядущий, прочитал «Рассказ маркера» графа Толстого^{197}. Поддельная простота этого рассказа слишком очевидна.

1 октября

Грязь, туман, слякоть и прочая атмосферическая гадость. Вследствие чего я предложил сеанс г. Грасу, зятю Н. А. Брылкина. Сеанс на половине был прерван приходом г. Лапы и г. Гартви́г. Первый — бравый и любезный гвардейский полковник и полицеймейстер; второй — не бравый, но не менее любезный полицейский медик. Оба поляки или литвины, и оба не говорят по-польски. Гартви́г, спасибо ему, без малейшей формальности нашел меня больным какой-то продолжительной болезнью, а обязательный г. Лапа засвидетельствовал действительность этой мнимой болезни, и после взаимных нецеремоний мы расстались. Вследствие этого обязательного визита я представляю себе мое возвращение в Оренбург сомнительным^{198}.

С сегодняшнего дня начинаются здесь спектакли, и после обеда Н. А. Брылкин пригласил меня в свою ложу. Давали народную

сантиментально-патриотическую драму Потехина^{199} «Суд людской — не божий». Драма — дрянь с подробностями. Г. Мочалова, независимо от своей бедной натянутой роли, мне понравилась. У нее есть движения настоящей артистки. Г. Климовский, как и роль его, приторен. Водевиль — «Коломенский хлебник»^{200}. Водевиль балаганный и исполнен был соответственно своему назначению. Маленький оркестр в антрактах играл несколько номеров из «Дон Жуана» Моцарта прекрасно, может быть потому, что это очаровательное создание трудно сыграть не прекрасно. Зала театра небольшая, но отделана просто и со вкусом. Публика, в особенности женская, замечательно неблестящая и немногочисленна.

2 [октября]

Утро ясное, тихое, с морозом. Нужно было вчера начатый портрет г. Граса сегодня закончить, и я принялся за работу с тем, чтобы скорее кончить и идти к Печерскому монастырю, с целью нарисовать его. Но, увы, монастырь этот мне не дается. Кончивши портрет, я нечаянно, но нелицемерно позавтракал, при-

лег на минутку вздохнуть и проспал ровно до двух часов. Непростительное свинство! Едва успел я проснуться, как вошел Н. А. Брылкин и предложил мне идти с ним на бульвар погулять перед обедом. На бульваре встретили мы некоего господина Якоби. Н. А. отрекомендовал меня сему господину Якоби. Он просил нас к себе обедать, и мы не отказались. Г. Якоби один из нижегородских аристократов, весьма любезный и довольно едкий либерал и вдобавок любитель живописи. Он показал мне свой альбом, ничем особенно не замечательный, и картину, плохо освещенную, картину, с большими достоинствами изображающую молящегося какого-то молодого святого; выражение лица прекрасно. По уверению хозяина, эта драгоценность принадлежит кисти Гверчино^{201}, а по-моему, она больше похожа на хорошую копию с Доменикино Цампиери. Но я хозяину не сказал моего мнения, по опыту зная, как трудно противоречить знатокам живописи. На расставанье он взял с нас слово быть завтра вечером в клубе, при выборе старшин, где обещал меня познакомить со своими товарищами и угостить музыкой. Я

не прочь и от музыки и от знакомства, в особенности от знакомства. Мне необходима дежная работа, а иначе я должен буду обратиться опять за святыми финансами^[202] к моему искреннему М. Лазаревскому. Попробую, не удастся ли устранить эту необходимость.

3 [октября]

Русские люди, в том числе и нижегородцы, многим одолжились от европейцев и, между прочим, словом *клуб*. Но это слово совершенно не к лицу русскому человеку. Им бы лучше было одолжиться подобным словом, а оно, верно, существует в китайском языке, — одолжиться бы у китайцев и японцев, если они отринули свое родное слово *посиделки*, удивительно верно изображающее русские дворянские сборища. У европейцев *клуб* имеет важное политическое значение, а у русских дворян это даже и не мирская сходка, а просто *посиделки*. Они собираются посидеть за ломберными столами, помолчать, поесть, выпить и, если случай поблагоприятствует, то и по сусалам друг друга смазать.

После выбора старшин любезнейший г. Якоби представил меня своим товарищам, в

том числе генералу Веймарну и г. Кудлаю (полицеймейстер № 2). Генерал Веймарн замечателен тем, что он не похож на русского генерала, а похож вообще на прекрасного простого человека, а г. Кудлай, кроме того, что не похож на полицеймейстера, как и товарищ его Лапа, замечателен тем, что он друг и дальний родственник моего незабвенного друга и товарища покойного Петра Степановича Петровского. Многие и многое разбудил он в моем сердце своим живым воспоминанием о прекрасных минувших днях. Мы с ним до того увлеклись минувшим, что не заметили, как настоящие посиделки кончились. В заключение усоветовали мы писать к брату покойного моего друга, к Павлу Степановичу Петровскому, чтобы он, отложив всякое попечение, навел нас в Нижнем-Новгороде и, если можно, захватил бы с собою и моего искреннего Михаила Лазаревского.

4 [октября]

До двенадцати часов вел себя хорошо. Не кончивши портрета Аделаиды Алексеевны Брылкиной, попросил я у Николая Александровича Брылкина экипаж с намерением сделать очайные визиты, пришел домой, вырядился с помощью Павла Абрамовича Овсянникова, как первостатейный франт, начал свою виштапию с г. Веймарна. Г. Веймарн на первый раз показался мне в домашнем быту человеком аккуратным, но не чопорным; вели мы речь о том, что у нас пути сообщения в России более нежели гнусны, например, в 1843 году в Чернигове, на базаре, продавали муку 20 коп. сер. пуд, а в

местечке Гомеле ту же самую муку продавали 1 рубль серебром пуд. Поговоривши о путях сообщения, мы слегка коснулись и военного сословия, одним словом: совсем отвратительно, что, конечно, не подлежит ни малейшему сомнению. Заключивши наше обоюдное любезничество таким мнением о военном сословии, я простился с г. генералом и поехал к доктору Гартвигу. ⁽²⁸³⁾

6 [октября]

Михайло — хороший слуга, но в секретари не годится — малограмотен. Я хотел по примеру Юлия Цезаря и работать, то есть рисовать, и диктовать; но мне ни то, ни другое не удалось. За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Пословица очень справедлива. Не знаю, умел ли Юлий Цезарь рисовать? А диктовать, говорят, он мог разом письма о пяти совершенно разных предметах, чему я почти не верю. Но не о том речь, а речь о том, что у меня и сегодня еще колеблется десница от позавчерашнего глумления пьянственного, и я вчера только вид показывал, что я будто бы рисую, а где там, и фон не мог *конопатить*. Так только, абы-то.

Остановились мы на том, как я приехал к доктору Гартвигу.

6 [октября]

Вчера только я успел обмакнуть перо в чернила, чтобы описать визит мой доктору Гартвигу и перейти к нецеремонному визиту

Г. Кудлаю, как дверь с шумом растворилась и вошел в комнату сам Кудлай. Разумеется, я положил омоченное в чернила перо, встретил дорогого светского гостя в подштанниках, и, после лобызаний, ударились сначала в обыкновенный пустой разговор, а потом перешли к воспоминаниям о Питере, о покойном Петровском и о великом Брюллове. Воспоминания наши были прерваны приходом слуги от Н. А. Брылкина с предложением обеда. Я проводил моего гостя, оделся и отправился к Н. А. обедать. После обеда резвушка, мамзель Анхен Шауббе [предложила] сопутствовать ей в театр. Я с удовольствием принял ее предложение и во второй раз слушал музыку Моцарта из «Дон-Жуана» и в первый раз видел драму Коцебу «Сын любви»^{204}, о существовании которой я знал по слуху. Драма моей резвой сопутнице очень понравилась, как произведение Коцебу, а мне, к ужасу моей дамы, тоже понравилась — только не совсем, за что я и получил из улыбающихся уст восторженной немки название грубого варвара, неспособного сочувствовать ничему прекрасному и моральному. Роль Амалии, доче-

ри барона, исполняла артистка московского театра, госпожа Васильева, — натурально и благородно, а прочие, кроме г. Платонова (роль барона), — лубочно.

За драмою последовала «Путаница»^{205}, по-здешнему хорошо, а по-моему — тоже лубочно. Спектакль кончился в первом часу, к удовольствию публики вообще и моей спутницы в особенности.

7 [октября]

Мороз закалил, наконец, непроходимую грязь; это хорошо. Нехорошо только то, что если он установится, то лишит меня возможности нарисовать здешние старинные церкви, которые мне так понравились. Вследствие уже не слякоти, а преждевременного гостя-мороза, я сидел дома, написал Михайлу Лазаревскому о притче, случившейся со мною в Нижнем-Новгороде, и просил прислать мне сколько-нибудь денег, потому что я на публику здешнюю плохо надеюсь.

8 [октября]

Пользуясь хорошею погодою, я позавтракал сыто и пошел гулять. Обогнувши два раза кремль и полюбовавшись окрестными вида-

ми и коническими старинными колокольнями, как лисица виноградом, зашел к моему поставщику чтения, к милейшему Константину Антоновичу Шрейдерсу^{206}, бывшему студенту Киевского университета и, в некотором роде, земляку моему. Встретил у него некоего барона Торнау, полковника генерального штаба, человека-либерала, прекрасно и неумолимо говорящего. Во время последней войны он был при русском посольстве в Вене военным агентом. Следовательно, ему есть о чем говорить. Жалею, что разговор его длился не более получаса. Он здесь проездом и, кроме того, торопился на обед к губернатору.

Барон Торнау, между прочим, рекомендовал мне на всякий случай своего близкого приятеля, известного путешественника Петра Егоровича Ковалевского^{207}, в настоящее время начальника азиатского департамента, по уверению барона, человека царем любимого, а следовательно и много могущего.

9 [октября]

Сегодня поутру любезнейший Н. А. Брылкин принес мне давно жданное «Краткое историческое описание Нижнего-Новгорода»^{208},

составленное неким Н. Хранцовским. Но так как сегодня погода довольно сносная, то я, оставя сию интересную [книгу] до вечера, отправился к Печерскому монастырю. Кое-как набросав вид монастыря, я с окоченелыми руками прибежал домой. Позавтракал, поотгрелся и принялся за книгу. Книга хорошая и достаточно знакомит с историею края и города. Жаль, что г. Хранцовский об архитектурных памятниках и вообще о памятниках старины говорит слишком экономно, но и за то спасибо. Печерский монастырь, что я сегодня рисовал, построенный при царе Федоре Ивановиче в 1597 году вместо разрушившегося древнего монастыря, основанного архимандритом Дионисием.

10 [октября]

Сегодня погода не поблагоприятствовала моему доброму намерению рисовать Архангельский собор в кремле, и я предложил сеанс Н. А. Брылкину и нарисовал его портрет.

11 [октября]

А сегодня, с горем пополам, отправился поутру рисовать Архангельский собор, озяб до слез и ничего бы не сделал, если бы не попал-

ся мне на глаза генерал Веймарн, командир учебного карабинерного полка и, разумеется, главный хозяин в казармах, под которыми я расположился рисовать. Я рассказал ему о своем горе, и он обязательно позволил мне поместиться у любого окна в казармах, чем я и воспользовался с благодарностью. Поработавши, отправился я обедать к Н. К. Якоби. Вместо десерта он угостил меня брошюрой Искандера^[209] лондонского второго издания «Крещеная собственность». Сердечное, душевное человеческое слово! Да осенит тебя свет истины и сила истинного бога, апостол наш, наш одинокий изгнанник!

12 [октября]

Окончил вчера начатый рисунок Архангельского собора. Оригинальное, красивое и самое древнее, прекрасно сохранившееся здание в Нижнем-Новгороде. Собор этот построен во время великого князя нижегородского Юрия Всеволодовича в 1227 году.

13 [октября]

Рисовал карандашами портрет Анны Николаевны Поповой^[210], слывущей здесь красавицей первой стати. Действительно, она кра-

сивая и еще молодая женщина, но, увы, маненько простовата. Может быть, и к лучшему. Первый портрет рисую за деньги, за 25 рублей. Посмотрим, что дальше будет. Не худо б, если б таких тароватых красавиц было поуще в Нижнем. Хоть бы на портного заработал.

После сеанса отправился обедать к Н. К. Якоби, а после обеда отправился в театр. Спектакль был хоть куда: Васильева, в особенности Пиунова, была естественна и грациозна^{211}. Легкая, игривая роль ей к лицу и по летам. Увертюра из «Вильгельма Телля» была исполнена прекрасно, словом — спектакль был блестящий.

Каковы-то теперь спектакли в Питере, на Большом театре^{212}? Хоть бы одним глазом взглянуть, одним ухом послушать.

14 [октября]

К величайшему удовольствию красавицы и ее благоверного сожителя и, в особенности, к своему собственному удовольствию, сегодня я портрет окончил, отдал и весело вечер провел с моим милым капитаном В. В. Кишкиным. На днях он едет в Петербург. Когда же я поеду в Петербург? Отвратительное положе-

ние. Немногим лучше, чем в Новопетровском укреплении.

15 [октября]

При ветре и морозе нарисовал вид двух безыменных башен, часть кремлевской стены и вид на Заочье. В целом вышел порядочный рисунок. Я тороплюсь сделать побольше эскизов, на случай, если придется мне здесь зазимовать, так чтобы была хоть какая-нибудь работа. Обедал у Н. К. Якоби. Первую часть вечера провел у Брылкиных, а вторую с Овсянниковым в клубе, за «Пчелой»^[213] и бутылкой эля. В клубе познакомился с неким г. Варенцовым^[214]. Это инспектор института благородного при здешней гимназии и товарищ по университету Н. И. Костомарова. От него я узнал, что Костомаров еще не возвратился из-за границы в Саратов и что Кулиш издал второй том «Записок о Южной Руси»^[215].

16 [октября]

От нечего делать зашел я сегодня к [В. Г.] Варенцову. Заговорили, разумеется, о Костомарове, и он сообщил мне (по известиям, полученным им из Москвы), что будто бы в Москве, между молодежью, ходит письмо Ко-

стомарова^{216}, адресованное на имя государя, письмо, исполненное всякой истины и вообще пространнее и разумнее письма Герцена, адресованного тому же лицу. Письмо Костомарова якобы написано из Лондона. Если это правда, то наверно можно сказать, что Николай Иванович сопричтен к собору наших заграничных апостолов. Благослови его, господи, на сем великом поприще!

От Варенцова зашел к новому знакомому, некоему Петру Петровичу Голиховскому, милому, любезному человеку. Он здесь мимоездом из Питера в Екатеринбург. Он отрекомендовал меня своей эффектной красавице-жене. Она — мужественная брюнетка, родом молдаванка и такой страстно-чувственно-электризующей красоты, какой я не встречал еще на своем веку. Удивительно огненная женщина. П. П. Голиховский, между прочим, сообщил мне, что в Париже образовался русский журнал, под названием «Посредник», редактор Саонов^{217}. Главная цель журнала — быть посредником между лондонскими периодическими изданиями Искандера и русским правительством и еще — обнаруживать подло-

сти «Пчелы», «Le Nord!»^{218} и вообще правительственные гадости. Прекрасное намерение. Жаль, что это не в Брюсселе или не в Женеве. В Париже как раз коронованный Картуш^{219} по-дружески прихлопнет это новорожденное дитя святой истины.

От красавицы Голиховской зашел я к красавице Поповой и остался у нее обедать. Но эта красавица не молдаванке чета: она показала мне сладкою, мягкою, роскошною, но далеко не такую полную жизни красавицей, как бурная, огненная молдаванка.

После обеда у Поповых зашел я к Н. К. Якоби и познакомился у него с неким симбирским барином Киндяковым, родственником Тимашева, теперешнего начальника штаба корпуса жандармов. Так как Киндяков едет в Петербург, то я и просил его узнать от своего родственника, долго ли еще продлится мое изгнание и могу ли я когда-нибудь надеяться на совершенную свободу?

У Якоби же встретился я и благоговейно познакомился с возвращающимся из Сибири декабристом, с Иваном Александровичем Анненковым^{220}. Седой, величественный, крот-

кий изгнанник в речах своих не обнаруживает и тени ожесточения против своих жестоких судей, даже добродушно подтрунивает над фаворитами^{221} коронованного фельдфебеля, Чернышевым и Левашевым, председателями тогдашнего верховного суда. Благоговею перед тобою, один из первозванных наших апостолов!

Говорили о возвратившемся из изгнания Николае Тургеневе^{222}, о его книге, говорили о многом и о многих и в первом часу ночи разошлись, сказавши: до свиданья.

17 [октября]

Сегодня получил письмо от М. Лазаревского и два письма от милого моего неизменного Залесского^{223}. Лазаревский пишет, что он виделся с графиней Настасией Ивановной и что они усоветовали, в случае воспреещения мне въезда в столицу, просить письмом графа Федора Петровича, чтобы он исходатайствовал мне это разрешение через президента нашего Марию Николаевну^{224} для Академии Художеств, классы которой я буду с любовью посещать, как было во время оно. Добрые, благородные мои заступники и советники!

Залесский, кроме обыкновенного своего сердечного, искреннего прелюдия, пишет, что рисунки мои получил все сполна, что некоторые из них уже пристроил в добрые руки и деньги — 150 рублей — переслал на имя Лазаревского. Неутомимый друг! Знакомит он меня еще с какой-то своей землячкой-литвинкой, недавно возвратившейся из Италии с огромным грузом изящных произведений. Для меня и за глаза подобные явления очаровательны, и я сердечно благодарю моего друга за это письменное знакомство.

Что значит, что Кухаренко мне не пишет? Неужели он не получил моего поличия и мою «Москалеву криныцу»? Это было бы ужасно досадно.

Упившись чтением этих дружеских милых посланий, вечером, вместе с Овсянниковым, отправились мы к огненной молдаванке. Страшная, невиданная женщина! Намагнетизировавшись хорошенько, мы пожелали ей счастливой дороги до нелюбимого ею Екатеринбурга и расстались, быть может, навсегда. Чудная женщина! Неужели кровь древних сабинянок так всемогуще, бесконечно жива?

Выходит, что так.

18 [октября]

Написал и отослал письма моим милым друзьям, М. Лазаревскому и Б. Залесскому^{225}.

19 [октября]

В клубе великолепный обед с музыкою и повальная гомерическая попойка...

20 [октября]

Ночь и следующие сутки провел в очаровательном семействе madame Гильде.

22 [октября]

Вздумалось мне просмотреть рукопись моего «Матроса»^{226}. На удивление безграмотная рукопись. А писал ее не кто иной, как прапорщик Отдельного оренбургского корпуса, батальона № 1 г. Нагаев, лучший из воспитанников оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Что же посредственные и худшие воспитанники, если лучший из них безграмотный и вдобавок пьяница? Проклятие вам, человекоубийцы — кадетские корпуса!

23 [октября]

При свете великолепного пожара^{227}, вечером, часу в 9, встретился я с К. А. Шрейдерсом. Он сообщил мне, что обо мне получена фор-

менная бумага на имя здешнего военного губернатора, от командира Оренбургского отдельного корпуса. Для прочтения сей бумаги зашли мы в губернаторскую канцелярию к правителю канцелярии, милейшему из людей, Андрею Кирилловичу Кадинскому^{228}. Бумага гласит^{229} о том, что мне воспрещается въезд в обе столицы и что я обретаюсь под секретным надзором полиции. Хороша свобода! Собака на привязи. Это значит — не стоит благодарности, ваше величество.

Что же я теперь буду делать без моей Академии, без моей возлюбленной акватинты, о которой я так сладко и так долго мечтал? Что я буду делать? Обратиться опять к моей святой заступнице, графине Настасье Ивановне Толстой? Совестно. Подожду до завтра. Посоветуюсь с моими искренними друзьями, с П. А. Овсянниковым и с Н. А. Брылкиным. Они люди добрые, сердечные и разумные. Они научат меня, что мне предпринять в этом безвыходном положении.

24 [октября]

Сегодня мы усоветовали так: на неопределенное время остаться мне здесь, по случаю

мнимой болезни, а тем временем писать графу Ф. П. Толстому и просить его ходатайства о дозволении мне жительство в Петербурге хотя на два года. В продолжение двух лет я, с помощью божиею, успею сделать первоначальные опыты в моей возлюбленной акватинте.

25 [октября]

Продолжаю по складам прочитывать и поправлять «Матроса» и ругать безграмотного переписчика-пьяницу, прапорщика Нагаева. Прочитывая по складам мое творение, естественно, что я не могу следить за складом речи. Убедился только в одном, что название этого рассказа необходимо переменить. Пока не придумаю моему «Матросу» другого, более приличного имени, назову его так: «Прогулка с пользою и не без морали».

26 [октября]

Заходил к Варенцову и взял у него для прочтения два номера, 2-й и 3-й, «Русской беседы». В эпилоге к «Черной раде»^{230} П. А. Кулиш, говоря о Гоголе, Квитке и о мне грешном, указывает на меня, как на великого самобытного народного поэта. Не из дружбы ли это?

Во 2-м номере «Русской беседы» я с наслаждением прочитал трехкуплетное стихотворение Ф. Тютчева:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!*

*Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что скользит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.*

*Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя!..*

27 [октября]

Несколько дней сряду хорошая, ясная погода, и я сегодня не утерпел: пошел на улицу рисовать. Нарисовал церковь пророка Ильи ^{231}, с частью кремля на втором плане. Церковь пророка Ильи построена в 1506 году в память огненного стреляния, спасшего Нижний от татар и ногаев.

28 [октября]

Сегодня погода тоже почти позволила мне выйти рисовать на улицу. Нарисовал я кое-как церковь Николая за Почайной, построенную в 1372 году, вероятно тоже в ознаменование какого-нибудь кровопролития. По дороге зашел я к моему любезному доктору Гартви-гу, застал его дома, позавтракал, выпил от-личнейшей вишневки собственного приго-товления и в старом изорванном нижегород-ском адрес-календаре прочитал, что в Княги-нинском уезде Нижегородской губернии, в селе Вельдеманове, от крестьянина Мины и жены его Марьяны в 1605 году в мае месяце родился знаменитый патриарх Никон^[232].

29 [октября]

Ходил к Трубецкому^[233], весьма милому князю-человеку, и не застал его дома. Обедал у Н. К. Якоби, а после обеда в театре слушал, между прочим, увертюру из «Роберта» Мейер-бера, в антрактах какой-то кровавой драмы. Возможно ли двадцатиинструментным, вдо-бавок нетрезвым оркестром исполнять какую бы то ни было увертюру, а тем более увертю-ру «Роберта» Мейербера? Прости им, не ведут бо, что творят. К концу кровавой драмы поло-

вина ламп в зале погасла, и тем кончился великолепный спектакль.

30 [октября]

Пользуясь погодой, я совершил прогулку вокруг города с удовольствием и не без пользы. В заключение прогулки нарисовал Благовещенский монастырь. Старое, искаженное новыми пристройками здание. Главная церковь, колокольня — не совсем уцелели от варварского возобновления. Остались только две башни над трапезной неприкосновенными. И какие они красавицы! Точно две юные, прекрасные, чистые отроковицы грациозно подняли свои головки к подателю добра и красоты и как бы благодарят его, что он заступил их от руки новейшего архитектора. Прекрасное, ненаглядное создание!

Благовещенский монастырь основан в XIV столетии св. Алексеем, митрополитом, к этому времени принадлежат и прекрасные башни. Соборная церковь монастыря построена в 1649 году. Местоположение монастыря очаровательное.

31 [октября]

Сегодня только, наконец, дочитал своего

«Матроса». Он показался мне слишком растянутым. Может быть от того, что я по складам его читал. Прочитаю еще раз в новом экземпляре, и если окажется сносным, то пошлю его к М. С. Щепкину: пускай где хочет, там его и приютит.

Вечером И. П. Грае познакомил меня с Марьей Александровной Дороховой^[234]. Директриса здешнего института. Возвышенная, симпатическая женщина! Несмотря на свою аристократическую гнилую породу, в ней так много сохранилось простого, независимого человеческого чувства и наружной силы и достоинства, что я невольно [сравнил] с изображением «Свободы» Барбье (в «Собачьем пире»). Она еще мне живо напомнила своей отрывистой прямой речью, жестами и вообще наружностью моего незабвенного друга, княжну Варвару Николаевну Репнину^[235]. О, если бы побольше подобных женщин-матерей, лакейско-боярское сословие у нас бы скоро перевелось.

1 ноября

Рисовал портрет М. А. Дороховой. И, после удачного сеанса, по дороге зашел к Шрейдер-

су, встретил у него милейшего М. И. Попова и любезнейшего П. В. Лапу. Выпил с хорошими людьми рюмку водки, остался обедать с хорошими людьми и с хорошими людьми за обедом чуть-чуть не нализался, как Селифан. Шрейдерс оставлял меня у себя отдохнуть после обеда, но я отказался и пошел к madame Гильде, где и положил якорь на ночь.

2 [ноября]

Возвращаясь домой с благополучного ночлега, зашел я проститься к Варенцову. Он сегодня едет в Петербург. У меня было намерение послать с ним в Москву своего «Матроса», но переписчик мой тоже с добрыми людьми загулял, и рукопись остановилась. Досадно. Придется подождать Овсянникова. Когда я сбуду с рук этого несносного «Матроса»!

Придя домой, от нечего делать раскрыл генварскую книжку «Отечественных записок», и какая прелесть случайно попала мне на глаза^{236}! Это стихотворение без названия З. Тур.

*Во время сумерек, когда поля и
лес
Стоят окутаны полупрозрачной*

дымкой,
С воздушных ступеней темнею-
щих небес
Спускается на землю невидимкой

Богиня стройная с задумчивым
лицом.
Для ней нет имени. Она пугливей
грезы;
Печальный взор горит приветли-
вым огнем,
А на щеках заметны слезы.

С корзиною цветов, с улыбкой на
губах
Она украдкой по улицам прохо-
дит
И озирается на шумных площа-
дях,
И около дворцов пугливо бродит.

Но увидав под крышею окно,
Где одинокая свеча горит, мерцаая,
Где юноша, себя и всех забыв дав-
но,
Сидит, в мечтах стих жаркий по-
вторяя,

*Она порхнет туда и, просияв, войдет
В жилище бедное, как мать к родному сыну,
И сядет близ него, и счастье разольет,
И высыплет над ним цветов корзину.*

3 [ноября]

Сегодня воскресенье, и я, как порядочный человек, причепурился и вышел из дому с намерением навестить моих добрых знакомых. Зашел я к первому мистеру Гранду. Англичанин от волоска до ноготка. И у него, у англичанина, я в первый раз увидел сочинения Гоголя, изданные моим другом П. Кулишем^{237}. Друг мой немного подгулял. Издание вышло немного мужиковато, особенно портрет автора до того плох, что я удивляюсь, как знаменитый Иордан позволил подписать под ним свое прославленное имя.

У него же, у Гранда, и в первый же раз увидел я «Полярную звезду»^{238} Искандера за 1856 год, второй том. Обертка, то есть портреты первых наших апостолов-мучеников, меня

так тяжело, грустно поразили, что я до сих пор еще не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления. Как бы хорошо было, если бы выбить медаль в память этого гнусного события. С одной стороны — портреты этих великомучеников с надписью: «Первые русские благовестители свободы», а на другой стороне медали — портрет неудобозабываемого Тор-моза с надписью: «Не первый русский коронованный палач».

4 [ноября]

Кончил сегодня портреты М. А. Дороховой и ее воспитанницы Нины⁽²³⁹⁾, побочной дочери Пущина, одного из декабристов. Удивительно милое и резвое создание! Но мне как-то грустно делается, когда я смотрю на побочных детей. Я никому, и тем более заступнику свободы, не извиняю этой безнравственной независимости, так туго связывающей этих бедных побочных детей. Простительно какому-нибудь забубённому гусару, потому что он только гусар, но никак не человек. Или какому-нибудь помещику-собачнику, потому что он собачник — и только. Но декабристу, понесшему свой крест в пустынную Сибирь во

имя человеческой свободы, подобная независимость непростительна. Если он не мог стать выше обыкновенного человека, то не должен и унижать себя перед обыкновенным человеком.

5 [ноября]

Сегодня окончательно проводил Варенцова в Петербург и сегодня же через него получил письмо от Костомарова^{240} из Саратова. Ученый чудак пишет, что напрасно прождал меня две недели в Петербурге и не хотел сделать ста верст кругу, чтобы посетить меня в Нижнем. А сколько бы радости привез своим внезапным появлением! Ничего не пишет мне о своих глазах и вообще о своем здоровье.

6 [ноября]

Написал письмо Костомарову^{241} и моим астраханским землякам-друзьям. Хотя погода и не совсем благоприятствовала, но я все-таки отправился на улицу. С некоторого времени мне, — чего прежде не бывало, — нравится уличная жизнь, хотя нижегородская публика ни даже в воскресный ясный день не показывается на улице, и Большая Покровка, здешний Невский проспект, постоянно изобража-

ет собою однообразный, длинный карантин. А я все-таки люблю побродить час-другой вдоль этого пустынного карантина. Откуда же эта нелепая любовь к улице? После десятилетнего поста я разом бросился на книги, объелся и теперь страдаю несварением в желудке. Другой причины я не знаю этому томительному нравственному бездействию. Рисовать ничего порядочного не могу, не придумаю, да и помещение мое не позволяет. Рисовал бы портреты, — за деньги не с кого, а даром работать совестно. Нужно что-нибудь придумать для разнообразия, а что — не знаю.

Погрузившись в это мудрое размышление или сочинение, я нечаянно наткнулся на дом Якоби. Зашел, пообедал и после обеда отправился в гостиную, на чай к старушкам, то есть madame Якоби и ее неумолимо говорливой сестрице. В числе разных, по ее мнению, чрезвычайно интересных приключений ее быстро минувшей юности, она рассказала мне о Лабзине^[242], о том самом конференц-секретаре Академии Художеств, который предложил Илью Байкова, царского кучера, выбрать в по-

четные члены Академии, потому что он ближе Аракчеева к государю. За эту остроту Аракчеев сослал его в Симбирск, где он и умер на руках моей почтенной собеседницы. Мне приятно было слышать, что этот замечательный мистик-масон до самой могилы сохранил независимость мысли и христианское незлобие.

После Лабзина речь перешла на И. А. Анненкова, и я из рассказа моих собеседниц узнал, что происшествие, так трогательно рассказанное Герценом в своих воспоминаниях про Ивашева^{243}, случилось с супругою И. А. Анненкова, бывшей некогда гувернанткой, мадмуазель Поль.

Она жива еще и теперь. Меня обещали старушки познакомить с этою достойнейшею женщиною. Не знаю, скоро ли я удостоюсь счастья взглянуть на эту беспримерную, святую героиню.

Дюма, кажется, написал сентиментальный роман^{244} на эту богатырскую тему.

По поводу портрета М. А. Дороховой и ее воспитанницы Ниночки, которых я на днях рисовал, старушки сообщили мне^{245}, что мать

Ниночки простая якутка и теперь еще жива в Ялуторовске, а что отец ее, г. Пущин, служит где-то на видном месте в Москве и что он женился на богатой вдове, некоей madame Коцебу, собственно для того, чтобы достойно и прилично воспитать свою Ниночку. Отвратительный отец!

7 [ноября]

На днях как-то проходил я через кремль и видел большую толпу мужиков с открытыми головами перед губернаторским дворцом. Явление это показалось мне чем-то необыкновенным, и до сегодняшнего дня я не мог узнать его содержания, а сегодня Овсянников рассказал мне, в чем было дело.

Крестьяне помещика Демидова, того самого мерзавца Демидова, которого я знал в Гатчине кирасирским юнкером в 1837 году и который тогда не заплатил мне деньги за портрет своей невесты, теперь он, промотавшийся до снаги, живет в своей деревне и грабит крестьян. Кроткие мужички, вместо того чтобы просто повесить своего грабителя, пришли к губернатору просить управы, а губернатор, не будучи дурак, велел их посечь за то, чтобы

они искали управы по начальству, то есть начинали со станového.

Интересно знать, что дальше будет.

8 [ноября]

Рисовал сегодня до обеда портреты monsieur и madame Якоби. А вечером пошел к Веймарну; у него сегодня полковой праздник и, следовательно, пирушка. Войдя в первую комнату, я совершенно растерялся: меня поразила [толпа] военных людей. Я этих почтенных господ давно уже, слава богу, не встречаю. В особенности один между ними так живо напомнил мне своею толстою телячьей рожей капитана Косарева, что я чуть-чуть не вытянул руки по швам и не возгласил: «Здравия желаю, ваше благородие!» Из этого отвратительного состояния вывел меня сам гостеприимный хозяин, пригласив меня в гостиную. Между прочими гостями в гостиной встретил я И. А. Анненкова и в продолжение вечера я не расставался с ним.

9 [ноября]

Окончил портреты Якоби.

10 [ноября]

Получил от Кулиша книги «Записки о Юж-

ной Руси» два тома и «Чорну Раду». Какой милый оригинал должен быть этот г. Жемчужников^{246}. Как бы я счастлив был увидеть человека, который так искренно, нелицемерно полюбил мой милый родной язык и мою прекрасную, бедную родину.

11 [ноября]

Сегодня у меня день великий, торжественный, радостный день! Сегодня я получил письмо от моей святой заступницы гр. Н. И. Толстой^{247}, дружеское, родственное письмо. За что она меня удостоивает этого неизреченного счастья? И чем я воздам ей за этот нечаянный, светлый сердечный праздник? Слезы радости и чистая молитва — твоя единая награда, моя благородная, моя святая заступница.

Она советует мне написать графу Федору Петровичу письмо и просить его ходатайства о разрешении явиться мне в столицу. Это была моя первая мысль, но мне совестно было беспокоить старика. А теперь решительно решаюсь. Еще просит она передать поклон В. И. Далю^{248} от нее самой и от какого-то г. Жадовского. С Далем я здесь не виделся, хотя с ним

прежде и был знаком, и теперь придется очима лупать. И поделом!

12 [ноября]

Ответивши на письмо моей святой заступницы, причепурился я и отправился к В. И. Далю. Но почему-то, не знаю, прошел мимо его квартиры и зашел к адъютанту здешнего военного губернатора Владимиру Федоровичу князю Голицыну, весьма милому молодому человеку, раненному под Севастополем. Вслед за мной зашла к нему сестра его — чернобровое, милое, задумчивое создание. О чем грустит, о чем задумывается эта едва развернувшаяся сантифолия^[249]?

От князя зашел я к его зятю, Александру Петровичу Варенцову^[250], пообедал, послушал машинной музыки и отправился в театр. Все было порядочно, кроме г-жи Васильевой. Она, бедняжка, думала очаровать зрителей своим фанданго и совсем не надела панталон. Какое варварское понятие об искусстве! Г-н Климовский в роли Филиппа IV был прекрасен, одет изящно и верно портрету этого испанского государя. А вообще драма — «Мать испанка»^[251] — так себе, дюжинная драма.

13 [ноября]

Сегодня написал, а завтра отошлю просительное письмо графу Ф. П. Толстому^{252}. Прошу его просить кого следует о дозволении мне жить в Петербурге и посещать классы Академии. Письмо, кажется, мне удалось. Овсянников говорит, что при нужде я мог бы занять видное место между кропателями просьб. Посмотрим, пожнем ли желаемые плоды от сего хитрого сочинения.

Сегодня же написал письмо М. С. Щепкину: прошу свидания с ним где-нибудь на хуторе в окрестностях Москвы. Как бы я» рад был [увидеть] этого славного артиста-ветерана.

14 [ноября]

Начал портрет М. Баренцевой. Плотная кавалергард-мадам. Ничего женственного, ни даже самого обыкновенного кокетства.

15 [ноября]

Получил письмо от моего милого Бронислава^{253}; жалуется, что его отец захворал, и рекомендует мне какую-то свою приятельницу Елену Скирмонд, любительницу изящных искусств, мечтательницу и вообще женщину эксцентрическую. Это тоже нехорошо, но все

же лучше, нежели моя новая знакомая М. Варенцова. Правда, она тоже женщина эксцентрическая, только она сосредоточилась не на поэзии, не на изящных искусствах, а на конюшне и на псарне. А может быть, и это своего рода поэзия.

16 [ноября]

Кончил портрет своей отчаянной амазонки и начал ее милое чадо. Мальчик лет пяти, избалованный, будущий собачник, камер-юнкер и вообще человек-дрянь.

17 [ноября]

Сделал визитацию В. И. Далю. И хорошо сделал, что я, наконец, решился на эту визитацию. Он принял меня весьма радушно, расспрашивал о своих оренбургских знакомых, которых я не видел с 1850 года, и в заключение просил заходить к нему запросто, как к старому приятелю. Не премину воспользоваться таким милым предложением, тем более что мои нижегородские знакомые начали понемногу пошлеть.

18 [ноября]

После неудачного вялого сеанса у М. Варенцовой зашел я, по соседству, к ее больно-

му брату, князю Голицыну, и застал у него его меньшую, милую, задумчивую сестру. Впечатление неудачного сеанса как ветром свеяло. Полюбовавшись на это кроткое создание, я во весь день был счастлив. Какое животворно-чудное влияние красоты на душу человека.

19 [ноября]

К общему великому удовольствию сегодня, наконец, я окончил портрет гусароподобной М. Варенцовой и ее будущего собачника-сына. Она чрезвычайно довольна портретом, потому что он похож на какую-то кокетливую нимфу в амазонке с хлыстом, а я еще больше доволен, что, наконец, развязался с этой неуклюжею Бобелиною^{254}.

26 [ноября]

Я хотел было совсем оставить свой монотонный журнал, но сегодня совершилось со мною то, чего прежде никогда не совершалось. Шрейдерс, Кадинский и Фрейлих просили меня нарисовать их портреты и предложили деньги вперед. Я никогда не брал денег вперед за работу, а сегодня взял. И, добре помогорычивши, отправился я в очарователь-

ное семейство м. Гильды и там переночевал, и там украли у меня деньги, 125 рублей. И поделом! Вперед не бери незаработанных денег. Поутру прихожу домой — другое горе: ночью проехал Федор Лазаревский⁽²⁵⁵⁾. Был у Даля, посылал искать меня по всему городу, и, разумеется, меня не нашли. И теперь его карточка лежит у меня на столе, как страшный упрек на совести.

27 [ноября]

Волей-неволей сегодня я должен был обедать у Даля и сочинять необыкновенное происшествие, случившееся со мною прошедшей ночью. Но вместо фигурной лжи я сказал ложь лаконическую! Я сказал, что ездил в Балахну с Брылкиным, так, ради собственного удовольствия, и тем покончил дело.

28 [ноября]

Жаль мне стало незаработанных денег; в такой досаде отправился я к Кудлаю просить полицейского участия в моем горе. Кудлай сам нездоров, не может выйти из квартиры, но обещался мне завтра прислать одного из своих сподручников, какого-то отъявленного доку. Посмотрим, сотворит ли чудо вышере-

ченный дока.

29 [ноября]

Сегодня поутру в ожидании полицейского доки написал я М. Лазаревскому письмо^{256} и насчет роковой ночи повторил ему ту же самую ложь, что и В. И. Далю. Одна ложь ведет за собою другую: это в порядке вещей.

Часу в первом явился ко мне дока. Я рассказал ему, в чем дело, и посулил за труды 25 руб. Но, увы, при всем его старании, результата никакого. Что с воза упало, то пропало. Следовательно, об этом скверном анекдоте и думать больше нечего. Я так и сделал. Пошел к Шрейдерсу обедать, с досады чуть опять не нализался. После обеда зашел к той же коварной мадам Гильде (какое христианское незлобие!), отдохнул немного в ее очаровательном семействе и в семь часов вечера пошел к князю Голицыну. У Голицына встретил я львов здешней сцены, актеров Климовского и Владимирова. Болтуны и, может быть, славные малые.

Князь прочитал нам свое «Впечатление после боя». Неважное впечатление. После «Впечатления» зашла речь о переводах Курочки-

на из Беранже, и я прочитал им наизусть — не перевод, а собственное произведение^{257}. А чтобы не забыть это прекрасное создание поэта, то я вношу его в мой журнал.

*Как в наши лучшие года
Мы пролетаем без участия
Помимо истинного счастья!
Мы молоды, душа горда...
Как в нас заносчивости много!
Пред нами светлая дорога,
Проходят лучшие года!*

*Проходят лучшие года,—
Мы все идем дорогой ложной,
Вслед за мечтою невозможной
Идем неведомо куда.
Но вот овраг, — вот мы споткну-
лись...
Кругом стемнело... оглянулись...
Нигде ни звука, ни следа!*

*Нигде ни звука, ни следа.
Ни светлых дней, ни сожаленья,
На сердце тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нет силы, подкосились ноги,*

Погасла дальняя звезда.

*Погасла дальняя звезда!
Пора, пора душой смириться —
Над жизнью нечего глумиться,
Отведав горького плода;
Или с бессильем старой девы
Твердить упорно: где вы, где вы?
Вотще минувшие года!*

*Вотще минувшие года
Не лучше ль справить честной
тризной!
Не оскверним же укоризной
Господний мир — и никогда
С бессильной злобой оскорблен-
ных
Не осмеем четы влюбленных,
Влюбленных в лучшие года.
В. Курочкин*

30 [ноября]

Сегодня начал портреты в группе своих щедрых приятелей. Не знаю, будет ли толк из этой затеи: приятели неаккуратны в сеансах — обстоятельство, важное при работе. Посмотрю, что дальше будет, и если сеансы затянутся, то нарисую отдельно каждого каранда-

шом и тем покончу мой счет с приятелями. Чего бы мне больно не хотелось, и тем более, что предполагаемый рисунок сепиею очень удачно сгруппировался. И мне бы хотелось достойно заплатить им свой долг.

1 декабря

Получил письмо от М. С. Щепкина^{258}, в котором он предлагает мне свидание в селе Никольском (имение его сына) или же, если я не имею лишних денег на эту поездку (125 р. были у меня совершенно лишние), то он обещает сам приехать ко мне в Нижний. Как бы он возвеселил и меня и своих нижегородских поклонников! Напишу ему, пускай едет сюда и пускай на здешней бедной сцене потрянет стариною. Теперь же, кстати, здесь дворянские выборы.

После сеанса у Шрейдерса и после обеда у Фрейлиха случайно попал я на полупьяный музыкальный вечер к путейскому офицеру Ультрамарку^{259} и услышал там виртуоза на фортепьяно, какого я и не подозревал услышать здесь, в захолустье. Виртуоз этот — некто господин Татаринов. Между прочим, он сыграл несколько номеров из «Пророка» и из

«Гугенотов» Мейербера и вознес меня на седьмое небо.

2 [декабря]

Сегодня сделал я визит вдохновенному моему виртуозу Татаринову и увидел у него, чего я также не вообразил увидеть в Нижнем. Я увидел у него настоящего великолепнейшего Гюдена^[260]. Такие две прекраснейшие нечаянности разом — наслаждение редкое и высокое. И какие же варвары нижегородцы, — они знают Татаринова только как чиновника при компании, строящей железную дорогу, а о картине Гюдена и даже о самом Гюдене никто не слыхивал, кроме старика Улыбашева^[261], с которым я сегодня познакомился в театре. Это известный биограф и критик Бетховена и самый неизменный посетитель здешнего театра.

3 [декабря]

Три дня сряду нечаянности, и самые приятные нечаянности. Это великая редкость в здешней монотонной жизни. Сегодня посетил меня Густав Васильевич Кебер^[262]. Гость совершенно неожиданный. Он большой приятель Ф. Лазаревского, тот, уезжая из Нижнего, по-

ручил ему увидеться со мною, и добрейший Густав Васильевич сегодня исполнил поручение своего и моего друга. Если бы больше подобных нечаянностей, как бы прекрасно текли дни нашей жизни.

4 [декабря]

Написал письма Щепкину и Кулишу^[263]. Прошу их, друзей моих великих, отложить всякое житейское или служебное попечение и приехать ко мне недели на две, а аще совесть не зазрит, то и больше. Как бы я счастлив был, если бы сбылось мое желание. Авось либо и сбудется.

8 [декабря]

В продолжение этих четырех дней писал поэму^[264], название которой еще не придумал. Кажется, назову ее «Неофиты, или первые христиане». Хорошо, если бы не обманул меня Щепкин: я ему посвящаю это произведение, и мне бы ужасно хотелось ему прочитать и услышать его верные дружеские замечания. Не знаю, когда я примусь за «Дервиша и Сатрапа», а поползновение большое чувствую к писанию.

9 [декабря]

В компании честных артистов — Климовского, Владимирова и Платонова — праздновал именины общей и в особенности театральной красавицы, по имени Анны Дмитриевны, а по прозванию — не знаю. И праздновал без хитрости, то есть с приличным случаем и месту продолжением, яснее — в ущерб очаровательному семейству мадам Тильды.

10 [декабря]

Сегодня вечером Варенцов возвратился из Петербурга и привез мне от Кулиша письмо и только что отпечатанную его *Грамматку*^[265]. Как прекрасно, умно и благородно составлен этот совершенно новый букварь. Дай бог, чтобы он привился в нашем бедном народе. Это первый свободный луч света, могущий проникнуть в сдавленную попами невольничью голову.

Из Москвы Варенцов привез мне поклон от Щепкина, а от Бодянского поклон и дорогой подарок^[266] — его книгу «О времени происхождения славянских письмен» с образчиками древнего славянского шрифта. Сердечно благодарен Осипу Максимовичу за его бесценный подарок. Эта книга удивительно как

пополнила современную нашу историческую литературу.

Еще привез он для Н. К. Якоби свинцовым карандашом нарисованный портрет нашего изгнанника апостола Искандера. Портрет должен быть похож, потому что не похож на рисунки в этом роде. Да если бы и не похож, то я все-таки скопирую для имени этого святого человека.

12 [декабря]

Сегодня видел я на сцене «Станционного зрителя» Пушкина^{267}. Я был всегда против переделок и эту переделку пошел смотреть от нечего делать. И что же? Переделка оказалась самую мастерскую переделкою, а исполнение неподражаемо, в особенности сцены второго акта и последняя сцена третьего были так естественно трагически исполнены, что хоть бы и самому гениальному артисту — так в пору. Исполать тебе, господин Владимиров, исполать тебе, и тетенька Трусова: ты так естественно, зло исполнила роль помещицы Лепешкиной, что сама Коробочка перед тобою побледнела. Вообще ансамбль драмы был превосходен, чего я никак не ожидал. И если

бы не усатые отставные гусары-помещики, пьяные, шумели в ложе, то я вышел бы из театра совершенно доволен.

Кстати о помещиках. Их теперь нахлынуло в Нижний на выборы⁽²⁶⁸⁾ видимо и невидимо. И все без исключения с бородами и усами, в гусарских, уланских и других кавалерийских мундирах. Пехотинцев и флотских незаметно. Говорят между собою только по-французски. Пьянствуют и шумят в театре и, слышно, составляют оппозицию против освобождения крепостных крестьян. Настоящие французы!

13 [декабря]

Получил письмо от Щепкина и от Лазаревского⁽²⁶⁹⁾. Старый дружка пишет, что он придет ко мне колядовать на праздник. Добрый, искренний друг! Он намерен подарить несколько спектаклей нижегородской публике. Какой великолепный праздничный подарок!

Лазаревский, между прочим, пишет, что он получил на мое имя 175 рублей через Льва Жемчужникова с оговоркой не объявлять мне своего имени. Жертва тайная, великодушная! Чем же я заплачу вам, добрые, вели-

кодушные земляки мои, за эту искреннюю жертву? Свободной искренней песней, песней благодарности и молитвы!

Сегодня же принимаюсь за «Сатрапа и Дервиша»⁽²⁷⁰⁾, и если бог поможет окончить с успехом, то посвящу его честным, щедрым и благородным землякам моим. Мне хочется написать «Сатрапа» в форме эпоса. Эта форма для меня совершенно новая. Не знаю, как я с нею слажу?

14 [декабря]

Вечером отправился к старику Улыбашеву с благою целью послушать музыку. Старик прихворнул и не принимал гостей. Возвращаясь домой, попалась мне на улице недавняя именинница и не совершенно против желания затащила меня в маскарад — явление редкое и оригинальное в Нижнем. Это танцкласс Марцинкевича в Петербурге, со всеми подробностями. Небольшая разница в костюмах. Там пьяные черкесы заключают спектакль, а здесь просто офицеры с помощью приезжих помещиков-французов. Одним словом, блестящий маскарад!

15 [декабря]

Через В. И. Даля получил письмо от Федора Лазаревского. Пишет он, что незабаром поедет опять куда-то через Нижний и просит меня не ездить в Балахну. Не поеду, цур ий!

16 [декабря]

Ввечеру отправился я к В. И. Далю засвидетельствовать ему глубокое почтение от Ф. Лазаревского. После поздраванья и передачи глубочайшего почтения одна из дочерей его села за фортепяно и принялась угощать меня малороссийскими песнями. Я, разумеется, был в восторге не от уродливых песен, а от ее наивной вежливости. Заметив, что она довольно смело владеет инструментом, я попросил ее сыграть что-нибудь из Шопена. Но так как моего любимца налицо не оказалось, то она заменила его увертюрою из «Гугенотов» Мейербера. И к немалому удивлению моему, исполнила это гениальное произведение лучше, нежели я ожидал. Скромная артистка удалась во внутренние апартаменты, а мы с В. И. между разговором коснулись как-то нечаянно псалмов Давида и вообще библии. Заметив, что я неравнодушен к библейской поэзии^[271], В. И. спросил у меня, читал ли я Апока-

липсис. Я сказал, что читал, но, увы, ничего не понял; он принялся объяснять смысл и поэзию этой боговдохновенной галиматши. И в заключение предложил мне прочитать собственный перевод Откровения с толкованием^{272} и по прочтении просил сказать свое мнение. Последнее мне больно не по душе. Без этого условия можно бы, и не прочитав, поблагодарить его за одолжение, а теперь необходимо читать. Посмотрим, что это за зверь в переводе.

17 [декабря]

Получил письмо от П. Кулиша^{273}. Он отказывается от свидания со мною здесь, не по недостатку времени и желания, но во избежание толков, которые могут замедлить мое возвращение в столицу. Я с ним почти согласен. От журнала, о котором я ему писал, он наотрез отказался: готовит материалы для третьего тома «Записок о Южной Руси». И что-то начал писать серьезно, но что такое, не говорит.

Вечером был на бенефисе г. Климовского, и, несмотря на порядочное исполнение, все-таки «Дообеденный сон» Островского^{274} мне

не понравился. Повторение и повторение вялое. Прочее так себе шло, кроме попури, пропетого в антракте бенефициантом, вдобавок собственного сочинения.

18 [декабря]

*Читал и сердцем сокрушился,
Зачем читать учился^{275}.*

Читая подлинник, то есть славянский перевод Апокалипсиса, приходит в голову, что апостол писал это откровение для своих неопитов известными им иносказаниями, с целью скрыть настоящий смысл проповеди от своих приставов. А может быть, и с целью более материальной: чтобы они (пристава) подумали, что старик рехнулся, порет дичь и скорее освободили бы его из заточения. Последнее предположение, мне кажется, правдоподобнее.

С какою же целью такой умный человек, как Владимир Иванович, переводил и толковал эту аллегорическую чепуху? Не понимаю. И с каким намерением он предложил мне прочесть свое бедное творение? Не думает ли он открыть в Нижнем кафедру теологии и

сделать меня своим неофитом? Едва ли. Какое же мнение я ему скажу на его безобразное творение? Приходится врать, и из-за чего? Так, просто из вежливости. Какая ложная вежливость.

Не знаю настоящей причины, а вероятно она есть. Владимир Иванович не пользуется здесь доброй славою. Почему — все-таки не знаю. Про него даже какой-то здешний остряк и эпиграмму смастерил. Вот она:

*У нас было три артиста,
Двух не стало — это жаль.
Но пока здесь будет Даль,
Все как будто бы нечисто.*

19 [декабря]

Monsieur Брас⁽²⁷⁶⁾ (учитель французского языка в гимназии) рассказал мне сегодня недавно случившееся ужасное происшествие в Москве. Трагедия такого содержания.

Ловкий молодой гвардеец по железной дороге привез в Москву девушку, прекрасную, как ангел. Привез ее в какой-то не слишком публичный трактир. Погулял с нею несколько дней, что называется, на славу и скрылся,

оставив ее расплатиться с трактирщиком, а у нее ни денег, ни паспорта. Она убежала из дому со своим обожателем с целью в Москве обвенчаться и концы в воду. Трактирщик посмотрел на красавицу и, как человек бывалый, смекнул делом: подослал к ней сводню. Ловкая тетенька приласкала ее, приголубила, заплатила трактирщику долг и взяла ее к себе на квартиру. На другой или на третий день она убежала от обязательной старушки и явилась к частному приставу, а вслед за нею явилась и ее покровительница. Подмазала частного пристава, а тот, несмотря на ее доводы, что она благородная, что она дочь генерала, высек ее розгами и отправил в рабочий дом на исправление, где она через несколько дней умерла. Ужасное происшествие! И все это падает на военное сословие. Отвратительное сословие!

20 [декабря]

С благотворительной целью составляется спектакль из благородных субъектов под непосредственной дирекцией г. Голынской и г. Варенцова. Спектакль составят живые картины и концерт.

Г. Варенцов меня как живописца пригласил сегодня на репетицию собственно для живых картин, то есть для освещения этих бестолковых картин. Я по простоте души и попробовал осветить одну из них так, что главная фигура в свету, а прочие в полутоне. Освещение вышло довольно эффектно. Но жалкие маменьки подняли шум, почему одна, такая-то, освещена, а наши дочери разве хуже ее, что их совсем не видно, что их только по афише будут знать. Я плюнул и хотел уйти, но меня остановила Марья Александровна Дорохова и просила поставить и осветить ее Ниночку. Ниночка — не красавица — явилась в картине очаровательною. Чадолюбивые маменьки хотя и заметили в чем дело, но все-таки не согласились оставить своих дочерей в полутоне.

Сегодня должен выехать из Москвы М. С. Щепкин. Ах, как бы он хорошо сделал, если бы выехал! Послезавтра я имел бы радость поцеловать моего старого, моего единого друга!

21 [декабря]

Сегодня получил письмо от М. С. Щепкина

{277}. Он сегодня выехал из Москвы, и после завтра я обниму моего старого, моего искреннего друга. Как я счастлив этой нелицемерной дружбой! Немногим из нас бог посылает такую полную радость. И весьма, весьма немногие из людей, дожив до семидесяти лет, сохранили такую поэтическую свежесть сердца, как М. С. Счастливый патриарх-артист!

Сегодня же получил письмо от моей святой заступницы, от графини Настасий Ивановны Толстой. Она пишет, что письмо мое, адресованное графу Федору Петровичу, на праздниках будет передано Марии Николаевне, и сообщает мне адрес Н. О. Осипова. Боже мой! Скоро ли я увижу мою Академию? Скоро ли обниму мою святую заступницу?

Спектакль с благотворительной целью сошел хорошо, кроме живых картин и народного гимна. Ниночка Пущина была очаровательна.

24 [декабря]

Праздникам праздник и торжество есть из торжеств! В три часа ночи приехал Михайло Семенович Щепкин.

29 [декабря]

В 12 часов ночи уехал от меня Михайло Семенович Щепкин. Я, Овсянников, Брылкин и Олейников проводили моего великого друга до первой станции и ровно в три часа возвратились домой. Шесть дней, шесть дней полной, радостно торжественной жизни! И чем я заплачу тебе, мой старый, мой единственный друге? Чем я заплачу тебе за это счастье? За эти радостные, сладкие слезы? Любовью! Но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любит? Чем же? Кроме молитвы о тебе, самой искренней молитвы, я ничего не имею.

30 [декабря]

Я все еще не могу прийти в нормальное состояние от волшебного и очаровательного видения. У меня все еще стоит перед глазами городничий^{278}, Матрос, Михайло Чупрун и Любим Торцов. Но ярче и лучезарнее великого артиста стоит великий человек, кротко улыбающийся друг мой единственный, мой искренний, мой незабвенный Михайло Семенович Щепкин.

1 января

Дружески-весело встретил Новый год в семействе Н. А. Брылкина.

Как ни весело встретили мы Новый год, а придя домой, мне скучно сделалось. Поскучавши немного, отправился я в очаровательное семейство мадам Гильде, но скука и там меня нашла. Из храма Приапа пошел я к заутрене — еще хуже: дьячки с похмелья так раздрачительно пели, что я заткнул уши и вышел вон из церкви. Придя домой, я нечаянно взялся за библию, раскрыл, и мне попался лоскуток бумаги, на котором Олейников записал басню со слов Михайла Семеновича. Эта находка так меня обрадовала, что я сейчас же принялся ее переписывать. Вот она:

*На улице и длинной и широкой
И на большом дворе стоит бога-
тый дом,
И со двора разносится далеко
Зловоние кругом.
А виноват хозяин в том.
«Хозяин наш прекрасный, но упря-*

мый,—
Мне дворник говорит,—
Раскапывать велит помойную он
яму,
А чистить не велит».
Зачем раскапывать заглохшее
дерьмо?
И не казнить воров, не предавать
их сраму?
Не лучше ль облегчить народное
ярмо
Да вычистить велеть помой-
ную-то яму.

Сочинение этой басни приписывают московскому актеру Ленскому^{279}. Это не похоже на водевильный куплет. Басня эта так благотельно на меня подействовала, что я, дописывая последний стих, уже спал.

Сегодня же познакомил я в семействе Брылкина милейшую Катерину Борисовну Пиунову (актрису). Она в восторге от этого знакомства и не знает, как меня благодарить.

Как благотельно подействовал Михайло Семенович на это милое и даровитое создание! Она выросла, похорошела, поумнела после «Москаля-чаривника», где она сыграла

роль Тетяны^{280} и так очаровательно сыграла, что зрители ревели от восторга. А Михайло Семенович сказал мне, что она первая артистка, с которой он с таким наслаждением играл Михайла Чупруна, и что знаменитая Самойлова^{281} перед скромной Пиуновой — солдатка.

2 [января]

Обязательнейший Олейников сегодня сообщил мне стихотворение Курочкина «На смерть Беранже»^{282}, но оно так скверно переписано, что я едва мог прочесть. Прочитал, однако, и записал на память. Прекрасное, сердечное стихотворение:

16-е ИЮЛЯ 1857 ГОДА

*Зачем Париж волнуется опять?
На площадях и улицах солдаты,
Народных масс не может взор об-
нять...*

*Кому хотят последний долг воз-
дать?..*

*Чей это гроб и катафалк бога-
тый?*

*Тревожный слух в Париже проле-
тел:*

Угас поэт — народ осиротел.

Великая скатилась звезда,
Светившая полвека кротким све-
том
Над алтарем страданья и труда!
Простой народ простился наве-
гда
С своим родным учителем-по-
этом,
Воспевшим блеск его великих дел.
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем же блеск и роскошь похо-
рон?
Мундиры войск и ризы духовен-
ства?
Тому, кто жил так искренно, как
он.
Певец любви, свободы и равенства
Несчастливым льстил, но с сильны-
ми был смел.
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем певцу напрасный фимиам?
И почестей торжественных заба-
ва?
Не быть ничем хотел он в жизни
сам,
И в бедности нашла любимца сла-

ва,
И слух о нем далеко прогремел!
Угас поэт — народ осиротел.

Народ всех стран; страданье,
труд,
И сладких слез над звуками — от-
рада,
И в них, поэт, тебе великий суд!
Великому великая награда!
Когда, свершив завидный свой
удел,
Угас поэт — народ осиротел.

3 [января]

Получил от Кулиша письмо со вложением 250 рублей^{283}. Деньги эти выручены им за рисунки, которые я послал из Новопетровского укрепления Залесскому для продажи. Залесский передал их Сераковскому^{284}; от Сераковского я не имел о них никакого известия и совершенно потерял их из виду. Не знаю, как они попали в руки Кулиша, и тот нашел им какого-то щедрого земляка-любителя и мне как будто подарил 250 рублей к Новому году. Спасибо ему.

4 [января]

Весь день был посвящен писанию писем. Обязанность скучная, но неизбежная. Написал полдюжины посланий^{285}, в том числе и автору «Семейной хроники»^{286}, приславшему мне с Михайлом Семеновичем экземпляр своей очаровательной хроники. Кулишу при письме послал свои «Неофиты»^{287}. Интересно мне знать его мнение о сем новом моем произведении.

В 8 часов вечера проводил своего хозяина, Овсянникова, в Петербург и отправился на бал-маскарад к Варенцову, директору театра. И познакомился там с доктором Рейковским^{288}, ученым и весьма интересным человеком.

5 [января]

Возвратился почтальон из Москвы^{289}, который сопровождал Михайла Семеновича. Привез мне от него письмо^{290} и четыре экземпляра своего портрета для раздачи своим нижегородским друзьям; письмо свое заключает он печальным известием, полученным на пороге своего дома, о смерти сына Дмитрия, умершего за границей.

6 [января]

Пиунова сегодня в роли *Простушки* (воде-

виль Ленского)^{291} была такая милочка, что не только московским, петербургским — парижским бы зрителям в нос бросилась. Напрасно она румянится. Я ей скажу об этом. С роли *Тетяни* (в «Москаля-чаривнику») она видимо совершенствуется, и, если замужество ей не попрепятствует, из нее выработается самостоятельная великая артистка.

7 [января]

Круликевич, возвращаясь на родину из изгнания (с берегов Сыр-Дарьи), узнал случайно о моем пребывании в Нижнем и сегодня посетил меня. Между многими неинтересными степными новостями он сообщил отвратительно-интересную новость. Побочный сын гнилого сатрапа Перовского собственноручно зарезал своего денщика, за что был только разжалован в солдаты, но мелкая душонка [не вынесла] и этого всемилодивейшего наказания: он вскоре умер или отравил себя. Туда и дорога. Выходит, яблоко недалеко от яблони упало. Мать этого малодушного тигренка, жена какого-то паршивого барона Зальц и купленная б.... растленного сатрапа Перовского, однажды, собираясь к обедне, рассерди-

лась за что-то на горничную да ихватила ее утюгом в голову. Горничную похоронили, и тем дело покончил всемогущий сатрап. О Николай, Николай! Какие у тебя лихие сподручники были. По Сеньке шапка.

8 [января]

С сегодняшнего числа я занимаю две квартиры: прежнюю — у Овсянникова и новую — у Шрейдерса. Остается наделать долгов. А спрятаться есть куда.

9 [января]

На новоселье у Шрейдерса нарисовал сегодня портрет Олейникова с условием, чтобы он написал фельетонную статейку для «Московских ведомостей» о пребывании М. С. Щепкина в Нижнем. Хорошо, если бы не со-
врал.

10 [января]

Нарисовал портрет Шрейдерса и довольно удачно. Часть долга, значит, уплачена. Нужно еще нарисовать Фрейлиха и Кадинского, и тогда — квиты. Но когда это случится, — не знаю.

11 [января]

Сегодня суббота. По субботам я и милей-

шая К. Б. Пиунова обедаем у М. А. Дороховой. Но сегодня я должен отказаться от этой радости, и моя милая компаньонка отправилась сам-друг с портретом М. С. Щепкина, присланным им в подарок Марье Александровне. А я поехал провожать до первой станции по Казанской дороге моего привлекательно-благородного капитана В. В. Кишкина.

Грустно расставаться с такими добрыми людьми, как этот симпатический Кишкин. Я, возвратившись домой, чувствовал себя совершенным сиротой, но тягостное мое одиночество недолго длилось. Я вскоре вспомнил, что я один из счастливцев мира сего. М. С. Щепкин, уезжая из Нижнего, просил меня полюбить его милую Тетясю, то есть Пиунову. И я буквально исполнил его дружескую просьбу. А сегодня, прощаясь со мной, Кишкин со слезами на глазах просил меня полюбить его кроткую любимицу Вареньку Остафьеву. И после таких милых обязанностей я скучаю. Дурень, дурень, а в школы вчився. Остафьева выехала куда-то из города, и я в 6 часов вечера отправился к Пиуновой, застал ее дома. Продиктовал ей стихи Курочкина «Как в на-

ши лучшие года», а она прочитала мне некоторые вещи Кольцова и потом чуть-чуть не все басни Крылова. Я в восторге был от этого импровизированного литературного вечера и пришел домой совершенно счастлив. Она любит чтение: значит, она далеко пойдет в своем искусстве. Дай бог, чтобы сбылось мое пророчество.

12 [января]

Не ради воскресенья и светского пошлого визита пошел я к П. М. Голынской (племянница здешнего губернатора), а по просьбе моего искреннего Михайла Семеновича пошел передать ей его портрет и приятельский поклон. В огромной гостиной старушку Шаховскую и Голынскую окружали [столь] холодные, официальные, чопорные фигуры, что после приветствия и самого коротенького приреста и на меня пахнуло холодом от этой честной компании. Вышел сам губернатор, я поздравил его с получением через плечо Анны, раскланялся и вышел вместе с А. Е. Бабкиным. Заехал к Бабкину на квартиру, взял у него Пушкина и Гоголя и повез к Пиуновой. Прочитал ей «Сцены из рыцарских времен» и

отогрел губернаторским холодом обвеянную душу. Она прочитала мне «Каменного гостя», и потом мы поехали к Брылкиным обедать; после обеда М. А. Грае повезла ее в театр, куда последовал и я, совершенно доволен таким теплым, прекрасным окончанием холодно начавшегося дня.

13 [января]

Бабкин подарил мне прекрасную акватинту, изображающую смерть Людовика XVI, а я сегодня за это назидательное изображение изобразил его собственную персону, и довольно удачно. Вечер провел у милейшего юноши виртуоза-виолончелиста Весловского и, возвратясь домой, нашел у себя на столе письмо Сергея Тимофеевича Аксакова^{292}. Самое любезное, самое сердечное письмо.

В заключение любезностей он пишет, что «Матрос» мой, наконец, пошел в ход. Он передал его Каткову, редактору «Русского вестника». В ожидании будущих благ принимаюсь переписывать вторую часть «Матроса».

14 [января]

Сегодня случайно зашел я к Пиуновой; речь зашла о конце ее театрального года, о

возобновлении контракта; ей, бедняжке, ужасно не хочется оставаться в Нижнем, а не знает, куда девать себя. В Казань ей и хотелось бы, но она боится там какой-то Прокофьевой, не соперницы, но ужасной интриганки. В таком ее горе я предложил ей усиленные услуги. Я напишу письмо директору харьковского театра и буду просить Михайла Семеновича Щепкина о ее заступничестве. Как бы это хорошо было, если бы удалось ей переселиться в Харьков.

15 [января]

Не откладывая в длинный мешок, сегодня же я написал и директору харьковского театра и моему великому другу⁽²⁹³⁾. Каков-то будет результат из моих нехитрых затей?

16 [января]

Только что хотел заключить письмо моему великому другу, да вспомнил, что сегодня не почтовый день. Оставил послание и принялся за «Матроса». Несносно скучная работа! Литераторам должны платить не за писание, а за переписывание собственных произведений.

Вечером возвратился я из театра и нашел у себя письмо моего гениального друга⁽²⁹⁴⁾. И хо-

рошо, что я своего письма не кончил. Между прочим он пишет мне, что рисунки мои он уж пустил в ход. Спасибо ему, неутомимому.

17 [января]

Окончил неоконченное письмо, отправил на почту и принялся за «Матроса». Несносная работа. Когда я ее кончу?

18 [января]

К немалому моему удивлению, сегодня встретил я у Брылкина давнишнего и неллицемерного своего поклонника В. Н. Погожева⁽²⁹⁵⁾. Он здесь по делам службы и завтра едет в Москву.

19 [января]

Сегодня повторилась моя любимица в роли Тетяны. Очаровательна, как и в первый раз. Но Климовский в роли Чупруна и по выговору и по мимике — вандал. Лапти плел, варвар, и только мешал моей милой Тетяси.

20 [января]

Проводил в Петербург доктора Кутерема⁽²⁹⁶⁾, Кебера, Шрейдерса, Фрейлиха и Н. А. Брылкина в Казань и на компанейский завод близ Казани. Сегодня у меня день провод.

21 [января]

Бенефис милочки Пиуновой^{297}. Полон театр зрителей, и очаровательная бенефициантка — прекрасная тема для газетной статьи. Не попробовать ли? Попробуем наудалую.

22 [января]

Проездом из Петербурга, в Вятку на службу посетил меня сегодня Яков Лазаревский^{298}. Он недавно из Малороссии. Рассказал о многих свежих гадостях в моем родном краю, в том числе и о грустном Екатеринославском восстании 1856 года^{299} и про своего соседа и родственника Н. Д. Белозерского^{300}. Этот филантроп-помещик так оголил своих крестьян, что они сложили про него песню, которая кончается так:

*А в нашого Білозера
Сивая кобила,
Бодай же його побила
Лихая година.
А в нашого Білозера
Червоня хустка,—
Ой не одна в селі хата
Осталася пустка.*

Наивное, невинное мщение!

23 [января]

«Дочь второго полка»^{301} — глупейшее произведение Доницетти. Либретто тоже нелепо и неестественно. Покойному нашему Тормозу, надо думать, очень нравилось это топорное произведение. Да не по его ли заказу оно и родилось на свет божий? При нем, я помню, когда-то в Петербурге оперетка эта исполнялась с большей дисциплиной. Теперь она и это существенное свое достоинство утратила. Что бы сказал на это Тормоз? Он бы Гедеонова на месяц на гауптвахту упрятал.

Старуха Шмитгоф^{302} в роли Марии безобразна, а мой любимец Владимиров в роли старика, дворецкого маркиза, был тоже безобразен.

24 [января]

Получил письма от Кулиша и от М. Лазаревского^{303}.

25 [января]

Получил письмо от Костомарова с выговором за молчание. Я действительно виноват перед ним на сей раз. Но что писать? О чем писать? Что я здесь скучаю и ничего не делаю? И не могу, наконец, ничего делать. Луч-

ше молчать, нежели переливать из пустого в порожнее.

26 [января]

Встретил масленицу катанием за город. Я предложил это удовольствие милейшей Пиуновой с семейством. Она согласилась. И мы поехали в село Бор, напились чаю в каком-то кабаке. И на обратном пути она все пела известную свадебную или святочную песню:

*Меня миленькой он журил-бранил,
Он журил-бранил, добром говорил,
Ай люли-люли выговаривал!
— Не ходи, девка молода, замуж,
Наберись, девка, ума-разума,
Ума-разума, да сундук добра,
Да сундук добра, коробок холста.*

Еврейское начало в русском человеке. Он без приданого не может даже полюбить.

21 [января]

В церкви Покрова отпели тело Д. А. Улыбашева, знаменитого критика и биографа Бетховена и Моцарта.

28 [января]

Николай Петрович Болтин^{304}, губернский и дворянский предводитель, изъявил желание познакомиться со мною. Я удовлетворил его любезное желание и не раскаиваюсь. Он человек здраво и благородно мыслящий, горячо сочувствующий вопросу о крепостных крестьянах и усердно хлопочет о составе комитета, который должен порешить это дело в Нижегородской губернии.

29 [января]

Аляповатый бенефис г-жи Васильевой и сплетни.

30 [января]

Любимая и многоуважаемая Катерина Борисовна!^{305}

Я сам принес вам книги и принес их с тем, чтобы вы их прочитали. Но вы, не прочитавши их, прислали мне назад. Как объяснить мне ваш поступок? Он ставит меня решительно в тупик, особенно, если принять в соображение наш сегодняшний разговор. Уж не ответ ли это на мое предложение? Если это так, то я прошу вас высказать мне его яснее. Дело слишком для меня важно. Я вас люблю и говорю это вам

прямо, без всяких возгласов и восторгов. Вы слишком умны для того, чтобы требовать от меня пылких изъяснений в любви; я слишком люблю и уважаю вас, чтобы употреблять в дело пошлости, так принятые в свете. Сделаться вашим мужем — для меня величайшее счастье, и отказаться от этой мысли будет трудно. Но если судьба решила иначе, если я имел несчастье не понравиться вам и если возвращенные мне вами' книги выражают отказ, то нечего делать: я должен покориться обстоятельствам. Но во всяком случае, ни чувства мои, ни уважение к вам не изменятся, и если вы не можете или не хотите быть моей женой, то позвольте мне оставить себе хоть одно утешение — остаться вашим другом и постоянною преданностью и почтительностью заслужить ваше доброе расположение и уважение.

В ожидании ответа, который должен решить мою участь, остаюсь преданный вам и глубоко любящий

Тарас Шевченко.

31 [января]

Я совершенно не гожусь для роли любовника. Она, вероятно, приняла меня за помещанного или, просто, за пьяного и, вдобавок, за мерзавца. Как растолковать ей, что я ни то, ни другое, ни третье и что не пошлый театральный любовник, а искренний, глубоко сердечный ее друг. Сам я ей этого не умею рассказать. Обращусь к моему другу М. А. Дороховой. Если и она не вразумит ее, тогда я самый смешной и несчастный жених.

1 февраля

Получил письмо от М. С. Щепкина⁽³⁰⁶⁾ с 200 рублей и с самой сердечной готовностью переселить мою прекрасную невесту в Харьков. Он желает знать ее условия, а она не желает свидания со мной. Но так как это свидание не любовное, а деловое, то оно и необходимо. Делать нечего: принимаюсь опять за послание.

2 [февраля]

Дело мое не так плохо, как я думал. Она приняла мое внезапное предложение за театральную сцену. Настоящая актриса. Она во всем видит свое любимое искусство. Даже во мне она открыла сценического артиста тогда, когда я менее всего был похож на актера.

Я действительно тогда был похож на помещанного или, скорее, на пьяного, а она, бедняжка, приняла меня за лицедея. Но перемелется — мука будет.

Все это объяснил мне ее отец, который явился на мое приглашение по поводу письма Михайла Семеновича. Старик не высказал прямо своего мнения насчет моего сватовства, но согласился со мною, что ей необходимо чтение, и взял у меня «Губернские очерки» и несколько ливрезонов Гогарта^{307}. Добрый знак.

В заключение спектаклей дана была драма «Парижские нищие»^{308}. Роль Антуанетты исполнила она и исполнила лучше, нежели в первый раз; но я не аплодировал. А почему — и сам не знаю. Мне казалась она выше всяких аплодисментов. Но я этого никому не сказал.

3 [февраля]

Ниночка Пущина именинница. Вчера я уведомил Пиунову об этом с намерением увидеться и поговорить с нею, но политика мне не удалась. Возлюбленная моя явилась, поздравила именинницу и через полчаса уехала. И я успел, и то уже в передней, пожать и

поцеловать ее руку и не проговорить ни слова. Лукавое создание! Теперь я тебе не западню, а капкан поставлю. Посмотрим, кто кого перехитрит.

Тут же при ней прочитал я вслух уже напечатанную статейку собственного изделия о ее бенефисе. Быть может, ей не понравилось мое нельстивое рукоделие, и она поторопилась уехать. Да не плюнуть ли мне на эту сердечную затею? Не плюй в колодец, придется воду пить.

4 [февраля]

Лучше хоть что-нибудь, нежели ничего. Другой день нет спектаклей, бедных нижегородских спектаклей! И будто чего-то необходимого недостает.

5 [февраля]

Я видел ее во сне. К добру ли это? Будто бы она слепая нищая, но такая молодая и хорошенькая! Стоит у какой-то ограды или забора и протягивает руку Христа-ради. Я хотел подойти с какой-то мелкою монетою, но она внезапно исчезла. Это продолжение роли Антуанетты. Ничего больше.

Вечером был у Татаринова. Белов и Тата-

ринов играли в четыре руки увертюру из «Вильгельма Телля» и из «Фрейшютца», а потом некоторые вещи духовного содержания Гайдена. Божественный Гайден! Божественная музыка!

После музыки зашла речь о театре и о таланте моей возлюбленной Пиуновой. Сначала слушал я с удовольствием расточаемые ей похвалы, но потом так мне грустно стало, что я хотел уйти. Что бы это значило? Не ревность ли? Глупо, нелепо ревновать актрису к зрителям. Ее истинный любовник должна быть публика, а муж — друг.

В заключение вечера хозяин прочитал нам песню Беранже, переведенную Ленским под названием «Старый холостяк». Мне она очень понравилась, потому, может быть, что я, если не *одружуся* с моей возлюбленной артисткой, должен буду вступить в эту непочтенную категорию.

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

(Беранже)

*Десятый час, пора на боковую,
Маланьюшка, поди ко мне, душа;
Сем, я тебя разочек поцелую...*

Кухарочка, а как ведь хороша!
Мне кажется, ты видишь и по
взгляду,
Что стал бодрей я в эти шесть
недель...
Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

Маланьюшка, ты не дивись нима-
ло,
Что я хочу служанкой быть лю-
бим:
Я в старину ухаживал, бывало,
За личиком, дрянь перед твоим.
Что есть любовь, пять лет не
знал я сряду,
А прежних чувств все не прохо-
дит хмель.
Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

Дружочек, будь со мною без от-
лучки,
Ты с этих пор на кухне не слуга,
И можно ли, чтоб эти щечки,
ручки
Коптились весь день у очага?
Я дам тебе хорошую награду,

Одену так, как лучшую мамзель...
Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

Что слышу я? опять ответ все-
гдашний:

— Да полноте! Как можно! Стыд
какой! —

Сударыня, я знаю ваши шашни
С Петрушкою, племянника слу-
гой!..

В знакомстве с ним ни складу
нет, ни ладу,

Того смотри, что сядешь тут на
мель...

Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

Маланьюшка! Ты на мое желанье
Без дальних слов должна бы отве-
чать,

Вот видишь ли: я скоро завещаенье
Духовное намерен написать.

Чем приводит хозяина в досаду,
Пойми, мой друг, его благую
цель...

Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

*А, наконец, мои приятны ласки...
Но... Как я слаб!.. Проклятие судь-
бе!..*

*Не плачь, душа: я не боюсь оглас-
ки*

И немощен женюсь на тебе.

*Пожалуйста, в крови моей про-
хладу*

*Хоть как-нибудь поразогрей, мам-
зель...*

*Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.*

6 [февраля]

М. А. Дорохова сегодня репетировала пред-
стоящий акт выпускным своим юным пито-
мицам. Юные питомицы, в зеленых платьи-
цах и белых пелеринках, числом... чинно си-
дели на скамейках, вроде театральных зрите-
лей, и благоговейно внимали, как их досужие
подруги исполняли на фортепьяно руколом-
ные пьесы. Между прочим, была исполнена
на двух инструментах весьма недурно увер-
тюра из «Вильгельма Телля». Потом прочита-
ны стихи по-французски, по-немецки, и в за-
ключение девица Беляева прочитала русские
стихи собственного сочинения на тему — бла-

годарность за воспитание; для ее возраста стихи хороши, за что я ей обещал подарить сочинения И. Козлова, если найду в Нижнем. В заключение пропет был хором так называемый народный гимн. И репетиция тем кончилась.

Все это обыкновенно дурно, но вот что отвратительно. В залах института, кроме скамеек и грозного лубочного изображения самодержца, ни одной картины, ни одной гравюры. Чисто, гладко, как в любом манеже. Где же эстетическое воспитание женщины? А оно для нее, как освежающий дыхание воздух, необходимо. Душегубцы!

После этой театральной репетиции зашел к Марье Александровне. Встретил у нее старого моего знакомого, некоего г. Шумахера^{309}, он недавно возвратился из-за границы и привез с собою 4 № «Колокола»^{310}. Я в первый раз сегодня увидел газету и с благоговением облобызал.

7 [февраля]

Сегодня получил письмо, да еще страховое, от директора харьковского театра. Он весьма любезно просит меня сообщить ему условия

Пиуновой и ее самое поторопить приездом. Сердечно рад, что мне удалось это дело. Вечером пошел я обрадовать ее этим любезным письмом и поговорить окончательно об условиях и о времени выезда в Харьков. Ее самой не застал дома, а глупая мамаша так меня приняла, что я едва ли когда-нибудь решусь переступить порог моей милой протезе. Необходимо прибегнуть к письменным объяснениям.

8 [февраля]

Она прислала за мной, чтобы объясниться по поводу харьковского предложения. Я, разумеется, охотно согласился на это деловое свидание, имея в виду и любовное. Но, увы! Старая ворчунья-мамаша одного шагу не ступила из комнаты, и я должен был ретироваться с одними поручениями. Она предпочитает с отцом ехать в Харьков. Это стеснит ее денежные средства, потому что отец должен оставить контору, от которой получает 30 рублей в месяц. Но, вероятно, мамаша и ей навязла в зубах.

9 [февраля]

После беспутно проведенной ночи я почув-

ствовав стремление к стихословию, попробовал — и без малейшего усилия написал эту вещь. Не следствие ли это раздражения нервов?

I. ДОЛЯ

*Ти не лукавила зо мною;
Ти другом, братом і сестрою
Сіромі стала. Ти взяла
Мене, маленького, за руку
І в школу хлопця одвела
До п'яного дяка в науку.
— Учися, серденько, колись
З нас будуть люди! — ти сказала.
А я й послухав, і учивсь,
І вивчився. А ти збрехала...
Які з нас люди?.. Та дарма!
Ми не лукавили з тобою,
Ми просто йшли, — у нас нема
Зерна невинности за собою.
Ходімо ж, доленько моя!
Мій друже щирий, нелукавий!
Ходімо дальше: дальше слава,—
А слава — заповідь моя.*

II. МУЗА

*І ти, пречистая, святая,
Ти, сестро, Феба молодая!*

Мене ти в пелену взяла
І геть у поле однесла;
І на могилі серед поля,
Як тую волю на роздоллі,
Туманом сивим сповила,—
І колихала, і співала,
І чари діяла... і я...
О, чарівниченко моя!
Мені ти всюди помагала,
І всюди, зоренько моя,
Ти не марніла, ти сіяла!
В степу безлюднім, в чужині,
В далекій неволі,
Ти в кайданах пишалася,
Як квіточка в полі;
Із казарми смердячої
Чистою, святою
Вилетіла, як пташечка,
І понадо мною
Полинула, заспівала,
Моя сизокрила...
Мов живущою водою
Душу окропила...
І я живу, і надо мною
Своєю божою красою
Витаєш ти, мій херувим,
Золотокрилий серафим,
Моя парадонька святая!

Моя ти доле молодая!
Не покидай мене; вночі,
І вдень, і ввечері, і рано
Витай зо мною... і учи,—
Учи неложними устами
Хвалити правду! Поможі
Молитву діяти до краю...
А як умру, моя святая,
Моя ти мати, положи
Свого ти сина в домовину...
І хоч єдиную сльозину,
В очах безсмертних покажи.

III. СЛАВА

А ти задрипанко, шинкарко,
Перекупко п'яна!
Де ти в ката забарилась
З своїми лучами?
У Версалі над злодієм
Набор розпустила?
Чи з ким іншим мизкаєшся
З нудьги та з похмілля?
Горнись лишень коло мене,
Та витнемо з лиха,
Гарнесенько обіймемось,
Та любо, та тихо
Пожартуєм, чмокнемося,
Та й поберемося,

*Моя крале мальована.
Бо я таки й досі
Коло тебе мизкаюся.
Ти хоча й пишалась
І з п'яними королями
По шинкам шаталась
І курвила з Миколою
У Севастополі...
Та мені про те байдуже...
Мені, моя доле,
Дай на себе надивитись,
Дай і пригорнутись
Під крилом твоїм, і любо
З дороги заснути»*

10 [февреля]

Получил письмо от кошевого батька^{311} Я. Кухаренка, от 7 августа. Оно из Екатеринодара прогулялось через Новопетровское укрепление и Оренбург и только сегодня достигло своей цели. А все-таки лучше позже, нежели никогда. Кухаренко не знал о моей резиденции, а я не знал, как растолковать себе его молчание. А теперь все объяснилось.

И. А. Усков из Новопетровского укрепления пишет, что у них все обстоит благополучно^{312}. Не завидую вашему благополучию.

В. Н. Погожев пишет из Владимира, что он на днях виделся в Москве с М. С. Щепкиным и что он ему читал наизусть какую-то мою «Пустку»^{313}. Совершенно не помню этой вещи. А слышу о ней уже не в первый раз.

11 [февраля]

М. С. Щепкин с сокрушением сердца пишет мне^{314} о моем безалаберном и нетрезвом существовании. Интересно бы знать, из какого источника он почерпнул эти сведения. Стало быть, и у меня не без добрых людей. Все же лучше, нежели ничего.

Благодарю тебя, мой старый, мой добрый, но чем тебя разуверить, не знаю.

Далее он пишет о перемещении Пиуновой в Харьков. Он сомневается, чтобы ей дали там требуемое ею содержание. Будет досадно, если не состоится это перемещение. Подождем, что скажет Иван Александрович Щербина.

Боже мой, как бы мне хотелось вырвать ее из этой тухлой грязи!

12 [февраля]

Сегодня нарисовал портрет Кадинского. Остается нарисовать Фрейлиха — и квиты.

14 [февраля]

Кончил, наконец, вторую часть «Матроса». Переписыванье — это самая несносная работа, какую я когда-либо испытывал. Она равняется солдатскому ученью. Нужно будет прочитать еще это рукоделье; что из него выйдет? Как примет его С. Т. Аксаков? Мне ужасно хочется ему нравиться, и только ему. Странное чувство!

15 [февраля]

Приглашал запиской свою мучительницу обедать у М. А. Дороховой. Сказалась больной, несносная лгунья. Мне необходимо с ней поговорить наедине до выезда из Нижнего; а как это устроить, не придумаю. Писать не хочется, а кажется, придется писать. Опять видел ее во сне слепую нищею, только уже не у церковной ограды, как в первый раз, а в живой картине, в малороссийской белой свитке и в красном очипке.

16 [февраля]

Отправивши на почту письма Кухаренку и Аксакову³¹⁵, зашел в собор послушать архиерейских певчих. Странно, или это с непривычки, или оно так есть. Последнее вернее. В архиерейской службе с ее обстановкою и во-

обще в декорации мне показалось что-то тибетское или японское. И при этой кукольной комедии читается евангелие. Самое подлое противоречие.

Нерукотворенный чудовищный образ, копия с которого меня когда-то испугала в церкви Георгия. Подлинник этого индийского безобразия находится в соборе и замечателен как древность. Он перенесен из Суздаля князем Константином Васильевичем в 1351 году. Очень может быть, что это оригинальное византийское чудовище.

Вечером были живые картины в театре, которые я не пошел смотреть, несмотря даже на то, что в них участвовала моя несравненная. Я боялся увидеть византийский стиль в этих картинах. Опасения мои основательны. Г. Майоров малейшего понятия не имеет в этом простом деле^[316]. В театральном кафе, или, как его здесь называют, в кабаке, встретил старика Пиунова, которому, как он мне сказал, очень бы хотелось, чтобы его Катя что-нибудь прочитала в следующее воскресенье на сцене. Я обещал порыться в русской поэзии. Порылся. И выбор мой пал на по-

следнюю сцену из «Фауста» Гете, перевод Губера. Она прочитает хорошо, только нужно будет одеть ее сообразно с местом и временем. Жаль, что нет под рукою Реча⁽³¹⁷⁾! Да достану ли еще и книгу Губера в этом затхлом городе?

17 [февраля]

Не без труда, однакоже, достал «Фауста» Губера, послал книгу моей артистке и часа через три являюсь к ней в полной уверенности, что она уже наизусть читает роль Маргариты. Ничего не бывало. Она нашла почему-то неудобной эту сцену для чтения. На зов матери вышла из комнаты; а я с полчаса проболтал с отцом и ушел как несолоно хлебал. Замечательная простота нравов!

18 [февраля]

Проездом из Киева в Иркутск посетили меня земляки мои — Волконский и Малюга⁽³¹⁸⁾. Они едут в звании медиков заслуживать казне за воспитание. Какая нелепость посылать молодых медиков в такую даль от центра просвещения! Где средства на будущее развитие? Варварство!

Малюга сообщил мне, что Марко Вовчок⁽³¹⁹⁾

— псевдоним некоей Маркович и что адрес ее можно достать от Данила Семеновича Каменецкого^{320}, поверенного Кулиша в Петербурге. Какое возвышенно-прекрасное создание эта женщина! Не чета моей актрисе. Необходимо будет ей написать письмо и благодарить ее за доставленную радость чтением ее вдохновенной книги.

19 [февраля]

В шесть часов утра приехал Шрейдерс из Петербурга, привез мне письмо от Лазаревского^{321}, песни Беранже Курочкина^{322} и четыре экземпляра моего портрета, фотографированного с моего же рисунка.

В 12 часов в зале дворянского собрания происходило торжественное открытие комитета^{323}, собранного для окончательного решения свободы крепостных крестьян. Великое это начало благословлено епископом и открыто речью военного губернатора А. Н. Муравьева, речью не пошлою, официальною, а одушевленною, христианскою свободною речью. Но банда своекорыстных помещиков не отозвалась ни одним звуком на человеческое святое слово. Лакеи! Будет ли напечатана эта

речь? Попрошу М. А. Дорохову, не может ли она достать копию.

20 [февраля]

Один экземпляр моего нерукотворенного образа подарил М. А. Дороховой; он ей не понравился, выражение находит слишком жестким. Просил достать копию речи Муравьева. Обещала.

21 [февраля]

Писал Лазаревскому^{324}, чтобы он свои письма ко мне адресовал на имя М. С. Щепкина в Москву.

Начал переписывать свою поэзию для печати^{325}, писанную с 1847 года по 1858 год. Не знаю, много ли выберется из этой половины доброго зерна.

22 [февраля]

Третий раз вижу ее во сне и все нищею. Это уже не вследствие роли Антуанетты, а вследствие каких данных, не уразумею. Сегодня представилась она мне грязною, безобразною, оборванною, полунагою и все-таки в малороссийской свитке, но не в белой, как прежде, а в серой, розорванной и грязью запачканной. Со слезами просила у меня и ми-

лостыни и извинения за свою невежливость по случаю «Фауста» Губера. Я, разумеется, простил ее и, в знак примирения, хотел поцеловать, но она исчезла. Не предсказывают ли эти ночные грезы нам действительную нищету?

23 [февраля]

Сон в руку. Возвращаясь с почты, зашел я к Владимирову и услышал, что моя возлюбленная Пиунова, не дождавшись письма из Харькова, заключила условие с здешним новым директором⁽³²⁶⁾ театра, с г. Мирцовым. Если это правда, то в какие же отношения она поставила меня и Михайла Семеновича со Щербиною? В отвратительные!

Вот она где нравственная нищета! А я боялся материальной.

Дружба врозь, и черти в воду. Кто нарушил данное слово, для того клятва не существует.

24 [февраля]

Получил письмо от Кулиша⁽³²⁷⁾ с дороги в Бельгию, с хутора Матроновки, около Борзны. Он предлагает мне рисовать сцены из мало-российской истории, из песен и из современного народного быта. Рисунки, которые бы

можно было вырезать на дереве, печатать в большом количестве, раскрашивать и продавать по самой дешевой цене. Мысль его та, чтобы заменить в нашем народе суздальское изделие. Прекрасная, благородная мысль! Но она может осуществиться только при больших деньгах и принести даже материальную пользу. Теперь я не могу приняться за такую работу. Для этого нужно жить постоянно в Малороссии, чтобы была разница между моими рисунками и суздальскими и потому еще, что я не теряю надежды быть в Академии и заняться любимой акватинтой.

Я так много перенес испытаний и неудач в своей жизни. Казалось бы, пора уже освоиться с этими мерзостями. Не могу. Случайно встретил я Пиунову; у меня не хватило духу поклониться ей. А давно ли я видел [в ней] будущую жену свою, ангела-хранителя своего, за которого готов был положить душу свою? Отвратительный контраст. Удивительное лекарство от любви — несамостоятельность, у меня все как рукой сняло. Я скорее простил бы ей самое бойкое кокетство, нежели эту мелкую несамостоятельность, которая меня, а

главное моего старого знаменитого друга, поставила в самое неприличное положение. Дрянь госпожа Пиунова! От ноготка до волоска дрянь!

Завтра Кудлай едет во Владимир, попрошу его взять и меня с собой. Из Владимира как-нибудь доберусь до Никольского и в объятиях моего старого искреннего друга, даст бог, забуду и Пиунову и все мои горькие утраты и неудачи. Отдохну и на досуге займусь перепиской для печати моей невольничьей поэзии. А сегодня перепису чужую не поэзию, но довольно удачные стишки^{328}, посвященные памяти неудобозабываемого фельдфебеля.

*Когда он в вечность преселился,
Наш незабвенный Николай,
К Петру апостолу явился,
Чтоб дверь ему он отпер в рай.
— Ты кто? — спросил его ключарь.
— Как кто? Известно — русский царь.
— Ты царь? Так подожди немного;
— Ты знаешь — в рай тесна дорога
И узки райские врата:*

*Смотри, какая теснота!
— Что ж это все за сброд?
— Простой народ!
Аль не узнал своих? Ведь это рос-
сияне —
Твои бездушные дворяне.
А это — вольные крестьяне.
Они все по миру пошли
И нищими к нам в рай пришли.—
Тогда подумал Николай:
— Так вот как достается рай!
И пишет сыну: «Милый Саша!
Плоха на небе участь наша.
И если подданных своих ты лю-
бишь,
То их богатства поубавь.
А если хочешь в рай ввести,
То всех их по миру пусти!»*

25 [февраля]

В 7 часов утра получил письмо Лазаревско-го^{329}; он пишет, что мне дозволено приехать и жить в Петербурге. Лучшего поздравления с днем ангела нельзя желать.

В три часа собрались к обеду: Н. Брылкин, П. Брылкин, Грас, Лапа, Кудлай, Кадинский, Фрейлих, Климовский, Владимирова, Попов, Товбич. За обедом было и шумно, и весело, и

изящно, потому что компания была единодушна, проста и в высокой степени благородна. За шампанским я сказал спич: сначала поблагодарил гостей моих за сделанную мне честь и в заключение прибавил, что я не буду на бога в претензии, если буду встречать всюду таких добрых людей, как они, теперь сущие со мною, и что память о них навсегда сохраню я в моем сердце.

Праздник мой совершился в квартире добрейшего К. Шрейдерса. Вечером пошел я проводить отъезжающего в Петербург Климовского, с которым предполагал и сам отправиться в гости к М. С. Щепкину, но письмо Лазаревского меня во-время остановило.

26 [февраля]

Товбич предложил мне прогулку^{330} за 75 верст от Нижнего; я охотно принял его предложение, с целью сократить длинное ожидание официального объявления о дозволении жить мне в Питере. Мы пригласили с собой актера Владимирова и некую девицу Сашу Очеретникову, отчаянную особу. Скверно пообедали на мой счет в трактире Бубнова и пустились в дорогу.

21 [февраля]

В селе Медновке, цели поездки Товбича, пробыли мы до 8 часов вечера. Тут встретился я с путейским капитаном Петровичем, приехавшим туда по одному делу с Товбичем. Петрович по происхождению серб, образованный, прямой и сердечный человек, хорошо понимающий и глубоко сочувствующий всему современному. Мне больно, что я прожил столько времени в Нижнем и только сегодня встретился с этим редким человеком.

28 [февраля]

В 7 часов утра возвратились мы благополучно в Нижний. Поездка наша была веселая и не совсем пустая. Саша Очеретникова была отвратительна. Она немилосердно пьянствовала и отчаянно на каждой станции изменяла, не разбирая потребителей. Жалкое, безвозвратно потерянное, а прекрасное создание. Ужасная драма!

1 марта

На имя здешнего губернатора от министра внутренних дел получена бумага о дозволении проживать мне в Петербурге^{331}, но все еще под надзором полиции. Это работа старо-

го распутного японца Адлерберга^{332}.

2 [марта]

Получил письмо от графини Н. И. Толстой^{333}. Она пишет, что ее сердечное желание, наконец, исполнилось и что она с нетерпением ждет меня к себе. Доброе, благородное создание! Чем я воздам тебе за добро, которое ты для меня сделала? Молитвою, бесконечною молитвою!

Овсянников просит, чтобы [подождать] его здесь до 7 числа. Подожду. А если он обманет, — прокляну и без денег уеду.

3 [марта]

Давно ожидаемую книгу «Детство Багрова внука»^{334} сегодня получил с самой лестной надписью сочинителя. Книга была послана из Москвы 7 февраля и пролежала до сегодня у сухого Даля. Могла бы и навсегда остаться у него, если бы я сегодня случайно не зашел к нему и не увидел ее. Он извиняется рассеянностью и делами. Чем хочешь извиняйся, а все-таки ты сухой немец и большой руки дрянь. И что вздумалось Сергею Тимофеевичу [Аксакову] делать меня комиссионером Даля, тогда как ему мой адрес известен? Не думал

ли он через это познакомить меня с ним? Добрейший Сергей Тимофеевич!

4 [марта]

В ожидании Овсянникова и полицейского пропуска в Питер принялся переписывать «Видьму»^{335} для печати. Нашел много длинного и недоделанного. И слава богу. Работа сократит длинные дни ожидания.

5 [марта]

Послал письмо графине Н. И. Толстой^{336}. Писал ей, что 7 числа в 9 часов вечера оставлю Нижний-Новгород. Сбудется ли это? Это будет зависеть от Овсянникова, а не от меня. Глупо!

Продолжаю работать над «Видьмою».

6 [марта]

Я слишком плотно принялся за свою «Видьму». Так плотно, что сегодня кончил. — А работы было порядочно и, кажется, порядочно кончил. Переписал и слегка поправил «Лилею» и «Русалку». Как-то примут земляки мою невольническую музу?

В 7 часов вечера явился ко мне жандармский унтер-офицер и предложил довезти меня за 10 рублей до Москвы. Сердечно благода-

рен за предложение. Он отвозил в Вятку какого-то непокорного отцу своему капитана Шлиппенбаха. И на обратном пути искал себе попутчика и нашел меня в Нижнем. Еще раз спасибо ему.

Условившись в цене и времени выезда, я пошел к Кудлаю поторопить его насчет полицейского пропуска. Кудлая не застал дома и по дороге зашел к Вильде^{337}, где встретил Тартинова, мамзелей Шмитгоф и брата их, молодого, весьма талантливую скрипача и сценического артиста. После ужина хозяин, прощаясь со мной, подарил мне на память несколько миниатюрных медальонов, копии с известных скульптурных произведений древних и новых, сделанных разными художниками. Милый и умный подарок.

7 [марта]

От часу пополудни до часу полуночи прощался с моими нижегородскими друзьями. Заключил расставанье у М. А. Дороховой ужином и тостом за здоровье моей святой заступницы, графини А. И. Толстой.

10 [марта]

В три часа пополудни 8 марта оставил

Нижний на санях, а во Владимир приехал 9-го ночью на телеге. Кроме этого весьма обыкновенного явления в настоящее время года, ничего особенного не случилось, кроме легкого воспаления в левом глазе и зуда на лбу. Во Владимире я взял розовой воды и думал все покончить этим ароматическим медикаментом. А вышло не так, как я думал.

Во Владимире на почтовой станции встретил А. И. Бутакова^{338}, под команду которого плавал я два лета, 1848 и 49, по Аральскому морю. С тех пор мы с ним не видались. Теперь он едет с женою в Оренбург, а потом на берега Сыр-Дарьи. У меня при одном воспоминании об этой пустыне сердце холодеет, а он, кажется, готов навсегда там поселиться. Понравилась сатана лучше ясна сокола.

В 11 часов вечера приехал в Москву. Взял номер за рубль серебра в сутки в каком-то великолепном отеле. И едва мог добиться чаю, потому что уже было поздно. О Москва! О Караван-Сарай, под громкою фирмою отель! Да еще и со швейцаром.

11 [марта]

В 7 часов утра оставил я Караван-Сарай со

швейцаром и пустился отыскивать своего друга М. С. Щепкина. Нашел его у старого Пимена, в доме Щепотьевой, и у него поселился, и кажется, надолго, потому что глаз мой распух и покраснел, а на лбу образовалось несколько групп прыщей. Облобызав моего великого друга, отправился я к доктору Ван-Путерену, моему нижегородскому знакомому. Он прописал мне английскую соль, зеленый пластырь, диету и по крайней мере неделю не выходить на улицу. Вот тебе и столица! Сиди да смотри в окно на старого безобразного Пимена.

12 [марта]

Посетил меня доктор Ван-Путерен, прибавил еще два лекарства для внутреннего и наружного употребления и посулил мне по крайней мере неделю заточения и поста. Веселенькая перспектива!

Вслед за доктором посетил меня почтеннейший Михайло Александрович Максимович^{339}. Молодеет, старичина, женился, отпустил усы, да и в ус себе не дует.

Вечером, по настоянию моих гостеприимных хозяев, сошел я вниз в гостиную, с повя-

занной головой, где встретил несколько человек гостей^{340} и между ними Кетчера, Бабста и Афанасьева, с которыми тут и познакомил меня хозяин. Время быстро прошло до ужина. Подали ужин, гости сели за стол, а я удалился в свою келию. Проклятая болезнь!

13 [марта]

Доктор Ван-Путерен уехал сегодня в Нижний, рекомендовал мне своего приятеля, какого-то немца, которого я, однакож, не дождался и просил Михайла Семеновича [Щепкина] пригласить медика, какого лучше знает, потому что болезнь моя не шутя меня беспокоит. Михайло Семенович пригласил доктора Мина. Завтра я его дожидаю.

Навестил меня Маркович, сын Н. Марковича^{341}, автора «Истории Малороссии», и М. А. Максимович с брошюрой^{342} «Исследование о Петре Конашевиче-Сагайдачном». Сердечно благодарен за визит и за брошюр

14 [марта]

Отправил Лазаревскому два рисунка^{343}, назначенные для преподнесения Марии Николаевне.

После обеда явились ко мне два доктора;

хорошо еще, что не вдруг. Приятель Ван-Путерена прописал какую-то микстуру в темной банке, а Мин пильнавскую воду и диету. Я решился следовать совету последнего.

Дмитрий Егорович Мин — ученый переводчик Данта и еще более ученый и опытный медик. Поэт и медик — какая прекрасная дисгармония.

У старого друга моего Михайла Семеновича везде и во всем поэзия, у него и домашний медик — поэт.

15 [марта]

Вчера было у меня два доктора, а сегодня ни одного. Мне, слава богу, лучше; скоро, может быть, они для меня будут совсем не нужны. Как бы это хорошо было! Надоело смотреть в окно на старого Пимена.

Михайло Семенович ухаживает за мною, как за капризным больным ребенком. Добрейшее создание! Сегодня вечером пригласил он для меня какую-то г. Грекову^{344}, мою полуземлячку, с тетрадью малороссийских песен. Прекрасный, свежий, сильный голос. Но наши песни ей не дались, особенно женские. Отрывисто, резко, национальной экспрессии

она не уловила. Скоро ли я услышу тебя, моя родная, задушевная песня?

Петр Михайлович⁽³⁴⁵⁾, старший сын моего великого друга, подарил мне два экземпляра — фотографические портреты апостола Александра Ивановича Герцена.

16 [марта]

Нарисовал портрет⁽³⁴⁶⁾, не совсем удачно, Михайла Семеновича. Причиной неудачи были сначала Максимович, а потом Маркович. Пренаивные посетители. Им и в голову не пришла поговорка, что не во-время гость — хуже татарина, а, кажется, люди умные, а простой вещи не понимают.

После обеда посетил меня Д. Е. Мин и, кроме диеты и пильнавской воды, ничего не посоветовал. Дня через три обещает выпустить на улицу. Ах, как бы было хорошо!

17 [марта]

Сегодня опять посетили меня оба медика и, слава богу, кроме диеты и сидения в комнате, ничего не прописали! Я, однакож, и этого немного не исполнил. Вечером, втихомолку, навестил давно не виданного друга моего, княжну Варвару Николаевну Репнину. Она

счастливого переменялась, потолстела и как будто помолодела. И ударилась в ханжество, чего я прежде не замечал.

Не встретила ли она в Москве хорошего исповедника?

18 [марта]

Кончил переписывание или процеживанье своей поэзии за 1847 год. Жаль, что не с кем толково прочесть. Михайло Семенович в этом деле мне не судья. Он слишком увлекается. Максимович — тот просто благоговеет перед моим стихом. Бодянский тоже. Нужно будет подождать Кулиша. Он хотя и жестко, но иногда скажет правду. Зато ему не говори правды, если хочешь сохранить с ним добрые отношения.

В первом часу поехали мы с Михайлом Семеновичем в город. Заехали к Максимовичу, застали его в хлопотах около «Русской беседы»^{347}. Хозяйки его не застали дома. Она была в церкви. Говеет. Вскоре явилась она, и мрачная обитель ученого просветлела. Какое милое, прекрасное создание! Но что в ней очаровательнее всего, это чистый, нетронутый тип моей землячки. Она проиграла для нас на

фортепиано несколько наших песен так чисто, безманерно, как ни одна великая артистка играть не умеет. И где он, старый антикварий, выкопал такое свежее, чистое добро? И грустно и завидно. Я написал ей на память свой «Весенний вечер»^{348}, и она подарила мне, для ношения на шее, киевский образок. Наивный и прекрасный подарок.

Расставшись с милой, очаровательной землячкой, заехали мы в школу живописи к моему старому приятелю, А. Н. Мокрицкому^{349}. Старый приятель не узнал меня. Немудрено: мы с ним с 1842 года не видались. Потом заехали в книжный магазин Н. Щепкина^{350}, где мне Якушкин подарил портрет знаменитого Николая Новикова. Потом приехали домой и сели обедать.

Вечером был у О. М. Бодянского. Наговорились досыта о славянях вообще и о земляках в особенности. И тем заключил свой первый выход из квартиры.

19 [марта]

В 10 часов утра вышли мы с Михайлом Семеновичем из дому и, несмотря на воду и грязь под ногами, обходили пешком по край-

ней мере четверть Москвы. Я не видал Кремля с 1845 года. Казармовидный дворец его много обезобразил, но он все-таки оригинально прекрасен. Храм Спаса вообще, а главный купол в особенности безобразен. Крайне неудачное громадное произведение. Точно толстая купчиха в золотом повойнике остановилась напоказ среди белокаменной. Из Кремля прошли мы на Большую Дмитровку, зашли к Елене Константиновне Станкевич⁽³⁵¹⁾, моей старой знакомой, напились чаю, отдохнули и пошли в книжный магазин Н. М. Щепкина.

Из магазина возвратились опять к Станкевич, где я встретил еще одну мою старую знакомую, Олимпиаду Ивановну Миницкую. Победали у Станкевич и в 6 часов вечера благополучно пешком же возвратились восвояси, дивясь бывшему.

20 [марта]

Мой неразлучный спутник и чичероне Михайло Семенович сегодня ставил себе банки, и я один, от 10 до 4 часов, месил московскую грязь. Поутру велел я кучеру вымазать себе сапоги добрым дегтем, вооружился и по Твер-

ской отправился в Кремль. Полюбовавшись старым красавцем-Кремлем, прошел я к юному некрасавцу-Спасу, с целью посмотреть скульптурные работы. Но меня и на двор не пустили. «Не приказано», — сказал сторож. Я ему не противоречил и возвратился в Кремль. Полюбовавшись еще раз стариком, вышел я на Ильинку и потом на Покровку. Зашел к А. А. Сапожникову, моему спутнику из Астрахани до Нижнего. Болен — никого не принимает. И хорошо делает, потому что я весь облеплен грязью. Расспросил у будочника дорогу к почтамту и поплелся тихонько к Мокрицкому. Отдохнул у него, полюбовался эскизами незабвенного друга моего покойного Штернберга и пошел к уральскому казачине Савичу⁽³⁵²⁾. Взял у него летопись Велички, которую он получил от О. М. Бодянского два года тому назад для пересылки [мне] и держал у себя, сам не знает с каким намерением. От Савичева зашел в харчевню, напился чаю с кренделями и Страстным бульваром вышел на Дмитровку. Потом к старому Пимену и ровно в 4 часа пришел домой.

Вечером Михайло Семенович был готов на

новые подвиги, и мы отправились к Станкевичам. Весело, не церемонно поболтали о Малороссии, о днях минувших, и на расставанье В. А. Станкевич подарил мне экземпляр стихотворений Тютчева^{353}.

21 [марта]

В 10 часов утра, не пешком, а в пролетке, пустились мы с Михайлом Семеновичем Москву созерцать. По дороге заехали к сыну его Николаю. Выпили по стакану чаю и потянули далее. Заехали также по дороге к Кетчеру, встретили там Бабста. Кетчер подарил мне все издания своей компании^{354}, кроме своего перевода Шекспира: он еще в типографии. А Бабст подарил свою речь^{355} о умножении народного капитала, издание той же компании. Выпили у Кетчера по рюмке сливянки и поехали к Якушкину. Хозяина не застали дома, а милейшая хозяйка подарила нам по экземпляру портрета кн. Волконского, декабриста^{356}, и мы раскланялись и поехали к Красным воротам к Забелину^{357}. Это молодой еще человек, самой симпатической, кроткой физиономии, обитающий не в квартире, а в библиотеке. Он не совсем здоров, и я не решился

просить его показать мне Оружейную палату, где он служит помощником Вельтмана. От Забелина поехали мы в книжный магазин Николая Михайловича, и тут расстался я с моим путеводителем.

Грешно роптать мне на судьбу, что она затормозила мой поезд в Питер. В продолжение недели я здесь встретился и познакомился с такими людьми, с какими в продолжение многих лет не удалось бы встретиться. Итак — нет худа без добра.

Вечер провел у своей милой землячки М. В. Максимович. И, несмотря на страстную пятницу, она, милая, весь вечер пела для меня наши родные душевные песни. И пела так сердечно, прекрасно, что я вообразил себя на берегах широкого Днепра. Восхитительные песни! Очаровательная певица!

22 [марта]

Радостнейший из радостных дней! Сегодня я видел человека, которого не надеялся увидеть в теперешнее мое пребывание в Москве. Человек этот — Сергей Тимофеевич Аксаков. Какая прекрасная, благородная старческая наружность. Он нездоров и никого не прини-

мает. Поехали мы с Михайлом Семеновичем сегодня поклониться его семейству. Он узнал о нашем присутствии в своем доме и, вопреки заповеди доктора, просил нас к себе. Свидание наше длилось несколько минут⁽³⁵⁸⁾. Но эти несколько минут сделали меня счастливым на целый день и навсегда останутся в кругу моих самых светлых воспоминаний.

После постного обеда в Троицком трактире отправился я домой с намерением приготовиться к ночному кремлевскому торжеству. Намерение мне не удалось. Прочитав статью в 3 № «Полярной звезды»⁽³⁵⁹⁾ о записках Дашковой, в 11 часов я отправился в Кремль. Если бы я ничего не слышал прежде об этом византийско-старо-верческом торжестве, то, может быть, оно бы на меня и произвело какое-нибудь впечатление, — теперь же ровно никакого. Света мало, звона много, крестный ход, точно вяземской пряник, движется в толпе. Отсутствие малейшей гармонии и ни тени изящного. И до которых пор продлится эта японская комедия?

В 3 часа возвратился домой и до 9 часов утра спал сном праведника.

23 [марта]

Христос воскрес!

В семействе Михайла Семеновича торжественного обряда и урочного часа для разговен не установлено: кому когда угодно. Республика. Хуже — анархия! Еще хуже — кощунство! Отвергнуть веками освященный обычай обжираться и опиваться с восходом солнца, это просто поругание святыни!

В 10-м часу пришел к Михайлу Семеновичу с праздничным поклоном актер Самарин^{360} и сообщил ему очень миленькую эпиграмму Щербины^{361}, которую при сем и прилагаю.

*Боже! В каком я теперь упоении
С «Вестником русским» в руках,
Что за прекрасные стихотворения.*

Ах!

Тут Данилевский, Плещеев таинственный,

Майков, наш флюгер-поэт.

*Лучше же всех несравненный,
единственный*

Фет!

*Много нелепостей патетических,
Множество фраз посреди,*

*Много и рифм. Но красот поэти-
ческих
Жди!*

24 [марта]

Еще раз виделся с Сергеем Тимофеевичем Аксаковым и с его симпатическим семейством и еще раз счастлив. Очаровательный старец! Он приглашает меня к себе в деревню на лето, и я, кажется, не устою против такого искушения. Разве попечительная полиция воспрепятствует.

От Аксаковых заехали к В. Н. Репниной, а от нее к актеру Шумскому^{362}. Вкусили священной пасхи с вестфальской колбасой и поехали к Станкевичам. Не застали дома. Отправились в книжный магазин Н. М. Щепкина и комп., где и остались обедать. Обед был званный: Николай Михайлович праздновал новоселье своего магазина и по этому случаю задал пир московской учено-литературной знаменитости. И что это за очаровательная знаменитость! Молодая, живая, увлекающаяся, свободная! Здесь я встретил^{363} Бабста, Чичерина, Кетчера, Мина, Кронеберга-сына, Афанасьева, Станкевича, Корша, Крузе и многих

других; я встретился и познакомился с ними как с давно знакомыми, родными людьми. И за всю эту полную радость обязан я моему знаменитому другу М. С. Щепкину.

В 8 часов вечера отправились к купцу Варенцову, музыканту и любителю искусств. Тут встретился я с некоторыми московскими художниками и музыкантами и, послушавши Моцарта и Бетховена и других великих представителей слышимой гармонии, в 11 часов удалились восвояси, дивясь бывшему.

25 [марта]

Многоуважаемый М. А. Максимович задал мне обед⁽³⁶⁴⁾, на который пригласил, между прочим, и ветхих деньми товарищей своих, Погодина и Шевырева. Погодин еще не так стар, как я его воображал себе. Шевырев старше и, несмотря на седенькую свою благопристойную физиономию, почтения к себе не внушает. Сладкий до тошноты старичок. В конце обеда амфитрион прочел в честь мою стихи собственного сочинения. А после обеда милейшая хозяйка пропела несколько малороссийских песен, и восхищенные гости разошлись кто куда, а я заехал к Сергею Тимофее-

вичу Аксакову с намерением проститься. Он спал, и я не имел счастья облобызать его седую прекрасную голову. До 9 часов пробыл я у Аксаковых и с наслаждением слушал мои родные песни, петье Надеждой Сергеевной^{365}

Все семейство Аксаковых непритворно сердечно сочувствует Малороссии и ее песням и вообще ее поэзии. В 9 часов с Иваном и Константином Аксаковыми поехал я к Кошелеву^{366}, где встретился и познакомился с Хомяковым и со стариком декабристом кн. Волконским. Кротко, без малейшей желчи, рассказал он мне некоторые эпизоды из своей 30-летней ссылки и в заключение прибавил, что те из его товарищей, которые были заточены поодиночке, все перемерли, а те, которые томились по несколько вместе, пережили свое испытание, в том числе и он.

26 [марта]

В 9 часов утра расстался я с Михайлом Семеновичем Щепкиным и с его семейством. Он уехал в Ярославль, а я, забравши свою мизерию, поехал к железной дороге и в два часа, закупоренный в вагоне, оставил я гостеприимную Москву. В Москве более всего радова-

ло меня то, что я встретил в просвещенных москвичах самое теплое радушие лично ко мне и непритворное сочувствие к моей поэзии. Особенно в семействе С. Т. Аксакова.

27 [марта]

В 8 часов вечера громоносный локомотив свистнул и остановился в Петербурге. В 9 часов я был уже в квартире моего искреннейшего друга М. М. Лазаревского.

28 [марта]

По снегу и слякоти пешком обегал я половину города почти без надобности. На перепутье зашел в гостиницу Клея и нашел там только что приехавшего из Москвы Григория Галагана^{367}. Он передал мне письмо Максимо-вича с его стихами, читанными им за обедом 25 марта, записку на получение «Русской беседы» и моего, в Москве обретшегося, «Еретика»^{368}, то есть «Яна Гуса», которого я считал невозвратно погибшим. В 3 часа возвратился я домой и обнял моего задушевного Семена Артемовского, а через полчаса я был уже в его доме, как в своей родной хате. Много и многое мы вспомнили и переговорили, а еще большего не успели ни вспомнить, ни перего-

ворить. Два часа мелькнули быстрее одной минуты; я расстался с моим милым Семеном и в 6 часов вечера, вместе с Лазаревским, отправились мы к графине Н. И. Толстой^{369}.

Сердечнее и радостнее не встречал меня никто, и я никого, как встретились мы с моей святой заступницей и с графом Федором Петровичем. Эта встреча была задушевнее всякой родственной встречи. Много хотелось мне пересказать ей, и я ничего не сказал. В другой раз. Бутылкой шампанского освятили мы святое радостное свидание и в 8 часов расстались.

Вечер провели мы у В. М. Белозерского^{370}, моего со узника и соседа по каземату в 1847 году. У него встретил я моих соизгнанников оренбургских^{371}: Сераковского, Станевича и Желяковского (Сову). Радостная, веселая встреча! После сердечных речей и милых родных песен мы расстались.

29 [марта]

В 10 часов утра явился я казанским сиротой к правителю канцелярии обер-полицеймейстера, к земляку моему И. Н. Мокрицкому. Он принял меня полуофициально, полуфами-

льярно. Старое знакомство сказалось в скобках. В заключение он мне посоветовал сбрить бороду, чтобы не произвести неприятного впечатления на его патрона графа Шувалова, к которому я должен явиться, как к главному моему надзирателю.

От Мокрицкого я опять пошел гранить уже высушенную мостовую и упражнялся в сем хитром ногоделье до 12 часов, а в 12 часов с М. Лазаревским поехали к Василию Лазаревскому^{372}, На удивление симпатические люди эти прекрасные братья Лазаревские, и все шесть братьев, как один, замечательная редкость! Василь принял меня как давно невиданного своего друга. А мы с ним в первый раз в жизни встречаемся: от земляк, так земляк!

Вечером отправились мы в цирк-театр смотреть и слушать живописную лекцию геологии профессора Роде^{373}. Лекция мироздания прекрасна, и астрономические картины почти не лишни, но к чему эти аляповатые суздальские виды городов и зданий, оскорбляющие искусство? И к чему эти живые, вертящиеся ситцевые узоры, оскорбляющие науку?

Странно! А еще более странно то, что публика рукоплещет этой балаганной пошлости. Толпа. Да еще столичная толпа!

30 [марта]

Заказал фотографический портрет в шапке и тулупе^{374} для М. А. Дороховой. Искал квартиру Бабста и не нашел. Жаль. Несмотря на возмутительную погоду, прошел на Васильевский остров, зашел к художнику Лаврову^{375} и от него узнал о смерти Павла Петровского^{376}. Отвратительная новость. Бедная старуха-мать, она не переживет этой страшной новости.

Вечером графиня Настасья Ивановна представила меня сводим знакомым, собравшимся у нее в этот вечер порядочной толпой. Они приветствовали меня как давно ожидаемого и дорогого гостя. Спасибо им. Боюсь, как бы мне не сделаться модной фигурой в Питере^{377}. А на то похоже.

31 [марта]

С художником Лукашевичем был в Эрмитаже^{378}. Новое здание Эрмитажа показалось мне не таким, как я его воображал. Блеск и роскошь, а изящества мало. И в этом велико-

лепном храме искусств сильно напечаталась тяжелая казарменная лапа неудобозабываемого дрессированного медведя.

В три часа возвратился домой и под влиянием виденного привел себя в горизонтальное положение, как вошел ко мне мой старый, не забытый, но из виду потерянный знакомый и щирый земляк Л. Н. Дзюбин^{379}. Вспомнили старину и отправились в отель «Париж» обедать. После обеда прошлись по Невскому и на сегодняшний день расстались.

Вечер провел у Семена^{380}.

1 апреля

Обманывают и обманываются. Хорошо, если бы это случалось только первого апреля... Откуда взял свое начало этот нелепый обычай?

Долго шлялся по Невскому проспекту без всякой цели. Потом прошел на Бассейную, нашел квартиру Кокорева^{381}, а самого хозяина не нашел дома. Обедал у Белозерского. После обеда получил записку от графини Настасьи Ивановны и вечером отправился к ней. Никакой экстренности. Ей просто хотелось меня видеть. Доброе создание!

К графине заехал Сошальский^{382} и увез меня к имениннице, землячке Марье Степановне^{383}. Мы с ней не видалися с 1845 года, едва заметно постарела. На удивление прочная землячка.

2 [апреля]

В 1 часу Сошальский повез меня к землячке Ю. В. Смирновой. Я знал ее наивной милой институткой в 1845 году. А теперь черт знает что! Претензия на барыню, а в самом деле и на порядочную горничную не похожа. От Смирновой заехали к Градовичу^{384}. Тоже старый знакомый. От Градовича зашел я, уже без Сошальского, в Палкин трактир, пообедал и отправился домой. Вечером в цирке-театре смотрел и слушал «Бронзового коня»^{385}. Великолепная постановка, и больше ничего. Один старик Петров^{386} и Семен со славою поддерживали «Бронзового коня». А прочее — чепуха!

3 [апреля]

НАВУХОДОНОСОР^{387}

(Из Беранже В. Курочкина)

В давнопрошедшие века —

До рождества еще Христова —

Жил царь под шкурою быка.

Оно для древних это ново,
Но так же точно льстил и
встарь
И так же пел придворный хор:
Ура! Да здравствует наш царь —
Навуходonosор!
Наш царь бодается — так что
ж?
И мы топтать народ здоровы,
Решил совет седых вельмож.
Да здравствуют рога царицы!
Ведь и в Египте государ
Был божество с давнишних пор.
Ура! Да здравствует наш царь —
Навуходonosор!
Державный бык коренья жрет,
Вода речная ему поило...
Как трезво царь себя ведет!
Поэт воспел бычачье стойло,
И над поэмой государь
Мыча уставил мутный взор.
Ура! Да здравствует наш царь —
Навуходonosор!
В тогдашней «Северной пчеле»
Печатали неоднократно,
Что у монарха на челе
След виден думы необъятной,
Что из сердец ему алтарь

Воздвиг народный приговор.
Ура! Да здравствует наш царь —
Навуходоносор!
Бык только ноздри раздувал,
Упитан сеном и хвалами,
Но под ярмо жрецов попал...
И, управляемый жрецами,
Мычал рогатый государь —
За приговором приговор.
Ура! Да здравствует наш царь —
Навуходоносор!
Тогда не выдержал народ,
В цари избрал себе другого,
Как православный наш причет,
Жрецы — любители мясного...
Как злы-то были люди встарь!
Придворным-то какой позор!
Был съеден незабвенный царь
Навуходоносор!
Льстецы царей! Вот вам сюжет
Для оды самой возвышенной,
Да и цензурный комитет
Ее одобрит непременно,
А впрочем... слово государь
Не вдохновляет вас с тех пор,
Как в бозе сгнил последний царь
Навуходоносор.

Только что успел я положить перо, допи-

савши последний куплет этого прекрасного и меткого стихотворения, как вошел ко мне Каменецкий, а за ним Сераковский, а за ним Кроневиц и в заключение Дзюбин, который и пригласил меня обедать. Вот тебе и письма. Нужно где-нибудь спрятаться.

После не совсем умеренного обеда вышли мы на улицу и, пройдя несколько шагов, встретили мы вездесущего «Вечного жида», брехуна Элькана^{388}. После продолжительной прогулки мы с ним расстались и, по его указаниям, пошли искать квартиру актера Петрова и, разумеется, не нашли. Ругнули всеведущего Элькана и по дороге зашли к Бенедиктову. Встретил он меня непритворно радостно и после разнородных разговоров он, по моей просьбе, прочитал нам некоторые места из «Собачьего пира» (Барбье), и теперь только я уверился, что тот великолепный перевод принадлежит действительно Бенедиктову.

4 [апреля]

Каменецкий сообщил мне все мои сочинения, переписанные Кулишем, кроме «Еретика». Нужно будет сделать выбор и приступить к изданию. Но как мне приступить к цензуре

В 3 часа пообедал с Дзюбиным, тоже не совсем умеренно, и вечер провел у Семена.

5 [апреля]

Приезжал Смаковский просить меня обедать с ним и с Дзюбиным. Я спал, меня, спасибо, не сбудили. И я, под предлогом болезни, не поехал на лукулловский обед. Бог с ними. С непривычки можно серьезно захворать. Вечер провел у Галагана.

6 [апреля]

Имел великое несчастье облачиться во фрак и явиться к своему главному надзирателю графу Шувалову. Он принял меня просто, не форменно, а, главное, без приличных случаю назиданий, чем сделал на меня выгодное для себя впечатление.

При этом удобном случае познакомился с женою правителя канцелярии обер-полицеймейстера И. Н. Мокрицкого. Она урожденная Свичка и настоящая моя землячка. Мы с нею встретились как старые знакомые.

Расставшись с милейшей землячкой, прошел я в Академию Художеств на выставку. Пейзажи, преимущественно перед другими

родами живописи, мне бросились в глаза. Калам имеет сильное влияние на пейзажистов. Самого Калама две вещи не первого достоинства.

Вечер провел у графини Настасьи Ивановны. Слышал в первый раз игру Антония Контского и лично познакомился с поэтом Щербиную^{390}.

7 [апреля]

Было намерение съездить в Павловск к старому Бюрно^{391}. Но этому доброму намерению невинно поперечил художник Соколов^{392}, к которому я зашел по дороге, пробыл у него до 4 часов и опоздал на железную дорогу. Непростительная рассеянность.

Вечером пошли с Михайлом до Семена и не застали его дома.

8 [апреля]

Воспользовавшись хорошею погодою, пустился я пешком в Семеновский полк искать квартиру Олейникова. Квартиру нашел, а хозяина не нашел и прошел на Бассейную к Кокореву. И сего откупщика-литератора не нашел дома. По дороге зашел на Литейную к Василию Лазаревскому, отдохнул немного и пу-

стился пешком же в Большую Подьяческую к Семену обедать. После обеда вышли на улицу и случайно зашли к бедному бесталанному генералу Корбе^{393}. Плачет, бедный, не о том, что из службы выгнали, а о том, что Станислава не дали. Бедный, несчастный человек!

Вечером зашел к Кроневичу, к моему соизгнаннику, и между многими поляками встретил у него и людей русских, между которыми и две знаменитости: графа Толстого^{394}, автора солдатской севастопольской песни, и защитника Севастополя генерала Хрулева^{395}.

Последняя знаменитость мне показалась приборканою.

9 [апреля]

Квитался за неумеренный ужин Кроневича.

10 [апреля]

Посетил московского знакомого, некоего Безобразова, потом Рамазанова и Михайлова^{396}. Хотел пройти на выставку, да не удалось: царь помешал. Смотрел в цирке-театре «Москаля-чаривника». Очаровательный Семен^{397}. А прочие — чушь.

11 [апреля]

Поручил Каменецкому хлопотать^{398} в цензурном комитете о дозволении напечатать «Кобзаря» и «Гайдамаки» под фирмою: «Поэзия Т. Ш.» Что из этого будет?

Зашел по пути к певцу-актеру Петрову. Он только потолстел. А она — увы! Из миленькой Анны Яковлевны^{399} сделалась почтенная, но все-таки милая старушка. Непрочный пол! Забежал к Семену, выпил рюмку водки и пошел к Корбе обедать. Скучно и грязно, как у старого холостяка и, вдобавок, у военного. Вечером у Белозерского слушал новую драму Желяковского!!выяснить фамилию автора^{400} и с успехом доказал Сераковскому, что Некрасов не только не поэт, но даже стихотворец аляповатый^{401}.

12 [апреля]

Снег, слякоть, мерзость. Невзирая на все это, отправились мы, то есть я, Семен и М. Лазаревский, в Академию смотреть выставку. Во избежание простуды завернули к Смурову, выпили по рюмке джину и проглотили по десятку устриц. С выставки пошли мы на званый обед^{402} к графине Настасье Ивановне, данный ею своим близким многочисленным

приятелям по случаю моего возвращения. За обедом граф Федор Петрович сказал коротенькое слово в честь милостивого царя. А в честь моего невольного долготерпения сказал почти либеральное слово Николай Дмитриевич Старов!!^{403}, потом Щербина и, в заключение, сама графиня Настасья Ивановна. Мне было и приятно и вместе неловко. Я не чаял себе такой великой чести. Для меня это было совершенно ново. Семен заметил, что за столом все были бледны, тощи и зелены, кроме несчастного изгнанника, то есть меня. Забавный контраст. После обеда повез меня Сошальский к землячке М. С. Гжесевич, а часу в первом — к Борелю, а от Бореля к Адольфине, где я его и оставил.

13 [апреля]

От Н. Д. Старова поехали мы с Семеном к М. В. Остроградскому^{404}. Великий математик принял меня с распростертыми объятиями как земляка и как надолго отлучившегося куда-то своего семьянина. Спасыби ему. Остроградский с семейством едет на лето в Малороссию, пригласил бы, говорит, и Семена с собою, но боится, что в Полтавской губернии са-

да не хватит на его продовольствие.

Обедал у Семена. Вечер провел у графини Настасьи Ивановны. Слушал стихотворения Юлии Жадовской^{405}. Жалкая, бедная девушка!

14 [апреля]

Семен познакомил меня с весьма приличным юношею — с В. П. Энгельгардтом^{406}. Много и многое пошевелилось в душе моей при встрече с сыном моего бывшего помещика. Забвение прошедшему! Мир и любовь настоящему.

Вечером Грицько Галаган познакомил меня с черниговскими землячками, с Карташевскими^{407}. Не жеманные, милые, настоящие землячки.

15 [апреля]

По желанию графини Настасьи Ивановны представлялся шефу жандармов кн. Долгорукову. Выслушал приличное случаю, но вежливое наставление, и тем кончилась аудиенция.

Вечер провел у земляка Трохима Тупыци, где встретился с Громекою^{408}, автором статьи «О полиции и о взятках», и познакомился с стариком Персидским^{409}, с декабристом.

16 [апреля]

Грицько Галаган приехал просить записать ему мой «Весенний вечер». Я охотно исполнил его желание, а он, чтобы не остаться у меня в долгу, записал прекрасное стихотворение Хомякова.

И. Н. Дзюбина познакомил я с Семеном, а он, чтобы тоже не остаться в долгу, вздумал попотчевать меня каким-то молодым генералом Крыловым^{410}, земляком из Харькова. Несмотря на молодость и любезность, генерал оказался далеко не симпатичным. А обед его, почти царский, тоже показался как-то приторным.

Вечером Мей прислал мне тот самый «Весенний вечер»^{411}, который я поутру записал для Галагана, в русском переводе собственного изделия. Спасибо ему.

СТИХОТВОРЕНИЕ ХОМЯКОВА

*Тебя избрал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил.
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.*

*Вставай, страна моя родная,
За братьев бог тебя зовет
Через волны буйного Дуная,
Туда, где землю огибая,
Шумят струи эгейских вод!*

*Но помни: быть орудьем бога
Земным созданиям тяжело,
Своих рабов он судит строго,
А на тебе, увы, как много
Грехов ужасных налегло!*

*В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетвор-
ной,
И лени гнусной и позорной
И всякой мерзости полна.*

*О! Недостойная избранья, ты из-
брана,
Скорей омой себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой.*

*С душой коленопреклоненной,
С главой лежащею в пыли.
Молись молитвою смиренной*

*И раны совести растленной
Елеем плача исцели.*

*И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч,
Держи стяг божий крепкой дланью,
Рази мечом, — то божий меч!*

17 [апреля]

Н. Д. Старов прислал М. Лазаревскому написанное слово, сказанное им в честь мою на обеде у графини Настасьи Ивановны Толстой. Как вещь дорогую для меня, заношу его в мой журнал.

ПРИЗНАТЕЛЬНОЕ СЛОВО Т. Г. ШЕВЧЕНКУ

Несчастье Шевченка кончилось. А с тем вместе уничтожилась одна из вопиющих несправедливостей. Мы не нарушим скромности тех, чье участие способствовало этому добру и приобрело благодарность всех сочувствующих достоинству блага... Мы скажем, что нам отрадно видеть Шевченка, который среди ужасных, убийственных обстоятельств, в мрачных сте-

нах казармы смердячей, не ослабел духом, не отдался отчаянию, но сохранил любовь к своей тяжелой доле потому, что она благородна. Здесь великий пример всем современным нашим художникам и поэтам, и уже это достойно обессмертить его!..

Позвольте же предложить тост признательности за Шевченка, который своими страданиями поддержал то святое верование, что истинно нравственную природу человека не в силах подавить никакие обстоятельства!..

12 апреля 1858.

Н. Старов

В. М. Белозерский познакомил меня с профессором Кавелиным⁽⁴¹²⁾. Привлекательно-симпатическая натура.

Тот же Белозерский познакомил меня с тремя братьями Жемчужниковыми⁽⁴¹³⁾. Очаровательные братья!

Вечером в цирке-театре слушал оперу «Жизнь за царя». Гениальное произведение! Бессмертный М. И. Глинка! Петров в роли Сушанина попрежнему хорош, и Леонова в роли Вани хороша⁽⁴¹⁴⁾, но далеко не Петрова, кото-

рую я слышал в 1845 году.

18 [апреля]

Получил милейшее письмо от милейшего Сергея Тимофеевича^{415} Аксакова, на которое буду отвечать завтра: сегодня я увлекся своею «Лунатикою»^{416}. Если бы не помешал обязательный Сошальский, то я кончил бы «Лунатику». Но, увы! Нужно было оставить невестственное слово и приняться за вещественное дело, то есть за увесистый обед.

Вечером, с тем же обязательным Сошальским, поехали мы к милой и талантливо-голосистой певице, мадмуазель Грубнер^{417}. Там встретился я с Бенедиктовым, Даргомыжским и с архитектором Кузьминым^{418}, старым и хорошим знакомым. Музыкальное наслаждение заключилось смешным и приторным мяуканьем Даргомыжского. Точно мышонок в когтях кота. А ему аплодируют. Странные люди эти меломаны. А еще страннее такие певцы, как Даргомыжский.

19 [апреля]

Вчера Сошальский пригласил меня с Михайлом на борщ с сушеными карасями и на вареники. А сегодня графиня Настасья Ива-

новна просит запиской к себе обедать и обещает познакомить с декабристом бароном Штейнгелем^{419}. Мы предпочли декабриста борщу с карасями и за измену были наказаны бароном: он не пришел к обеду. Одичалый барон!

За обедом познакомился я с адмиралом Голенищевым, адмирал — товарищ графа Федора Петровича. Простой и, кажется, хороший человек.

Вечер провел у Галагана. Он прочитал описание своего будинка^{420}, збудованого им в старом малороссийском вкусе, в Прилуцком уезде. Барская, но хорошая и достойная подражания затея.

20 [апреля]

Обедал у К. Д. Кавелина и там же познакомился с Галаховым^{421}, составителем русской хрестоматии.

21 [апреля]

Без всякой цели до обеда шлялся по городу. Вечером пошел в театр^{422}. Спектакль вообще был хорош, а увертюра «Вильгельма Телля» очаровательна. Хваленый тенор Сетов ниже всякой посредственности, просто дрянь, а ему

аплодируют. Семен в роли отца Линды де Шамуни очень хорош.

Из театра зашел к Белозерскому и застал у него К. Д. Кавелина. С разговором о минувшей и будущей судьбе славян мы перешли к психологии и философии и просидели до трех часов утра. Школьничество. Но очаровательное школьничество!

22 [апреля]

Тоже без всякой цели шлялся до обеда, только уже не один, а с Семеном. Вечером, с Семеном же, пошли к землячке М. Л. Мокрицкой и до второго часу с удовольствием переливали из пустого в порожнее.

23 [апреля]

Вчера условились мы с Семеном, чтобы сегодня, часу в первом, ехать посмотреть дачи. Ровно до двенадцати часов была погода хорошая, потом пошел дождь, затяжной, как его называют. Мы просидели весь день дома, читали Гумбольдта «Космос»^{423} и, глядя в окно, повторяли поговорку: «Вот те, бабушка, и Юрьев день!»

24 [апреля]

Предположения мне никогда не удаются, а

я не могу отказать себе в, удовольствии сочинять предположения. Сегодня, например, выходя из дому, я располагал провести время до обеда так: сначала зайти в Академию посмотреть выставку; потом зайти к Иордану, своему будущему профессору; потом к барону Клодту^{424} и, в заключение, к графине Настасье Ивановне и у нее остаться обедать. Таков был проект, а случилось вот как. В первой зале в Академии встретился мне Зимбулатов и Бориспольц^{425}, мои старые искренние друзья. Наскоро обошли мы выставку, отправились к Зимбулатову и время до обеда провели в воспоминаниях. Я совершенно доволен неудачею.

Вечером собрались мы с Михайлом к брату его Василию, да зашли к Семену и там провели вечер. Тоже неудача.

25 [апреля]

В 10 часов утра пошел проститься с А. Н. Мокрицким, отъезжающим в Москву. По дороге зашел к М. И. Сухомлинову^{426}, да по дороге же зашел к барону Клодту, полюбовался монументом неудобозабываемому и прошел в Академию на выставку. В первой зале встре-

тился с Жемчужниковым, а в последней с Семеном. Из Академии поехали с Семеном на Петербургскую сторону искать дачу. Дачу нашли, оставили задаток и в 6 часов вечера приехали домой. Вечером с Семеном же были у Н. И. Петрова⁽⁴²⁷⁾, слушали бесконечные и бесплодные толки о эмансипации.

26 [апреля]

На обеде у Сошальского лично познакомился с поэтом Курочкиным и с братом его Николаем⁽⁴²⁸⁾, достойным молодым человеком. Поэт Курочкин много обещает в будущем. Дай бог, чтобы сбылись мои надежды.

27 [апреля]

Обещался обедать у художника Лукашевича и по рассеянности соврал.

28 [апреля]

Сошальский подарил мне часы стенные. А Василь Лазаревский термометр. По милости добрых людей, главные инструменты имею для опытов над акватинтой. Когда же я примусь за самые опыты?

29 [апреля]

Зашел к Дзюбину. Не застал его дома, спросил завтрак и оставил ему за угощение слу-

чившуюся со мною рукопись^{429}: «Послание к мертвым, живым и ненарожденным землякам», надписавши: «на память. 1 мая», тоже по рассеянности,

30 [апреля]

Пошли с Семеном в Летний сад с намерением посмотреть монумент Крылова. По дороге зашли в Казанский собор^{430} посмотреть картину Брюллова. Но, увы! Она так умно, удачно поставлена премудрыми попами, что и кошачьими глазами видеть ее невозможно. Отвратительно! По дороге зашли в Пассаж, полюбовались шляющимися красавицами и алеутскими болванчиками^{431} и прошли в Летний сад. Монумент Крылова^{432}, поставленный «Пчелой» и прочими газетами, ничем не лучше алеутских болванчиков. Бессовестные газетчики! Жалкий барон Клодт! Вместо величественного старца он посадил лакея в нанковом сюртуке с азбучкой и указкою в руках. Барон без умысла достиг цели, вылепивши эту жалкую статую и барельефы именно для детей, но никак не для взрослых. Бедный барон! Оскорбил ты великого поэта и тоже без умысла.

Оскорбленные бароном, мы взяли ялик и поплыли на Биржу. Полюбовались величественной биржевой залой, прошли в сквер^{433}, посмотрели на обезьян и попугаев и зашли на постоянную выставку художественных произведений. Бедчый Тыранов^{434}! Он и свое болезненное маранье тут же выставил. Грустное, тяжелое впечатление!

Находившись до упаду, мы на ялике переплыли Неву, прошли часть бульвара, в окнах магазина Дациаро полюбовались акватинтами, взяли извозчика и отправились домой обедать.

Вечером был у Белозерского и у Кроневица.

1 мая

Решили мы с Семеном провести день как-нибудь, а вечером отправиться в Екатерингоф посмотреть праздничную публику. Часу в первом пошли мы в Академию на выставку и зашли к графине Настасье Ивановне. Не застали ее дома и прошли к Остроградскому с намерением там и пообедать. Не удалось: Михайло Васильевич и его благоверная В. Д. больны, а дети гулять ушли; мы последовали

их примеру и, пошлявшись по набережной Невы, возвратились домой.

В 8 часов вечера, вместо Екатерингофа, зашли к Белозерскому и весело проболтали до первого часа.

2 [мая]

Были с Семеном в Эрмитаже, в отделении древней и новой скульптуры. Я не воображал в таком количестве остатков древней скульптуры в Эрмитаже; вероятно, они собраны со всех дворцов: прекрасная мысль. В отделении новой скульптуры меня очаровал Танерини ^{435} своей умирающей Душенькой и обидно разочаровал покойник Ставассер своей неуклюжей русалкой. Смотрели музей древностей, библиотеку и на первый раз тем кончили. Внимание утомилось. Залы музея отделаны с большим вкусом, нежели картинная галерея.

Из Эрмитажа прошли мы на выставку цветов. Изумительная роскошь цветов и растений! Но густая толпа хорошеньких зрительниц мешает вполне наслаждаться произведениями флоры. В толпе посетителей встретил старых друзей моих, Маслова и толстейшего

Сережу Уварова^{436}. Не графа, а просто Уварова.

3 [мая]

Был в Эрмитаже один, без Семена. Его утомила вчера античная галерея и древности, и он отказался мне сопутствовать. Ледащо! В Эрмитаже встретился и познакомился с знаменитым гравером Иорданом^{437}. Он слышал о моем намерении заняться акватинтой и предложил мне свои услуги в этом новом для меня деле. Обрадованный его милым, искренним предложением, я обошел два раза все залы с целью выбрать картину для первой пробы избранного мною искусства. После внимательного обозрения, остановился я на эскизе Мурильо «Святое семейство»^{438}. Наивное, милое сочинение. Я не видел картины этого содержания, которой бы так шло это название, как гениальному эскизу Мурильо. Итак, с божьею и иордановою помощью, принимаюсь за опыты, а потом и за Мурильо.

В 4 часа оставил я Эрмитаж и зашел на выставку цветов. Волшебный переход! В продолжение нескольких часов внимательного созерцания произведений великих мастеров я

утомился, отяжелел духом, и вдруг живая, свежая прелесть природы и искусства благотворно охватывает меня и обновляет. Разнообразная зелень, массы свежих роскошных цветов, музыка и, в довершение очарования, толпы прекрасных, молодых и свежих, как цветы, женщин. Я обещался в 5 часов обедать у Уваровых и пробыл в этом раю до 6 часов. О, столица!

Вечером передавал мои впечатления Семёну и его милейшей Александре Ивановне.

4 [мая]

Был у Ф. И. Иордана. Какой обязательный, милый человек и художник и, вдобавок, живой человек, что между граверами большая редкость. Он мне [показал] в продолжение часа все новейшие приемы гравюры акватинты. Изъявил готовность помогать мне всем, что от него будет зависеть. Я расстался с ним вполтину будущим гравером.

От Иордана зашел ненадолго к графине Настасье Ивановне, а от нее прошел к граверу и печатнику Служинскому⁽⁴³⁹⁾, тоже за сведениями. Застал его за обедом, и о деле не было речи. Зашел к старым друзьям, к Уваровым, с

целью у них обедать. Старик Уваров сообщил мне, что спутник мой от Астрахани до Нижнего, А. А. Сапожников, здесь и завтра уезжает в Москву. Я пустился к нему, застал его дома, но он меня не принял по случаю скорого обеда. Это меня немного сконфузило, я отряхнул прах от ног своих и по дороге зашел к черниговскому земляку своему Н. И. Петрову, где и пообедал нараспашку.

Вечером поехали с Семеном к графине Настасье Ивановне, где и пробыли до бела дня.

5 [мая]

В Эрмитаже встретил товарища по Академии Михайлова, бывшего фаворита К. П. Брюллова. Обойдя картинную и античную галерею, зашли мы в «Лондон» позавтракать. До выезда своего из Рима в Мадрид Михайлов часто виделся с К. П. Брюлловым в Риме и рассказал про его изумительное, неслыханное скаредничество. Великий Брюллов великого Рембрандта перещеголял в этом таинственном искусстве! Расставшись с Михайловым, пошел я обедать к Лукашевичу. Тоже ученик и любимец великого Брюллова. Лукашевич повторил мне слова Михайлова с вариация-

ми. Кроме нравственного бессилия, нечем растолковать подобное явление.

С Служинским зашел к Н. И. Уткину и не застал его дома. Вечером с М. Лазаревским пошли к Семену и тоже не застали дома.

6 [мая]

С Семеном поехали мы к Энгельгардту и не застали дома. Зашли к Курочкину — то же. Зашли к землячке, М. С. Гресевиц, и она нас встретила — резвая, веселая, молодая, как и десять лет назад. Чудная женщина. Ее и горе не берет. А горя у нее немало. Она на днях возвратилась из Москвы и привезла мне три короба поклонов от моих московских друзей. Гостеприимная землячка предложила нам завтрак, а мы не отказались. Плотно позавтракавши и весело поболтавши, мы взялись за шапки, как вошел Громека и с ним еще какой-то киевский земляк. Громека, по праву кума, вместо ручки поцеловал ножку у хозяйки. Эта нежность нам не понравилась, и мы вскоре ушли.

Семен за какой-то надобностью зашел к Юзефовичу^{440}, обер-секретарю синода, и меня потащил с собою. Новый знакомый, несмотря

на приветливость, мне не понравился. Быть может потому, что он родной брат предателя — киевского Юзефовича.

Расставшись с новым знакомым, поехали мы обедать тоже к новым знакомым, к Степановым из Харькова. После обеда Семен пошел в театр, а я к Сухомлинову, где и встретил старого знакомого и земляка, академика Никитенка. Из декламатора, актера, профессора Никитенко⁽⁴⁴¹⁾ превратился в простого любезного старика, в разговоре не избегающего даже малороссийских выражений. Приятное превращение!

7 [мая]

От 10 до 12 часов Семен с своим учеником пел разные дуэты, а Александра Ивановна им аккомпанировала на фортепьяно, а я слушал и по временам аплодировал. С каким трепетным наслаждением я воображал подобную сцену в Новопетровском укреплении. А теперь, когда осуществилось мое лихорадочное ожидание, я смотрю и слушаю, как самую обыкновенную вещь. Станный человек вообще, в том числе и я. После дуэтов вышли мы с Семеном на улицу без всякой цели. Зашли

случайно в музыкальный магазин Пеца, поболтали и потом зашли к художнику Соколову, полюбовались рисованными нашими земляками и землячками и пошли к Дзюбину; не застали дома. Зашли к М. Лазаревскому, тоже не застали дома. Возвратились к Семену и, дождавшись Юзефовича с семейством, принялись обедать.

8 [мая]

Написал письмо Н. А. Брылкину, отослал на почту и собрался идти в Эрмитаж работать, как вошли Н. Курочкин и Вильбоа^{442}. План мой внезапно изменяется. Вместо Эрмитажа пошли мы к Семену потолковать насчет постановки на сцену оперы Вильбоа. Семена не застали дома. Зашли к Софье Федоровне — то же самое. Зашли в трактир, пообедали и разошлись.

9 [мая]

Было намерение вытащить Дзюбина в Павловск. Он не согласился, и я пустился пешком на Крестовский к Старову. В ожидании обеда обошел с Ноздровским половину Крестовского и Петровского острова. Пообедал и пешком же возвратился домой.

Вечером были с Семеном у миленькой Гринберг. Она много и прекрасно пела. Досадно, что она мала ростом, для сцены не годится, а какая бы славная, пламенная была актриса...

10 [мая]

Начал работать в Эрмитаже. В добрый час сказать, в худой помолчать. Во втором часу пошел на Английскую набережную проводить Сухомлинова за границу. Простившись с Сухомлиновым^{443}, зашел к Н. И. Петрову; у него случился билет для входа в Исаакиевский собор^{444}, и мы отправились, и нас не пустили, потому что билет подписан Васильчиковым, а не Гурьевым. Китайский резон.

11 [мая]

Работал в Эрмитаже до трех часов. Обедал с Желяковским у Белозерского, и за успех будущего польского журнала «Слово»^{445} выпили бутылку шампанского. Вечером с Семеном отправились к графине Н. И. Толстой и возвратились в четыре часа утра. К великой радости хозяйки, последний весенний вечер был оживлен как обыкновенно и необыкновенно весел. Семен и мадмуазель Гринберг

были душою общей радости.

12 [мая]

Проводил Грицька Галагана в Малороссию и пошел к графине Настасье Ивановне^{446} с целью устроить себе постоянную квартиру в Академии. Она обещает, и я верю ее обещанию. Расставшись с Н. И., зашел ненадолго к художнику Микешину и потом к Глебовскому^{447}. Счастливые юноши и пока счастливые художники!

По приглашению Троцины^{448} и прочих земляков пришел я к Дюссо в 5 часов обедать и неожиданно встретил нижегородских моих приятелей, Лапу и Бабкина. После обеда ездили с Троциною и Макаровым^{449} кое-куда неудачно.

13 [мая]

Заказал медную доску. По дороге зашел к Курочкину и не застал дома. Зашел к землячке Гресевич. То же самое. Зашел к Градовичу и в дверях встретил сестру Троцины, сегодня возвратившуюся из-за границы. Свежая и здоровая. Поездки за границу старых больных дев без прислуги должно принять за нормальное лекарство.

DO BRATA TARASA SZEWCZENKI^{450}

Wieszczu ludu — ludu synu,
Tys tem dumny, bos szlachetny,
Bo u skron twych Use wawrzynu
Jak ton pien twych, smutny, swietny.

Dwa masz wiece, m[^]czenniku,
Oba pi[^]kne, chocia i krwawe —
Bos pracowat nie na slaw[^],
Lecz swe brad sruchal krzyku.

Im zamkni[^]to w ustach J?ki — Ach!
i)Sk im liczon grzechem! Tys
powtorzyl gfosnem echem
Zabronionych j\$kow diwi[^]ki.
I nad kafcdym tys przebolal I
przepiakal nim urodzit, — Lecz duch
z wyiyn cie okolal I duch piers twq
oswobodzil.

Smutny wieszcz2u! patr2 cud slowa!
Jako stofica nikt me schowa,
Gdy dzien wzejdzie — tak nie mote

Schowac siowa nikt z tyran6w; —
Bo i itowo jest te2 bo2e
I ma wieszczdw za kapJan6w.
Jak przed grotem sJofica pryska
Ciemnej nocy mrok i chlod, Tak

Antoni Sowa

*Забілили сніги, заболіло тіло, ще й
головонька,
Та ще й головонька.
Ніхто не заплаче по білому тілу,
по бурлацькому,
Та й по бурлацькому:
Ні отець, ні мати, ні брат, ні
сестриця, ні жона його,
Та й ні жона його,
Ой тільки заплаче по білому тілу
товариш його,
Та й товариш його.
«Прости мене, брате, вірний то-
варишу, може я умру,
Та й може я умру.
Зроби мені, брате, вірний товари-
шу, з клен-древа труну,
Та з клен-древа труну.
Поховай мене, брате, вірний това-
ришу, в вишневім саду,
Та в вишневім саду,
В вишневім садочку, на жовтім
пісочку під рябиною,*

*Та й під рябиною.
Рости, рости, древо тонке, висо-
кее, кучерявее,
Та й кучерявее;
Та іспусти гілля зверху до коріння,
лист додолоньку,
Та й лист додолоньку;
Покрий тее тіло бурлацькее біле
ще й головоньку,
Та ще й головоньку.
А щоб тее тіло бурлацькее біле
та й не чорніло,
Та й не чорніло,
Од буйного вітру, от ясного сонця
та й не марніло,
Та й не марніло.*

Вечером был у Желяковского, и он мне записал свое прекрасное стихотворение. А Каменецкий записал малороссийскую песню. Первая песня, которую я знаю без рифмы.

14 [мая]

Дни нечаянных встреч. Третьего дня с Лапой, вчера с Троциной, а сегодня прихожу к графине Настасье Ивановне обедать и встречаюсь с моим единым, моим незабвенным другом, М. С. Щепкиным. Он приехал сюда по

случаю юбилея Гедеонова. И не зная моего адреса, искал меня в Академии и зашел к графине, зная, что я там бываю. Догадливый мой великий друг.

После обеда графиня со всем семейством и мы с нею отправились к адмиралу А. В. Голенищеву. Старик был в восторге от неожиданного гостя. Тут же встретил я и познакомился с декабристом бароном Штейнгелем, с тобольским другом М. Лазаревского.

15 [мая]

Обещался быть у М. С. в 7 часов утра и проспал до 10. Хорош приятель. Ушел в Эрмитаж и работал до трех часов. Вечером пошел до Семена и не застал дома.

16 [мая]

Не умывшись, поехал к Михайлу Семеновичу, но он уже исчез. С горя зашел к Курочкину, — спит, зашел к Энгельгардту, — в ванне. Пошел к меднику, взял доску и на авось зашел к землячке Марье Степановне, — застал дома. Наболтавшись досыта, провел ее к Градовичам и пошел домой. Вечером восхищался пением милочки Гринберг; с Сошальским и Семеном в восторге заехали ужинать

к Борелю и погасили свои восторги у Адольфины. Цинизм!

17 [мая]

Из приюта Адольфины в 7 часов утра отправился к Михайлу Семеновичу, застал еще в халате. Наговорились и уговорились обежать у К. Д. Кавелина, что и исполнили в 4 часа. Вечером был у Семена и не застал дома. *Гульвиса!*

18 [мая]

Очаровательная Александра Ивановна Артемовская сегодня именинница. М. Лазаревский купил для нее роскошный букет цветов, а я отнес ей и преподнес; и я в барышах, и она не вправе сказать, что я поздравил ее с пустыми руками. И вежливо и дешево.

Отобедав у именинницы, я с Лазаревским вскоре отправились к графине Настасье Ивановне и нашли там М. С. Щепкина. Великий друг мой, по просьбе графини, прочитал монолог «Скупого рыцаря» Пушкина, «Фейерверк»^{451} и рассказ охотника из комедии Ильина. И прочитал так, что слушатели видели перед собою юношу пламенного, а не 70-летнего старика Щепкина. Гениальный актер и уди-

вительный старик. По обещанию, и я с горем пополам прочитал им свои «Неофиты». Не знаю, насколько они меня поняли, по крайней мере внимательно слушали.

19 [мая]

В 12 часов проводил моего великого друга М. С. Щепкина на Московскую железную дорогу. На Михайловском театре смотрел Садовского, в роли Расплюева^{452} («Свадьба Кречинского»). После Щепкина я не знаю лучшего комика. Самойлов далеко уступает Садовскому. Г. Снеткова 2-ая — просто кукла. Как бы хороша была в этой роли моя незабвенная Пиунова.

20 [мая]

До трех часов работал в Эрмитаже. Обедал у моих старых друзей Уваровых. Сергей Уваров, веселейший толстяк на свете, сказал следующий экспромт разносчику апельсинов:

*Напрасно, разносчик, в окно ты
глядишь
Под бременем тягостной ноши;
Напрасно ты голосом звонким
кричишь:
«Лемоны, пельцыны хороши!»*

*Не обольщай меня мечтой
Плодов привозных из чужбины:
Нет, душу, полную какой-то пу-
стотой,
Не соблазнят золотые апельсины.
Я отжил жизнь свою давно,
И все души моей желанья
Сосредоточивши в одно
Разоблаченное от счастья ожи-
данье.*

*Напрасно, разносчик, в окно ты
глядишь.*

Вечером был у Семена, и милейшая Алек-
сандра Ивановна играла лучшие места из
«Трубадура». Очаровательно играла.

*Повернувся я з Сибірі,
Та не маю долі,
Хоч, здається, не в кайданах,
Та не маю волі.*

*Слідять мене злії люди
День, час і годину,—
Прийде туга до серденька,
То ледве не згину.*

Комісари, ісправники

*За мною ганяють;
Більше вони людей били,
Чим я грошей маю.*

*Зовуть мене разбійником,
Кажуть, що вбиваю:
Я нікого не вбив іще,
Бо сам душу маю.*

*Візьму гроші в багатого,
Убогому даю,
І, так людей поділивши,
Сам гріха не маю.*

*Маю жінку, маю діток,
Однак їх не бачу;
Як згадаю про їх долю,
То гірко заплачу.*

*Треба мені в лісі жити,
Треба стерегтися...
Хоть, здається, світ широкий
Та ніде подіться.*

Сочинение этой весьма немудрой песни приписывают самому Кармелюку. Клеветают на славного лыцаря. Это рукоделье мизерного Падуры^{453}.

13 [июля]

СОН^{454}

На панщині пшеницю жала,
Втомилася. Не спочивать
Пішла в снопи, пошкандибала
Івана сина годувать.
Воно сповитеє кричало
У холодочку за снопом;
Росповила, нагодувала,
Попестила; і ніби сном,
Над сином сидя, задрімала.
І сниться їй той син Іван
І уродливий, і багатий,
Не одинокий, а жонатий
На вольній, бачиться: бо й сам
Уже не панський. А на волі,
Та на своїм веселім полі
Удвох собі пшеницю жнуть,
А діточки обід несуть...
Та й усміхнулася небога...
Прокинулась — нема нічого!
На Йвася глянула, взяла,
Його гарненько сповила,
Та, щоб дожать до ланового.
Ще копу дожинать пішла...
Остатню, може; бог pomoже,
Той сон твій справдиться.

Избранные письма и деловые бумаги [5]

1839

1. В правление Академии художеств — 3 июня^{455}

В Правление Императорской Академии Художеств Из вольноотпущенных постороннего ученика Императорской Академии Художеств Тараса Шевченки

[3 И юня 1839, С.-Петербург.]
ПОКОРНЕЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ

Получив свободу от помещика своего, вот уже год посещаю рисовальные классы Императорской Академии Художеств.

Не будучи приписан еще ни к какому званию, числясь только посторонним учеником Академии^{456}, прошу покорнейше Правление Императорской Академии Художеств в таком качестве выдать мне на свободное жительство в С.-Петербурге билет, какой по положению выдается для вольноприходящих учеников Академии. Июня 3 дня 1839 года. К

сему прошению руку приложил
Тарас Шевченко

1840

**2. В совет Академии художеств
— 10 декабря^{457}**

В Совет Императорской Академии Художеств постороннего ученика Академии Тараса Шевченко

ПРОШЕНИЕ

П Желая посвятить себя изучению живописи под руководством г. профессора К. Брюллова^{458} и с сею целью посещать художественные классы Императорской Академии и представляя при сем выданный мне от сей Академии на жительство билет и рисунки с натуры — прочих же документов никаких не имею, покорнейше прошу Совет Императорской Академии Художеств принять меня в число вольноприходящих учеников, посещающих художественные классы, причем обязываюсь ежегодно вносить следующую плату за билеты для входа в рисовальные классы и в точности исполнять все, что о вольноприхо-

дящих учениках постановлено, а равно посещать и классы наук по избранному мною роду художеств, в Академии преподаваемых; в случае же неисполнения сего, подвергаюсь строгой ответственности.

Тарас Шевченко подписался.

10 декабря 1840 года, [Петербург].

1841

З. Г. Ф. Квитке-Основьяненко^{*{459}}
— **19 февраля**^{460}

С.-Петербург, февраля, 19, 1841.

Либо проклятые почтари не довели моего письма до вас, либо вы его прочитали и рассердились на меня. Что-нибудь да есть. Пусть же, что есть, то и будет, а я-таки снова буду просить вас, чтобы вы, буде ваша милость, прислали мне девичью сорочку, хорошо сшитую, плахту, лент этак две, и все. Пришлите, будьте добры. А если прислать нельзя, то ради великого бога, и высокого неба, и широкого моря, не сердитесь на меня, хотя действительно и есть за что. Как же это ни с того ни с сего, отродясь человека в глаза не видел,

а прошу то, что надо купить за деньги и возможно еще и не за малые. Что ж мне делать!!! Нанял проклятую московку — и очень деликатную мадам — сшить мне девичью сорочку, — никак в толк не возьмет, хоть кол на голове теши, она — свое. Что тут делать! Попросил бы отца, мать, чтобы прислали, да вот, где их взять,

*І на Україні
Я сирота, мій голубе,
Як і на чужині.*^{461}

Только и родни, что вы одни... Не оставьте же, любите меня, как я вас люблю, ни разу вас не видел. Вас не видел, а вашу душу, ваше сердце так вижу, как никто на всем свете. — Ваша *Маруся*^{462} так мне вас рассказала, что я вас насквозь знаю. Ей-ей, правда, частенько сижу себе один в чужом доме и думаю: гора с горой не сходится, а человек с человеком столкнется. Вот как бы благословил милосердный бог нам с вами встретиться. Вот бы поговорили! ух, даже в жар бросило!! Конечно, если не умрем, то дождемся, хоть и не скоро, черт его дери, а когда-нибудь будет. Я, не

вам будь сказано, пустился в живопись. Малость позднеенько, а если, говорят, взялся, ве-зи до конца. Не хочется, чтоб москали осмея-ли. Ради этого самого я Академию не раньше оставлю, чем через два года. Через два года, может, прочтете в каком-нибудь журнале, что какой-то Шевченко нарисовал картину очень удачно, и за такое рисование Академия его (меня то-есть) посылает в Италию, в са-мый Рим. Весело, батьку, очень весело! Тогда запрягу лошадей — и прямехонько в Харьков. А пока это будет... я этим летом должен напи-сать для Академии картину^{463}, как наша чор-нобровая дивчина молится богу, ложась спать. Так вот, видите, голубе, все есть, и мо-дель, или — по-здешнему — натурщица, и все, что надо для художника, а одежи нет. Да и где ее здесь взять? Кругом москали да нем-цы, ни одной души крещеной. Просил бы ко-го-нибудь прислать с Украины, так, ей-богу, кроме вас не знаю никого, пришлите, будьте добры. Только сорочку, плахту и лент этак две, а я вам за то нарисую какую смогу карти-ну, конечно, нашу или *Марусю*, или *сердеч-ную Оксану* (ее уже печатают), или панну

*Сотник*ивну, как она, богобоязливая, сидя у окна, орать шьет, нарисую, ей-богу, нарисую. И очень буду благодарить. Написал бы вам еще что-нибудь, да нет бумаги, и перо испортилось. Любите и вы меня, как я вас люблю, хотя бы наполовину так, коли есть за что. А ежели будет у вас время написать мне что-нибудь, то адрес мой таков: в Императорской Академии Художеств — разумеется, в С.-Петербурге. На квартире профессора Карла Брюллова — ученику Т. Шевченку.

4. Г. Ф. Квитке-Основьяненко*
— 8 декабря^[464]

С.-Петербург, 8 декабря 1841.

Извините, батюку, что нашлось, то и посылаю^[465], а *Ганнусю* сегодня на скорую руку сочинил, а и сам не знаю, удачно ли, нет. Поглядите вы на нее хорошенечко да и скажите чистую правду, если увидите, что она не вполне пристойна (а она мне такой кажется), то не отдавайте печатать. Пусть идет туда, откуда взялась. Еще посылаю вам кацапские стихи своей работы^[466]. Ежели есть удачное — печатайте, а ежели нет — разожгите трубку,

коли трубку курите. Это, видите, песня из моей драмы «Невеста», которую я писал для вас, трагедия «Никита Гайдай». Я переделал ее в драму. Я еще одну драму пишу^{467}. Будет называться «Слепая красавица». Не знаю, что из нее будет, боюсь, чтоб не сказали москали *mouvais sujet*, ибо она, видите ли, из украинского простого быта. Ну их — москалей! Посылаю вам билеты на «Гайдамаков»^{468}, раздайте, будьте добры, как умеете, они уже напечатаны. Да... ей-богу, стыдно сказать, не на что выкупить из типографии. Рисую вашу панну *Сотникивну*^{469}. Хотел кончить до рождества, да и не знаю, потому тут теперь ни день, ни ночь, так, черт знает что. Проснешься утром, только примешься рисовать, глядь, уже и ночь. Такая напасть. Только кисти моешь, больше ничего. Спасибо вам и пану Артемовскому^{470} за доброе слово. И спасибо всем, кто пишет по-нашему или о нашем. Кланяйтесь им, кого знаете и кто слыхал обо мне. Оставайтесь здоровы, не забывайте, а вас никогда не забудет

Т. Шевченко.

1842

5. А. А. Корсуну^{*{471}}
— 11–12 января^{472}

[11–12 января 1842, С.-Петербург.]

МАРЬЯНА-ЧЕРНИЦА (Поэма)[6]

Вот так начинается моя «Черница», а что дальше будет, я и сам не знаю. Кажется, и трубки не курю, а клочки бумаги, на которых была написана «Черница», затерялись, надо будет сочинять наново. А пока что будет, напечатайте хоть то, что имею, только печатайте своею грамматикой, она мне очень полюбилась.

Т. Шевченко

6. Г. С. Тарновскому^{**{473}}
— 26 марта^{474}

С.-Петербург, 1842, марта, 26.

Григорий Степанович!

Я думаю, вы меня хорошенько побранили за «Гайдамаков». Было мне с ними горя^{475}, насилу выпустил цензурный комитет, возмутительно, да и кончено, насилу кое-как я их

уверил, что я не бунтовщик. Теперь спешу разослать, чтобы не спохватились. Посылаю вам три экземпляра^{476}, один возьмите себе, другой отдайте Николаю Андреевичу maestro Маркевичу, третий Виктору Забиле на заочное знакомство. По вашему реестру я поручил И. М. Корбе раздать экземпляры. Прощайте, желаю вам встретить весну весело. А у нас еще зима. Ваш покорный слуга

Т. Шевченко

Р. С. Чуть-чуть не забыл. Я слышал, что у вас есть молоденькие дивчата. Не давайте им, будьте добры, и не показывайте моих «Гайдамаков», ведь там много такого, чего сам стыжусь. Пусть малость подождут, я им пришлю «Черницу Марьяну» — к пасхе думаю напечатать. Это уже будет *не возмутительное*.

Еще раз Р. С. Поправляйте, будьте добры, сами грамматику, а то так скверно держана корректура, что ну ее!

7. Г. Ф. Квитке-Основьяненко*
— 28 марта^{477}

С.-Петербург, 28 марта 1842 г.

«Напечатал, чтоб он лопнул», — вот так скажете вы, когда начнете читать моих «Гайдамаков»; а что скажете, прочитав, — не знаю. Не браните очень, если найдете что-либо неудачное, ибо написано и напечатано как попало; да я еще и до сих пор не знаю, получили ли вы мою «Утопленницу», посланную вам через Корсуна, и билеты на «Гайдамаков». Ежели у вас есть подписчики, напишите мне поскорей, потому что у меня только сто экземпляров осталось. Да ежели б вы не поленились прислать мне свои сочинения, хоть полэкземпляра, так, на память, то большое спасибо вам сказал бы.

Т. Шевченко.

Поцелуйте милого Гулака-Артемовского и отдайте ему книгу, а другую, не целуя, отдайте Корсуну.

8. Ф. Н. Королеву^{478}

— 22 мая^{479}

СПБ, 22 мая 1842.

Спасибо тебе, добрый человек, за ласковое слово, за деньги и за «Старину Запорожскую»^{480}, спасибо и только спасибо, а больше

ничего не имею. Прими, не гневаясь, «Гайдамаков», а за «Кобзарь» — извини. Нет ни одного. Напечатаю снова, пришлю не один экземпляр, с благодарностью шлю вам шесть экземпляров «Гайдамаков», и седьмой — вам на память; не забывайте меня, если есть чем меня помянуть. Лежу вот пятые сутки и читаю «Старину», хорошая книга, спасибо вам и Срезневскому. Я думаю кое-что из нее сделать, ежели здоров буду, там много такого, от чего даже облизываешься, спасибо вам. Напиши, будь добр, земляче, когда будет время, как там у вас, в Харькове, встретили моих «Гайдамаков», бранят или нет, напиши всю правду, и за всю правду скажет от всего сердца спасибо

Т. Шевченко.

9. Ф. Н. Королеву*
— 18 ноября^[481]

Ноября, 18, 1842, [Петербург].

Спасибо тебе, голубчик, что хоть ты меня не забываешь: прочитал я твое ласковое письмо только позавчера, т. к. позавчера вернулся в Петербург. Меня носил проклятуций паро-

ход^{482} в Швецию и Данию. Плывя в Стокгольм, я сочинил «Гамалию»^{483}, небольшую поэму, да так расхворался, что едва привезли меня в Ревель, там малость отошел. Приехал в это проклятое болото, да и не знаю, выкарабкаюсь ли. Хотя врач и говорит, что ничего, однако покачивает головою и даже печально смотрит. Сегодня вот малость легче стало, можно хоть перо в руках держать. А как не хочется оставлять землю, хотя она и мерзкая. А придется, хотя и рановато еще. Молю только милосердного бога, чтоб помог мне весны дожждаться, чтобы хоть умереть на Украине. Заставила меня нужда^{484} продать свои сочинения все — и печатные и не печатные. Увидите Корсуна, скажите ему, что «Марьяна» продана; если печатает он теперь, — пусть, а если нет, чтоб и не начинал, т. к. с первых чисел декабря купивший начинает печатать. Хоть бы бог привел поглядеть на свои слезы, воедино собранные. Кланяйтесь старому Грицьку^{485}, при встрече, и Петру Гулаку.

Скажите Грицьку, что я нарисовал его панну *Сотникивну*, ну, и, может, на этой неделе пошлю ему, как буду в состоянии письмо на-

писать. Не забывайте меня, будьте добры, напишите, если будет время, скоренько мне, т. к. уже около полугода ничего не слышно с родной моей Украины, может уж никогда и не услышу. Проклятое море, что оно со мной сделало! Будьте здоровы, не забывайте меня.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

Поклонитесь, будьте добры, Метлинскому ^{486}, спаси его бог за его «Думки і ще дещо», — только и утешения, что в них.

1843

10. Г. С. Тарновскому*
— 25 января^{487}

С.-Петербург, 25 января 1843.

Спасибо вам, Григорий Степанович, что вы меня не забываете, еще раз спасибо. А я уж думал, что от меня все отказались, а вижу — нет, есть еще на свете хоть один настоящий человек. Слыхал я, что вы болели, но думал, что это только так, по-пански. Но как рассказал мне Дараган, я даже испугался. Слава гос-поду, что прошло, ну его, лучше и не вспоминать. А вот что: жаль, что вы этой зимой не

приехали, у нас была выставка в Академии^{488}, и очень хорошая. А теперь через день дают «Руслана и Людмилу»^{489}. Ну и опера! Особенно когда Артемовский поет *Руслана*, даже затылок почешешь, ей-ей, правда! Замечательный певец — ничего не скажешь. Вот вам и все, что тут делается. Василий Иванович вернулся из Италии^{490} еще толще, чем был, и еще умнее и добрее, благодарит вас и кланяется. Карл Павлович баклуши бьет^{491} себе на здоровье, а «Осада Пскова» ждет лета. Михайлов кончил вашу картину хорошо^{492}. Штернберг пишет мне^{493}, что он болел, но сейчас здоров и вам кланяется, думая, что вы в Петербурге. А я... черт знает что, не то работаю, не то прохлаждаюсь. Брожу по этому чертовому болоту и вспоминаю нашу Украину. Ох, если б мне можно было приехать к соловью, весело было б, но не знаю, — попал я в руки проклятым кацапам и не знаю, как от них избавлюсь. Да уж как-нибудь вырвусь хоть после пасхи и прямехонько к вам, а потом уж дальше. Еще вот что, написал я этим летом две картины и спрятал, думал, что вы приедете, потому что картины, видите, — наши, и я их кацапам не

показывал. Однако Скобелев-таки пронюхал ^{494}и одну выпросил, а другая еще у меня; чтобы и эта не пошла путешествовать с каким-нибудь москалем (ведь это, видите, моя *Катерина*), то я думаю послать ее вам, а что она будет стоять, это уже ваше дело, хоть кусок сала — и то хорошо на чужбине. Я нарисовал *Катерину* в то время, когда она попросилась со своим военным и возвращается в деревню; на выгоне у шалаша старик сидит, ложечки строгают и печально глядит на Катерину, а она — горемычная — едва не плачет да подымает красный передник, потому что уже, знаете, малость... того... а военный скачет за своими, только пыль ложится; еще собачка плохонькая догоняет его и будто лает. С одной стороны курган, на кургане ветряк, а там уже степь чуть виднеется. Вот такая моя картина.

Если понравится, хорошо, а нет, так на чердак, пока я не приеду, а уж как приеду, то не выгоняйте месяц-другой, — у меня ведь и на Украине, кроме как у вас, нет пристанища, а я вам еще что-нибудь нарисую. Спасибо вам и за доброе слово про детей моих *Гайдамаков*.

Пустил я их в люди, а до сих пор еще никто и спасибо не сказал. Может, и [у вас] над ними смеются, как здесь москали, называющие меня энтузиастом, сиречь дураком. Бог им простит, пусть я буду и мужицкий поэт, лишь бы — поэт, мне больше ничего и не надо. Пусть собака лает, ветер разнесет. Вы, спасибо вам, боитесь мне рассказывать про людей — ну их, попробовал уж я этого меду, чтоб он скис.

Видел я вчера вашего хлопца рисунки, хорошо, очень хорошо, только надо б ему другого наставника, а то он только яблоки да огурцы рисует, а это такое, чем сердце не накормишь. А из него был бы добрый художник, ведь он хлопец хваткий. Обещанное пришлю ⁽⁴⁹⁵⁾вашим дивчатам к пасхе, а может, и раньше, если управлюсь. Только не то, о чем вам писал, а другое, — по-русски написанное. Чтоб не говорили русские, что я их языка не знаю. Будьте здоровы, пусть вам сопутствует все доброе, и не забывайте искреннего вашего

Т. Шевченка.

11. Обязательство в связи с продажей «Кобзаря» и «Гайдамаков» И. Т.

Лисенкову
— 8 февраля^{496}

С.-Петербург, 1843 года, февраля, 8 дня.

Я, нижеподписавшийся, продал в вечное и потомственное владение мои собственные сочинения с. — петербургскому книгопродавцу Ивану Тимофееву Лисенкову^{497} — стихотворения на малороссийском языке: 1) «Кобзарь» и 2) «Гайдамаки» и сим обязываюсь, что кроме книгопродавца Лисенкова ни я сам, Шевченко, ни даже никто из моих наследников сего сочинения печатать права не имеет. Следующие за это деньги сполна получил; ежели же оные сочинения без ведома его, Лисенкова, напечатаю, то обязан заплатить ему, Лисенкову, тысячу пятьсот рублей серебром неустойки, в чем и свидетельствую собственноручною подписью.

Т. Шевченко

Свидетелем был В. Семенов-Крамаревский.

12. П. А. Корсакову^{498}
— между 8 и 27 февраля^{499}

[Между 8 и 27 февраля 1843 г., Петер-

бург]

Петр Александрович! Потрудитесь подписать на «Кобзаре» позволение для второго издания. Преданный вам

Т. Шевченко

13. Я. Г. Кухаренко^{500}

— конец февраля^{501}

[Конец февраля 1843, Петербург.]

Атамане! Жаль, что у тебя руки не так длинные, чтоб достать до моей чупрыны, а кстати было б. Если б некогда или захворал, или еще что-нибудь такое, тогда б еще ничего, а то все так, как надо, да ленив, не вам будь сказано, хоть и стыдно, да что поделаешь — такой уж уродился. Теперь начну: первое, если будете вы мне рассказывать о варениках и прочем, то я вас так обругаю, как отца родного никогда не ругал. Потому что проклятущее это кушанье, о котором вы рассказывали, недели этак три снилось. Только глаза закрою, вареник так, так тебе и лезет в глаза, перекрестишься, закроешь глаза, а он снова. Хоть *Да воскреснет* читай, такая напасть. А второе, почему вы мне не присылаете ко-

стюма⁽⁵⁰²⁾ для Головатого. Ваш кошевой, кажется, здесь, но я его не видел. Я вот что думаю: вместо того, чтобы рисовать Головатого для вас одного, я лучше сделаю литографию — 200 экземпляров, и тогда только, когда будут у меня деньги, потому что это такое дело, что без денег не сделаешь. А если хотите, чтоб поскорей, то вы спросите у своих, много ли их найдется таких, что хотят иметь у себя Головатого. Я сделаю рисунок и пошлю в Париж литографировать, ведь здесь не сделают так, как надо. А стоить это будет 1000 руб. ассигнациями, а это, видите, деньги немалые не только для нашего брата горемычного.

Так я и думаю, чтобы это всей тяжестью не легло на меня, сделайте вы подписку на сто человек или насколько знаете. Если все, о чем говорю, сделать можно, то вы напишите мне и пришлите одёжу, а я вам пришлю эскиз. Я думаю [Головатого] нарисовать печального, стоящего у Зимнего дворца, сзади Нева, а за Невою крепость, где мучился Павло Полуботок. Подумайте сами, как это лучше сделать, ведь мне и самому очень хочется кликнуть на свет Головатого; на Украину я не надеюсь,

там нет людей, немцы проклятые, больше никого. «Черноморский быт» вышел из цензуры^{503} как следует. Театральный цензор сказал, что ему не надо подписывать печатное. Я в марте месяце еду за границу^{504}, а в Малороссию не поеду, ну ее, — там, кроме плача, ничего не услышу. Так вы и напишите, что мне делать с «Черноморским бытом». Сочинил еще я маленькую поэму «Гамалия»; печатают в Варшаве. Когда напечатают, пришлю. И «Назара Стодолю»^{505} — драма в трех актах. По-русски. Будет на театре после пасхи. Хтодонт умер в Киеве^{506}. У Гулака вчера был концерт^{507}, и он вам кланяется. Элькан щебечет на всех языках^{508}, как и прежде, тоже кланяется. Семененко женился. Кондрат рисует^{509}, да вспоминает вас. А я прохлаждаюсь себе на беду. Будьте здоровы.

Т. Шевченко

14. В. Н. Репниной^{510}

— конец ноября^{511}

[Конец ноября 1843, Яготин.]

...**Я** как мастер, выученный не горем, а чем-то страшнее, рассказываю себя

людям, но рассказать вам то чувство, которым я теперь живу, все мое горе-мастерство бессильно и ничтожно. Я страдал, открывался людям, как братьям, и молил униженно одной хотя холодной слезы за море слез кровавых, и никто не капнул ни одной целебной росинки в запекшиеся уста. Я застонал, как в кольцах удава; «он очень хорошо стонет», сказали они —

И свет погас в душе разбитой!

О бедный я и малодушный человек! Девушка, простая девушка (камни бы застонали и кровью потекли, когда бы они услышали вопль этой простой девушки); но она молчит, гордо молчит, а я, о господи! удесятери мои муки, но не отнимай надежды на часы и слезы, которые ты мне ниспослал чрез своего ангела! о добрый ангел! молюсь и плачу перед тобою, ты утвердил во мне веру в существование святых на земле!

15. В. И. Григоровичу
— 28 декабря^[512]

28 декабря [1843 г.], Яготин.

Отец мой родной, посоветуй, как сыну, что мне делать? Остаться ли до поры, или ехать к вам. Я как-то не очень стараюсь в Академии, а в чужих краях хочется быть. Я теперь зарабатываю деньги (даже странно, что они мне идут в руки), а, заработав, думаю удрать, как Аполлон Николаевич⁽⁵¹³⁾. Думаю, что так лучше, а может, и сшибаюсь. Посоветуйте, будьте добры! Как раз в сочельник был я в Пирятине у старой матери вашей, отец мой. Рада, очень рада была старушка, спасибо ей. Трижды заставила меня прочитать вслух письмо, что вы писали о Ванечке. Ей-богу, и я заплакал, хоть я и не очень слезоточивый. Отец мой! Пишите старой почаще, она ведь перечитывает каждое ваше письмо, пока не получит другого. И это — вся ее радость. Плача, жалуется на младшего сына, что он к ней не едет. Перекрестила меня, благословила, я пошел к брату вашему через улицу завтракать, взяв у старушки цветы эти. На удивление и на радость вам посылаю, отец мой!

С сентября я не виделся с Григорием Степановичем, а увижусь скоро. Я тогда просил у вас *вида*⁽⁵¹⁴⁾, и как вы его прислали, так я его

еще и не видел. А теперь вот о чем прошу. Ежели увидите, что мне надо вернуться к вам, то будьте добры, пришлите еще на два месяца; а если мне не надо возвращаться в Академию^{515}, хоть мне и очень хочется, то пришлите, отец мой, *бессрочный аттестат* на имя Григория Степановича. Страшно глядеть мне на грядущее, — оно дурное. А теперь мне хорошо, очень хорошо. Посоветуйте, что мне делать. Если не соберу денег, чтобы поехать за границу, то соберу столько, чтобы приехать в Академию, ведь, ей-богу, хочется учиться.

Много, много надо б мне написать вам, да некогда, уже садятся, а я дописываю. Пусть вам бог пошлет то, чего вы сами себе просите.

Искренний сын ваш *Т. Шевченко*

На обороте: В Яготин местечко, Пирятинского уезда, Варваре Николаевне княжне Репниной, писать мне.

1844

**16. С. О. Бурачеку*^{516} — между 22 и 24 (?)
марта**

[Между 22 и 24 (?) марта 1844, Петербург.]

Дайте мне, будьте добры, если есть у вас дома, «Историю» Маркевича^{517}. Я нездоров, не выхожу, а нечего читать. А если нет «Истории», дайте «Маяк», — я его еще и в глаза не видел с Нового года.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

**17. С. О. Бурачеку*
— между 29 и 31 марта**

[Между 29 и 31 марта 1844, Петербург.]

Христос воскрес!
Спасибо вам за этот «Молодик». Если есть у вас еще последние книги этого «Молодика», то дайте, будьте добры, прочтения ради. Кроме малороссийского, этот имею, да еще коли есть лишний новый «Маяк», тоже дайте. Да [дайте еще], коли готова корректура

^{518} «Маяка», и все. Будьте здоровы. Я что-то прихварываю. А, может, вечером зайду, если немного легче станет.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

На обороте: Его высокоородию Степану Онисимовичу Бурачеку. В 14 линии, в доме Мальгиной.

18. О. М. Бодянскому^{519}

— **29 июня**^{520}

29 июня 1844 [Петербург].

Рассердились ли вы на меня, нелегкая вас знает, — уже второй месяц жду от вас известия хотя бы какого-нибудь, — нет, да и только. Получили ли вы «Тризну» и «Гамалию», или нет, и как там у вас их встретили, скажите мне, будьте добры? Я рисую теперь Украину^{521} и для истории прошу вашей помощи. Я, кажется, тогда вам рассказывал, как я думаю это сделать. Видите, вот как: нарисую виды, какие есть на Украине своей историей или красотой примечательные, во-вторых — как теперь народ живет, в-третьих — как он когда-то жил и что производил. Из теперешнего быта посылаю вам одну картину для грави-

ровки, а еще три будут готовы в августе, а в год будет выходить десять с текстом, а текст исторический будете вы сочинять, ведь надо, видите, по-нашему или так, как в летописях. А вы, если что-нибудь начнете о таком, что можно нарисовать, то сейчас же мне и расскажите, а я нарисую. Будкова и Стороженко я по этому же поводу беспокою^{522}, а Грабовский будет мне польскую^{523} часть издавать, а Кулиш будет писать текст^{524} для народного теперешнего быта. Так вот какую я замесил саламату, если б только добрые люди помогли домесить, а потом и съесть. Будьте здоровы, пишите скорей, бранить буду.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

19. В общество поощрения художников — август^{525}

*В Общество Поощрения Художников
от ученика Императорской Академии
Художеств
Тараса Шевченка*

[**А**вгуст 1844, Петербург.]

ПРОШЕНИЕ

Будучи покровительствуемый Обществом

поощрения художников в продолжение нескольких лет, и средствами которого, по мере моих способностей, образования в избранном мною художестве, и получивший за первый опыт в живописи лестное для меня одобрение, решился вторично прибегнуть с покорнейшею моею просьбою.

В пределах моей родины Южной России уцелели до сего времени многие следы вековых потрясений, испытанных некогда этим краем в непрерывной борьбе за веру и независимость с иноплеменными хищными соседями. Там в памяти народной живы еще бесчисленные поэтические предания старины, свидетельствующие о доблестных подвигах предков; там разнообразные красоты природы или особенность местных нравов и обычаев, издревле перешедших к потомкам, на каждом почти шагу останавливают внимание. Желая более сделать известными достопримечательности родины моей, богатой воспоминаниями историческими и резко отличающимся от других народным бытом настоящего времени, я предпринял издание, названное мною *Живописная Украина*^[526], кото-

рое разделяю на три следующие части: 1-ое: Виды, примечательные по красоте или историческим воспоминаниям. — 2-ое: Народный быт настоящего времени. — 3-е: Исторические события. — Издание будет выходить отдельными выпусками в количестве 12-ти эстампов ежегодно. Три эстампа, по возможности конченные, представляю на благоусмотрение общества, и ежели удостоюсь благоклонного внимания и одобрения, то, не имея собственных средств для расходов, в таком случае неизбежных, беру смелость просить о помощи в предпринятом мною деле. И почту себя счастливым, ежели общество благоволит мне дать возможность отпечатать первые два выпуска, состоящие из шести эстампов, в количестве 600 экземпляров, и соизволит принять от меня 100 или более экземпляров моего издания.

Императорской Академии Художеств
вольноприходящий ученик *Тарас Шевченко*

20. Н. А. Цертелеву^{527}
— **23 сентября**^{528}

Князь мой сиятельный!

Если б господь помог мне докончить то, что я теперь начал, тогда сложил бы я руки, да и — в могилу. Достаточно было б с меня: не забыла б Украина меня ничтожного. Да вот начать-то я начал, а уж кончу не знаю как, потому что без людей и денег не смогу ничего! Да, кажется, еще никто ничего не сделал без общества. На то они люди, на то они — деньги. Будьте добры, помогайте мне, у вас и сила, и слава, и любите вы ту землю, которую я теперь начал рисовать. Вот как я ее рисую. Во-первых, виды, историей или красотой примечательные, во-вторых, народный быт современный, в-третьих, историю, все то, что делалось на нашей Украине когда-то. Теперь уже три картины готовы и еще три выйдут к Новому году. Посылаю вам эти три и очень прошу — наберите мне подписчиков в Харькове, если вам бог поможет, и шлите мне с деньгами за билетами и картинами. За шесть картин — три рубля. Спасибо, сиятельный наш генерал-губернатор⁵²⁹ взялся мне помогать. Да еще, если ваша милость и другие добрые люди сделают складчину и помогут, то-

гда оживет наша родина хотя бы на бумаге. Шлю вам эти три картины и билет на образец, а вы, если там соберете, то шлите мне в С.-Петербург, в Академию Художеств, на имя Тараса Григорьевича Шевченка. В будущем году, коль доживем, даст бог, увидимся, — я буду в вашем Харькове. А пока примите милостиво мою просьбу и не осудите искренно почитающего вас

Тараса Шевченка.

С.-Петербург, 1844, сентября, 23.

21. С. Н. Муханову^{530}

— 25 сентября^{531}

Ваше превосходительство милостивый государь Сергей Николаевич!

Во время пребывания моего в Малороссии я нарисовал много этюдов с натуры. И теперь предпринял издать под названием *Живописная Украина*. В состав издания входят предметы следующие: 1-е — виды, 2-е — народный быт и 3-е — история. Его сиятельство князь Николай Андреевич Долгоруков принял живое участие в моем деле. Ободренный его вниманием, я осмеливаюсь утруждать ваше превосходительство как начальника вверенной

вам губернии представить труд мой почтенным землякам моим, труд, для которого крайне искреннее мое желание издать как нельзя лучше, недостает собственных моих средств для расходов, в таком случае неизбежных. Лишу себя надеждою, что ваше превосходительство удостоите внимания мою просьбу и влиянием вашим дадите возможность осуществить цель моего предприятия.

Первый выпуск уже готов и при сем имею честь поднести вашему превосходительству. Второй выйдет в конце декабря текущего года. Цена за 6-ть картин, на меди гравированных, 3-й рубля серебром. Требование ваше благоволите адресовать в канцелярию его сиятельства военного генерал-губернатора Черниговского, Полтавского и Харьковского или в С.-Петербург в Императорскую Академию Художеств на имя Тараса Григорьевича Шевченка.

Имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга

Т. Шевченко

1844, сентября, 25, С.-Петербург.

1845

**22. В совет академии художеств
— 22 марта^{532}**

22 марта 1845 г. [Петербург].

В Совет Императорской Академии Художеств ученика г. профессора К. П. Брюллова Тараса Шевченко

ПРОШЕНИЕ

Обучаясь живописи исторической под руководством г. профессора К. П. Брюллова и желая получить звание художника, почему представляю при сем свои работы, прошу удостоить меня просимого звания^{533}.

Тарас Шевченко

**23. В правление академии художеств
— 22 марта^{534}**

Марта, 22 дня, 1845 года [Петербург]

В Правление Императорской Академии Художеств вольноприходящего ученика Потапа[7] Шевченко

ПРОШЕНИЕ

Имея надобность по художественным мо-

им занятиям ехать в Малороссию, всепокорнейше прошу Правление Академии о выдаче мне билета на проезд^{535} как туда, так и обратно, равно и на беспрепятственное на месте пребывания жительство.

Т. Шевченко

24. А. Г. и Н. А. Родзянко^{536}

— 23 октября^{537}

Добрые мои Аркадий Гаврилович и Надежда Акимовна!

Как я теперь раскаиваюсь, что оставил ваши места. С того времени, как приехал я в Миргород, ни разу еще не выходил из комнаты, и ко всему этому еще нечего читать. Если бы не библия, то можно бы с ума сойти. Я страшно простудился, едуци с Хорола, и верите ли, что знаменитый Миргород не имеет ни врача, ни аптеки, а больница градская красуется на главной улице; в отношении Миргорода Гоголь немножко прав, странно только, что такой наблюдательный глаз не заметил одной весьма интересной строфы. Чиновники, оконча дневное служение в судах земском и уездном, отправляются компанией за десять верст на вольную (то есть на вольную

продажу водки) и, выпив по осьмушке, возвращаются по домам обедать. Не правда ли, это оригинально? Много бы я дал хоть за один час беседы с вами, но, увы, настали дни, дни испытаний. Попробовал было стихи писать, но такая дрянь полезла с пера, что совестно в руки взять... Дочитываю библию, а там... а там... опять начну. На скорое выздоровление не надеюсь. В той комнате, из которой я бежал, на полке забыл я тетрадь, ту самую, что давал Мечеславу Вячеславичу^{538}, то и прошу вручителю сего вручить оную, оно хоть дело и неважное, но все-таки нужное. Коли увидите Фанни Ивановну и Осипа Ивановича^{539}, то пожелай[те] им от меня того, чего они сами себе желают. Писал я в Киев к тому художнику, о котором я вам говорил, но не получил еще ответа. Как только получу, то немедля сообщу вам. Прощайте, целую весь дом ваш. Аминь.

Искренно желающий вам всех благ *Т. Шевченко*

1845, октября, 23 [Миргород].

На обороте:

Его высокоблагородию Аркадию Гаврило-

вичу Родзянко. В селе Весёлом Подоле.

1846

**25. В канцелярию Черниговского,
Полтавского и Харьковского генерал-
губернатора
— 13 ноября^{540}**

Канцелярии Черниговского, Полтавского и Харьковского генерал-губернатора

Имею честь уведомить о постоянном моем местопребывании в г. Киеве и прошу покорнейше адресовать требования на издаваемые мною эстампы под названием *Живописная Украина* в город Киев, в Киевскую археографическую комиссию, на мое имя.

Имею честь быть покорнейший слуга Т.
Шевченко

Киев, 1846 года, ноября, 13.

**26. А. С. Траскину^{541}
— 27 ноября^{542}**

*Его превосходительству
господину попечителю Киевского Учеб-
ного Округа,
свиты его императорского величества
генералу-майору Траскину*

*От художника Академии
Тараса Григорьева сына Шевченка*

ПРОШЕНИЕ

Окончив курс учения в Императорской Академии Художеств в классе профессора истории Карла Брюллова и посвятив Себя преимущественно изучению художественной стороны нашего отечества, я бы желал употребить приобретенные мною в искусстве сведения на образование в оном молодых людей по тем самым началам, какие я усвоил себе под руководством знаменитого моего учителя. А потому осмеливаюсь всепокорнейше просить ваше превосходительство определить меня на открывшуюся вакансию^{543} учителем рисованья в Университете св. Владимира, где я, кроме преподавания живописи, обязываюсь исполнить безвозмездно все поручения начальства по части литографирования в состоящем при Университете литографическом заведении. При сем имею честь представить аттестат Императорской Академии Художеств.

*Художник Т. Шевченко
27 ноября 1846. [Киев].*

27. Д. Г. Бибикову^{544} — 10 декабря^{545}

Ваше высокопревосходительство
милостивый государь
Дмитрий Гаврилович!

Окончив воспитание в С.-Петербургской Академии Художеств, в которой я был одним из первых учеников профессора Карла Брюллова, я по прибытии в Киев принял на себя сотрудничество в Киевской археографической комиссии, поручения которой исполняю в течение года.

Ныне, по случаю открытия вакансии учителя живописи в Киевском университете, я вступил с прошением к г. попечителю Киевского Учебного Округа об определении меня в эту должность; но как с тем вместе я желаю оставаться сотрудником Археографической комиссии^{546}, то, дабы со стороны ея не могло встретиться препятствия, я, по состоянию комиссии под высоким начальством вашего высокопревосходительства, имею честь всепочтительнейше испрашивать вашего благосклонного разрешения и содействия к определению меня на вакансию учителя рисования в Университете св. Владимира.

Художник Т. Шевченко
10-го декабря 1846 года [Киев].

1847

28. Н. И. Костомарову^{547}
— 1 февраля *

Борзна [1 февраля 1847].

Друже мой великий Микола!

Я вот и до сих пор в Борзне и не делаю ничегошеньки, лежу себе и все. В Киев, страх, ехать не хочется, а надо. Будьте добры, потрудитесь спросить в университете (хоть у Глушановского, он все дела знает), утвержден ли я в университете^{548}, или нет, да и напишите мне в славный город Борзну на имя Виктора Николаевича Забилы^{549} с передачею мне. Да еще вот что, пошлите Хому к моему товарищу, пусть он возьмет у него портфель, ящик или сундучок с красками и Шекспира, да еще и брыли, и все сие сохраните у себя, так как товарищ мой хочет уехать из Киева.

Увидите Юзефовича, поклонитесь от меня^{550}. О братстве не пишу^{551}, нечего писать. Как сойдемся, так и поплачем. Кулиш блажен-

ствуует⁽⁵⁵²⁾, а Василь Билозер уехал в Полтаву отказываться от учительства. А мне и вокруг меня — ни плохо, ни хорошо.

Подвизаюсь помаленьку касательно чарочек и т. д. Если бы бог дал мне устроиться в университете, очень хорошо было б, напишите, будьте добры, если что доброе услышите. Свои произведения с деньгами либо сам привезу, либо пришлю из Чернигова. Оставайтесь здоровы. Не забывайте же искреннего брата

Т. Шевченко

29. И. И. Фундуклею⁽⁵⁵³⁾

— 16 июля⁽⁵⁵⁴⁾

Ваше превосходительство!
Оставленные вами у себя мои вещи прошу вас покорнейше велеть переслать мне, через почту, в Оренбургскую губернию, в крепость Орскую, на имя Тараса Григорьева Шевченка или передайте моему приятелю, сотруднику Археографической комиссии Алексею Сенчилу⁽⁵⁵⁵⁾ для отправки ко мне. В портфели между рисунками есть оригинальный рисунок известного французского живописца Вато. Ежели угодно будет вашему превосходитель-

тельству приобрести его, то я охотно уступаю за цену, какую вы назначите. Предложил бы вам виды Киева, но они не окончены, а во вторых, хотя неясно, они мне будут здесь напоминать наш прекрасный Киев.

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

Т. Шевченко

Крепость Орская,

1847,

июля, 16.

30. А. И. Лизогубу^{556}

— 22 октября*^{557}

Крепость Орская, 22 октября 1847.

Благодетель и друг.

На другой день после того, как я от вас уехал, меня арестовали в Киеве, на десятый — посадили в каземат в Петербурге, а через три месяца я очутился в Орской крепости в солдатской серой шинели, — не чудо ли, скажете! Тем не менее, оно так. И я теперь вылитый солдат, которого нарисовал Кузьма Трохимович^{558} пану, увлекавшемуся огородами. Вот вам и кобзарь! Захватил денежки^{559}, да и ай-

да за Урал к киргизам веселиться. Веселюсь — чтобы никому не довелось так веселиться, да что делать! Надо клониться, куда клонит судьба. Еще слава богу, что мне удалось укрепить сердце так... что муштруюсь себе и все. Жаль, что я не оставил тогда у вас рисунок киевского сада, ведь он и все, бывшие при мне, пропали у И. И. Фундукля. А теперь мне строжайше запрещено рисовать и писать (кроме писем), тоска да и только; читать — хоть бы смеха ради — одна буква, и той нет. Брожу над Уралом и... нет, не плачу, а нечто худшее творится со мной. Отошлите, будьте добры, мое письмо и адрес мой княжне Варваре Николаевне, а адрес вот какой: в город Оренбург, в Пограничную комиссию, его благородию Федору Матвеевичу Лазаревскому, с передачей. А этот добрый земляк уже будет знать, где меня найти. Будьте здоровы, низко кланяюсь Илье Ивановичу^{560} и всему дому вашему, не забывайте бесталанного Т. Шевченка. Поклонитесь, как увидите, от меня Кейкуатовым^{561}.

31. В. Н. Репниной
— 24 октября^{562}

Крепость Орская, 24 окт[ября] 1847.

По ходатайству вашему, добрая моя Варвара Николаевна, я был определен в Киевский университет, и в тот самый день, когда пришло определение, меня арестовали и отвезли в Петербург 22 апреля^{563} (день для меня чрезвычайно памятный), а 30 мая мне прочитали конфирмацию, и я был уже не учитель Киевского университета, а рядовой солдат Оренбургского линейного гарнизона!

*О, как неверны наши блага,
Как мы подвержены судьбе.*^{564}

И теперь прозябаю в киргизской степи, в бедной Орской крепости. Вы непременно рассмеялись бы, если б увидели теперь меня. Вообразите себе самого неуклюжего гарнизонного солдата, растрепанного, небритого, с чудовищными усами, — и это буду я. Смешно, а слезы катятся. Что делать, так угодно богу. Видно, я мало терпел в моей жизни. И правда, что прежние мои страдания, в сравнении с настоящими, были детские слезы: горько, невыносимо горько! и при всем этом горе мне строжайше запрещено рисовать что бы ни

было и писать (кроме писем), а здесь так много нового, киргизы так живописны, так оригинальны и наивны, сами просятся под карандаш, и я одуреваю, когда смотрю на них. Местоположение здесь грустное, однообразное, тощая речка Урал и Орь, обнаженные серые горы и бесконечная киргизская степь. Иногда степь оживляется бухарскими на верблюдах караванами, как волны моря зыблущими вдали, и жизнью своею удвоивают тоску. Я иногда выхожу за крепость, к караван-сараяю или меновому двору, где обыкновенно бухарцы разбивают свои разноцветные шатры. Какой стройный народ, какие прекрасные головы! (чистое кавказское племя) и постоянная важность, без малейшей гордости. Если бы мне можно рисовать, сколько бы я вам прислал новых и оригинальных рисунков. Но что делать! А смотреть и не рисовать — это такая мука, которую поймет один только истинный художник. И я все-таки почитаю себя счастливым⁽⁵⁶⁵⁾ в сравнении с Кулишем и Костомаровым: у первого жена прекрасная, молодая, а у второго бедная, добрая старуха мать, а их постигла та же участь, что

и меня, и я не знаю, за какое преступление они так страшно поплатились. Вот уже более полугода я не имею никакого понятия о нашей бедной новой литературе, и я просил бы вас, добрая Варвара Николаевна, ежели достанете последнее сочинение Гоголя «Письма к друзьям»^{566}, то пришлите мне, вы сделаете доброе дело, и, если можно, «Чтение Московского археологического общества», издаваемое Бодянским^{567}. Я мог бы выписать все это сам, но... пришлите, добрая Варвара Николаевна, это будет вернее, и бог вам заплатит за доброе дело. Адрес мой сообщит вам Андрей Иванович^{568}. Моя сердечная благодарность княгине Варваре Алексеевне^{569} и всему дому вашему моя любовь и уважение, прощайте, желаю вам всех благ и иногда вспоминать бесталанного

Т. Шевченка.

32. А. И. Лизогубу
— 11 декабря^{570}

Крепость Орская, 1847, декабря, 11.

Великим веселием возвеселили вы меня^{571} своим добрым, христианским письмом в

этой басурманской пустыне. Спасибо вам, друже мой добрый, я с самой весны не слышал родного, искреннего слова. Я писал туда кое-кому. А вам первому бог велел развлечь мою тяжкую тоску в пустыне искренними словами. Спасибо вам. Не знаю, дошло ли мое письмо до ваших рук (я ведь послал в Седнев 24 октября, не зная, что вас бог занес в самую Одессу). Жаль и очень мне вашей маленькой ^{572}, вспомню, да так, будто вижу, как она — малюсенькая — танцует, а Илья Иванович играет и подпевает... Не скорбите, может, она и хорошо сделала, что перешла на тот свет, не мученная страстями земными. Были вы в Яготине летом, что там делается? Где теперь живут яготинские анахоретки? Я писал через вас Варваре Николаевне, не знаю — дошло ли. Что она, сердечная, поддельывает. Скажите ей, как увидите, или напишите, пусть мне напишет хоть одну строчечку, ее прекрасная, добрая душа меня частенько навещает в неволе. Чтоб и врагу моему лютому не довелось так терзаться, как я теперь терзаюсь. И вдобавок надо было еще и захворать, осенью мучил меня ревматизм, а теперь цынга, у меня ее отро-

дьясь не было, а теперь такая напала, что даже страшно. Холера, благодарение богу, обошла нашу пустыню, а ходила близко. Сажин мне ничего не пишет⁽⁵⁷³⁾, не знаю, куда он дел мой портфель с рисунками мелкими, там целая охапка их была. Увидите его, спросите, да и возьмите к себе, а ящик с масляными красками пусть себе оставит. Вы спрашиваете, брошу ли я рисование. Рад бы бросить, да нельзя. Я страшно мучусь, потому что мне запрещено *писать и рисовать*. А ночи, ночи — господи, какие страшные и долгие! — да еще и в казармах. Добрый мой друже! Голубе сизый! Пришлите ящичек ваш⁽⁵⁷⁴⁾, где есть все, что надо, альбом чистый и хоть одну кисть Шарриона. Хоть иногда взгляну, и все-таки легче станет. Просил я Варвару Николаевну, чтобы мне книжки некоторые прислала, а теперь и вас прошу, ведь кроме библии нет ни буквы. Ежели найдете в Одессе Шекспира⁽⁵⁷⁵⁾, перевод Кетчера, или «Одиссею», перевод Жуковского, пришлите ради распятого за нас, ведь, ей-богу, от тоски с ума сойду. Послал бы вам денег на все сие, да нет их, — до единого гроша пропали. А, может, бог пошлет, и я вас когда-ни-

будь отблагодарю. Будете посылать, — шлите на мое имя. И бога ради, напишите что-нибудь о Варваре Николаевне и о Глафире Ивановне^{576} да поклонитесь от меня Илье Ивановичу, Надежде Дмитриевне^{577} и всему дому вашему. Будьте здоровы, не забывайте искреннего своего и бесталанного

Т. Шевченка. Адрес: в Оренбургскую губернию, в крепость Орскую.

33. М. М. Лазаревскому^{578} — 20 декабря*
_{579}

20 декабря 1847, крепость Орская.

С Новым годом, будьте здоровы, дорогой и искренний мой земляче, где вас бог носит, уже вы в Питере или и до сих пор в Одессе? Пусть где хочет носит, да только пути удачей устиляет, и не любит вас, ибо сказано, кого любит, того и мучит. Тяжело, брате мой добрый, мучиться и самому не знать за что. Вот так со мною случилось, сперва я смело посмотрел беде в глаза. И думал, что это была сила воли, ан — нет, то была гордость слепая. Я не разглядел дна бездны, в которую упал. А теперь, как разглядел, то душа моя бедная

рассыпалась, как прах перед лицом ветра. Не по-христиански, брате мой, а что ж поделать? Кроме того, что не с кем искренним словом перекинуться, кроме тоски, впившейся в сердце как лютая змея, кроме всех бед, терзающих душу, бог покарал меня еще и телесным недугом: заболел я сперва ревматизмом, тяжелый недуг, да я все-таки понемногу боролся с ним, и врач, спасибо ему, малость помогал, и то, что я прозябал хотя и в отвратительном, но все же вольном жилище¹⁵⁸⁰, так, видите, чтоб я не нарисовал (мне ведь рисовать запрещено) своего недуга (углем в трубе), то и сочли за благо перевести меня в казармы. К трубкам, вони и крику стал я понемногу привыкать, а тут привязалась ко мне цынга лютая, и я теперь как Иов на гноище, только меня никто не навещает. Так мне теперь тяжело, так тяжело, что если бы не надежда хотя когда-нибудь увидеть свою бесталанную родину, то молил бы господу о смерти.

*Так Дніпро крутоберегий
І надія, брате,
Не дають мені в неволі*

Иногда так мне тоска сердце сдавит, что (не стыдясь сказать) даже заплачу.

Ежели б обо всем том рассказать, что я терплю теперь по любви и милости милосердного бога, то и за неделю не рассказал бы. Ну его! Пусть это снится тому, кто людям добра не хочет.

Поклонитесь хорошенько от меня Дзюбину^{582}, как увидите. Добряга человек. Напомните ему об Излере и расстегаях, об Адольфинке и прочих чудесах. Скажите, что я его частенько вспоминаю, [П. А.] Плетнев должен меня знать^{583}, только напомните ему П. Бориспольца; да еще, будьте добры, повидайтесь с Чернышовым^{584}, он теперь уже в Петербурге (спросите в Академии Художеств, где он живет), а как увидите, то спросите его, раздавал ли он мои письма, посланные мною через него, и что ему сказали, получив эти письма, да попросите его от моего имени, чтобы он всемерно надоедал моею просьбой Карлу Павловичу, а с Дубельтом чтобы как можно скорей повидался. Как увидите с В. И. Далем, то, поклонившись ему от меня, попроси-

те, чтобы он умолил В. Перовского⁽⁵⁸⁵⁾ освободить меня хотя бы из казарм (то есть выпросил мне позволение рисовать). Даль человек добрый, умный и влиятельный, он хорошо знает, как мы тут мучимся, и тяжкий грех будет ему, если он не захочет замолвить за меня хотя бы одно слово.

Докучаю я вам, добрый мой земляче! Да что же мне делать? Если б мне только рисовать было можно, я и не печалился бы, ходил бы себе в серой шинели, пока не дошел до могилы, да все б хвалил бога, а теперь!.. Ой, горенько! И произнести не хочется!..

Напишите мне, когда будет время, хоть малюсенькое письмецо, пусть хоть немного я поплачу добрыми слезами.

Будьте добры, разузнайте хорошенько, где теперь живет Василий Андреевич Жуковский (он прежде жил в Дюссельдорфе на Рейне, а теперь не знаю), и пришлите мне его адрес, а если напечатана его «Одиссея», то и ее пришлите. Прочитав, я отдам вам или Федору Матвеевичу, ведь, ей-богу, кроме библии, нет у меня ни одной книги.

Да уж раз отца по лбу ударить или два —

все едино, хотя оно малость и неловко просить как нищему, да что же делать, если негде взять, — пришлите ради поэзии святой *Лермонтова*^{586} хоть один том, великую, превеликую радость пришлете с ним вашему благодарному и бесталанному земляку.

Т. III.

Кажется, вы знакомы с Василем Езучевским^{587}. Если он вернулся из дому, то, увидясь, хорошенько выругайте его от моего имени за его искренность и доброту и Галузу, свояка его, — добрые и искренние люди, чтобы ты знал, земляче!

Не удивляйтесь, бога ради, что на таком клочке пишу вам, ведь в этом божьем краю бумага почтовая вызывает удивление.

1848

34. А. И. Лизогубу
— 1 февраля*^{588}

Крепость Орская, 1848, февраля. 1-го.

Всяк друг речет: содружихся ему и аз: но *В*есть именован точию друг. Вот так теперь и со мною сталось. Бывало, в собаку кинешь — попадешь в друга, а как пришлось туго, святой их знает, куда они подевались! Может, умерли, сохрани боже! Нет, здравствуют: только отреклись от бесталанного своего друга. Бог им прости. Если б они знали, что единое слово доброе теперь для меня паче всякой радости. Да что ж, недогадливы!

С превеликою радостью и благодарностью получил я письмо ваше, уже второе^{589}, написанное 31 декабря.

Бог вас вознаградит за вашу искренность и за вашу доброту. Беда пришла ко мне, и не одна, а все беды посыпались на мою голову; первое — тоска и безнадежность сжимают сердце, а второе — болею с того дня, как привезли меня в этот край; ревматизм, цынгу пе-

ренес, слава богу, а теперь зубы и глаза так болят, что не знаю, куда деться. И не странно ли, скажете: после того, как принесли ваше письмо, мне настолько легче стало, что на третий день смог написать это письмо вам. Простите только, что коротенькое, во-первых, боюсь глаза натрудить, во-вторых, сказать правду, и бумаги нехватка и купить негде, понятно — степь. Посылая обещанное, пришлите, будьте добры, и бумаги почтовой и бристольской, ежели найдете в Одессе. Простите, бога ради, что я так привередничаю. За деньги спасибо вам, единый мой друже, у меня еще осталось немного, а как будет у меня все снаряжение живописца, может, и заработаю, а ежели пошлют весною в степь, в Раим^[8]^{590}, есть такой слух, тогда уж буду просить и, может, бог даст, тут останусь. Еще, не найдете ли в Одессе сочинений Лермонтова и Кольцова, пришлите поэзии святой ради. А если будете писать, пишите на мое имя прямо в крепость Орскую, потому что я второе письмо ваше получил уже из третьих рук, хотя и из хороших рук, а все-таки из третьих.

Прочел я вторично уже о скорби вашей, о

вашей Лизе, — что поделаешь, коли этого бог хочет. Давид хорошо сказал: *кто возглаголет силы господни; слышаны сотворит вся хвалы его*; конечно, нельзя и без того, чтобы иногда и слезам не дать воли, ведь кто не скорбит, не плачет, тот никогда и не радуется. Ну его — такого! Будем плакать и радоваться, и за все это хвалить милосердного бога.

1 февраля. Как раз на этом слове открылась дверь и почтальон подал мне третье письмо ваше, написанное 7 января. Не знаю, обрадовался бы я отцу или матери так, как вашему искреннему слову. Да воздаст вам господь и дому вашему, что посетили есте новольника и тяжкую его скорбь развлекли. Будете писать Варваре Николаевне, от меня ей низенько поклонитесь и напишите, чтоб хоть одно слово написала, только не в Оренбург, а прямо в крепость Орскую. Если есть у вас «Свяченная вода»^{591}, перепишите и пришлите, потому что та, которую вы мне передали, утрачена. А если Татьяне Ивановне будете писать, так ей и Федору Иваненку от меня хорошенько поклонитесь^{592}. Никому на свете я теперь так не завидую, как художникам и Гла-

фире Ивановне, а может, уже она оставила, упаси боже, живопись!

Бога для, пришлите все нужное художнику и бумаги. — Что у вас делается в Седневе? Что подельывает Илья Иванович, поклонитесь ему от меня, — за Надежду Дмитриевну и вас и весь дом ваш молюся господу милосердному и умоляю его, чтобы вы не забыли

Т. Шевченка.

35. А. И. Лизогубу
— 7 марта^{*{593}}

7-го марта 1848, крепость Орская.

Не знаю, обрадовался ли бы так малый ненакормленный ребенок, увидев мать свою, как я вчерга, получив подарок твой искренний, мой единый друже, так обрадовался, что еще и до сих пор не успокоюсь, целехонькую ночь не спал, рассматривал, смотрел, разглядывал со всех сторон по три раза, целуя каждую красочку. И как ее не целовать, не видел год целый. Боже мой! Боже мой! Какой тяжелый и длинный год! Но ничего. Бог помог, прошел-таки. Я, взяв в руки сундучок, глянул и словно перелетел в мастерскую, в

Седиев. Помните ли, как вы мне ее в прошлом году показывали недостроенную? Еще и советовались со мною, как бы ее пооригинальней устроить; думал ли я, что через год этот самый сундучок развеселит меня, точно мать ребенка, в трудный для меня час! Благий и дивный еси, господи!

Сегодня воскресенье, на муштру — не поведут. Целехонький день буду смотреть на твой подарок искренний, мой единый друже, смотреть и молиться, чтобы бог послал на долгие дни тебе такую же радость, как послал мне через тебя. Пересчитал, пересмотрел все, все до крошечки цело. И Шекспир, и бумага, и краски, и перочинный ножик, и карандаш, и кисти — все целехонько. Не траться на альбом, друже мой! Будет с меня и этого покамест.

Недавно из Яготина пришло письмо мне. Спасибо ей, доброй Варваре Николаевне, которая не забывает меня, хочет, если сама достанет, прислать мне книг. Ежели пришлет, тогда я и тяжелого похода, и Аральского моря, и безлюдной степи киргизской не испугаюсь.

Одна лишь печаль грызет мое сердце — за-

гонят в степь, так не придется ни от кого письма получить, ни самому послать, ведь туда почта не доходит, вот мое горенько! А может, доведется год-два наблюдать никудышное это море.

Не будем тоской томиться, а будем молиться, — еще эта напасть далеко, а всякая напасть издалека страшнее, как говорят умные люди. Этот и апрель месяц я еще буду в Орской крепости; напишите мне хоть строчечку, — ведь только бог святой знает, как я радуюсь, когда дойдет до меня хотя бы одно ваше слово с моей бедной родины!

Я теперь (пошли вам бог здоровья) хоть и богат бумагой, а все-таки на клочке пишу; сказано пустыня, — где я возьму, ежели потрачу, да и уделить кое-кому надо хоть по листику.

Простите, голубе сизый, что так торопливо пишу вам; во-первых — сегодня почта, а во-вторых — около десяти часов надо идти в караул!

Молюсь богу, чтоб послал здоровья Надежде Дмитриевне и радость всему дому вашему, спасибо вам, будьте здоровы и напишите

хоть строчечку мне — благодарному вам
Т. Шевченку.

36. Ф. М. Лазаревскому
— 22 апреля^{*{594}}

22 апреля [1848, Орская крепость].

Не рассердились ли вы на меня, неровен час? Или, упаси мать божья, не забыли ли меня бесталанного, — ведь пишу, пишу вам, а вы хоть бы словечко; думал сперва, что письма мои не доходят до вас, так вот же купец, доставивший вам эту живучую «Историю» Устрялова^{595}, которая и в солдатских руках не погибла, побожился мне, что без задержки вам в собственные руки отдал, а из ваших рук (также собственных) хоть бы клочок бумаги, и того не получил. Что ж это стало с моими добрыми и верными земляками? Думаю, думаю и понять не могу, что такое! Василию Матвеевичу писал даже два раза на Миллионную улицу, а от него хоть бы слово, из Михайловской — ни звука, от вас... да, может, у вас времени нет? А если есть? Тогда грех вам великий забывать хоть и лыком шитого, а все-таки земляка вашего.

Ох, если бы так шутило мое сердце, как я это, с вами говоря, шучу. Если бы и ему, как рукам, можно было б дать клочок бумаги и перо с чернильницей, да и все. Очень хорошо было б, да только вот этим всем его не накормишь. Ему надо тоски, тяжелой, неусыпной тоски!

Ну его, эту напасть, а то еще заплачешь, ведь иногда, ей-ей, доходит до этого, самому стыдно, да ничего не сделаю с проклятущей тоской. Вернулся ли Василь из Питера? Привез ли он мне то, что я просил (потому что мне вот-вот можно будет рисовать). Пусть мне хоть словечко напишет. Напишите, бога ради, получили ли вы «Историю» Устрялова, ведь она нашлась, и я послал вам через здешнего купца. Да еще, если получили *Лермонтова* от Василя, [пришлите], может доведется шагать в Раим, так я там сдохну без книг. Да еще отдерите за чуб этого лодыря Левицкого ^{596} и поклонитесь землякам моим в Оренбурге сущим.

Будьте здоровы и не забывайте бесталанного *Т. Шевченка*. Напишите, будьте добры, скоренько.

37. А. И. Лизогубу
— 9 мая*^{597}

9 мая 1848 г., крепость Орская.

Воистину воскрес!

Спасибо тебе, искренний мой друже, и за бумагу и за письмо твое, которое лучше бумаги. Бумага для меня теперь была очень кстати, а письмо еще больше! Потому что я нуждался в молитве и искреннем дружеском слове, и вот — оно. Я теперь веселый иду на это никудышное море Аральское. Не знаю, вернусь ли только!.. А иду, ей-богу, веселый.

Спасибо тебе еще раз за письмо; дошло оно до меня целехонькое, и в тот же самый день пришло мне разрешение рисовать^{598}, а на другой день приказ в поход выступать. Беру с собой все твое снаряжение художническое; не знаю только, доведется ли рисовать!

Прости, ей-богу, некогда и сухарь съесть, а не то чтоб письмо написать как следует. Варваре Николаевне напишу уже разве что из Раима. Будешь писать ей, поблагодари за книгу Гоголя.

Адрес мой: в Крепость Орскую. Его высоко-

благородию Михаилу Семеновичу Александрийскому^{599} с передачею мне.

А этот человек будет посылать мне через коменданта. Не забывай меня, единый мой! Ежели не увидимся на этом свете, так, наверно, встретимся на том. До свидания!

Искренний твой *Т. Шевченко*

1849

38. А. И. Макшееву^{600}
— 26 марта^{601}

[26 марта 1849, Раим.]

Я уже два месяца оставил свою резиденцию в Кос-Арале, почему и не могу Вам сообщить ничего нового о тамошнем житье-бытье, любезный Алексей Иванович, а о Раиме и говорить нечего — неизменяемый.

В воспоминании вашем о плавании по морю бурному Аральскому оставьте уголок для не забывающего вас

Т. Шевченка.

39. А. И. Лизогубу
— 8 ноября*^{602}

Оренбург, ноября, 8, 1849.

Друже мой единый! Позавчера вернулся я из степи киргизской да с моря Аральского в Оренбург, да и расположился писать тебе. Пишу, а еще и сам хорошо не знаю, жив ли ты, здоров, ведь уже около полутора лет, как мы не обменялись с тобою ни единым словом, а за такое время много воды в море утекло. Может, и у вас кого-нибудь не стало, ведь холера, говорят, здорово-таки косила. Коли жив ты и здоров, напиши мне, друже мой, не мешкая, я тогда уже и отвечу, все как есть расскажу, как меня носило по тому морю, как я в степи этой безграничной мыкался. Все как есть расскажу, ничего не утаю. А теперь пока что поклонись от меня всему дому вашему и доброй Варваре Николаевне; скажи ей, что я жив, здоров, и если не очень счастлив, то по крайней мере — весел.

Оставайся здоров, не забывай в беде

Т. Шевченка.

На обороте: Адрес — в г. Оренбург, его благородию Карлу Ивановичу Герну, в Генеральный штаб, с передачею.

40. В. А. Репниной
— 14 ноября⁽⁶⁰³⁾

На днях возвратился я из киргизской степи и с Аральского моря в Оренбург. И сегодня Лазаревский сообщил мне письмо ваше, где вы именем всего дорогого просите сообщить обо мне хоть какое-нибудь известие. Добрый и единый друг мой! Обо мне никто не знал, где я прожил эти полтора года, я ни с кем не переписывался, потому что не было возможности, почта ежели и ходит через степь, то два раза в год. А мне всегда в это время не случалось бывать в укреплении. Вот причина! И да сохранит вас господь подумать, чтобы я мог забыть вас, добрая моя Варвара Николаевна. Я очень, очень часто в моем уединении вспоминал Яготин и наши кроткие и тихие беседы. Немного прошло времени, а как много изменилось, по крайней мере со мною; вы бы уже во мне не узнали прежнего глупо восторженного поэта. Нет, я теперь стал слишком благоразумен; вообразите! в продолжение почти трех лет ни одной идеи, ни одного помысла вдохновенного — проза и проза, или, лучше сказать, степь и степь! Да, Варвара Николаевна, я сам удивляюсь моему превращению, у меня теперь почти нет ни гру-

сти, ни радости, зато есть мир душевный, моральное спокойствие до рыбьего хладнокровия. Грядущее для меня как будто не существует. Ужели постоянные несчастья могут так печально переработать человека? Да, это так. Я теперь совершенная изнанка бывшего Шевченка, и благодарю бога.

Много есть любопытного в киргизской степи и в Аральском море, но вы знаете давно, что я враг всяких описаний, и потому не описываю вам этой неисходимой пустыни. Лето проходило в море, зима в степи, в занесенной снегом *джеломейке*, вроде шалаша, где я, бедный художник, рисовал киргизов и между прочим нарисовал свой портрет, который вам посылаю на память обо мне, о несчастном вашем друге.

Проживая в Одессе, быть может, встретитесь с Алексеем Ивановичем Бутаковым⁽⁶⁰⁴⁾; это флотский офицер и иногда бывает в Одессе, у него в Николаеве родственники и родные; это мой друг, товарищ и командир при описании Аральского моря. Сойдитесь с ним. Благодарите его за его доброе, братское со мною обращение, он, ежели встретитесь с

ним, сообщит все подробности о мне.

Прощайте, добрая моя Варвара Николаевна, кланяюсь Глафире Ивановне, князю Василию Николаевичу и всему дому вашему.

Т. Шевченко

14 ноября 1849, Оренбург.

41. А. И. Лизогубу
— 29 декабря^{*{605}}

Оренбург, 1849, декабря, 29.

В самый сочельник сижу себе один-одинешенек в горнице и тоскую, вспоминая свою Украину и тебя, мой друже единый. Думаю: вот бог дает и праздник свой великий на радость добрым людям, а мне не с кем слова сказать. И вдруг входит в комнату добрый Герн и подает мне ваше письмо. Господи милостивый! Как я обрадовался! Будто отца родного увидел или заговорил с сестрою на чужбине! А особенно прочитав, что вас всех, как праведных, миновала кара господня, даже заплакал, — так мне хорошо стало! Вы пишете, друже мой добрый, что шлете альбом из *raper torchon*, — спасибо вам, шлите. А красок сухих не посылайте, — здесь масла достать

нельзя, к тому же меня весной еще снова погонят в степь! Такой мой жребий отвратительный! Что ж мне вам послать, ежели у меня нет ничего; послал бы вам вид Аральского моря, так такое мерзкое, что не дай боже! Тоску еще наведет, проклятое. Еще вы пишете, друже мой единый, чтобы я ставил цену на моих будущих рисунках; большое вам спасибо! Ведь тут без денег еще хуже, чем меж евреями. Я, нарисовав кое-что, отдавал за самую низкую цену, так что же — смеются! Мне кажется, ежели бы сам Рафаэль воскрес здесь, то через неделю умер бы с голоду или нанялся бы к татарину коз пасти. Вот такие здесь люди! Шлю вам киргизского баксу, или по-нашему *кобзаря*. Ежели найдется добрая душа, пусть купит, сделает доброе дело, а цену я ему назначаю 50 рублей; может, дорого, так сбавьте, как знаете. Буду посылать вам все, что сделаю достойного послать, а вы уж поступайте с ним, как вам будет угодно. Еще посылаю вам этого гренадера (это я); вспоминайте меня, глядя на него, друже мой добрый! Еще вы пишете, чтобы рассказал вам, что со мной было на Аральском море два лета, — ну его, пусть

не было б того ни с кем на свете! Не считая тоски, все напасти перебивали у меня, даже вши, — вспоминать противно! Адресуйте ваши письма на имя Герна, а моего имени не пишите: он будет знать по штемпелю. Будьте здоровы! Будете писать Варваре Николаевне, поклонитесь ей от меня. Всему дому вашему низенько кланяюсь.

Искренний с вами *Тарас Шевченко*

1850

42. В. Н. Репниной

— 1 января^{606}

1 января 1850, Оренбург.

Поздравляю вас с Новым годом, молю господи о ниспослании вам всех благ. Я теперь сижу один-одинешенек и вспоминаю то прошлое, когда мы с вами в первый раз встретились в Яготине, и многое пришло в мою грустную бесталанную голову, — ужели и конец моей жизни будет так же печален, как настоящий день? В несчастьи невольно делаешься суеверным — я теперь почти убежден, что мне не видеть веселых дней, и сердцу доро-

гих, и милой моей родины!

Для Нового года мне объявили, что следующей весной я должен буду отправиться опять на Аральское море; верно, мне оттуда не возвратиться! За прошедший поход мой мне отказано в представлении на высочайш[е] помилование! и подтверждено запрещение писать и рисовать! Вот как я встречаю Новый год! Неправда, весело?

Я сегодня же пишу Василию Андреевичу Жуковскому⁶⁰⁷ (я с ним лично знаком) и прошу его о исходатайствовании позволения мне только рисовать. Напишите и вы, ежели вы с ним знакомы. Или напишите Гоголю⁶⁰⁸, чтобы он ему написал обо мне, он с ним в весьма коротких отношениях. О большем не смею вас беспокоить. Мне страшно делается, когда я подумаю о киргизской степи, — с отходом моим в степь я должен буду опять прекратить переписку с вами и, может быть, на много лет, а может быть, и навсегда! Не допусти господи!

Я недавно вам писал; не знаю, получили ли вы, потому что адрес не тот, который мне прислал на днях Андрей Иванович. Ежели бу-

дете писать ко мне, то сообщите свой настоящий адрес и сообщите адрес Гоголя⁽⁶⁰⁹⁾, и я напишу ему по праву малороссийского виршеплета, а лично его не знаю.

Я теперь, как падающий в бездну, готов за все ухватиться, — ужасна безнадежность! так ужасна, что одна только христианская философия может бороться с нею. Я вас попрошу, ежели можно достать в Одессе, — потому что я здесь не нашел, — прислать мне *Фому Кемпийского о подражании Христу*. Единственная отрада моя в настоящее время — это евангелие. Я читаю ее без изучения, ежедневно и ежечасно. Прежде когда-то думал я анализировать сердце матери⁽⁶¹⁰⁾ по жизни святой Марии, непорочной матери Христовой, но теперь и это мне будет в преступление. Как грустно я стою между людьми! Ничтожны материальные нужды в сравнении с нуждами души, а я теперь брошен в жертву той и другой! Добрый Андрей Иванович просит меня прислать все, что бы я ни нарисовал, и назначить сам[ому] цену; что я ему пошлю? когда руки и голова закованы! Едва ли кто-нибудь терпел подобное горе!

Я вас печалю для Нового года, добрая Варвара Николаевна, своим грустным посланием — что делать! у кого что болит, тот о том говорит; и мне хотя немного отраднее стало, когда я выисповедалея пред вами! Кланяюсь Глафире Ивановне и всему дому вашему.

Пишите ко мне в г. Оренбург на имя его благородия Карла Ивановича Герна, в генеральный штаб, не надписывая моей фамилии, — он узнает по штемпелю.

Прощайте, Варвара Николаевна; не забывайте бедного и искреннего к вам

Т. Шевченка.

43. О. М. Бодянскому
— 3 января^{611}

Оренбург, генваря, 3, 1850.

Поздравляю тебя с этим Новым годом, друже мой единый! Пусть будет с тобой то, чего ты у бога просишь. Давно, давно мы не виделись, да и не знаю, увидимся ли скоро или вообще когда-нибудь, сохрани мать господня! А думаю, что будет так, потому что меня очень далеко запроторила моя злая судьба и добрые люди! Я вот уже третий год мыкаюсь

в неволе — в этом богом забытом краю! Тяжело мне, друже! Очень тяжело! Да что поделаешь? Прошел я пешком дважды всю киргизскую степь до самого Аральского моря, плавал по нему два лета, господи, какое мерзкое! Даже противно вспоминать, не то, что рассказывать добрым людям.

Вот глянь, что со мной было. Поехал я тогда в Киев из Петербурга, после того, как мы с тобой в Москве виделись, я думал уже в Киеве жениться⁽⁶¹²⁾, да и жить на свете, как добрые люди живут, — уже было и пара нашлась. Да господь не благословил моей доброй доли! Не дал мне докончить век короткий на нашей милой Украине. Тяжело! Даже слезы капаят, когда вспоминаю, так тяжело! Меня из Киева загнали аж сюда, и за что? За стихи! И запретили писать их, и что хуже всего... рисовать! И вот теперь, видишь, как я здесь мыкаюсь, живу в казармах среди солдат, не с кем слова сказать, и нечего читать — тоска! Тоска такая, что скоро она меня вгонит в гроб! Не знаю, мучился ли еще кто-нибудь на этом свете так, как я теперь мучусь? И не знаю, за что? Тот, кто привез тебе письмо мое, наш

земляк — Левицкий, приветствуй его, друже мой добрый, искренняя душа! Он мне очень пригодился на чужбине! Дай ему мою «Тризну» и «Гамалию», если они еще живы, а мне, буде твоя милость, пришли Конисского⁽⁶¹³⁾, доброе сделаешь дело, — я хоть читать буду о нашей бесталанной Украине, ведь я уже никогда ее не увижу! Почему-то сердце чует. Пришли и напиши, буде твоя милость, по адресу: в Оренбург, Карлу Ивановичу Герну, в генеральный штаб, а меня в адресе не упоминай, не надо, — он будет знать по штемпелю. Оставайся здоров, друже мой единый! Пусть тебе бог посылает, что ты у него просишь. Вспоминай изредка

бесталанного *Т. Шевченка.*

А чтоб не оставалось свободной бумаги, то на тебе стихотворных строк десятков моей работы:

*Не стану я печалиться,
Досаждая людям,
Уйду куда глаза глядят,
А там — будь, что будет!
Выйдет счастье, так женюсь,
А нет — утоплюся.*

Никому я не продамся,
Внаймы не наймуся.
Пошел куда глаза глядят...
Счастье схоронилось,
А волюшка людям добрым
И во сне не снилась.
Хоть не снилась, а людьми же
Брошена в неволю:
Чтоб не было свободного
Средь нашего поля[9].

44. В. А. Жуковскому
— около 10 января^[614]

[Около 10 января 1850, Оренбург.]

Я три года крепился, не осмеливался вас беспокоить, но мера моего крепления лопается, и я в самой крайности прибегаю к вам, великодушный благодетель мой. Я писал еще в первый год моего изгнания К[арлу] П[авловичу] Б[рюллову]^[615], и никакого результата; бедный он, великий человек! При всей своей великости, самой малости не хочет сделать; говорю не хочет, потому что он может; позволяю себе думать — и первое добро (написание вашего портрета) было сделано случайно. (Простите мне подобное нарека-

ние на великого человека. Печально, что с великим гением не соединена великая разумная добродетель.)

Был я по долгу службы в киргизской степи и на Аральском море, при описной экспедиции, два лета; видел много оригинального, еще нигде не виданного, и больно мне, что ничего не мог нарисовать, потому что мне рисовать запрещено. Это самое большое из всех моих несчастий! Сжальтесь надо мною! Исходатайствуйте (вы многое можете!) позволение мне только рисовать — больше ничего, и надеяться не могу и не прошу больше ничего. Сжальтесь надо мной! Оживите мою убогую, слабую, убитую душу! Ежели вы (в чем я не сомневаюсь) напишете графу Орлову или кому найдете лучше, то, бог милостив, и я взгляну на божий свет, хотя перед смертью, потому что казарменная жизнь и скорбут разрушили мое здоровье. Да, я теперь мог бы описать быт русского солдата не хуже всякого нравоописателя. Печальный быт!.. Что делать?.. Таковы люди вообще, а наши особенно. И скорбут и казарменная жизнь совершенно разрушили мое здоровье. Для меня необходима была бы

перемена климата; но я на это не должен надеяться: рядовых таких, как я, не — переводят. Мне бы хотелось в Кавказский корпус, и врачи тоже советуют; а меня посылают опять на Сыр-Дарью потому только, что там расположен батальон, в котором я записан. Для моего здоровья этот поход самый убийственный: новые укрепления, еще не совсем устроенные, плохая вода и жизнь самая однообразная. Если б можно было рисовать, я мог бы ее разнообразить, хоть самому грустно. Бога ради и ради прекрасного искусства, сделайте доброе дело, не дайте мне с тоски умереть! Я постараюсь, ежели мне будет позволено, нарисовать для вас все, — что есть интересного в этом неинтересном, но пока таинственном крае.

Тарас

45. В. Н. Репниной
— 7 марта^[616]

Оренбург, 7-го марта 1850.

Все дни моего пребывания когда-то в Яготи-
не есть и будут для меня ряд прекрасных воспоминаний. Один день был покрыт легкой

тенью, но последнее письмо ваше и это грустное воспоминание осветило. Конечно, вы забыли? Вспомните! Случайно как-то зашла речь у меня с вами о «Мертвых душах», и вы отозвались чрезвычайно сухо. Меня это поразило неприятно, потому что я всегда читал Гоголя с наслаждением и потому что я в глубине души уважал ваш благородный ум, ваш вкус и ваши нежно возвышенные чувства. Мне было больно, я подумал: я так груб и глуп, что не могу ни понимать, ни чувствовать прекрасного? Да, вы правду говорите, что предубеждение ни в коем случае не позволительно, как чувство без основания. Меня восхищает ваше теперешнее мнение и о Гоголе и его бессмертном создании! я в восторге, что вы поняли истинно христианскую цель его! да!.. Перед Гоголем должно благоговеть⁽⁶¹⁷⁾, как пред человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежною любовью к людям! Сю, по-моему, похож на живописца, который, не изучив порядочно анатомии, принялся рисовать человеческое тело, и, чтобы прикрыть свое невежество, он его полуосвещает. Правда, подобное полуосвещение эф-

фектно, но впечатление его мгновенно! — так и произведения Сю: пока читаем — нравится и помним, а прочитал — и забыл. Эффект, и больше ничего! Не таков наш Гоголь — истинный вестальщик сердца человеческого! Самый мудрый философ! и самый возвышенный поэт должен благоговеть пред ним, как перед человеколюбом! Я никогда не престану жалеть, что мне не удалось познакомиться лично с Гоголем. Личное знакомство с подобным человеком неоцененно, в личном знакомстве случайно иногда открываются такие прелести сердца, что не в силах никакое перо изобразить!

Я сделался настоящим попрошайкой! Что делать? Оренбург такой город, где и не говорят о литературе, а не то чтобы можно было в нем достать хорошую книгу. Вся та речь к тому, чтобы вы мне (найвсепокорнейше прошу) прислали «Мертвые души»^{618}. Меня погонят 1 мая в степь, на восточный берег Каспийского моря, в Новопетровское укрепление, следовательно, опять прервут всякое сообщение с людьми. И такая книга, как «М. д.», будет для меня другом в моем одиночестве!

Пришлите, В. Н., ради бога и ради всего высокого, заключенного в сердце человеческом; конечно, не надокучая вам, можно бы выписать из Москвы, но увы! Я не могу себе теперь позволить подобной роскоши. У меня давно было намерение просить у вас эту книгу, но помня тот грустный вечер в Яготине, я не осмеливался. Пришлите ради всего святого!

Новый завет я читаю с благоговейным трепетом. Вследствие этого чтения во мне родилась мысль описать сердце матери по жизни пречистой девы, матери спасителя. И другая — написать картину распятого сына ее. Молю господу, чтобы хоть когда-нибудь олицетворились мои мечты! Я предлагаю здешней католической церкви (когда мне позволят рисовать) написать запрестольный образ ⁽⁶¹⁹⁾(без всякой цены и уговора), изображающий смерть спасителя нашего, повешенного между разбойниками, но ксендз не соглашается молиться пред разбойниками! Что делать! поневоле находишь сходство между 19 и 12-м веком.

Молюся богу и не теряю надежды, что испытанию моему придет когда-нибудь конец.

Тогда отправляюсь прямо в Седнев и, по мере сил моих, олицетворю мою так долго лелеянную идею. В седневской церкви над иконостасом два вделанные в стену железные крюка меня неприятно поражали, и я думал: чем закрыть их? И ничего лучше не мог выдумать, как картиною, изображающей смерть спасителя нашего. Если не ошибаюсь, я говорил об этом с Андрей Ивановичем, не помню.

Лазаревский теперь в отсутствии⁽⁶²⁰⁾, но вы адресуйте свое письмо в пограничную комиссию. Он его получит. Это один из самых благородных людей! Он первый не устыдился моей серой шинели и первый встретил меня по возвращении моем из кирги[зской] степи и спросил, есть ли у меня что пообедать. Да, подобный привет дорог для меня; напишите ему, благодарите его, потому что я и благодарить не умею за его приязнь!

Хотелось бы долго, вечно беседовать с вами, единая сестра моя! но что делать? Почта, как и время, не останавливаются ни для нашей грусти, ни для нашей радости. Адрес мой прежний: К. И. Герну. До свидания.

Т. Шевченко

Глафире Ивановне и всему дому вашему —
ПОКЛОН.

46. А. И. Лизогубу
— 14 марта^{*{621}}

14 марта 1850 г., Оренбург.

Друже мой единый!
Я не знаю, что бы со мною было, если бы не вы! Весьма пригодились мне эти 50 рублей. Расспросите Илью Ивановича, — я ему пишу. Что значат деньги в бедности! Если б не вы, то меня бы давно от тоски не стало, а то все-таки, хоть украдкой, а малость порисую, и легче станет! Не знаю, доведется ли мне хоть что-нибудь нарисовать на Каспийском море, куда меня весною погонят. Если доведется, пришлю вам; только уж цены не поставлю, а продадите так, как вам бог поможет.

Вот какая моя доля мерзкая! Я, встав раненько, расположился писать вам письмо это; только расположился, тут черт несет ефрейтора, разумеется, нанятого: *пожалуйста к фельдфебелю*. Пришлось письмо оставить, а сегодня почта уходит. Так и этак умолив

фельдфебеля, вернулся я домой и принимаюсь снова, а время уже около часа, потому извините, если не все расскажу, что хотелось бы рассказать, или в чем-нибудь ошибусь.

Поблагодарите и вы от меня Илью Ивановича за его благородную щедрость, а меня, бога для, простите! А случится мне еще что-нибудь прислать вам, подписывайте вы сами мою фамилию, циноброю, ведь мне — нельзя.

Все, что вы по доброте своей прислали, я получил. И *Фому Кемпийского* получил. Спасибо доброму Михайлу, что он все же меня не забывает. Если вы знаете его адрес, пошлите ему этот листочек, а если нет, то напишите Варваре Николаевне, — она, наверно, знает.

Спасибо вам за все ваши блага! Не забывайте

бесталанного *Т. III.*

До 1-го мая адрес мой прежний, а там, как-жестя, придется вновь молчать.

1851

47. В. Н. Репниной
— 12 января⁽⁶²²⁾

*Новопетровское укреплен[ие],
12 генваря 1851 года.*

Мне до сих пор живо представляется 12 число генваря и соседка Ваша Т[атьяна] Г[уставовна] Волховская; жива ли она, добрая старушка? Собираются ли попрежнему в этот день к ней нецеремонные соседи со чады и домочадцы повеселиться денька два-три и потом разъехаться по хуторам до следующего 12 генваря. Жива ли она? И много ли еще осталось в живых, о которых с удовольствием вспоминаю? Да, в прошедшем моем хоть изредка мелькает не то чтобы истинная радость, по крайней мере и не гнетущая тоска. Недавно кажется, всего четыре года, а как тяжело они прошли над моею головою, как изменили они меня, что я сам себя не узнаю. Вообразите себе безжизненного флегму — и это буду я. Не следовало и говорить об этом, а лучшего нечего сказать.

В прошедшем году со мною ничего нового не случилось^{623}, разве только что меня перевели из Орской крепости в Новопетровское укрепление, на восточный берег Каспийского моря. Начальники мои — добрые люди, здоровье мое благодаря бога хорошо, только чтение весьма ограничено, что и удваивает скуку однообразия. Вот и весь быт мой настоящий. Когда будете писать Андрею Ивановичу, поклонитесь ему от меня, жив ли Алексей Васильевич? Я о нем совершенно ничего не знаю. Кланяюсь Глафире Ивановне и князю В[асилию] Н[иколаевичу] и всему дому вашему и поздравляю вас, единый друг мой, с Новым годом. Прощайте! Вспоминайте иногда искреннего вашего

Т. Шевченко.

В летние месяцы пишите ко мне через г. Астрахань, а в зимние через г. Гурьев в Новопетровское укрепление на имя г. коменданта его высокоблагородия Антона Петровича Мавевского.

48. А. Венгржиновскому^{624}

— 8 июня

[8 июня 1851, Колодец Апазир в долине

гор Кара-Тау.]

Богу милый друже мой Аркадию!

Это не будет противу приличия, ежели ты нарочно встретишься с моим искренним другом и расскажешь все, что знаешь обо мне.

Прощай, друже мой, целую тебя.

49. В. Н. Репниной

— вторая половина 1851 г.^{625}

[Вторая половина 1851, Новопетровское укрепление.]

Я здесь пользуюсь покровительством полковника Матвеева. Напишите ему хоть пару строчек, вас это не унизит, а мне принесет существенную пользу. Его зовут Ефим Матвеевич Матвеев; адресуйте письмо на имя Герна — с передачею Матвееву. Бога для, сделайте это, мое возвращение из Новопетровского укрепления будет зависеть от него.

Послал я здешнего краю произведение (кусок материи^{626}) Андрею Ивановичу в первых числах генваря и до сих пор не имею ответа. Что бы значило? Когда будете писать к нему, упомяните и об этом.

Простите мне подобные требования.

1852

50. С. С. Гулаку-Артемовскому^{627}
— 1 июля * *^{628}

*1 июля 1852 [Новопетровское укрепле-
ние].*

Всякое даяние благо^{629}, тем более, если оно неожиданно, как, например, твои 20 р., полученные сегодня. Благодарю тебя, искренний друже мой! Трижды благодарю. Ты знаешь, я прежде, в счастливое мое время, не ворочал, можно сказать, капиталами, а теперь, когда я уже шестой год и кисти в руки не беру (мне рисовать запрещено), то можешь себе представить, что значат для меня твои 20 рублей! Только вот что: если не ошибаюсь, у нас с тобой уговору не было, чтобы платить мне за работу. Кажется, так. Правда, давно это было; я могу и забыть. Я помню только жареное поросю и пирожки в корзинке. Помнишь ли, добрый друг мой! Счастливое время! Кажется недавно, а вот уже 12 год тому назад! Летят наши годы, бог их знает, куда они так торо-

пятся... Я как теперь вижу тебя, непосидящего Элькана, и флегму Федота⁶³⁰, и настоящего козака Кухаренка, да еще родича твоего Скрипника, да еще... и бог их пересчитае[т]. Много их... где-то они теперь? Живут себе дома припеваючи; только я один, как отколотая щепка, ношуся без пути-дороги по волнам житейского моря! И в самом деле, где меня не носило в продолжение этих бедных пяти лет? Киргизскую степь из конца в конец всю исходил, море Аральское и вдоль и впоперек все исплавал и теперь сижу в Новопетровском укреплении та жду, что дальше будет; а это укрепление, да ведомо тебе будет, лежит на северо-восточном берегу Каспийского моря, в киргизской пустыне. Настоящая пустыня! песок да камень; хоть бы травка, хоть бы деревцо — ничего нет. Даже горы порядочной не увидишь — просто, черт знает что! смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьмет — просто, хоть давись, так и удавиться нечем. Да, человек в несчастьи живет в самом себе, как говорят разумные люди, то есть размышляет. А к чему ведет размышление? спросить бы этих умных людей. К тому, что разрушает на-

дежду, эту всесветную прекрасную обманщицу! Признаюсь, я долго надеялся, но потом и рукой махнул. Да и в самом деле, мне счастье не к лицу. Родился, вырос в неволе, да и умру, кажется, солдатом. Какой-нибудь да был бы скорее конец, а то в самом деле надоело черт знает по-каковски жить.

Если будешь писать Ивану Михайловичу, то благодари его от меня за его участие в твоём добром деле. Я сам хотел писать ему, да боюсь: бог его знает, может быть он еще и рассердится, что как, дескать, смел солдат себе позволить то и то... Правда, он был когда-то человек не гордый, да ведь это было давно, а время и счастье сильно людей изменяют. Впрочем, я не думаю, чтобы и И[вана] М[ихайловича] переменяло генеральство; он, мне кажется, такой же добряк и хлебосол, как и прежде был, поэтому я все-таки напишу ему, только не с этой почтой. А почта у нас приходит и уходит один раз в месяц.

Жива ли в Городище твоя старая мать? Коли здравствует, то низко кланяюсь ей.

И кланяюсь всем общим нашим знакомым, особенно Л. Элькану и С[емененку]-Кра-

маревскому, когда здравствуют.

О новостях литературы, музыки и театра я не имею совершенно никакого понятия: кроме «Русского Инвалида» ничего^{631} у нас не имеется; «Северную Пчелу», газету литературную^{632}, забыл уже как и зовут. Сначала было для [меня] ужасно тяжело без всякого чтения. Потом стал привыкать и, кажется, совсем привыкну; когда бы поскорее! а то сидишь, сидишь сложа руки, да и захочется прочитать что-нибудь новенькое, а его нет. Так больно станет, что не знаешь, куда деваться. Но самое мучительное для меня то, что мне рисовать не позволяют. А причины — не знаю почему. Тяжело! Больно тяжело! А делать нечего... Прощай, мой искренний друже, не забывай бесталанного

Т. Шевченка.

P. S. Не встретишься ли случайно с Василем или Михайлом Лазаревскими, — познакомься с ними.

Сегодня попался мне лоскуток печатной бумаги^{633}; читаю, а там говорится о концертах прошедшей весны и о концерте г. Артемовского, как о замечательнейшем, и артист-

ке г-же Артемовской, очаровавшей слушателей игрой на инструменте, давно забытом, то есть на арфе! Боже мой, — думаю себе, — он уже женатый!

Господи, пошли тебе счастье в твоей семейной жизни!..

51. А. И. Лизогубу
— 16 июля^{634}

*Новопетровское укрепление, 1852,
июля, 16.*

Единьй друже мой! Не прогневались ли вы за что на меня^{635}?

Думаю, думаю, вспоминаю и в догадках теряюся, не обретаю за собою вины ни единыя. Впрочем, едва ли кто себя обвинит! простите великодушно, аще что содеях пред вами по простоте моей, и напишите хоть единую строку, чтобы я мог ведать, что вас еще здрава бог милосердный носит по сей грешной земле. Вот уже третий год как я не имею от вас никакого известия, последнее письмо ваше получил я в Оренбурге, 1850, в последних числах мая, на которое по разным скверным приключениям не мог отвечать вскоре, а писал

вам уже из Новопетровского укрепления того же года, месяца ноября, вам и В[арваре] Щиколаевне], и ни от вас, ни от В. Н. до сих пор не имею совершенно никаких известий, право, не знаю что думать! или панихиду по вас править, или думать, что вы на меня сердиты. За что ж бы вы на меня прогневались? Вопрос сей для меня — узел гордиев. Скорблю сердечно и тем паче плачу, что я во узах моих с вами только и В. Н. иногда переписывался. Прошу вас, умоляю! Когда получите письмо мое, то хоть чистой бумаги в конверт запечатайте да пришлите, по крайней мере я буду знать, что вы здравствуете.

Не пишу вам ничего о самом себе потому, что нет хорошего материалу для повествования, а описывать скверную мою долю тошно и грешно, по-моему. Это все равно, что роптать на бога. Пускай себе тянется жизнь моя невеселая, как мне бог дал. Одно, чего бы я просил у бога, как величайшего блага, это хоть перед смертью взглянуть разочек на вас, добрых друзей моих, на Днепр, на Киев, на Украину, и тогда, как христианин, спокойно умер бы я. И теперь не неволя давит меня в

этой пустыне, а одиночество — вот мой лютейший враг! В этой широкой пустыне мне тесно, а я один. До вас, я думаю, не дошло сведение, где именно это Новопетровское укрепление, то я вам расскажу. Это будет на северо-восточном берегу Каспийского моря, на полуострове Мангышлаке. Пустыня, совершенная пустыня, без всякой растительности, песок да камень и самые нищие обитатели — это кочующие кой-где киргизы. Смотря на эту безжизненность, такая тоска одолеет, что сам не знаешь, что с собой делать, и если б можно мне было рисовать, то, право, ничего не нарисовал бы, так пусто. Да я до сих пор не имею позволения рисовать, шестой год уже. *Ужасно!*

Что же еще написать вам? Право, нечего; худого очень нет, а хорошего и подавно, монотонно, однообразно, больше ничего. Начальника мне бог послал человека доброго, вообще люди добрые меня не чуждаются. Живу я, как солдат; разумеется, в *казармах*. Удобный случай изучить *солдатские обычаи и нравы*. Смеюся сквозь слезы; что делать, слезами горю не пособить, а *уныние* — грех вели-

кий. Дожидаем в укрепление нонешнего лета корпусного командира. Думаю просить, чтобы позволил мне в здешнюю церковь безмездно написать запрестольный образ во имя воскресения Христова. Не знаю, что будет. Великой бы радостью подарил меня, если бы позволил, вот уже шестой год, как я кисти и не видал.

Прошу вас, пишите ко мне хоть одну строчку, чтобы я знал, что вы живы и здоровы. Илье Ивановичу и всему дому вашему до земли поклон. Соседу вашему и соседке в Бегаче^{636} тоже.

Прощайте, остаюсь в ожидании известия от вас. Ваш искренний

Т. Шевченко

На обороте: Адресуйте ко мне так:

его высокоблагородию Антону Петровичу Маевскому,

коменданту Новопетровского укрепления; летом — в г. Астрахань, зимою — в г. Гурьев, на Урале.

52. Ф. М. Лазаревскому
— 2 августа * *^{637}

«Что ефто значит, что я сегодня име-

нинница? я тебя ждала! ждала! варила шеколад на цельном молоке, а ты не пришел!»

Из частного письма.

Это значит (сиречь эпитафия сей), что я прошедшего года ждал от вас не то чтобы письма, по крайней мере доброго слова, и вельми ошибся. Спрашиваю F и Z., не видали ли такого и такого? Нет, говорят, а я было уже и руку протянул за письмом! Не только не видали — и не слышали! Что за напасть такая, думаю! Не умер ли он, думаю. Так нет же, ведь осенью прошлого года спрашиваю у Костромитинова^{638}, где, говорю, такой-то и такой-то? Не умер ли, говорю, неровен час? Да нет! Живехонек и здоровехонек. Так, думаю, наверно, рассердился, а сердиться, кажется, не на что. Тогда напиши мне хоть слово. А покамест приветствуй этого доброго и благородного сотника Хаирова^{639}. Мы с ним вместе жили два года и ни разу не бранились, и это, думаю, притча во языцех. А еще скажи мне, не видел ли ты Пospelова^{640}? Как он вернулся из Раима, и кто поехал с пароходами на это мерзкое Аральское море. Да еще скажи, будь

добр, Залесскому^{641}, когда вернется он в Оренбург, что все, посланное им, получено мною с благодарностью, а увидишь Костромитинова, поклонись ему хорошенько. И старому Татаринову, которого в Малороссии какая-то наймичка мочалой умыла за то, что хотел... за нею [поухаживать]. Да еще вот что. Будешь писать Василию и Михайлу, кланяйся им, и спроси у Михайла, послал ли он то, что я просил, Лизогубу в Черниговскую губернию, потому что и до сих пор ничегошеньки не знаю, а обнищах зело. О себе если б я сказал, что мне тут хорошо, тяжело соврал бы. Пусть тебе этот добрый человек обо мне расскажет; он меня хорошо знает. Кланяйся доброму Карлу Ивановичу Герну и всем, кто меня знает. Оставайся здоров. Пусть бог помогает тебе во всем добром. Не забудь написать Михайлу. Аминь.

2 августа [1852 г., Новопетровское укрепление].

53. Ф. М. Лазаревскому
— октябрь — декабрь *^{642}

[Октябрь — декабрь 1852, Новопетровское укрепление.]

*Заграй мені, дуднику, на дуду —
Нехай свого лишенька зубуду.*^{643}

Сироте на чужбине и сухарь хлебом станет. Вот так и мне это ваше письмо. Были вы, дай вам бог здоровья, в Петербурге, не спрашиваю вас, что вы там видели, а только благодарю за то, что привезли мне поклон от Василя Езучевского и от братьев ваших, — спасибо им, что не забывают меня на чужбине, а особенно Михайлу спасибо за деньги. Пошли господь доброго здоровья Левицкому. Спасибо вам, что вы о нем написали. А башкирский офицер, которого я вам рекомендовал, должно быть умер, если он к вам не ходит, а если не умер, то, наверно, с ума спятил, а еще Казанского университета! Много кое-чего мне надо б было написать вам, да некогда. Прости меня ради св. Федора Тирона^{644}, что я тебе на скорую руку пишу. Сегодня почта пришла, а завтра уходит.

54. О. М. Бодянскому
— 15 ноября **^{645}

Новопетровское укрепление, 1852, ноябрь, 15.

Приветствую тебя, мой добрый, мой единственный друже!

Лучше всего молчать бы, ежели нечего сказать доброго, но увы! Человеку необходимо исповедовать свое горе, а мое горе великое! И кому, как не тебе, его я исповедую? Шестой год уже как я обезволен, и шестой год как не пишу никому ни слова. Да, правду сказать, и писать некому. В добре да счастья, бывало, в собаку кинешь, а попадешь в друга или в великого приятеля. Недаром Мерзляков сказал⁽⁶⁴⁶⁾: «Все други, все приятели до черного лишь дня». — А покойный Данте⁽⁶⁴⁷⁾ говорит, что в нашей жизни нет горынего горя, как в несчастьи вспоминать о прошлом счастье. Правду сказал покойный флорентинец, я это на себе теперь каждый день испытываю. Хоть тоже, правду сказать, в моей прошлой жизни немного было радостей, по крайней мере все-таки было что-то похожее немного на свободу, а одна тень свободы человека возвышает. Прежде, бывало, хоть посмотришь на радости людей, а теперь и чужого счастья не видишь. Кругом горе, пустыня, а в пустыне казармы, а в казармах солдаты. А солдатам какая радость

к лицу? В такой-то сфере, друже мой, я теперь прозябаю. И долго ли еще продлится это тяжкое испытание? Не жаль бы было, если б терпел да знал за что? А то, ей-богу, не знаю. Например, мне запрещено рисовать, а я во всю жизнь мою одной черты не провел предосудительной, а не давать заниматься человеку тем искусством, для которого он всю жизнь свою посвятил, это ужаснейшая кара! Кроме душевных мучений, которые я теперь терплю, я не имею, наконец, кроме солдатской порции, ничего лишнего, не имею, наконец, бедного рубля денег, чтобы хоть святцы выписать, не говорю уже о журнале. Вот какое горе одолело! Просить стыдно, а красть грех, что тут делать? Я думал, думал, да и выдумал вот что: поиздержись немного, узника ради, и пришли мне «Летопись» Конисского или Величка^{648}, великое скажу тебе спасибо. Со времени моего изгнания я ни одной буквы не прочитал о нашей бедной Малороссии, а что знал о ее минувшем прежде, то и малое быстро забываю, и твой подарок будет для меня истинною радостью. Послал бы я тебе денег на эту книгу, так же, ей-богу, нет. Во всем

укреплении только один лекарь выписывает кой-что литературное, а прочие как будто и грамоты не знают. Так у него, у лекаря, когда выпросишь что-нибудь, так только и прочитаешь, а то хоть сядь да и плачь.

Нынешнюю осень посетил наше укрепление некто г. Головачев^{649}, кандидат Московского университета, товарищ известного Карелина и член общества московского естествоиспытателей. Я с ним провел один только вечер, то есть несколько часов, самых прекрасных часов, каких я уже давно не знаю. Мы с ним говорили, говорили, и, боже мой, о чем мы с ним не переговорили! Он сообщил мне все, что есть нового и хорошего в литературе, на сцене и вообще в искусстве. О тебе вспомнил я, и Головачев, как ученик и почитатель твой, говорил о тебе с восторгом. В 9 часов вечера мы с ним расстались (по проби-тии зори мне, кроме казарм, нигде быть нельзя). Я не мог с ним написать тебе и несколько слов, просил его тебе низенько поклониться, только и всего. В тот самый день, как я встретился с Головачевым, то есть 1-го октября, получил я письмо от твоего товарища, а от мое-

го доброго приятеля Андрея Козачковского, из г. Переяслава, благодарю его, он один меня не забывает в напасти.

Когда получишь мое послание, то раздери его надвое и одну половину отдай Аполлону Филипповичу Головачеву, ты его, вероятно, нередко видишь.

Прощай, мой друже богу милый! желаю тебе радости в благоугодных трудах твоих, не пишу тебе много потому, что и это немногое так печально, что, может быть, ты и читать не захочешь.

Оставайся здоров, не забывай бесталанного

Т. Шевченка.

1853

55. С. С. Гулаку-Артемовскому
— 15 июля ^{**{650}}

*Новопетровское укрепление, июня, 15,
1853.*

Я так думаю, друже мой милостивый, что только одни бесталанные одинокие горемыки, — такие, как я теперь, — в одиночестве, на чужбине, способны ощущать то счастье, ту великую радость, какую я почувствовал, получивши твое сердечно-дружеское письмо. Хорошо ты делаешь, брате Семене. Да вознаградит тебя господь за твою доброту, и женушку твою, и деточек твоих!

В продолжение шести лет моей тяжелой неволи я пробовал писать кое-кому из своих друзей-приятелей — так что ж!.. Тяжко, страшно тяжело, друже мой единый!

С июля прошедшего года я до сей поры не получил ни одного письма и думал уже, что я всеми забыт; только получается на прошлой неделе астраханская почта, а с почтою и письмо твое, друже мой добрый. Только какая

история из-за этого письма вышла: комендант Маевский умер прошедшею зимою⁽⁶⁵¹⁾, а новый комендант⁽⁶⁵²⁾ письмо твое с 10 р. хотел отправить назад. Великого труда мне стоило упросить его, чтобы он раскрыл конверт. Вот таким то образом получил я твое искреннее послание. И куда уж его ни возили: и на Кавказ, и в Оренбург, и снова в Астрахань, а уже из Астрахани насилу пришло в мои руки.

Что же теперь написать тебе о моей бедной, невольнической жизни? Думаю, лучше всего — ничего не писать, потому что хорошо сказать нечего, а про дурное лучше промолчать. Пусть она врагам нашим снится. Ты пишешь, что не знаешь дела, по которому меня постригли в солдаты! Знай же, что дело не подлое, и еще знай, что мне запрещено писать (кроме писем) и рисовать — вот где истинное и страшное наказание. Шесть лет уже прошло, как я мучуся без карандаша и красок. Горе! и еще горе! Вот до чего довели меня стишки, трижды проклятые...

Нашел я близ укрепления хорошую глину и алебастр. И теперь, тоски ради, занимаюсь скульптурой⁽⁶⁵³⁾. Но боже, как жалко я занима-

юсь этим новым для меня искусством: в казармах, где помещается целая рота солдат; а про модель и говорить нечего. Бедное занятие!

Спасибо тебе, что напомнил ты мне про К. И. Иохима⁶⁵⁴; хоть я, правду сказать, и не забываю моих добрых приятелей, но не писал ему потому, что боялся его молчания на мое послание, как это сделали другие мои приятели, в том числе и Михайлов, товарищ мой по Академии. Кто его знает, где теперь он? Да и не один он такой. Перовский привез с собою в Оренбург некоего Гороновича⁶⁵⁵, тоже моего товарища по Академии, и когда его спросили, не знаком ли он со мною, то он просто сказал, что и не видал меня никогда. И такие бывают люди на свете! Иохиму я пишу небольшую цидулу и прошу тебя передать ему и просить его о том на словах, о чем я его в письме прошу, а прошу я его вот о чем: если он и теперь занимается гальванопластикой, то у него, вероятно, есть форма [для] небольших фигурок, то пускай из [них] выберет одну или две изящнейших и выльет хоть из папье-маше и пришлет мне, ради святого искусства. Я мог

бы их копировать из глины, и это заменило бы мне, в некотором роде, натурщика или натурщицу. Попроси его, брате Семене! Вылепил я небольшой барельеф, вылил его из гипса и хотел тебе послать один экземпляр, так не знаю, довезет ли почта такую хрупкую вещь, как гипс, это раз; а другое и то, что известно и посылать в столицу такую ничтожную штуку, как мой первенец-барельеф. А вот, даст бог, поучусь и вылеплю второй, — так уже стеарином залью и пришлю тебе.

Я слышал, что граф Толстой занимался опытом над гутаперчею⁽⁶⁵⁶⁾, чтобы выливать свои медали, так спроси у Иохима, не знает ли он, каковы результаты опытов г. Толстого. Вот бы хорошо было! Я бы и себе выписал гутаперчи, да и принялся бы выливать свои бедные произведения.

Я уже думал было устроить себе маленький гальванопластический аппарат, так что ж, в большом городе Астрахани, кроме кумысу и тарани, ничего достать нельзя, даже немуравленного горшка, который при этом деле необходим, а о медной проволоке и не слыхала Астрахань! Вот город, так город! На-

стоящий восточный, или, лучше сказать, татарский.

Я еще прошу Карла Ивановича, не сообщит ли он мне своих простых практических средств в отношении гальванопластики, потому что я, кроме физики Писаревского⁽⁶⁵⁷⁾, ничего не имею, а в ней говорится о сем предмете слишком лаконически.

Эх! то-то было б, глупый Тарасе, не писать было б скверных стихов да не упиваться так часто водочкою, а учиться было бы чему-нибудь доброму, полезному, — вот бы теперь как находка. А поседел, польсел, дурень, да и принялся учиться физике. Не думаю, чтобы из этого что вышло, потому что я от природы вышел какой-то неконченный: учился живописи и не доучился, пробовал писать — и вышел из меня солдат, да какой солдат — прямо копия с того солдатского портрета, что написал Кузьма Трохимович у покойного Основьяненка. А тем временем стареюсь и постоянно болею, бог его знает, отчего это? Должно быть, от тоски да неволи. А конца все-таки не вижу моей грустной перспективе, да без проекции, правда, его и видеть невозможно; а у

меня какая протекция? Правда, были кое-какие люди, так что ж?

*Одних уж нет^{658}, а те далече,—
Как Пушкин некогда сказал.*

И мне теперь осталось одно — ходить тут по степи, долго еще ходить да мурлыкать:

*Доле моя^{659}, доле, чом ти не та-
кая,
Як інша чужая!*

Кланяюсь низенько твоей Александре Ивановне и сердечно целую твоих деточек и Варвару и Александру, — пусть здоровые растут и счастливые будут.

Так теперь для тебя Городище — чужое село: старая твоя мать умерла, царство ей небесное.

Оставайся здоров и будь счастлив во всех твоих начинаниях, мой искренний, мой единственный друже Семене!

Твой искренний *Т. Шевченко*

56. С. С. Гулаку-Артемовскому

— 6 октября **{660}

6 октября 1853 [Новопетровское укрепление].

В декабре (или генваре) нынешнего года получишь ты, единый друже мой Семене, из частных рук, а не по почте, небольшой ящичек с делом рук моих, сказать по правде, с несовершеннейшим делом; да что поделаю? Вылепить-то я еще кое-как вылепил, а вылить и до сих пор не умею; правду сказать, не то, что не умею, — материалу хорошего негде взять, сиречь, алебастру. Прими богу приемшу что есть и не осуди: на тот год, бог даст, пришлю что-нибудь получше и то, если только достану алебастру из этой мерзкой Астрахани.

Ежели в декабре или генваре ты не получишь этого, то, будучи на Васильевском острове, зайди в Академию наук, в ту, что у биржи, и спроси на квартире у академика фон Бэра⁶⁶¹ камердинера его Петра, а у Петра спроси ящик на твое имя, а, может, тебе тот Петро и сам принесет — не знаю.

К. И. Иохиму не показывай моего «Трио», а то я хорошо знаю, что он меня выругает. А все-таки поклонись ему, когда увидишь, и попроси, чтобы он мне прислал какой-нибудь маленький барельефик, а чтобы ему не тра-

титься на почту, пусть отдаст тебе, а ты передай этому Петру, а Петро и привезет его в марте месяце в самую Астрахань. Академик Бэр весною будет снова у нас и привезет мне этот подарок Карла Ивановича.

Видишь ли, друже мой единый, почему я так прошу у Карла Ивановича барельеф какой-нибудь: мне, ты знаешь, рисовать запрещено, а лепить — нет, я и леплю теперь, а вокруг не вижу ничего, кроме степи и моря, — вот и хотелось бы хоть поглядеть на что-нибудь хорошее! Может, поглядев, и моя старая измученная душа встрепенется; пусть и не встрепенется, так на старости тихонько заплачет, глядя на прекрасное создание души человеческой.

Теперь бы хоть в сторонке постоять у Академии, а прежде, — да что и вспоминать! Если бываешь иногда у старого Григоровича, поклонись старику от меня и Софии Ивановне^{662}, коли жива, тоже поклонись. Да еще, прошу тебя, зайди в магазин Дациаро (на углу Невского проспекта и Адмиралтейской площади) и взгляни на тетрадь литографированных рисунков Калама^{663}, а, взглянув, спроси,

что они стоят, и напишешь мне. Аминь.

Женушке твоей и деточкам твоим кланяюсь. Не забывай меня, друже мой единый.

Может, ты не получил (а я получил твои деньги) моего письма, так вот тебе еще один адрес.

**57. Бр. Залесскому^{664}
— сентябрь — ноябрь^{665}**

[Сентябрь — ноябрь 1853, Новопетровское укрепление.]

Извини мне, друже мой добрый, что пишу так мало, не имея ни времени, ни места. Благодатное лето прошло и унесло с собою и самую тень чего-то похожего на свободу; до сих пор еще боятся позволить приютиться мне где-нибудь, кроме казарм. Эгоизм и эгоизм! — больше ничего.

Добрый мой друже! получил я с твоим последним письмом сердцу милые портреты. Бесконечно благодарю тебя; я теперь как бы еще между вами и слушаю тихие задумчивые ваши речи. Если бы мне еще портрет Карла^{666}, и тогда бы я имел все, что для меня дорого в Оренбурге.

С последней почтой послал тебе «Байгущей»^{667}; приюти их, если можешь, где-нибудь, а перед тем, как пустишь ты их в чужие люди, сделай мне, если это не трудно, фотографические копии в величину обыкновенного конверта; мне хотелось бы подарить их Агате^{668}, ей они очень нравятся. Я сделался настоящий попрошайка, в каждом моем письме я чего-нибудь прошу у тебя, просто бессовестный я! а кто совестится в таких случаях друга, значит не имеет друга: мое такое понятие о дружбе, и это понятие должно быть общее.

Попробуй, не удастся ли тебе на темном фоне [нарисовать] детские головки, и чтоб не искать моделей, то посади secondo Цейзика^{669}; я так люблю детей, что не насмотрелся бы на верный отпечаток ангела.

Хорошо бы было, если б коллекция картин н[ачальника] [штаба] состояла не из его собственных произведений; но на безрыбье и рак рыба: может быть, в его копиях есть хоть что-нибудь похожее на оригинал, а если и этого нет, то все-таки есть человек, любящий прекрасное божественное искусство, а между

варварами это дар божий.

Если в Защите у Дмитриева найдешь хорошие эстампы⁽⁶⁷⁰⁾ новой французской школы, как-то Делакруа, Делароша, Ораса Вернье и других, то хорошо скопировать их посредством фотографии, и держи эти копии у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый час; это так может научить и образовать вкус, как никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философия. Великий Брюллов говаривал бывало: «не копируй, а всматривайся», и я совершенно верю бессмертному Брюллову. Но я, кажется, взял на себя роль профессора, это для тебя только, друже мой милый, потому что в Оренбурге⁽⁶⁷¹⁾ тебе и этого некому сказать, а ты так любишь прекрасное искусство. Боже мой! Когда мы увидимся? когда мы поговорим с тобою, глядя друг на друга? Неужели все к лучшему? Нет, это поговорка близоруких.

Я вчера только узнал от Мостовского, что Колесинский в Оренбурге; кланяйся ему от меня и от Мостовского. М. для меня теперь настоящий клад; это один-единственный человек, с которым я нараспашку, но о поэзии ни

слова. Странно, человек тихий, добрый, благородный, безо всякого понятия о прекрасном! Неужели это доля всего военного сословия? Жалкая доля!

Мне давно хочется завести переписку с Совою^{672}, но не знаю, как и начать. По-польски я писать не умею, а по-русски как-то неловко, но на всякий случай сообщи мне его подробный адрес. Будешь писать ему, кланяйся и целуй его за меня.

Что мне еще написать тебе на скорую руку? Кажется, ничего больше, как только поцелуй искренно Михайла и Карла^{673}, когда придет. Поцелуй руку ојса prefekta и, если Средницкий в Оренбурге, поцелуй его щиро. Где Турно и что с ним?.. Прощай, мой единый друже. Будешь писать Аркадию, целуй его от меня. Пиши S. и его целуй и всех, кто помнит обо мне, целуй.

1854

58. Бр. Залесскому
— январь^{674}

1854, генваря [Новопетровское укрепле-
ние].

Радуюсь твоею радостью, друже мой еди-
ный! Дай тебе господи увидеть твою скорб-
ную мать и свою прекрасную родину.

Прости меня, друже мой единый, ежели
найдешь письмо мое нескладным и, может
быть, бессмысленным. У нас сегодня байрам у
Ирак[лия]^{675}, и я пишу тебе далеко за пол-
ночь, то есть часу в 4-м, а в этом часу, я ду-
маю, и у Юнга мысли были бы не на месте^{676}.
Но это в сторону, а вот в чем дело: благодарю
тебя сердечно за «Трио» и проч., благодарю
тебя за письма к Аркадию; благодарю тебя за
память о Варваре, и ежели ты получишь о
ней какое бы то ни было известье и вскоре со-
общишь мне, то я тебя не благодарить буду, а
боготворить.

Еще раз благодарю тебя за копию «Мона-
ха»^{677}, и — я тебе как богу верю — ежели Лев

Филиппович такой человек, как ты говоришь, то и ты и он скоро увидите и Ак-Тау и Кара-Тау, ежели не красками, то по крайней мере *сепиёю*.

С того времени, как мы расстались с тобою, я два раза был на Ханга-бабе^{678}, пересмотрел и перещупал все деревья и веточки, которыми мы с тобою любовались, и признаюся тебе, друже мой, заплакал. Не было с кем посмотреть на творение руки божей — вот причина слез моих: ты был далеко, близкие куропаток и диких голубей искали в поле; мне хотелось посетить Ханга-бабу с Д[анилевским]^{679}, и Д. тоже хотелось, но фон Бэр такой аккуратный немец, какого и в сердце Германии редко встретить можно: три дня, говорит, буду на Мангышлаке, то есть в Новопетровском укреплении; сказал, как отрезал, — просто хуже всякого немца.

Поцелуй Карла за меня и скажи ему, что ежели он решился побывать на Сыре^{680}, то я пойду за ним на Куань и на Аму, в Тибет и всюду, куда только он пойдет.

С следующею почтою напиши мне о делах Карла или, как ты говоришь, при первом доб-

ром известии. «Иордана» и Сову я знаю⁽⁶⁸¹⁾, как твое сердце, и, спасибо трем людям, теперь уже не в Петрозаводске, которые знали меня лично и не забыли меня, а тому, что остался один из трех, посылаю сердечный поцелуй, а тем, которые знают меня не лично и вспоминают обо мне, тысячу кровосердечных поцелуев и братскую любовь.

Ты говоришь мне о Белозерском и о моей бедной «Катерине»⁽⁶⁸²⁾, как будто ты их лично знаешь; а коли знаешь, то напиши мне о Белозерском и о «Катерине». Мы с тобою поговорим, когда увидимся, и тогда я тебя с ею познакомлю, а Ильяшенка и Петрова забудь⁽⁶⁸³⁾ и ты так, как я их не помню.

Алексею Ивановичу пожелай всех благ⁽⁶⁸⁴⁾ от меня в его новой жизни; поблагодари его за память обо мне, а ее за копии с «Монаха».

Поцелуй Пospelова, ежели он в Оренбурге. Гороновичу скажи, что в Бельгии и прославленным художникам делать нечего... впрочем поклонися ему.

Земляка из Тального и Михайла, земляка С[ераковского], обними и поцелуй так, как я бы его поцеловал. С Михайловым ты виделся

^{685}мимоходом, и говорил он тебе [о] «Быке с киргизом», и за то благодарю. Дай бог ему всего того, чего он сам себе желает, а нам с тобою дай боже еще раз увидеться в этой жизни.

Поздравь Фому^{686} от меня и извинись за меня, что я ему не пишу с этой почтой; завтра ученье и караул, и Алексею скажи тоже.

Из приказов я вижу, что ты назначен в д. Баталь, а ты пишешь, что вскоре отправляешься на Сыр, и я не знаю, что думать. Напиши мне, ради святого Бронислава, как тебе адресовать мои грешные послания.

Цейзика и Людвигу поцелуй от чистого сердца.

Целую руки ојса prefecta.

Когда увидишь Фому Лазаревского^{687}, отдай ему мою грамотку и скажи ему, что не было времени больше написать.

Ты мне ничего не пишешь о Аркадие. Что он и что с ним? Пиши ему и целуй его за меня и скажи ему, чтобы он безбоязненно адресовал свои письма на имя коменданта Новопетровского укрепления.

Прощай, не забывай. III.

59. А. О. Козачковскому^{688}

14 апреля 1854 [Новопетровское укрепление].

Христос воскрес! Друзе мой единый! Вчера только привезла почта из Гурьева твое письмо, написанное тобою 14 генваря. Видишь ли, в чем дело, Новопетровское укрепление в продолжение зимы не может получать денежной почты, а получает ее только в продолжение лета, вот по этому обстоятельству и я получил твое сердечное послание только 13 апреля, то есть с первою летнею почтою.

Спасибо тебе, друже мой единый, за твои десять рублей, или, как ты пишешь, какого-то хорошего общего знакомого нашего, и ему и паче тебе спасибо, ему спасибо за деньги, а тебе спасибо за то, что послал ты мне их. За одно спасибо не скажу: почему не написал мне, кто этот *общий знакомый* наш, столь памятливым и щедрый? Только (я думаю), не ты ли это сам посылаешь мне, неимущему, из собственного дырявого кармана. Я думаю, что так. Сердце мое мне нашептывает, что так.

Спасибо ж тебе еще раз, друже мой единый! Дай тебе господь милосердный больше не хронить любимых деток, а растить их на все доброе людям, а себе на тихую стариковскую радость. Поцелуй их — маленьких — за меня и в шутку скажи им, что далеко где-то старый, лысый, усатый солдат молится богу и, молясь, просит его, милосердного, чтобы вы есте большими росли и здоровыми были, а жену твою, почему ты мне не напишешь, как ее звать, поцелуй за меня трижды. Да еще, почему ты мне не напишешь, большие ли уже деревья, посаженные тобою осенью 1845 года, ведь пишу ли я тебе это письмо, или просто тебя вспоминаю, все будто вижу, как ты у забора рядочком осенью деревья сажаешь.

Друже мой милостивый! Как получишь сие бесхитростное послание, выбери хороший погожий день, да прикажи заложить в бричку лошадей, да посади рядом женушку свою и деточек своих малых, да поезжайте с богом в Андруши, погуляйте хорошенько в архиерейской роще, а гуляя под дубами и вербами, вспомни, как однажды перед вечером мы с тобою в Андрушах гуляли.

Дурак я, да еще и большой дурак! Мне теперь кажется, что даже на том свете рай не будет прекраснее Андрушей, а вам-то, может, даже опостылело смотреть и на синие трахтемировские горы. Боже мой, господи единый! Увижу ли я эти горы когда-нибудь хоть единым глазом? Нет! Никогда я их не увижу! А если и увижу, так, может, с того света или на этом свете приснятся когда-нибудь.

А ну его — лучше и не вспоминать, а то как вспомню нашу несчастную Украину, слезы так и закапают из старых глаз.

Давно шевелится у меня в голове мысль ⁽⁶⁹⁰⁾ перевести на наш прекрасный украинский язык «Слово о полку Игоря». Да нет у меня подлинника, а перевода читать не могу. Так вот что я думаю. В вашей семинарской библиотеке, наверно, есть издание Шишкова или Максимовича «Слово о полку Игореве», перевод с текстом, так ты, ради великой моей любви, попроси-ка какого-нибудь скорописца списать для меня один экземпляр с переводом текст этой небольшой, но премудрой книги, а я тебе за это... что ж я тебе сделаю неимуций: поблагодарю от всего сердца и

больше нечего... Вонми гласу моления моего, друже мой единый, пришли мне текст «Слова о полку Игоря», а то на твоей душе будет грех, если не будет оно, это «Слово», переведено на наш задушевный, прекрасный язык.

Недавно опубликован в газетах перевод «Слова о полку Игоря» Н. Гербеля и его же издание — перевод с текстом и рисунками какими-то, а цена 3 рубля серебром, — а чтоб он провалился со своей книгою и рисунками, кроме текста святого.

Для текста думал было выписать эту хитро напечатанную книгу, но как сосчитал свои деньги, так рукою махнул, спасибо тебе, что ты мне помог, а то... да ну его, и рассказывать тошно.

Оставайся здоров, друже мой милостивый, поцелуй за меня свою жену и своих маленьких деточек; иногда вспоминай бесталанного.

Т. Шевченка.

Пиши Бодянскому О. М. и кланяйся ему от меня.

60. О. М. Бодянскому
— 1 мая ^{*{691}}

1854, 1 мая [Новопетровское укрепле-

ние].

Христос воскрес! Приветствуй, друже мой **Е**диный, вот этого уральского казачину, я познакомился [с ним] не очень давно, он мне тогда казался добрым человеком и настоящим уральским казаком, может, теперь испортился в вашей белокаменной. Вот что! — Он у тебя попросит для меня «Слово о полку Игоря» Максимовича или Шишкова, дай ему ради святой нашей поэзии один экземпляр, коли у тебя есть. Видишь, у меня давно уже мысль зашевелилась перевести его, это «Слово», на наш милый, на наш дорогой украинский язык. Достань, будь добр, и передай этому казачине. Спасибо тебе, друже мой милостивый, за летописи⁽⁶⁹²⁾, получил я их от Головачева все до одной и теперь, слава господу, читаю понемногу. Писал еще я в Киев Иванышеву, чтоб прислал мне летопись Величка; так вот уже второй год жду — не дождусь, да, может, Иванышев (совести у него нет) забыл, как меня и зовут⁽⁶⁹³⁾, а коли так ведется на сем свете, то не забывай хоть ты меня, мой единственный друже! Нет ли у тебя какого-нибудь завалящего, плохонького экземпляра этой летопи-

си Величка, если есть, отдай этому казачине, а он мне перешлет ее, я о твоём здравии богу помолюсь.

Не увидишься ли когда-нибудь с Головачевым, поцелуй его за меня и скажи ему, что я и до сих пор жду *Щербину*^{694}, — видишь, когда мы с ним виделись в этом мерзком укреплении, он читал мне некоторые стихи Щербины и обещался выслать мне из Москвы один экземпляр, да и до сих пор нет.

Оставайся здоров. Будет у тебя свободное время, сходи в *Симонов монастырь*^{695} и за меня помолися богу на могиле Гоголя за его праведную душу. Не забывай

Т. Шевченка.

На обороте: О. М. Бодянскому.

61. Бр. Залесскому

— 6 июня^{696}

6-го июня 1854 [Новопетровское укрепление].

Приветствую тебя, друже мой, богу милый! Приветствую тебя[10] на лоне девственной, торжественно прекрасной природы! Много бы и много молитв сердечных послал

бы я ко престолу живого бога за один час, проведенный с тобою в дремучем сосновом лесу, под темной тенью широковетвистой, мрачной, как дума Оссияна, ели. Хорошо и, боже милый, как хорошо прошел бы этот час с тобою вместе. Мы бы выбрали хороший пункт и освещение и нарисовали бы, по мере сил, грустную и величественную царицу лесов туманного севера. Но увы! этой великой радости не суждено испытать мне, бесталанному. Самая горькая отравка нашего морального бытия — это безнадежность, и эту жестокую отравку я вполне чувствую.

Прочь! прочь! змея лютая, ненасытная, хоть на один час, пока беседую с тобою, друже мой милый! друже мой единый!

Первое твое письмо прочитал я и немало удивился, что ты в нем ничего не вспоминаешь о моей просьбе, и это вышло потому, что ты не читал моего письма от 5-го февраля, а я читал твое письмо и не посмотрел, что оно писано 20 февраля. Слона-то, как говорит Крылов, я и не заметил да сдуру и задаю себе вопрос, что бы это могло значить. Во втором твоём письме я прочитал, что ты получил

мое письмо уже на месте твоего теперешнего пребывания⁽⁶⁹⁷⁾: и слава богу, как ты говоришь. Письмо твое к Сигизмунду⁽⁶⁹⁸⁾, вероятно, не застало уже Карла в Оренбурге, потому что и до сей поры не имею от него никакого известия. У Плещеева действительно не оказалось германских книг⁽⁶⁹⁹⁾, не оказалось даже денег, чтобы купить их: это естественно, человек перед походом. А ты до глубины обрадовал мое сердце обещанием прислать *Кернера* и особенно *Богдана Залесского*⁽⁷⁰⁰⁾. Благодарю тебя, друже мой милостивый! Благодарю я тебя и за прекрасные песни Совы⁽⁷⁰¹⁾; мне особенно понравилось из них «Два слова» и «Экспромт»; если ты с ним в переписке, то в каждом твоём [письме] целуй его за меня всюю полнотою моего сердца.

От поэзии перехожу прямо в прозу. Что делать! такова жизнь наша. Вот в чем дело: Ираклий просит тебя, чтобы заказал для него в Екатеринбурге яшмовую или топазовую печатку, для чего и посылается тебе это изображение, правду сказать, весьма неуклюжее, а потому ты и оставь его втуне, а закажи такой величины и формы, как ты свое последнее

письмо запечатал, с изображением лука и колчана на щите, а наверху щита, вместо шлема, дворянская корона.

Если просьба эта не будет сопряжена с большими затруднениями, то, прошу тебя, исполни ее. Есть у меня в Екатеринбурге на гранильном заводе товарищ мой, некто Пономарев⁽⁷⁰²⁾: обратися к нему или как найдешь лучше.

Кланяется тебе Ираклий и Агата, кланяется тебе З[елинский] и Н[икольский]⁽⁷⁰³⁾.

Вот еще что: если ты не запасся *Каламом*, то советовал бы тебе выписать его через Аркадия, хоть несколько эпизодов: это было [бы] для тебя весьма полезно. Я из Одессы не имею совершенно никаких сведений, а сам не пишу туда потому, что не имею адреса. Бога ради, пришли ты мне адрес Аркадия.

В последнем письме П[лещеев] писал мне, что ојсіес prefekt сильно и опасно захворал; правда ли это?

Добрый Л[ев] Ф[илиппович] просил В[асилия] А[лексеевича], чтобы позволил мне написать образ для здешней церкви, и мне отказано!

Грустно! невыносимо грустно! при таких неудачах, я думаю, и величайший поэт откажется от всякой надежды на лучшую долю, а мне, бесталанному, и давно можно закрыть глаза для будущего лучшего.

Прощай, друже мой верный! да благословит господь все дела твои, все намерения твои! Не забудь выписать Оссияна, он, кажется, есть в французском переводе. Ты теперь его с наслаждением читаешь. Декорация у тебя для Оссияна превосходная.

Не имею больше тебе ничего сообщить, друже мой, ни хорошего, ни худого, кроме разве, что у меня ни полкарандаша Фабера не имеется; а хорошее вот что у нас: прошедшей осенью Ираклий посадил на известном тебе огороде несколько верб, и они теперь зеленеют; лет через 10 их можно будет рисовать, а пока я ограничиваюсь воображением, тебе же советую, друже мой, как можно более делать этюдов с деревьев. Не упускай случая, учись, бог знает, придется ли другой раз провести лето в лесу.

Как бы я рад был, если бы хотя к зиме состоялся твой перевод в Оренбург; я бы себя

чувствовал меньше сиротою, нежели это я теперь чувствую.

Кланяйся и целуй Аркадия и сына его Бронислава.

Еще раз прошу тебя насчет печатки, а в отношении формы я полагаюсь совершенно на тебя. Еще маленькое условие: чтобы печатка обошлась не более 10 руб. сер.

Поцелуй Ф[ому] и извини меня перед ним, что я не пишу ему теперь, — в караул гонят.

62. Бр. Залесскому

— 9 октября^{704}

9 октября, 1854-й год, [Новопетровское укрепление].

Вот что, мой искренний друже! Мы вообще более или менее любим извинять свои даже неизвинительные проступки и маскировать их чем попало, лишь бы казалось правдоподобно. Я тоже человек, только не маскирую перед тобою моего долгого, ничем не извинительного молчания, а расскажу тебе всю правду, как было. Почти вместе с твоим письмом прибыла к нам экспедиция Бэра, а в этой экспедиции (как я тебе и прошлый год писал)

находится и твой знакомый Н. Данилевский (который помнит и кланяется тебе), а такое явление, как Д., в нашей пустыне может скружить и не мою голову. В продолжение его пребывания здесь я почти с ним не разлучался. Он своим присутствием оживил во мне, одиноком, давно прожитые прекрасные дни. Теперь, я думаю, ты простишь меня за молчание. Вообрази меня несколько дней сряду счастливым, и ты, как мой самый искренний друг, простишь меня и в сердце порадуешься моей мимолетной радости. Д. уехал теперь на короткое время в устье Эмбы, и я, пользуясь его отсутствием, пишу панегирик прекрасному уму и сердцу Н. Д., а впрочем, все, что мне бы хотелось написать тебе о нем, то это не уместилось бы и на двух дестях бумаги, а не то, что на одном листе, а потому я ограничусь, сказав тебе, что он во всех отношениях прекрасный человек; жаль только, что он ученый, а то был бы настоящий поэт.

Но довольно пока о Д., поговорю о себе: с наслаждением прочитал я твое искреннее письмо и душевно порадовался твоей надежде быть переселену в Оренбург, все-таки бли-

же ко мне. С[игизмунд] даже пишет мне, что ты оставляешь военное сословие и делаешься библиотекарем Оренбургской публичной библиотеки. Дал бы бог! Я, впрочем, поверю только тогда, когда ты мне сам напишешь. Так ли, или иначе, только я сердечно желаю, чтобы ты скорее переселился в Оренбург. Из твоего описания окрестностей Златоуста я вижу, что тамошние леса совсем не похожи на оссиановские леса, а более похожи на полярные, безлюдные пустыни, величавые только своим пространством.

Милого Богдана^[705] я получил с сердечной благодарностию и теперь с ним не разлучаюсь; многие пьесы наизусть уже читаю, одно иногда сердце тяготит — некому слушать, некому передавать той прелести, которую заключает в себе поэзия, а одному тяжело носить этот избыток возвышенных божественных идей. Во всех отношениях человек необходим для человека. Нынешнее лето прибыло сюда несколько человек конфирмованных; но лучше было б не видать мне их никогда. Пустота странная! но бог с ними.

Переводы Софы^[706] так прекрасны, как и его

оригинальная поэзия, и я не из скромности авторской, а говорю, как понимаю вещь. «Катерина» моя не так хороша, а главное не так цела, чтобы ее переводить, и переводить Сова, а, впрочем, он, может быть, это лучше меня знает. «Два слова» — эта идея так возвышенно прекрасна и так просто высказана у Сова, что П[лещеева] перевод⁽⁷⁰⁷⁾, хотя и передает идею верно, но хотелось бы изящнее стиха, хотелось бы, чтобы стих легче и глубже ложился в сердце, как это делается у Сова.

Ты мне обещаешь еще том В[ogdana] Z[alieskiego]; благодарю тебя, друже мой единый! Что же я тебе пошлю? чем я с тобою поделюсь? Я здесь, по милости Никольского, читаю постоянно [новинки] русской литературы и прочитал биографию Гоголя⁽⁷⁰⁸⁾, которую ты мне рекомендуешь. Она заинтересовала меня, как и тебя, письмами как документами, но как биография она неполна. Ты мне в первый раз говоришь о Гороновиче довольно ясно, и я рад, что ты его, наконец, увидел с настоящего пункта. Как живописца я его не знаю, а как человек он дрянь, это я знаю; но бог с ним.

Одесские события⁽⁷⁰⁹⁾ и на милого нашего Аркадия имели влияние, а в том числе и на меня, разумеется, косвенно; я, впрочем, еще и «Цыгана» не промотал, следовательно до нужды еще далеко, а он-то, бедный, как видно, в порядочных тисках. Когда будешь писать ему, не забудь поцеловать его за меня.

Я так опоздал теперь с своим письмом, что не знаю, куда и адресовать. Теперь уже осень, и я тебя воображаю в Оренбурге, а ты можешь быть еще в Богословском заводе: что делать, не знаю. Во всяком случае я адресую на имя ојса prefekta, и когда ты уже в Оренбурге и Карл тоже, то, прошу тебя, поторопися выслать то, о чем я тебя просил, кроме платья, поторопися потому, что к нам тяжелая почта приходит в последний раз в октябре. Если не успеешь, то отложи до марта. Сигизмунд прислал мне шесть карандашей Фабера № 2, и они лежат у меня без употребления. Не забудь, что карандаши у меня в кармане в пальто, там же, в кармане, есть еще две гравировальные иглы и два куска черного лаку для натирания медной доски; их тоже пришли.

Ираклий кланяется тебе и просит тебя не

забыть о печати, и я о том же прошу тебя; ты этим меня заставишь долго и искренно благодарить тебя.

Агата тоже тебе кланяется; эта прекрасная женщина для меня есть истинная благодать божия. Это одно-единственное существо, с которым я увлекаюсь иногда даже до поэзии. Следовательно, я более или менее счастлив; можно сказать, что я совершенно счастлив; да и можно ли быть иначе в присутствии высоконравственной и физически прекрасной женщины? Она тебя помнит и вспоминает о тебе часто с удовольствием.

Что же мне еще написать тебе, друже мой единый? Ничего не напишу, чтобы не испортить письма какою-нибудь грустной мыслию. Неправда ли, ни одно письмо мое к тебе не оканчивалось так отрадно, как это? Великая вещь — сочувствие ко всему благородному и прекрасному в природе, и, если это сочувствие разделяется с кем бы то ни было, тогда человек не может быть несчастлив. Если будешь писать Сове, то поцелуй его за меня и пожелай ему много-много возвышенных мыслей и стихов.

А если ты теперь в Оренбурге, то поцелуй за меня руку ојса prefecta и поцелуй милого моего и доброго Цейзика. Сигизмунду я пишу теперь же.

Не забывай меня, друже мой единый.

63. О. М. Бодянскому
— 3 ноября ^{*{710}}

Посылаю тебе, друже мой единый, с г. Семеновым изображение этого никудышного гетманца^{711}. Смотри на него да вспоминай и меня иногда. Я боялся нарисовать себя солдатом, чтобы ты, неровен час, не испугался, увидев изображение мое в солдатской шинели или, упаси бог, и в мундире! А гетманец, думаю, не устрасит тебя, а, может, еще и обрадует твою запорожскую душу. Прими же его и приветствуй этого никудышного гетманца, друже мой единый! Послал бы тебе что-нибудь получше, так у меня теперь, ей-богу, нет ничего, а о моей злой доле расспроси г. Семенова, он тебе расскажет обо мне, о таком, каким он меня хорошо видел.

Писал я тебе недавно через одного моего большого приятеля^{712}, уральского казака, да и до сих пор не знаю, получил ли ты от него

мою цыдулу или нет.

Нашлось бы еще кое-что о чем тебе про себя написать, да некогда.

Спасибо тебе еще раз за летописи, я их уже на память читаю. Оживает моя малая душа, читая их! Спасибо тебе!

Иногда вспоминай искреннего твоего Т. Шевченка.

Ноября, 3, 1854 года, [Новопетровское укрепление].

На обороте: Осипу Максимовичу Бодянскому, в Москве.

64. Бр. Залесскому
— 8 ноября^[713]

8-го ноября 1854 г. [Новопетровское укрепление].

Каждое письмо твое, друже мой добрый, приносит мне тихую, чистую сердечную радость; но последнее твое короткое послание меня из мертвого сделало по крайней мере полуживым. Писал тебе о Данилевском, что он прогостил у нас около двух месяцев; в продолжение этого времени я с ним сблизился до самой искренней дружбы. Он недавно

уехал в Астрахань, и я, проводивши его, чуть не одурел. В первый раз в жизни моей я испытую такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалось мне таким мрачным, как теперь, и письмо твое так кстати приплыло ко мне, что я не знаю, как тебя и благодарить за его, друже мой единый! С получением твоего письма я начал приходить в себя, начал чувствовать и думать; правда, что думы мои по-прежнему не радужные, но все-таки думы. Ты говоришь, что ты сроднился в своем углу с безотрадным одиночеством; я сам тоже думал, пока не показался в моей тюрьме широкой человек! Человек умный и благородный в широком смысле этого слова и показался для того только, чтобы встревожить мою дремавшую бедную душу; все же я ему благодарен и благодарен глубоко.

Сердечно благодарю тебя за известие о Варваре; целую трижды доброго Аркадия. Насчет «Монаха» напиши ему, чтобы он не беспокоился: деньги у меня пока еще имеются. Я тебя давно уже воображаю в Оренбурге и уже другое письмо адресую по прежнему адресу. Когда ты приедешь в Оренбург, то напиши

мне и сообщи свой настоящий адрес.

Агата тебе кланяется, а Ираклий пишет тебе письмо и адресует в Богословск. Зелинский посылает тебе поклон. Почтарь стоит над головою и не дает писать. Извини меня, дружемой, за мое короткое письмо и не разлюби искреннего твоего *Ш.*

Данилевский тебе кланяется.

1854—1855

65. А. А. Краевскому

— конец 1854 или начало 1855 г.^[714]

[Конец 1854 или начало 1855, Новопетровское укрепление.]

Милостивый государь Андрей Александрович! Для дебюта посылаю вам мой рассказ «Княгиня»^[715] и прошу вас, если он не будет противоречить духу вашего журнала, напечатать его. Если же окажется он неудобопечатаемым, то прошу переслать рукопись в г. Оренбург, на имя Бронислава Францевича Залесского, в батальон № 2. Если же я увижу напечатанный мой рассказ в вашем журнале, то мне приятно будет сообщить вам и будущие

мои произведения. Имею честь быть
К. Дармограй

1855

66. Бр. Залесскому
— 10 февраля^{716}

*10 февраля 1855 г. [Нозопетровское
укрепление].*

Сердечно радуюсь твоему возвращению, мой милый, мой сердечный, мой единый друже! Мне легко и весело на сердце стало, когда я прочел твое милое письмо, написанное уже в Оренбурге. Мне отраднo думать, что ты ко мне хоть не совсем близко, а все-таки приблизился на несколько десятков миль и теперь (завидую тебе, друже мой единый) любишь добрыми и сердцу милыми лицами Карла и Михайла, и мне самому грустно думать, что для полной твоей радости недостает тебе вдохновенного Сова; завидую и радуюсь твоею радостью, друже мой, богу милый!

Ты просишь бога — увидеться теперь со мною. О, как я прошу его об этом! Но молитвы, знать, наши до него не скоро доходят. Ве-

ришь ли, мне иногда кажется, что я и кости свои здесь положу, иногда просто и одурь на меня находит, такая жгучая, ядовитая сердечная боль, что я себе нигде места не нахожу, и чем далее, тем более эта отвратительная болезнь усиливается. И то сказать: видеть перед собою постоянно эти тупые и вдобавок пьяные головы человеку и более меня хладнокровному немудрено с ума сойти; и я в самом деле отчаиваюсь видеть когда-либо конец моим жестоким испытаниям.

Какое чудное, дивное создание⁽⁷¹⁷⁾ — непорочная женщина! Это самый блестящий перл в венце созданий. Если бы не это одно-единственное, родственное моему сердцу, я не знал бы, что с собою делать. Я полюбил ее возвышенно, чисто, всем сердцем и всей благодарной моею душою. Не допускай, друже мой, и тени чего-либо порочного в непорочной любви моей.

Она благодарит тебя сердечно за твое милое, искреннее приветствие, а я и благодарить тебя не умею.

Ты спрашиваешь меня, можно ли тебе взять кисть и палитру, на это мне отвечать

тебе и советовать довольно трудно, потому что я давно не видел твоих рисунков и теперь я могу тебе сказать только, что говаривал когда-то ученикам своим старик Рустем⁽⁷¹⁸⁾, профессор рисования при бывшем Виленском университете: *Шесть лет рисуй и шесть месяцев малюй и будешь мастером.* И я нахожу совет его основательным; вообще, нехорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условие живописи — рисунок и круглота, второе — колорит. Не утвердившись в рисунке, браться за краски — это все равно, что отыскивать ночью дорогу.

Если можно достать в Оренбурге хороший пейзаж, масляными красками написанный, то попробуй его скопировать; но без хорошего оригинала я тебе советую кистей в руки не брать.

Пеняешь ты, почему я тебе не прислал «Трио» или «Христа»⁽⁷¹⁹⁾; эти вещи через почту посылать неудобно, а случаи здесь так редки, или, лучше сказать, их вовсе не бывает. Я начал еще лепить, в пандан⁽⁷²⁰⁾ «Христу», «Ивана Крестителя», на текст *«Глас вопиющего в пустыне»*, и мне бы ужасно хотелось весной же

переслать тебе хоть форму, но не предвижу никакой возможности.

Кланяйся Карлу и скажи ему, что для смазывания формы употребляется деревянное масло, смешанное с свечным салом пополам, алебастр, или гипс, разводится в густоту обыкновенной сметаны, и, заливши форму, нужно дать трое суток сохнуть в сухом и теплом месте или на солнце; потом немного погреть перед огнем и сейчас же тоненьким ножом отделить осторожно предмет от формы; но и в этом, как и во всем, важную роль играет опыт.

Я чрезвычайно рад, что тебе поручена новая библиотека^{721}; лучше для тебя занятий я не мог бы придумать.

Как бы я рад был, чтобы ты сблизился с В[асилием] А[лексеевичем]^{722}.

Посылки, о которой ты мне пишешь, я еще не получил; она, верно, зазимовала в Гурьеве.

Что мне Сигизмунд ничего не пишет? Что он и где он? Напиши хоть ты об нем пару слов. Что делается с Людвигом? и не имеешь ли каких известий о А[лексее] П[лещееве] и Фоме? Сообщи мне.

А если увидишь Сову или будешь писать ему, то расцелуй его за меня за его прекрасные сердечные стихи^{723}. Мне грустно, что я ему не могу ничего прислать своего произведения. Он должен быть в высшей степени симпатический человек. Как бы я был счастлив, если бы мне удалось когда-нибудь обнять и поцеловать его!

Будешь писать к Аркадию, кланяйся ему от меня. Кланяйся и Михайлу и всем, кто не забыл меня.

Если увидишь Михайлова, скажи ему от меня, пускай он мне напишет хоть что-нибудь. Прощай, не забывай меня.

О чем так долго и так постоянно думаю, о том чуть было не забыл просить тебя. Уведоми меня, принял ли В[асилий] А[лексеевич] представление Фреймана обо мне^{724} и пошло ли оно дальше? Если ты знаком с Фрейманом, то попроси его, пускай он тебе покажет мою «Ночь» акварелью.

Мы здесь о зиме и понятия не имеем: в продолжение генваря месяца с 5° тепло не сходит, а я в продолжение всей зимы не снимаю кителя.

Кланяются тебе Z[ielinski] и Ираклий.
Прощай еще раз, мой незабвенный друже!

67. А. Н. Плещееву

— 6 апреля⁽⁷²⁵⁾

[6 апреля 1855, Новонетровское укрепление.]

Перед отъездом вашим в степь писали вы ко мне письмо, на которое я вам не отвечал, во-первых, по недостатку адреса, а во-вторых, потому, что совершенно не о чем было писать, а переливать из пустого в порожнее скучно. Вы пишете, что, может быть, в письме вашем встретилось мне что-нибудь не по сердцу, и потому я вам не отвечал. Как вам пришло в голову такое предположение! можете ли вы что-нибудь написать, что бы мне было не по сердцу? Спаси вас господи от таких мыслей! Каждую строчку, каждое слово вашего письма я принимал, как слово брата, как слово искреннего друга. Какие бы ни были ваши предположения, однако же вы на них не остановились. За то вам сердечно благодарен. Поздравляя меня с Новым годом, вы желаете мне, как брат, всего лучшего, и осо-

бенно — чтобы вырваться из этой пустыни. Благодарю вас! Прекрасное, человеколюбивое желание! Но, увы! вашему доброму желанию и моей единой надежде не суждено осуществиться.

Вот что случилось со мною. В прошлом году генерал Фрейман представил меня в унтер-офицеры. Я существовал этой бедной надеждою до конца марта текущего года; а перед самой пасхой почта привезла приказ майора Л[ьво]ва, чтобы взять меня в руки и к его приезду непременно сделать меня образцовым фрунтовиком, а не то я никогда не должен надеяться на облегчение моей участи. Хорошо я встретил праздник пасхи! Праздник прошел, и из меня, теперь пятидесятилетнего старика, тянут жилы по осьми часов в сутки!

Вот мои радости! вот мои новости! Не пеняйте же мне, что я не отвечал вам на ваши письма. Я ждал, и мне хотелось хоть малой радостью порадовать вашу сострадательную душу; а рассказывать вам о своих страданиях — значит, заставляя вас самих страдать. А у вас и своего горя немало, а делить горе между страдальцем — значит, увеличивать об-

щую скорбь.

Еще вот что. У нас не получает никто «Отечественных Записок», а у вас, вероятно, кто-нибудь получает; то просмотрите вы хорошенько май и июнь, не увидите ли там рассказ «Княгиня», подписанный *К. Дормограй*. Если нет, то напишите кому-нибудь в Петербург, чтобы получил рукопись в конторе журнала и переслал вам, а вы адресуйте ее в «Современник» или, что найдете лучшим, то с нею и сделайте.

Прощайте, мой добрый мой незабвенный друже! Со следующею почтою буду вам писать больше.

Ш.

68. С. Сераковскому^{726}
— 6 апреля^{727}

[6 апреля 1855, Новопетровское укрепление.]

Мой милый, мой добрый Zygmunt! благодарю тебя за твое ласковое, сердечное, украинское слово, тысячу раз благодарю тебя. Рад бы я отвечать тем же, сердцу милым словом, но я так запуган, что боюсь родного, милого

звука. Особенно в настоящее время я едва и как-нибудь могу выражаться. О моем настоящем горе^{728} сообщаю я А. П[лешееву], и ты у него прочитаешь эти гнусные подробности.

Кернера и прочее с письмом И. Станевича^{729}, писанным 25 октября, получил я сегодня, то есть 6 апреля. Все это пролежало всю зиму в Гурьеве. Но лучше поздно, нежели никогда. Благодарю ж вас, друзья мои, мои братья милые, что вы не оставляете меня! Поцелуй доброго Станевича за его ласковые письма и извини меня перед ним, что я теперь не пишу ему: до отхода почты осталось только два часа, а до смены караула — час, а я на карауле и написал, что только успел.

Кто такой киевский студент, посылаемый сюда? Если ты знал его в Оренбурге, то сообщи мне, а то я не мастер сразу узнавать людей так, чтобы не сделать маху.

Поцелуй Карла, Цейзика и будь здоров.

Не забывай любящего тебя *Ш.*

69. Бр. Залесскому
— 10 апреля^{730}

10 апреля [1855, Новопетровское укрепление].

Я ничего не пишу тебе с этою почтою, мой друже единый, потому что доброго написать нечего, а о скверном — то узнаешь из письма А. П[лещееву]. Прошу тебя только, если ты можешь, объясни мне, что все это значит. Каким родом могло быть предпочтено представление генерала представлению майора? Это для меня вопрос темнее безлунной ночи. Напиши мне, кто такой Станевич? Я знаю, что это добрый человек, и больше ничего не знаю.

В последнем моем письме я забыл тебе сказать, чтобы ты ходил в свободное время за Урал в парк или рощу и делал этюды; там есть образцы живописных деревьев. И еще раз скажу тебе: с масляными красками будь осторожен, пока не утвердишься в карандаше. Ничего больше теперь не имею сказать тебе. Прощай! Не забывай меня, мой единый друже! Целуй ојса prefecta, Карла, Цейзика и всех, кто вспомнит обо мне.

В продолжение восьми лет, кажется, можно было бы приучить себя ко всем неудачам и несчастиям, — ничего не бывало... Настоящее горе так страшно потрясло меня, что я едва

владел собою. Я до сих пор еще не могу прийти в себя: в таких случаях нужен сердцу самый искренний, самый бескорыстный друг. Полуучастью тут не место: оно хуже холодного эгоизма.

Счастливые те, для которых слово участие больше ничего, как пустое слово! Когда я доживу до этого счастья?

А моя нравственная, моя единственная опора, и та в настоящее время пошатнулась и вдруг сделалась пустой и безжизненной: картежница, ничего больше! или это мне кажется так, или оно в самом деле так есть. Я так ошеломлен этою неудачею, что едва различаю черное от белого.

Когда будешь писать Сове, кланяйся ему, а мне об нем напиши подробнее, потому что я знаю его, как поэта, и ничего больше.

Прощай, мой друже! Кернера и прочее я получил исправно. Теперь ожидаю карандашей и, если можешь, то пришли 1 и 2 томы В. Zalieskiego.

70. В. И. Григоровичу
— около 12 апреля^[731]

[Новопетровское укрепление, около 12

апреля 1855.]

Христос воскрес, незабвенный мой благодетель. Вот уже девятый раз я встречаю этот светлый торжественный праздник далеко от всех милых моему сердцу, в киргизской пустыне, в одиночестве и в самом жалком, безотрадном положении. Восемь лет я выстрадал молча. Я никому ни слова не писал о себе. Думал, что терпением все одолею. Но к несчастью я горько ошибся, терпение так и осталось терпением, а я между тем приближаюсь к 50 году моей жизни. Силы и нравственные и физические мне изменили, ревматизм меня быстро разрушает. Но что в сравнении болезни тела с болезнью души, с тою страшною болезнью, что зовется безнадежностью. Это ужасное состояние! на осьмом году моих тяжелых испытаний я был представлен корпусному командиру к облегчению моей горькой участи. И что же, мне отказано за то, что я маршировать не могу, как здоровый молодой солдат. Вот одна причина, почему, я остался таким же, как был, солдатом, а другая — и самая важная — причина та, что я, к великому моему несчастью, [не

имею] заступника перед особою В. А. П[еровского], и это-то самое вынуждает меня обратиться к вам и просить вас и графа Ф[едора] П[етровича] ^{732} помочь мне в крайне горьком моем положении своим человеколюбивым представительством перед В. А. П[еровским]. Вы, как конференц-секретарь Ака[демии] Х[удожеств] и как лично и хорошо меня знаете, просите его за меня, если можно, лично, он теперь должен быть в столице. Если же он выехал, то напишите ему письмо. Оживите умершую мою надежду. Не дайте задохнуться от отчаяния в этой безвыходной пустыне.

71. Ф. П. Толстому
— 12 апреля^{733}

Ваше сиятельство!
К вам, как к представителю изящных искусств и вице-президенту Императорской Академии Художеств, покровительства которой я так безрассудно лишился, к вам прибегаю я с моею всепокорнейшею просьбою.

В 1847 году, за сочиненные мною либеральные стихи, я *высочайше* подтвержден в солдаты отдельного Оренбургского корпуса. По распоряжению бывшего тогда корпусного

командира сослан я в Новопетровское укрепление, находящееся в киргизской степи на северо-восточном берегу Каспийского моря. И вот уже наступил девятый год моего изгнания, и я, забытый в этой безотрадной пустыне, потерял уже и надежду на мое избавление.

Ваше сиятельство! До сих пор не осмеливался я беспокоить вас о моем заступничестве, думая, что безукоризненной нравственностью и точным исполнением суровых обязанностей солдата возвращу потерянное звание художника, но все мое старание до сих пор остается безуспешным. Обо мне забыли! напомнить некому. И я остаюсь в безвыходном положении.

После долгих и тяжелых испытаний обращаюсь к вашему сиятельству с моими горькими слезами и молю вас, вы, как великий художник и как представитель Академии Художеств, ходатайствуйте обо мне у нашей высокой покровительницы. Умоляю вас, ваше сиятельство! одно только предстательство ваше может возвратить мне потерянную свободу, другой надежды я не имею.

Еще прошу вас, напишите несколько слов о моем существовании его высокопревосходительству Василию Алексеевичу Перовскому; судьба моя в его руках, и только его представление может быть действительно.

Кроме всех испытаний, какие перенес я в продолжение этих осьми лет, я вытерпел страшную нравственную пытку. Чувство страшное, которое вполне может постигнуть человек, посвятивший всю жизнь свою искусству. Мне запрещено рисовать, и, клянусь богом, не знаю за что. Вот мое самое тяжкое испытание. Страшно! Бесчеловечно страшно мне связаны руки!

Василий Иванович Григорович меня знал лично как художника и как человека, и он засвидетельствует перед вами обо мне.

Молю вас, ваше сиятельство, не оставьте моей печальной просьбы, оживите мои умершие надежды, уврачуйте мою страдающую душу.

С надеждою в бога и заступничество вашего сиятельства остаюсь бывший художник

Т. Шевченко

Новопетровское укрепление, 1855 года, ап-

реля, 12.

Ваше сиятельство! Только прошедшего марта дошло в нашу пустыню сведение о торжественном прекрасном празднике вашего юбилея^{734}. Позвольте же и мне, почитающему вас как великого художника и покровителя прекрасных искусств, от полноты сердца поздравить вас с вашим великим и вполне заслуженным праздником. Пошли вам господи силу и долгие, долгие лета мужать и крепнуть для славы нашего отечества и славы прекрасного искусства.

72. Бр. Залесскому
— 10 июня^{735}

10 июня 1855 [*Новопетровское укрепление*].
Сегодня я получил твое во всех отношениях для меня дорогое письмо. Сегодня же и отвечаю, сегодня вечером и почта отходит, и, если мало напишу тебе, то это извини мне, друже мой единый.

Я начал уже было на тебя сердиться за твое долгое молчание, забывши мудрое правило: «Когда нечего сказать доброго, то лучше молчать». Ты мне напомнил это правило, и я тебе благодарен. Все, посланное тобою, я по-

лучил с благодарностью. Карандаши еще не пробовал, да не на чем, правду сказать, и пробовать; мне здесь все, начиная с людей, так омерзело, что я и не смотрел бы на ничто. Пишешь ты, что Карл не нашел моих карандашей; он, вероятно, забыл или совсем не знает, где они хранятся. У него оставил я небольшой тюк с платьем; там между прочим есть пальто, а в том пальто в кармане две дюжины карандашей Фабера № 3. Если найдешь их, то возьми себе, а для меня и присланных тобою надолго станет, потому что термин [11] моего заключения бесконечен, а здесь совершенно делать нечего. Приехал сюда старик Козлов, штейгер⁽⁷³⁶⁾, помнишь, что с Антоновым ходил в Кара-Тау. Он тоже теперь отправляется там для собрания коллекций окаменелостей. Думал было и я с ним проситься, да раздумал. Хорошо, весело было тогда нам с тобою; одному было бы мне точно так же скучно, как и в укреплении, с тою разве разницею, что я должен был подчиняться пьяному казачьему офицеру; и это-то больше и было причиною моего раздумья.

Я очень рад, что ты оставил масляные

краски, и очень не рад, что ты занимаешься теперь фотографиею. Она у тебя много времени отнимает теперь, а после, я боюсь, ты увлечешься ею, когда покажутся удовлетворительные результаты. Это дело химии и физики; пускай Михайло и занимается ими, а тебе это как художнику повредит. Фотография как ни обольстительна, а все-таки она не заключает возвышенного прекрасного искусства. А между прочим, если ты не читал, то прочитай прекрасную статью Хотинского и Писаревского о фотографии⁽⁷³⁷⁾ в «Современнике» за 1852 г., не помню какой №.

Сигизмунду и Алексею я писал, будучи совершенно уверен, что они в Оренбурге; но это все равно: благодарю тебя, что отослал им письмо. Я писал Алексею, чтобы он справился через своих знакомых в Петербург о рукописи *К[обзаря] Дармограя*; но так как ему теперь почти невозможно, то прошу тебя, если ты имеешь знакомого в столице, то чтобы он зашел в контору «Отечественных Записок» и взял (если она только не напечатана) рукопись под названием: *Княгиня К. Дармограя*, и прислал бы ее тебе или передал в другой жур-

нал; если же напечатана, то чтобы сделал условие с редактором, на каких условиях может *К. Дармограй* доставлять в редакцию свои рукописи. У Карла есть брат в Петербурге, попроси его, — у меня там знакомых не осталось.

А между прочим скажи ты мне ради всех святых, откуда ты взял эти вялые, лишенные всякого аромата «Киевские ландыши»^{738}? Бедные земляки мои думают, что на своем чудном наречии они имеют полное право не только что писать всякую чепуху, но даже и печатать! Бедные! и больше ничего. Мне даже совестно и благодарить тебя за эту, во всех отношениях тощую, книжонку. «Трио» пришлю тебе с Зелинским. Вероятно, вам опыты не удались по моим наставлениям; хотел я и книги твои переслать тебе с ним, но он не берет. Перешлю осенью с штейгером.

Много еще кое-чего нашлось бы передать тебе, друже мой, но почта на носу висит, а потому и кончаю. Бывай здоров и счастлив, мой друже единый. Пиши и целуй от меня Сову. Кланяйся Карлу и Михайлу и Станевичу. Прощай.

Повидайся с Лазаревским⁽⁷³⁹⁾ и попроси его, чтобы он сообщил тебе адрес своего старшего брата, а ты сообщи его мне.

Узнай, пожалуйста, у Карла, цел ли мой альбом?

73. Бр. Залесскому
— 25 сентября⁽⁷⁴⁰⁾

25 сентября 1855 г. [Новопетровское укрепление.]

Вчера был я на Ханга-Бабе, обошел все овраги, поклонился, как старым друзьям, деревьям, с которых мы когда-то рисовали, и в самом дальнем овраге — помнишь, где огромное дерево у самого колодца обнажило свои огромные старые корни? — под этим деревом я долго сидел. Шел дождик, перестал; опять пошел, я все не трогался с места; мне так сладко, так приятно было под ветвями этого старого великана, что я просидел бы до самой ночи, если бы не охотники (чтоб им ни одного воробья не застрелить) меня потревожили. О, какие прекрасные, светлые, отрадные воспоминания в это время пролетели над моей головою! Я вспомнил наш каратауский поход

со всеми его подробностями, тебя, Турно и кой-где изредка Антонова, и он, хоть это весьма редко бывало, иногда похож на человека. Когда же воспоминания мои перенеслись на Ханга-Бабу, я так живо представил себе это время, что мне показалось, будто бы ты сидишь здесь за деревом и рисуешь; я тогда только опомнился, когда позвал тебя, и ты не отозвался; а тут и охотники пришли. Поход в Кара-Тау надолго у меня останется в памяти, навсегда.

Я уже две почты пропустил, не писал тебе; чуть было и третьей не перепустил; а возвратясь из Ханга-Бабы, выдержал порядочный пароксизм лихорадки; боялся, чтобы не продоллась, но теперь, слава богу, ничего: как с гуся вода. Я извиняю себя еще и тем, что письмо мое все равно дожидало бы тебя на почте, пока ты возвратился из Уфы. Напиши мне подробнее, добрый мой друже, о бедном нашем Сове: как и чем он живет и что он делает? Напиши все: меня глубоко трогает этот страдалец. Что делает Турно и где он? Письмо вдохновенного Сигизмунда я с наслаждением прочитал. Настоящий поэт! Не отвечаю ему те-

перь, потому что надеюсь вскоре с ним увидеться в Ак-Мечети^[741]; а надеюсь я потому, что ты мне пишешь, не хочу ли я туда? Хочу, куда угодно хочу! Потому что я начинаю одуревать в этом безотраднo однообразном прозябании. Прошу тебя, Карла и всех добрых людей, кто может помочь мне хотя единым словом. В Ак-Мечети хотя я не предвижу для себя слишком отраднoй перспективы, но по крайней мере не буду видеть этих голых серых скал, которые мне до того опротивели, что я рад спрятаться от них — но увы! — куда спрятаться?

Послал я тебе с Зелинским экземпляр «Трио», а с Фрейманом экземпляр «Спасителя»; сходи ты на квартиру Фреймана и у слуги его Матвея спроси ящик на твое имя; кроме медальона, найдешь ты в ящике книги, которые прошу тебя отдать переплести в два или в три волюма, как ты найдешь лучше, и оставь их у себя до весны, а весною, если я останусь здесь, то перешли мне их. Я посылал эти книги в Астрахань, и, вообрази себе, губернский и еще портовый город переплетчика не имеет! Настоящие скифы!!

Если ты можешь как-нибудь узнать о судьбе «Княгини», то сообщи мне: меня она очень беспокоит. Узнай, бога ради, цел ли у Карла мой тюк с платьем; там есть в кармане, в пальто, дюжины две карандашей Фабер № 3; возьми их себе, а платье прибереги. Я не знаю, на чем я основываю надежду, а мне кажется, что я это пальто носить еще буду, если его моль не съела. Нельзя ли тебе будет достать, хоть у топографов, пару акварельных кистей; у меня одна-единственная осталась, да и та иступлена.

Я тебе надоедаю своими просьбами; но что же делать мне? кроме тебя, обратиться не к кому, а в тебе я совершенно уверен, что ты не назовешь меня надоедалой, попрошайкою.

Вчера не дали мне кончить письмо, а сегодня, вопреки ожиданию, пришла почта и привезла твое второе письмо с драгоценным для меня подарком, с портретом Совы. Я не знаю, как тебя и благодарить, друже мой, за этот подарок. Что-то близкое, родное я вижу в этом добром, задумчивом лице; мне так любо, так отрадно смотреть на это изображение, что я нахожу в нем самого искреннего, самого

задушевного собеседника! О, с каким бы наслаждением я прочитал бы теперь его «Йордана»! Но это желание несбыточное. Благодарю тебя, тысячу раз благодарю за этот сердечный подарок.

Ты пишешь, что желал бы сблизить меня с ним покороче. Дай бог, чтобы все люди были так коротко близки между собою, как мы с ним; тогда бы на земле было счастье! Пиши ему и целуй его за меня, как моего родного брата. Если ты хочешь, чтобы моя радость была полная, то в первое твое письмо, которое ты мне напишешь, вложи свой портрет и портрет Михайла, а если можно, то и Карла, — ты меня этим подымеешь на седьмое небо.

Боже мой! Когда я увижу тебя? Когда я увижу доброе лицо Михайла и Карла? Грустно! Невыразимо грустно это бесконечное ожидание.

Ты пишешь, что к вам приехали два просвещенных любителя прекрасного искусства; сердечно радуюсь такому редкому явлению и душевно желаю, чтобы ты с ними скорее познакомился; быть может, в самом деле ты

встретишь в их коллекциях что-нибудь замечательное, а это для тебя необходимо. Истинно изящное произведение на художника и вообще на человека сильнее действует, нежели самая природа. Говоришь, что будто бы в коллекции начальника штаба есть оригиналы голландских мастеров. Дай бог, чтобы это была правда! Я вот почему сомневаюсь: все произведения голландских артистов XVII века на перечеете, а в последующем столетии Голландия была бедна замечательными мастерами. Но все-таки лучше увидеть что-нибудь, нежели не видеть ничего.

Прощай, мой единый друже! Кланяйся Средницкому и ојси prefektu и не забудь мне написать об Аркадие.

Не знаю, имел ли какое влияние на судьбу мою всемилостивейший манифест⁽⁷⁴²⁾.

С последней морской почтой пошлю тебе что-нибудь вроде «Монаха», а теперь ничего не имею конченного, да правда и кончить порядочно нечем.

1856

74. Бр. Залесскому

— 21 апреля⁽⁷⁴³⁾

21 апреля [1856, Новопетровское укрепле-
ние].

Христос воскрес!

Я так давно не писал тебе, искренный мой друже, что теперь не знаю, с чего и начать. Начну с сердечной моей благодарности за твою пересылку, которую получил я от И[раклия], и за будущие твои пересылки, о которых ты мне пишешь; еще раз благодарю. Что же я тебе пошлю? Ропот на судьбу, ничего больше; а впрочем, кроме этой грустной посылки, посылаю тебе два куса шерстяной материи; любой из них выбери себе на память обо мне, а другой продай и пришли фотографии. Еще посылаю тебе «Варнака» и «Княгиню»; прочитай их и поправь, где нужно, отдай переписать и пошли по следующему адресу: «В С.-Петербурге, в Академию Художеств, художнику Николаю Осиповичу Осипову⁽⁷⁴⁴⁾, на квартире графа Толстого»; а если имеешь там доброго и надежного человека, то пошли на его имя для

известного употребления. Еще посылаю тебе случайно мне попавшееся в руки объявление о издании⁽⁷⁴⁵⁾ «Monumenta Regum Poloniae Gracovientia». Мне кажется, что это хорошее издание, то не вздумаешь ли ты его выписать.

Ты так прекрасно говоришь мне о генерале Бюрно⁽⁷⁴⁶⁾, что и я любил его так, как ты его любишь; это явление весьма редко между господами генералами. Жаль, что он скоро, как ты говоришь, оставляет Оренбург. Он, говорят, пользуется хорошим вниманием графа В[асилия] А[лексеевича]. Попроси его, не может ли он для меня сделать что-нибудь, хоть вырвать меня из этого проклятого гнезда. Я не знаю, что думать о моем упорном несчастье. Львов ли причиною его или кто-нибудь выше его? Во всяком случае без В. А. для меня никто ничего доброго сделать не может, кроме государя. Напиши ты Аркадию и проси его от меня, чтобы он повидался или написал Варваре насчет прошения на высочайшее имя; она не должна отказать во имя нашей дружбы и христианского милосердия.

Теперь должен быть в Оренбурге А. И. Бу-

таков; кланяйся ему от меня и проси его, не может ли он ходатайствовать обо мне у В. А., проси его, проси всех, мой нелицемерный друже! Тебе более, нежели кому-нибудь, известно мое горькое положение. Такое продолжительное испытание, как я терплю, извиняет меня перед тобой в моей назойливости. Постоянное несчастье и твердейшие характеры разрушает, а мой и в лучшее время принадлежит к числу непрочных.

С следующей почтой, если буду в силах, напишу Сове, а в настоящее время я так встревожен, так нравственно убит, что не могу простой мысли связать в голове моей бедной, а не то, чтобы написать что-нибудь, похожее на дело. Пиши ему, целуй его от меня, желай ему, как и я желаю, полного здоровья и всякого счастья.

Кланяйся от меня Карлу, и не забудь прислать мне фотографическое поличие.

Целую Михайла, Людвига, Евстафия, Сигизмунда и всех меня помнящих. Прощай, мой единый друже! Не забывай меня.

Я пишу тебе так редко и так мало, что мне совестно перед тобою; но что делать? Сам зна-

ешь, о чем я здесь могу писать пространно или хоть даже кратко; но о чем? — однообразие и тоска!

Чуть было не забыл. Бюрно советует тебе оставить службу и посвятить себя искусству. Он имеет основание так тебе советовать: у тебя есть любовь к искусству, а это верное ручательство за успех. Однако с оговоркою: к любви нужно прибавить хоть самое умеренное обеспечение, по крайней мере лет на пять, чтобы прежде времени не начать работать из-за насущного хлеба. Нужда охолодит любовь, и тогда все пропало. Я больше ничего не могу сказать, искренный друже!

75. Н. О. Осипову
— 20 мая^[747]

20-го мая [1856, Новопетровское укрепление].

Письмо ваше, мой благородный, мой искренний друже, получил я 16-го мая^[748], и хотя вы и променяли лиру на меч^[749] и лучезарного Феба на мрачного Арея, но невинная слабость задумчивых поклонников муз — рассеянность осталась при вас. Вы начали ва-

ше доброе послание в Курске и кончили его на р. Бальбеке и все-таки забыли написать число и год, когда оно было послано на почту. Я тоже в недоумении, куда вам отвечать. Вы пишете, что дружина должна возвратиться летом восвояси, а теперь уже, слава богу, лето, и я вас воображаю по крайней мере в Полтавской губернии после длинного перехода отдыхающего возле живописной белой хаты или в тени цветущих вышеней и черешней. О моя милая родина! Увижу ли я тебя хоть когда-нибудь? Я говорю не о том, о чем думаю; я думаю теперь о том, куда мне адресовать письмо мое: адресую я его по прежнему адресу, и оно верно найдет вас, в какой бы вы губернии ни обретались.

Я потерял было надежду получить от вас или об вас хоть какое-нибудь известие, и бог знает чего уже я не передумал. Думал даже... (простите мне), что и вы меня покинули на моей терновой дороге. Только — о радость неизреченная! — на другой день праздника, то есть 16-го апреля, получаю страховое письмо от неизвестной мне особы. Пошли ей господи все блага и радости в жизни! Из письма

узнал я о вашем превращении и, радость всем радостям, узнал я, что я не забыт, не покинут на волю меня карающей судьбы. Благороднейшее существо этот аноним. По милости его и у меня был праздник, как и у людей. Нет, больше ни у кого такого светлого, прекрасного праздника не было, как у меня. Такие праздники даются только за долгие и тяжкие испытания.

14-го апреля получил я известие из Оренбурга, что меня забыли представить в унтер-офицеры по случаю всемилостивейшего манифеста о восшествии на престол. Это роковое известие меня так озадачило, что я не знал, что с собою делать, потому что я считал свое производство делом конченным. Да и мог ли я думать иначе? Высочайшая милость была для всех, но, увы! — меня не осенила. Горькая, ядовитая насмешка судьбы! И так я встретил воскресенье человеколюбца как отверженный. После этого можете судить о моей радости, когда я получил письмо от анонима. В остальные дни праздника я только и делал, что читал письмо и затвердил его до последней буквы, а все-таки не узнал, кто она,

эта милостивая, человеколюбивая душа! Да и зачем узнавать? Будем молиться богу, что еще существуют такие души между себялюбивыми людьми. Итак, от снедающей душу печали перешел я внезапно к улыбающейся радости и праздник провел в кругу вас, мои благородные друзья, как в кругу родного сердцу милого семейства.

Только в конце святой недели я немного освободился от обаяния, произведенного на меня дорогим письмом, и написал ответ, за склад и лад которого пусть извинит меня великодушный аноним. Вам я тоже начал письмо на сообщенный мне ваш адрес, но почта не ждала меня, ушла, и письмо осталось до следующей почты, а следующая привезла мне ваше дорогое послание. Значит — справедливо сказал один древний воин, что на свете делается все к лучшему. Теперь я и спокойнее и счастливее, следовательно и написать вам могу благообразнее и порядочнее.

Я очень рад, что случай привел вас увидеть хоть один экземпляр амфибий, между которыми я прозябаю столько лет⁽⁷⁵⁰⁾. Но заметьте, что вы видели лучший экземпляр, эк-

земляр, одушевленный чем-то походящим на мысль и чувство. Доказательство, что он из линейного батальона переведен в армию. Это самая блестящая рекомендация. Но если бы вы увидели однородных с ним... Но нет, боже вас сохрани и во сне увидеть такое нравственное безобразие человека. Геты, между которыми на берегах Дуная влачил остаток дней своих Овидий Назон⁽⁷⁵¹⁾, — наилучшее создание всемогущего создателя вселенной, — были дикие варвары, но не пьяницы, а окружающие меня — и то и другое. Однажды я сказал Дармограю: «Вот настоящие гомерические питухи». — «Нет, — отвечал он, — если бы Гомер увидел этих богатырей, так он бы покрутил свой седой ус и принялся бы переделывать свою славную эпопею от начала до конца». Кстати о Дармограе: вы сделали замечание на его «Княгиню», совершенно согласное с моим замечанием: недостаток отделки в подробностях, и то большой недостаток. Но этот рассказ — один из первых его ученических этюдов. Попишет еще годок-другой, даст бог, этот недостаток уничтожится Покойный Карл Павлович гово-

рил: чем малосложнее картина, тем тщательнее должна быть окончена, и это глубоко верно; а все-таки просите графиню Н[астасию] И[вановну] о напечатании этого незрелого творения; это польстит самолюбию творца, и, может быть, из этой шутки выйдут результаты серьезные. Ведь и столпы всемирной литературы, я думаю, так же начинали, как и мой бедный *pro'tege'*, а это действительно так. Кроме меня, у него совершенно никого нет, к кому бы он мог обратиться. Он, что называется, круглый сирота. Прислал он мне еще один рассказ, под названием «Варнак». Этот уже кажется немного круглее, но все-таки замечен тот же недостаток. Он, кажется, вовсе не читает великого Шотландца^{752}. Да и где его взять в этом богом забытом краю? Выписать? Он беднее меня, а выпросить не у кого. Скифы — варвары и вдобавок пьяницы. Но довольно о литературе. Поговорю о более сердцу близком искусстве и его жрецах. Мир праху умерших, слава и долголетие живым! Вы говорите, что Логановский имел для московского храма работы на 80.000 руб^{753}. На какую же сумму имеют другие достойнейшие ху-

дожники, как, например, Пименов и Рамазанов? О, как бы мне хотелось взглянуть на эти колоссальные работы! Не знаю, участвует ли хоть один иностранец в этих работах, или К[арл] И[ванович] сдержал свое слово^{754}: он когда-то говорил покойному моему великому учителю, что он ни одного немца и близко к храму не допустит. Похвальный патриотизм и тем более похвальный, что у нас свои есть и Прадье, и Делакура, и Деларош, а о Жаке и Лядурнере и говорить нечего^{755}. Но у нас есть и шишка предпочтения немцев всему отечественному; например, старик Мельников^{756} так и умер в забвении, построивши единоверческую церковь во имя св. Николая в Грязной улице, а сенат поручили выстроить какому-то инженеру Шуберту; проект же Мельникова, великолепнейший проект, нашли неудобоисполнимым. Диво, да и только. Если случится вам быть в Киеве, обратите внимание, — что я говорю внимание? — взгляните на институт благородных девиц. Казармы, да еще казармы самые неуклюжие, а местность — самая восхитительная, и так бесчеловечно обезображена и тоже инженером. Да и мало ли у нас на

Руси подобных немецких безобразий, а мы уже, слава богу, не варвары готических времен. Я, кажется, немного увлекся духом патриотизма. Оставим это до другого раза и обратимся к моей бедной прозе.

Вы пишете мне, чтобы я вам писал о моем житье-бытье. Вот вам один эпизод, и заметьте — отраднейший. В 1850 г., когда меня препровождали из Орской крепости в Новопетровское укрепление, это было в октябре месяце, в Гурьеве-городке я на улице поднял свежую вербовую палку и привез ее в укрепление и на гарнизонном огороде воткнул ее в землю, да и забыл про нее, весной уже огородник напомнил мне, сказавши, что моя палка растет. Она действительно ростки пустила, я ну ее поливать, а она — расти, и в настоящее время она будет вершков шесть толщины в диаметре и по крайней мере сажени три вышины, молодая и роскошная; правда, я на нее и воды немало вылил; зато теперь, в свободное время и с позволения фельдфебеля, жуирую себе в ее густой тени. Нынешнее лето думаю нарисовать ее, разумеется, втихомолку. Она уже так толста и высока, что под ка-

рандашом Калама мог бы выйти из нее прекраснейший этюд. Вот вам один-единственный отрадный эпизод из моей монотонной, безотрадной жизни.

Вербя моя часто напоминает мне легенду о раскаявшемся разбойнике. В дремучем лесу спасался праведный отшельник, и в том же дремучем лесу свирепствовал кровожадный разбойник. Однажды приходит он с своей огромной дубиной, окованной железом, к отшельнику и просит у него исповеди, а не то, говорит, убью, если не исповедуешь меня. Делать нечего, смерть не свой брат; праведник струсил и принялся с божьей помощью исповедовать кровожадного злодея. Но грехи его были так велики и ужасны, что он не мог сейчас же наложить на него эпитимию и просил у грешника сроку три дня для размышления и молитвы. Разбойник ушел в лес и через три дня возвратился. Ну что, говорит, старче божий, придумал ли ты что-нибудь хорошее? Придумал, отвечал праведник, и вывел его из лесу з поле на высокую гору, вбил, как кол, страшную дубину в землю и велел грешнику носить ртом воду из глубокого оврага и поли-

вать свою ужасную палицу; и тогда, говорит, отпустятся тебе грехи твои, когда из этого смертоносного орудия вырастет дерево и плод принесет. Сказавши это, праведник ушел в свою келью спасаться, а грешник принялся за работу. Прошло несколько лет, схимник забыл уже про своего духовного сына. Однажды он в хорошую погоду вышел из лесу в поле погулять; гуляет в поле и в раздумье подошел к горе; вдруг он почувствовал чрезвычайно приятный запах, похожий на дулю. Праведник соблазнился этим запахом и пошел отыскивать фруктовое дерево. Долго ходил он около горы, а запах делался все сильнее и сильнее; вот он взошел на гору; в что же представляется его изумленному взору? — великолепнейшее грушевое дерево, покрытое зрелыми плодами, а под деревом в тени отдыхает старец с длинною до самых пят бородою, как у св. Онуфрия. Схимник узнал в ветхом старце своего духовного сына и смиренно подошел к нему за благословением, потому что он уже был праведник больше самого схимника.

Вербa моя также выросла и укрывает меня

в знойный день своюю густою тенью, а отпущения грехов моих нет как нет! Но тот был разбойник, а я, увы, сочинитель.

Я надоел вам своею болтовнёю, но как быть?

*Погода к осени дождливей,
А люди к старости болтливей.*

А я уже седой и лысый становлюсь. Вы пишете, что Живете в землянке и бедствуете, вроде Робинзона Крузо. И вообразите, что я вам завидую. Вам известен благородный и великодушный аноним. Пишите ему, молитесь ему не оставлять моей просьбы. Коронация государя — предел моих надежд и упований. Прошу вас, пишите ей и благодарите за ее искреннее участие, за ее материнское, теплое письмо. С повестями и рассказами Толстого я совершенно не знаком^[757]. Ежели будет возможность, познакомьте меня с ними во имя благородного искусства.

Не знаю, где и когда вы получите письмо мое. Но где бы ни было и когда бы ни было, не оставляйте любящего и уважающего вас

Т. Шевченко.

76. Бр. Залесскому
— 20 мая^[758]

20 мая [1856, Новопетровское укрепление].

Благодарю тебя, мой друже, за «Мёртвые души» Гоголя и за лаконическое послание, на которое отвечаю тебе таким [же] и по тем самым причинам, то есть по причине сегодня отходящей почты.

Ты, вероятно, не получил еще последнего моего письма и двух кусков шерстяной материи, потому что ничего не упоминаешь ни о посылке, ни о письме. Когда получишь, потрудись уведомить с первой же почтой. Один кусок, который ты выберешь, оставь у себя на память обо мне, а другой предложи Бюрно (разумеется, за деньги). Приятнее как-то, когда знаешь, что вещь находится у человека, понимающего вещи. А фотографии непременно сделай. Кстати о фотографии: И[раклий] просит тебя, когда получит Михайло фотографический прибор, напиши ему или мне о его свойствах и его цене и подробный адрес, от кого его выписать можно, и можно ли также

и от кого выписывать химическую бумагу. У нас, видишь ли, есть желание заняться фотографией, да не знаю, будет ли толк.

Ты мне советуешь не просить многого⁽⁷⁵⁹⁾. И с самой малой просьбой я не имею, к кому обратиться, да и жалею; последняя неудача меня так озадачила, что я потерял всякую надежду хоть на малейшее облегчение моей отвратительной участи; хоть бы из этого гнезда проклятого меня вытянули. После этой катастрофы... (для меня она действительно катастрофа); но я после напишу тебе, что со мной случилось, а теперь и места и времени мало и происшествие слишком свежо для повествования. И кстати о повествовании: по известному адресу отошли только «*Варнака*». «*Княгиню*» оставь у себя, она уже приготовилась. Как бы ты достал карандаши, которые находятся у меня в пальто в кармане, у Карла. Мягкие, которые ты мне прислал, или у меня рука очерствела. Жив ли мой альбом чистый у Карла? Возьми его и спрячь у себя.

Прощай, мой искренний друже, кланяйся Сове, Михайлу и прочим. На «*Варнаке*» напиши *Желиговскому* или оставь так. Как ты най-

дешь лучше, так и сделай.

Целую тебя всем сердцем моим.

77. С. С. Гулаку-Артемовскому

— 30 июня *^{760}

30 июня [1856, Новопетровское, укрепление].

Благороднейший ты из людей, брате-друзе мой единый Семене! Не следовало бы... да, знать, у тебя стала натура широка, брешешь, чтоб не сглазить, и не остановишься. Ну, скажи по правде, есть ли на свете великая душа, кроме твоей благородной души, которая вспомнила бы меня в далекой неволе да еще 15 рублей дала? Нет теперь таких великих душ на свете. Может, и были когда-нибудь, да в теплые края улетели. Одна твоя осталась среди нас зимовать да, одинокая, ежась на морозе, и сочинила поэму, да такую сердечную, задушевную поэму, что я и до сих пор читаю и плачу. Большой ты поэт, друже мой Семен! Благодарю тебя всем сердцем и всем помышлением моим! Чем, как и когда заплачу я тебе за твое истинно христианское дело! Теперь, кроме слез благодарных, ничего у ме-

ня нет. Я — нищий в полном смысле этого слова, и не только материально — душою, сердцем обнищал. Вот что сделала со мной проклятая неволя — едва-едва не идиота! Десятый год не пишу, не рисую и не читаю даже ничего; а если б ты увидел, среди какого люда верчусь я эти десять лет. Не дай, господи, чтобы даже приснились тебе когда-нибудь такие изверги, а я у них в кулаке сижу, — давят, без всякого милосердия давят, а я обязан еще и кланяться, а то вдруг возьмут и раздавят, как вошь между ногтей. На тяжелое горе обрек меня господь на старости лет, а за чьи грехи? Ей же богу, не знаю.

Два, а может, уже три года с тех пор прошло, как писал я тебе, друже мой единый, и Иохиму, но ответа не получил; думал, что письма мои пропали где-нибудь. Или... прости мне, друже мой единый, была и такая мысль, что, может, вы мной пренебрегли... но вижу — бог меня еще не покидает.

Увидишь Иохима, поклонись ему хорошенько от меня и проси его, пусть он, ради святого Аполлона, пришлет мне хоть маленького болванчика (статуэтку) или барельефик

какой-нибудь с купидонами своей фабрики гальванопластической. Ему они не дорого обойдутся, а мне будет большой подарок. Еще в позапрошлом году начал я было лепить из воска — и ничего не сделал, потому что перед глазами нет ничего хорошего скульптурного, а если б Иохим прислал мне что-нибудь, я снова бы взялся за воск. Тоска, упаси мать божья, какая тоска сидеть сложа руки и сидеть так дни, месяцы и годы. О господи, сохрани всякого так заживо умереть!

Кланяюсь твоей доброй женушке, целую твое единое дитя и плачу вместе с вами о погребении вашей Александры. Прощай, друже мой единый, не забывай бесталанного, сердцем преданного тебе земляка твоего

Т. Шевченка.

78. Бр. Залесскому
— между 3 июля и 15 сентября^[761]

1856 [между 3 июля и 15 сентября, Новопетровское укрепление].

К^[762]акое, однакож, себялюбивое создание человек вообще, а я в особенности! Ты с таким чистым восторгом (иначе и быть не

может) пишешь мне о своем возвращении на милую родину, а я... Прости мне, мой единственный друже! я чуть не заплакал: разумеется, расстояние не может изменить тебя, моего истинного, испытанного друга, но без тебя все-таки я сирота круглый в Оренбургском безлюдном краю. К кому я в этой пустыне прильну полным сердцем без тебя? К кому я так братски откровенно адресуюсь с моими нуждами, и кто так искренно, как ты, возьмет на себя тяжелый труд сбывать мою материю? Никто! а для меня необходим такой друг в Оренбурге, особенно теперь, потому особенно, что я все-таки не теряю надежды, разумеется не раньше зимы, переменить солдатский бедный быт на что-нибудь лучшее; но это еще в руках слепой фортуны! Скажи ты мне: навсегда ли ты оставляешь этот безлюдный край или только на время? Если только на некоторое время, то я подожду тебя, если же навсегда (чего желаю тебе ото всего сердца), то я должен буду отправить материю к землякам моим, которые (чудаки, между прочим) непременно требуют моего штампея, на что я никогда не решусь, на каждом куске; а иначе в их глазах произве-

дение никакой цены не имеет.

Из этого ты видишь, что земляки мои — порядочные вандалы.

Полученные мною фотографии не совсем удачны. Портрет С. Сераковского хотя и бледен, но его даже солдаты узнают, которые видели его когда-то в Уральске. Благодарю его за этот милый подарок, а за письмо не благодарю⁽⁷⁶³⁾, потому что его до сих пор прочитать не могу — ужасно неразборчиво написано. Но все-таки целую его всею полнотою души. Попроси его, что-бы он мне прислал свой адрес из Екатеринослава и чтобы хоть немного умерил свой почерк. Ты, вероятно, заедешь в Уфу, — поцелуй Сову и Людвика.

Бюрно у нас еще не был и, вероятно, он будет здесь не раньше, как по окончании курса лечения в Пятигорске, а к тому времени ты сделал бы доброе дело, если бы написал ему обо мне хоть несколько слов или, еще лучше, если бы письмо прислал мне; тогда я смело мог бы явиться к нему, а то я так одичал здесь, что едва ли безо всего осмелюсь явиться к военному генералу; ты не поверишь, какие для меня теперь это страшилища, просто

ужас! Не поленился, напиши, мой добрый Брониславе!..

Сделает ли [кто] без тебя милую для меня фотографию? Ах, если бы сделал! Как бы я ему благодарен был! Устрой это так, чтобы сделал и непременно [попроси] уважаемого мною Карла. Я сам теперь пишу ему и прошу его об этом. Ираклий, кажется, немного охладел к фотографии. А знаешь ли, что у нас вышла маленькая контра? А[гата] имела неосторожность попрекнуть меня своими благодеяниями, и я отряхнул прах от ног моих и повторяю слова великого флорентийского изгнанника:

*Горек хлеб подаяния
И жестки ступени чужого крыль-
ца.*^{764}

Происшествие неприятное, но я теперь себя чувствую гораздо спокойнее и свободнее, нежели под покровительством этих, в сущности добрых, людей.

Что мне еще писать тебе? Ничего больше, как повторю мою просьбу насчет Бюрно, и где бы ты ни был, пиши мне, не забывай меня, теперь совершенно одинокого; а когда будешь

дома, то поцелуй за меня родившую тебя, моего искреннего, моего единого друга.

Если застанет тебя это письмо в Оренбурге, то возьми мою мизерию у Карла и передай Михайлу. Я весьма опрометчиво поступил с моим «Варнаком», и тем более, что черновую рукопись уничтожил. И теперь не знаю, что мне делать. Если он у тебя переписан, то пришли его мне: там нужно многое поправить. Слог вообще довольно шершавый. Во всяком случае не посылай его Осипову. Я содержание помню и напишу его вновь. Будешь писать Аркадию, целуй его от меня.

79. Н. О. Осипову
— 10 сентября

10 сентября [1856, Новопетровское укрепление].

Пишу вам это письмо под влиянием самого Потчаянного безнадёжья, безнадёжья получить от вас хоть какое-нибудь послание. И в самом деле, есть от чего обезнадёжиться: в продолжение полулета жду от вас письма⁽⁷⁶⁵⁾, а его нет как нет. Терпение истощилось, а сомнение разрешил я вот как. Ни вы, Николай

Осипович, ни мой добрый аноним не получили моих писем. Ничего больше я не мог придумать в продолжение трех месяцев. Заключение мое верно. По крайней мере я так воображаю. Да иначе и воображать мне нельзя. Рассердиться вам на меня, кажется, не за что, а поссориться нам с вами ни физически, ни морально невозможно. Физически потому, что мы с вами разделены порядочным расстоянием, а морально потому, что мы поклонники прекрасного, а поклонники прекрасного должны быть незлобивые дети.

Прошу же вас, мой единый друже, напишите мне хоть два слова о том, как вас бог принял в столице и что вы поделяете в этой прекрасной столице? Ради Аполлона Бельведерского и Венеры Милосской напишите мне, а то я умру от одиночества. Не забывайте покинутого

Т. Шевченка.

80. М. М. Лазаревскому
— 8 октября ^{*{766}}

*Новопетровское укрепление, 8 октября
1856 г.*

Богу милый друже мой Михаиле! Коротенькое, небольшое, но искреннее письмо твое от 8 августа⁽⁷⁶⁷⁾ получил я 28 сентября. Долгонько-таки оно летело, а все-таки, благодарение богу, долетело. Спасибо тебе, друже мой единый, и за письмо твое ласковое. Спасибо тебе и за деньги. У меня их теперь так же немного, как у того Лазаря, о котором слепцы поют на ярмарках. Я сердечно рад, что вы познакомились с Семеном. Добрый, искренний человек. Не так давно и он прислал мне 15 рублей и брешет себе, чтоб не сглазить. — Пишет, что кто-то передал ему, чтоб послать мне. Может, когда-нибудь это и была правда, да теперь так состарилась, что похожа на миф, сиречь на брехню. Это, видишь, я к тому веду, что, познакомясь с Семеном, и ты малость выучился у него того... и в самом деле, за что ты мне должен? Ни за что! Спасибо тебе, друже мой единый! Такая неправда лучше всякой правды. Только вот что: когда и чем я тебе заплачу за твою братскую неправду?

Немец Иохим, может, на меня сердится? Не знаю, почему бы ему сердиться? Мы с ним жили и разошлись добрыми приятелями, не

на что, кажется, сердиться. Хотя, бог его знает. Статуэтки мне не очень нужны, обойдусь и без них. А вот без чего не обойдусь: без жизненных припасов, как ты пишешь. Мне теперь очень и очень нужна одна акварельная краска, называется она *сепия*. Семен, я думаю, ее знает, ведь он немного разбирается в живописи; она бывает разных фабрик, но самая лучшая римская сепия. Вот тебе — форма плитки и надпись *Sepia di Roma*. Достать ее можно в магазине красок у Академии Художеств. Пришли ради святого искусства две плитки. Да еще, если б ты мне вместе с краскою прислал две кисти добрые акварельные, толщиной в обыкновенную папиросу, тогда б я тебе уже и спасибо сказал. Только кисти умеючи нужно выбирать. Не знаю, понимает ли Семен сколько-нибудь в этом деле. Тут нужен художник акварелист. Да у Семена, я думаю, найдется знакомый такой мастер. Да еще б к кистям прибавить 6 штук карандашей № 3-го фабрики Фабера, вот тогда б я только богу помолился и больше ничего.

Кланяюсь Семену и женушке его и целую дочку его. Кланяюсь Федору и Василию. Где он

теперь? Если свидишься с большим Осипом [12] Езучевским^{768}, и ему от меня поклонись. Глухому Галузе, если знаешь, — и ему, и всем землякам моим, которые хотя бы вспоминают обо мне. Напиши мне, будь добр, о Левицком, где он обретається.

Прощай, мой искренний, мой единственный друге, не забывай бесталанного и искренно любящего тебя

Т. Шевченка.

Р. S. Отца один раз по морде ударить или дважды — перед богом, говорят, отвечать одинаково. Ко всему тому, о чем я тебя просил, прибавь еще вот что: 4 штуки черного французского карандаша № 2 фабрики Le Сопте', и белого 4 штуки той же фабрики — № 1, да тушевального черного порошка 4 золотника. Больше уж ничего не попрошу, потому что сейчас письмо запечатаю. А если б еще день полежало, может, еще что-нибудь выдумал. Пришли, мой голубе сизый, а я тебе следующей весной киргизенка-замараху пришлю.

Если случится, что не достанешь Зеріа сії Кота, то возьми фабрики Шанеля.

81. М. М. Лазаревскому и С. С. Гулаку-

Артемовскому
— 5 ноября *

5 ноября 1856, Новопетровское укрепление.

Друзи мои искренние! Посвящаю вам сей не слишком хитростный этюд мой^{769} первую половину теперь посылаю, а вторую пришлю с будущей почтой. Прошу вас, други моя, прочитайте его вместе и поправьте, что можно поправить, и отдайте хорошему писарю переписать. И, если есть у вас знакомый человек в редакции «Современника» или в «Отечественных Записках», так отдайте ему — пусть напечатает под именем К. Дармограй. А если нет такой персоны, то, прочитав и переписав, адресуйте в контору «Отечественных Записок» его высокоблагородию Алексею Фиофилактовичу Писемскому^{770}.

Еще вот что. Не бывает ли Семен иногда у графа Ф. П. Толстого? Пусть расспросит, где пропал академик Осипов? Около года я жду от него письма и в конце концов не знаю, что и думать. Попроси Семена — пусть расспросит, да и не поленится написать мне, или ты

сам напиши. Не знаю, получил ли ты мое послание. Пришли ради самого бога, о чем я тебя просил. Умираю от тоски, читать нечего, а на свободу и надежды не видать. Прощайте, мои искренние, пусть вам бог поможет во всех ваших начинаниях. Семену, Василию и Федору — поклон; не забывайте бедного *Дармогря*.

82. Бр. Залесскому
— 8 ноября^{771}

8 ноября 1856 г. [Новопетровское укрепление].

Давно, очень давно я не пишу тебе, дружке мой единый. Не было о чем писать, не было материала и ни малейших событий в нашем забытом захолустье. Отвратительное бездействие и однообразие! 15 сентября посетил нас Бюрно, но так не надолго (на пять часов), что я потерял надежду увидеться с ним. Он, однакож, вспомнил обо мне перед самым выездом своим. Принял меня, как давно и хорошо знакомый человек. Свидание наше длилось несколько [минут], и в эти короткие минуты я успел полюбить этого счастливого че-

ловека. Я его называю потому счастливым, что такие люди, как он, не требуют долгого и пристального взглядывания в свой характер. Такие любимцы бога одним движением, одним взглядом говорят вам: нам можно все доверить. В продолжение нескольких минут [такому сообщишь то], чего иному в продолжение жизни не скажешь.

Он не обещал мне много, чем я особенно доволен; много обещать — значит, ничего не сделать. Он просил меня писать ему и присылать куски материи. Но я этого не делаю, мне кажется неделикатной подобная корреспонденция. И встретились и простились мы с ним, как старые и добрые приятели. Надолго останется в моем сердце это кратко-длинное свидание, эта симпатическая, благородная физиономия, издающая тихие, кроткие звуки. Напиши ему от меня самое глубокое сердечное приветствие.

О высочайших помилованиях, по случаю коронации, у нас еще ничего не известно. Я не ласкаю себя ни малейшей надеждою. Чем и как я могу уничтожить предубеждения В[асилия] А[лексеевича]? Есть у меня на это

оправдание, но я не смею привести его в исполнение. Необходимо, чтобы В. А. спросил у графа Орлова, на чей счет я воспитывался в Академии и за что мне запрещено рисовать, словом, чтобы граф Орлов пояснил мою темную конфирмацию. Но кто легко расстаётся с своими предубеждениями? Писал я через Михайлова тебе еще в начале лета; не знаю, получил ли ты мое письмо. Михайлов не написал мне еще и двух строчек и, кажется, что и не напишет. Я не знаю, что бы это значило? Не время ли ему, или просто непростительная лень, или что-нибудь другое, не знаю. Во всяком случае мне это больно. Кажется, один ты мой верный, неизменный корреспондент. Сердечно благодарю тебя, мой друже единственный. Извини меня перед Сигизмундом, что я не пишу ему. Причина натуральная, не знаю, куда писать. Если он еще в Петербурге, то напиши ему мой искренний привет и покорнейшую просьбу уничтожить «Варнака» (я настоящий попрошайка), прислать мне две плитки сепии, фирмы *Seria di Rota* или фабрики Шанеля. В настоящее время у меня этой краски ни полграмма. Хорошо еще, что и других нет

средств и главнейшего — помещения, а то бы я умер с досады. Недавно мне пришла мысль представить в лицах евангельскую притчу о блудном сыне⁽⁷⁷²⁾, в нравах и обычаях современного русского сословия. Идея сама по себе глубоко поучительна, но какие душу раздирающие картины составил я в моем воображении на эту истинно нравственную тему. Картины с мельчайшими подробностями готовы (разумеется, в воображении), и дай мне теперь самые бедные средства, я окоченел бы над работой. Я почти доволен, что не имею теперь средств начать работу. Мысль еще не созрела, легко мог бы наделать промахов; выношу, как мать младенца в своей утробе, эту бесконечно разнообразную тему, а весной, помолясь богу, приступлю к исполнению хотя бы то в собачьей конуре.

Если бог поможет мне осуществить мое предположение, то из этой темы составитя порядочной толщины альбом, и если бы хоть когда-нибудь мне удалось издать в литографии, то я был бы выше всякого земного счастья. Но, сохрани, боже, неудач[а], то я умру: идея слишком тесно срослась с моей душою.

В следующем письме я опишу тебе несколько картин так, как они теперь мне представляются.

О чем же мне еще написать тебе, мой друже единый? Отвратительное однообразие. Полгода уже прошло, как я писал тебе, и теперь писать не о чем. Если продлится еще год мое заточение, то я непременно одурею, и из заветной моей мысли, из моего «Блудного сына» выйдет бесцветный образ расслабленного воображения, и ничего больше. Грустная, безотрадная перспектива! Для исполнения задуманного мною сюжета необходимы живые, а не воображаемые типы. А где я их возьму в этом вороньем гнезде? А без них, без этих путеводителей, легко сбиться с дороги и надеяться самых нелепых промахов. Но довольно об этом! Напиши ты мне, как ты намерен распорядиться своим будущим. Кого ты намерен из себя сделать — артиста или чиновника? И на том и на другом поприще сердечно желаю тебе успеха. Но мне бы искренно хотелось, чтобы ты избрал поприще артиста. Не знаю твоих материальных средств — фундамента всех наших предприятий. Моральными сред-

ствами ты владеешь, у тебя есть любовь к искусству, и этого достаточно; о способностях не хлопочи; они верные спутники этого прекрасного светила. О, если бы когда-нибудь привелось мне увидеть тебя и увидеть истинным артистом (не истинным ты не можешь быть)! Тогда радость моя была бы безгранична. Устрой свое будущее, если можно, так, а не иначе; тогда, где бы я ни был, пешком приду любоваться твоими произведениями. Посоветуй, что мне делать с лоскутьями шерстяной материи? У меня их накопилось кусков около десятка. Прошедшее лето благоприятствовало моей мануфактуре. В Оренбурге, кроме Бюрно, я никого не имею; но я ни за что не решаюсь беспокоить его таким материальным предложением. На Михайла я Карла надежда плохая, а на ленивых земляков моих и того хуже. Они непременно требуют *пломбы*; простота и ничего больше. Где Аркадий и что он делает? Пиши ему и целуй его за меня. Пиши Сове и его целуй. Пиши Михайлу и его сначала поцелуй, а потом попеняй за непростительную лень, если это лень только; не забудь написать Сигизмунду и в заключение пиши Бюрно

и целуй за меня этого благороднейшего человека.

От всего сердца целую твою счастливейшую мать.

Не забывай меня, друже мой единый!

83. М. М. Лазаревскому

— 8 декабря **{773}

Дорогой мой единый Михаиле! Вместе с последними пятью главами сего произведения получил я и письмо от Дармограя, в котором он просит меня, а я тебя прошу сделать его этуду такое заглавие:

МАТРОС, или старая погудка на новый лад

**Рассказ, а не этюд
Часть первая.**

Первая часть рассказа заключает в себе десять глав, а как будет велика вторая часть, этого он не пишет, может быть и сам еще не знает. Еще просит он поправить ошибку, правду сказать, довольно грубую. Он написал, что местечко Лысянка замечательно месторождением знаменитого Богдана Хмельницкого. Неправда, в Лысянке родился не знаменитый гетман, а отец его, Чигиринский сот-

ник Михайло Хмельник, или Хмельницкий. И не по словам летописи Самовидца, как он написал, а по словам профессора Соловьева, который ссылается на Киевские акты. Еще, тоже не помню на которой странице, он сделал пробел, а за ним и я, нужно было написать фамилию знаменитого череполога Лаватера^{774}, но он, вероятно, забыл, как прозывался этот мудреный немец, а я тоже не вспомнил. Больше он ничего не замечает. Я тоже больше ничего не замечаю. И он передает мне, а я, переписавши на досуге, передаю его новорожденное детище в полное ваше покровительство и распоряжение. Еще он пишет мне, что если и будет вторая часть этого рассказа, то не весьма скоро. Поэтому я и думаю, что лучше не писать часть первая.

Теперь вот что я тебя попрошу, друже мой единый. Если бы ты сам увиделся с Писемским (за знакомство с ним не будешь меня бранить) да спросил бы его, не виделся ли он с графиней Толстой и что она сказала ему про Осипова и про «Княгиню» К. Дармограя и получила ли она мои письма. И что он тебе скажет, напиши мне, друже мой единый. Кланя-

юсь Василию, Федору и Семену. Оставайтесь здоровы, искренние друзья мои, не забывайте сироту на чужбине.

8 декабря 1856 г. из Новопетровского.

1857

**84. Бр. Залесскому
— 10–15 февраля⁽⁷⁷⁵⁾**

10, 15 февраля 1857 г. [Новопетровское укрепление].

Письмо твое, мой искренний друже, от 18 сентября минувшего года⁽⁷⁷⁶⁾ получил я 28 января текущего года. Что значит эта черепашня медленность, я не понимаю. Ираклий говорит, что ты адресовал его через Астрахань и что оно опоздало к последнему почтовому пароходу и должно было через Самару и Оренбург путешествовать в наше кочевье. Так ли, иначе ли, все же оно дошло до меня, и я со слезами сердечной радости прочитал его.

Друже мой единый! твоя радость, твое счастье так беспредельно полны, что мне остается только пожелать тебе, твоей счастливой матери, отцу и всему близкому твоему серд-

цу, пожелать долгих и долгих и безмятежных дней. Ты так искренно, так живо, радостно описываешь свое свидание, что я как бы присутствую при этой прекрасной сцене, как будто сам целую и слезами обливаю руки твоей так долго скорбящей и теперь так полно счастливой матери. Ты боялся возмутить мое искренно любящее тебя сердце описанием своей радости. Напрасно, твоя радость нераздельна с моей радостью, нераздельна, как любящая душа с такой же любящей душой. Эта психологическая истина требует материальных доказательств.

Ты пишешь, что кароокие и голубоокие siestrzen' су твои спрашивают тебя, когда придет к ним старый друг твой, который любит добрых и милых детей? Целуй их, мой единственный друже, и скажи им, что сердце мое давно уже с ними и что сам я приеду к ним скоро и поцелую их так, как ты их теперь целуешь. Фантазия! воображаемое счастье! пока и этого довольно. Для душ сочувствующих и любящих воздушные замки прочнее и прекраснее материальных палат эгоиста. Эта психологическая истина непонятна людям положитель-

ным. Жалкие эти положительные люди; они не знают совершеннейшего, величайшего счастья на земле, они, одурманенные себя-любием, лишены этого безграничного счастья, — рабы, лишены свободы, и ничего больше.

Вместе с твоим радостным письмом получил я письмо из Академии Художеств от жены нашего вице-президента⁽⁷⁷⁷⁾ графа Толстого. Она пишет мне, что сделано все для моего искупления и что в скором времени она ожидает счастливого результата. Как ты думаешь, можно ли на этом фундаменте строить воздушные замки? Ты скажешь: можно, а я уже их и построил. И какие прекрасные, какие светлые замки! Без бойниц и амбразур, без золота и мрамора мои роскошные прекрасные замки! но им позавидовал бы и сам Несвижский «Рапіе Kochanku», если б он мог теперь завидовать чему-нибудь. Я вот что построил на этом прекрасном фундаменте.

Первое, или первая поэма, интродук[ция]: расставанье с пустыней, в которой я столько лет терпел, расставанье с Карлом, Михайлом и Бюрно, которого я только раз увидел и по-

любил, потом пауза до Москвы, потом Москва, оставшиеся друзья и школьные товарищи, потом, потом... вот какой финал. Вместо петербургской железной дороги я выбираю простую почтовую дорогу — смоленскую или виленскую и приезжаю прямо в Рачкевичи. Здесь начинается вторая часть поэмы. Встречаюсь с тобою, плачу и целую руки твоей счастливой матери, целую твоего счастливого отца, сестер, кароокх и голубоокх *siostrzen'co'w* твоих и, в объятиях полного счастья, отдыхаю, повторяя стих великого поэта: «Мало воздуха всей Аравии наполнить мою свободную грудь»^[778]. Вместо Аравии я буду говорить Литвы. Отдохнувши от этой полной радости, я почти силою беру тебя из объятий твоей счастливой матери, и в одно прекрасное утро мы с тобою молимся перед образом божией матери остробрамской. Вильно также дорого по воспоминаниям моему сердцу, как и твоему^[779]. Из литовской столицы по варшавскому шоссе мы летим прямо в Академию Художеств и дополняем наше и без того полное счастье двумя годами студенческой затворнической жизни. А сколько радости в

этой затворнической жизни! Эта радость и это счастье понятно только тому, кто любит божественное искусство так, как мы с тобою его любим. Неправда ли, — прекрасный, великолепный и не совсем воздушный замок? Фундамент почти ручается за его сбыточность и прочность.

Второй воздушный замок, или поэма, на одну и ту же тему: вступление то же самое, сцена в Москве та же самая, но вместо смоленской дороги выбрана петербургская железная, и я в Петербурге, в скромной квартире о двух комнатах, изучаю искусство гравирования *акватинта* и ожидаю к себе тебя, моего искреннего друга. Ты приехал, живем мы с тобою скромно, почти бедно, в маленьких комнатках, неутомимо работаем, учимся и наслаждаемся своим учением. Два года пролетают незаметно над нами, и мы, ежели не полные, по крайней мере сознательные артисты, через Вильно и Слуцк возвращаемся в Рачкевичи, целуем твою мать, отца, сестер и карооких и голубооких сыновцев твоих.

Вторая моя поэма немного прозаичная, но в сущности полнее первой. Так или иначе, а

ты должен быть в Академии Художеств или будет прореха, не зашитая дыра в твоей и в моей жизни. Недостаточно видеть, любоваться прекрасным, умным, добрым челом человека, необходимо нарисовать его на бумаге и любоваться им, как созданием живого бога. Вот что нужно для полноты нашей радости, для полноты нашей жизни!

Позыч, выпроси 25 рублей на месяц, в продолжение двух лет. Как знаешь, сделай, только сделай; это для тебя и даже для меня необходимо: для меня потому, что я желаю видеть и целовать моего друга совершенного, а для твоего совершенства необходима Академия Художеств. Без разумного понимания красоты человеку не увидеть всемогущего бога в мелком листочке малейшего растения. Ботанике и зоологии необходим восторг, а иначе ботаника и зоология будет мертвый труп между людьми. А восторг этот приобретается только глубоким пониманием красоты, бесконечности, симметрии и гармонии в природе. О, как бы мне хотелось теперь поговорить с тобою о космосе и послушать, как ты читаешь песни Вайделоты^[780]!

Пускай молятся твои кароокие и голубо-
окие siostrzen´ со´w: молитва ангелов внятнее
богу.

15 февраля

Я остановился на высшем градусе моей сер-
дечной фантазии, остановился для того,
чтоб дожидаться следующей почты и подкре-
пить мои предположения ясным и положи-
тельным документом. Почта пришла 14 фев-
раля и не привезла мне ничего такого, на чем
бы основываясь я мог продолжать свои пред-
положения. Предвестие, вера, надежда, и ни-
чего больше.

Получил ли ты мое письмо от октября, не
помню, которого дня, адресованное прямо в
Слуцк, а не в Рачкевичи? Я писал тогда о сви-
дании моем с сердечным старым Бюрно. Если
не получил, то напиши мне: я тебе другой раз
опишу это короткое и бесконечно длинное
свидание. А теперь, как и тогда, прошу тебя,
мой сердечный друже, пиши ему, целуй его
седую-молодую голову, целуй его чистое жи-
вое сердце, целуй его божественную христи-
анскую душу. Целуй его, как артиста, как бра-

та, как человека. Я ничего теперь не могу больше сказать. Сердце мое переполняется любовью и изнемогает при воспоминании о нем.

Целуй Аркадия, жену его и детей его. Целуй Сигизмунда и желай ему самого блестящего успеха на избранной им дороге. Писал бы тебе еще много и много, но, как я сказал, документа нет; а без него самая яркая фантазия ничего больше, как сальная свеча в казармах. Фантазия должна опираться на положительное. Семена джугары^{781} и две штуки материи шерстяной pošлю тебе в последней половине марта, а когда ты его получишь, бог знает. Целую твою счастливую мать, твоего отца, твоих сестер и твоих ангелов siostrzen' co'w. Не забывай меня, друже мой единый!

85. Я. Г. Кухаренко

— 22 апреля ^{782}*

Христос воскрес! Батьку атамане кошевой! Как раз на пасху привезла мне астраханская почта твое дружеское ласковое письмо^{783} и 25-рублевую писанку. Сделал ты мне праздник, друже мой единый! Такой празд-

ник, такой великий праздник, что я его и на том свете не забуду. Не выдержал, голубе мой сизый (да и какой бы вражий сын выдержал?). Напился, да так напился на твой магарыч, что даже лысину себе раскроил. Вот что сделал ты не так своею писанкою, как братским искренним словом.

Только я пришел в себя после твоего слова и взял уже перо в руки, чтобы написать тебе спасибо, а тут приходит из Гурьева почта и привозит мне письма из самого Питера. Пишет один молодой казак Маркевич^[784] с товарищами и шлет мне для начала немного деньжонок. Пишет, что молодежь в столице складчину для меня сделала. Следовало б и второй раз напиться, но я как-то выдержал, только, по совести говоря, тихонько заплакал. Второе письмо из столицы же. Пишет мне куренной Лазаревский^[785] и уверяет, что скоро меня выпустят из этой широкой тюрьмы. Он пишет, что добрый царь наш уже дал приказ разбить мои оковы. И плачу, и молюсь, и все-таки не верю. Десять лет неволи, друже мой единый, искалечили, убили мою и веру и надежду, а она была когда-то чистая, непороч-

ная, как дитяtko, вынyтое из купели. Чистая и крепкая, как самоцвет, камень отшлифованный! Но чего не сделает реторта химическая! Я чуть-чуть не сошел с ума на этой неделе. Ну и неделя выдалась! Недаром я ее ждал десять лет. Десять лет! Друзе мой единый, выговорить страшно! А вытерпеть! И за что вытерпеть? Ну его, а то и в самом деле с ума сойду. Теперь думаю вот как сделать. Если, даст бог, дождусь из корпусного штаба увольнения, то думаю напрямик через Астрахань на Черноморию. Я еще ее отродясь не видел. Надо хоть на старости поглядеть, что за такая славная Черномория. А пока посылаю теперь тебе, друже мой единый, свое изображение. Нет у меня, брате, ничего другого теперь. Если даст господь милосердный, приеду сам на Сечь, так, может, еще какой-нибудь привезу тебе гостинец. Одного боюсь, чтобы не потребовали меня, неровен час, в Оренбург. А, может, даст бог, и не потребуют, на черта я им теперь сдался!

Жив ли старый Щепкин? Вот истинно казачья душа! И молодая, как у дитяти. Не пишешь ли ты ему иногда? Если пишешь, целуй

его за меня. Какую он это тебе «Пустку» читал^{786}? Я, плохой из меня отец, забыл свое собственное дитя.

Прислал мне из Питера куренной Панько Кулиш книгу своей работы^{787}, названную «Записки о Южной Руси», писанную на нашем языке. Не знаю, дошла ли до Черногории эта очень умная и искренняя книга. Если не дошла, выпиши, каяться не будешь. Такая хорошая книга на нашем языке еще не печаталась. Тут живо изображен и кобзарь, и гетман, и запорожец, и гайдамака, и вся старинная наша Украина как на ладони показана. Кулиш тут ничего своего не добавил, а только записал, что слышал от слепых кобзарей, а потому и книга у него вышла — книга хорошая, искренняя и умная. Послал бы тебе, мой единственный друже, свой экземпляр, но еще сам хорошо не начитался, — меня, спасибо, люди добрые книгами не забывают. Нет-нет, да и пришлет кто-нибудь, а журнала уже десятый год ни одного и в глаза не видел^{788} и не знаю, что там и делается, в этой новой или современной литературе. Сам не написал ничего, ведь мне было запрещено писать. А теперь

уж бог святой знает, напишу ли еще что-нибудь путное. Я еще не очень состарился и искалечился, друже мой единый, и, может, даст господь милосердный, еще отдохну да на старости попробую писать прозу^{789}. О стихах уже нечего и думать.

Прощай, мой единый друже! Может, даст бог, еще этим летом увидимся, а пока это будет, целую тебя, как брата родного, а ты поцелуй за меня свою старуху, и перецелуй своих деточек, и не забывай искреннего твоего друга кобзаря

Т. Шевченка.

Умышленно пишу тебе на одном листочке, чтобы было где изображение мое положить и чтобы конверт не очень много весил. *Апреля, 22, 1857 [Новопетровское укрепление].*

86. А. Н. Маркевичу

— 22 апреля **{790}

Христос воскрес!

На самую пасху приплыла из Гурьева к нам почта и привезла мне письмо твое и 16 рублей денег. Спасибо тебе, друже мой незнаемый! Поблагодари и поцелуй твоих товарищей и земляков моих искренних, спасибо им,

что не забывают бесталанного старого кобзаря. Пусть их не забудет господь милосердный своими милостями. Спасибо вам, молодые братья мои, и за книги. Спасибо ему, этому Николаю М.^{791}, а увидишь Кулиша, поцелуй его за меня и скажи, что такой книги, как «Записки о Южной Руси», я еще сроду не читал. Да и не было еще такой в русской литературе. Спасибо ему, он меня будто на крыльях перенес на нашу Украину и посадил среди старых слепых товарищей кобзарей. Живо и просто передан их язык. А, может, оно потому и живо, что просто. И, если не будет он продолжать свои «Записки», — бог святой его накажет. Так и скажи ему, друже мой, если его увидишь.

Еще вот что. Не встретишься ли ты случайно с Гербелем^{792}, переводчиком «Слова о полку Игореве». Он хоть по фамилии Гербель, а такой же серый хохол, как и мы с тобою, молодой мой друже. Так вот, увидишь его, поблагодари за перевод «Малороссийской думы», напечатанной в «Библиотеке для чтения».

С отцом твоим, друже мой, мы были ко-

гда-то большие приятели^{793} и встречались с ним не в одной Кочановке. Здравствует ли он еще? Целуй его от меня. А твою мать только раз видел в Кочановке, может, и тебя тогда с нею видел, но ты тогда еще был маленький, — теперь я уж и не вспомню, — давно это было, молодой мой друже! В следующий раз напишу больше, а теперь мне что-то не пишется, будто захворал от твоего письма. Я приду хоть немного в *нормальное* состояние, напишу тебе целую книгу, а теперь целую тебя, друже мой единый, и твоих товарищей, а моих земляков искренних, целую и благодарю от всего своего сердца. Благодарю за деньги, а еще больше за то, что не забываете старого кобзаря

Т. Шевченка.

Хорошо, что остался клочок бумаги. Есть на чем написать P. S. Я напишу его по-русски, — так, видишь, надо; ты, прочитав, и сам, слава богу, догадаешься, что так надо. Только, сердце мое, голубе мой сизый, сделай для меня все, о чем я попрошу. Я тебя трижды поцелую, как увидимся, а пока (я и забыл тебе ска-

зать) сходи ты на Большую Морскую в дом графа Уварова, найди там Михайла Матвеевича Лазаревского и поцелуй его за меня. Так надо, друже мой единый. Записки о жизни Н. В. Гоголя прислал ты мне два тома и оба — первые.

22 апреля 1857 [Новопетровское укрепление].

Р. S.[13] Дело вот в чем^[794]. Г. комендант Новопетровского укрепления Ираклий Александрович Усков просил г. полковника Илью Александровича Киреевского выслать ему камер-обскуру для фотографии со всеми принадлежностями. И для этого снаряда послал ему 250 рублей серебром денег и 77 лебяжьих шкурок. Последнее письмо г. Киреевского от 10 ноября 1856 года получено г. комендантом с уведомлением о получении денег и посылки. Теперь дело в том, что ни вещь, то есть камер-обскура, до сей поры не получена здесь, ни письменного уведомления о причине такой непонятной медленности. Естественно, что это Ираклия Александровича беспокоит. То я и прошу тебя, побывай ты у г. Киреевского и от имени Ираклия Александровича спро-

си у него о причине его безмолвия. Квартирует он в Большой Миллионной в доме Славных. Если же, паче чаяния, ты не найдешь его по этому адресу или он умер, или выехал из столицы, то ты вместо прогулки съезди в Павловск и на даче г. Киреевского найдешь кого-нибудь из родственников г. полковника Киреевского. И узнай, где он и что с ним? и не поручал ли он этого дела, то есть камер-обскуры, кому-нибудь из своих родственников или же знакомых, и проси, чтобы, кого ты найдешь из его родственников, чтобы написал Ираклию Александровичу и тем вывел из мучительного недоумения. В заключение зайди ты в магазин Прево, под фирмою *Выставка художественных произведений*, у Полицейского моста в доме голландской церкви, и спроси у самого г. Прево, поручил ли ему помянутый г. полковник в прошлом году осенью выписать из Берлина камер-обскуру со всеми препаратами для фотографии, или нет? И, узнавши все это, напиши мне как можно обстоятельнее и как можно скорее.

Адресуй свое письмо на имя его высокоблагородия Ираклия Александровича Ускова,

г. коменданта Новопетровского укрепления Оренбургской губернии.

В случае же смерти г. полковника Киреевского, узнай к кому можно обратиться Ираклию Александровичу о получении, ежели не вещи, то обратно денег, на которые имеется у него как документ письмо г. полковника. Все это можно узнать в Павловске. Кто бы ни был из его близких родных — отец, мать, брат или сестра — все равно, ты только самый подробный адрес [узнай], кого найдешь из них. И еще раз прошу тебя — не медли и напиши по-русски.

87. М. М. Лазаревскому
— 22 апреля и 8 мая ^{*{795}}

22 апреля [8 мая 1857, Новопетровское укрепление].

Христос воскрес, брате мой милый! Удачная у меня нынче пасха! Такой святой радостной пасхи у меня еще и сроду не бывало. Как раз 7 апреля пришла к нам почта и привезла твою дорогую посылку и твое радостное письмо от 17 генваря. Я чуть с ума не сошел, прочитав его. А как закурил твою сигару (я де-

сять лет уже не курил сигар), как закурил твою гаванну, друже мой единый, так и запахло волей, и я даже заплакал, будто ребенок. Вот что ты наделал с моими старыми глазами. Пусть тебе господь милосердный заплатит за твою сердечную работу. Та же почта привезла мне письмо из Черномории и 25 рублей денег от Я. Кухаренка. Семен его должен знать. Но Кухаренко о воле мне ничего не пишет. Та же, та же почта привезла мне из Петербурга письмо и денег 16 рублей от А. Маркевича с товарищами. Это — сын того самого Николая Маркевича, который написал «Малороссийскую историю». С отцом его мы были когда-то большие приятели. А сына его, этого самого Андрия, я, кажется, еще и не видел, а может и видел еще ребенком. Найди его и поцелуй за меня, мой друже единый. Он квартирует на Почтамтской в доме Логинова.

Так вот какая у меня была пасха! И чем я заплачу вам, братья мои, земляки мои искренние, за мой великий праздник! За мои сердечные, радостные слезы! Слезами и ничем больше.

Увидишь Кулиша, поцелуй его за книги,

которые он мне подарил, а особенно за «Записки о Южной Руси». Такой умной книги, такого чистого нашего слова я еще не читал. Может, он и рассердился на меня, что я его алмазный подарок «Записки о Южной Руси» послал на Черноморию Кухаренку. Так что ж, скажи, — не утерпел. И ежели он, храни его мать господня, не издаст второго тома, то не только я, ты, все земляки наши и вся славянщина проклянет его и назовет брехуном. Так и скажи ему. А Белозерский, говоришь, поехал домой жениться. Пусть ему бог помогает. Вот еще искренняя христианская душа. Поцелуй его за меня, как увидишь.

Какая там моя картина была у Езучевского {796}, ей-богу, не знаю. Разыграли, говоришь, в лотерею, и она досталась тебе. О мои добрые, мои искренние друзья! Пусть вас бог не забудет, как вы не забыли, не покинули меня, беспотанного, на чужбине, в неволе. Пошлет мне господь милосердный волю, я никуда не поеду, друже мой единый, разве только по дороге заеду в Черноморию на какую-нибудь неделю, а там прямо в столицу к вам, к вам, друзья мои, братья мои. Мне кажется, я сойду с ума,

увидясь с вами, мои родные, мои единые!

Сегодня, 22 апреля, пришла вторая почта из Гурьева и не привезла ничего официально насчет моей отставки, и я не знаю, что и думать. Может, это форма требует такой проволочки? Не знаю, дождусь третьей почты, что там будет, — мне, видишь, хотелось бы прибавить к этому письму два слова: я свободен. Только два слова, и ничего больше, друже мой единый.

Бес его знает, куда этот Осипов делся? И Писемского, говоришь, нет в Петербурге. А «Княгиня», пишешь, у какого-то Н. Д.^{1797}. Не знаю, кто это Н. Д. Не лучше было б, ежели «Княгиню» взял в свои руки Кулиш? Да и «Матроса» прибавил бы к «Княгине», да привел бы в порядок их хорошенько, да и пустил бы в люди. Дармограй написал уже и вторую часть «Матроса», в которой уже резче обозначилась общая идея рассказа. А в третьей он думает уже выставить наголо свою нехитрую фантазию. Но когда это еще будет. А, может, и будет когда-нибудь. Надо подождать.

Не пишу тебе, друже мой единый, сегодня больше ничего, нечего писать, да и голова у

меня сегодня такая, будто ссудил мне ее москаль-коробейник или будто паклей ее набили. А все это почта натворила. Подожду следующей почты, не будет ли более веселой. Вот чуть-чуть не забыл! Почему ты ничего не пишешь мне о Василе и Федоре?

Черти их знают, что это они со мною делают. До сих пор нет ничего из корпуса. Добивают они меня, изверги, не боясь бога! А тоска, тоска! Я еще сроду такой тоски не пробовал. Все из рук валится. А в голове такое — не знаю, что и делать. Читаю по одной страничке в день биографию Гоголя, читаю и боюсь, может и по страничке не хватит, пока придет это увольнение. Денег у меня теперь очень немного, но, ежели б дал бог волю, то можно было б занять малость, чтобы до Москвы или до Черномории добраться, а там уж и не пропаду. Ты мне пишешь о фотографии. Не делайте ничего, братья мои^{798}, други мои милые, пока я с вами не увижусь. С *этой* почтой не напишу тебе: я свободен, — не даст ли бог с будущею? Тоскливо мне, тяжело мне, друже мой единый. Думал, не легче ли станет, как с тобою поговорим хотя бы на бумаге. Еще ху-

же. Перо из рук валится. На посылку твою только смотрю — и все, в руки ничего взять не хочется. Будь здоров, мой друже единый! Целую тебя, Семена, Кулиша и всех моих и твоих земляков, добрых и искренних, таких, как ты. Не оставляйте меня, други мои, братья мои милые!

8 мая.

88. Бр. Залесскому
— 8, 10, 13, 20 мая⁽⁷⁹⁹⁾

8 мая» [1857, Новопетровское укрепление].

Мой единый друже, Брониславе! Ради нашей святой дружбы растолкуй ты мне, что значит твое упорное молчание⁽⁸⁰⁰⁾? Или ты обленился и прокис, наконец, в деревне, или ты заболел? Да хранит тебя господь! Или ты скрылся в неведомое тридешатое государство, где о почте и понятия не имеют? Или я не знаю, что и думать. До получения последнего письма твоего от 18 сентября минувшего года я писал к тебе два раза, по адресу Билинского. Первый раз в ноябре, а второй раз в генваре, вместе с Б., и ни на один привет не

получил ответа; что это значит, и ума не приложу. Письмо твое от 18 сентября получил я в последних числах марта, на которое отвечаю только теперь. Я все дожидал[ся] от тебя позднейших известий и, не дождавшись, решился адресовать тебе третье послание в твои милые задушевные Рачкевичи. Вместе с твоим последним письмом получил от тебя письмо и Ираклий, в котором ты просил [его] о присылке семян джугары, а меня просил прислать тебе для известного употребления два куска материи собственного рукоделия. Просьба твоя исполнена не совсем удовлетворительно; посылка отправлена поздно, семена не получишь ты ко времени посева. Тебе не безызвестно, что на время зимы денежная и вообще *интересная* корреспонденция у нас прекращается. Вот причина запоздалости. Вместе с семенами послано тебе и мое рукоделье, три штуки. Две для твоего собственного употребления, то есть для продажи по твоему усмотрению, а третья с надписью для графини Т[олстой], которой и прошу тебя немедля переслать письмом или без письма, как знаешь, по нижеследующему адресу: в С.-Петербур-

бург, графине Настасий Ивановне Толстой, в Академию Художеств, а деньги, вырученные за остальные два куса, отошли на имя Михайла Матвеевича Лазаревского в С.-Петербурге, на Большой Морской улице, в доме графа Уварова. Сделай так, как я тебя прошу, друже мой единый! На днях мы дожидаем почты, и потому я не кончаю моего письма. Почта должна привезти мне твое письмо... Но я боюсь выговорить... Ты замечаешь ли перемену моего почерка? Добрый знак, друже мой единый, знак свободы! Но подождем, что скажет почта.

10 мая.

Сегодня пришла почта и принесла твое от Змарта, так долго-долгожданное, дорогое письмо; но чего я дожидал[ся] с судорожным замиранием сердца, того не привезла, и причина простая, которую объяснил мне М. Лазаревский^{801} своим братским письмом, полученным с этою же почтою. Не в генваре, как я тебе писал, а только 7 апреля представлен я со многими другими; но чем разрешилось это представление, неизвестно. Во всяком случае,

я не унываю, но ожидание, как и всякое ожидание, самое несносное чувство. Не говоря уже о разумном каком занятии, я даже романа читать не могу. Несносное состояние, и оно должно продлиться еще по крайней мере месяц, если не больше.

Глубоко уважаю твои чувства, друже мой милый, в отношении к матери; но все-таки не могу не пожалеть, что ты решительно отказался от моей милой Академии. Два года только, и ты артист, по крайней мере для себя, если не для публики. Мелкие города опасны, а столицы нечего, бояться ни в каком отношении; а какое неизъяснимое блаженство увидеть волшебное искусство во всем его блеске, во всем его магическом очаровании! Рай, заповеданный только святым! Но если ты уже решительно посвятил себя идиллии, то сделай же эту идиллию полную, совершенную. Женись, а иначе идиллия будет вяла, суха и однообразна; а впрочем, ты не Улисс, а я не Ментор^{802}.

От Сигизмунда я не получил до сих пор ничего, а для «Блудного сына» мешал бистру с тушью и вышел тон почти сепии. Готовых

уже у меня 8 штук. Первых четырех сцен еще не начинал за неимением модели. Необходим русский типический купец, чего здесь не имеется. Я отложил это до Москвы или до Петербурга. Расскажу тебе о «Блудном сыне» подробно в следующем письме, а теперь тороплюсь, завтра почта отходит.

Ты пишешь, друже мой единый, насчет материи; в следующей почте пошлю тебе еще две штуки, не знаю, какого содержания, а для виленского альбома пришлю несколько штук из нашего каратауского вояжа⁽⁸⁰³⁾ и из здешних окрестностей, а что пришлю, о том напишу. Из посланных тебе кусков один, может быть, покажется тебе непонятным. Это предание о происхождении рисования⁽⁸⁰⁴⁾. Дочь хиосского горшечника нарисовала на дверях хижины силуэт своего возлюбленного, и это была первая рисовальщица.

Экспедиция по Вилии может быть чрезвычайно интересна. Как бы я желал поплавать по этой матери литовских рек.

Целую Бюрно, Аркадия, Сигизмунда, целую твоего старика, твою добрую, любящую мать, сестер и твоих каро-и голубооких

sistrzen' co' w.

13 мая.

Почта отправляется еще через два дня, что и дало возможность мне устроить для тебя посылку.

Посылаю тебе 17 штук для в[иленского] а[льбома]. Выбери из них, которые тебе покажутся лучшими и пригоднейшими к делу, и сам назначь им цену, какую найдешь приличною. Поторгуйся, мне теперь более, нежели когда, деньги необходимы. Кроме предстоящей дороги, я похож теперь на турецкого святого, а турецкие святые, как тебе известно, неразборчивы в отношении костюма: они щеголяют иногда au naturel. Если бы заплатили по 15 рублей, я был бы более нежели доволен, и эти деньги посвятил бы на дорогу от Москвы до Рачкевич.

Еще посылаю тебе «Счастливого ловца» и «Ловкого продавца». Этим молодцам тебе цена известна. Устрой, друже мой, все это наилучше и найскорее, и жди меня, твоего искренняго друга, в свои теплые объятия.

Форму и величину 17 штукаам можно дать

одну, это не повредит эффекту, — такую, например, как 17 № Когак.

20 мая.

Сегодня только отходит почта, и я прибавляю еще две штуки. Я назвал их молитвою по умершим. Это религиозное поверье киргизов. Они по ночам жгут бараний жир над покойниками, а днем наливают воду в ту самую плошку, где ночью жир горел, для того, чтобы птичка напилась и помолилась богу за душу любимого покойника. Не правда ли, поэтическое поверье?

89. М. М. Лазаревскому
— 20 мая ^{*{805}}

20 мая [1857, Новопетровское укрепление].

Воистину воскрес! Мой друже единый! Спасибо тебе, сердце мое, за твое письмо от 11 апреля. Мне стало легче после того, как я прочитал его. Я — дурень — думал, что еще в генваре мое дело кончено, а оно с 7 или с 17 апреля только начинается, и глупая же эта мысль моя тяжко мучила меня все это время. Теперь, слава богу, я повеселел, а все-

таки за что ни возьмусь, из рук валится. Сердце как-то лихорадочно бьется. Ох, когда б его скорей успокоили!

Ты пишешь, что был дома. Как я тебе завидую, мой друже единый! Там и обо мне вспоминали. Спасибо им, землякам моим родным, что не забывают кобзаря своего старого, бесповального

Ты пишешь, что слышал, будто в столице есть добрые души, желающие собрать мне на дорогу. Спасибо им, добрым душам! Это не тот же ли А. Маркевич с товарищами, о котором я тебе писал.

Еще ты спрашиваешь, много ли мне нужно будет денег на дорогу? Я и сам не знаю. Не знаю еще, и как я поеду — через Оренбург или Волгою до Нижнего и через Москву. Или на Черноморию? Какой бы дорогой ни поехал, думаю, не обойдусь меньше, чем 200 рублями. Нужно будет одеться, ведь как снимут с меня казенное, так останусь я вроде турецкого святого, буквально голый. Получишь ты на свое имя от Бр. Зал веского из Минской губернии 50 рублей, приложи к своим, да и пришли по прежнему адресу с передачею. Я,

может, не дождусь твоих денег, а возьму в долг у Ираклия Александровича, так ты уж и посылай на его имя.

А ежели не будет от царя ничего, тогда не посылай и денег. К чему они тогда мне? Когда перепишут «Матроса», передай его Кулишу и попроси от моего имени, пусть прочтет хорошенько и, если что найдет, — пусть поправит, а за «Записки о Южной Руси» поблагодари его еще раз от меня. Иногда я думаю, — не теперь а когда-нибудь удрать критику на сию воистинно драгоценную книгу. Но пока только думаю, и бог его знает, когда это будет. Попроси Семена, пусть он когда-нибудь расскажет вам, как, заумирав, Явдоха на том свете побывала ^{806} и что она там видела. У Кулиша записан только ад, а рай — нет, кроме тех двух деточек, что перед матерью божьею золотые ключечки держат, а она чулочек вяжет.

Прости меня, друже мой единый, что пишу тебе так торопливо. Некогда. Сегодня почта отходит. Целую тебя, Семена и всех добрых земляков моих. Не оставляйте, братья мои, старого бесталанного кобзаря

Дармогряя.

90. Я. Г. Кухаренко

— 5 июня *^{807}

Батьку атамане кошовой и друже мой единый! Постриг ты меня в брехуны своим братским письмом и своею искренней писанкой. Я писал тебе, друже мой единый, что уже не смогу в стихах что-либо сделать. И сбрежал. Сбрежал и глазом не моргнуул. Правда, я сам думал, что я уже обленился, застыл в неволе, а вижу — нет. Некому только было огня подложить под мое горем недобитое старое сердце. А ты, друже мой, догадался, взял да и подбросил святого огня. Спасибо тебе, друже мой единый. Долго я читал твое письмо, раз десять, если не больше, и дочитался до того, что у меня не только глаза, сердце заплакало, как голодное дитя. А сердце, известно, не дитя, его галушкою не накормишь. Как тут быть? — думаю себе, да вставши раненько, помолился богу, закатал рукава и принялся за этот «Солдатов колодец». Бог помог, и кое-как кончил. Мне и легче стало немного. Не знаю только, понравится ли он тебе, мой друже единый? Ежели понравится, дай хорошему писарю переписать и «Колодец», и «Чернеца», и «Вечер»

и пошли старому Щепкину. Пусть на старости читает и не забывает бесталанного кобзаря Тараса Дармограя. Я умышленно приписал «Чернеца» и «Вечер» для сравнения с «Колодцем» ведь «Колодец», видишь, этого года, а «Чернец» и «Вечер» — бог знает, когда написаны. Помолодел ли я за 10 лет в неволе, или постарел, скажи мне, мой брате родной?

Еще вот что, не продаются ли у вас на коше бинокли или хотя бы хорошие очки? Если нет, то нечего и читать мое писание, потому что я так напечатал, что и сам едва читаю. Правда! У тебя есть сыновья с молодыми глазами, так пусть они понемногу разбирают, а ты только слушай да критику выкладывай, и все.

Не знаю, получил ты мое изображение, вложенное в небольшую цыдулку? Я там писал, что скоро вырвусь из этой каторги и приеду к тебе в гости, но и до сих пор нет ничего официального, и черт его знает, когда будет это проклятое официальное? Может, еще и зимовать останусь за этим сумасшедшим морем. Но ты все-таки напиши мне, будешь ли этим летом на коше, может, снова пойдешь

чертова черкеса да курвиного сына по горам гонять. Ведь, ежели поможет мне бог вырваться летом, к кому же я приеду, коли тебя не будет на коше? А чтобы скорей твое письмо пришло в мои руки, пиши на конверте — в г. Астрахань, г-ну смотрителю госпиталя его высокоблагородию Христофору Моисеевичу Еленеву, с передачею Николаю Ефремовичу Бажанову. — В Новопетровское укрепление.

Думал я тебе послать свой экземпляр «Записок о Южной Руси», но и сам еще как следует не начитался этих записок. Очень хорошая книга. Могила, говорят, издает сборник наших песен^{808}? Пусть ему бог помогает.

Пиши мне скоренько, не оставляй меня, друже мой, брате мой единый. Целую от всего сердца твою старуху и твоих деточек.

Порохне, Литевскому, и маленькому Шамраю, и всем товарищам на коше и вне коша — доброго здоровья.

5 июня 1857 [Новопетровское укрепление].

91. М. М. Лазаревскому

— 30 июня ^{**{809}}

[30 июня 1857, Новопетровское укрепление.]

Мой искренний друже! Получивши это последнее от меня письмо из Новопетровского укрепления, сделай для меня величайшее одолжение, а для многоуважаемого мною Ираклия Александровича еще большее. Побывай ты с человеком практическим и хорошо знающим фотографическое дело, побывай с таким человеком у г. Чернягина по означенному адресу и выберите, по крайней мере освидетельствуйте выписываемую Ираклием Александровичем камеру для фотографии с прибором, в особенности обратите внимание на объективы Фогтленгера. Деньги ему, г. Чернягину, посылаются с этой же почтою. В случае же недостачи этой суммы, заплати свои деньги, которые ты с глубочайшей благодарностью получишь от искреннего твоего

Т. Шевченка.

Р. С. Полковник Киреевский, о котором я просил тебя и Маркевича, оказался подлой, ни на что негодной тряпкой. Я беру уполномочие от Ираклия Александровича выжать из этой тряпки всосанные ею 350 рублей.

Ираклий Александрович (чтоб ему горя не знать) — большой мой приятель. Так вы уж,

друзи, братья мои милые, сделайте то, о чем он пишет, сделайте для него и для меня. Он меня пятый год кормит и поит.

Увидишь Кулиша, поцелуй его и скажи, что я его «Записки о Южной Руси» послал на Черноморию, — что там скажут? Пришли мне *Метлинского*, он недорого стоит.

Маркевич написал мне свой адрес, да черт знает как: Почтамтская, в доме Логинова, а на конверте уже [?] другой рукой — в доме полковника Поссе. Вот я теперь не знаю, что и делать. Найди его, мой друже единый, этого неаккуратного Маркевича, выдери за чуб или за ухо, а потом скажи ему, чтобы адрес писал хорошо и по прилагаемой при сем записке все исполнил аккуратно, не то побью, как приеду! Если можно, и ты ему помоги в сей работе. Мне это нужно.

Скажи Маркевичу, чтобы писал [?] по-русски.

92. М. М. Лазаревскому
— 1 июля ^{*{810}}

1 июля [1857, Новопетровское укрепление].

Мой друже единый.

Письмо твое и 75 рублей денег от 2 мая ^{811} получил я 3 июня. Спасибо тебе, друже мой единый. Прочитав твое письмо, я переменил свою дорогу в столицу. Черноморию оставил на другой раз, а двинул прямо через Астрахань Волгою до Нижнего, а потом через Москву и к тебе, мой друже милый, мой единый. Переменив путь-дорогу, я в тот же день, упаковав свои пожитки, книги и т. д., купил полог от комаров волжских, сшил из шести листов бумаги тетрадь ^{812} для путевого журнала и сел у моря ждать погоды, да и до сих пор жду, мой друже единый. И бог святой знает, когда я дождусь хорошей погоды? Полог у меня уже украли, тетрадь, приготовленную для дороги, всю до листочка заполнил *местными впечатлениями*, а из Оренбурга ни слуху, ни духу. Я не знаю, что этот Ладыженский там делает? Жаль, что ты и просил его. Почта из Оренбурга и Уральска получится тут не раньше 15 июля, и, если принесет мне свободу, то на другой же день покину это вонючее укрепление и, даст бог, в половине августа буду целовать тебя, мой единый друже. О боже, если

бы так случилось! Молю милосердного бога, чтоб это было последнее письмо тебе из этого проклятого укрепления. И ты не пиши уже мне сюда. Увидишь Маркевича, поклонись ему от меня и скажи, пусть не беспокоится, не ищет этого мерзкого полковника Киреевского, я сам его найду, когда приеду. А тебя еще раз прошу — найди человечка, хорошо знающего фотографию, да выбери у Черныгина камеру для Ираклия Александровича, он тебе великое спасибо скажет.

Буду уезжать из этого мерзкого укрепления, напишу тебе, куда я поеду, может, еще потребуют в Оренбург, сохрани боже. Прощай, мой добрый, мой единый! Пароход пары разводит. Поцелуй Федора и Семена.

93. Бр. Залесскому
— 10 августа⁽⁸¹³⁾

Пишу тебе менее, нежели мало, но пишу из Астрахани, на пути в Петербург, и, следовательно, это миниатюрное письмо родит в твоём благородном сердце огромную, роскошную библиотеку. В один день с твоим письмом от 30 мая⁽⁸¹⁴⁾ получил я официальное известие о моей свободе. Добрый Ираклий дал

мне от себя пропуск прямо в Петербург, минуя Уральск и Оренбург, а следовательно, и 1 000 верст лишнего и дорогого пути. Сердечно ему благодарен за эту экономию денег и времени, теперь для меня так драгоценного. 15 августа понесет меня пароход из Астрахани до Нижнего-Новгорода, а оттуда дилижанс в Москву, а из Москвы паровоз в Петербург. Весело, друже мой единый, невыразимо весело, когда наши волшебные воздушные замки начинают быть осязательными. Я спешу теперь в Петербург для того единственно, чтобы поцеловать руки моей святой заступницы, графини Настасий Ивановны Толстой. Послал ли ты ей моего «Киргизенка»? или, лучше сказать, получил ли ты сам его и его родных братьев — «Счастливого рыбака» и «Смышленного продавца». В последнем своем письме ты мне ничего не пишешь о моих посылках. Получил ли ты их? Если получил, то распорядись ими, как находишь лучше, и напиши мне в Петербург по адресу, тебе известному. Я так же, как и ты, вполне и совершенно верую, что мы с тобою увидимся, но когда и где, не знаю; во всяком случае не в киргизской степи.

До свидания, мой друже единый! Не забывай своего искреннего друга и теперь свободного художника

Т. Шевченко.

Целую твою святую мать, отца и все близкое твоему сердцу.

Астрахань, 10 августа 1857.

94. М. М. Лазаревскому
— 14 августа ^{**{815}}

Мой единый друже! Я свободен, я уже в Астрахани и завтра, 15 августа, ежели бог поможет, на пароходе «Меркурий» поплыву за 5 рублей на палубе в Нижний-Новгород. Раньше 15 сентября я не доплыву до Нижнего и раньше 1 октября я не поцелую тебя, друже мой единый. Господи милосердный, сократи путь и время для нашего свидания с тобою.

21 июля получено официальное известие о моей свободе, на другой день я просил Ираклия Александровича дать мне пропуск через Астрахань в Петербург, но он отказал мне. 23 июля написал я и послал через Астрахань письмо графу Толстому. Писал я ему, что я поеду через Оренбург.

1 августа пришла почта^{816} и привезла мне

разрешение ехать куда я хочу. 2 августа я вырвался из своей тюрьмы. 5 августа гулял уже по славному городу Астрахани. 14 августа пишу тебе это письмо небольшое, а завтра, даст бог, поплыву вверх по матушке по Волге до самого Нижнего. До свидания, мой друже единый. Целую Семена, Федора и всех и вся. А увидишь Маркевича, выдери его за ухо — за то, что я не дождался его письма в Новопетровском укреплении.

До свидания еще раз, мой единый друже, не забывай твоего искреннего

Т. Шевченка. Астрахань, 14 августа [1857].

95. Я. Г. Кухаренко

— 15 августа ^{*{817}}

Батьку атамане кошевой и друже мой единый!

Я свободен, я уже в Астрахани, вчера виделся с тем Еленевым, на имя которого просил я тебя переслать мне письмо о «Солдатском колодце». Письма этого нет, и я теперь не знаю, что и думать, ведь оно уже давно тебе послано, еще 5 июня. Может, тебя дома нет? Думал я, едучи в столицу, завернуть к вам на Сечь, поцеловать тебя, твою старуху и твоих

деточек, но не так делается, как нам хочется. Мне велено отправиться прямо в столицу. Нечистый их знает для чего. И я теперь из Астрахани направляюсь на пароходе до самого Нижнего-Новгорода, а там через Москву в столицу. Но скоро ли я туда прибуду, святой его знает. Я в Москве увижусь со старым Щепкиным (если он жив), и очень хорошо сделал бы ты, друже мой единый, если бы через него хоть одну строчечку [прислал], напиши только — жив ли ты, здоров ли и получил ли мой «Солдатов колодец». Меня он беспокоит. А в столицу мне пиши вот так: в С.-Петербург. Его высокоблагородию Михайлу Матвеевичу Лазаревскому, на Большой Морской, в доме графа Уварова.

Не пишу тебе больше, — нечего писать, да и пароход, спасибо ему, не дает. Завтра поплыву вверх по матушке по Волге, а покамест целую тебя, твою старуху и твоих деточек. Не забывай меня, друже мой единый.

Получил ли ты мое изображение?

Т. Шевченко

15 августа 1857 [Астрахань].

96. М. М. Лазаревскому

— 8 октября **{818}

8 октября [1857], Нижний-Новгород.

Друже мой единый! 19 сентября прибыл я в Нижний-Новгород, и только сегодня я, слава богу, собрался с силою написать тебе о случившемся со мною. Никто больше, как черт, враг добрых наших помышлений, перешел мне дорогу в Питер. Новопетровский комендант по моей просьбе выдал мне пропуск прямо в Петербург, а командир батальона, мой ближайший начальник, обиделся распоряжением Ираклия Александровича и уведомил нижегородского полицеймейстера, чтобы меня задержать и прислать в г. Уральск для получения указа об отставке с какими-то ограничениями. Я заболел. Спасибо, нашлись здесь добрые люди, которые приютили меня и через посредство которых написано в Оренбург обо мне Катенину, чтобы он объяснил мое отвратительное положение.

Писал я графу Ф. П. Толстому из Новопетровского укрепления, что я отправляюсь через Оренбург, но после упросил Ираклия Александровича отпустить меня через Астра-

хань. О случившемся здесь со мною я теперь не пишу ему, а прошу тебя, друже мой единый, посети ты графиню Настасию Ивановну Толстую, это тебя нисколько не скомпрометирует, расскажи ей о моем гнусном положении, а главное, благодари ее от меня за ее святое о мне ходатайство, а также и добрейшего графа Федора Петровича. Друже мой единый! Во имя глубокой моей любви к тебе не откажи мне в этой великой просьбе.

Не знаю как долго продлится мое сидение в Н.-Новгороде, думаю, что я не скоро вырвуся. Пришли мне сколько-нибудь денег. Я почти не одет, а следовательно не могу показаться в люди и начать работу за деньги. Если получил ты письма от Кухаренка и от Залесского, то перешли мне. От Залесского должны быть и деньги, не знаю только как велики.

Прощай, мой друже единый! Поцелуй Семена и Маркевича и не забывай искреннего твоего

Т. Шевченка.

В другой раз буду тебе писать больше, а теперь болею. Адресуй свое письмо в Нижний-Новгород, его высокоблагородию Павлу

Абрамовичу Овсянникову, в контору пароходства «Меркурий».

97. М. М. Лазаревскому

— 19 октября *{1819}

19 октября [1857], Нижний-Новгород.

Мой друже милый, мой единый! Сегодня 18 октября получил я твое братское сердечное письмо. Спасибо тебе, мое сердце! Ты пишешь, что Усков уже писал тебе о каком-то недоразумении. Почему же он, дурень, не написал, какое именно недоразумение? И тут никто не знает. Я и сам не знаю, что за такое проклятое недоразумение? В Оренбург уже давно писали из Нижнего, а из Оренбурга пока нет ничего. И я сам не знаю, что еще со мною будет. А покамест живу здесь хорошо и весело среди хороших людей. Овсянников, здешний архитектор, благородный, добрый, умный человек, а ко всему этому еще и земляк наш конотопский. Мне тут хорошо с ним. Жаль только, что морозы настали, нельзя рисовать с натуры, а то было б куда-как весело.

Спасибо тебе, друже мой единый, что ты повидался с графинею Настасией Ивановной.

Не знаю, получила ли она моего «Киргизенка» от Сигизмунда? И получил ли граф Федор Петрович мое письмо из Новопетровска? Будешь у нее, спроси, пожалуйста, и мне напиши. Письма графу теперь писать не буду. Надо дожидаться, что мне напишут из Оренбурга. Я просил Герна написать мне, а ты, получив мое письмо, походи к графу Федору Петровичу и поблагодари его от меня за его доброе, чело-веколюбивое участие, которым я радостно воспользуюсь, если придется мне круто.

Поздравь и поцелуй от меня Белозерского и его женушку. Почему ты не женишься? Может быть, мы с тобою уж разом женимся? Долго, я думаю, нам этой напасти ждать.

Что делает Кулиш? И где теперь его женоушка? Увидишь ее, чмокни раза три за меня. А Кулишу скажи, пусть мне пришлет второй том «Записок о Южной Руси». Тут есть одна книжная лавка, да и в той только буквари продаются. А как будет посылать второй том, так пусть и первый подкинет, потому что я первый том «Записок о Южной Руси» подарил нашим киевским землякам в Астрахани. Поцелуй же его и попроси, пусть мне вышлет

свои милые «Записки о Южной Руси», а я ему за это не пришлю, а, даст бог, привезу гостинец из самой киргизской степи.

У меня теперь, слава богу, есть что читать, дай бог здоровья добрым людям, но своего родного — ничегошеньки нет, кроме «Богдана Хмельницкого» Костомарова^{820}. Вот отколол книгу, это да! В Саратове виделся я со старою Костомарихою, она ждала его из-за границы к 15 сентября. Не знаю, вернулся ли он или нет еще? Не слышно ли у вас про него что-нибудь?

Чем занят этот повеса — Семен, что ничего мне не напишет. Отдери его за ухо и поцелуй от моего имени, а женушку его и деточек не дери, а только поцелуй.

Напугал ты меня черною печатью на своем письме. Не случилось ли у тебя, упаси боже, что недоброе?

Прощай, мое сердце, мой голубе сизый! Я теперь, слава богу, здоровый, и веселый, и искренно любящий тебя, моего единого друга —

Т. Шевченко.

Увидишь графиню Настасию Ивановну, — спроси, был ли у нее Сапожников, с которым

я плыл из Астрахани в Нижний?

98. И. П. Клопотовскому^{821}

— 6 ноября **^{822}

Нижний, 6 ноября 1857.

Други мои искренние, мои сущие в Астрахани, мир и любовь с вами вовеки.

Сатана, он же и Иван Рогожин. Нетерпящий света истины и враг всяких добрых помышлений и намерений наших. Самый сей сатана, кровный, родич, а может и единокровный брат немецкий, перешел мне дорогу в Нижнем-Новгороде и не допустил меня, немецкий сын, в столицу. Полиция, родная сестра Ивана Рогожина, остановила меня в Нижнем и до вчерашняго дня сама не знала, для чего она меня остановила, а вчера формально объявила мне, что я нахожусь под ее секретным материнским надзором и что мне свыше воспрещено жить и даже проезжать через столицы. Так вот что сделал со мной враг рода человеческого Иван Рогожин! А я, недогадливый, забыл на это время надеть на себя христообразную амуницию, а то ничего бы этого не было. Задним умом крепок.

Теперь думаю так сделать. Проживу зиму вот тут с добрыми людьми, а весной, ежели бог поможет, с моим добрым капитаном поплыву вниз по матушке по Волге и стану рисовать ее прекрасные берега. А может, даст бог, и с вами увижусь, пошли вам бог здоровья, други мои искренние. И, может, еще раз ночью пойдем с Незабутовским под предводительством Ивана Рогожина и искреннего друга его Перфила искать сестер милосердия, чтобы *смилосердились*. Дай го боже! Я буду сердечно рад, увидев вас — здоровых, веселых и искренних друзей моих.

Мне тут хорошо, весело, читаю так, что даже опух читая. Журналы все до одного передо мною и даже... «Le Nord» и прочие.

Не забывайте меня, друга вашего искреннего и счастливого

Т. Шевченка.

Простите меня, други мои, что я вам так мало пишу. Даст бог, как начитаюсь, так напишу больше. Увидите А. П. Козаченка, поцелуйте его за меня.

Адрес: в Нижний-Новгород, его высокоблагородию, Павлу Абрамовичу Овсянникову, с

передачею такому-то.

На конверте: в г. Астрахань. Его благородию Ивану Петровичу Клопотовскому, в собственном доме.

99. И. А. Ускову
— 12 ноября^{823}

12 ноября 1857, Нижний-Новгород.

Многоуважаемый Ираклий Александрович, давно уже я собираюсь описать вам все случившееся со мною со дня, в который я послал вам мое письмо из Астрахани, то есть с 10 августа. Но для этого описания недоставало главного материала, то есть конца, заключения этого на диво курьезного путешествия.

22 августа выехал я из Астрахани вместе с семейством А. А. Сапожникова, с которым мы возобновили наше старое знакомство. 19 сентября прибыли мы благополучно и весело в Нижний-Новгород, и того же дня полицеймейстер объявил мне, что я за настоящим указом об отставке должен отправиться обратно в Оренбург. Такое милое предложение меня немного озадачило, но я вскоре оправился, то есть заболел, и сам написал в Орен-

бург и добрых людей просил написать о себе прямо Катенину, прося его развязать сей гордиев узел как-нибудь помягче. Пока этот таинственный узел развязывался, я хворал, бродил по грязным нижегородским улицам и скучал до ипохондрии. Наконец, вчера здешний военный губернатор получает от генерал-губернатора Оренбургского, У[ральского] и С[амарского] подробное объяснение моего увольнения от военной службы. Объяснения эти вчера же прочитаны мне. В них изображено, что я, бывший художник, имею право поселиться где мне угодно в пределах Российской империи, кроме столиц. А около столиц даже мимо проезжать запрещено. Сегодня же написал я моим друзьям в Петербург об этой катастрофе и в ожидании будущих благ поселился в Нижнем-Новгороде.

Мне здесь пока хорошо. Нижегородская аристократия принимает меня радушно и за работу платит не торгуясь. 25 рублей серебром за портрет, нарисованный карандашом. Деньги у меня есть. Костюм себе построил первого сорта, начиная с голландского белья, и вдобавок запустил бороду, настоящее поме-

ло. А книгами и журналами, по милости моих новых друзей, вся комната завалена. Просто купаюсь в чтении. Теперь мне только недостает столицы, а то все, слава богу, имею, начиная с здоровья. Столицу я не раньше надеюсь увидеть, как через год. И я теперь не знаю, что мне делать с письмами Киреевского и с вашей доверенностью. Напишите мне.

Весело ли у вас? Здорова ли Агафья Емельяновна? Здоровы ли мои большие друзья Наташенька и Наденька? Не посылаю им гостинца потому, что Нижний-Новгород без ярманки та же деревня, еще хуже по дороговизне самых необходимых вещей.

Газетные новости вам известны, о них и говорить нечего, а не газетные не стоят того, чтобы об них говорить. Занимает теперь всех самый животрепещущий вопрос о том, как освободить крестьян от крепостного состояния. С новым годом дожидают правительственных распоряжений по этому вопросу.

Прощайте, Ираклий Александрович, желаю вам здоровья и счастья. Целую от души моих больших друзей Наташеньку и Наденьку и свидетельствую мое глубочайшее почте-

ние Агафье Емельяновне и остаюся благодарный вам

Т. Шевченко

**100. М. С. Щепкину
— 12 ноября ***

Нижний-Новгород, ноября, 12, 1857 г.

Друже мой давний, друже мой единый! Из далекой киргизской пустыни, из тяжелой неволи посылал я тебе, мой голубе сизый, искренние сердечные поклоны. Не знаю только, доходили ли они до тебя, до твоего искреннего великого сердца? Да что с того, если и доходили! Увидеться бы нам, хоть поглядеть друг на друга, хоть часок поговорить с тобою, друже мой единый! Я ожил бы, я напоил бы свое сердце твоими тихими речами, как живой водой!

Сейчас я в Нижнем-Новгороде, на воле — на такой воле, как собака на привязи [14]... Так вот, чтобы увидеться нам, я и надумал, сидя тут: не найдется ли под Москвой какое-нибудь село, дача, хутор с добрым человеком? Если есть у тебя такой человек с теплой хатой, напиши мне, батьку, брате мой

родной! А я и приеду, хотя бы на один день, хотя бы на один часок. Сделаем так, мой славный друже! А какой бы я тебе гостинец привез к празднику — вот уж гостинец, так гостинец! Посоветуйся со своим мудрым сердцем, мой друже единый! И если можно будет увидеться нам и поколядовать на этих святках вместе, — поколядуем. А следующего года, бог весть, дождемся ли. Извини мне, сердце мое, откровенность и, если что-нибудь придумаешь, напиши, а покамест оставайся здоров и весел и не забывай искреннего твоего друга и поклонника

Т. Шевченка.

Адрес: в Нижний-Новгород. Его высокоблагородию Павлу Абрамовичу Овсянникову.

Не писал ли тебе чего-нибудь обо мне старый кошевой из Черномории — Яков Герасимович Кухаренко? Я еще из Новопетровского укрепления послал ему кое-что и просил с тобой поделиться, да до сих пор нет от него никаких известий.

101. М. М. Лазаревскому
— 18 ноября *{824}

Милый мой друже! Позавчера черту нечего было делать, так он носил меня в Балахну, едва ли не тридцать верст от Нижнего, а Федор именно в этот день и проехал через Нижний. И чтоб ему было подождать до завтра. Нехороший он, поцелуй его за меня.

Письмо твое, наскоро писанное, я получил ^{825} и благодарю тебя за него, а то уж я думал, что ты, упаси боже, заболел. Ты пишешь, получил ли я отставку из Оренбурга. Получил. Чистую получил. А еще до получения этой мерзкой отставки писал я графине Н[астасии] И[вановне] и графу Ф[едору] П[етровичу] письма. Не знаю, получили ли они их, или нет. Узнай, будь добр, и напиши мне. И напиши мне, хорошо ли я написал письмо графу Ф. П., ведь я на такие изысканные письма не большой мастер. Да не забудь спросить у графини Н. И., был ли у нее с моим поклоном Сапожников.

Поблагодари доброго и умного Кулиша ^{826} за его «Черную раду» и за «Записки о Южной Руси». Я уже второй раз читаю «Черную Радугу» и, прочитав, напишу ему прездоровенный мадригал. А покамест, послал я ему с Баренце-

вым «Солдатов колодец» и «Чернеца». А если бы знал, что он получил от Щепкина, то послал бы что-нибудь другое, у меня много кое-чего, только все недоработанное. Ежели застанет это письмо Варенцова в Петербурге, то перешли мне с ним наши народные думы, изданные Метлинским. Или хотя бы по почте перешли, потому что я еще и не видел этой хваленной книги.

Нарисовал я карандашом для тебя свой портрет, да не с кем переслать его, а по почте боюсь, сотрется. Думал переслать с Федором, так черт, враг добрых наших помышлений, видишь что сделал.

Пишет мне старик Щепкин, приглашает к себе в гости — на праздники. В самую Москву мне ехать нельзя, так он приглашает меня к своему сыну на хутор, где-то под Москвой. Я жду от него на днях письма, он мне напишет, где этот хутор и когда можно туда приехать. А что если б, взяв Кулиша да Семена с собою, и ты приехал на тот благодатный хутор. Очень хорошо было б. Я тебе напишу, как получу от старика письмо. А пока прощай, не забывай великой просьбы твоего искреннего

Т. Шевченка.

18 ноября [1857], Нижний-[Новгород].

102. М. С. Щепкину

— 5 декабря *^{827}

5 декабря 1857 г. [Нижний-Новгород].

Спасибо тебе, богу милый мой друже, за твой сердечные, ласковые письма. Спасибо тебе за приглашение в село Никольское, а к тому же трижды спасибо тебе зато, что ты хочешь сам приехать в Нижний. Вот как бы ты хорошо сделал, ежели б приехал! Тут бы тебя, преславного, на руках носить стали твои бесчисленные поклонники. Счастливый ты, очень счастливый, мой славный, мой великий друже! Все тебя видели, все до единого русского человека, все тебя знают и с любовью повторяют «твое обаятельное прославленное имя».

Сегодня был у меня Вл[адимир] Ив[анович] Даль; я показал ему письмо твое. Обрадовался старик, прочитав, что ты хочешь приехать в Нижний. Низенько кланяется тебе Вл. Ив. и сердечно просит не менять доброе намерение. На той неделе начнутся здесь дворян-

ские выборы, уже начали собираться уездные бары, так, может, ты решишь показаться им на здешней сцене. Вот бы порадовал их хуторянские души, а мою искреннюю, любящую тебя душу перенес бы прямо на небо. На этот случай я виделся с директором Нижегородского театра, с г. Варенцовым, спрашивал его об условиях, и он сказал мне, что «согласится на условие, какое ты ему предложишь». Чудак был бы, ежели б не согласился.

Добрый мой друже, ты спрашиваешь, много ли у меня денег? Очень, очень мало, мой друже единый: негде взять. Стал рисовать карандашом портреты, и что же — нарисовал три портрета, да и сижу сложа руки. Без столицы художник — рыба без воды. Плохо, очень плохо в этом Нижнем. Граф Федор Петрович обещает мне «выхлопотать позволение жить в столице». Вот, ежели б ему бог помог, «ожила б тогда моя душа одинокая при виде великих произведений божественных искусств»! А тем временем, а тем временем... ты приедешь сюда, и я погляжу на тебя, погляжу как на всемирную галерею, как на всемирный театр и забуду хоть на час свое неусып-

ное горе.

Денег мне бы хватило, чтоб съездить в Никольское и вернуться, да не в этом дело. Не я один прошу тебя приехать сюда, а все добрые и умные люди просят тебя, — а их тут немало-таки. Старик Улыбышев, тот самый, который написал биографию Бетховена, не пропускает ни одного спектакля: так искренне любит театр; и увидев тебя, он, старик, как малое дитя зарыдает, — и разве он один?

Решись, друже мой великий, на то, о чем тебя прошу и, решившись, напиши мне хорошенько, когда тебя ждать к себе. Я сегодня же пишу и Кулишу: может, и он заедет за тобою, да вместе и приедете, мои гости дорогие. А увидишь моего давнего друга В[арвару] Н[иколаевн]у Р[епни]ну, передай ей привет от меня, мой друже единый, да в письме своем напиши ее адрес. Прощай, мое сердце! Пусть тебя бог милует и хранит во славу великого святого искусства. Не отринь же просьбы любящего тебя друга

Т. Шевченка.

Кулиша не надо ждать: может, он и не по-

едет, а мне б с ним очень-очень надо было б повидаться. Напиши, пожалуйста, и ты ему, может, он тебя — отца нашего — лучше послушается. Постыдится не послушаться.

Как приедешь, тотчас же пришли почтальона на квартиру Овсянникова, чтобы тебе не беспокоиться о помещении.

Не взял ли бы ты с собой рукопись «Москаля-чаривника»? Тут есть прехорошая дивчина и талантливая артистка, Пиунова. Может, вы с ней запузырили бы этого «Чаривника» на удивление нижегородским людям.

Поцелуй старого Максимовича за меня, и почему он не шлет мне свое «Слово о полку Игореве»?

Еще один P. S. Уже понес я было это письмо на почту, да встретился мне старый Улыбышев⁽⁸²⁸⁾ и просил передать от него глубочайший поклон и просит тебя, чтобы ты приехал прямо к нему на квартиру.

«Москаль-чаривник» есть тут печатный. И Пиунова сегодня принялась учиться по-нашему говорить. Обрадовалась дивчина — даже заплакала.

5 декабря 1857 [Нижний-Новгород].

Спасибо тебе, богу милый друже мой великий, за твои очень хорошие подарки и, особенно, спасибо тебе за «Черную раду». Я ее уже дважды прочитал, прочитаю в третий раз и все-таки не скажу ничего, кроме спасибо. Хорошо, очень хорошо ты сделал, что напечатал «Черную раду» по-нашему. Я ее прочитал и в «Русской беседе»^{830}, и там она хороша, но по-нашему лучше. Умный, очень умный и сердечный эпилог вышел; только ты слишком уж, даже чересчур, подпустил мне благовонных курений; так много, что я едва не угорел.

Не знал я, что ты получил от Щепкина «Солдатов колодец» и «Чернеца», не то я послал бы тебе что-нибудь другое. У меня много кое-чего собралось за десять лет и не знаю, что мне делать с этим, как это все пустить в люди.

Спасибо тебе за «Наймичку»^{831}. Не найдешь ли у панночки-хуторяночки в альбоме моего «Ивана Гуса»? Хорошо было б, если б

нашел, а то жалко будет, ежели пропадет.

Что за удивительный, оригинальный человекиче Л. Жемчужников⁽⁸³²⁾! Поцелуй его за меня, как увидишь. Еще вот что. Много ли у тебя подписчиков на «Записки о Южной Руси»? Боже мой, как бы мне хотелось, чтобы ты сделал свои «Записки о Южной Руси» постоянным периодическим изданием на манер журнала. Нам с тобою надо б как следует поговорить о сем святом деле. Сделай ты вот что. Старый Щепкин на той неделе хочет ко мне приехать в гости; а если бы и ты, молодой, заскочил за ним в Москву, да вместе и прилетели бы ко мне. Очень, очень хорошо вы сделали бы, други мои искренние! Тут бы мы посоветовались со старым артистом и насчет твоих «Записок» и насчет моего ничтожного имущества. Прилетай, мой голубе сизый, хоть на неделю, хоть на один день. Может, Варенцов не выехал еще из Петербурга: вот бы вместе с ним и приехал. Я жду тебя, а ты, будь родным братом, поцелуй свою милую женушку за меня и за себя, да и айда на железную дорогу.

Поцелуй Маркевича⁽⁸³³⁾ от моего имени за

его ноты; хорошо, очень хорошо, а особенно — «Морозенко»: он мне живо напомнил нашу милую, бесталанную Украину. Целую Михайла, Федора и Семена. Федору скажи, что я вчера виделся с Кебером и что тот его целует.

Остаюсь в ожидании тебя, друже мой единственный! Остаюсь твой искренний

Т. Шевченко

Не найдется ли у тебя «Летопись» Величка? Если поедешь, захвати с собой, а если не поедешь, передай Варенцову.

104. Н. О. Осипову
— 23 декабря⁽⁸³⁴⁾

Нижний-Новгород, декабря, 23, 1857 г.

Незабвенный Николай Осипович! Сегодня я получил письмо от моей святой заступницы, графини Н[астасии] И[вановны], и только сегодня из ее бесценного письма узнал ваше мирное местопребывание и сегодня же пишу вам, сколько время позволяет. Дело, извольте видеть, предпраздничное: я же жду к себе из Москвы дорогого гостя на праздник, даже сегодня. И кого бы вы думали я так трепетно

ожидая? 70-летнего знаменитого старца и сердечного друга моего Михаила Семеновича Щепкина. Не правда ли, дорогой гость у меня будет? Да еще какой дорогой, единственный! И действительно, это единственный и счастливейший человек между людьми: дожить до дряхлости физической и сохранить всю юношескую свежесть нравственную! Это явление необыкновенное! Мы не видались с ним с 1847 г. и как мне воспрещен въезд в столицы, то он, старец-юноша, несмотря на мороз и вьюгу, едет ко мне единственно для того, чтобы поцеловать меня! Не правда ли юноша? и какой сердечный, пламенный юноша! Я горжусь моим старым, моим гениальным другом, и горжусь справедливо. Не по причине сей великой гордости, а по причине великого недосуга вы извините меня, что я на сей раз пишу вам мало. Моя история вот в чем: в первых числах августа оставил я ненавистное Новопетровское укрепление с намерением пробраться прямо в Академию Художеств; но на перепутье, то есть в Нижнем-Новгороде, меня полиция остановила и объявила, что въезд в обе столицы мне воспрещен, и вдоба-

вок, что моя особа поручена ее непосредственной опеке, то есть надзору. Я и застрял в Нижнем и пробавляюсь теперь чем попало, в ожидании будущих благ.

Последнее письмо ваше из Курска я получил и ответ свой адресовал на имя графини; но, вероятно, мое письмо не дошло к вам, потому что с тех пор уже прошло полтора года, а я сегодня только получил от вас известие. Не забывайте же меня, добрейший Николай Осипович, пишите мне хоть изредка, а пока остаюсь вашим аккуратнейшим корреспондентом и сердечно преданным вам

Т. Шевченко.

Напишите мне подробно свой адрес, а мой адрес таков: в Нижний-Новгород, его высокоблагородию Павлу Абрамовичу Овсянникову, с передачею такому-то.

1858

105. А. И. Толстой
— 2 января⁽⁸³⁵⁾

2 января 1858 [Нижний-Новгород].

Простите ли вы меня, моя святая заступница, за мое долгое молчание? Наверное простите, когда я вам расскажу причину этой грубой невежливости. 23 декабря получил я ваше драгоценное письмо, а 24-го приехал ко мне из Москвы гость. И кто бы вы думали был этот дорогой гость, который не дал мне написать вам ни одной строчки? Это был ни больше, ни меньше, как наш великий старец Михайло Семенович Щепкин. Каков старец? За четыреста верст приехал навестить давно не виданного друга. Вот это что называется друг. И я бесконечно счастлив, имея такого искреннего друга. Он гостил у меня по 30 декабря. Подарил нижегородцам три спектакля, привел их в трепетный восторг, а меня, меня вознес не на седьмое, а на семидесятое небо! Какая живая, свежая поэтическая натура! Великий артист, и великий человек! И, с гордо-

стью говорю, самый нежный, самый искренний мой друг! Я бесконечно счастлив!

Проводив Михайла Семеновича, я долго не мог прийти в себя от этого переполненного счастья. И только сегодня, и то с горем пополам, мог взяться за перо, чтобы благодарить вас за драгоценное письмо ваше и написать вам о моем беспредельном счастье. Простите меня великодушно, моя святая заступница, что я вам пишу мало. Ей-богу, не могу. Поздравляю вас, графа Федора Петровича и милых детей ваших с Новым годом и желаю вам на всю жизнь такой радости, такого счастья, каким я теперь наслаждаюсь. Простите и не забывайте меня, искреннейшего и счастливейшего вашего благодарного друга

Т. Шевченко.

Р. С. На днях явится к вам П. А. Овсянников, мой здешний добрый приятель и товарищ по квартире. Он вам сообщит все подробности о мне и о моем дорогом, незабвенном госте. Благодарю вас за адрес Осипова, сегодня и ему пишу и, разумеется, о М. С. Щепкине. Я теперь не в силах ни о чем больше ни писать, ни думать.

Чтимый и многоуважаемый Сергей Тимофеевич!

Не нахожу слов сказать вам мою благодарность за ваш милый подарок, за ваше искреннее сердечное ко мне внимание. Я давно уже и несколько раз прочитал ваше изящнейшее произведение, но теперь я читаю его снова и читаю с таким высоким наслаждением, как самый нежный любовник читает письмо своей боготворимой милой. Благодарю вас, много и премного раз благодарю вас за это высокое сердечное наслаждение.

Простите мне, что я не написал вам с Михайлом Семеновичем. Не мог. Старый чародей наш своим посещением сделал из меня то, что я и теперь еще не могу прийти в нормальное состояние. Он все еще вертится у меня перед глазами и мешает мне не только приняться за какую-нибудь работу, думать, даже говорить мешает. Да, он-таки порядком пошевелил меня. И нужно же было ему такую[ю] штуку выкинуть. Нет, таких богатырей-друзей немного на белом свете. Да я ду-

маю, что он один только и есть. Как я, одна-кож, не по-христиански думаю. А этому причина тот же великий наш чудотворец Михайло Семенович. Храни его господь на поучение людям.

Послал я вам с моим великим другом свою «Прогулку с удовольствием и не без морали». Вооружитесь терпением, прочтите ее, и если найдете сию «Прогулку» годною предать тиснению, то предайте, где найдете приличным. Вторая часть «Прогулки» будет прислана вам как только покажется в печати первая.

Простите меня, многоуважаемый Сергей Тимофеевич, что я вам так невежливо навязываю мое аляповатое творение, но лучшего употребления я не мог из него сделать. А где отец враг своему даже и аляповатому чаду? Я, как отец любящий, но не ослепленный прелестью своего чада, то убедительнейше прошу вас, будьте внимательны без снисхождения, в особенности к его хохлацкому выговору.

Поздравляю вас с Новым годом и желаю вам всего того, чего вы сами себе желаете. Еще раз благодарю за ваш дорогой подарок и навсегда остаюсь ваш сердечный поклонник

Т. Шевченко. 4 января 1858 [Нижний-Новгород].

На обороте: Высокоблагородному Сергею Тимофеевичу Аксакову, в Москве.

107. М. А. Максимовичу
— 4 января *^{837}

Мой голубе сизый!

Я еще и до сих пор не остыл от моего дорогого гостя, и до сих пор стоит он у меня перед глазами и не дает покоя ни днем, ни ночью. Присел я это вот написать тебе^{838}, хорошенько поблагодарить за твои дорогие подарки. Так что же, — такая чушь в голове, будто, сохрани боже, с похмелья. Задал он мне праздник! Угостил на славу!

Извини меня, мой голубе сизый, ради великого бога, что я тебе так вот наскоро пишу, ей-богу, ничего в голову не лезет, кроме нашего великого чудотворца Михайла Семеновича. Даст бог, немного отдохну и напишу тогда тебе не торопясь, хорошенько, а может, если бог поможет, еще и стихами. А теперь целую тебя, мое сердце, за твои подарки, поздравляю с Новым годом и молю господу милосердного послать тебе долголетия и здоровья, на

славу нашей преславной Украины. Поцелуй за меня свою хорошую, добрую пани, а мою сердечную землячку, и, други мои искренние, не забывайте кобзаря, убогого и всем сердцем вас любящего

Т. Шевченка.

Нижний-Новгород, 4 генваря 1858 г.

На обороте: Высокоблагородному Михаилу Александровичу Максимовичу, в Москве.

108. М. М. Лазаревскому

— 4 января *^{839}

4 генваря 1858 [Нижний-Новгород].

Извини меня, мое сердце, мой голубе си-
зый, что я так давно тебе не пишу, нечего
было писать. А теперь набралось так много
этого писания, что некогда писать. Добрый
этот человек завтра едет^{840} в столицу, зайдет
к тебе, и ты с ним, ежели будет у тебя время,
как следует наговоришься.

Приезжал ко мне колядовать старик М. С.
Щепкин, так я после его колядок еще и сейчас
хожу, как с похмелья. Пусть господь пошлет
старикау доброго здоровья.

Поздравляю тебя с Новым годом. Дай Кули-

шу полтину серебром^{841} и поцелуй за меня графиню Настасию Ивановну, и все. Некогда. Не забывай меня, голубе мой сизый. Не знаешь ли ты, где живет Жемчужников^{842}? Если знаешь, напиши мне. *Метлинского* я получил, спасибо. Прощай, мое сердце.

Т. Шевченко

На обороте: Высокоблагородному Михайлу Матвеевичу Лазаревскому. В С.-Петербурге. На большой Морской, в доме графа Уварова.

109. П. А. Кулишу

— 4 января ^{843}*

4 января 1858 года [Нижний-Новгород]

Позавчера получил я твое третье письмо^{844} да еще и денег 250 рублей. Спасибо тебе и щедрому земляку, купившему мою невольничью работу. Спасибо вам, други мои сердечные: радость мне доставили, — у меня великий праздник. Пусть вам так господь поможет во всех ваших начинаниях, как вы мне теперь помогли. Отвратительный Нижний-Новгород. Копейки негде заработать: думал уж писать Лазаревскому, и глядь — будто с неба упали деньги, да еще и на Новый год.

Спасибо вам, друзья мои.

Рассказов Вовчка еще не получил. А *Гра-матка* твоя так мне по сердцу пришлась, что я не знаю, как тебе и рассказать. Расскажу когда-нибудь, когда бог приведет повидаться, а пока только благодарю, и еще раз благодарю, и все.

Полтину денег возьми у М. Лазаревского. Из «Черной Рады» сейчас не нарисую тебе ничего^{845}: нет модели, нет перед глазами ничего нашего, украинского, а брехать на старости не хочется. Не хочется рисовать кое-как.

Сейчас посылаю тебе с этим добрым человеком, с Овсянниковым, своих «Неофитов»^{846}. Еще не очень отделано. Перепиши их хорошенько и пошли с этим же Овсянниковым старику Щепкину.

И наделал же он, этот старик, дел! — Приезжал ко мне на святки колядовать. И сейчас еще у меня будто тяжелое похмелье после его колядок. Угостил старик на славу! И откуда у него такая живая, сердечно-трепетная, живая натура. Удивительно, да и только!

Оставайся здоров, мой брате, мой друже единый. Пусть тебе бог помогает во всех тво-

их добрых начинаниях. Не забывай меня, твоего искреннего родного брата

Т. Шевченка.

Шли мне поскорей своего Вовчка. Поздравляю с Новым годом.

110. М. С. Щепкину
— 17 января ^{*{847}}

1858, 17 генваря [Нижний-Новгород].

Друже мой единый! Уже успокоился ли ты хоть немного^{848} со своим бенефисом? Ежели со всем уже управился и есть у тебя нерабочее время, то я тебя попрошу вот что сделать.

Твоя и моя милая Тетяся Пиунова^{849} хочет оставить Нижний-Новгород, и хорошо сделает, ей тут плохо, она тут увянет, и она погибнет, как собачка на базаре. Жаль будет такую молодую, хорошую. Я ей посоветовал ехать в Харьков, и она рада ехать, так вот мое горенко, в Харькове нет у меня ни одного доброго и влиятельного знакомого, а у тебя, вероятно, есть там такой человек. Очень хорошо сделал, если б ты ему как следует написал и попросил от себя, чтобы нашей милой Тетясей

там не пренебрегли, а она, ты сам, слава богу, видел, и теперь уже артистка, а какая же она будет, как пооботрется да пообомнется среди хороших людей? Алмаз! Ей-богу, алмаз! Сам, слава богу, видишь, что алмаз. Она с даром божьим, а к тому же умненькая, послушная и трудолюбивая. И если бог не поможет ей выбраться на свет божий из этого староверского гнилого болота, так она увязнет и погибнет. А нам с тобою грех будет.

Она здесь получает 25 рублей в месяц и два бенефиса в год. А на сей год хитрый Варенцов и того не хочет дать, видя, что некуда ей сердечной деться. Большая семья ее, беднягу, обсела, не то б она и сама разумно избрала бы себе путь-дорогу в рай. Нам когда-то добрые люди помогали, поможем же и мы теперь посильно, друже мой единый! Я уже написал и послал епистолию директору Харьковского театра, а ежели бы еще и ты от себя ему добавил, так, может, из этого пшена и получилась бы каша. А Тетяся даже плачет и просит тебя, чтобы ты осенил ее своей великой славой. Сделай же, как она и я тебя просим, мой голубе сизый!

Позавчера я получил не письмо, а прямо панегирик от Сергея Тимофеевича^[850]. Если б я малость поглупей был, я бы угорел от того панегирика, а так, слава богу, выдержал. Поцелуй его, доброго, благородного трижды за меня. Да напиши мне его адрес, потому что он, может, забыл написать мне свой адрес. Я теперь день и ночь сижу и переписываю вторую часть той повести, которую я с тобою послал Сергею Тимофеевичу. Как кончу, тотчас же и пришлю. Скоро получишь ты от Кулиша моих «Неофитов». Только это такая штука, что печатать ее сейчас нельзя, а когда-нибудь потом: еще надо отделявать.

18 января.

Только хотел написать: прощай, голубе мой сизый, пусть тебе бог помогает, а тут приносят твое письмо от Брылкина^[851]. Я и перо положил. Так вот уж сегодня вновь принялся писать. Спасибо тебе, мое сердце, за хлопоты по лотерее; соберешь деньги — пришли на имя Брылкина, у меня сейчас в кармане пусто — ни гроша. Из Питера мне пишут, что я недолго буду сидеть в Нижнем. Так или ина-

че, а дальше поста не усiju. Махну к тебе в Никольское, да и начну спасаться, потому что мне тут нечего делать. Спасибо тебе, что поотдавал мои письма. Поцелуй еще раз Сергея Тимофеевича и княжну Репнину. А тебя целуют други твои Дорохова, Голинская, Брылкин, а Тетяся Пиунова, та — трижды. А я десять раз и все в твою умную благородную лысину, мой единый друже! Еще раз прошу тебя, мое сердце, напиши тому, кого знаешь, в Харьков. Оставайся здоров, мой друже единый, пусть тебе бог помогает во всех твоих добрых начинаниях, не забывай искреннего твоего друга

Т. Шевченка,

Сердечно благодарят тебя за портреты Брылкин, Дорохова, Голинская и Пиунова. А я для себя сам когда-нибудь нарисую.

111. М. М. Лазаревскому

— 21 января *^{852}

21 генваря [1858, Нижний-Новгород].

Мой милый друже! Рекомендую тебе одного из нижегородских друзей моих Константина Антоновича Шрейдерса^{853}. Встреть его приветливо во имя дружбы нашей! Был

ли у тебя Овсянников? Возьми у Кулиша и прочитай моих «Неофитов». Они еще не отделаны. Шрейдерс скоро вернется в Нижний, так вот — пусть Кулиш переписет «Неофитов» и даст ему для передачи Щепкину. А ты, мой друг единый, купи мне Шекспира, перевод Кетчера, и песни Беранже Курочкина. Да если успеешь, то и отдай переплести Шекспира. Оставайся здоров, пусть тебе бог помогает во всем добром, не забывай искреннего твоего

Т. Шевченка.

На обороте: Высокоблагородному Михаилу Матвеевичу Лазаревскому. На. Большой Морской, в доме графа Уварова.

112. П. А. Кулишу
— 26 января ^{*{854}}

26 января 1858 [Нижний-Новгород].

Какой это тебе дьявол сказал, что я приготовил своих «Неофитов» для печати^{855}? И мысли и думы такой не было. Я послал их тебе только прочитать, чтобы ты видел, что я тут не сложа руки сажу. И старик Щепкин — не такой, чтобы в Москве возился с ними как

с писаною торбой. Ты отдай хорошенько переписать их и пошли старику, — он уже знает, что «Неофиты» у тебя. Овсянникова не дожидайся; скоро поедет из Питера в Нижний приятель мой Шрейдерс, так ты и передай ему, а он передаст моему старому друзьяке. Вот как сделай. Для печати у меня наготовлено на добрых две книги: только перепиши, да и в типографию; но я и с этим не спешу, не только с «Неофитами». «Ян Гус» должен быть у Василя Васильевича Тарновского, который жил когда-то в Потоках Киевской губернии. Переделывать его или снова писать у меня почему-то рука не поднимается.

*Заграй мені дуднику
На дуду:
Нехай своє лишенько
Забуду.^{856}*

Это только не мое, а то вся песня моя.

О каких ты это мне пишешь деньгах^{857}? Не знаю, из каких денег прислал мне М. Лазаревский в Новопетровское укрепление, перед выездом, 75 рублей. Да 150 рублей Залесский прислал в Нижний за рисунки через Лазаревского. Да ты, спасибо тебе, 250 рублей. Вот и

все деньги. И я их не транжирую, так как думаю жениться, осточертело в неженатых ходить. Ну его: и, ежели есть у вас какие-нибудь мои деньги, шлите их сюда. Я возьму на них акций Меркурьевского общества, и они принесут мне 10 % в год. Видишь, какой я хозяин. А тебе какой дурак наврал, что я и до сих пор — запорожец? Брехня! Не верь!

Вовчка твоего и в глаза не видел. Кому ты его адресовал. Пиши мой адрес так: в Нижний-Новгород, имя рек, в контору пароходства «Меркурий».

Не забывай своего искреннего *Т. Шевченка*.

Научи ты меня, будь добр, что мне делать с русскими повестями? У меня их около двух десятков наберется. Печь затопить — жаль: много труда пропадет. Да и денег бы хотелось, — сейчас они мне очень нужны. Посоветуй, будь добр, что мне делать?

Т. Шевченко

113. М. С. Щепкину
— 3 февраля *{858}

Февраля, 3, 1858 г. [Нижний-Новгород].

Спасибо тебе, мой друже единый, за письмо твое⁽⁸⁵⁹⁾ и 200 рублей. Все это получил я от нашего доброго друга Н. Брылкина, который тебя искренне целует и посылает тебе с Олейниковым кожушок. Носи на здоровье.

Не знаю когда мы с тобою увидимся, потому что не знаю, скоро ли Овсянников вернется домой; я сейчас у него хозяйничаю, так мне обязательно надо его дожидаться. А если он надолго задержится, тогда я не утерплю: передам его хозяйство Брылкину, а сам махну в Никольское, а за день перед этим аккуратно напишу тебе.

Обнимает и целует тебя трижды твоя и моя милая Тетяся. Она, посоветовавшись со своим отцом, посылает тебе свой репертуар и условия⁽⁸⁶⁰⁾ такого содержания: 1 500 руб. в год без бенефиса, а с бенефисом 1 200 руб. и на переезд в Харьков 200 руб. А поедет она в Харьков с отцом или с матерью. Впрочем, она согласится на твои условия, какие ты предложишь.

Во имя святого бога и святого искусства, помоги ей, друже мой великий, вырваться из сего гнилого Нижнего. Мне тут даже жаль

глядеть на нее. По поводу ее бенефиса написал я небольшую статейку^{861} в газету, которую посылаю тебе: прочитай, да прибавь от себя какое-нибудь мудрое слово, да отдай перепечатать в «Московских ведомостях». Для нашей милой Тетяси это было б неплохо.

27 генваря похоронили славного старика — Улыбышева^{862}, и не найдется никого в Нижнем некролог ему написать! Еще раз — гнилой Нижний-Новгород.

Поцелуй за меня благородного Сергея Тимофеевича Аксакова и юношу Максимовича. Репнину увидишь — и ее приветствуй. А тебя целует М. А. Дорохова со своим чужим ребенком^{863}. Целует Галинская и трижды целует Пиунова, а я и счет теряю.

До свидания, мое сердце, мой друже единственный.

Искренний твой *Т. Шевченко*

Делает ли что-нибудь Катков с моей повестью? Я уже вторую часть кончаю.

Прислал ли тебе Кулиш моих «Неофитов»?

Почему ты мне не написал адреса Сергея Тимофеевича?

— 10 февраля *{864}

Друже мой единый! [15]

Какая это тебе сорока-брехуха на хвосте принесла, что я тут ничего не делаю, а только пирую. Брехня. Ей-богу, брехня! Да и сам-таки подумай хорошенько. Кто же нас будет уважать, если мы сами себя не уважаем? Я уже не мальчик глупый. И от старости, слава богу, еще не поглупел, чтоб выделывать такое, о чем ты пишешь. Плюнь, мой голубе сизый, на эту паскудную брехню и знай, если меня неволя и горе не поборолы, так сам я не упаду. Но тебе великое, превеликое спасибо за искреннюю любовь твою, мой голубе сизый, мой друже единый. Я даже заплакал на старости, прочитав твое письмо, полное самой чистой, неподкупной любви. Еще раз спасибо тебе, мое сердце единое!

Я послал тебе письмо харьковского директора. Тетяся целует тебя, как отца родного, и просит, чтобы ты поступал, как тебя бог научит. На Варенцова нет надежды. Дерево, да к тому же дуб. Оставайся здоров, мой милый друже. Скоро прибуду к тебе, а пока люби ме-

ня, оклеветанного твоего искреннего друга

Т. Шевченка.

10 февраля 1858

[Нижний-Новгород].

Хотя ты и не велел, а я-таки не утерпел, чмокнул сегодня разочек нашу милую Тетясю. Чмокни хорошенько за меня благородного Сергея Тимофеевича.

115. С. Т. Аксакову^{865}

— 16 февраля^{866}

Чтимый и многоуважаемый Сергей Тимофеевич!

Ради всех святых простите мне мое грешное, но не умышленное молчание. Вы так сердечно, дружески приняли мою далеко не мастерскую «Прогулку», так сердечно, что я, прочитавши ваше дорогое мне письмо, в тот же день и час принялся за вторую и последнюю часть моей «Прогулки». И только сегодня кончил. А как кончил? Не знаю. Судите вы меня, и судите искренно и милостиво. Я дебютирую этой вещью в великорусском слове. Но это не извинение. Дебютант должен быть проникнут своей ролью, а иначе он шарлатан. Я не

шарлатан, я ученик, жаждущий дружеского, искреннего суда и совета. Первая часть «Прогулки» мне показалась растянутою, вялою. Не знаю, какую покажется вторая. Я еще не читал ее, как прочитаю, так и пошлю вам. Нужно работать, работать много, внимательно и, даст бог, все пойдет хорошо. Трудно мне одолеть великороссийский язык, а одолеть его необходимо. Он у меня теперь, как краски на палитре, которые я мешаю без всякой системы. Мне необходим теперь труд, необходима упорная, тяжелая работа, чтобы хоть что-нибудь успеть сделать. Я десять лет потерял напрасно, нужно возвратить потерянное, а иначе будет перед богом грешно и перед добрыми людьми стыдно. Я сознаю и сердцем чувствую потребность работы, но в этом узком Нижнем я не могу на один день спрятаться от невинных моих друзей. Собираюсь выехать в Никольское к моему великому другу Михайлу Семеновичу. Дожидаю только товарища из Петербурга. Не знаю, получил ли Михайло Семенович мои «Неофиты» от Кулиша. Мне бы сильно хотелось, чтобы он прочитал вам это новорожденное хохлацкое дитя. На днях по-

слал я ему три, или, лучше сказать, одно в трех лицах, тоже новорожденное чадо. Попросите его, пускай прочтет.

Кончили ли вы печатать вашу книгу^{867}? Если кончили, то ради самого Аполлона и его прекрасных бессмертных сестер пришлите мне экземпляр. Я теперь читаю так, что попал, здесь даже порядочно читать невозможно. Старыми, разбитыми журналами пробавляюсь, и за то спасибо добрым людям.

Еще раз прошу вас, мой чтимый, мой искренний друже! Простите мне мое невольное прегрешение. Не поставьте в вину мне мое долгомолчание. Я хотя и представил вам причину моего тупого безмолвия, но никакая причина не извиняет невежливости. Еще раз простите и любите сердечно, глубоко полюбившего вас

Т. Шевченка.

Нижний-Новгород,

1858,

февраля, 16.

116. Я. Г. Кухаренко

— 16 февраля ^{868}*

1858 [16 февраля, Нижний-Новгород].

Батьку атамане кошевой!

Письмо твое от 7 августа прошлого года ⁽⁸⁶⁹⁾ из Екатеринодара получил я 10 февраля сего года уже в Нижнем-Новгороде. Разыскивало оно меня немало времени, да спасибо, что хоть когда-нибудь, а все-таки нашло. А то я уже не знал, что и думать о тебе. Думал уже, упаси боже, не сложил ли ты свою добрую голову где-нибудь на этом иродовом Кавказе. А теперь, слава богу, вижу, что ты жив и здоров и жена и деточки твои. Да хранит их бег долгие годы. У меня была мысль пробраться к тебе на хутор. Да вот так мыслью и осталась. От 16 мая до 2 августа не давали знать из корпуса в укрепление о моей свободе. Вот мучители, иродовы души! Мало им было десяти лет. Кровь стынет, как вспомню.

3 августа вырвался из каторжного укрепления и через море по Волге направился в столицу. Я боялся застрять у тебя до осени. В Нижнем меня задержали, запрещено мне, видишь ли, бывать и жить в столице. Такое вот несчастье! Помиловали да только наполовину. Сел я в этом мерзком Нижнем, да и до сих пор сижусь. Приезжал ко мне на святки колядо-

вать старый Щепкин, спасибо ему. Думаю это поехать к нему под Москву в село Никольское и, может, там и до лета останусь, а летом, ежели не пустят в Питер, так махну в Харьков, а из Харькова, коли бог поможет, и на Черноморию. Я когда-нибудь, а доберусь до этой Черномории.

Нет у меня сейчас ничего хорошего послать тебе и товарищам прочитать, разве вот — «Долю», «Музу» и «Славу». Я недавно сочинил их, не знаю, как они тебе понравятся.

ДОЛЯ

I. МУЗА

II.

СЛАВА

III.

Еще сочинил я тут от скуки одну штуку, поэму «Неофиты», будто бы из римской истории. Но еще не отделано, потому и не посылаю. А отделаю, пришлю. Пока же — будь здоров, мой батьку атамане, мой друже единый, не оставляй меня несчастного горемыку

Т. Шевченка.

Целую твою старую пани и твоих молодых

деточек. Будешь писать, пиши на имя М. С. Щепкина. Я собираюсь к нему ехать.

117. И. А. Ускову
— 17 февраля⁽⁸⁷⁰⁾

Многоуважаемый
Ираклий Александрович!

Письмо ваше от 7 января⁽⁸⁷¹⁾ получил я 15 февраля, за которое приношу вам мою искреннюю благодарность. И за письмо старого моего друга черноморца Кухаренка приношу такую же вам искреннюю благодарность. Сердечно радуюсь благополучию вашему, Агафьи Емельяновны и здоровью моих милых и малых друзей Наташеньки и Наденьки. Наденька, я думаю, уже бегаёт? Как бы мне хотелось ее потетьюшкать! А моя умница, красавица Наташенька вспоминает ли своего друга дядю Тараса Горича. Сердечно жалею, что не могу ничем я ей напомнить о себе. Нижний Новгород без ярманки настоящая деревня. Хуже потому, что обыкновенные сельские продукты дороже, нежели в селе. Город просто сам по себе дрянь. Семь лет в Новопетровском укреплении мне не казались так длинны, как в Нижнем эти пять месяцев. Это значит пере-

путье. На рождественских святках приезжал ко мне в гости из Москвы мой старый друг Михайло Семенович Щепкин (известный актер). Теперь я думаю отдать ему, старику, визит. Он мне сделал честь, какой немногие удостоились от знаменитого старца. На будущей неделе думаю оставить навсегда Нижний Новгород, прожить до весны под Москвой у Щепкина, а весной, если не разрешат мне жить в столицах, поеду в Харьков, в Киев, в Одессу и за границу. Бог с ними — со столицами. Деньжонок теперь уже накопилось столько, что безбедно можно прожить года три за границею. А там, что бог даст. Не погиб в неволе, не погибну на воле, — говорит малороссийская песня.

Какова у вас зима нонешний год? Здесь ужасно много снегу, а морозов сильных еще не было да, кажется, и не будет; больше 15 градусов не было. Письмо мое вы получите не раньше праздника воскресения Христова. То я и поздравляю вас с этим светлым праздником и от души целую вас всех и Катю, и няню, и в особенности больших друзей моих Наташеньку и Наденьку. Пошли им бог здоровье!

Прощайте, многоуважаемый Ираклий Александрович. Не забывайте искреннего вашего
Т. Шевченка.

Пришлю вам из Москвы какую-нибудь хорошую книгу. Сердечно жалею, что я не мог из [рисунка?] сделать предполагаемого употребления. Если получу к тому времени фотографический портрет свой из Петербурга, сделанный по моему рисунку, то и портрет пришлю. А вы мне пришлите собственного изделия портреты друзей моих Наташеньки и Наденьки. А письмо ваше адресуйте на имя Михайла Семеновича Щепкина в Москву, в контору императорских театров.

Целую Жуйкова с благоверною и Бурцова с благоверною же, а старого паливоду Мостовского без благоверной три раза целую.

Поздравляю Агафью Емельяновну с прошедшим днем ангела.

Нижний-Новгород,

1858,

февраля, 17.

118. М. М. Лазаревскому
— 22 февраля *{872}

22 февраля [1858, Нижний-Новгород].

19 февраля вернулся Шрейдерс из Петербурга, привез мне Беранже Курочкина, четыре экземпляра нерукотворенного образа и твое братское сердечное письмо. Спасибо тебе, друже мой единый, за все, за все. Хорошо еси сделал, что заказал 50 штук помянутого образа, пусть земляки пока что хоть смотрят на этого бородатого недобитого кобзаря своего. Думаю на следующей неделе покинуть этот отвратительный Нижний. Поеду под самую Москву в гости к моему старому батьку — к М. С. Щепкину и у него до весны пробуду. А весной, ежели не выйдет у меня ничего с этими отвратительными столицами, так махну в Харьков или в Киев, а может, и дальше, если бог поможет. Дожидаюсь Овсянникова с чемоданом, не то бы уже давно выехал. Здорова ли графиня Настасия Ивановна? Поцелуй ее за меня. Был у меня в гостях Яков. Славный хлопец! Шрейдерс не нахвалится тобой и Семеном и сейчас целует вас обоих. Хорошо сделал, что не купил Шекспира, ну его — какой дорогой! Поцелуй за меня Семена, да и прощай, мой друже единый. По-

сылаю тебе эту недавно испеченную штуку, потому и пишу мало, чтоб бумаги больше осталось для новорожденного чада. Не забывай своего искреннего

Т. Шевченка.

Адрес мой: в Москву, Михайлу Семеновичу Щепкину. С передачею.

В конторе императорских театров[16].

Марко Вовчок — псевдоним какой-то пани Маркович. Не знаешь ли ее адрес? Если не знаешь, спроси у Каменецкого в типографии Кулиша. Я слышал, что он ее хорошо знает. Как выяснишь, напиши мне, надо хоть письмом поблагодарить ее за сердечные, искренние рассказы. Жаль, что не оставил тебе Кулиш «Неофитов». Может, они есть у Каменецкого. Спроси.

119. М. С. Щепкину
— 23 февраля *

Друже мой добрый и единый!
Посылаю тебе квитанцию конторы Транспортов, через которую я посылаю ящик с моими книгами. Получи его, и пусть у тебя полежит где-нибудь некоторое время.

Выеду я из Нижнего 25 февраля. А когда

прибуду в Никольское — не знаю. Думаю уже не возвращаться в Нижний. Осточертел он мне. Ну его! Целует тебя твоя Тетяся трижды, и я трижды, пока увидимся и счет потеряю; а пока что будь здоров и весел и не забывай меня.

Т. Шевченко

Поцелуй за меня Сергея Тимофеевича и Максимовича.

23 февраля 1858 [Нижний-Новгород].

120. М. М. Лазаревскому

— 25 февраля ^{*{873}}

25 февраля [1858, Нижний-Новгород].

25 февраля в 7 часов утра получил я твое письмо^{874}. Никто никогда еще не поздравлял меня с именинами так весело, как ты меня сегодня поздравил, спасибо тебе. Поцелуй трижды графиню Настасию Ивановну и графа Федора Петровича, а через неделю или две я сам их поцелую и тебя, и Семена, и всех добрых людей, сущих в Петербурге.

Твой именинник

Т. Шевченко

Шрейдерс целует тебя и Семена.

На обороте: В С.-Петербург, его высокоблагородию Михаилу Матвеевичу Лазаревскому, на большой Морской, в доме графа Уварова.

121. А.И. Толстой

— 5 марта⁽⁸⁷⁵⁾

5 марта 1858 г. [Нижний-Новгород].

Моя святая заступница! Свидание наше так близко, так близко, что я едва владею собою от ожидания. 2-го марта я получил ваше сердечное, святое письмо⁽⁸⁷⁶⁾ и не знал, что с собою делать в ожидании официальной бумаги. Наконец, эта всемогущая бумага сегодня получена в губернаторской канцелярии и завтра будет передана полицеймейстеру. Послезавтра я получу от него пропуск, и послезавтра же, то есть 7-го марта, в 9 часов вечера я оставлю гостеприимный Нижний-Новгород. В Москве останусь несколько часов для того только, чтобы поцеловать моего искреннего друга, знаменитого старца М. С. Щепкина. Говорил ли вам Лазаревский, что этот бессмертный старец сделал мне четырехсотверстный визит о рождественских святках? Каков старик? самый юный, самый сердечный старик!

и мне было бы непростительно грешно не посвятить ему несколько часов в Москве.

Во имя всех святых простите мне великодушно мой лаконизм. Я в эти долгие дни буквально не владею собой. Не только писать — читать не могу. На днях получил я от Сергея Тимофеевича Аксакова его новую книгу «Детство Багрова». И она у меня так и лежит неразрезанною. Несносно томительное состояние.

До скорого свидания, моя великодушная, святая заступница. Всем сердцем моим целую вас, графа Федора Петровича и все родное и близкое вашему нежному, благородному сердцу. Сердечно благодарный.

Тарас Шевченко.

122. М. М. Лазаревскому

— 12 марта ^{*{877}}

Москва, 12 марта [1858].

Я в Москве, нездоров^{878}. Глаз распух и покраснел, едва на лоб не вылез. Доктор посадил меня на диету и не велел выходить. Вот тебе и столица! Сам черт растянулся поперек дороги и не пускает меня к вам. Не сладишь с

ним — с сукиным сыном, ничего не поделаю. Доктор говорит, что я неделю или две останусь в Москве. Прошу тебя, зайди к графине Настасий Ивановне и расскажи ей о моей беде.

С завтрашней почтой посылаю тебе два рисунка^{879}. Закажи фотографу снять две копии в два раза уменьшенные, одну для себя, а другую для меня. А потом передай рисунки графу Ф[едору] П[етровичу] и попроси, чтоб он при случае передал их Марии Николаевне для альбома, если они будут стоить того. Я думал передать их лично, но видишь, что со мной случилось.

Будь добр, найди этого повесу Овсянникова и скажи, чтобы он непременно увиделся со мной в Москве. Сижу я у Михайла Семеновича Щепкина, близ Садовой улицы в приходе старого Пимена, в доме Щепотьевой.

Не забывай меня, друже мой единый. Поцелуй за меня Семена.

Т. Шевченко

Насчет рисунков, какими их найдет граф и что он с ними сделает, напиши мне. Только

не держи их долго у фотографа.

123. М. М. Лазаревскому

— 19 марта *^{880}

19 марта [1858, Москва].

Друже мой единый! Рад бы на крыльях лететь к вам, да проклятый глаз, чтоб он все не вылез, не пускает. Сегодня был у меня доктор и раньше пасхальной недели не пускает меня в дорогу. А его, умника, нужно слушаться, а то нечем будет глядеть на свет божий и на тебя, мой друже единый!

Рисунки мои, я думаю, теперь уже получены. Пусть фотограф сделает хоть один экземпляр, — мне хочется, чтобы граф Федор Петрович передал их на праздниках Марии Николаевне, если найдет достойными того. Хорошо, если б так было.

Какого это черта Овсянников пропадает? Не знаю, купил ли он мне чемодан, или нет. Ежели купил, пусть хоть соломой набьет и пришлет мне, а то придется в Москве купить. Прощай, мой друже единый. Поцелуй Семена за меня.

Искренний твой *Т. Шевченко*

Как передашь рисунки графу Ф. П., садись на чугунок, да и ко мне^{881}, да вместе и вернемся в Питер. Ей-богу, хорошо было бы.

124. М. А. Максимовичу
— 5 апреля ^{882}*

5 апреля [1858, Петербург].

Друже и голубе мой сизый! Получил я от Грицька Галагана все твои труды^{883}. Спасибо тебе. «Еретик» мой не весь, тут его и половины нет. Поблагодари за меня Бартенева и попроси его, может, он достанет где-нибудь вторую половину, а то я без нее ничего не сделаю. Читаю сейчас «Гуса» Анникова^{884}, хорошая вещь. Пишу тебе мало потому, что еще не огляделся вокруг. Низкий поклон Кошелевым и еще более низкий Марусе Васильевне. Пошлю тебе обещанное^{885} и прошу тебя, мой голубе сизый, не забывай искреннего земляка своего *Т. Шевченка*[17].

На обороте: Высокоблагородному Михайлу Александровичу Максимовичу.

125. С.Т. Аксакову
— 25 апреля ^{886}

25 апреля 1858 [Петербург].

Чтимый и глубокоуважаемый Сергей Тимофеевич! Еще на прошедшей неделе получил я ваше искреннее, драгоценное письмо^{887} и только сегодня отвечаю вам, мой искренний, сердечный друже. Простите мне эту грубую непростительную и невольную невежливость. Грех сей случился потому, что я до сих пор еще не могу вырваться из восторженных объятий земляков моих. Спасибо им. Они приняли меня как родного, давно не виданного брата и носят со мною, как с писанкою. Да еще, как на грех, выставка случилась в Академии Художеств^{888}, которой я так давно не видел и которая для меня теперь самое светлое, самое высокое наслаждение. Какие пейзажи, просто чудо! Калам огромное имеет влияние на наших пейзажистов. Айвазовский, увы, спасовал^{889}. Он из божественного искусства сотворил себе золотой кумир и ему молится. Грешно так оскорблять бескорыстное, непорочное искусство. Бог ему судия. Выставка немногочисленна, но прекрасна, а в особенности пейзажи, очаровательные пейзажи!

Вы, как великий художник, как самый пламенный любовник безмятежной очаровательной природы, Вы поймете причину моей невежливости и, как искреннему, нелицемерному поклоннику всего прекрасного и благородного на земле, великодушно простите мне мой невольный грех.

Я сердечно рад, что вы остались довольны моим бородатым полицием. Это фотографический снимок с рисунка, мною самим сделанного, почему и показался он вам подрисованным.

Вы обещаете мне написать ваше мнение о моей повести. Если она стоит этого, напишите, ради святого, божественного искусства. Мнение чувствующего и благородно мыслящего художника мне необходимо. И ваше искреннее слово я прийму с благоговением, прийму как дорогой бесценный подарок. Не откажите же мне в этой великой радости!

Предположение мое посмотреть на Москву в конце мая и вас поцеловать не сбылось. Меня обязали не оставлять Питера в продолжение года. Трагедия перешла в комедию.

Не взыщите, мой искреннейший друже,

что я вам на сей раз пишу мало. Когда прииду в нормальное состояние, буду писать вам много и о многом.

От всей души целую вас, ваше прекрасное, сердечное семейство и все, близкое вашему сердцу, а Ивана Сергеевича целую трижды за его алмазное стихотворение «На Новый год»^{890}.

До свидания. Не забывайте искренняго вашего

Т. Шевченка.

Поцелуйте моего великого друга^{891}, когда он возвратится из Костромы.

Адрес: его высокоблагородию Михайлу Матвеевичу Лазаревскому, в Большой Морской, в доме графа Уварова.

126. Г. Н. Честаховскому^{892}

— 15–18 мая *^{893}

[15–18 мая 1858, Петербург.]

Грыцю! Если хотите увидеть старого Щепкина-актера^{894}, и будет время, то приходите в 7 часов к Лазаревскому.

Т. Шевченко

127. Г. П. Галагану^{895}

— 27 мая *^{896}

1858, мая, 27 [Петербург].

Друже мой единый! Может прибредет в Сокиринцы этот добрый человек и художник очень способный, то ты, мой друже богу милый, приветливо прими его. Он умный, добрый и любит наш народ и наш край. А зовут его Иван Иванович Соколов^{897}. Целую тебя трижды и твою пани и твоего маленького Павлуся. Извини, что пишу мало, ей-богу, некогда. Оставайся здоров, пусть тебе бог помогает во всем добром. Иногда вспоминай искреннего твоего

Т. Шевченка.

На обороте: Высокоблагородному Григорию Павловичу Галагану, Прилукского уезда, село Сокиринцы.

128. И. А. Ускову

— 4 июля^{898}

Июля, 4, 1858 [Петербург].

Многоуважаемый Ираклий Александрович! Наконец, я добрался до Петербурга и

до заветного Павловска^{899}. Но Павловск, увы, не обещает ничего хорошего. Три раза в продолжение одной недели побывал я в Павловске и три раза стучался напрасно у дверей нашего честного и вдобавок высокоблагородного комиссионера. Он никого не принимает, потому что к нему, кроме заимодавцев, никто не заходит. О пребывании моем в Петербурге он узнал от генерала Бюрно, с которым я встретился в Павловске же и имел неосторожность рассказать ему о сделанном мне вами поручении. А он, как ловкий шарлатан, смекнул делом и не велел меня принимать. А случайно где-то встретившись с Маркевичем, уверял его, что он зимним путем еще выслал вам отличнейший фотографический аппарат со всеми принадлежностями, даже много лишнего выслал. Подлец! и вдобавок неловкий.

Доверенность ваша не по форме написана, и Михайло Матвеевич говорит, что она не может иметь никакой силы. Попробуйте написать его матери, она живет в Павловске вместе с ним в собственном доме. За успех ругаться нельзя, а попробовать можно.

Посылка ваша сегодня же отправляется, кажется вы получите все требуемое исправно и лучшего свойства, я посылаю вам «Губернские очерки»^{900}, письма и вашу доверенность, а вы мне пришлите две черные мерлушки, чем премного обяжете, и адресуйте вашу посылку на имя Лазаревского Михайла Матвеевича.

В Питере мне хорошо, пока квартирую я в самой Академии, товарищи художники меня полюбили, а бесчисленные земляки меня просто на руках носят. Одним словом, я совершенно счастлив. Как-то вы там поживаете? Что мои великие друзья подельывают^{901}? Наденька, я думаю, уже бегаёт, а Наташа читает. А басен Крылова все-таки не издадут с порядочными картинками. Посылаю вам свой плохой портрет, снятый с натуры в Петербурге. Каков ваш сад? Нынешнее лето у вас должно быть много винограду и абрикосов.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Агафье Емельяновне, целую от всего сердца моих больших друзей и остаюсь уважающий вас

Т. Шевченко.

Кланяюсь Бажановым, Жуйковым и старому волоките Мостовскому.

129. С.Т. Аксакову

— 15 июля^{902}

Чтимый и глубокоуважаемый Сергей Тимофеевич!

Сердечно благодарен вам за ваше искренно благородное письмо^{903}. Вы мне сказали то, о чем я сам давным-давно думал, но, не знаю почему, не решался сказать, а вы сказали, и я трижды вам благодарен за ваше искреннее, прямое слово, оно осветило мне дорогу, по которой я шел ощупью. Теперь думаю отложить всякое писание в сторону и заняться исключительно гравюрою, называемой аквафорта, образчик которой вам посылаю. Не осудите, чем богат, тем и рад. Этим не новым способом гравирования у нас никто не занимается, и мне пришлось делать опыты без посторонней помощи. Это мучительно трудно. Но слава богу, первый шаг сделан. Теперь пойду смелее и быстрее, и к будущей выставке надеюсь сделать что-нибудь посерьезнее и оконченнее. А кстати о выставке. В Академии выставлена теперь картина Иванова^{904}, о которой было

много и писано и говорено; и наделала синица шуму, а моря не зажгла. Вялое, сухое произведение. Повторился Овербек в самом непривлекательном виде. Жаль, что это случилось с Ивановым, а не с каким-нибудь немцем, немцу бы это было к лицу. Бедный автор не выдержал приговора товарищей^{905}, умер, мир его трудолюбивой душе.

Посылаю моему великому другу^{906} невеликое новорожденное стихотворение и прошу его, чтобы он прочитал его вам на досуге. Сегодня принимаюсь за новую доску^{907}, которой хочу передать одно из произведений великого Рембрандта.

Прощайте, глубокоуважаемый Сергей Тимофеевич. Трижды целую вас и дом ваш. Не забывайте искреннего вашего

Т. Шевченка.

1858, 15 июля [Петербург].

На обороте: Высокоблагородному Сергею Тимофеевичу Аксакову.

130. М. С. Щепкину

— 13 ноября ^{908}*

Ноября, 13, 1858 г. [Петербург].

Друже мой единый. Как настоящий вол,
Двпрягся я в работу — сплю на этюдах: из
натурного класса и не выхожу, — так некогда,
так некогда, что если бы не безденежье про-
клятое, то некогда было бы и написать тебе,
мой друже единый, ту небольшую цыдулу!
Будь добр, вырви ты у К[окор]ева^{909} как-ни-
будь эти сто рублей и пришли мне. «Гугено-
тов» не на что послушать^{910}, — прямо беда!
Запродал я было свои сочинения книгопро-
давцу Кожанчикову^{911} за 2000 рублей (да уж
такое мое счастье), — вместо денег я только
облизался. И то, что я только облизался, и за-
ставило меня побеспокоить тебя этою цыду-
лою.

Посылаю тебе через художника Раева^{912}
один экземпляр моей последней гравюры: не
удивляйся — какая вышла. Если не будешь
случайно у графа Алексея Сергеевича Уварова^{913},
так нарочно побывай у него и поблагода-
ри за меня: гравюра эта напечатана на его
деньги, спасибо ему! Поклонись В[арваре]
Н[иколаевне] Р[епни]ной и приветствуй М. А.
Максимовича. Сергея Тимофеевича тоже. Ста-
руху свою и детей и внучат тоже. Бабста и

Кетчера тоже, и всех, кого увидишь из моих знакомых, тоже.

Оставайся здоров, мой друже единый! Иногда вспоминай упорного молчальника, искреннего твоего

Т. Шевченка.

Адресуй: в С.-Петербург, на Большой Морской, дом графа Уварова. Его высокоблагородию Михаилу Матвеевичу Лазаревскому.

Кланяются тебе граф и графиня Толстые.

131. М. А. Максимовичу

— 22 ноября ^{*{914}}

22 ноября 1858 г., С.-Петербург.

Спасибо вам, мой искренний, мой единый Земляче, за ваше почтенное письмо^{915}, которое я читаю, удивляюсь и не могу наудивляться: почему бы это мне, скажите пожалуйста, со своими стихами плыть по суше, яко по морю, под этим парусом^{916}! Олег я, что ли, не дай бог, или кто? «Парус» в своем объявлении перечислил всю славянскую братию, а про нас и не вспомнил, спасибо ему. Мы уж, видите ли, чересчур близкие родичи. Когда наш отец горел, их отец руки грел. Не придется

мне давать под парус свои стихи и того ради, что парус сей надувает заступник сиятельно-го князя, любителя березовой каши^{917}. Может, это и пристало московской натуре, но нам это очень не понравилось.

Так то! Не удивляйтесь, благодетель, что я не пожелал поступить согласно вашему желанию, дело нешуточное, — сами понимаете.

Книжник Кожанчиков решил было печатать мои стихи, так шеф жандармов запретил. *Возмутительны*, говорит. Вот какая беда! Хорошо, что денег я от книжника не взял. Захлопал бы глазами, протрынькав чужие деньги.

Спасибо вашей милой Марье Васильевне^{918} за ее ласковый привет. Перешлите ей, будьте добры, этот мой листок с небольшими стихотворениями. И оставайтесь здоровы, пусть вам бог помогает во всем добром. Увидите С. Т. Аксакова и М. С. Щепкина, поцелуйте сих старых детей за меня трижды.

Иногда вспоминайте искреннего вашего
Т. Шевченка.

132. М. С. Щепкину
— 6 декабря ^{919}*

Благородный мой единый друже!

Что касается выгоды, денег, то я вижу, твоя натура моей — сестра родная, и застенчива, и пуглива. Почему так? Может потому, что от денег душа зябнет, а наши души боятся холода. Должно быть, потому. Кокорев, как я вижу, забыл про мои деньги, а напомнить ему некому, кроме тебя, а ты стесняешься. Я вот и думаю, что сделать. Напиши ты Кокореву письмо и адресуй его на мое имя с передачей. Результат должен быть такой: я получу свои деньги и лично познакомлюсь с этим замечательным человеком. Хорошо было бы, ежели ты так сделал или придумал, как сделать лучше.

Скажи мне, пожалуйста, что со мной теперь было, если бы я женился на моей милой Тетясе? Пропал бы человек, и все.

Не пишешь ты мне, был ли у тебя художник Раев с моей новой гравюрой и виделся ли ты с графом Алексеем Сергеевичем? Если не виделся, то повидайся и поблагодари его от меня.

У нас теперь африканский актер⁽⁹²⁰⁾ чудеса выделывает на сцене. Живого Шекспира по-

казывает. Не знаю, поедет ли он к вам. А больше нового нет ничего.

Целую твою жену, детей и внучаток, пусть здоровы растут и счастливы будут. Поцелуй Сергея Тимофеевича за меня, и Кетчера, и Мина, и Максимовича и всех знакомых, кого увидишь.

Оставайся здоров, мой друже единый, не забывай меня, твоего родного брата

Т. Шевченка.

1858, декабря, 6 [Петербург].

133. И. Д. Демянову^{921}

— 23 декабря^{922}

Его превосходительству господину попечителю С.-Петербургского учебного округа, тайному советнику и кавалеру Ивану Давидовичу Демянову

Художника, отставного рядового Тараса Григорьева сына Шевченка

Получив высочайшее соизволение для проживания в столице, но нуждаясь в дневном пропитании, покорно прошу Ваше превосходительство дозволить мне новое издание моих сочинений, напечатанных в царствование почившего в бозе государя импера-

тора Николая I, под заглавием «Кобзарь» и «Гайдамаки», которых экземпляр при сем прилагается. Так как обе эти книжки составляют библиографическую редкость, то позвольте просить, по миновении в них надобности, возвратить их мне.

Тарас Шевченко 1858 года, декабря, 23, С.-Петербург.

1859

134. М. В. Максимовичу
— 25 марта ^{*{923}}

25 марта 1859 [Петербург].

Сегодня был я у Александры Михайловны^{924}. Она мне показывала ваше последнее письмо к ней. Спасибо вам, мое серденько, что вы меня вспоминаете и не забываете моей просьбы^{925}. Спасибо вам еще и еще раз. Ежели бог поможет мне до мая месяца кончить дела с цензурой, то я насыплю полный карман денег да и махну через Москву прямо на Михайлову гору. Хорошо, очень хорошо, если бы так было, как предполагаю. Да уж будь что будет, а я хотя и без денег, а все же

притащусь к вам этим летом, да если бог и вы поможете, то, может, и женюсь. Если удастся, будет очень хорошо. Страх осточертела уже мне холостая жизнь. На этот раз посылаю вам свой портрет, только вы его не показывайте моей невесте, а то испугается. Оставайтесь здоровы, пусть вам бог поможет во всем добром. Иногда вспоминайте искреннего вашего

Т. Шевченка.

Передайте моей будущей молодой княгине эту небольшую и не свадебную песенку[18]...

Вот вам и другая небольшая[19]...

Поздравляю вас с праздником святой пасхи!

Фотограф сбредал — не принес мне портрета. В следующий раз пришлю. А сей раз скажите ей, что я лысый и что усы у меня седые, — она, бедняга, и так испугается.

А буде ваша милость станете писать мне, напишите все и подробно и адресуйте в С.-Петербург, в Академию Художеств такому-то, то есть мне.

**135. В совет Академии художеств
— 16 апреля^{926}**

В Совет Императорской Академии Художеств художника Академии Тараса Шевченка

ПРОШЕНИЕ

Получив звание художника в 1844 году^{927}, с того времени я постоянно занимаюсь гравированием на меди. Представляя на благоусмотрение Совета две гравюры моей работы — одну с картины Рембрандта, изображающую притчу о виноградаре и делателях, другую с картины Соколова «Приятели», — покорнейше прошу Совет Императорской Академии Художеств удостоить меня звания академика^{928}, если мои работы будут признаны удовлетворительными, или же дать мне программу для получения сего звания.

Художник Тарас Шевченко

1859 года, апреля, 16 дня [Петербург].

136. В. М. Лазаревскому

— апрель ^{929}

[Апрель, 1859, Петербург.]

Шлю вам две *Блудницы*^{930}, обе недоработанные. В гости к вам не приеду, нельзя, некогда баклуши бить, надо немного поле-

жать. Вы говорили, что у вас есть какое-то зеленое густое растение вроде хмеля или винограда. Вручите его вручителю *Блудниц*, а я — не блудный — скажу вам спасибо.

А хмель-таки хмелем.

На обороте: Превысокоблагородному Василию Матвеевичу Лазаревскому.

137. В правление Академии художеств
— 5 мая^{931}

*В Правление Императорской Академии Художеств
художника Тараса Шевченка*

ПРОШЕНИЕ

Покорнейше прошу Правление Императорской Академии Художеств выдать мне вид на проезд^{932} в губернии: Киевскую, Черниговскую и Полтавскую сроком на пять месяцев для поправления здоровья и рисования этюдов с натуры.

Художник Т. Шевченко 1859 года, мая, 5 дня [Петербург].

138. М. В. Максимовичу
— 10 мая ^{933}*

1859, 10 мая [Петербург].

Воистину Христос воскрес!

Мой милый, мой единый друже! Спасибо вам, мое серденько, за ваше искреннее, ласковое письмо. В тот же день, как получил его, я принялся хлопотать о паспорте, но и до сих пор еще не знаю, дадут мне его или нет. Сперва в столицу не пускали, а теперь из этой вонючей столицы не выпускают. До каких пор они будут издеваться надо мной? Я не знаю, что мне делать, с чего начать? Убежать разве тихонько к вам да жениться у вас и спрятаться. Кажется, я так и сделаю. До 15 мая буду ждать паспорт, а там будь что будет. А покамест посылаю вам свой портрет, только, будьте добры, не показывайте портрета дивчатам, а то они испугаются, подумают, что я гайдамацкий батько, и ни одна и замуж не пойдет за такого сорви-голову. А тем временем одной, самой лучшей, скажите тихонько, чтоб о полотенце позаботилась да чтоб на своем огороде *гарбузов* не сажала⁽⁹³⁴⁾. Впрочем, у других возьмет, ежели на своем не посадит. Лучше б такие соседи с ней не знали!

Оставайтесь здоровы, мой милый, мой единый друже. В мае или в июне увидимся, а

покамест где заметите, что *гарбузы* посажены, так с корнем их и вырывайте.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

139. Марку Вовчку (М.А. Маркович)

— **25 мая** *^{935}

25 мая [1859, Петербург].

Спасибо тебе, моя дочка милая^{936}, моя единая, что ты меня хоть в Дрездене вспомнила. Я еще и до сих пор тут, не пускают домой. Печатать не дают. Не знаю, что и делать. Не повеситься ли? Нет, не повешусь, а убегу на Украину, женюсь и вернусь, будто умытый, в столицу. Когда вы возвратитесь к нам? Если через год, очень было бы хорошо. С Кожанчиковым я виделся позавчера, и он мне ничего не сказал про «Ледащицу»^{937}. Серденько мое, не посылайте пока ничего этим книжникам, пока беда вас не заставит. Потому что они не видят, а носом чуют нашу нужду, а впрочем, поступайте, как сами знаете. Осенью будет у нас свой журнал^{938} под редакцией Белозерского и Макарова. Подождите немного. А покамест пусть вам бог помогает во всем добром. Трижды целую вас и вашего Богдася. Аминь.

Т. Шевченко

Найдите время, пишите мне через Каменецкого^{939}; он будет знать, где я нахожусь.

140. М. М. Лазаревскому

— 10 июля *{940}

10 июля [1859], с. Межиричи.

Спасибо тебе за твое письмо и за письмо Марии Александровны^{941}. Я вот думаю ехать в Гирявку, хорошо было, если бы и ты туда хоть в половине августа приехал, а раньше приедешь, еще лучше, еще лучше. А покамест пошли мое коротенькое письмо^{942} Марии Александровне. Да чтобы не напрасно немцы бумагу возили, напиши ты [Марии Александровне] на другой чистой стороне, она, я знаю, будет очень, очень рада.

Хорошо было, если бы ты увиделся с Кожанчиковым и расспросил его об этой проклятой цензуре. Увидишь Костомарова, поцелуй его за меня, Каменецкого тоже, а Александру Ивановну даже трижды. Оставайся здоров, пусть тебе бог помогает во всем добром.

Т. Шевченко В Академии ли граф Ф[едор] Щетрович], или нет?

141. М. В. и М. А. Максимовичам
— 22 июля ^{943}

Мошны, 22 июля 1859.

Мои единые други! Я очутился в Мошнах^{944}, а почему я тут очутился, об этом скажу вам при свидании, а на сей раз вручителю сего вручите мои вещи, и деньги, и сорочку, если сшита, и брыль. Может, я еще заеду к вам, когда буду возвращаться в Петербург, а может, и нет. Я еще и сам хорошо не знаю. Оставайтесь здоровы! Пусть вам бог помогает во всем добром. В будущем году, может, буду вашим соседом, а пока не забывайте искреннего вашего

Т. Шевченка.

А саквояж ваш я-таки немного помял. Извините!

На обороте: в Прохоровке. Ее превосходительству Марье Васильевне Максимович. Или Михайлу Александровичу Максимовичу.

142. М. В. и М. А. Максимовичам
— 26 июля ^{945}

Други мои единые! По требованию начальства я завтра буду в Киеве^{946}. Хорошо бы

сделали, если бы и вы направились в Киев. Помолились бы богу и заодно и со мной повидались, потому что на Михайловой горе, не знаю, скоро ли нам доведется увидеться? А тем временем пусть вам доброе снится. Не забывайте

Т. Шевченка.

1859, 26 июля, Мошны.

На обороте: Ее превосходительству Марии Васильевне Максимович, в Прохоровке.

143. Объяснение чиновнику особых поручений М. А. Андреевскому — 6 августа^{947}

Объяснение Академии Художеств академика Тараса Шевченко, данное на основании предписания г. Киевского Военного, Подольского и Волынского генерал-губернатора чиновнику особых поручений коллежскому советнику Андреевскому.

Августа, 6 дня, 1859 года [Киев].

Из Петербурга приехал я в Киевскую губернию с целью повидаться с родственниками и приобрести небольшой кусок земли, где бы можно было водвориться на постоянное

жительство. Когда нашел я желаемое место между городом Каневом и селом Пекари, в имении помещика Парчевского, то, взявши у управляющего имением его Вольского в местечке Межиричи землемера, отправился туда, чтобы отмерять землю, сколько надобно. Это случилось между 10-м и 13-м числом июня. Землемер, взявши с собою двух рабочих, имена коих упомянул, приехал на место, но не успел он кончить измерения, как приехал к нам брат управляющего и привез с собою родственника землемера, какого-то Козловского в фраке и белых перчатках. Увидев такого франта между гор и лесу, я невольно захохотал и долго еще продолжал подсмеиваться над ним; заметив же, что он не умеет отвечать на шутку шуткою, я попросил у него извинения и, окончивши работу, пригласил его закусить под липу. Здесь же находились и два рабочих и, вероятно, слышали наш разговор, но сколько они его понимали, не знаю, потому что мы разговаривали по-польски, рабочие эти из села Пекарей, крестьяне помещика Парчевского. Во время завтрака г. Козловский завел со мною какой-то богослов-

ский разговор на польском языке; чтобы прекратить этот разговор, я ему сказал по-русски, что теология без живого бога не в состоянии создать даже этого липового листка, и при этом вырвал листок с липы и показал ему. Козловский замолчал, минут несколько спустя он обратился ко мне с вопросом на русском языке: как я думаю о матери Иисуса Христа? Подобный вопрос меня смутил и, не зная, как ответить ему на него, я в свою очередь его спросил, что он сам думает о пречистой деве? Он так долго искал ответа, что я, не дождав-шись его, в нетерпении сказал: перед мате-рью, родившею нам спасителя, который по-страдал и умер за нас на кресте, мы все долж-ны как истинные христиане благоговеть, иначе, если бы она не родила его, она была бы обыкновенная женщина.

На другой день выехал я из местечка Межиричи в Городищенский завод господ Яхненка и Симиренка. Прогостивши у них сутки, поехал я в местечко Корсунь и в село Кирилловку, Звенигородского уезда, для свидания с моими братьями, оттуда возвратился я опять в местечко Межиричи, чтобы лично

условиться с помещиком Парчевским о покупке земли, но, не дождавшись его, выехал из одного местечка в село Пекари, а оттуда, переправившись через Днепр, пошел я в село Прохоровку, Полтавской губернии, к бывшему профессору и ректору университета св. Владимира господину Максимовичу; не дошедши несколько шагов до его саду, меня догнал становой пристав с местечка Мошны, Киевской губернии, с несколькими десятниками и тысяцким и, арестовав меня, привез в оное местечко, не объяснивши причины, по какому праву он это сделал. На другой день поутру в квартире станового увиделся я с черкасским исправником и жандармским офицером, которые мне сказали, что будто бы я в местечке Межиричи в нетрезвом виде богохульствовал, — при этом находились тут же и еще каких-то два чиновника. Меня это так изумило и рассмешило, что я не нашел нужным объясняться с ними, когда же жандармский офицер сказал, что он донесет об этом киевскому генерал-губернатору, то я тут же просил его взять меня с собою в Киев, так как он в тот же день отправлялся туда, в чем он

мне отказал, якобы за неимением места в экипаже. На другой день, то есть 18-го июля, был я препровожден в город Черкассы, где несколько дней просил господина исправника, чтобы он отпустил меня на честное слово в Киев, но он отказал мне в моей просьбе. Тогда я написал письмо к вышеупомянутому жандармскому офицеру Кржижицкому, в котором изложил все, что и теперь излагаю, предположив, что он покажет мое письмо его сиятельству генерал-губернатору, князю Васильчикову. Исправник же, получив предписание киевского гражданского губернатора, отправил меня с сотским в Киев. Не уверяю, но предполагаю, что вся эта история произошла вследствие бессильного мщения г. Козловского. Если не будет принято во внимание мое показание, то прошу, в удостоверение справедливости сказанного мною здесь, сделать строгое расследование.

Академик Т. Шевченко

К сему присовокупляю, что брат управляющего Вольского и землемер были тут же, но в разговоре не участвовали. Имени землемера не припомню, не знаю также чиновника, но

он или просто шляхтич, фамилия его Хилинский, а лет ему будет за пятьдесят.

Академик *Т. Шевченко*

Объяснение отобрал коллежский советник Андреевский.

144. В. Г. Шевченко^{948}

— **20 августа** ^{*{949}}

20 августа [1859], Прилуки.

14 августа вырвался я из этого святого Киева и скачу сейчас без оглядки в Петербург. А проезжая Пирятинский уезд, я прослышал, что в кочубеевских имениях ничего доброго не имелось и не будет иметься. Тот Ракович, о котором я писал тебе, посадил в Згуровке своего приятеля, какого-то пьяницу и взяточника Браньковича. Сейчас он только приступает к управлению имением. Ну его, этого Кочубея! Договаривайся с евреем, о котором ты говорил мне, — лучше будет.

Вышло ли у тебя что-нибудь с Вольским? Если нет, действуй по своему разумению и как бог тебе поможет, потому что мне днем и ночью снится та благодатная земля над Днепром, которую мы с тобой осматривали.

Не удивляйся, что я так мало пишу тебе. Некогда. Сегодня отправляюсь в Конотоп. Напиши мне в Петербург по адресу, который есть у тебя. А покамест целую тебя, сестру и ваших деточек. Оставайся здоров.

Искренний брат твой *Т. Шевченко*

145. В. Г. Шевченко

— 10 сентября *_{950}

С.-Петербург, 1859, 10 сентября.

7 сентября утром приехал я в Петербург и прочитал твое письмо у М. М. Лазаревского, Пишешь, что тебя не было дома, что ты хлопцев возил в Херсон. Хорошо сделал еси! Да только определил ли ты их в училище торгового мореплавания? Если определил, то молись богу и ложись спать: из хлопцев люди будут... только надо спать одним глазом.

Пишешь, что виделся с Парчевским; и я с ним виделся в Черкассах. Он и мне говорил то же, что и тебе; пусть делает, как знает. А ты, мой родной брате, поступи по своему разумению и как тебе бог поможет. Продать эту землю он не имеет права, а сдать в аренду на 25 лет имеет право — с согласия опеки. Если

бы ты: увиделся с Вольским да поговорил с ним хорошо и условился. Впрочем, делай по своему разумению и возможностям, только сделай, потому что мне все снится Днепр и темный лес под горой. Арендуй на свое имя. На этот случай я оставил письмо Вольскому и лист-гербовой бумаги в 90 коп. На будущей неделе у меня будут деньги, так что, если понадобятся, я сейчас же пошлю тебе. Хорошо было, если б Иосип или Микита взялись за постройку: приятней бы деньги платить! Вот если б ты увиделся с ними. А увидишь Дзензенковского, Липомана и Грудзинского и его старую мать, поцелуй их всех за меня.

Получил ли ты мое письмо из Прилук?

Пришли мне маленькую книжку^{951} и листочки из нее хоть перепиши; мне разрешили печатать^{952}, и потому книжка эта теперь мне нужна. Посылаю Рузе^{953} не всеобщую историю, а *Робинзона Крузо*: для языка это будет лучше. Историю пришлю в следующем году или сам привезу.

Сестру, тебя и всех деточек ваших трижды целую. Оставайся здоров.

Пусть тебе бог помогает во всем добром.

Брат *Т. Шевченко*

146. В.В. Тарновскому (младшему)^{954}

— 28 сентября

{955}

Милый мой Василь Васильевич! Если бы не встретились вы мне^{956} или я к вам не заехал, пришлось бы мне в Москве застрять без денег. А теперь, спасибо вам и моей неплохой судьбе, теперь я в Петербурге будто у себя дома. Вчера виделся я с вашим отцом и матерью и с моей кумасей. Вы их еще не скоро увидите дома. Посылаю вам с братом вашим письмо это и по четыре экземпляра^{957} своей работы, а один — милому маленькому Горленочку. Перешлите ему, будьте добры. Да напишите, чтоб он не забывал обещания. Увидите Иванышева и Селина^{958}, поцелуйте их за меня.

Пусть вам бог помогает во всем добром.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

1859, сентября, 28 [Петербург].

147. И. М. Сошенко^{959}

— 9 октября *^{960}

1859, 9 октября [Петербург].

Посылаю тебе, мой искренний друже, кое-что из моих никудышных работ^{961}. А милой панночке Ганнусе^{962}, вместо мазурок Шопена — наши песни. Пусть играет да поет и не советуется с панной Валентиной, та ее доброму не научит.

Напиши мне свой адрес и напиши, как зовут пана и пани Крисковских и как зовут Чалого и Чалиху^{963}. Андреевскому сам занеси рисунок^{964} и хорошенько поклонись ему от меня.

Не забывай искреннего твоего друга *Т. Шевченка*.

Адрес: в С.-Петербург. На Большой Морской, в доме графа Уварова. Его высокоблагородию Михайлу Матвеевичу Лазаревскому.

148. М. А. и М. В. Максимовичам
— 9 октября ^{965}*

1859, 9 октября [Петербург].

Мои милые, мои единые друзья, и до сих пор ли вы еще на Михайловой горе, гуляя, смотрите на заднепровские горы? Благо вам, мои единые друзья! Я уже второй месяц гнию в петербургском болоте и только сего-

дня урвал несколько минут, чтоб написать вам только то что я жив и здоров. До 16 августа я поджидал вас в Киеве, а потом как махнул, так через неделю и дома очутился. А теперь сижу, работаю и вспоминаю сукиного сына черкасского исправника Табачникова, а иногда мошнянских панночек. Чтоб им женихи снились.

Будущим летом, если бог поможет и увидимся, так расскажу вам подробно все, что делали со мной в Киеве, а теперь некогда.

Пишите мне, буде ваша милость, так: в С.-Петербург, на Большой Морской, в доме графа Уварова, Михайлу Матвеевичу Лазаревскому.

Будьте здоровы и веселы, поклонитесь низко от меня старым Деркачам^{966} и заднепровским горам.

Не забывайте искреннего вашего друга Т. Шевченка.

149. Н.В. Тарновской
— 22 октября ^{967}

Кумасю, сердце мое! Вечером я буду у Карташевских. Еще на прошлой неделе обещано. Когда будет время, прииду обедать, и поговорим. А покамест, примите, мое серденько,

моя единая кумасю, этот никудышный рисунок на память о 8-м октября 1859 года. Оставайтесь здоровы!

Кум, друг и брат ваш искренний *Т. Шевченко*

22 октября, 1859, [Петербург].

150. В. Г. Шевченко⁽⁹⁶⁸⁾

— 2 ноября *

1959 г., 2 ноября [Петербург].

Еще позавчера передали мне твое и Присино письмо, а я только сегодня взялся отвечать. Из-за лежания, видишь, некогда и посидеть. Плохое ты пишешь о моем деле. Вольский, я знаю, добрый и искренний человек, да сделает ли он что-нибудь в этом случае? Вот что! Я пишу ему, а ты, пожалуйста, перешли или сам, будет время, передай ему письмо мое. Пусть он тебе прямо скажет: выйдет из этого что-нибудь или нет? Пока же каша сварится, будем масло добывать. У меня мысль вот такая, а как ты скажешь: покамест купить бы у Вольского лесу 40 дубов, срубить, да и пусть себе сохнут, а сложить их можно возле Пекарей на Роси, на еврейской лесной при-

стани и лесопилке. Как ты думаешь, — хорошо ли это будет? Если хорошо, так скоренько напиши мне, а я сейчас же и деньги вышлю. Так или иначе, а на чем-нибудь надо остановиться. В Петербурге я не усiju, он меня задушит. Тоска такая, что пусть бог хранит от нее всякого и крещеного и не крещеного. Никто еще не приходил с нагайкой Хариту сватать⁹⁶⁹? Если нет, спроси у нее потихоньку, не пошла ли бы она за меня? Или пусть сестра спросит — это женское дело. Воспитанные, да неученые панночки у меня в зубах навязли. Groш им цена!.. да и только!

А тем временем прошу твоего искреннего братского совета — и прежде так было, а теперь уж чересчур тяжело стало в одиночестве? Если б не работа, я б давно с ума сошел, хотя сам не знаю, для кого и для чего работаю. Слава мне не помогает, и мне кажется, если не заведу своего гнезда, так она меня и второй раз погонит Макаровых телят пасти... Харитина мне очень, очень понравилась. Посоветуйся со своей женой, а с моей сестрою, и дайте мне совет. А покамест пусть вам бог помогает во всем добром. Искренний твой друг

и брат

Т. Шевченко

Напиши Присе: будет хорошо учиться и не будет шалить, — я ей еще получше подарок пришлю.

Насчет той книжки ты сказал правду⁽⁹⁷⁰⁾, спасибо тебе!

Еще вот что: может, Харита скажет, что она бедная, сирота, наймишка, а я богатый и гордый, так ты скажи ей, что у меня многого нет, порой даже чистой рубашки, а что гордость и чванство я еще от моей матери получил, от мужички, от бесталанной крепостной.

Так или иначе, а я должен жениться, нето проклятая тоска сживет меня со света. Ярина обещала сестре найти мне дивчину в Кирилловке, да кого же она найдет? А Харитина сама нашлась. Научи же ее и вразуми, скажи, что несчастной со мной не будет.

Максимович в Прохоровке уступает мне такой же участок, как и у Парчевского, только не у Днепра, вот беда! Днепр виден, но издали, а мне чтобы он у самого порога был. Нет уж, пусть Вольский хоть расшибется, а мне

свою дружбу докажет. А насчет дубового леса
сделай так, как сам лучше придумаешь. Низ-
ко кланяюсь сестре и трижды целую Йосипка.

151. П. Ф. Семеренко^{971}

— **26 ноября**^{972}

С.-Петербург, 26 ноября 1859.

Милостивый государь Платон Федорович.
Сегодня получил я мои сочинения из
Цензурного комитета, сильно пострадавшие
от долговременной пытки. Пострадавшие так,
что издатель соглашается их напечатать на
условии, на которое я не могу и не должен со-
гласиться. Ваше благородное предложение
приму я теперь как благодеяние с глубочай-
шей благодарностью. Издание будет стоить 1
100 рублей. Если вы согласитесь получить ва-
ши деньги экземплярами книги, для меня это
будет легче. Если же деньгами, то я не обеща-
ю вам уплатить ближе году с десятым про-
центом. Делайте как вам бог на мысль поло-
жит. Книга, выйдет на типографии к Новому
году.

Я слышал, что здоровье Кондрата Михай-
ловича после его путешествия значительно

восстановилось. Дай бог. Свидетельствую ему мое глубочайшее уважение. Поклонитесь от меня Федору Степановичу, Настасий Михайловне и трижды Татьяне Ивановне. У вас теперь в самом разгаре сахарное дело, и если не будете иметь время написать мне, то поручите это дело Алексею Ивановичу. Примите мое глубокое почтение.

Ваш покорный слуга *Т. Шевченко*

Мой адрес: С.-Петербург, на Большой Морской улице, дом графа Уварова. Его высокоблагородию» Михайлу Матвеевичу Лазаревскому.

152. А. И. Хропалю^{973}
— 26 ноября *^{974}

26 ноября 1859, С.-Петербург.

Искренне чтимый и многоуважаемый Алексей Иванович! Я в затруднительном положении: сегодня цензура выпустила из своих когтей мои бесталанные *Думы*, да так проклятая почистила, что я едва узнал своих деточек, а издатель, кацапская душа, половины не дает того, что я прошу и что к тому же мне нужно. С таким-то моим горем к вам с

Платоном Федоровичем и обращаюсь: вышлите мне, пожалуйста, 1 100 рублей, а я вам с великой благодарностью пришлю к Новому году экземпляров книги на такую сумму или через год деньги с небольшим процентом. Сделайте, как знаете и как вам бог на ум положит. Трижды поклонитесь от меня Кондрату Михайловичу, Федору Степановичу, и всем, и всем! Титаривну же трижды поцелуйте⁽⁹⁷⁵⁾ за меня, пусть здоровой растет и счастливой будет! Оставайтесь здоровы! Пусть вам бог помогает во всем добром! Не забывайте искреннего вашего

Т. Шевченка.

Р. S. Увидите Табачникова — заплюйте ему всю его собачью морду. Удивляюсь, как такую подлую, гнусную тварь земля носит. В другой раз я вам напишу, что он хотел со мной сделать.

153. В. Г. Шевченко
— 7 декабря ^{*(976)}

7 декабря [1859, Петербург].

Не было у кумы и *запаски*, ан, глядь, кума в *Нплахте* разгуливает. Вот так и с твоими

письмами получилось. Вчера одно, а сегодня второе. Спасибо тебе, мой родной брате! мой друже единый! за твои заботы. Вольский мне пишет, что сейчас сделать ничего нельзя. Черт его дери, этого торгаша Парчевского, может, тот клочок от нас и не уйдет, а покамест торгуйся, как можешь, с Понятовским через старого эконома. В Киеве у меня нет никого, кто бы хорошо знал Понятовского: поищу, не найдется ли здесь. Богатых всюду знают. Еще вот что: напиши, много ли там земли в этой Забаре? Какая она? Можно ли будет сад развести, да еще чтоб сердитый Днепр не повредил. Расспроси хорошенько. Чижову я завтра сам напишу⁽⁹⁷⁷⁾ или попрошу его большого приятеля Галагана. Ему он откровеннее скажет, чем мне.

Теперь о Харите. Твой совет хорош, спасибо тебе. Ты одно забыл, а это знаешь: я по плоти и духу сын и родной брат нашего бесталанного народа, да и как же соединиться с собачьей панской кровью. И, кроме того, что эта панночка воспитанная будет делать в моей мужицкой хате? От тоски пропадет, да и мой укоротит недолгий век. Так то, брате мой!

Друже мой единый!

Харита мне понравилась, хотя я ее и мельком видел. Пусть еще сестра Ярина поглядит на нее и что скажет, так и будет. Мать, всюду мать. Если умная и сердечная, так и дети у нее выйдут в люди, даже под тыном; а если и воспитанная, да глупая и без сердца, так и дети вырастут лодырями в шинке.

У тебя, кажется, откармливается кабан. Я видел как Харита ему есть носила, ты, должно быть, заколешь его к святкам, так пришли мне по почте 20 фунтов-колбас, потому что я лучше трижды в немца постригусь и все филиповки буду мясо есть, чем немецкой колбасой стану разговляться. Да чтобы колбасы были такие, как мы с тобой ели *на меду* у Гната Бондаренка, под яблоней сидя. Не забудь только. На это доброе дело посылаю тебе 20 рублей; остальные отдай сестре Ярине.

К Новому году выйдут печатные мои сочинения (не все). Я через тебя пошлю четыре книги Алексею Ивановичу Хропалю, тогда он тебе и скажет, как и что делать, а до того времени и я ему напишу.

Еще вот что: спасибо тебе, что хочешь по-

советоваться с сестрою Яриною и зовешь ее на смотрины. Кого же она увидит? Ту, которую я видел: Хариту и больше никого. А если б твоя жена, а моя сестра, сказала слово — вот это было бы кстати. Попроси ее, пусть скажет, пусть посоветует.

И покамест да пошлет бог доброе здоровье и жене и деточкам твоим. Оставайся здоров да быстрее пиши мне, твоему искреннему другу и брату

Т. Шевченку.

О воле для крестьян я расспрашивал, — никто ничего не знает, когда и как это будет.

А лесу — дуба и ясеня — надо приобрести и рубить, — пусть лежит и сохнет покамест.

154. А. Д. Оболонскому^{978}

**— между сентябрем 1859 и 1 августа
1860^{979}**

*[Между сентябрем 1859 и 1 августа
1860.]*

Милостивый государь Александр Демьянович! Стихотворения, которые вам нравятся, выпишите из прилагаемой рукописи; я не имею времени. Рукопись оставьте у себя до

будущей субботы. Ваш покорный слуга

Т. Шевченко

Предложите перевести Курочкину то, что вы найдете удобопереводимым.

1860

155. П. Ф. Семеренко

— 3 января ^{**{980}}

С.-Петербург, 3 января 1860.

С Новым годом поздравляю вас и весь завод сваш с механическими мастерскими, с паровой мельницей, с садом и со всем имением, сущим вокруг вас. А в особенности поздравляю с Новым годом Кондрата Михайловича, Федора Степановича и Настасью Михайловну. Пусть им бог пошлет долгие годы и доброе здорovie

Спасибо вам за ваше письмо^{981}, дважды спасибо вам за 1 100 рублей. Я получил их от г. Гротина 31 декабря уже минувшего года. Искренне благодарю вас. 15 или 20 января выпустят книгу из типографии и в тот же день пошлют экземпляры Савве Дмитриевичу Пурлевскому, а нецензурный экземпляр

вам доставит^{982} брат Варфоломей. Еще вот что! Кто подает, у того и просят. Устройте во имя божие на своем заводе моего брата, хотя бы к свекле приставьте, он это дело очень хорошо знает. Ему так надоел этот никчемный сиятельный со своими немцами, что он отправился бы странствовать на край света, если б можно было и жену с детками в мешок положить. Во имя божье, приютите его у себя! Человек он — не очень глупый и не очень умный, но очень, очень сердечный. У вас при заводе есть школа, у него маленькие дети, так и это было бы кстати. Во имя святого просвещения, приютите его!

Свидетельствую глубочайшее почтение Татьяне Ивановне и трижды целую ваших деточек. Искренний ваш

Т. Шевченко (Трижды кланяюсь Алексею Ивановичу.)

156. В. Г. Шевченко
— 12 января ^{983}*

С.-Петербург, 12 генваря 1860 г.

Насилу я дождался твоего письма; я уже думал, что ты, не дай бог, заболел или по

крайней мере в Бессарабию отправился⁽⁹⁸⁴⁾. За колбасы и сало спасибо тебе, а как получу да отведаю, так еще раз скажу спасибо! Думаю, что они такие же будут, как и те, что мы с тобою когда-то под яблоней ели. Мне все равно, что мы уже не те стали, лишь бы колбасы не состарились, а с ними и мы помолодеем; вот бы нам только хутор да к нему — Хариту. Очень, очень я обрадовался, узнав, что она понравилась Ярине. Ярина и до сих пор еще у тебя гостит? Если гостит, то пусть она потихоньку, по-своему спросит Хариту, а ты мне напиши, что и как, или сам спроси, что она скажет?

Вольский мне пишет, что Пекари перейдут к Змиевскому. Мне кажется, что он шустрый панок: я с ним виделся в Черкассах, ну что ж, — будем надеяться. А с Понятовским теперь же надо договориться; его уже просили.

Мне самому кажется, что лучше взять в аренду, а покамест действуй, как тебя бог научит; нужны будут деньги, — пиши. На следующей неделе выйдет мол книга, значит будут и деньги. А дубового лесу все-таки надо купить заранее, пусть себе сохнет. Писал я поза-

вчера о тебе Семеренку — не знаю, что он скажет. Получишь мой «Кобзарь», отвези им всем по книге, может они и подобреют.

В следующий раз напишу тебе больше, а теперь будь здоров. Поцелуй за меня сестру Ярину, Катерину, свою жену и своих деточек.

Оставайся здоров, не забывай искреннего твоего друга и брата

Т. Шевченка.

157. В. Г. Шевченко
— 20–24 января *^{985}

[20–24 января 1860 г., Петербург.]

Отвези сам книжки в Городище и отдай своими руками; в Кирилловку перешли, а пять книг раздай кому хочешь. Да пиши мне, потому что я даже устал ждать твое письмо.

158. А. О. Козачковскому
— 24 января *^{986}

Андрей Осипович! Будьте добры, перешлите три экземпляра в Прохоровку на имя Максимовича Михайла Александровича, а один экземпляр передайте Тарасевичу^{987}. А за это я отблагодарю вас так, как за тех карасей и [?] лещей днепровских.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

24 января 1860, [Петербург].

159. В. Г. Шевченко

— 1 февраля *{988}

1860, февраля, 1, [Петербург].

Ты очень торопился, когда мне писал, а я тебе во всю прыть пишу — некогда. Вот что! Получил ли ты мое письмо и «Кобзарь»? Был ли ты в Городище? Виделся ли с П. Ф. Семеренком? Если виделся, напиши мне, что он тебе сказал? Да еще вот что: напиши мне толком, что это за пан Троцинский^{989}? Где Кагарлык и что за земля, которую он нам предлагает, сколько она стоит? Я этим летом к тебе не приеду, некогда, — поступай, как сам знаешь, о деньгах не беспокойся. «Кобзарь» хороший оброк платит, — спасибо ему! Да напиши мне, хоть полслова о Харите, — она мне спать не дает. Оставайся здоров. Целую твою жену и твоих деточек.

Т. Шевченко

Будет у тебя время, сам отвези письмо Плутону Федоровичу, а нет — отошли.

160. В. Г. Шевченко

— между 1 и 18 февраля *^{990}

[Между 1 и 18 февраля 1860, Петербург]

Прочти это письмо^{991} да, поразмыслив хо-
рошенько, запечатай и либо сам отвези,
либо отошли, либо под лавку кинь. Да еще
пусть Харита, хорошо подумавши, скажет,
пойдет ли она за меня или нет? Виделся ли
ты с П. Ф. Семеренком? Да напиши, над са-
мым ли Днепром земля у Трощинского? Если
не над Днепром, так мне ее и за полтину не
надо! Еще, если скажет Харита, что пойдет за
меня, то прими ты ее в своей хате, как род-
ную сестру. Пусть она, горемычная, от наймов
немного отдохнет. Ей на харчи и одежду я тебе
вышлю денег. Попроси за меня и сестру мою,
а твою жену, чтоб и она ее приласкала. Три-
жды спасибо тебе за Васю^{992}. Увидишь брата
Йосипа, скажи ему, пусть придет в себя да
принимается мне хату ставить.

А о воле еще и до сих пор не слышно ниче-
го хорошего.

Напиши мне, есть ли у Хариты отец или
мать^{993}? Крепостная она или вольная? Если

крепостная, то чья? И какая плата за ее волю?

161. Д. С. Каменецкому

— 6 февраля^{994}

Данило Семенович. Подателю сего дайте 10 книжек «Кобзаря».

Т. Шевченко

6 февраля 1860, [Петербург].

162. Н. Я. Макарову

— 7 февраля *^{995}

Узнайте, будьте добры, будет ли дома завтра вечером Варвара Яковлевна^{996}. Если будет, я к ней приду вместе с И. С. Тургеневым, и вы приходите, если будет время. Оставайтесь здоровы и не забудьте завтра утром известить меня, искреннего вашего

Т. Шевченка. 7 февраля [1860, Петербург].

На обороте: Высокоблагородному Николаю Яковлевичу Макарову.

163. В. Г. Шевченко

— 18 февраля *^{997}

18 *февраля [1860, Петербург].*

Сообщи мне скоренько адрес жаботинского и кирилловского пана^{998}: как его зовут и что он из себя представляет? Да напиши, как зовут сыновей брата Микиты, брата

Йосипа и сестры Ярины. Женщины и дивчата уже не господские, а про мужчин, парубков и хлопцев еще ничего не слышно, и о земле тоже.

Да напиши мне хорошенько, как у тебя с Трощинским? Если с землей хорошо, то позаботься о лесе — дубе, бересте, ясене, клене и липе, а также пиши про деньги.

Виделся ли ты с Семеренком и что он тебе сказал? Посылаю тебе наскоро сделанный план хаты⁽⁹⁹⁹⁾. Обдумай и действуй по своему разумению. Мне бы только, чтобы мастерская была из дуба да круглое стеклянное крыльцо на Днепр.

Спроси у Хариты, пусть ответит, чтобы я знал, что мне думать и что делать? Этим летом я не приеду к вам, поступай, как сам знаешь, и я тебе скажу спасибо.

Получил ли ты «Кобзарь» и письмо Трощинскому? У Керилловской был; она больна, и я ее не видел, а Маню трижды поцеловал за себя и фунт хороших конфет отдал.

Еще раз прошу тебя, спроси у Хариты, что она скажет, и напиши мне поскорей.

«Русская газета» запрещена⁽¹⁰⁰⁰⁾. Послал я

тебе «Современник» и «Народное чтение», получил ли? Послал я тебе не надписанные пять книжек «Кобзаря». Может, тебе еще понадобятся, так напиши, потому что скоро разойдутся. Паны очень косятся на нищего слепца {1001}.

Еще раз умоляю тебя, напиши, что скажет Харита? Оставайся здоров! Трижды целую твою жену и твоего Иосипка, Ганулю, Присю, Андрийка, Каленика и тебя, мой искренний брате и друже!

Ты хорошо сделал бы, если бы прислал мне колбас, а то я отощал без них.

164. В. Г. Шевченко
— 23 марта *{1002}

23 марта [1860, Петербург].

Что это ты замолчал, будто у тебя язык отнялся? Не помешали ли тебе эти рассказы, которые ты мне так мудро изложил^{1003}? Спасибо тебе, брате мой родной, друже мой единый! Брехня это! Я только не фарисей, не идолопоклонник такой, как эти христиане — крючкотворцы и брехуны. Собака полагает, а ветер разнесет.

В последнем письме просил я тебя, чтобы ты мне скоренько [написал] о Миките, Йосипе и Ярине и об их детях и землях. Работа у меня кипит, а от тебя — ни звука!

Может, ты умер или пока только заболел? Может, упаси боже, загордился? Пиши же мне обо всем, да пиши как следует.

А особенно о Харите, сказал ли ты ей обо мне и что она тебе сказала? Будь добр, помоги мне в этом, а то не утерплю — женюсь на такой роже, что и тебе стыдно будет.

Еще вот что: будут спрашивать брата Йосипа, на чьей он земле живет, пусть говорит — на своей.

За землю положена какая-то плата, поэтому сестре Катерине придется потом платить, а сейчас Йосипу без платы отдадут. А впрочем, не знаю, как это все будет.

Устроил ты что-нибудь с Поиятовским или Троцинским? Если нет, то не выйдет ли со Змиевским? Вот бы хорошо было! А лесу — дуба, клена, липы и осины — верно не купил?

Что тебе бог послал — дочь или сына? Зови меня в кумовья.

Получаешь ли книги, которые я тебе посы-

лаю?

Как здоровье твоей жены, а моей сестры?

Приедут ли твои хлопцы и дивчата на праздники домой? Для Приси есть у меня гостинец, но пусть она сперва хорошенько прочтет «Робинзона Крузо».

Учится ли уже Вася писать?

Будь здоров вместе с женой и деточками. Пиши мне поскорей, потому что я чуть с ума не сошел, ожидая твое письмо о братьях и Харите.

165. Я.Г. Кухаренко
— 25 марта ^{*{1004}}

1860 года, 25 марта, [Петербург].

Батьку атамане кошевой! Посылаю тебе к Пасхе вместо писанки «Хату»^{1005}. И не журнал, а только альманах, предшественник нашего будущего журнала «Основа». Начнет он выходить с будущего года. Собирай, батьку, черноморскую запорожскую старину и присылай на мое имя, а я буду передавать в редакцию. Надо было бы о многом тебе написать, да некогда, другой раз напишу, в свободное время. Целую твою жену и твоих деточек,

а тебя даже трижды. Иногда вспоминай твоего

Т. Шевченка.

166. В. Г. Шевченко

— 28 марта ^{*{1006}}

28 марта [1860, Петербург].

23 марта я писал тебе, едва не бранясь, а 26 марта получил твое и пана Трощинского письма. Хорошо ты сделаешь, если соединишь меня с паном Трощинским, но сперва соедини меня с Харитой, а потом проси Трощинского, чтоб он разделил плату на три части по 500 рублей: до нового — 1861 — года я выплачу ему все 1 500 рублей. Если он согласится, сейчас же напиши, бери деньги, принимай имение и хозяйничай. Землю арендуй на 25 лет на свое имя или на мое, как знаешь.

Хорошо бы ты сделал, если бы съездил в Кирилловку и сказал бы Миките, Йосипу и Ярине, что б они не торопились на волю без пахотной и грунтовой земли, — пусть лучше подождут.

Трощинскому сегодня не пишу, некогда. Пока что договаривайся с ним сам, как тебе

бог поможет. А очень, очень хорошо было бы нам вместе век докоротать над старым Днепром. Посылаю тебе 10 книжек «Кобзаря», продай их, если можно будет, и деньги отдай сестре Ярине. Жду обещанного тобою письма от 15 марта, а пока целую тебя, твою жену и твоих деточек.

167. И.Я. Макарову
— 12 апреля ^{*{1007}}

И вчера и позавчера не застал я вас дома. Где это вы пропадаете, помогай вам господь. Попросите у Петра Аркадьевича до осени мой рисунок — «Русалки»^{1008}. Я хочу кое-что поправить и выгравировать к выставке. Ежели можно, то подателю сего и вручите рисунок и скажите, когда вы бываете дома? Потому что мне крайне необходимо увидеться с вами.

Искренний ваш *Т. Шевченко*
12 апреля [1860, Петербург].

Если сегодня нельзя, пришлите рисунок завтра, пораньше.

На обороте: Высокоблагородному Николаю Яковлевичу Макарову.

168. Н. Я. Макарову

— между 13 и 26 апреля **^{1009}

[Между 13 и 26 апреля 1860, Петербург.]

Посылаю вам экземпляр «Кобзаря», на всякий случай без надписи. Передайте его А[лександр]у И[ванович]у с моим благоговейным поклоном^{1010}. Во имя божие, найдите и пришлите мне этих проклятых «Русалок», а то они, чертовы дочки, мне спать не дают. Будете ли вы сегодня в четвертом часу дома?

Т. Шевченко

169. В. Г. Шевченко

— 22 апреля *^{1011}

[22 апреля^[20] 1860, Петербург.]

Сегодня я получил твои письма. Сегодня у меня большой праздник. Сегодня, 22 марта, в 1838 году я глянул из неволи на свет божий. Сегодня же эта бестолковая Харита превратила мой большой праздник в такие серые будни^{1012}, что я едва-едва не записался в монахи. Да нет! Пусть себе погуляет до будущей весны (ни осенью, ни даже зимой я к тебе приехать не смогу). А тем временем ты наставляй ее на ум потихоньку и жену свою попроси и се-

стер — Катерину и Ярину. Скажи ей, что мы с тобой такие же паны, как она панна. Выкупать ее на волю не надо, она уже вольная, и все женщины и дивчата у нас — уже не господские. Это я хорошо знаю.

Если ты договоришься с Троцинским (и если бог тебе поможет договориться с Харитой), то купи этот дом в Ржищеве да приобрети мне лесу — дуба на надворную комору. Это будет моя мастерская. Очень, очень хорошо было, если бы нам вместе довелось свой век докоротать.

Пану Флиорковскому пусть Микита скажет, что бы он трижды чмокнулся со своим родным отцом — чертом. Пусть сейчас берет за землю по 85 рублей чистоганом, нето потом (осенью) шиш получит. Последнее мое письмо, может, еще не успело дойти до тебя. Я писал, что и как делать с Троцинским. Получишь, напиши мне, что ты думаешь и что можно сделать. Послал я тебе 10 «Кобзарей» и очень, очень умную книжку для Приси. Напиши, когда получишь.

Каменецкий мне сказал, что Григорович с головы до пят дрянь, только это и сказал.

Михайло Матвеевич переменил квартиру ^{1013}. Адресуй ему так: С.-Петербург, на Васильевском острове, 5 линия, дом Воронина, против Академии Художеств.

Не увидишься ли ты сам когда-нибудь с отцом и матерью Хариты, посоветуйся с ними да растолкуй ты им, что я и ты — не паны, а такие же простые люди, что панам и в лакеи мы не годимся. Пусть они — дураки — поймут это.

Получил ли ты вторую книжку «Народного чтения» за этот год ^{1014}? Там — мое письмо к редактору. Оно уже переведено и напечатано в польских газетах. Прислушайся к тому, что паны и полупанки об этом письме будут говорить.

Возможно летом заедет к тебе Кулиш, так встреть его как следует.

Поцелуй Васю за меня и скажи: будет хорошо учиться, я ей и монисто, и серьги, и кольцо привезу, а если нет — привезу березовой каши, а она тут, скажи, очень хорошо растет.

Сегодня же с почты принесли мне твои колбасы, да эта бестолковая Харита такой мне устроила праздник, что я на них только по-

глядел.

Напиши мне поскорей, что и как у тебя с Троцинским?

Пусть Микита спросит, сколько хочет этот негодник Флиорковский за десятину пахотной и грунтовой земли.

А я Харите уже и монисто, и дукач, и крестик купил. Дурень думкою богатеет, как говорится. А ты все-таки из виду ее не теряй, может что-нибудь еще и выйдет.

Брат и искренний твой друг *Т. Шевченко*

Не теряй из виду и пана Змиевского.

170. Е. П. Ковалевскому^{1015}

— **23 апреля**^{1016}

Чтимый и глубокоуважаемый Егор Петрович!

Во имя всех святых, и в особенности во имя великомученика Георгия, извините мне, что я не самолично поздравляю вас с днем вашего ангела (Легче верблюду в игольное ушко пройти, нежели доброму художнику среди белая дня оставить свою [мастерскую].).

По обычаю предков наших, вместо золота-серебра нетленного, посылаю вам тленное последнее дело рук моих^{1017} и пребываю сер-

дечно любящий вас

Т. Шевченко

23 апреля

1860,

[Петербург].

171. В. Г. Шевченко

— 15 мая ^{*{1018}}

15 мая [1860, Петербург].

Писем моих, что ли, ты не читаешь или, прочитав, забываешь. Я уже трижды писал тебе, а сейчас четвертый раз пишу, что этим летом не вырвусь из Петербурга, не приеду домой или к тебе, а ты все твердишь, что меня ждешь, все спрашиваешь, приеду или нет. Знай же, ни летом, ни зимой я не буду на Украине. А будущей весной, если бог поможет, приеду, а ты покамест позаботься о клочке земли. По ту или другую сторону Днепра, только бы над самым Днепром, да старайся, чтобы нам вместе поселиться. Плюнь на Ржищев, бог с ним и с домом, и с хлевом, и с ветряком, и с тремя грушами. Если тебе так понравился пан Трощинский, поступай к нему на службу: я слышал, что он пан и богатый и

не очень плохой. А будет время, взгляни на эти Рудяки, потому что Григорович и соврать умеет. Если понравятся тебе Рудяки, так возьми в аренду 20 десятин на 25 лет, хорошенечко поторговавшись с Трощинским, и начинай строить. Этим летом некогда, будущим разве. Да вот еще что: если будет так, как я тебе пишу, то позаботься о дубовом лесе для надворной коморы (мастерской) и, если эта бестолковая Харита не передумала, попроси сестру Катерину и сестру Ярину найти мне в Кирилловне какую-нибудь видную и опрятную дивчину, а можно и вдову, лишь бы из доброй семьи, да чтобы не стара и умна была. Без жены и над самым Днепром, и в новой большой хате, и с тобою, мой друже-брате, я буду в одиночестве, я буду одинок.

Что делается в Межнричах? Не виделся ли ты со Змиевским? У меня тот участок, который мы с тобой осматривали, в печенке сидит. Отошли этот экземпляр «Объявления»^{1019} об «Основе» П. Ф. Семеренку. Я ему после «Кобзаря» уже дважды писал^{1020}, а он мне — ни звука! Пусть себе сердится, если у него такая сердитая натура. На этой неделе я или Бе-

лозерский пошлем Трощинскому такой же экземпляр «Объявления».

Оставайся здоров. Целую твою жену и твоих деточек. Друг и брат твой

Т. Шевченко

Жаль, что твои хлопцы написали мне черт знает как; хоть бы у Приси учились они писать по-человечески.

В половине июня, а может и раньше, заедет к тебе офицер Новицкий^{1021}. Прими его как следует и найми или сам дай ему лошадей в Жаботин. Ему поручено самолично торговаться с Флиорковским, а в Городище на завод сам его сvezи.

172. Ф. Л. Ткаченко^{1022}

— **30 мая** ^{*{1023}}

1860, 30 мая, С.-Петербург.

А знаешь что, Федоте? Я слышал, что ты уже вторично женился. Высмотри мне полтавчанку, курносенькую, чернобровую, и весной будешь у меня старшим боярином. Скажи мне, выйдет ли что-нибудь из этого, или нет? Если выйдет, так я весной приеду в Полтаву и сердечно поцелую тебя.

Очень давний твой друг-товарищ *Т. Шевченко*

Богатой мне не нужно, была бы курносенькая да чернобровенькая. А горе меня еще не одолело. Пусть тебе этот добрый человек скажет.

Адрес: В Академию Художеств, Т. Г. Ш.

На обороте: Федоту Леонтьевичу Ткаченко.

173. В. Г. Шевченко

— 29 июня ^{*{1024}}

29 июня 1860 года, [Петербург].

Сегодня в Корсуне преотвратительный праздник^{1025}, а в моей тихой хате и такого, благодарение богу, нет. Хорошо бы ты сделал, если бы увиделся и передал от меня привет шляхте, среди которой у меня много знакомых. Она сегодня вся должна быть в Корсуне. Сегодня, наверно, будет в Корсуне и Наталка Шулячивна^{1026}, так ты, как человек неглупый, поклонись ей от меня, и все. Если уж так сделал, то сделал хорошо. Я ее как следует не разглядел, кажется немного серовата и не очень аккуратная, а неаккуратная жена и цыгану не

пара. Будущей весной, бог даст, приеду-гляну и посоветуюсь с сестрой и с тобой, а покамест, коль встретится ей неплохой человек, то пусть ей бог помогает. Жаль, что Харита испортилась, а мне б лучшей жены и на краю света не найти.

Был ли ты в Рудяках? Что ты там видел и договорился ли с паном Троцинским? Напиши мне скоренько.

Еще вот что: на той неделе председатель литературного общества получил письмо от Флиорковского. Он пишет, что братьев и сестру Ярину с детьми отпускает на волю без грунтовой и пахотной земли бесплатно, но они не соглашаются на такую поганую волю. И хорошо делают.

Если еще не был, то скоро будет у тебя Новицкий. Хорошо бы ты сделал, если бы украл у Лопухина день-два и приехал с Новицким в Жаботин и вдвоем сказали бы тому дураку, чтобы он не боялся кирилловчан, а назначил хоть какую-нибудь плату за землю (не меньше 4-х десятин на душу). И чтоб сейчас же написал тому же председателю Егору Петровичу Ковалевскому.

Поцелуй за меня свою жену, Йосипка, дивчат и хлопцев, ежели они дома. Кирилловчанам скажи, чтобы они на эту поганую безземельную волю не очень зарились.

Напиши мне, виделся ли ты с Кулишем и сделано ли что-нибудь с хатой и садочком над Росью и где это имение, в самом ли Корсуне, или недалеко от него. Поблагодари еще раз того пана за сукно на свитку; а свитка, если она сшита, пусть у тебя ждет меня, твоего брата и друга

Т. Шевченка.

174. В. Э. Флиорковскому
— 27 июля^{1027}

М^[илостивый] г^[осударь] Валерий Эразмович!

Господин председатель Общества литераторов и ученых и его товарищи, подписывая и адресуя на ваше имя письмо, которым просят вас освободить моих братьев и сестру от крепостного состояния, предполагали, что письмо это, как дело домашнее, не будет оглашено во всеуслышание^{1028}. Но когда оно огласилось печатно, то я как сочлен этого благородного общества и как родной брат Никиты,

Осипа и Ирины (ваших крепостных крестьян), в судьбе которых общество это приняло такое великодушное участие, считаю святым долгом благодарить председателя и его товарищей, благодарить во всеуслышание за их братски-человеческое внимание к судьбе людей, близких моему сердцу.

О письме моем редактору журнала «Народное чтение» и о наших народностях я вашего мнения не оспариваю^{1029}, ваше мнение, как и мое, может быть верно и неверно, это дело (если оно в самом деле дело?) — дело критики, досужей полемики и бесплодного словопрения. Дело это впереди. А теперь примите мою глубокую благодарность^{1030} за то, что вы освободили моих братьев и сестру с их семействами от банковского долга и предложили им безвозмездную свободу, от которой они, не знаю почему, отказались. Еще раз сердечно вас благодарю за ваше великодушное предложение и сердечнейше прошу вас: назначьте последнюю цену за десятину пахотной и грунто[вой] земли вашей. Вы как собственник имеете полное право распорядиться по вашему благоусмотрению вашей собственно-

стью, не ожидая правительственных учреждений, касающихся уничтожения крепостного права. Во имя божие и человеческое прошу вас назначьте цену, какую вам угодно, за землю и сообщите о вашей воле председателю нашего скромного общества письменно или печатно. А за то, что вы уже сделали для моих братьев и сестры, примите мою искреннюю благодарность.

Письмо это я намерен напечатать в одной из здешних газет. Но если вы найдете его почему-либо неудобно-печатным, то известите меня. В ожидании вашего благосклонного ответа остаюсь готовый к услугам вашим

Т.Ш.

С.-Петербург,

27 июля

1860 года.

Адрес: в С.-Петербурге, в Императорскую Академию Художеств. Академик Тарас Григорьевич Шевченко.

175. В. Г. Шевченко

— 29 июля ^{*{1031}}

29 июля [1860, Петербург].

Посылаю тебе 1000 рублей. Если можно будет разделить плату за землю на три срока — раздели, а нет — заплати сразу за 10 десятин земли, а купчую крепость сделай на свое имя. О хате напишу тебе, получив твое письмо.

Друг и брат *Ш.*

Р. S. Пусть мне Прися напишет, что она вычитала из тех книг, которые я ей послал. Скажи Васе, — будет учиться, я ей будущей весной монисточко привезу.

Йосип — пьяный и глупый, прости его. А сестрам, когда увидишь, поклонись от меня. У сестры Ярины спроси, как увидишь, женила ли она своего несчастного сына, или нет?

На хату купи только сосны, на двери и косяки — дубу или ясеню. Хата чтоб была 10 аршин в ширину и 20 в длину.

Найдешь сухого бересту — бери, пригодится на что-нибудь, хотя бы на лавки.

Почему мне Прися и Ганнуса ничего не напишут? Вася эта, думаю, и читать еще не умеет.

176. Н. Я. Макарову
— 30 июля ^{*{1032}}

30 июля 1860 года, [Петербург].

Бог в лице Надежды и Александры Михайловны^{1033} помогает мне жениться на вашей дочери и сестре Ликерии, помогите же и вы вместе с Варварой Яковлевной. Потому что она (Ликерия) 28 июля при общих наших друзьях сказала мне, что без братнего и отцовского вашего святого слова она не даст мне своего такого же слова (разумная и искренняя душа). Возвращайтесь поскорей к нам и благословите и соедините Ликерию с Тарасом, с вашим искреннейшим другом. А покамест напишите ей и мне, что вы думаете и советуете.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

Р. С. Увидите Марью Александровну^{1034}, поцелуйте ее хорошенько за меня.

177. В.В. Тарновскому (младшему)^{1035}
— 7 августа^{1036}

Милостивый государь Василий Васильевич! 100 экземпляров «Кобзаря», взятые вами у Д. С. Каменецкого для передачи Михаилу Корнеевичу Чалому, инспектору 2-й киевской гимназии, я эти сто экз[емпляров] «Кобзаря» подарил моей невесте, и она покорней-

ше вас просит, и я тоже, 50 экз. переслать в Чернигов^{1037}, в пользу воскресных школ, на имя Романа Дмитриевича Тризны, а 50 экз. в пользу тех же школ в Киев, на имя М. К. Чалого. И будущая жена моя, и я будем вам благодарны, если вы исполните нашу просьбу.

Готовый к услугам *Т. Шевченко*

1860, 7 августа, С.-Петербург.

178. М. К. Чалому^{1038}

— 11 августа^{1039}

1860, С.-Петербург, 11 августа.

Милостивый государь Михаил Корнеевич! Убедительнейше прошу вас получить (с почты) 50 экземпляров моего «Кобзаря» и по вашему усмотрению передать помянутые 50 экз. одному из киевских книгопродавцов, а вырученные деньги отдайте в кассу киевских воскресных школ и на досуге известите меня о вашем здоровье, вашей супруги и о здоровье И. М. Сошенка, за что будет вам благодарен и на услуги готовый

Т. Шевченко.

Адрес: С.-Петербург, в Академию Художеств, Тарасу Григорьевичу Шевченку.

Получили ли вы «Кобзаря», надписанного моею рукою на ваше имя?

179. В. Г. Шевченко
— 22, 25 августа *{1040}

22 августа [1860, Петербург].

Мы с тобой, кажется, и умные люди, а получается у нас черт знает что: ты моего письма не дождешься, пишешь мне, а я, на тебя глядя, тебе отписываю, не зная, что ты мне напишешь. Умные люди, кажется, так не делают. Я сегодня пишу тебе, так как у меня есть время, но на почту письма не отдам, пока не получу извещения от тебя о получении 1000 рублей. Если бы, для начала, до весны обошелся этими деньгами, хорошо было б, а если нет, так напиши, — я еще пришлю, только немного.

Я это собрался жениться, так мне, видишь, и тут нужны деньги; а вся надежда на «Основу» и на «Кобзарь». Будущая супруга моя зовется Ликерия — крепостная, сирота, такая же наймичка, как и Харита, только умнее, грамотная, а по-московскому не говорит. Она землячка наша из-под Нежина. Здешние зем-

ляки наши (особенно панночки), как услышали, что мне бог такую благодать посылает, то еще малость поглупели. В один голос кричат: не пара, не пара! Пусть им кажется, что не пара, а я хорошо знаю, что пара.

Осенью, когда управишься с полем и окопаешь наш будущий участок, выбери на этом участке лучшее место и посади яблоню и грушу на память о 1860 годе, 28 июля.

Поженемся мы после покровы. Хорошо бы ты сделал, если бы к нашей свадьбе прислал сушеных карасей десятков-другой, а то и третий, и копченых днепровских лещей — один-два, а то-и три. Ты писал мне, что в Каневе этого добра хоть лопатой греби, а тут и за деньги не достанешь: вот тебе и столица!

В Пекарях какая-то вдова-попадья продает хату, — купить бы да к осени перевезти на участок и поставить. А весной сестра Ярина с меньшим сыном переехала бы в ту хату, да и хозяйничала, а я тем временем с женой приехал бы; Ярина бы и нам советом помогла. Ведь я и жена моя, хотя и в неволе и в труде выросли, но в простом крестьянском деле ничего не смыслим, — так совет сестры Ярины

был бы очень кстати и мне и Ликерии.

Вот как вышло! Неожиданно я к тебе приеду в гости с женой — сиротой и наймишкой! Известно, если человек хорошо ищет, то и находит: так вот и я. Мне теперь не жаль, что Харита малость с придурью.

25 августа.

Хорошо я сделал, что позавчера не дописал этого письма и не послал тебе: сегодня я получил твое письмо и вижу, что вы с Кулишем чересчур расфантазировались^{1041}. Книжник Кожанчиков сегодня сказал мне вот что (а он это дело хорошо знает): «на три тысячи наличными и на три тысячи кредита в книжной торговле можно получить 10 % с усиленным трудом». Мне самому не нравится твоя служба на панских экономиях, да некуда деться! Бумага и чай это другое дело. Напиши ты мне хорошенько, большой ли тебе кредит нужен на это дело? А пока этой проклятой службы на экономиях не бросай: она тебя хлебом кормит, а хлеб великое дело!

Посылаю тебе план хаты. Если найдешь, что не так, поправь и пришли мне; а пока

окапывай *леваду* и покупай лес сосновый; на косяки только и на двери купи дубу и ясеню да для пола — липы. Если очень понадобятся деньги, напиши, — я достану и пришлю. Хорошо было, если б Ярина ранней весной переехала на мою землю: может, не трудно будет нанять в Каневе для нее хатку на лето? Найми, а летом мы с женой приедем и вместе посоветуемся, что нам делать. Целую твою жену, деточек и тебя.

III.

P. S. На надворную комору (мастерскую) при случае дубу купи: пусть лежит да сохнет покамест.

180. Ф. Л. Ткаченко
— 28 сентября ^{*{1042}}

1860 год, 28 сентября, С.-Петербург.

Спасибо тебе, мой давний друже Федоте, за твое письмо. А еще большее спасибо за то, что ты деточек своих ведешь не по гладкому, но по хорошему пути. Поцелуй их всех трижды за меня. Спасибо тебе и за курносенькую чернобровую^{1043}. Если она в самом деле умна и хоть немного в отца пошла, так ты скорень-

ко и подробненько напиши мне. Да... (ты пишешь, что есть у вас немец, хороший фотограф), так пусть хоть тайком, хоть обманом он (немец) снимет ее. А ты в письме пришли мне снимок. Видишь, каким я принцем стал. А в случае чего, я и весны ждать не буду, зимой к вам приеду. Одиночество меня тут изводит. А ее отцу низко кланяемся я и В. М. Белозерский. Пиши мне скорей. И пусть тебе бог помогает во всем добром.

Твой давний и искренний друг *Т. Шевченко*

181. В. Г. Шевченко
— 5 октября ^{*{1044}}

5 октября [1860, Петербург].

Спасибо тебе, мой друже-брате, за твои хлопоты с этим землемером да с другими пьявками человеческими. Спасибо еще раз!

Очень, очень хорошо ты сделал, что не посадил яблони и груши; привей весной дички, — они и быстрее и лучше вырастут. Я со своей молодой, не женившись, разошелся^{1045}. Ликерия точь-в-точь такая же, как и Харита, только тем хуже Хариты, что грамотная. Что

мне на свете делать? Я сойду с ума на чужбине да в одиночестве!

Хорошо было (если б нашлось время) тебе самому съездить в Киев и собственными глазами поглядеть на эту мадам Соар^{1046}. То, что слышал о ней, мне не понравилось; взгляни на нее своим родительским оком. Обшитая кожей свитка с капюшоном на следующей неделе тебе будет послана, она хорошо сделана. Стоит 32 рубля. На эти деньги справь йосиповым детям на зиму одежду, а его долги не плати, пусть сам платит. Миките скажи (когда увидишь), что он дурак, ни с кем не посоветовавшись, сделал черт знает что^{1047}.

Письмо Флиорковского и мое письмо и копия с условия печатаются в пятой книжке «Народного чтения», потому я тебе этой копии и не посылаю.

Посоветуй им, пожалуйста, чтоб они поскорей записались в мещане, один в Звенигородке, другой в Черкассах, а Ярина — в Каневе, — мне тут советуют так, не знаю, какое твое мнение? Деньги, если нужны будут, я вышлю.

Каленика поцелуй трижды за меня и ска-

жи, что если он хорошо будет знать математику, то астрономию и навигацию за пояс заткнет, вот так и скажи ему.

Жаль мне йосиповой лапочки, а еще больше жаль того дурака, который не видит, кого он калечит... Жаль и все!

Спасибо тебе за лещей и карасей. На свадьбу они не попадут, потому что свадьбы не будет, а мы вдвоем с М. М. Лазаревским по-чумацки да по-холостяцки сварим борщу с карасями, лещем закусим и поблагодарим тебя и твою жену и помолимся за счастье и здоровье твоих деточек. Будь здоров!

Твой брат и друг Т. Ш.

Пришлю или сам привезу Васе гостинец, если будет хорошо учиться, а если нет, — не привезу!

182. А. Болдину^{1048}
— 5 ноября *^{1049}

1860, 5 ноября, С.-Петербург.

Весьма и весьма уважаемый, милостивый Государь! Мы с вами будто и не виделись в этом вонючем Петрограде. Этой зимой, если бог поможет, увидимся в Харькове, а не помо-

жет, так я пришлю вам 50 или 100 экземпляров своего «Кобзаря», а вы передайте его на комиссию во время ярмарки^{1050} харьковским книготорговцам. Напишите мне, пожалуйста, побыстрее, можно ли будет так сделать? А пока пусть вам бог помогает во всем добром.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

Что поделявают ваши воскресные школы?

183. М. К. Чалому

— 6 ноября ^{1051}

1860, 6 ноября, С.-Петербург.

Милый мой и искренний земляче!
Спасибо вам за ваше письмо и великое спасибо за мой «Кобзарь», за то, что вы его так хорошо приняли. А теперь вот что! Или сами, или скажите С. М. Сошенку, чтобы он узнал, где в Киеве живет мадам Соар? Когда узнает, пусть сходит к ней и посмотрит, как там живут мои племянницы Прися и Ганнуся? И, пожалуйста, напишите мне.

Еще вот что! Напишите мне поскорей, можно ли будет послать вам 100 экземпляров «Кобзаря» для передачи на комиссию киевским книгопродавцам? И во имя божие напи-

шите мне, что делается в ваших воскресных школах.

Еще вот что: скажите Ивану Максимовичу, чтобы он вам откровенно сказал, здорова ли его жена и его черненькая Ганнуся? Он сам мне не напишет, — лодырь, да к тому же и старый лодырь!

Оставайтесь здоровы, пусть бог вам помогает во всем добром.

Искренний ваш *Т. Шевченко*

Передайте мое искреннее почтение вашей супруге.

184. Д.С. Каменецкому
— 18 ноября ^{*{1052}}

18 ноября [1860, С.-Петербург].

Данило Семенович! Дайте Федору рукопись «Южнорусского букваря». Его надо показать Бекетову^{1053}.

Т. Шевченко

На обороте: Его благородию Данилу Семеновичу Каменецкому, в типографии Кулиша.

1861

185. М. К. Чалому
— 4 января ^{*{1054}}

4 января 1861, [Петербург].

Многоуважаемый земляк мой!
Посылаю вам показать 10 экземпляров моего «Букваря», а из конторы транспортов вы получите 1000 экземпляров. Хорошо было, если бы можно было распространить его по уездным и сельским школам. Да уж что хотите, то и делайте с ним, а коли бог поможет — соберете деньги, так положите их в кассу ваших воскресных школ.

Я и слышал и читал, что высокопреосвященный Арсений весьма возревновал о сельских школах^{1055} и жалуется, что не печатают дешевых букварей. Покажите ему мой «Букварь», и если ему понравится, то я и ему пришлю хоть 5000 экземпляров, конечно, за деньги (по 3 коп.), потому что это не мне принадлежит, а нашим небогатым воскресным школам, — так и скажите ему.

Есть мысль после «Букваря» напечатать

«Счет», и ценой и величиной такой же, как «Букварь». За «Счетом» — этнографию и географию по 5 коп., а историю, только нашу, может удасться выпустить по 10 коп. Если бы бог помог это малое дело сделать, то большое само сделалось бы.

Старый лодырь^{1056} размахнулся на лист бумаги и так уж его разузори́л, что и курице негде клюнуть, да так грамотно, что я насилу понял. Кланяюсь и ему и его жене. То, что просил он, может, удасться сделать.

Будьте здоровы! Пусть вам бог помогает во всем добром.

Низко кланяюсь вашей жене и вам.

Искренний ваш *Т. Ш.*

Р. С. Был ли мой брат у вас и что он сделал со своими детьми?

186. Ф. Л. Ткаченко

— 4 января *^{1057}

4 января 1861, [Петербург].

Посылаю тебе 10 моих букварей на показ, а из конторы транспорта ты получишь их 1000 и, не развязывая тюка, передай его тому, кто у вас старший над воскресными школа-

ми, вот ему и передай. А тот пусть как знает продаст, а денежки положишь в кассу воскресной школы. Вот что!

Курица тебя забодай^{1058} с твоей курносенькой чернобровой, только раздражил. Я весной заеду к тебе, и если не найдешь мне другой курносенькой, то я это тебе припомню. Дай один букварь редактору «Губернских ведомостей»^{1059} и попроси его напечатать, что такой-то и такой букварь продается по 3 коп. в пользу воскресных школ.

Будь здоров, целую твоих деточек. Голова кругом идет, — так некогда.

Искренний твой *Т. Шевченко*

На обороте: в Полтаву. Учителю гимназии, его благородию Федору Леонтьевичу Ткаченко.

187. Ф. Л. Ткаченко
— 22 января ^{*{1060}}

22 января 1861 г., [Петербург].

Сегодня посылаю тебе, Федоте, 1000 букварей и эту квитанцию. Около 15 февраля получишь ты посылку и поступи с ней так, как я тебе уже писал, или найди 10 добрых людей

и раздай им по сотне книжечек — 3 рубля сотня. Да собрав эти несчастные 30 рублей, отдай их на воскресную школу. А покамест делай как сам знаешь. Целую твоих деточек. Прощай.

Т. Шевченко

Смотри, о курносенькой не забудь. Я весною приеду к тебе.

188. В. Г. Шевченко
— 22 января *^{1061}

22 января 1861 г., [Петербург].

Плохо я встретил этот новый плохой год. Вторую неделю не выхожу из комнаты: чихаю и кашляю, совсем извелся. Как тебя там бог милует? Ты, может, последних двух моих писем не получил и поэтому ничего не пишешь. В первом письме, адресованном в Корсунь, послал я незапечатанное письмо, чтобы ты прочел и переслал в Одессу полковнику Иваницкому, главному начальнику механического заведения при обществе мореходства и торговли. Письмо про Каленика. Другое письмо адресовал в Киев, в дом Соар, в этом письме также незапечатанное письмо в

Потоки на имя Я. В. Тарновского. Получил ли ты эти письма, или нет? Получил ли ты «Букварь» и «Основу»?

Заткни глотку проклятому землемеру да управляйся скорей с этим несчастным участком и о том, что сделаешь, сейчас же напиши мне, чтобы я знал, как мне быть, ехать ли весной в Канев, или нет. А нужны будут деньги, напиши; впрочем, может, я сам привезу. Много кое-чего надо еще сказать тебе, но болен. В другой раз напишу. Будь здоров! Целую твоих деточек и твою жену.

Т.

189. В. В. Тарновскому (младшему)
— 10 февраля^{1062}

10 февраля 1861, С.-Петербург.

Милостивый государь Василь Васильевич! Сегодня получил я письмо из Чернигова от Романа Дмитриевича Тризны^{1063}, на имя которого в прошлом году просил я вас переслать 50 экзем[пляров] «Кобзаря» в пользу Черниговской воскресной школы. Тризна пишет мне, что он и до сего дня не получил вашей посылки. Во имя божие, уведомьте меня,

на чье имя и когда послали вы в Чернигов помянутые экземпляры, чем много обяжете готового к услугам

Т. Шевченка.

190. И. Н. Мокрицкому^{1064}

— 24 февраля^{1065}

Многоуважаемый Иван Николаевич! Поздравляю вас с вождеденным днем вашего святого ангела, извините, что я не могу лично принести моего искреннего поздравления, — я болен, другой месяц не только на улицу, меня и в коридор не пускают. И не знаю, чем кончится мое затворничество. Глубоко кланяюсь Марье Львовне и лобызаю ваших деточек. От души желаю вам повеселиться по-прошлогоднему. До свидания. Искренний ваш

Т. Шевченко

24 февраля 1861, [Петербург].

Приложение

**Бенефис г-жи Пиуновой января 21,
1858 г**

Приняв в соображение нравы нижегородских обитателей, в особенности обитательниц, я немало удивился, войдя в театр и найдя его почти полным. «Что бы значило это?» — спросил я у знакомого мне отъявленного театрала. «Как что? сегодня бенефис мленькой Пиуновой. Еще девочкой поступила она на нашу сцену, миловидностью и грациозностью своею обратила на себя внимание и, надо отдать ей справедливость, умела это вниманье поддержать и заслужить любовь нашей, не очень щедро расточающей свои чувства, публики. Вы сами увидите сейчас, насколько это справедливо».

И действительно, г-жа Пиунова достойно поддержала лестное мнение о себе. Независимо от юности и располагающей наружности, она так мила и естественна, что, глядя на нее, забываешь театральные подмостки. Давали в

этот вечер драму «Парижские нищие» и водевиль «Бедовая бабушка». Водевиль сам по себе хорош, но в исполнении г-жи Пиуновой и г-жи Трусовой (бабушка) это вышла такая милая игрушка, что хоть на любую столичную сцену: так грациозна наивностью своею Глаша и так добродушно комична бабушка.

Бенефициантка обладает всеми задатками сценического искусства, а это вместе с молодостью ее, конечно, подает большие надежды и в будущем. Но мы не скроем, что самые успехи ее порождают и большие требования. Сколько можно судить, г-жа Пиунова с особенным пристрастием выбирает роли наивно милых девушек. Слова нет: это лучшие ее роли; но она не должна забывать, что в них же кроется однообразие и легкость, которые могут вредить ее таланту. Мы искренно думаем, что она может смело расширить свой репертуар: труда будет больше и вдумываться в роли нужно будет серьезнее, но зато талант развернется шире. Наше мнение подтверждает сама г-жа Пиунова: в комедии Островского «Бедность не порок» она играла разбитную вдовушку и выполнила эту роль с большим

тактом, а тут, конечно, обыкновенными способностями не обойдешься, особенно в 17 лет. Сюда же можно отнести и роль Татьяны в «Москале-чаривнике»; пьеса эта была поставлена в два дня по желанию Михайла Семеновича Щепкина, приехавшего случайно в Нижний и согласившегося участвовать в трех спектаклях, и, несмотря на поспешность постановки, а также незнание малороссийского языка, г-жа Пиунова в роли Татьяны была очень хороша, так что наш ветеран-артист был в восторге и говорил, что Он ни с кем с таким удовольствием не играл, а мнение Щепкина может служить авторитетом. В нашей милой бенефициантке он принял сердечное участие, советовал ей серьезно трудиться, и, конечно, советы и напутствие серьезно оценены ею. В «Парижских нищих» г-жа Пиунова исполнила роль Антуанетты весьма совестливо, но видно, что у ней не было сочувствия к роли. Еще как-то мы заметили в одном месте, именно в свиданье с дочерью банкира, когда она приходит просить работы, неправильность в дикции и позволяем обратить ее внимание на этот предмет.

Господин Владимиров выполнил роль бродяги Гастона чрезвычайно рельефно и талантливо; в сцене, когда его берут в рабочий дом и когда он своему бывшему патрону с поклоном говорит «мерзавец», он удивительно хорош. В г. Владимирове виден весьма опытный артист, занимавшийся своим искусством добросовестно. Он вовсе не односторонен, и игра его в особенности замечательна в пьесах, имеющих литературное достоинство, к какому бы роду они ни принадлежали; тут он вполне выказывает себя. В гримировке и костюмировке он просто совершенен.

Вообще о г. Владимирове мало отозваться лестно — в нем видно и развитие и необыденное понимание искусства. Почти то же можно сказать и о г-не Климовском. Судить его нужно не по пустой роли д'Обиньи. Кажется, целью его поступления на нижегородскую сцену были испытание себя и окончательный выбор тех ролей, которые более подойдут к свойству его таланта. Нам он в особенности понравился в пьесе «Суд людской, не божий» и в пьесах г. Островского.

Г-жа Васильева передала очень верно тще-

славную и своевольную Алиду, дочь банкира. Мимика ее замечательна, роль же сама по себе не может дать полного понятия об ее игре. Лучше всего она в «Бедной невесте». Но странное впечатление оставляет г-жа Васильева: видна какая-то законченность в ее игре, как будто она выказала все свои средства и что дальше ожидать нечего, — впечатление, не говорящее в пользу будущего развития; признать же совершенно установившимся талантом г. Васильеву нельзя.

Очень желательно бы было, если б г-жа Васильева вникнула в причину такого явления, и нам кажется, что выяснение этого себе может принести ей большую пользу.

[Автобиография]

Письмо Т. Т. Шевченко к редактору журнала
Народное чтение

Милостивый государь
Александр Александрович!

Я вполне сочувствую вашему желанию познакомить читателей «Народного чтения» с историей жизни людей, выбившихся своими способностями и делами из темной и безгласной толпы простолюдинов. Подобные сведения поведут, мне кажется, многих к сознанию своего человеческого достоинства, без которого невозможны успехи общественного развития в низших слоях населения России. Моя собственная судьба, представленная в истинном свете, могла бы навести не только простолюдина, но и тех, у кого простолюдин находится в полной зависимости, на размышления, глубокие и полезные для обеих сторон. Вот почему я решаюсь обнаружить перед всем светом несколько печальных фактов моего существования. Я бы желал изложить их в такой полноте, в какой покойный С. Т. Акса-

ков представил свои детские и юношеские годы, тем более что история моей жизни составляет часть истории моей родины. Но я не имею духу входить во все ее подробности. Это мог бы сделать человек, успокоившийся внутренно и успокоенный насчет себе подобных внешними обстоятельствами. Все, что я могу покамест сделать в исполнение вашего желания, это — представить вам в коротких словах фактический ход моей жизни. Когда вы прочтете эти строки, вы, я надеюсь, оправдаете чувство, от которого у меня сжимается сердце и коснеет рука.

Я — сын крепостного крестьянина Григория Шевченка. Родился в 1814 году, февраля 25, в селе Кнрилловке, Звенигородского уезда Киевской губернии, в имении одного помещика. Лишившись отца и матери, на осегмом году жизни приютился я в школе у приходского дьячка в виде *школяра-попыхача*. Эти школяры в отношении к дьячкам то же самое, что мальчики, отданные родителями, или иной властью на выучку к ремесленникам. Права над ними мастера не имеют никаких определенных границ: они — полные ра-

бы его. Все домашние работы и выполнение всевозможных прихотей самого хозяина и его домашних лежат на них безусловно. Предоставляю вашему воображению представить, чего мог требовать от меня дьячок — заметьте, горький пьяница — и что я должен был исполнять с рабской покорностью, не имея ни единого существа в мире, которое заботилось бы или могло заботиться о моем положении. Как бы то ни было, только в течение двухлетней тяжелой жизни в так называемой школе прошел я *граматку*, *часлдвец* и, наконец, *псалтырь*. Под конец моего школьного курса дьячок посылал меня читать вместо себя псалтырь по усопших крепостных душах и благоволил платить мне за то десятую копейку в виде поощрения. Моя помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежнего любимому своему занятию вместе со своим другом Ионою *Лимарем*, так что по возвращении от молитвословного подвига я почти всегда находил их обоих мертвецки пьяными. Дьячок мой обходился жестоко не со мною одним, но и с другими школярами, и мы все глубоко его

ненавидели. Бестолковая его придирчивость сделала нас в отношении к нему лукавыми и мстительными. Мы надували его при всяком удобном случае и делали ему всевозможные пакости. Этот первый деспот, на которого я наткнулся в своей жизни, поселил во мне на всю жизнь глубокое отвращение и презрение ко всякому насилию одного человека над другим. Мое детское сердце было оскорблено этим исчадием деспотических семинарий миллион раз, и я кончил с ним так, как вообще оканчивают выведенные из терпения беззащитные люди, — мезтью и бегством. Найдя его однажды бесчувственно пьяным, я употребил против него собственное его оружие — розги и, насколько хватило детских сил, отплатил ему за все его жестокости. Из всех пожитков пьяницы-дьячка драгоценнейшею вещью казалась мне всегда какая-то книжечка с *кунштиками*, то есть гравированными картинками, вероятно самой плохой работы. Я не счел грехом или не устоял против искушения похитить эту драгоценность и ночью бежал в местечко Лысянку.

Там я нашел себе нового учителя в особе

маляра-диакона, который, как я вскоре убедился, очень мало отличался своими правилами и обычаями от моего первого наставника. Три дня я терпеливо таскал на гору ведрами воду из речки Тикача и растирал на железном листе краску медянку. На четвертый день терпенье мне изменило, и я бежал в село Тарасовку к дьячку-маляру, славившемуся в околотке изображением великомученика Никиты и Ивана Воина. К сему-то Апеллесу обратился я с твердою решимостью перенести все испытания, как думал я тогда, неразлучные со всякою наукою. Усвоить себе его великое искусство хоть в самой малой степени желал я страстно. Но увы! Апеллес посмотрел внимательно на мою левую руку и отказал мне наотрез. Он объявил мне, к моему крайнему огорчению, что во мне нет способности ни к чему, ни даже к *шевству* или *бондарству*.

Потеряв всякую надежду сделаться когда-нибудь хоть посредственным маляром, с сокрушенным сердцем возвратился я в родное село. У меня была в виду скромная участь, которой мое воображение придавало,

однакож, какую-то простодушную прелесть: я хотел сделаться, как выражается Гомер, «пастырем стад непорочным», с тем чтобы, ходя за громадскою *ватагою*, читать свою любезную краденую книжку с кунштиками. Но и это не удалось мне. Помещику, только что nasledовавшему достояние отца своего, понадобился расторопный мальчик, и оборванный школяр-бродяга попал прямо в тиковую куртку, в такие же шаровары и, наконец, в комнатные казачки.

Изобретение комнатных казачков принадлежит цивилизаторам заднепровской Украины, полякам; помещики иных национальностей перенимали и перенимают у них казачков как выдумку, неоспоримо умную. В краю, некогда казацком, сделать казака ручным с самого детства — это то же самое, что в Лапландии покорить произволу человека быстрого оленя... Польские помещики былого времени содержали казачков, кроме лакейства, еще в качестве музыкантов и танцоров. Казачки играли для панской потехи веселые двусмысленные песенки, сочиненные народною музою с горя под пьяную руку, и пуска-

лись перед панами, как говорят поляки, *сюды-туды-навприсюды*. Новейшие представители вельможной шляхты, с чувством просвещенной гордости, называют это покровительством украинской народности, которым-де всегда отличались их предки. Мой помещик в качестве русского немца смотрел на казачка более практическим взглядом и, покровительствуя моей народности на свой манер, вменил мне в обязанность только молчание и неподвижность в уголку передней, пока не раздастся его голос, повелевающий подать стоящую тут же возле него трубку или налить у него перед носом стакан воды. По врожденной мне продерзости характера, я нарушал барский наказ, напевая чуть слышным голосом гайдамацкие унылые песни и срисовывая украдкой картины суздальской школы, украшавшие панские покои. Рисовал я карандашом, который — признаюсь в этом без всякой совести — украл у конторщика.

Барин мой был человек деятельный: он беспрестанно ездил то в Киев, то в Вильно, то в Петербург и таскал за собой в обозе меня для сидения в передней, подаванья трубки и

тому подобных надобностей. Нельзя сказать, чтоб я тяготился своим тогдашним положением: оно только теперь приводит меня в ужас и кажется мне каким-то диким и несвязным сном. Вероятно, многие из русского народа посмотрят когда-то по-моему на свое прошедшее. Странствуя с своим барином с одного постоянного двора на другой, я пользовался всяким удобным случаем украсть со стены лубочную картинку и составил себе таким образом драгоценную коллекцию. Особенными моими любимцами были исторические герои как-то: Соловей Разбойник, Кульнев, Кутузов, казак Платов и другие. Впрочем, не жажда стяжания управляла мною, но непреодолимое желание срисовать с них как только возможно верные копии.

Однажды, во время пребывания нашего в Вильно, в 1829 году, декабря 6, пан и пани уехали на бал в так называемые ресурсы (дворянское собрание) по случаю тезоименитства в бозе почившего императора Николая Павловича. В доме все успокоилось, уснуло. Я зажег свечку в уединенной комнате, развернул свои краденые сокровища и, выбрав из

них казака Платова, принялся с благоговением копировать. Время летело для меня незаметно. Уже я добрался до маленьких казачков, гарцующих около дюжих копыт генеральского коня, как позади меня отворилась дверь и вошел мой помещик, возвратившийся с бала. Он с остервенением выдрал меня за уши и надавал пощечин — не за мое искусство, нет! (на искусство он не обратил внимания), а за то, что я мог бы сжечь не только дом, но и город. На другой день он велел кучеру Сидорке выпороть меня хорошенько, что и было исполнено с достодожным усердием.

В 1832 году мне исполнилось восемнадцать лет, и так как надежды моего помещика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то он, вняв неотступной моей просьбе, контрактровал меня на четыре года разных живописных дел цеховому мастеру, некоему Ширяеву, в С.-Петербурге. Ширяев соединял в себе все качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьячка-хиромантика; но, несмотря на весь гнет тройственного его гения, я в светлые весенние ночи бегал в Летний сад рисовать со статуй, украшающих

сие прямолинейное создание Петра. В один из таких сеансов познакомился я с художником Иваном Максимовичем Сошенком, с которым и до сих пор нахожусь в самых искренних братских отношениях. По совету Сошенка, я начал пробовать акварелью портреты с натуры. Для многочисленных грязных проб терпеливо служил мне моделью другой мой земляк и друг — казак Иван Ничипоренко, дворовый человек нашего помещика. Однажды помещик увидел у Ничипоренка мою работу, и она ему до того понравилась, что он начал употреблять меня для снятия портретов с любимых своих любовниц, за которые иногда награждал меня целым рублем серебра.

В 1833 году Сошенко представил меня конференц-секретарю Академии Художеств, В. И. Григоровичу, с просьбой — освободить меня от моей жалкой участи. Григорович передал его просьбу В. А. Жуковскому. Тот сторговался предварительно с моим помещиком и просил К. П. Брюллова написать с него, Жуковского, портрет, с целью разыграть его в частной лотерее. Великий Брюллов тотчас согласился, и вскоре портрет Жуковского был у него готов.

Жуковский с помощью графа М. Ю. Виельгорского устроил лотерею в 2500 рублей ассигнациями, и эту ценою куплена была моя свобода в 1838 году, апреля 22.

С того же дня начал я посещать классы Академии Художеств и вскоре сделался одним из любимых учеников-товарищей Брюллова. В 1844 году удостоился я звания свободного художника.

О первых литературных моих опытах скажу только, что они начались в том же Летнем саду в светлые, безлунные ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью в школе, в помещичьей передней, на постоянных дворах и в городских квартирах; но, когда дыхание свободы возвратило моим чувствам чистоту первых лет детства, проведенных под убогою батьковскою стрехою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой стороне. Из первых, слабых моих опытов, написанных в Летнем саду, напечатана только одна баллада «Причинна». Как и когда писались последовавшие за нею стихотворения, об этом теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая история мо-

ей жизни, набросанная мною в этом нестройном рассказе в угождение вам, сказать правду, обошлась мне дороже, чем я думал. Сколько лет потерянных! сколько цветов увядших! И что же я купил у судьбы своими усилиями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумение своего прошедшего. Оно ужасно, оно тем более для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которых мне тяжело было вспоминать в своем рассказе, до сих пор крепостные. Да, милостивый государь, они крепостные до сих пор! Примите уверение и проч..

Т. Шевченко 1860, февраля 18.

Алфавитный указатель имен, встречающихся в 5 томе

- А**вгуст, император — 24, 474.
- Адлерберг, министр двора — 205, 527.
- Агата — см. Ускова А. Е.
- Айвазовский Иван Константинович — 405, 595.
- Аксаков Константин Сергеевич, публицист, сын С. Т. Аксакова — 216, 531.
- Аксаков Иван Сергеевич, публицист, сын С. Т. Аксакова — 216, 406, 531, 532, 595, 597, 598.
- Аксаков Сергей Тимофеевич — 107, 182, 185, 199, 206, 214, 215, 216, 228, 386, 391, 394, 395, 396, 401, 402, 405, 408, 410, 411, 412, 458, 518, 519, 520, 524, 527, 531, 539, 542, 590, 592, 593, 595, 596.
- Аксакова Надежда Сергеевна, дочь писателя — 216, 532.
- Александр II — 506, 518, 519, 539, 580, 582.
- Александрийский Михаил Семенович — 280, 565.
- Анненков Иван Александрович, декабрист — 154, 163, 164, 505, 510.

Андреевский М. А., чиновник особых поручений — 417, 422, 602, 603.

Андрузский, студент Киевского университета — 128, 499.

Антоний Сова — см. Желиговский.

Антонов, офицер — 328, 330, 579.

Апрелев Василий Петрович, офицер-кавалергард — 49, 480.

Апухтин Алексей Николаевич, поэт — 214, 532.

Артемовская Александра Ивановна, музыкантша, жена С. С. Гулака-Артемовского — 235, 240, 241, 295, 303, 569.

Артемовский — см. Гулак-Артемовский.

Арсений (Москвин Ф. П.), киевский митрополит — 449, 615.

Афанасьев Александр Николаевич, фольклорист — 208, 215, 528.

Афанасьев Александр Степанович, псевдоним — А. Чужбинский, украинский поэт — 47, 48, 49, 208, 209, 215, 479, 480.

Бабст Иван Кондратьевич — 208, 213, 215, 218, 410, 528, 531.

Бажанов Николай Ефремович, смотритель новопетровского госпиталя — 18, 368, 408, 472.

Бальзак Оноре — 478.

Барбиери Доменико Франческо, прозванный Гверчино, итальянский художник XVII в. — 146, 502.

Барбье Огюст, французский поэт — 117, 130–135, 159, 222, 496.

Барвинок Ганна — см. Кулиш А. И.

Бартенев Петр Иванович, историк — 404, 533, 595.

Бархвиц Станислав Августович — 49, 480.

Белинский Виссарион Григорьевич — 496, 567.

Белицкий Михаил, ссыльный поляк — 307, 317, 319, 320, 322, 329, 330, 331, 332, 337, 338, 350, 573.

Белозерский Николай Дмитриевич (Н. Д.) [23] — 187, 361, 362, 375, 521, 586.

Белозерский Василий Михайлович, редактор «Основы» (Василь Билозер) — 217, 219, 224, 228, 229, 268, 308, 416, 446, 533, 534, 560, 614.

Бенедиктов Владимир Григорьевич, поэт — 117, 222, 228, 496.

Беранже — 46, 169, 180, 192, 201, 220, 392, 400, 479, 518, 525, 536.

Бетховен — 189, 215, 382, 513.

Бибииков, киевский генерал-губернатор — 79, 487, 559, 560.

Бобржицкий Алексей Александрович, преподаватель латыни — 139, 140, 500.

Богданович Ипполит Федорович, поэт — 545.

Бодянский Осип Максимович, профессор—172, 211, 212, 260, 271, 285, 299, 311, 314, 317, 481, 514, 530, 556. 562, 567, 570, 574, 575, 577, 583.

Болтин Николай Петрович — 189, 522.

Болоховитинов Евгений, киевский митрополит — 67, 485.

Болдин А. — 448.

Борисполец Платон Тимофеевич, художник — 230, 271, 274, 544, 564.

Бруни Федор Антонович, художник— 61, 66, 483.

Брылкин Николай Александрович — 140, 141, 142, 146, 149, 150, 151, 152, 156, 168, 178, 179, 180, 185, 186, 187, 204, 391, 392, 394, 592.

Брюллов Карл Павлович — 9, 34, 45, 50, 51, 59, 60, 61, 62, 66, 89, 149, 231, 234, 248, 254, 264, 266, 267, 274, 287, 306, 337, 463, 476, 479, 481, 502, 535, 545, 550, 553, 563, 567, 571.

Закончил здесь 618

Брюно Карл Иванович, генерал — 82, 223, 334, 340, 343, 344, 348, 350, 353, 355, 365, 407, 488, 537, 580.

Бурачек Степан Онисимович издатель журн. «Маяк» — 259, 260, 556.

Бурдин Ф. А, драматург («Парижские нищие») — 523.

Бурцов Лев Александрович, прапорщик — 99, 103, 106, 107, 490.

Бутаков Алексей Иванович, исследователь Аральского моря — 207, 282, 308, 334, 528, 566, 570, 574.

Бутков Петр Григорьевич (Будков), историк — 261, 557.

Бэр Карл Максимович, выдающийся естествоиспытатель — 76, 304, 308, 315, 486, 572.

Вазари Джорджо, итальянский художник XVI в. — 85, 489.

Вальтер Скотт («Великий Шотландец») — 337, 581.

Ван-Путерен — см. Путерен.

Варенцов Виктор Гаврилович, инспектор — 153, 157, 160, 162, 172, 177, 380, 381, 391,

395, 504, 591.

Варенцов Александр Петрович, директор конторы — 165, 511, 520.

Баренцева М. — 166, 167, 172.

Васильев, адмирал, астраханский генерал-губернатор — 55, 74, 482.

Ватто, французский художник XVIII в. — 269.

Величко Самоил («Летопись») — 300, 311, 384, 530.

Вельтман Александр Фомич, писатель — 213, 531.

Венгржиновский Аркадий,
ссылный поляк — 292, 307, 309, 313, 314,
316, 319, 322, 332, 334, 344, 350, 355, 365, 568,
573, 576, 577.

Верне Орас (Иосиф Вернет), французский художник — 60, 306, 483, 572.

Вернер Томаш (Фома), ссылный поляк — 308, 574.

Верстовский Алексей Николаевич, композитор — 101.

Виельгорский Михаил Юрьевич, композитор — 9.

Вильбоа Константин Петрович (Вильбуа),

композитор — 236, 546.

Вильде Николай Евстафьевич, актер и драматург — 207.

Волконский Сергей Григорьевич, декабрист — 213, 216, 531.

Волконский Федор Николаевич, врач — 200, 525.

Волховская Татьяна Густавовна — 291.

Вольский, управляющий — 418, 420, 421, 423, 424, 425, 426. 429.

Вяземский Петр Андреевич, поэт — 61, 483.

Гайдн Иосиф, композитор — 192.

Галаган Григорий Павлович — 217, 222, 225, 226, 229, 237, 404, 407, 533, 541, 543, 595, 596.

Галахов Алексей Дмитриевич, педагог — 229, 543.

Галузевский Яков (Галуза), чиновник — 275, 346, 583.

Галич Александр Иванович, профессор философии — 52, 482.

Гальберг С. И., скульптор — 498.

Гартвиг, врач — 145, 148, 149, 158.

Гваренги — см. Кваренги.

Гверчино Д. Ф. — см. Барбиери.

Гвидо Рени, итальянский художник
XVI в. — 50, 480.

Гербель Николай Васильевич, переводчик — 311, 358, 585.

Герн Карл Иванович, полковник, адъютант Перовского — 82, 104, 281, 283, 285, 286, 290, 293, 298, 305, 307, 308, 316, 318, 320, 321, 325, 328, 329, 330, 331, 332, 338, 341, 344, 347, 350, 353, 370, 375, 488, 491, 566, 572, 573.

Герцен Александр Иванович (Искандер, А. И.) — 117, 151, 153, 161, 163, 173, 210, 436, 496, 500, 503, 504, 510, 523, 528, 531, 539, 597, 608.

Гесс Петер, немецкий художник — 60, 483.

Гете Иоганн Вольфганг — 33, 200, 202, 476.

Глебовский — см. Хлебовский.

Глинка Михаил Иванович — 228, 536, 541, 553.

Гогарт Вильям, английский живописец и гравер — 191, 522, 523.

Гоголь Николай Васильевич — 35, 58, 69, 89, 107, 120, 157, 161, 271, 280, 284, 288, 289, 312, 316, 340, 359, 362, 477, 487, 489, 508, 509, 517, 533, 552, 562, 566, 567, 575, 576.

Голынская П. М. — 177, 392, 394.

Голиховский Петр Петрович — 153.

Головачев Аполлон Филиппович, журналист — 300, 312, 570.

Гольбейн Ганс, немецкий художник XVI в. — 60.

Гомер («Одиссея») — 272, 275,

Гонг — см. Хун Сю-цюань.

Горонович Андрей Николаевич, художник — 302, 308, 316, 571.

Грабовский Михаил, польско-украинский писатель — 122, 261, 557.

Градович Эдуард Александрович, врач — 219, 220, 237, 240, 536.

Грекова Ирина Афанасьевна, музыкантша — 210, 529.

Григорович Василий Иванович, конференц-секретарь Академии художеств — 9, 52, 254, 258, 305, 325, 327, 463, 482, 553, 555, 567, 579.

Гринберг Изабелла Львовна (Грубнер), певица — 228, 236, 237, 239, 542, 543.

Громека Степан Степанович, публицист — 225, 226, 235, 541.

Губер Эдуард Иванович, переводчик — 200, 202, 476.

Гулак-Артемовский Петр Петрович, украинский поэт — 253, 551

Гулак-Артемовский Семен Степанович — 64, 75, 83, 93, 141, 217, 218, 220, 222, 224, 225, 226, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 239, 240, 241, 251, 252, 258, 293, 301, 304, 341, 345, 346, 347, 352, 362, 367, 370, 372, 375, 380, 384, 400, 402, 403, 404, 485, 535, 538, 540, 555, 569, 571, 572, 582, 583, 587.

Гумбольдт Александр, естествоиспытатель («Космос») — 230, 355, 543, 584.

Гусиковская (Дуня) — 120, 497, 584.

Гюден Жан-Антуан, французский художник — 171, 513.

Даль Владимир Иванович («Казак Луганский»), писатель — 18, 65, 165, 166, 167, 168, 174, 175, 176, 206, 274, 381, 472, 485, 511, 515, 564.

Данилевский Николай Яковлевич, участник экспедиции Бэра — 35, 76, 308, 315, 318, 319, 477, 573.

Данте Алигьери — 24, 208, 299, 344, 474, 570, 582.

Даргомьжский Александр Сергеевич —

228, 541, 542.

Делакруа Эжен, французский художник — 306, 337, 572.

Деларош Поль, французский художник — 306, 337, 572.

Деянов Иван Давидович, попечитель Петербургского учебного округа — 412, 599.

Державин Гавриил Романович — 107, 128, 499.

Дестрем, чиновник III Отделения — 129, 499.

Дзюбин Л. Н. — 219, 221, 222, 226, 231, 236, 274, 535, 544, 563.

Добролюбов Николай Александрович — 482, 485, 540, 544.

Довгополенкова Харитина Васильевна (Харита) — 424, 425, 427, 429, 431, 433, 434, 435, 436, 437, 439, 440, 444, 447, 604, 606, 609.

Долгоруков Н. А., харьковский генерал-губернатор — 263, 557, 558.

Доницетти, итальянский композитор — 188, 522, 543.

Дорохова Мария Александровна — 159, 161, 163, 177, 184, 190, 194, 199, 201, 207, 218, 391, 394, 397, 508, 509, 522, 593.

Дрекслер Фанни Ивановна и Осип Иванович — 265, 559.

Дубельт Леонтий Васильевич, управляющий III Отделением — 129, 274, 499.

Дуня — см. Гусиковская.

Дюма Александр — 107, 163, 492, 510.

Дюрер Альбрехт, немецкий художник XV–XVI вв. — 60.

Едличка Алоиз Вячеславович (Мечислав Вячеславович), учитель музыки — 265, 559.

Ежов Кондратий, художник — 258, 555.

Езучевский Василий Осипович (Василь) — 275, 298, 346, 352, 361, 564, 583.

Жадовская Юлия Валерьяновна, поэтесса — 225, 540.

Жак, скульптор — 337, 581.

Железное Иосаф Игнатьевич, этнограф — 65, 485.

Желиговский Эдвард, псевдоним Антоний Сова (Желяковский), польский поэт — 217, 224, 237, 238, 239, 306, 308, 313, 316, 317, 320, 321, 325, 330, 331, 332, 341, 343, 350, 534, 539, 547, 548, 573, 576, 578.

Жемчужниковы — 228, 542.

Жемчужников Владимир Михайлович — 228, 542.

Жемчужников Лев Михайлович, художник — 164, 174, 230, 383, 389, 470, 510, 511, 515, 522, 542, 564, 590, 591.

Жемчужников Николай Михайлович — 228, 542.

Жемчужников Алексей Михайлович, поэт — 542.

Жуковский Василий Андреевич — 9, 60, 61, 272, 275, 278, 284, 287, 477, 483, 563, 564, 566, 567.

Забелин Иван Егорович, археолог — 213, 531.

Забилла Виктор Александрович — 251, 268, 551, 560.

Забилла Надежда Михайловна — 443, 612.

Залесский Бронислав, ссыльный поляк, художник — 16, 82, 154, 155, 166, 181, 298, 305, 307, 312, 314, 318, 319, 320, 324, 328, 330, 333, 340, 342, 348, 352, 363, 366, 371, 374, 393, 471, 472, 474, 477, 488, 506, 512, 518, 543, 567, 570, 571, 572, 573, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582,

583, 584, 586, 588.

Залесский Юзеф-Богдан, польский поэт — 313, 315, 316, 325, 576.

Зарянка Сергей Константинович, портретист — 65, 485.

Зброжек Фома Иванович, врач — 110, 494.

Зеленко Михаил Фадеевич (ojciec prefekt), ссыльный поляк — 307, 313, 317, 325, 332, 573.

Зелинский, ссыльный поляк — 313, 319, 322, 329, 331, 576.

Зембулатов Михаил Иванович (Зимбулатов), преподаватель рисования — 230, 544.

Зигмунтовские Константин Николаевич и Софья Самойловна (Филемон и Бавкида) — 40, 41, 42, 43, 68, 69, 478.

Иваненко Федор Григорьевич — 277, 565.

Иванов Александр Андреевич, художник — 88, 89, 90, 409, 489, 596, 597.

Иваньшев Николай Дмитриевич, профессор Киевского университета — 311, 422, 575, 603.

Ивашев Василий Петрович, декабрист — 103, 510.

Ильяшенко — 308, 573, 574.

Иордан Федор Иванович, гравер — 161, 230, 233, 234, 509, 546.

Иохим Карл Иванович, скульптор — 302, 303, 304, 342, 346, 571.

Искандер — см. Герцен.

Кавелин Константин Дмитриевич, профессор — 228, 229, 240, 541.

Кадницкий Андрей Кириллович (Кадинский) — 156, 167, 183, 199, 204, 507.

Казак Луганский — см. Даль.

Калам Александр, швейцарский художник — 51, 222, 223, 305, 313, 338, 405, 481.

Каменецкий Даниил Семенович, управляющий типографией Кулиша — 201, 221, 222, 224, 239, 401, 432, 443, 449, 525, 538, 601, 605, 606, 614.

Каминьони, поручик — 36, 37, 38, 43, 84.

Капнист Василий Васильевич, поэт — 42, 176, 517.

Карамзин Николай Михайлович — 107, 114, 477, 492, 498.

Каратыгин Василий Андреевич, актер — 42, 478.

Карелин, исследователь Каспийского мо-

ря — 300, 570.

Карпенко Григорий и Степан («Киевские ландыши») — 329, 579.

Карташевские — 225, 423, 541.

Карташевская Варвара Яковлевна — 432, 541, 607.

Катенин, генерал-адъютант — 29, 373, 377, 475.

Катков М. Н., реакционный журналист — 185, 395, 492.

Кваренги Джакомо (Гваренги), русский архитектор — 99, 490.

Квитка-Основьяненко Григорий Федорович (Грицко), украинский писатель — 157, 248, 250, 252, 253, 254, 302, 550, 551, 553, 561.

Кебер Густав Васильевич, врач — 171, 187, 384, 513.

Кейкуатовы — 270, 207, 561, 569.

Кенси Катрмер де, французский археолог — 89, 489.

Кернер Карл-Теодор, немецкий поэт — 313, 324, 325, 575.

Кетчер Николай Христофорович, переводчик — 208, 213, 215, 272, 392, 410, 412, 481, 528, 531, 563.

Киреевский Илья Александрович, полковник — 28, 29, 359, 360, 369, 475, 586, 596.

Кишкин Владимир Васильевич, капитан парохода — 109, 110, 117, 118, 126, 132, 141, 142, 152, 184, 493, 496, 497, 499, 509.

Кленц Лео, немецкий архитектор — 60, 483.

Клодт Петр Карлович, скульптор — 230, 231, 543.

Клопотовский Иван Петрович, преподаватель — 108, 376, 493, 509, 589.

Ковалевский Егор Петрович (Петр Егорович), путешественник — 150, 438, 440, 503, 609, 610.

Кожанчиков Дмитрий Ефимович, издатель — 410, 411, 415, 445, 597, 601.

Козачковский Андрей Осипович — 300, 309, 430, 507, 563, 606.

Козлов, штейгер — 328, 579.

Козлов Иван Иванович, поэт — 194.

Кокорев Василий Александрович, публицист — 219, 223, 411, 535, 536, 597, 598.

Колесинский Балтазар, ссыльный поляк — 306, 572.

Кольцов Алексей Васильевич — 14, 184, 276, 470, 481.

Комаровский Михаил Петрович — 130, 141.
Конисский («История Русов») — 286, 300,
531, 567, 570.

Контский Антоний, польский пианист —
223, 536.

Корбе Илларион Михайлович (Иван Ми-
хайлович), генерал — 223, 224, 252, 294, 537,
551, 569.

Корнелиус Петер, немецкий художник —
60, 66, 483.

Королев Филипп Николаевич, педагог —
252, 253, 552.

Корсаков Петр Александрович, цензор —
256, 554.

Корсун Александр Алексеевич, украин-
ский поэт — 251, 252, 253, 551.

Корш Евгений Федорович — 215, 532.

Косарев Георгий Михайлович, капитан —
54, 55, 74, 85, 477, 482.

Костомаров Николай Иванович, историк —
9, 75, 115, 116, 141, 153, 162, 188, 268, 271, 375,
495, 500, 501, 504, 509, 534, 546, 560, 562, 583,
588, 597.

Костомарова Татьяна Петровна, мать Н. И.
Костомарова — 115, 116, 375, 495.

Костромитинов Николай Федорович — 298, 569.

Котляревский Иван Петрович, украинский поэт — 80, 224, 488, 517, 518, 538.

Кошелев Александр Иванович, публицист — 216, 404, 533.

Коцебу Август, немецкий драматург — 149, 502.

Краевский Андрей Александрович, журналист — 319, 569, 577.

Кржисевич Мария Степановна — 219, 536.

Кронеберг Алексей Иванович (Кронеберг-сын), переводчик — 215, 532.

Кроневиц — 221, 223, 232.

Крузе Николай Федорович, цензор — 215, 532.

Крылов Иван Андреевич — 64, 184, 231, 232, 313, 408, 484, 545.

Крылов Александр Дмитриевич, генерал — 226, 541.

Кузьмин Роман Иванович, профессор архитектуры — 228, 542, 543.

Кулих, унтер-офицер — 52, 56, 81, 83, 84, 90

Кулиш Пантелеймон Александрович, украинский писатель — 9, 21, 51, 75, 93, 153, 157,

161, 164, 171, 172, 175, 181, 182, 188, 201, 202, 211, 222, 261, 268, 271, 357, 358, (Николай М.), 361, 362, 367, 369, 375, 380, 382, 383, 389, 391, 392, 395, 396, 401, 437, 441, 445, 467, 468, 473, 484, 485, 504, 507, 508, 514, 516, 518, 522, 526, 530, 532, 534, 539, 557, 560, 562, 564, 576, 585, 590, 591, 592. 608, 613.

Кулиш Александра Михайловна, псевдоним Ганна Барвинок, украинская писательница, жена П. Кулиша — 64, 412, 443, 485, 599. 612.

Курочкин Николай Степанович, поэт — 230, 544, 605.

Курочкин Василий Степанович, поэт и переводчик — 46, 169, 180, 184, 201, 220, 230, 231, 235, 236, 237, 239, 392, 400, 479, 512, 518. 525, 536, 544.

Кухаренко Яков Герасимович, генерал-майор, наказной атаман Черноморского казачьего войска, украинский драматург — 16, 22, 27, 46, 81, 104, 106, 155, 198, 199, 256, 293, 356, 360, 361, 367, 374, 379, 397, 398, 434, 471, 523, 524, 554, 555, 584, 588, 593, 608.

Кутерем — см. Путерен.

Лабзин Александр Федорович, вице-президент Академии художеств — 162, 163, 509, 510.

Лавров Петр Лаврович, публицист — 135–138, 500, 526.

Лавров Николай Андреевич, портретист — 218, 534.

Ладурнер А., скульптор — 337, 581.

Ладыженский — 373.

Лазарев Михаил Петрович, адмирал, исследователь — 42, 478.

Лазаревский Федор Матвеевич — 167, 171, 174, 270, 275, 278, 290, 297, 298. 308, 309, 314(7), 330, 346, 347, 352, 362, 372, 380, 384, 470, 486, 512, 513, 565, 568, 569, 570, 574, 579.

Лазаревский Михаил Матвеевич — 15, 16, 21, 33, 43, 44, 48, 50, 62, 78, 81, 83, 93, 104, 141, 147, 148, 150, 154, 155, 168, 173, 174, 188, 201, 204, 209, 217, 218, 223, 224, 227, 228, 235, 236, 239, 240, 273, 281, 295, 298, 299, 330, 345, 347, 351, 356, 359, 360, 363, 364, 365, 369, 370, 372, 373, 374, 380, 384, 388, 389, 392, 393, 400, 401, 402, 403, 404, 408, 410, 414, 416, 420, 422, 423, 425, 437, 447, 470, 476, 478, 480, 484, 486, 491, 501, 504, 506, 512, 515, 518. 522, 525, 526, 529, 541, 542, 563, 579, 582, 583, 585, 586, 587, 588,

589, 591, 592, 593, 594, 597, 601, 609.

Лазаревский Яков Михайлович — 187, 521.

Лазаревский Василий Матвеевич — 218, 223, 231, 279, 292, 295, 298, 346, 347, 352, 362, 534, 600.

Лафатер Иоганн Каспар (Лаватер), швейцарский поэт — 351, 583.

Левашев Василий Васильевич, следователь по делу декабристов — 154, 505.

Левицкий — 78, 279, 286, 299, 346, 486, 565.

Ленский Дмитрий Тимофеевич, актер — 180, 182, 192, 517, 520.

Леонова Дарья Михайловна, певица — 228, 542.

Лермонтов Михаил Юрьевич — 81, 92, 275, 276, 279, 473, 481, 488, 564.

Либельт Кароль, польский философ-идеалист — 52, 53, 56, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 77, 82, 84, 85, 481, 482, 489.

Лизогуб Андрей Иванович — 269, 271, 275, 277, 279, 280, 282, 284, 285, 290, 292, 293, 295, 298, 561, 562, 564, 565, 566, 568, 569.

Лизогуб Илья Иванович — 269, 272, 277, 290, 291, 297, 561.

Лисенков Иван Тимофеевич, книготорго-

вец — 256, 552, 553, 554.

Логановский Александр Васильевич, скульптор — 337, 581.

Лукашевич Алексей, художник — 219, 231, 234, 535.

Маевский Антон Петрович, комендант Новопетровской крепости — 292, 297, 301, 571.

Майоров, актер и декоратор — 200, 525.

Макаров Николай Яковлевич — 416, 432, 435, 436, 443, 547, 607, 608, 612, 613.

Макишев Дорофей, строитель астраханского собора (простой русский мужичок) — 105, 491.

Максимович Мария Васильевна — 211, 213, 412, 415, 416, 417, 419, 422, 425, 598, 599, 600, 601, 602, 604.

Максимович Михаил Александрович, фольклорист — 208, 209, 210, 211, 216, 310, 311, 382, 388, 394, 401, 404, 410, 412, 415, 416, 417, 422, 430, 518, 528, 529, 532, 533, 542, 590, 594, 597, 598, 601, 602, 604.

Макшеев Алексей Иванович, офицер, участник аральской экспедиции — 280, 566.

Малюга П. П. — 200, 525,

Мария Николаевна, великая княгиня, президент Академии художеств — 154, 178, 209, 403, 404, 506, 594.

Маркевич Николай Андреевич — 251, 256, 358, 361, 475, 551, 556, 586.

Маркевич Андрей Николаевич (Маркович) — 29, 209, 210, 356, 358, 360, 361, 366, 369, 370, 372, 384, 407, 475, 529, 585, 590, 603.

Марко Вовчок (Маркевич Мария Александровна) — 200, 389, 390, 401, 415, 416, 443, 514, 525, 600, 601, 613.

Мейербер, французский композитор-100, 158, 171, 175, 491, 597,

Мельников Абрам Иванович, архитектор — 337, 338, 581.

Мерзляков Алексей Федорович, поэт — 299, 570.

Метлинский Амвросий Лукьянович, фольклорист, поэт, псевдоним Амвросий Могилы — 254, 257, 368, 369, 380, 389, 553, 587.

Мешков, майор, командир батальона, в котором служил Т. Шевченко — 25, 474, 563.

Микешин Михаил Осипович, художник — 237, 547.

Мин Дмитрий Егорович, врач и перевод-

чик — 209, 210, 215, 412.

Миницкая Ольга Ивановна — 212, 530.

Мирцов Н. И., директор казанского театра — 202, 526.

Михайлов Григорий Карпович, художник — 45, 50, 53, 224, 234, 254, 302, 308, 348, 349, 479, 538, 553.

Мицкевич Адам — 353, 355, 584.

Мои́ла Петр, киевский митрополит XVII в. — 71, 486.

Моллер Федор Антонович, художник — 89, 489, 509.

Мокрицкий Аполлон Николаевич, художник — 211, 212, 230, 258, 530, 556.

Мокрицкий И. Н. — см. Таволга-Мокрицкий.

Мостовский, офицер-артиллерист — 19, 50, 62, 75, 85, 86, 91, 97, 102, 306, 408, 472, 572.

Моцарт — 146, 149, 189, 215, 513.

Мурильо Бартоломео Эстебан, испанский художник XVII в. — 233, 546.

Нагаев Григорий Николаевич, прапорщик — 26, 156, 157, 474.

Наполеон III (Картуш) — 153, 505.

Небольсин Павел Иванович, очеркист — 65, 485.

Незабитовский Степан Андреевич, врач — 108, 493.

Некрасов Николай Алексеевич — 224, 518, 537, 538, 539, 540, 554.

Никитенко Александр Васильевич, академик — 235, 546.

Николай I (Тормоз, Карл Иванович, неудобозабываемый, коронованный фельдфебель) — 24, 25, 117, 120, 131, 140, 154, 161, 183, 188, 203, 337, 412, 462, 473, 474, 477, 492, 495, 496, 505, 515, 519, 522, 543, 545, 564, 565, 581.

Никольский Сергей Родионович, врач — 23, 26, 43, 62, 74, 313, 474, 576.

Никон, патриарх — 158, 507.

Новиков Николай Иванович, выдающийся публицист XVIII в. — 211.

Новицкий Карл Осипович, врач — 109, 494.

Новицкий Николай Дементьевич, офицер, член кружка Чернышевского — 439, 440, 610, 611.

Норов Авраам Сергеевич — 80, 487.

Обер Даниэль Франсуа, французский ком-

позитор — 220, 536.

Обеременко Андрей, рядовой — 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97.

Оболонский Александр Александрович, редактор-издатель ж. «Народное чтение» — 428, 605.

Обручев Владимир Афанасьевич, оренбургский генерал-губернатор — 32, 117, 118, 475, 476, 565.

Обрядин, поручик — 57.

Овербек Фридрих, немецкий художник XVIII–XIX вв. — 409, 597.

Овидий Назон, римский поэт — 24, 336, 474, 581.

Овсянников Павел Абрамович, архитектор — 140, 141, 144, 148, 152, 155, 156, 160, 163, 166, 178, 182, 183, 206, 374, 377, 379, 382, 385, 386, 390, 392, 394, 400, 403, 404, 500, 591.

Огарев Николай Платонович — 496, 518.

Одинцов Евгений Иванович, врач — 109, 493.

Озеров Владислав Александрович, драматург — 42, 478.

Олдридж Аира, актер — 412, 599.

Олейников — 178, 179, 180, 183, 223, 394.

Орлов, граф — 348, 565.

Осипов Николай Осипович, художник — 178, 333, 335, 344, 347, 351, 361, 384, 473, 580, 581, 582, 590.

Оссиан — 312, 314.

Островский Александр Николаевич — 35, 143, 175, 476, 501, 516, 517.

Остроградский Михаил Васильевич, математик — 225, 232, 540.

Одинцов Евгений Иванович, врач — 108, 493.

Павлов Капитон Степанович, учитель рисования — 559.

Паганини Никколо, скрипач — 111, 145.

Падурра Тимко, польско-украинский поэт — 242, 549.

Панов Алексей Панфилович, крепостной скрипач-виртуоз — 111, 145.

Панченко Е. А. — 131, 132.

Парчевский — 418, 421, 423, 426.

Перовский Василий Алексеевич, оренбургский генерал-губернатор — 25, 28, 29, 183, 274, 302, 314, 321, 322, 326, 327, 333, 334, 348, 474, 475, 564, 578, 580.

Петров А. — 9, 308, 573.

Петров Николай Иванович, чиновник, литератор — 230, 234, 236.

Петров Осип Афанасьевич, певец — 220, 221, 224, 228, 536.

Петрова Анна Яковлевна, певица — 224, 228, 538.

Петрович Григорий Фердинандович, капитан — 205, 527.

Петровский Петр Степанович, художник — 45, 147, 149, 479.

Пименов Николай Степанович, скульптор — 337, 581.

Писарев Николай Эверестович, правитель канцелярии Бибикова — 79, 487.

Писарева Софья Гавриловна, жена Н. Э. Писарева — 79, 487.

Писаревский Н. («Физика»), автор учебника — 303, 571, 579.

Писемский Алексей Феофилактович, писатель — 347, 351, 361, 494.

Пиунов Борис, отец актрисы — 200.

Пиунова Екатерина Борисовна, актриса — 152, 180, 182, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 194, 195, 198, 199, 200, 202, 203, 241, 382,

383, 390, 391, 392, 394, 395, 401, 411 (Тетяся), 455, 503, 513, 518, 521, 522, 524, 526, 591, 592.

Плетнев Петр Александрович — 274, 563, 564.

Плещеев Алексей Николаевич, поэт — 313, 316, 321, 322, 324, 329, 575, 576.

Погодин Михаил Петрович, историк — 216.

Погожев Василий Николаевич, инженер — 186, 198, 520.

Полевой Николай Алексеевич («Мать-испанка») — 165, 492, 511.

Полусмакова Гликерия (Ликера) — 443, 444, 445, 447, 541.

Пономарев Федор Павлович, художник — 313, 576.

Понятовский, помещик — 426, 427, 429, 434.

Попов М. И. — 159, 204.

Попов, чиновник III Отделения — 129, 499.

Попов Нил Александрович, историк — 113, 120, 495, 497.

Попов Александр Николаевич, историк — 120, 497.

Попова Анна Николаевна — 152, 154, 503.

Порциенко (Порцианко, «несчастный»), солдат — 29, 31, 475.

Поспелов Ксенофонт Егорович, помощник
А. И. Бутакова — 298, 308, 570.

Посяда, студент Киевского университета —
128, 499.

Потехин Алексей Антонович, драматург —
146, 501.

Прадье Жак, французский скульптор —
337, 581.

Псел Глафира Ивановна, поэтесса («Свяченая вода») — 273, 277, 282, 285, 290, 292, 563, 565.

Пурлевский Савва Дмитриевич, представитель фирмы Семеренко — 428, 605.

Путерен Дмитрий Иванович (Кутерем), врач — 187, 208, 209.

Пушкин Александр Сергеевич — 79, 173, 185, 240, 303, 475, 483, 515, 571.

Пуцин Иван Иванович, декабрист — 161, 163, 508, 510.

Пуцина Анна (Нина), дочь И. И. Пуцина — 161, 163, 177, 178, 191, 508, 509, 593.

Раев Василий Георгиевич, художник — 410, 411, 597.

Разин Степан Тимофеевич — 63, 65, 114,

Рамазанов Николай Александрович, скульптор — 224, 337, 538, 581.

Рафаэль Санти — 283.

Рейковский Донат Михайлович, врач — 182, 519.

Рембрандт — 234, 409, 413, 597.

Ренненкампф В. П. — 125, 499.

Репнина Варвара Николаевна — 159, 210, 215, 258, 259, 270, 272, 273, 275, 278, 280, 282, 283, 284, 288, 291, 293, 296, 307, 319, 334, 391, 394, 410, 469, 508, 555, 562, 566, 567, 568.

Репнина Варвара Алексеевна, мать В. Н. Репниной — 271, 278, 562.

Ретш Фридрих (Реч), художник — 200, 525.

Роде В. М., профессор — 218, 534.

Родзянко Аркадий Гаврилович, помещик — 58, 59, 265, 483, 559.

Родзянко Платон Гаврилович, брат А. Г. Родзянко — 59, 265, 483.

Россини Джоакино — 192.

Рустем Ян, художник — 321, 577.

Рылеев Кондратий Федорович — 270, 499, 500, 562, 570.

Савичев Никита Савич (Савич, «уральский казак») — 212, 311, 318, 481, 530, 563, 577.

Садовский Пров Михайлович, актер — 240, 549.

Сажин Михаил Макарович, художник — 272, 562, 563.

Сазонов Николай Иванович — 153, 505.

Сакен, фельдмаршал — 67, 485.

Салтыков-Щедрин Михаил Ев-графович — 120, 191, 408, 498, 522, 596.

Самарин Иван Васильевич, актер — 214, 531.

Самойлова Надежда Васильевна, актриса — 180, 518.

Самовидец («Летопись») — 351.

Сапожников Александр Александрович — 100, 106, 110, 112, 113, 115, 116, 117, 130, 132, 135, 140, 141, 212, 234, 376, 377, 380, 491, 494, 497, 499.

Светов, купец, молоканин — 121, 498.

Свичка Лев Николаевич, помещик (Павел Викторович) — 80, 487.

Селин Александр Иванович, профессор Киевского университета — 422, 603.

Семенов-Кромаревский Евгений Семено-

вич — 258, 294, 555.

Семенов-Тяньшанский Петр Петрович, географ — 317, 318, 577.

Семеренко Платон Федорович (Симиренко), сахарозаводчик — 418, 425, 428, 430, 431, 432, 439, 604, 605, 610.

Сенчило-Стефановский Алексей Флорович, учитель рисования — 269, 561.

Сераковский Сигизмунд, ссыльный поляк, соратник Чернышевского — 181, 217, 221, 224, 313, 315, 317, 321, 323, 329, 331, 334, 343, 349, 350, 355, 364, 365, 375, 512, 518, 526, 534, 539, 575, 576, 582, 587.

Середницкий Ефстафий (Средницкий), ссыльный поляк — 307, 332, 573.

Сигизмунд III, польский король (Сигизмунд) — 42, 478.

Симиренко — см. Семеренко.

Скобелев — 56, 57, 58.

Скобелев Иван Никитич, комендант Петропавловской крепости, публицист — 57, 255, 482, 553.

Служинский Франц Осипович, гравер — 234, 235, 546.

Сова — см. Желиговский.

Соленик Карп Трофимович, актер — 80, 487, 488.

Соловьев С. М. — 107, 120, 351, 492.

Соколов Иван Иванович, художник — 223, 236, 407, 414, 537, 596.

Сошальский — 219, 220, 225, 228, 230, 231, 240, 536.

Сошенко Иван Максимович, художник — 9, 422, 444, 448, 462, 463, 497, 603, 615.

Ставассер Петр Андреевич, скульптор — 124, 232, 498, 499.

Станевич Ян (И.), ссыльный поляк — 217, 324, 330, 534, 578.

Станкевич Александр Владимирович — 213, 215, 530.

Станкевич Елена Константиновна, жена А. В. Станкевича — 212, 530.

Старое Николай Дмитриевич, педагог — 224, 225, 227, 236, 540.

Стефенсон Джордж, изобретатель — 470.

Стороженко Андрей Яковлевич, историк — 261, 557.

Сухово-Кобылин Александр Васильевич, драматург — 549.

Сухомлинов Михаил Иванович, профес-

сор — 230, 235, 236, 544, 546.

Сю Эжен, французский писатель — 32, 107, 475, 492, 567.

Таволга-Мокрицкий Иван Николаевич (Мокрицкий), чиновник — 218, 452, 616.

Тарасевич — 430, 606.

Тарновский Григорий Степанович — 251, 254, 257, 259, 393, 536, 551, 553.

Тарновский Василий Васильевич (младший), коллекционер — 393, 421, 443, 451, 518, 603, 613, 615.

Тарновский Я. В. — 451.

Тарновская Надежда Васильевна («кумачья») — 423, 604.

Тенерини Пьетро (Танерини), итальянский скульптор — 232, 545.

Тенирс Давид-младший (Теньер), художник — 34, 476.

Ткаченко Федот Леснтьевич (Хтодонт), художник — 258, 293, 439, 446, 450, 555, 569, 611, 613, 615.

Товбич Лев Осипович, чиновник особых поручений — 204, 205, 527.

Толстой Алексей Константинович, поэт —

542, 564.

Толстой Лев Николаевич — 145, 223(?), 340, 501, 537, 538, 581.

Толстой Николай Николаевич, брат Л. Н. Толстого — 223(?), 537, 538.

Толстой Федор Петрович, вице-президент Академии художеств — 16, 83, 86, 154, 156, 165, 175, 178, 217, 224, 228, 240, 302, 303, 326, 333, 347, 372, 374, 375, 380, 382, 386, 402, 403, 404, 410, 416, 471, 506, 512, 526, 540, 571, 579, 580, 582, 607.

Толстая Анастасия Ивановна (графиня Н. И.), жена Ф. П. Толстого — 10, 16, 65, 83, 86, 87, 88, 141, 154, 156, 164, 178, 205, 206, 207, 217, 218, 219, 223, 224, 225, 227, 228, 230, 232, 234, 237, 239, 337, 351, 353, 363, 371, 374, 375, 376, 380, 384, 385, 389, 400, 401, 402, 403, 410, 470, 471, 485, 511, 522, 526, 527, 528, 533, 547, 582, 583, 584, 596.

Тон Константин Андреевич, архитектор — 105, 140, 491.

Тотлебен Э. И., военный инженер, герой Севастопольской обороны — 480.

Траскин Александр Семенович, попечитель — 266, 559.

Тредьяковский Василий Кириллович, поэт — 48,

Тризна Роман Дмитриевич, помещик — 451, 615.

Троцина Константин Елисеевич, помещик — 237, 239, 547.

Троцинский Дмитрий Андреевич, помещик — 431, 432, 433, 434, 435, 436, 438, 440, 606.

Трубецкой Владимир Александрович, председатель суда — 158, 508.

Тур З. В. — 160, 508.

Тургенев Иван Сергеевич — 432, 530, 537, 539, 541.

Тургенев Николай Иванович, декабрист — 154, 505, 607.

Турно Людвик, ссыльный поляк — 307, 321, 330, 331, 334, 343, 573.

Тютчев Федор Иванович — 157, 213, 531.

Тыраноз Алексей Васильевич, художник — 232, 241, 545.

Уатт Джемс, изобретатель — 112.

Уваров Алексей Сергеевич, археолог — 410, 411, 597.

Уваров Сергей — 233, 545.

Улыбышев Александр Дмитриевич (Улыбашев), музыковед — 171, 174, 189, 382, 383, 394, 513, 589, 593.

Усков Ираклий Александрович (новый комендант), комендант Новопетровского укрепления — 28, 29, 63, 85, 88, 97, 198, 301, 307, 313, 314, 317, 319, 322, 333. 341, 344, 352. 359, 360, 363, 366, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 377, 398, 407, 471, 490, 501, 512. 523, 571, 573, 589, 593, 596.

Ускова Агафья Емельяновна, жена И. А. Ускова (Агата) — 305, 313, 317, 319, 320, 325, 344, 378, 398, 400, 408, 572, 575, 577, 579.

Ускова Наталья Ираклиевна (Наташенька), дочь И. А. Ускова — 21, 63, 378, 398, 399, 408, 484, 596.

Устрялов Николай Герасимович, историк — 279.

Уттермарк Николай Иванович (Ультрмарк) — 170, 513.

Федоров Павел Семенович, драматург — 146, 502.

Федотов Павел Андреевич, художник — 34, 35, 476.

Фиалковский Феликс, унтер-офицер — 82, 83, 84, 90, 91, 101, 102, 483.

Флиорковский В. Э., помещик — 436, 437, 440, 441, 447, 467, 468, 607, 610, 611, 612, 614.

Фрейлих — 167, 170, 183, 187, 199.

Фрейман, генерал — 322, 323, 331, 578.

Фультон Роберт, изобретатель — 15, 112, 470.

Фундуклей И. И., киевский губернатор — 269, 561.

Хаиров Ахмет, переводчик — 298, 570.

Харита — см. Довгополенкова.

Хвостов Дмитрий Иванович — 107, 492.

Хлебовский Станислав (Глебовский), художник — 237, 547.

Хмельник Михайло, Чигиринский сотник, отец Богдана Хмельницкого — 351.

Хмельницкий Богдан — 22, 141, 351, 473.

Хомяков Алексей Степанович — 118, 119, 216, 226, 497.

Хропаль Алексей Иванович — 425, 426, 427, 604.

Хрулев Степан Александрович, генерал — 223, 537, 538.

Хун Сю-цюань (Гонг), вождь китайских повстанцев — 121, 498.

Цампиери Доменикино, художник — 146, 502.

Цейзик ссыльный поляк — 306, 317, 324, 325, 572.

Цертелев Николай Андреевич, фольклорист — 262, 557.

Чалый Михаил Корнеевич, педагог, первый биограф Т. Шевченко — 422, 443, 444, 448, 449, 603, 613, 614, 615.

Чельцов Федор Иванович, врач — 108, 493.

Черкасский В. А., реакционный публицист (любитель березовой каши) — 411, 598.

Чернышев Александр Иванович, следователь по делу декабристов — 154, 505.

Чернышев Алексей Филиппович, художник — 274, 564.

Чернышевский Николай Гаврилович — 481, 501, 512, 518, 539, 542, 597, 610.

Честаховский Григорий Николаевич — 406, 596.

Чижов Федор Васильевич, публицист, уче-

ный — 427, 604, 605.

Чичерин Борис Николаевич, профессор — 215, 532.

Шаховской Александр Александрович, драматург — 36, 477.

Шевченко Иосиф Григорьевич, брат поэта — 431, 433, 434, 435, 614.

Шевченко Микита Григорьевич, брат поэта — 432, 433, 435, 436.

Шевченко Варфоломей Григорьевич, свояк поэта — 420, 423, 426, 429, 430, 431, 432, 435, 438, 440, 442, 444, 446, 451, 468, 602, 604, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615.

Шевченко Григорий, отец поэта — 7.

Шевченко Ефросинья (Рузя, Прися), племянница поэта — 421, 423, 424, 433, 434, 437, 439, 442, 448, 602.

Шевченко Ярина Григорьевна, сестра поэта — 427, 429, 430, 432, 435, 436, 439, 440, 442, 443, 445, 447.

Шевченко Катерина Григорьевна, сестра поэта — 436, 439, 609.

Шевырев Степан Петрович, реакционный публицист — 216.

Шекспир — 213, 272, 278, 392, 400, 412, 481, 528, 563.

Ширяев Василий Григорьевич, подрядчик-декоратор — 9, 44, 462, 478, 504.

Шмитгоф Максимилиан Карлович, скрипач — 207, 528.

Шмитгоф Эвелина Карловна, актриса — 188, 207, 522.

Шопен Фредерик — 111, 175.

Шрейдерс Константин Антонович — 150, 156, 159, 160, 167, 168, 170, 183, 187, 201, 204, 392, 393, 400, 402, 502, 592.

Штейнгель Владимир Иванович, декабрист — 228, 239, 543.

Штернберг Василий Иванович, художник — 60, 61, 212, 254, 553.

Шувалов — 222.

Шумахер Петр Васильевич, поэт — 194, 523.

Шумский Сергей Васильевич, актер — 215, 532.

Щепкин Михаил Семенович — 16, 51, 80, 141, 159, 166, 170, 171, 172, 173, 178, 179, 180–182, 183, 184, 186, 190, 191, 198, 201, 202, 204, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 239, 240, 357, 373, 379, 380, 381, 383, 384, 386,

387, 388, 389, 390, 392, 393, 394, 395, 396, 397,
398, 399, 400, 401, 402, 403, 406, 409, 411, 456,
487, 488, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520,
522, 524, 529, 530, 532, 542, 548, 584, 585, 589,
590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 608.

Щепкин Петр Михайлович, сын М. С. Щепкина — 210, 529.

Щепкин Николай Михайлович — 211, 212, 213, 215, 530.

Щербина Николай Федорович, поэт — 223, 224, 311, 532, 536, 537, 575.

Щербина Иван Александрович, директор театра — 198, 202.

Эггерт (Эйгерт) — 39, 477.

Элькан Александр Львович, репортер — 221, 258, 293, 294, 536, 555.

Энгельгардт Василий Васильевич, помещик — 7.

Энгельгардт Павел Васильевич, помещик — 8, 9.

Энгельгардт Василий Павлович, сын П. В. Энгельгардта, музыкант — 225, 235, 540.

Юзефович В. В., чиновник — 215, 235, 236, 239, 546.

Юзефович Михаил Владимирович — 268, 546, 560.

Юнг Эдуард, английский поэт — 307, 573.

Явленский Иван Никифорович — 120, 121, 123, 138, 141, 497.

Якоби—146, 147, 151, 152, 154, 158, 162, 164.

Яковлев Алексей Семенович, актер — 42, 478.

Якубович Иван Александрович, помещик — 81, 488.

Якушкин Евгений Иванович — 211, 213, 530.

Яхненко, помещик — 418, 610.

Украинские слова и выражения, встречающиеся в 5 томе и требующие объяснения[24]

Будынок — здание, дом.

Бытый шлях — большая дорога.

Ватага — стадо; *громадская ватага* — общественное стадо.

Гарбуз — тыква.

Гілля — ветки.

Гірш — хуже.

Гульвиса — повеса, гуляка.

Дидыч — помещик.

До снаги — до крайней возможности.

Доба — пора, время.

Дукач — богач.

Дукач — женское украшение в виде монеты.

Збудований — построенный.

Зіронька — звездочка.

Знивечити — испортить.

Кайданы — цепи.

Комора — кладовая, амбар.

Куныштык — картинка.

Ледащо — лентяй.

Ледве — едва.

Ману пускае — туман наводит.

Марніти — чахнуть, вянуть.

Мизерия — имущество.

На кошт — на средства.

Назнати — открыть.

Незабаром — вскоре.

Одружитися — вступить в брак.

Очима лупать — глазами хлопать.

Повит — уезд.

Позичити — взять взаймы.

Попыхач — тот, кем помыкают

Приборканый — с подрезанными крыльями.

МИ.

Привитати — приветствовать.

Причепуритися — принарядится.

Пустка — нежилой, опустевший дом.

Росташовувать — раскладывать.

Сиррома (сірома) — горемыка.

Став — пруд.

Труна — гроб.

Шевство — сапожное ремесло.

Шклянка — стакан.

Алфавитный указатель к 3, 4 и 5 томам[25]

- А**втобиография Том 5 Стр. 7.
Близнецы Том 4 Стр. 7.
Варнак Том 3 Стр. 157.
Дневник Том 5 Стр. 13.
Капитанша Том 3 Стр. 357.
Княгиня Том 3 Стр. 193.
Музыкант Том 3 Стр. 224.
Наймичка Том 3 Стр. 81.
Назар Стодоля Том 3 Стр. 7.
Никита Гайдай (отрывок из драмы) Том 3
Стр. 66.
Несчастный Том 3 Стр. 297.
Письма Том 5 Стр. 247.
Прогулка с удовольствием и не без морали
Том 4 Стр. 247.
Художник Том 4 Стр. 139.

Примечания

1

Написана на русском языке.

[^^^]

Написан на русском языке

[^^^]

3

Слово отрезано переплетчиком Дневника.

[^^^]

Не закончено автором.

[^^^]

5

Письма, отмеченные звездочкой, писаны на украинском языке, двумя звездочками — на русском и украинском. Украинский текст дается в переводе Н. Ушакова.

[^^^]

6

Текст поэмы см. в 1-м томе.

[^^^]

В оригинале ошибка.

[^^^]

На Аральском море крепость. (Прим. Шевченко.)

[^^^]

Перевод М. Замаховской, т. 2-й настоящего издания.

[^^^]

Начало фразы в подлиннике — на украинском языке.

[^^^]

Термин — срок, (укр.)

[^^^]

Описка Шевченко: Езучевского звали не Осипом, а Василием.

[^^^]

P. S. написан по-русски.

[^^^]

В дореволюционном издании, по которому печатается письмо, здесь цензурная купюра, место это восстановить не удалось.

[^^^]

Перед этим Шевченко дает стихотворения: I. «Доля». II. «Муза» и III. «Слава», датированные 9 февраля 1858 г. См. т. 2-й.

[^^^]

Далее стихотворения «Доля», «Муза», «Слава».

[^^^]

Далее — стихотворение «Когда мы были казаками» (см. 2-й том), в письме озаглавленное «Полякам» и подписанное — Кобзарь Тарас Дармограй.

[^^^]

Далее — стихотворение «Мне б сапожки, я бы тоже...» — см. 2-й том.

[^^^]

Далее — стихотворение «Кабы мне монисто,
родная...» — см. 2-й том.

[^^^]

В автографе: 22 марта 1860.

[^^^]

«Киевская старина», 1885, № II, стр. 131.

[^^^]

Текст Кулиша см. в «Приложении».

[^^^]

В скобках дано написание имен или инициалы, под которыми данное лицо упоминается в текстах Т. Шевченко.

[^^^]

Слова и выражения даны в том начертании, в каком они встречаются в тексте.

[^^^]

Алфавитный указатель к стихотворениям и
поэмам см. во 2 томе.

[^^^]

Комментарии

Впервые — по автографу поэта — «Киевская старина», 1885, № 11, сс. 431–435.

Появление «Автобиографии» непосредственно связано с хлопотами об освобождении родственников поэта из крепостной зависимости, начатыми вскоре после возвращения его в Петербург из поездки на Украину летом 1859 г. Так как помещик В. Э. Флиорковский не соглашался дать вольную, друзья Шевченко решили предать это дело гласности, обратиться против Флиорковского общественное мнение, опубликовать автобиографическое письмо поэта и в нем также упомянуть об этом деле.

Принявшись за автобиографию, Шевченко отошел от этого плана. Особенно подробно он рассказал о своем детстве, о выкупе из крепостной зависимости, перечислил всех, содействовавших его освобождению, в очевидной надежде хотя отчасти развеять «легенду» о выкупе его на средства, будто бы пожертвованные царским семейством. Кулиш сообщил [21] впоследствии, что Шевченко, не будучи в

состоянии написать автобиографию так, как это казалось нужным его благоприятелям, «обратился за помощью ко мне и отдал мне свою рукопись. Я написал от его имени то, что напечатано по его одобрению в «Народном чтении» (1860, № 2, сс. 229–236, «Письмо Шевченко к редактору «Народного чтения»).

«Редактируя» «Автобиографию», в сущности переписывая ее наново, Кулиш исключил из нее все, что могло показаться неприемлемым с точки зрения цензуры; внимание читателя он целиком сосредоточил на рассказе о судьбе талантливого самородка из крепостных — самого Шевченко — до его выкупа. Об остальном говорится коротко в одной многозначительной фразе, ради которой собственно и написана «Автобиография»: «Краткая история моей жизни, набросанная мною в этом нестройном рассказе в угождение вам, — пишет Кулиш, — сказать правду, обошлась мне дороже, чем я думал. Сколько лет потерянных! Сколько цветов увядших! И что же я купил у судьбы своими усилиями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумение своего прошедшего. Оно ужасно, оно тем бо-

лее для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которых мне тяжело было вспоминать в своем рассказе, до сих пор крепостные. Да, милостивый государь, они крепостные до сих пор!»

Как отнесся Шевченко к «редакции» Кулиша? Кроме приведенного выше свидетельства самого Кулиша о том, что поэт ее одобрил, существует упоминание о нем в письме Шевченко к «названному» своему брату Варфоломею 22 апреля 1860 г. (см. в наст. томе). Когда Флиорковский выступил в печати с возражениями, Шевченко отвечал ему («Народное чтение», 1860, № 5, сс. 170–175; «Русский инвалид», 1860, № 142).

Тем не менее вряд ли согласие Шевченко с опубликованным текстом письма было столь безоговорочным, как это изображает Кулиш. Слишком мало соответствовала его стилю умиленная слезливость опубликованного текста «Автобиографии».

В настоящем издании мы публикуем обе редакции «Автобиографии»[22].

Впервые опубликован с большими сокращениями в «Основе», 1861, кн. V–XII; 1862, кн. I–VIII. Цензурные сокращения были восстановлены лишь в советских изданиях, из которых первое — Т. Шевченко, Дневник, Харьков, 1925. Последующие издания дали уточненный, проверенный текст «Дневника»; см. Тарас Шевченко, Повне зібрання творів в десяти томах, т. V, Київ, 1951 (по этому изданию «Дневник» печатается в наст. изд.).

«Дневник» был начат поэтом 12 июня 1857 г. и велся с некоторыми перерывами в продолжение года с небольшим — по 13 июля 1858 г. Однако попытки вести записи собственных впечатлений и наблюдений были у Шевченко и прежде. В письме к В. Н. Репниной 25–29 февраля 1848 г. поэт рассказал, что вел дневник в течение нескольких месяцев («со дня прибытия моего в крепость Орскую»), но, прочитав однажды записанное, «испугался» «однообразно-грустного» его характера и «сжег мой дневник на догорающей свече». Возобновляя дневник в июне 1857 г., Шевчен-

ко имел в виду запечатлеть для самого себя и для близких друзей черты окружающего быта, собственные настроения и проч. Очень скоро дневниковые записи превратились в непринужденную беседу поэта с самим собою. Каждодневные записи создали драгоценнейший биографический документ, безукоризненно правдивый в передаче фактов, искренний до беспощадности в автобиографических признаниях и характеристиках, неизменно точный и непосредственный.

Эти качества «Дневника» отлично поняли первые его издатели, заключившие публикацию в «Основе» следующим комментарием: «Нас упрекали, зачем мы печатали весь «Дневник» сподряд, не исключая многих мелочей — и не занимательных и в то же время слишком обнажавших темные стороны домашней жизни поэта. По мнению этих строгих судей, образ поэта должен оставаться светлым и величавым, как его произведения: следовательно, выбрать лучшие страницы из «Дневника», а не помещать такие подробности, которые прочесть было бы неприятно самому Шевченко. Мы, напротив, жалеем, что

принуждены были выпустить некоторые места, где резко высказывается и его негодование и ненависть, и желчные приговоры и насмешка; мы уверены, что поэт не упрекнул бы нас за это. Шевченко при жизни скрывал только свои душевные думы и самые нежные проявления своего сердца; но никогда не старался скрыть и тем более закрашивать те пятна, которые наложила на него многопечальная и многотрудная жизнь, продержавшая его от колыбели до могилы в черном теле. Он никогда не подымался на ходули, никогда не разыгрывал роли; будучи без малейших усилий истинно возвышен, неподражаемо велик в своих поэтических созданиях... он никогда в жизни не высился во весь рост, становясь рядом рука об руку с людьми обыкновенными, рядовыми. Посмотрите, сколько очаровательных личностей он встречает на каждом шагу, как он восхищается ими и как мало самоуверенности, достоинства самим собою выражается в его «Дневнике»!.. Пускай в напечатанном нами «Дневнике» увидят Шевченко всего, каков он был; пускай из него поймут, что наше пристрастие не то, которое

боится правды для своих любимцев. Тому, кто имел полное право отнестись к своей «Музе» — к своему главному призванию. — с словами:

*Ми не лукавили з тобою,—
Мы просто йшли: у нас нема
Зерна неправди за собою,—
тому не страшна правда»*
(«Основа», 1862, кн. VIII, сс. 19–20).

Эти строки написаны искренним почитателем Шевченко, одним из наиболее близких к нему в последние месяцы жизни людей, — художником Львом Жемчужниковым. Он осуществил и самую публикацию, несмотря на сильнейшее противодействие националистически настроенных помещиков, группировавшихся вокруг «Основы».

[^^^]

3

И в шканечных журналах врут... — то есть в судовых журналах.

[^^^]

4

Как сказал поэт наш... — Далее цитируется четверостишие Алексея Васильевича Кольцова (1809–1842). Книжка его стихотворений, по-видимому, была прислана поэту друзьями в 1848–1849 гг. и находилась с ним в ссылке.

[^^^]

Письмо из Петербурга от Михайла Лазаревского... — Михаил Матвеевич Лазаревский (1818–1867) — один из близких друзей поэта. Он познакомился с Шевченко в Оренбурге, быстро сошелся с ним и вместе с братом своим Федором сделался ближайшим поверенным поэта. В упоминаемом письме 2 мая 1857 г. он писал: «Я узнал только, что третьего дня послана бумага командиру Оренбургского корпуса, что ты... получаешь отставку с предоставлением избрать род и место жизни. Но так ли это — не убежден, потому что сам не видел бумаги и увижу ее только через несколько дней. Потерпи, дружище, немного и, вероятно, сам узнаешь все вернее, нежели я теперь пишу». Одновременно Лазаревский прислал поэту деньги на дорогу из средств, собранных на спектакле в Академии художеств, организованном А. И. Толстой в пользу Шевченко.

Помолившись богу за Фультонову душу... — Шевченко имеет в виду железную дорогу из Москвы в Петербург, открытую в конце 1851 г.; упоминание английского механика Роберта Фультона — ошибка поэта; он имел в виду Джорджа Стефенсона.

[^^^]

Вся переписка моя идет через Гурьев городок...
— во времена ссылки Шевченко уездный город Оренбургской губернии; в нем был расположен штаб 1-го оренбургского линейного батальона, в состав которого входил и гарнизон Новопетровского укрепления. Возможно, при содействии коменданта Новопетровского укрепления И. А. Ускова Шевченко использовал официальную почту крепости, избегая таким образом обязательного просмотра писем начальством. Поэт пишет дальше, что редко получает письма «через Астрахань», то есть обычной почтой.

[^^^]

Батько кошовый Кухаренко... — Кухаренко Яков Герасимович (1798–1862) — генерал-майор, наказной атаман черноморского казачьего войска (поэтому Шевченко и называет его «кошевым»), украинский писатель-драматург. Познакомившись с Шевченко еще в 1842 г., Кухаренко сблизился с ним, деятельно переписывался и поддерживал поэта в ссылке и морально и материально.

[^^^]

Бронислав Залесский (1820–1880) — польский революционер, художник. В 1846 г. за связи с тайными польскими революционными кружками был сослан в Оренбург солдатом. Здесь в 1849 г. встретился с Шевченко и вскоре подружился с ним. Об упоминаемых в «Дневнике» планах путешествия поэт подробно писал Залесскому 10 февраля 1857 г. (см. в наст. томе). По ошибке Шевченко называет в «Дневнике» местопребыванием Залесского «село Чирковичи», следует — Рачкевичи.

[^^^]

Нужно поспешить в Академию художеств...

— Из писем друзей поэт узнал, что об его освобождении хлопочут вице-президент Академии художеств, известный художник-медальер Федор Петрович Толстой (1783–1873) и его жена Анастасия Ивановна (1816–1889). 9 января 1857 г. он писал ей: «Пока я мог взяться за перо, чтобы написать вам хоть что-нибудь, не похожее на настоящую чепуху, я бродил несколько дней вокруг укрепления и не с одним письмом вашим неоцененным, а с вами самими, сестро моя, богу милая! И о чем я не говорил с вами? чего не рассказал, чего не поверил я душе вашей восприимчивой! все — и мрачное минувшее и светлое будущее, все с самомалейшими подробностями... Я до того дошел в своих предположениях, что вообразил себя на Васильевском острове в какой-нибудь отдаленной линии, в скромной художнической келье об одном окне работающим над медною доскою (я исключительно намерен заняться гравированием акватинта. Живописцем я себя уже и вообразить не могу).

Далее воображаю себя уже искусным гравёром, делаю несколько рисунков сепией с знаменитых произведений в Академии и в Эрмитаже, и с таким запасом отправляюсь в мою милую Малороссию, и на хуторе у одного из друзей моих, скромных поклонников муз и граций, воспроизвожу в гравюре знаменитые произведения обожаемого искусства. Какая сладкая, какая отрадная мечта! Какое полное, безмятежное счастье! И я верю, я осязаю мое сладкое будущее. Я посвящаю мои будущие эстампы вашему драгоценному имени, как единственной моей радости, как единственной причине моего безмятежного счастья».

[^^^]

Целковых и аранников... — обиходные названия серебряных рублевиков и неполновесных, обрезанных или истертых червонцев.

[^^^]

Солдаты — самое бедное, самое жалкое сословие. — Свои наблюдения над жизнью солдат Шевченко широко использовал в повестях «Несчастный» и «Близнецы» (см. тт. 3–4 наст. изд.).

[^^^]

Казак Луганский написал книгу... — В. И. Даль (псевдоним «Казак Луганский»), *Солдатские досуги*, СПб. 1843 — сборник рассказов, анекдотов, пословиц и загадок, предназначенных для солдатского чтения. Шевченко, очевидно, знал книгу только по заглавию.

[^^^]

Портрет г. Бажанова... — Имеется в виду подпоручик Николай Ефремович Бажанов, смотритель новопетровского «полугоспиталя». В позднейшем письме к поэту (8 августа 1860 г.) он вспоминал, как они «жили довольно мирно, бродили вместе от нечего делать по саду или так наз. огороду, а иногда спали после сытного обеда под не совсем тенистыми тальниками».

[^^^]

Зашел к Мостовскому... — Офицер-артиллерист Мостовский был одним из немногих, с кем Шевченко общался в Новопетровском укреплении; после отъезда Бр. Залесского поэт был с ним довольно близок и характеризовал его как человека тихого, доброго, хотя «безо всякого понятия о прекрасном» (см. письмо Шевченко к Б. Залесскому, сентябрь — октябрь 1853 г.).

[^^^]

Пришел я на огород... — Осенью 1853 г. были посажены несколько ветел на расстоянии около километра от Новопетровского укрепления; в последующие годы после многих и долгих усилий удалось здесь устроить сад; некоторые деревья ко времени отъезда Шевченко давали уже значительную тень. По преданию, идущему от самого поэта, первая ветла в саду при крепости была посажена им (ср. ниже письмо к Н. О. Осипову, 20 мая 1856 г.).

[^^^]

...и видит бога на земле, как говорит поэт...
— неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива».

[^^^]

Спасибо... Кулишу, что догадался прислать книгу. — Пантелеймон Александрович Кулиш (1819–1897) — украинский литератор, идеолог буржуазного национализма. Сосланный в Тулу по делу Кирилло-Мефодиевского общества, Кулиш еще в самом начале пятидесятых годов получил возможность возобновить литературную работу, а после смерти Николая I поселился в Петербурге, где развил широкую издательскую деятельность. Шевченко упоминает о первом томе изданных им «Записок о Южной Руси» (СПб. 1856) — сборнике этнографических и фольклорных материалов. Восторженное отношение поэта к «Запискам» было вызвано содержательностью опубликованных в них фольклорных записей. «Заметки» поэта по поводу «Записок», о которых упоминается ниже, не сохранились. Можно лишь предполагать, что одно из возражений относилось к замечанию о том, что от дома Хмельницкого в селе Субботове «не осталось уже никаких следов»; среди рисунков Шевченко сохранилась акварель 1844 г. с изобра-

жением «Руин Богдана в Субботове».

[^^^]

Видел во сне Межигорского спаса... — Перечисляются места под Киевом, хорошо памятные Шевченко. Межигорский спас — монастырь в двадцати километрах от Киева вверх по Днепру; монастырь этот, считавшийся «запорожским» (см. т. 2 наст. изд., примечание к стихотворению «Чернец»), в 1787 г. сгорел.

[^^^]

Дзвонковая криньца — ключ, бьющий неподалеку от монастыря.

[^^^]

Выдубецкий монастырь — был основан под Киевом в XI в., по преданию, на том месте, где «выдыбал» потопленный князем Владимиром в Днепре Перунов идол.

[^^^]

Меня на седьмые сутки доставили... — 2 июня 1847 г. Шевченко, на основании царской резолюции, был отправлен с фельдегерем в Оренбург и прибыл туда 9 июня.

[^^^]

Наш лекарь Никольский — старший доктор крепости Сергей Родионович Никольский был «очень умный человек, много читал, он заведовал библиотекой, делал метеорологические наблюдения, но Шевченко, кажется, недолюбливал его» (Воспоминания А. Е. Усковой, «Науковий збірник за рік 1926», с. 170).

[^^^]

Август-язычник, ссылая Назона... — Римский поэт Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) был сослан императором Августом на берега Дуная в местечко Томы (8 г. н. э.) за пренебрежительное отношение к греко-римским богам.

[^^^]

Строптивым гражданином Дантом Алигьери. — Поэт Данте Алигьери (1265–1321) — автор «Божественной комедии», был изгнан в 1302 г. из Флоренции в Равенну.

[^^^]

Майор Мешков — командир 5-го оренбургского линейного батальона, в котором Шевченко находился во время своего пребывания в Орской крепости (1847–1848 гг.).

[^^^]

Бездушному сатрапу и наперснику царя... — Имеется в виду В. А. Перовский, один из ближайших к Николаю I лиц, с 1833 г. правивший «Оренбургской сатрапией». Даже официальный его биограф отзывался о нем как о человеке «строгом, иногда доходившем до жестокости».

[^^^]

Нелепая басня — усердно распространявшийся (не без содействия III Отделения) слух о том, что Шевченко был выкуплен из крепостного состояния на средства царской семьи и что за это «благодаяние» он будто бы заплатил «черной неблагодарностью», окарикатурив своих благодетелей, за что якобы он и был наказан ссылкой и отдачей в солдаты. Начиная с 1847 г., Шевченко многократно протестовал против этой клеветы (ср., например, его письмо к Бр. Залесскому 8 ноября 1856 г.).

[^^^]

Подобно тучегонителю Крониону... — то есть Зевсу, сыну Кроноса, верховному богу греческой мифологии, богу неба, грома, молнии, дождя. Шевченко применяет к нему гомеровский эпитет «тучегонитель».

[^^^]

Шепнуть разве Нагаеву... — Прапорщик Григорий Николаевич Нагаев — один из немногих новопетровских приятелей поэта среди офицеров. Его рукою была переписана повесть Шевченко «Матрос» — «на удивление безграмотная рукопись» (см. запись 25 октября 1857 г.).

[^^^]

Летущего старика Сатурна... — Имеется в виду древнеримский бог посевов и жатвы.

[^^^]

«Москалева криниця» — первое произведение Шевченко на украинском языке, написанное, точнее, возобновленное по памяти после семилетнего перерыва; см., т. 2 наст. изд. («Солдатов колодець»).

[^^^]

«Вперед, вперед, моя исторья...» — цитата из «Евгения Онегина» Пушкина, глава VI, строфа 4.

[^^^]

Некоем полковнике Киреевском. — Об этом полковнике и его жульнических проделках Шевченко писал 22 апреля 1857 г. А. Н. Маркевичу (см. в наст. томе).

[^^^]

Приятелю своему Марковичу... — Андрей Николаевич Маркевич (1830–1907) — сын Н. А. Маркевича (см. о нем в т. 1 наст. изд., примечание к стихотворению «Н. Маркевичу»). Поэт в начале апреля 1857 г. получил от него пачку книг, дружеское письмо, немного денег.

[^^^]

Новым генерал-губернатором Катениным. —
Генерал-адъютант Катенин — один из усми-
рителей польского восстания 1831 г., был 7
апреля 1857 г. назначен вместо В. А. Перовско-
го.

[^^^]

Даже до профоса... — Профосом называли солдата, занимавшегося уборкой нечистот, а также присматривавшего за арестованными и приводившего в исполнение приговоры о телесных наказаниях. Отсюда разговорная форма слова «прохвост» — в смысле негодяя, непорядочного человека.

[^^^]

Порциенко — точнее Порцианко, сын чиновника, сданный в солдаты родителями. Его биографию поэт рассказывает ниже; образ этого «несчастливого», несомненно, отразился в повести Шевченко того же названия (см. т. 3 наст. изд.).

[^^^]

Романы Сю... — Эжен Сю (1804–1857) — французский беллетрист, произведения которого («Тайны Парижа», «Агасфер» и пр.) пользовались в России значительным успехом в 30–40 гг. Отзыв о творчестве Э. Сю Шевченко дал в письме к В. Н. Репниной 7 марта 1850 г. (см в наст. томе).

[^^^]

Довольно видного политика Обручева... — В. А. Обручев — в 1842–1851 гг. оренбургский генерал-губернатор. Иронический эпитет «политик» имеет в виду его двуличие в отношении к Шевченко: первое время Обручев относился к ссыльному поэту очень снисходительно, разрешил прикомандировать его к аральской экспедиции, ходатайствовал о его производстве в унтер-офицеры и т. д. Однако после доноса 1850 г. (см. вступительную статью в т. 1 наст. изд.) он без всяких оснований продержал поэта несколько месяцев под арестом и приказал установить для поэта особенно тяжелый режим.

[^^^]

«Надеждою живут ничтожные умы...» — цитата из «Фауста» Гете в переводе Э. Губера (сцена у городских ворот).

[^^^]

Эрмитаж, еще мною не виденный... — Музей Эрмитажа был переведен в новое здание и открыт для публики в 1852 г. Это новое здание и имеет в виду поэт.

[^^^]

«Казарма» с картины Теньера. — Об этой картине голландского художника Теньера (правильнее Тенирса Давида, младшего) и также в связи с К. Брюлловым Шевченко упоминает в повести «Художник» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Мне теперь более всего нравится гравюра. — О желании заняться по возвращении в Петербург гравировальным искусством Шевченко не раз упоминал и в письмах этого времени. Сразу же по приезде в Петербург Шевченко с необычайной энергией занялся офортом.

[^^^]

Притчу о блудном сыне... — Против этих слов на полях рукописи «Дневника» рукою М. М. Лазаревского написано: «Эти рисунки у меня, но их всего 6 или 7». Проект задуманной серии не был осуществлен полностью: до нас дошло всего девять рисунков, вероятно все, что было сделано.

[^^^]

Покойник Федотов... — художник Павел Андреевич Федотов (1815–1852), родоначальник русской жанровой живописи. Шевченко имеет в виду его картину «Приезд жениха».

[^^^]

«Свои люди — сочтемся» Островского. — Комедия Александра Николаевича Островского (1823–1886) «Свои люди — сочтемся» была написана в 1847–1848 гг. и напечатана в «Москвитяине», 1850, кн. 6, март. По анонимному доносу комедия была вторично рассмотрена высшим цензурным органом, который признал, что ее появление на сцене могло бы «внушить прискорбные мысли и чувства тем из нашего купеческого сословия, которые дорожат своею честью и славой». С этим мнением согласился и Николай I, положивший резолюцию: «Совершенно справедливо, напрасно печатано, играть же запретить». Под запретом комедия оставалась до 1861 г., хотя ее ставили отдельные группы любителей. В частности, по свидетельству ротного командира Шевченко, Г.М. Косарева, «Свои люди — сочтемся» были поставлены в Новопетровском укреплении, причем Шевченко исполнил очень хорошо роль Ризположенского (см. Н. Д. Н., На Сыр-Дарье у ротного командира, «Киевская старина», 1889, № 3, сс. 536–538).

[^^^]

«Ревизор» Гоголя — был одним из любимейших произведений Шевченко, едва ли не с самого появления на сцене (1836).

[^^^]

Говорил Н. Данилевский... — Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) — естествоиспытатель и статистик; два года подряд, в 1853 и 1854 гг., посещал Новопетровское укрепление в составе ученой экспедиции по исследованию рыболовства на Волге и в Каспийском море. Шевченко довольно близко сошелся с ним и в письмах к Бр. Залесскому (9 октября и 8 ноября 1854 г.) очень тепло о нем отзывался.

[^^^]

«Двумужницы» князя Шаховского. — Александр Александрович Шаховский (1777–1846) — драматург, ожесточенный противник Карамзина, Жуковского и других писателей «новой школы». Пьесы его довольно долго не сходили с репертуара, особенно в провинции. Это относится и к «Двумужнице».

[^^^]

Замиравшая старуха — то есть впадавшая в летаргический сон.

[^^^]

Мадам Эйгерт — точнее Эггерт, жена ново-петровского ветеринара, вышедшего в 1852 г. в отставку и переселившегося в Оренбург.

[^^^]

Двух провозвестников любви и мира — христианских апостолов Петра и Павла.

[^^^]

Так называемые учителя вселенские подрались... — Шевченко имеет в виду так называемый первый Никейский церковный собор (325), на котором было осуждено учение священника Ария, отрицавшего одну из догм христианства. По преданию, один из противников Ария, «святой» Николай, не находя словесных аргументов против него, ударил его по лицу.

[^^^]

Пошел я к Зигмунтовским... — Владелец маркитантской лавочки в Новопетровском укреплении Константина Николаевича и Софью Самойловну Зигмунтовских поэт несколько раз вспоминает в «Дневнике» (см. также запись 14 июля 1857 г.); уже находясь в Петербурге, он получил от Зигмунтовского несколько писем.

[^^^]

Сигизмонда, вероятно, Третьего. — Польский король Сигизмунд III (1566–1632) известен многочисленными авантюрами.

[^^^]

Случилось с ним таинственное происшествие. — Следующий затем эпизод является схематическим пересказом повести О. Бальзака «Любовь под маской».

[^^^]

Имел блестящий успех в ролях Эдипа, Фингала, Димитрия Донского. — Герои трех чрезвычайно популярных в первых десятилетиях XIX в. трагедий Владислава Александровича Озерова (1769–1816) — «Эдип в Афинах», «Фингал», «Димитрий Донской».

[^^^]

По проискам знаменитого учителя Каратыгина Яковлева... — Алексей Семенович Яковлев (1773–1817) — актер-трагик, особенно прославившийся исполнением заглавных ролей в трагедиях Озерова.

[^^^]

К южному полюсу вместе с Лазаревым. — Адмирал Михаил Петрович Лазарев (1788–1851), будучи лейтенантом, принял участие в известной экспедиции к Южному полюсу Ф. Ф. Беллинггаузена в 1819–1821 гг.

[^^^]

Между Ливорно и Сингапуро. — Ливорно — одна из северных провинций Италии. Сингапур — остров у южной оконечности полуострова Малакки (Азия). Прованс — южная провинция Франции. Эти географические несообразности рассказней Зигмунтовского и дали повод поэту иронически заметить об его «удивительном знании географии».

[^^^]

Послал я с пароходом письмо М. М. Лазаревскому. — Письмо это, датированное 30 июня 1857 г., см. в наст. томе.

[^^^]

В Петергофе праздник. — 1 июля ежегодно в Петергофе устраивалось многолюдное гулянье по случаю пуска знаменитых фонтанов.

[^^^]

Я был тогда в ученье у маляра... — О «комнатном живописце» Ширяеве см. примечания к повести «Художник» (4 т. наст. изд.).

[^^^]

На Бердовском пароходе — то есть на старинном деревянном пароходе, какие строились в России начиная с 1813 г. частной фирмой Р. Берда и использовались на ближних линиях.

[^^^]

В числе любимых учеников, Петровского и Михайлова... — близкие товарищи Шевченко по Академии художеств — Петр Степанович Петровский (1814–1842) и Григорий Карпович Михайлов (1814–1867). О них, равно как и о К. Брюллове, см. в примечаниях к повести «Художник», т. 4 наст. изд.

[^^^]

И даже подумываю иногда о тиснении. — Эта первая после ссылки мысль о возобновлении литературной деятельности получает затем на страницах «Дневника» дальнейшее развитие.

[^^^]

«Пора, пора душой смириться...» — цитата из стихотворения Василия Степановича Курочкина (1831–1875), поэта и переводчика, революционного демократа, впоследствии близкого знакомого Шевченко. Стихотворение, из которого взята цитата («Как в наши лучшие года»), позднее Шевченко полностью переписал в свой «Дневник» (см. запись 29 ноября 1857 г.).

[^^^]

«Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1834–1864 гг.; приобрел широкий успех среди маловзыскательных читателей, особенно провинциальных, благодаря фельетонам и статьям О. Сенковского (Барона Брамбеуса), реакционного публициста.

[^^^]

Перевод Курочкина из Беранже прочитаешь...
— В «Библиотеке для чтения» были опубликованы следующие переводы В. С. Курочкина из Беранже: «Весна и осень» и «Падающие звезды» (1855, № 12), «Старушка» (1856, № 1), «Как яблочко румян» (1856, № 3), «Третий муж» (1856, № 6), «Барышни» (1856, № 7), «Тоска по родине» (1856, № 8), «Умеренность» (1856, № 9). Интерес к переводам Курочкина из Беранже Шевченко сохранил и позднее (см. письмо от 21 января 1858 г. М. М. Лазаревскому). Стихотворение Беранже «Навуходоносор» Шевченко списал в дневниковую тетрадь; списал также стихотворение Курочкина «На смерть Беранже».

[^^^]

Некто г. Афанасьев или Чужбинский — Александр Степанович Афанасьев (1817–1877) — русско-украинский беллетрист и этнограф, выступавший в печати под псевдонимом А. Чужбинский. Дневниковые записи Шевченко дают совершенно точное представление о нем. После смерти Т. Шевченко выступил с воспоминаниями о нем (А. Чужбинский, Воспоминания о Т. Г. Шевченко, СПб. 1861), содержащими ряд небезинтересных биографических подробностей.

[^^^]

Прошлой зимой в фельетоне «Русского инвалида»... — повидимому, приветственные стихи Афанасьева герою севастопольской обороны Э. И. Тотлебену, напечатанные в «С.-Петербургских ведомостях», 1856, № 2; в «Русском инвалиде» стихи Афанасьева не появлялись. На полях рукописи «Дневника» М. М. Лазаревский в данном месте сделал ироническую приписку: «Замечательно, что «Основа» зачитала три стихотворения А. Чужбинского за Шевченко».

[^^^]

Но встретиться с тобою не желаю. — Небезинтересно сопоставить с этим замечанием позднейший рассказ А. Афанасьева о встрече с поэтом в Петербурге после возвращения Шевченко из ссылки: «Войдя в мастерскую Т. Г. в Академии, я застал его за работой: он гравировал. На вопрос мой, узнает ли он меня, Шевченко отвечал отрицательно, но сказал, что по голосу, кажется, не ошибся и назвал меня по имени. Я бросился было обнять его, но он заметил по-русски: «Не подходите — здесь вредные кислоты. Садитесь». Минута, эта была для меня чрезвычайно тягостная... Мы поговорили немного. Он был холоден и хоть несколько раз припоминал прошедшее, однако не так, как ожидалось мне от этого свидания» (А. Чужбинский, Воспоминания о Т. Г. Шевченко, СПб. 1861, с. 36).

[^^^]

Искорени друзей, подобных Афанасьеву, Бархвицу и Апрелеву... — С подпоручиком Бархвицем Шевченко несколько сблизился зимою 1848 г. и даже одолжил ему более шестидесяти рублей. Денег этих Бархвиц не возвратил и, после того, как поэт был вынужден обратиться с жалобой на него по начальству, отперся от своего долга и даже просил «поступить с рядовым Шевченкою по всей строгости законов за ложное предъявление претензии» («Киевская старина», 1891, № 2, сс. 334–335). Апрелев — офицер-кавалергард, то есть действительно принадлежавший к наиболее привилегированной части офицерства. Личность упоминаемого далее «земляка» поэта «некоего Соколовского» не установлена.

[^^^]

Эскиз Гвидо Рени... — итальянский художник (1575–1642). Несколько его картин находятся в Эрмитаже.

[^^^]

Грубо раскрашенная литография Калама. — Александр Калам (1810–1864) — швейцарский художник-пейзажист.

[^^^]

На лукьяновский ростбиф... — О слуге К. Брюллова Лукьяне см. в повести «Художник» (т. 4 наст. изд.).

[^^^]

«*Записки артиста*» — «Из записок артиста» («Современник», 1847, т. I, сс. 77–89). Продолжение «записок» печаталось от случая к случаю в различных журналах и газетах.

[^^^]

Я думал об «Осаде Пскова» и о «Гензерихе» Брюллова. — Об этих брюлловских картинах см. в повести «Художник» (т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Из моей библиотеки, которую я знаю наизусть всю. — Несмотря на исключительно неблагоприятные условия, Шевченко собрал в ссылке небольшую библиотечку из разновремененно присланных ему книг. Посетивший Новопетровское укрепление весной 1854 г. Н. Савичев вспоминает, что в казарме, где жил поэт, у него над головою была пристроена полка с книгами; среди книг Савичев запомнил «исторические драмы Шекспира в переводе Кетчера» («Казачий вестник», 1884, № 53). Были там также стихотворения Лермонтова и Кольцова, несколько исторических книг, присланных О. М. Бодянским и др., в том числе упомянутая ниже «История Донского войска» Ригельмана.

[^^^]

«*Esetyka czyli umnictwo piekne, przez karola Libelta*» — то есть «Эстетика, или Наука о прекрасном» Кароля Либельта. Кароль Либельт (1807–1875) — философ, активный участник польского национально-освободительного движения. В работах по философии и эстетике выступал как эклектик-идеалист, пытавшийся согласовать самые противоречивые взгляды. Под влиянием реакционного гегелевского тезиса о «народе, воплощающем высшую степень развития мирового духа» Либельт пытался создать некую особую «славянскую философию». Роль «избранного народа» отводилась им при этом польскому народу; это давало основу для развития польского буржуазного национализма. Идеалистической эклектикой пронизаны также эстетические взгляды Либельта, изложенные в двухтомном труде, попавшем в руки Шевченко. В дальнейших записях Шевченко оживленно полемизирует с идеалистическими высказываниями польского философа; одновременно поэт формулирует на страницах «Дневника»

собственный взгляд на искусство— взгляд художника-реалиста. Подобно Чернышевскому и Добролюбову Шевченко делал верный материалистический вывод о действительной общественной роли художника, о необходимости для него активно вторгаться в действительность, содействовать ее развитию и обновлению.

[^^^]

Галичу и... Василию Ивановичу Григоровичу...
— Александр Иванович Галич (1783–1848) — профессор философии Петербургского университета, автор «Опыта науки изящного» (СПб. 1825), который, видимо, имел в виду Шевченко. Отрицательное мнение поэта об этой книге, вероятно, было вызвано ее метафизичностью, скудостью фактических сведений. Василий Иванович Григорович — конференц-секретарь Академии художеств и преподаватель в ней эстетики. О нем см. также в т. 1 наст. изд. примечание к поэме «Гайдамаки».

[^^^]

С Либельтом я немного знаком по его «Деве Орлеанской»... — Имеется в виду исторический очерк Либельта, изданный в Познани в 1847 г. и посвященный истории борьбы французского народа за свою национальную независимость в XV в. Шевченко, очевидно, познакомился с нею при посредстве товарищей по ссылке — поляков.

[^^^]

Капитан Косарев — непосредственный начальник ссыльного поэта Георгий Михайлович Косарев (1818–1891); оставил о нем воспоминания, записанные несколькими лицами («Киевская старина», 1889, № 3, сс. 561–566; 1893, № 2, сс. 240–243; 1898, № 2, сс. 36–41). Воспоминания эти являются одним из немногих источников, характеризующих жизнь поэта в ссылке.

[^^^]

Адмирал Васильев — астраханский военный губернатор.

[^^^]

Балагура «Русского инвалида» Скобелева... — Имеется в виду генерал, комендант Петропавловской крепости Иван Никитич Скобелев (1778–1849); под псевдонимом «Русский инвалид» выпустил ряд книжек (например, «Беседа русского инвалида, или Новый подарок товарищам», СПб. 1838, и др.), предназначенных для солдатского чтения и щедро уснащенных прибаутками, пословицами, анекдотами.

[^^^]

Залетел в Эдикуль... — тюрьма для государственных преступников в Константинополе.

[^^^]

Видел во сне ... Аркадия Родзянку... — Аркадий Гаврилович Родзянко (1790–1846) — помещик Полтавской губернии, в молодости поэт, приятель А. Пушкина, Жуковского и др. В письме к Родзянко Пушкин называет его «наместником Феба и Приапа», то есть дает ему такую же характеристику, как и Шевченко. По воспоминаниям сына Родзянко, Шевченко, захав к нему в имение, покинул его внезапно, ни с кем не простившись, возмущенный пощечиной или подзатыльником, которым наградил в его присутствии дворецкий какого-то дворового мальчика («Южный край», 1887, 15 декабря).

[^^^]

К его брату Платону... — П. Г. Родзянко был в 1844–1847 гг. уездным хорольским предводителем дворянства.

[^^^]

Иосиф Вернет. — Клод Жозеф Верне (1714–1789) — французский художник-маринист. Ряд его картин находится в Эрмитаже.

[^^^]

В 1839 году Жуковский... — О своем впечатлении от привезенных Жуковским из Германии рисунков Шевченко рассказал также в повести «Художник» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Корнелиуса, Гессе и других светил мюнхенской школы живописи. — Мюнхенская школа сложилась в живописи в 20—30-х гг. XIX в. и характеризовалась романтическим увлечением стариною, стремлением подражать средневековым образцам. Петер Корнелиус (1783—1867), например, провозглашал возврат искусства к итальянским примитивам XV в.; Петер Гесс (1792—1871) увлекался батальными сюжетами из военного прошлого Германии и т. д.

[^^^]

В архитектуре Кленца... — Лео Кленце (1784–1864) — немецкий архитектор; создал в Мюнхене ряд публичных зданий, эклектически подражая образцам античности и Ренессанса. Шевченко в своей записи очень тонко подметил разительное несоответствие зданий, сооруженных Кленце, и картин художников «мюнхенской школы», которые предназначены их украшать.

[^^^]

Вошел в кабинет князь Вяземский. — Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) — известный поэт и критик, друг Пушкина и Жуковского.

[^^^]

Несколько топорных чертежей Бруни... — Федор Антонович Бруни (1799–1875) — художник, ректор Академии художеств и начальник ее мозаического отдела. Из его картин особенно известен «Медный змий» (ныне в Русском музее, Ленинград); о ней упоминает Шевченко дальше.

[^^^]

Наташенька — дочь коменданта Новопетровского укрепления Ускова; ей принадлежат воспоминания о поэте («Киевская старина», 1889, № 2).

[^^^]

Переносился на палубу парохода «Меркурия» или «Самолета»... — названия пароходных компаний на Волге.

[^^^]

«Уж сколько раз твердили миру» — не вполне точная цитата из басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица».

[^^^]

Тихо запел гайдамацкую песню. — В воспоминаниях о Шевченко часто упоминается о его пении, привлекавшем слушателей простотой, изяществом, живой экспрессией, глубоким бархатным голосом (см., например, «Киевская старина», 1890, № 2; 1897, № 2; 1899, № 2 и др.). Особенно часто упоминается об исполнении поэтом названной и в данной записи песни «Зіронька» («Звездочка»). Приводим здесь ее начало по варианту, записанному в в Каневском уезде, неподалеку от могилы Шевченко:

*Ой, зійди, зійди ти, зіронька, та
вечірня.
Ой, вийди, вийди ти, дівчино моя
вірная...
Рада-б зірка зійти — чорна хмара
наступає,
Рада-б дівка вийти — так мату-
ся не пускає,
А зіронька зійшла — усе поле
освітила,
А дівчина вийшла — козаченька
звеселила,
Освітила поле дрібними*

*зірочками,
Звеселила парня чорними
брівочками.*

(П. П. Чубинский, Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, т. V, СПб. 1874, с. 135). Как упоминает Шевченко в «Дневнике», эту песню он пел на свадьбе у П. Кулиша 27 января 1847 г. Об этом позднее вспоминал и сам Кулиш: «Такого или хотя равного этому пению я не слышал ни в столице, ни на Украине. Все гости обратились в слух, и, едва Шевченко оканчивал одну песню, все просили его петь другую. Свадебный пир обратился в национальную оперу. Невеста в знак благодарности подарила певцу-поэту свой венчальный цветок. Она тем подарком приветствовала его грядущее величие, которого она так желала» (П. Куліш, Хуторна поезія, Львов, 1882, с. 26).

[^^^]

Молодая жена Кулиша — Александра Михайловна (1828–1911), впоследствии украинская писательница; выступала в печати под псевдонимом Ганна Барвинок.

[^^^]

Вследствие недавнего чтения «Алексея Одно-рога»... — Историческая повесть Николая М. (П. А. Кулиша) была напечатана в «Современнике», 1853, т. XXXVI, отд. I, сс. 61—140; т. XXXVII, отд. I, сс. 9—78, 161—224.

[^^^]

Семен Гулак-Артемовский — Семен Степанович Гулак-Артемовский (1813–1873), певец и композитор (автор известной комической оперы «Запорожец за Дунаем», 1863), близкий друг Шевченко еще с начала 40-х годов.

[^^^]

Первое радостное письмо из Петербурга от графини Толстой... — Письмо А. И. Толстой 8 октября 1856 г. полностью неизвестно в печати. В опубликованном отрывке А. И. Толстая так писала о своих хлопотах относительно освобождения поэта из ссылки: «Все, что можно было сделать, сделано. Надеюсь в скором времени дать вам весть, а может быть увидеться с вами лично, а до тех пор да не возмущается душа ваша безнадежностью! Смело обращайтесь ко мне с вашими нуждами, как бы вы обратились, не скажу к матери (у меня старшая дочь 13 лет), но как к родной сестре вашей».

[^^^]

Враль Небольсин — очеркист, историк и этнограф. Шевченко имеет в виду его статью «Уральцы» («Библиотека для чтения», 1855, № 4, отд. I, сс. 95—165; № 5, отд. I, сс. 44—98), действительно посвященную В. И. Далю.

[^^^]

Какой-нибудь Железнов... — Резко отрицательное отношение Шевченко к очеркам И. Железнова («Уральцы. Очерки быта уральских казаков», СПб. 1859), с реакционных позиций идеализировавшего казачество, интересно сопоставить с отзывом о них Н. А. Добролюбова («Современник», 1859, № 2, сс. 266–273).

[^^^]

Портретисты вроде Зарянка — о художнике
Зарянке см. прим. к повести «Музыкант», т. 3
наст. изд.

[^^^]

Фельдмаршал Сакен — генерал-фельдмаршал, командующий I армией в конце 20-х и начале 30-х гг., жил в Киеве, так что Шевченко мог слышать о нем, так же как и о киевском митрополите Евгении Болоховитинове (1767–1837), ученом историке и библиографе.

[^^^]

В продолжение двухлетнего плавания... — В июне 1848 г. Шевченко был прикомандирован в качестве художника к «описной» экспедиции по изучению Аральского моря. Из экспедиции поэт возвратился в Оренбург в ноябре 1849 г.

[^^^]

В требнике Петра Могилы... — Петр Могила (1596–1647) — киевский митрополит, церковно-политический деятель. Требник — богослужебная книга, содержащая молитвы на разные случаи.

[^^^]

В экспедиции Бэра... — Выдающийся естествоиспытатель Карл Максимович Бэр (1792–1876) в 1851–1856 гг. занимался изучением рыбоводства на Каспийском море, в 1853–1854 гг. экспедиция его дважды посетила Новопетровское укрепление.

[^^^]

Гебрийский город Баку... — Гебрами назывались последователи древней зороастрийской религии, сохранившиеся в Персии после арабского завоевания. Часть гебров жила в районе Баку.

[^^^]

На началах Триестской Ллойды... — австро-английская пароходная компания.

[^^^]

В какой-то татарской лачуге нашел М. Лазаревского... — Сон поэта воспроизвел впечатления первых месяцев ссылки. Как вспоминал позднее Ф. М. Лазаревский, с ним тогда жил Левицкий, «и Тарас Гр[игорьевич] с обоими нами был сердечно прост, и мы сразу стали друзьями». И дальше: «Гость остался у нас ночевать... Шевченко прочел нам наизусть свою поэму «Кавказ», «Сон» и др., пропел несколько любимых своих песен: неизменную «Зіроньку», «Тяжко-важко в світі жити»... Мы все пели. Левицкий обладал замечательно приятным тенором и пел с большим чувством. Были минуты, когда слезы сами собою катились из глаз, а гость наш просто рыдал» (М. Чалый, Из воспоминаний Ф. М. Лазаревского о Шевченке, Киев, 1899, сс. 3–4).

[^^^]

Морфей исполнил мою молитву... — Замысел «эпопеи» «Сатрап и Дервиш» не был осуществлен поэтом. Имеются все основания предполагать, что началом этого замысла явился отрывок, известный под редакционным заглавием «Юродивый» (см. т. 2 наст. изд.)

[^^^]

Ренегата Николая Эврестовича Писарева — правитель канцелярии киевского генерал-губернатора, впоследствии — олонецкий губернатор (а не вологодский, как пишет Шевченко). Жена его — любовница Бибикина, поэтому-то Шевченко иронически называет ее «целомудренной помощницей» мужа, наглого и беззастенчивого взяточника.

[^^^]

Безрукий Бибиков — в 1837–1852 гг. киевский генерал-губернатор, позднее министр внутренних дел. Шевченко знал его лично, так как Бибиков был председателем Киевской Археографической комиссии, в которой служил Шевченко в 1845–1847 гг.

[^^^]

У меня в запасе один план... — Можно предполагать, что поэт имеет в виду использовать историю рядового Скобелева, рассказанную выше, на страницах «Дневника» (см. запись 8 июля).

[^^^]

Библейский циник. — «Циником» Шевченко называет библейского пророка Илию за неистовость и беспощадность обличений религиозных новшеств.

[^^^]

Если верить Норову... — Имеется в виду пяти-томное описание «Путешествий по Сицилии, святым местам, Египту и Нубии» (СПб. 1854), составленное А. С. Норовым.

[^^^]

Ильинская ярмарка в Ромне — известна была еще с середины XVIII в. и привлекала торговцев со всех краев России и из-за границы. В 1852 г. была переведена в Полтаву, чтобы «поднять значение бедного доходами губернского города».

[^^^]

В палатке покойного Павла Викторовича Свички. — Полтавский помещик. Записанный в «Дневнике» анекдот о нем Шевченко упомянул также в повести «Близнецы» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Во время контрактов в Киеве — то есть во время киевской контрактной ярмарки, происходившей ежегодно между 5 и 25 февраля.

[^^^]

Видел гениального артиста Соленика в роли Чупруна. — Карп Трофимович Соленик (1811–1851) — актер, пользовавшийся громадной известностью на Украине. Гоголь приходил от его игры в восторг и старался уговорить его перейти на петербургскую сцену. Однако Соленик остался в провинции и большую часть своей театральной жизни провел в Харькове. Здесь видел его также Щепкин и отзывался о нем, как об одном из «замечательных артистов», «человеке с громадным дарованием». К числу ролей, в которых талант Соленика проявлялся во всем блеске, относилась роль Чупруна в водевиле И. П. Котляревского «Москаль-чарівник». По отзыву современников-театралов, в этой роли он был «лучше Щепкина», — это совпадает с впечатлением Шевченко.

[^^^]

«*Не пылит дорога*»... — строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Из Гете» («Горные вершины»).

[^^^]

С распутным стариком Якубовичем... — роменский помещик Иван Александрович Якубович. Его младший сын был калекою, поэтому Шевченко называет его Квазимодо, по имени героя романа В. Гюго «Собор парижской богородицы».

[^^^]

Получил Залесского письмо. — В письме от 30 мая 1857 г. Бронислав Залесский поздравлял поэта со свободой и строил планы встречи с ним, совместных занятий живописью, совместной жизни.

[^^^]

С Фиалковским пили чай... — Феликс Фиалковский — унтер-офицер, поляк, сданный в солдаты за попытку бежать в 1848 году за границу к венгерским повстанцам.

[^^^]

Он не может дать мне пропуск... через Астрахань. — 21 июля с официальной почтой из Уральска комендант Новопетровского укрепления получил «предписание» от командира батальона о том, что Шевченко и четверо ссыльных поляков «уволены от службы» и что всех их надлежит «отправить к батальонному штабу в город Уральск, с выключкою из списочного состояния».

[^^^]

С помощью друзей моих Бюрно и Герна... — Генерал, военный инженер Карл Иванович Бюрно осенью 1856 г. приезжал в Новопетровское укрепление и очень сблизился с Шевченко (см. письмо поэта к Брониславу Залесскому 8 ноября 1856 г.). Полковник Карл Иванович Герн, адъютант Перовского, близко сошелся с поэтом в Оренбурге в 1849–1850 гг.

[^^^]

Пошлю эти две тетради моего журнала... —
Это намерение не было осуществлено. Рукопись дневника была подарена поэтом М. М. Лазаревскому в июле 1858 г.

[^^^]

Дубельтовым дурнем... — то есть двойным.

[^^^]

Вазари переживет целые легионы Либеллов... — О Джордже Вазари, итальянском художнике и историке искусств, см. повесть «Художник» (т. 4 наст. изд.)

[^^^]

Художественную новость, вычитанную им в «Русском инвалиде». — Картина Александра Андреевича Иванова (1806–1858) «Явление Христа народу», над которой художник работал двадцать лет (1837–1857), в следующем году была привезена в Россию и выставлена в Петербурге. В настоящее время — в Государственной Третьяковской галерее, в Москве. Упоминаемая немного дальше «Мария Магдалина» — картина А. А. Иванова «Явление воскресшего Христа Марии Магдалине» (1836); за нее художнику было присвоено звание академика. Об Иванове Шевченко упоминает также в повести «Художник» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Аматоры решительно восхищались... — Вос-
торженное письмо Гоголя «Исторический жи-
вописец Иванов» было напечатано в «Вы-
бранных местах из переписки с друзьями».

[^^^]

Граф де Кенси написал отличнейший трактат... — работа французского археолога Катрмера де Кенси (1755–1849), в которой доказывалось, что мраморные статуи античных ваятелей покрывались красками. Это было принято враждебно большинством художников и историков искусств; как видно, неодобрительно отнесся к этой мысли и Шевченко.

[^^^]

О картине Моллера... — Имеется в виду картина Федора Антоновича Моллера (1812–1874) «Проповедь ап. Иоанна на о. Патмосе» (в настоящее время — в Русском музее, Ленинград).

[^^^]

В виде товарища и мехоноши... — Мехоношами на Украине назывались поводыри кобзарей, носившие с собою все нехитрое имущество в мешке (торбе, міху).

[^^^]

Ираклий Александрович внезапно согласился...

— В приказе об увольнении Шевченко «от службы» особо оговаривалось «воспрещение» ему «въезда в обе столицы и жительство в них, с тем чтобы он имел жительство впредь до окончательного увольнения его на родину в г. Оренбурге». Так как оговорки эти не были сообщены коменданту Новопетровского укрепления, он согласился выдать поэту билет на проезд и жительство его в Петербурге; впоследствии он объяснял, что сделал это «в том уважении, дабы он, Шевченко, мог воспользоваться без излишних задержек и потери времени переехать на место жительства своего в г. С.-Петербург ближайшею дорогою через город Астрахань», а также принимая во внимание, что «отправление Шевченко... в г. Уральск сделает ему разницы более тысячи верст лишних». За проявленную поспешность в отправке Шевченко Усков получил «строгое замечание», а сам поэт был задержан на длительное время в Нижнем-Новгороде.

[^^^]

Исключая Ригу... — В Риге Шевченко, сколько известно, никогда не был и упоминает о ней, вероятно, с чужих слов.

[^^^]

По причине Макарьевской ярмарки... — Самая крупная и наиболее известная в России Макарьевская ярмарка существовала с XVI в. и с 1817 г. проходила в Нижнем-Новгороде (15 июля — 25 августа). Ярмарка привлекала торговцев со всей России и из-за границы, преимущественно с Востока (Китай, Персия и др.).

[^^^]

Плац-адъютант Бурцов... — прапорщик Лев Александрович Бурцов был одним из друзей Шевченко. Позднее в письмах к Усковым поэт неизменно передавал Бурцову приветы.

[^^^]

Здание, во вкусе Гваренги... — Джакомо Кваренги (1744–1817) — русский архитектор, выдающийся представитель классицизма.

[^^^]

Дом Сапожникова... — Александр Александрович Сапожников — крупный рыбопромышленник и пароходовладелец, в детстве (начало 40-х гг.) был, видимо, учеником Шевченко в Петербурге. Как явствует из «Дневника», знакомство было возобновлено по инициативе Сапожникова: поэт проделал на его пароходе весь путь от Астрахани до Нижнего-Новгорода. На этом возобновленное знакомство и прекратилось: 20 марта 1858 г. в Москве, а 4 мая уже в Петербурге Шевченко пытался было навестить астраханского миллионера, но не был принят. В семействе Сапожниковых долгое время сохранялись рисунки Шевченко; в настоящее время большая часть их находится в шевченковском музее в Киеве.

[^^^]

Она задрезжала увертюру «Роберта-Дьявола»... — Опера французского композитора Мейербера (1791–1864), не сходявшая со сцены в 30—40-х гг.

[^^^]

*У щеголя, краснобородого кизылбаши... — то
есть у купца перса, красившего бороду хной.*

[^^^]

«*Описание города Астрахани*» — М. С. Рыбушкин, «Записки об Астрахани», М. 1845.

[^^^]

Написал радостные письма друзьям... — Письмо к К. И. Герну не сохранилось; письмо к М. М. Лазаревскому, оригинал которого не сохранился, печатается обычно с неверной датой: 14 августа (см. в наст. томе)

[^^^]

Простой русский мужичок... — В упомянутой выше книге М. С. Рыбушкина об астраханском Успенском соборе сообщалось: «Достоинно замечания, что зодчим этого великолепно-го здания был крестьянин Дорофей Макишев. По договорной цене ему заплатили за сей труд 100 руб.» («Записки об Астрахани», М. 1845, с. 30).

[^^^]

Не мешало бы Константину Тону поучиться... — Константин Андреевич Тон (1794–1881), архитектор, слепо и безвкусно осуществлявший в многочисленных своих постройках указания и пожелания Николая I.

[^^^]

Я увидел на полках запыленный «Вестник Европы»... — «Вестник Европы», журнал, основанный Н. М. Карамзиным, издавался в 1803–1830 гг.; «Московский телеграф», прогрессивный журнал, издававшийся Н. А. Полевым (1825–1834 гг.). Граф Д. И. Хвостов (1757–1837) — поэт-графоман. «Дух законов» — трактат французского философа-просветителя Шарля Монтескье (1689–1755). Немного ниже — Эжен Сю (1804–1859) и Александр Дюма (1803–1870) — французские беллетристы, пользовавшиеся в 30—50-х гг. громадным успехом у читателей.

[^^^]

Первая книжка «Русского вестника» за 1856 год... — «Русский вестник» — журнал умеренно-либерального направления, начал издаваться с 1856 г. М. Н. Катковым; с начала 60-х гг. Катков «повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, с. 250). В привлечшей внимание Шевченко книжке были помещены следующие произведения: 1) неизданный отрывок из первого тома «Мертвых душ», найденный в рукописях Гоголя, 2) «Древняя Россия» С. М. Соловьева, 3) «Старушка» — повесть Евгении Тур, 4) отрывок из воспоминаний («Гимназия — период второй») С. Т. Аксакова, 5) «Карл V» П. Н. Кудрявцева, 6) «Пушкин» М. Н. Каткова, 7) «Об Океании и ее жителях» — чтение Т. Н. Грановского, 8) «Современная летопись». Сообщение, произведшее на поэта сильное впечатление, помещено в «Учено-литературном обозрении». Обозреватель рассказывает об обследовании ряда памятников старины в Екатеринославской губернии, где раскопан «один из громаднейших

курганов, находящихся на юге России»; далее дается описание кургана (сс. 31–32). Это сообщение Шевченко ошибочно отнес к известному ему по народным историческим песням кургану — Савур-могиле, между тем как в статье имелся в виду другой памятник.

[^^^]

Вооружившись туркменским чапаном... — чапан (чепан) — род верхней одежды.

[^^^]

Записи 15–20 августа сделаны посторонними лицами, новыми знакомыми поэта, узнавшими о его приезде благодаря одному из жильцов дома, где поселился Шевченко. Автор первой записи — преподаватель истории и географии астраханской гимназии Иван Петрович Клопотовский, учившийся в Киевском университете. Он называет Шевченко своим профессором, так как перед самым арестом поэт был назначен преподавателем рисования в Киевском университете, как можно предполагать, выполнял преподавательские обязанности и раньше. Позднее Клопотовский рассказывал, что в Астрахань поэт прибыл почти без всякой одежды, — в поношенном до последней степени солдатском форменном платье, рваных сапогах, белья у него почти не было, денег — ни гроша... В квартире Клопотовского была устроена домашняя выставка живописных работ, привезенных с собою Шевченко из Новопетровского укрепления; там же поэт выступал с чтением своих стихотворений (Василий Кларк, Т. Г. Шевчен-

ко в Астрахани — «Русская старина», 1896,
№ 3, сс. 656–657).

[^^^]

Степан Андреевич Незабитовский — врач, также питомец Киевского университета, окончивший курс в 1854 году.

[^^^]

Евгений (Евтихий) Иванович Одинцов — врач.

[^^^]

Федор Иванович Чельцов — военный врач, окончил Киевский университет в 1853 г. На память о встрече Шевченко подарил ему полученное в Новопетровском укреплении «свидетельство» о том, что на полуострове Мангышлаке «никакой эпидемической болезни не имеется»; на обороте «свидетельства» поэт написал отрывок из «Царей». Позднее, в 1860 г., Шевченко прислал Ф. И. Чельцову экземпляр «Кобзаря» (СПб. 1860) с дарственной надписью.

[^^^]

Иван Рогожин из дружбы к Перфилу... — Вся эта запись сделана рукою Ф. И. Чельцова и, повидимому, является пересказом распространенного народного анекдота о черте, убившемся солдатской службы.

[^^^]

В. Кишкин. — Владимир Васильевич Кишкин (1825–1911) — капитан парохода «Князь Пожарский», на котором Шевченко немного спустя проехал от Астрахани до Нижнего-Новгорода. «Старое знакомство», о котором говорит В. Кишкин в своей записи, повидимому относится ко времени пребывания поэта в Новопетровском укреплении: до 1857 г. Кишкин служил в военном флоте.

[^^^]

Из трех лиц, расписавшихся в этот день в «Дневнике» поэта, мы только о первом из них, Карле Осиповиче Новицком, знаем, что он был врачом, окончил Виленскую медико-хирургическую академию.

[^^^]

Перевод польской записи: «Красноречие немногим досталось в удел; мне же, лишенному этого божественного дара, остается только молча удивляться и благословлять творческую твою мощь, святой народный пророк-мученик Малороссии. Нынешнее твое пребывание среди нас делает меня совершенно счастливым, и минуты общения никогда не изгладятся из моей памяти. О, стократ, стократ благословляю тот драгоценный день, в который небо позволило мне близко познакомиться с тобою, ревностный и смелый глашатай слова правды. Пусть же эти несколько слов напоминают тебе, поэту-художнику, глубокое почитание уважающего тебя Томаша Зброжка». Автор этой записи Фома Иванович Зброжек— врач, окончил Киевский университет в 1850 году.

[^^^]

Земляки мои... — О них, примерно за год до настоящей записи, сообщал поэту А. Ф. Писемский, приехавший в Астрахань вскоре после посещения Новопетровского укрепления. «На одном вечере, — писал он, — я видел человек с двадцать ваших земляков; они, читая ваши произведения, плакали и благоговейно говорили о вас. Я сам писатель и не желал бы себе большей славы и популярности, как такое заочное уважение. Пусть же оно станет вам утехой в житье вашем безрадостном».

[^^^]

Знакомство с Александром Александровичем... — По воспоминаниям современников, Сапожников устроил в его честь катание на пароходе. Для того, чтобы снабдить Шевченко деньгами, несколько привезенных им с собою рисунков были разыграны в лотерею и достались Сапожникову.

[^^^]

И я не сделал еще ни одного очерка. — В Киевском государственном музее Т. Г. Шевченко хранится ряд карандашных эскизов, сделанных поэтом на пароходе во время поездки по Волге.

[^^^]

«Королеву Варвару» Попова... — Речь идет об «историческом рассказе» историка Николая Александровича Попова (1833–1891) «Королева Варвара» («Русский вестник», 1857, № 1).

[^^^]

Мать его живет в Саратове... — С Татьяной Петровной Костомаровой (1798–1875) поэт встретился на следующий день. Как вспоминал впоследствии Н. И. Костомаров, Шевченко провел у нее несколько часов. «Здесь он передал ей обращенное к моему имени стихотворение, написанное им во время нахождения под следствием по тому случаю, что он неожиданно увидел из окна комнаты, в которой сидел арестованным, мою мать, проходившую мимо» («Русская старина», 1880, № 3, сс. 601–602). Стихотворение это («Н. Костомарову») см. в т. 1 наст. изд.

[^^^]

Она мне показывала письма... — Н. И. Костомаров уже с начала 50-х годов получал разрешения на поездки в Крым для лечения, а в 1856 г. он был вовсе освобожден от полицейского надзора. «Первым желанием моим в то время было поехать за границу», — писал он в «Автобиографии». Поездка заняла несколько месяцев; Костомаров занимался в шведских архивах (отсюда — письмо его из Стокгольма, о котором упоминает Шевченко), а затем несколько месяцев ездил по Швейцарии, Германии и т. д.

[^^^]

Это число напомнило нам роковое 30 мая 1847 года. — В этот день состоялось объявление всем привлеченным по кирилло-мефодиевскому делу приговора и «конфирмации» Николая I.

[^^^]

Вынул из моей бедной коморы какую-то песенку. — Речь идет об автографе какого-то стихотворения. В ссылке поэт не хранил при себе автографов своих украинских стихотворений и отправлял их на сохранение друзьям. Кроме того, после прибытия в Новопетровское укрепление в продолжение почти семи лет Шевченко почти вовсе не писал украинских стихов. Приходится предположить, что поэт отдал один из черновых набросков «Солдато-ва колодца» либо, что речь идет о каком-то неведомом лирическом стихотворении, написанном после мая 1857 г.

[^^^]

Собачий пир из Барбье, Бенедиктова... — Один из замечательных образцов французской революционной поэзии, связанной с революцией 1830 года, принадлежавший поэту Огюсту Барбье (1805–1882). Стихотворение впервые было напечатано без подписи в сборнике, составленном Герценом и Огаревым («Русская потаенная литература XIX столетия», ч. I, Лондон, 1861, сс. 350–354), но еще до того получило значительное распространение во многих списках и в различных «потаенных тетрадах». Владимир Григорьевич Бенедиктов (1807–1873) — поэт, появление книги стихов которого в 1835 году «произвело страшный шум и гвалт», по определению одного из современников. Именно в это время создавалась известность Бенедиктова как «певца кудрей и прочего тому подобного», — эти слова Шевченко основаны на стихах, которые являются, если можно так выразиться, экстрактом всей поэзии Бенедиктова:

*Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат,*

*Кудри — кольца, струйки, змейки.
Кудри — шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыпьтесь дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!*

Статьи Белинского раскрыли читателям подлинное существо поэзии Бенедиктова, далекой от запросов передовой общественной мысли. В середине 50-х гг. Бенедиктов снова напомнил о себе стихотворениями, затрагивавшими «гражданские» вопросы, вроде привлекавших внимание Шевченко переводов из Барбье — «Вход воспрещается», «На новый 1857 год». Текст «Собачьего пира» Шевченко списал в «Дневник» 16 сентября 1857 г.

[^^^]

Огромного нашего Тормоза... — Этот так понравившийся Шевченко выразительный герценовский эпитет Николая I поэт, вероятно, вычитал в полученной от капитана В. Кишкина «Полярной звезде на 1856 г.» (об этом издании см. ниже). Здесь, в отрывке из «Былого и дум» (часть I, глава 6), читаем: «Все это принадлежит к ряду безумных мер, которые исчезнут с последним дыханием этого тормоза, попавшегося на русское колесо, вместе с законом о пассах (то есть паспортах. — И. А.), о религиозной нетерпимости и пр.» (с. 133).

[^^^]

Как выразился Искандер... — то есть Герцен; этим псевдонимом, в частности, подписан и отмеченный отрывок «Былого и дум» в «Полярной звезде».

[^^^]

Из своей заветной портфели... — В николаевскую эпоху потаенные тетради (или портфели) стали хранилищами всего, подвергавшегося цензурным гонениям. Не все в этих тетрадях и портфелях одинаково ценно. Однако в общей массе своей эти тетради и портфели интересны для суждения относительно роста общественного сознания. Портфель капитана Кишкина, насколько мы знаем его по «Дневнику» Шевченко, несомненно, сыграл значительную роль в приобщении вчерашнего ссыльного солдата к проблемам, волновавшим передовых людей России.

[^^^]

Явленский Иван Никифорович — родственник
А. А. Сапожникова.

[^^^]

«Кающуюся Россию» Хомякова... — Перепи-
санное в «Дневнике» дальше стихотворение
Алексея Степановича Хомякова (1804–1860),
поэта и публициста, воинствующего славяно-
фила, написано в 1854 г. и является свиде-
тельством недовольства существующим по-
литическим положением, захватившим даже
консервативные группы. Стихотворение бы-
ло напечатано уже после смерти автора; до
того оно распространялось в массе списков. В
шевченковском «Дневнике» списано еще раз
16 апреля 1858 г.

[^^^]

Во сне видел... милую Дуню. — О любви шестнадцатилетнего крепостного казачка к молоденькой швее Дуне Гусиковской поэт позже рассказывал своему другу И. М. Сошенко. «Я в первый раз пришел тогда к мысли, — говорил он, — отчего и нам, крепачкам, не быть такими же людьми, как другие свободные сословия?» (М. К. Чалый, *Жизнь и произведения Т. Г. Шевченко*, Киев, 1882, с. 21).

[^^^]

Нужно будет прочитать... «Турецкую войну»... — «Турецкая война в царствование Федора Алексеевича» («Русский вестник», 1857, март, кн. 2, сс. 143–180; апрель, кн. I, сс. 285–328); статья принадлежит не Нилу Попову, как полагал Шевченко, но Александру Николаевичу Попову.

[^^^]

Как хороши «Губернские очерки»... — «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина) печатались в «Русском вестнике» 1856–1857 гг. Очерк «Матушка Мавра Кузьмовна» опубликован в «Русском вестнике», 1857, апрель, кн. 2, сс. 509–570.

[^^^]

Листок... «Русского инвалида»... — Внимание поэта привлекла статья «Новейшие сведения о действиях китайских инсургентов» («Русский инвалид», 1857, № 163), освещавшая события народного, так называемого тайпинского, восстания против маньчжурской династии в Китае. Шевченко обратил внимание на процитированные в ней выдержки из речи руководителя восстания Хун Сю-цюаня, которого Шевченко вслед за автором статьи неточно называет Гонгом.

[^^^]

В Самаре живет богатый купец Светов... — Религиозная секта молокан отрицала внешнюю обрядность и церковную иерархию официальной православной церкви, которая преследовала всякие секты, широко используя государственно-полицейский аппарат. Кальвинизм — одна из разновидностей западноевропейского протестантства.

[^^^]

Это Царев курган... — Записанная в дневнике легенда о происхождении Царева кургана — одна из многих, бытующих в народе. Шевченко сделал два эскизных наброска кургана карандашом.

[^^^]

Воронцов назвал в своих Мошнах гору... — Шевченко прочитал о Святославовой горе в статье польского историка и археолога Грабовского «Парк князя М. С. Воронцова в Киевской губернии» («Современник», 1853, № 4, кн. 2, отд. VI, сс. 242–257), однако не запомнил, что автор ее как раз и говорил об отсутствии оснований для того, чтобы называть холм в Мошнах Святославовою горою.

[^^^]

Взглянуть на монумент Карамзина... — Памятник Н. М. Карамзину в Симбирске был сооружен в 1845 году по проекту скульптора С. И. Гальберга. Центральное место в памятнике занимает фигура древнегреческой музы истории Клио, вылепленная товарищем Шевченко по Академии художеств Петром Андреевичем Ставассером (1816–1850); о нем поэт упоминает также в повести «Художник» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

По случаю освобождения крепостных крестьян... — Первое упоминание в «Дневнике» об освобождении крестьян убедительно показывает, как мало склонен был Шевченко воодушевляться широко распространенной либеральной болтовней по этому поводу. Несколько дальше он с большим сочувствием записывает рассказ о крестьянском восстании в селе Знаменки, а еще позже с глубокой горечью упоминает о «кротких мужичках», пришедших к нижегородскому губернатору просить управы на помещика, «вместо того чтобы просто повесить своего грабителя».

[^^^]

Некий гер Ренненкампф... — председатель
симбирского уголовного суда.

[^^^]

Как истинный Терсис Посошков... — то есть как персонаж какой-нибудь сентиментальной идиллии.

[^^^]

Монумент певца Екатерины... — Имеется в виду памятник Г. Р. Державину, поставленный перед зданием Казанского университета (позднее был перенесен на Театральную площадь).

[^^^]

Не помнит ли он Посяду и Андрузского... — Два студента Киевского университета, привлеченные к делу Кирилло-Мефодиевского общества. Оба они были по окончании следствия направлены в Казанский университет.

[^^^]

Дубельт с своими помощниками (Попов и Дестрем). — Имеются в виду управляющий III Отделением Дубельт и видные чиновники III Отделения.

[^^^]

Вытащил из-под спуда «Полярную звезду» 1824 года... — Альманах, издававшийся в 1823–1825 гг. декабристами А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым. Последнему принадлежат также упоминаемые две поэмы, отрывки из которых были прочитаны В. Кишкиным и А. Сапожниковым. Отрывки из поэмы «Войнаровский» («Юность Войнаровского», «Бегство Мазепы» и «Смерть Войнаровского») напечатаны в «Полярной звезде» за 1824 г.; отрывки же из поэмы «Наливайко» («Смерть Чигиринского старосты», «Киев», «Исповедь Наливайко») — в «Полярной звезде» за 1825 г. Таким образом, капитан являлся владельцем двух книжек альманаха либо оба произведения были списаны в его «заветную» тетрадь. После казни Рылеева все его произведения, даже появившиеся в свое время в печати «с дозволения цензуры», были запрещены и обрацались в массу списков.

«Русскому народу» — стихотворение Петра Лавровича Лаврова (1823–1900), социолога и публициста, идеолога народничества. В «Дневнике» списаны лишь первые 96 строк большого (около трехсот строк) стихотворения, как пишет поэт ниже — «прелюдия к превосходнейшему стихотворению». Полностью стихотворение было опубликовано в герценовских «Голосах из России», кн. IV, Лондон, 1857, сс. 30–39.

[^^^]

Зашел в гимназию к Бобржицкому... — А. А. Бобржицкий — учитель латинского языка нижегородской гимназии, окончил Киевский университет в 1848 г.

[^^^]

Приношение благодарного потомства гражданину Минину и кн. Пожарскому. — В 1826 г. в Нижнем-Новгороде был поставлен кирпичный обелиск в память Минина и Пожарского вместо запроектированного сперва величественного памятника.

[^^^]

«Голос из России», лондонское издание... — Непериодическое герценовское издание «Голоса из России» начало выходить в середине 1856 г. Шевченко мог читать первые два или три сборника (книга третья вышла в середине июня 1857 г.).

[^^^]

Отправился к Павлу Абрамовичу Овсянникову.
— П. А. Овсянников — нижегородский архитектор. В «Дневнике» упоминается о сделанном Шевченко портрете Овсянникова; судьба портрета неизвестна.

[^^^]

Читал «Богдана Хмельницкого» Костомарова... — «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России» — первое печатное выступление Н. И. Костомарова после снятия запрещения заниматься научной работой и печататься — Шевченко читал, очевидно, в «Отечественных записках», 1857, №№ 1–8; отдельной книгой работа эта вышла в 1859 г. Отзывы об этой работе в дневниковых записках, а также в некоторых письмах (например, к М. М. Лазаревскому 19 октября 1857 г., см. в наст. томе) убедительно показывают, что всего более привлек поэта в ней интерес исследователя к жизни народа. В положительном своем отношении к работе Костомарова Шевченко перекликался с отзывом Н. Г. Чернышевского в «Современнике» (см. Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. IV, М. 1948, с. 702).

[^^^]

Прочитал комедию Островского «Доходное место»... — «Доходное место» А. Н. Островского впервые опубликовано в «Русской беседе», 1857, № 1, и тотчас же вышло отдельным изданием — М. 1857.

[^^^]

Прочитал «Рассказ маркера» графа Толстого. — Рассказ Л. Н. Толстого «Записки маркера» появился в «Современнике», 1855, № 1, сс. 9—26, за подписью Л. Н. Т. К тому времени, когда рассказ читал Шевченко, эти инициалы уже не составляли секрета для читателей. Неудовлетворенность поэта, как явствует из дневниковой записи, была вызвана сказовой манерой Толстого, точнее тем, что образ центрального героя не всегда совпадал со стилистической его характеристикой.

[^^^]

Я представляю себе мое возвращение в Оренбург сомнительным. — В результате этого посещения нижегородский полицмейстер возвратил Ускову, коменданту Новопетровского укрепления, выданный им поэту «билет» и одновременно сообщил, что «рядовой из бывших художников Тарас Шевченко» «прибыл в Нижний-Новгород 20 сентября в расстроенном состоянии здоровья, который был мною освидетельствован вместе с городским врачом и по освидетельствовании он оказался не могущим следовать в обратный путь впредь до совершенного выздоровления» («Русская старина», 1891, № 5, с. 446).

[^^^]

Давали народную сентиментально-патриотическую драму Потехина... — Алексей Антипович Потехин (1829–1908) — драматург, бытописатель крестьянства. Драма «Суд людской — не божий» была первым его драматическим произведением.

[^^^]

Водевиль — «*Коломенский нахлебник*» — одна из многочисленных переделок французских водевилей, осуществленных П. С. Федоровым.

[^^^]

Эта драгоценность принадлежит кисти Гверчино. — Франческо Барбieri (1591–1666), прозванный Гверчино, то есть косоглазый, — итальянский художник, основатель болонской академии художеств. Упоминаемый ниже художник Доменикино Цампиери (1581–1641) был хорошо знаком Шевченко, так как Карл Брюллов копировал одну из его картин «Евангелист Иоанн» (см. в повести «Художник», т. 4 наст. изд.).

[^^^]

За святыми финансами... — то есть за деньгами, собранными для поэта петербургскими его друзьями.

[^^^]

Запись сделана полуграмотным слугой, нами она дается с соблюдением современной орфографии.

[^^^]

Видел драму Коцебу «Сын любви». — Плодовитый немецкий писатель и драматург Август Коцебу (1761–1819) имел успех у невзыскательной мещанской публики.

[^^^]

За драмою последовала «Путаница». — Водевиль, переделанный с французского.

[^^^]

К милейшему Константину Антоновичу Шрейдерсу... — Чиновник нижегородской казенной палаты К. А. Шрейдерс (ум. 1894) оставил о Шевченко воспоминания (Г. П. Демьянов, Т. Г. Шевченко в Нижнем-Новгороде, «Исторический вестник», 1893, № 5, сс. 336–344; ср. также «Исторический вестник», 1893, № 8, сс. 881–882; «Нижегородские губернские ведомости», 1893, № 30, 31), которые, несмотря на подчеркнутое стремление к анекдотичности, несмотря на ряд перепутанных за давностью времени фактов, дают общее представление об обстоятельствах жизни Шевченко в Нижнем-Новгороде.

[^^^]

Известного путешественника Петра Егоровича Ковалевского... — у Шевченко описка: имеется в виду, конечно, Егор Петрович Ковалевский (1811–1868), путешественник, общественный деятель, председатель Литературного фонда.

[^^^]

Краткое историческое описание Нижнего-Новгорода. — Имеется в виду работа Николая Храмцовского «Краткий очерк истории и описание Нижнего-Новгорода», ч. I, Нижний-Новгород, 1857. Книга сохранялась в библиотеке Шевченко до конца его жизни.

[^^^]

Он угостил меня брошюрой Искандера. — А. И. Герцен (Искандер), Крещеная собственность, издание второе (с новым предисловием автора), Лондон, 1857. Предисловие Герцена ко второму изданию полно возмущения по поводу того, что крепостное состояние по прежнему остается, «как было, язвой, пятном, тем безобразием русского быта, которое смиряет нас и заставляет, краснея и с поникнувшей головой, признаться, что мы ниже всех народов в Европе». «Нет даже начала освобождения крестьян... Зачем подымались ополченцы, зачем мужик нес свой труд, свою копейку, свою кровь в защиту бездушному престолу, который с лепетом о своей благодарности возвратил его розгам господина и каторжной работе на барщине». Эти слова Герцена должны были привлечь внимание поэта, который затронул эту проблему в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» («Матрос») (см. в т. 4 наст. изд.).

Рисовал карандашом портрет Анны Николаевны Поповой... — жена видного нижегородского чиновника. Местонахождение портрета неизвестно.

[^^^]

Пиунова была естественна и грациозна. — Это первое упоминание в «Дневнике» об Екатерине Борисовне Пиуновой, в замужестве Шмидгоф (1843–1909), которую вскоре поэт увлекся настолько, что даже сватался; история этого увлечения подробно рассказана в «Дневнике». Сама Пиунова оставила воспоминания, записанные Н. Ф. Юшковым («К истории русской сцены. Е. Б. Пиунова-Шмидгоф в своих и чужих воспоминаниях», Нижний-Новгород, 1889; также — «Волжский вестник», 1889, №№ 300–303).

[^^^]

На Большом, театре... — Большой театр в Петербурге помещался против здания Мариинского театра, на том месте, где ныне консерватория. При постройке здания Большого театра (1826–1836 гг.) Шевченко, тогда еще крепостной ученик мастера Ширяева, работал над оформлением плафона зрительного зала.

[^^^]

В клубе за «Пчелой»... — то есть за чтением «Северной пчелы», официозной газеты, издававшейся Булгариным и Гречем в 1825–1864 гг. Газета пользовалась своеобразной монополией на печатание иностранной информации; это побуждало публику читать ее, несмотря на отвратительный, торгашеско-доносительский характер ее.

[^^^]

Познакомился с неким г. Варенцевым... — Инспектор нижегородского дворянского института Виктор Гаврилович Варенцов (1824–1867), педагог и фольклорист, в 1854–1857 гг. учительствовал в Саратове, где довольно близко сошелся с Костомаровым. Университетским товарищем Костомарова не был.

[^^^]

Кулиш издал второй том «Записок о Южной Руси». — Под свежим впечатлением сообщения Варенцова Шевченко просил 19 октября М. М. Лазаревского прислать ему оба тома «Записок». 10 ноября 1857 г. он записывает, что получил от Кулиша пачку книг.

[^^^]

В Москве, между молодежью, ходит письмо Костомарова... — Слух о таком письме не соответствует действительности и порожден, вероятно, репутацией Костомарова — вчерашнего политического ссыльного, а также его заграничной поездкой. Упомянутое здесь же письмо Герцена, «адресованное тому же лицу», — «Письмо к императору Александру Второму», опубликованное за подписью Искандер в «Полярной звезде на 1855», сс. 11–14. Это — одна из тех его «либеральных апелляций» к верхам, которые, по справедливому замечанию В. И. Ленина, «нельзя теперь читать без отвращения» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, с. 12). Весь пафос этого письма — стремление убедить царя дать землю крестьянам, так как «она и так им принадлежит», призыв «смыть с России позорное пятно крепостного состояния, залечить синие рубцы на спине наших братии» и т. д. был вовсе чужд Шевченко, который возвращался из ссылки с твердым убеждением, что крепостное право вместе с царем и помещиками должно быть

уничтожено в результате народного восстания.

[^^^]

Журнал под названием Посредник, редактор Сазонов... — Нелепый слух о создании журнала вызван был, повидимому, тем, что в 1857 г. Николай Иванович Сазонов (1815–1862), университетский друг Герцена, в течение многих лет политический эмигрант, обратился к царскому правительству с просьбой разрешить ему возвратиться на родину. Читатели заграничных бесцензурных изданий могли усмотреть в этом некий сложный ход и создать на подобном шатком фундаменте басню, которою угощал Шевченко его новый знакомец.

[^^^]

«*Le Nord*» — русская правительственная газета, издававшаяся на французском языке в Брюсселе.

[^^^]

Коронованный Картуш — так Шевченко назвал Наполеона III, который в результате государственного переворота 2 декабря 1851 г. провозгласил себя императором. Картуш — известный французский разбойник XVIII века.

[^^^]

С Иваном Александровичем Анненковым... — И. А. Анненков (1802–1870) по приговору следственной комиссии по делу, декабристов был осужден на двадцатилетнюю каторгу. С 1835 г. жил в Сибири на поселении, в 1857 г. возвратился в Россию и поселился в Нижнем-Новгороде.

[^^^]

Добродушно подтрунивает над фаворитами...

— А. И. Чернышев был членом следственной комиссии по делу декабристов и, по воспоминаниям одного из декабристов, поступал «всех пристрастнее и недобросовестнее»; впоследствии стал военным министром и председателем Государственного совета. В. В. Левашев по поручению Николая I проводил первые допросы арестованных; впоследствии также был председателем Государственного совета.

[^^^]

Говорили о возвратившемся из изгнания Николае Тургеневе. — Николай Иванович Тургенев (1789–1871) — один из виднейших декабристов, с 1819 г. жил за границей и, привлеченный к делу декабристов, остался в эмиграции. После амнистии приехал (май — июль 1857 г.) ненадолго в Россию. Книга, о которой шла речь у Якоби, — трехтомный мемуарно-публицистический труд «La Russie et les russes» («Россия и русские»), Париж, 1847.

[^^^]

Получил письмо от М. Лазаревского и два письма от... Залесского. — Письмо М. М. Лазаревского из Петербурга от 12 октября служит ответом на письмо Шевченко от 8 октября и проникнуто заботой о поэте, о скорейшем его вызволении из нижегородского «сидения». Он же переслал Шевченко два письма Бронислава Залесского (20 августа и 15 сентября 1857 г.), адресованные уже в Петербург; Залесский сообщает относительно продажи нескольких живописных работ шевченковских и заочно знакомит поэта с одной своей приятельницей, «страстной любительницей искусства», сделавшейся убежденной поклонницей мастерства Шевченко.

[^^^]

Через президента нашего Марию Николаевну... — то есть через старшую дочь Николая I, с 1852 года числившуюся президентом Академии художеств. В воспоминаниях Е. Ф. Юнге, дочери Ф. П. Толстого, сохранен выразительный эпизод, характеризующий подлинное отношение великой княгини к благородному делу освобождения Шевченко из ссылки. Первоначально, по просьбе Ф. П. Толстого, она согласилась подписать ходатайство за ссыльного художника-поэта. Но после того как Александр II вычеркнул Шевченко из списка амнистируемых «политических преступников», она сочла невозможным какое бы то ни было дальнейшее свое участие в этом деле. «Ну, так я сам, — цитируем Е. Ф. Юнге, — от своего имени подам прошение!» — сказал разгоряченный отец. «Что с вами, — сказала великая княгиня, — я, сестра, не смею этого сделать, а вы...» — «А я подам!» — «Да вы с ума сошли!» — воскликнула великая княгиня. Отец, несмотря ни на что, исполнил свое намерение» («Воспоминания Е. Ф. Юнге», книгоизда-

тельство «Сфинкс», сс. 127–128).

[^^^]

Написал и отослал письма моим милым друзьям М. Лазаревскому и Б. Залесскому. — Письмо к Брониславу Залесскому не сохранилось; письмо к М. М. Лазаревскому 19 октября 1857 г. см. в наст. томе.

[^^^]

Рукопись моего Матроса... — Имеется в виду повесть «Прогулка с удовольствием и не без морали», первоначально называвшаяся «Матрос, или Старая погудка на новый лад» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

При свете великолепного пожара... — Как явствует из сообщения «Нижегородских ведомостей», 1857, № 45, пожар разразился на территории ярмарки и уничтожил большое количество деревянных построек.

[^^^]

Андрею Кирилловичу Кадинскому... — Речь идет об А. К. Кадницком; его фамилию Шевченко и в других случаях пишет неправильно.

[^^^]

Бумага гласит... — Поэту была предъявлена справка III Отделения о том, что он «уволен от службы», «с учреждением за ним там, где он будет жить, надзора впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности, с воспрещением ему въезда в обе столицы и жительства в них».

[^^^]

В эпилоге к Черной раде... — Имеется в виду статья П. Кулиша «Об отношении малороссийской словесности к общерусской. Эпилог к «Черной раде» («Русская беседа», т. III, № 7, сс. 123–145). В восторженной характеристике творчества Шевченко, который «из местных явлений жизни создал целый мир новой, никем до него не сознанной поэзии», его произведения на украинском языке противопоставляются всем его попыткам овладеть русским поэтическим языком. Кулиш неоднократно пытался отвратить Шевченко от публикации написанных в ссылке на русском языке повестей.

[^^^]

Нарисовал церковь пророка Ильи... — Этот рисунок («Пророк Илия (церковь пророка Илии в Нижнем-Новгороде) с частью Кремля на втором плане») был позднее подарен поэтом А. О. Козачковскому.

[^^^]

Родился знаменитый патриарх Никон... — Патриарх Никон (Никита Минов, 1605–1681) осуществил ряд церковных реформ (исправление богослужебных книг, унификация обрядов и пр.), вызвавших церковный раскол.

[^^^]

Ходил к Трубецкому... — Вероятно, имеется в виду председатель нижегородского гражданского суда Владимир Александрович Трубецкой.

[^^^]

Познакомил меня с Марией Александровной Дороховой. — М. А. Дорохова была начальницей нижегородского института благородных девиц в 1856–1864 гг. После смерти единственной дочери взяла на воспитание дочь декабриста И. И. Пущина Аннушку; об этом Шевченко упоминает в дальнейших записях.

[^^^]

Она еще мне живо напомнила... княжну Варвару Николаевну Репнину. — С В. Н. Репниной поэт познакомился в 1843 г.; дружеские отношения и переписка продолжались вплоть до 1850 г., когда в постановление о новой ссылке Шевченко (в Новопетровское укрепление) был внесен особый пункт относительно Репниной. «Княжну Репнину, — говорилось здесь, — которая принимает участие в Шевченко, неприличное по его порочным и обратным свойствам, предупредить как о неуместности такового ее участия, так и о том, что вообще полезно было бы ей менее вмешиваться в дела Малороссии и что, в противном случае, она сама будет виновницей, может быть, неприятных для нее последствий». После этого предупреждения, дословно повторенного в личном письме Орлова к Репниной, переписка ее с Шевченко прекратилась, а их встречи в Москве, 17 и 24 марта 1858 г. (см. ниже), показали, насколько разошлись жизненные пути революционера-демократа Шевченко и ударившейся к старости

в ханжество Репниной.

[^^^]

Какая прелесть случайно попалася мне на глаза... — малоизвестный поэт — З. В. Тур, стихотворения которого печатались в 1856–1857 гг. в «Отечественных записках».

[^^^]

Увидел сочинения Гоголя, изданные моим другом П. Кулишом. — П. А. Кулиш в 1852–1857 гг. много работал над собиранием и публикацией произведений Гоголя и биографических материалов о нем. Одним из итогов этой работы явилось шеститомное собрание сочинений писателя: «Сочинения и письма Н. В. Гоголя», СПб. 1857. Приложенный к изданию портрет Гоголя, рисованный Ф. А. Моллером и гравированный на стали Ф. И. Иорданом, был рекомендован самим писателем. Впрочем, отрицательный отзыв Шевченко о портрете более всего касается техники его воспроизведения. Федор Иванович Иордан (1800–1883), гравер, профессор Академии художеств по гравировальному классу. Возвратившись в 1858 году в Петербург, Шевченко пользовался его советами и указаниями.

[^^^]

В первый же раз увидел я «Полярную звезду...» — С герценовской «Полярной звездой» Шевченко был уже знаком раньше по «заветной портфели» капитана В. В. Кишкина; новинкой для него оказалась литографированная обложка сборника, на которой в медальоне были изображены барельефные портреты пяти повешенных декабристов, то есть Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Муравьева-Апостола и Каховского.

[^^^]

*Портрет М. А. Дороховой и ее воспитанницы
Нины...* — Портрет этот не сохранился. Ни-
на — Анна Пуцина (1842–1863).

[^^^]

Получил письмо от Костомарова. — Письмо Н. И. Костомарова написано по-украински (представление о его характере дает самое его начало, которое мы приводим в переводе: «Брату дорогому, искреннему другу, славному певцу, верному товарищу по незабвенной передрыге 1847 года, Тарасу Григорьевичу от брата и друга громкое и верное слово...») и, кроме заявлений, вызвавших справедливое недоумение Шевченко, содержит также заявления в том, что новый царь «не запрещает нашего языка» и т. д.

[^^^]

Написал письмо Костомарову... — Письмо Шевченко к Костомарову не сохранилось; письмо к «астраханским друзьям» адресовано к И. П. Клопотовскому; см. ниже.

[^^^]

Она рассказала мне о Лабзине. — Александр Федорович Лабзин (1766–1825) — вице-президент Академии художеств. В заседании Совета Академии были предложены для выбора в почетные члены три царедворца: Гурьев, Аракчеев и Кочубей. Лабзин воспротивился избранию этих лиц и, на замечание, что они близки к царю, возразил, что, в таком случае, может предложить не менее близкое лицо, именно лейб-кучера царя Илью Байкова. За эту дерзость А. Ф. Лабзин был сослан в г. Сенгилей Симбирской губернии. См. рассказ И. П. Мартоса, присутствовавшего в заседании совета («Киевская старина», 1896, № 6, с. 361); рассказ старушки Якоби не точен и соответствует версии, которая приводится в «Былом и думах» А. И. Герцена (часть I, глава 3).

[^^^]

Происшествие, так трогательно рассказанное Герценом в своих воспоминаниях про Ивашева... — («Былое и думы», часть I, глава 3) относительно декабриста Василия Петровича Ивашева (1794–1840) и гувернантки Камиллы Ледантю (1808–1839), уехавшей вслед за ним в Сибирь и вышедшей там за него замуж. Эпизод этот несколько похож на историю женитьбы И. А. Анненкова на Полине Гебль (1800–1876); см. «Воспоминания Полины Анненковой», М. 1929. Ссылки на Герцена объясняются тем, что Шевченко как раз в это время читал первую часть «Былого и дум», опубликованную в «Полярной звезде» на 1856 г.».

[^^^]

Дюма, кажется, написал сентиментальный роман... — Французский писатель Александр Дюма посвятил приключениям Анненковой-Гебль роман «Учитель фехтования» (в русском переводе появился в 1925 г.), украсив его фантастическими подробностями.

[^^^]

Старушки сообщили мне... — Сообщения «старушек» не соответствуют действительности: И. И. Пущин никаких «видных мест» не занимал, женился в 1857 году на вдове декабриста М. А. Фонвизина Наталье Дмитриевне.

[^^^]

Какой милый оригинал должен быть этот г. Жемчужников... — Эта запись о Льве Михайловиче Жемчужникове (1828–1912), художнике и гравере, едва ли не самом близком человеке поэту в последние месяцы его жизни, вызвана чтением второго тома «Записок о Южной Руси» и теми сведениями о Л. Жемчужникове, которые там помещены в качестве предисловия к ценнейшим его фольклорным записям. «Уже несколько лет, — читаем в этом предисловии, — знаком я в Малороссии с молодым русским художником Л. М. Жемчужниковым. Он проводит у нас на юге сплошь лето и зиму, изучая нашу природу и нашу жизнь во всех их проявлениях. Не довольствуясь тем, что видит глаз, он изучает нравственный образ малороссийского народа в проявлениях его духа. Он убежден, что малороссиянина не поймешь, не зная языка его и не знакомясь на месте с его настоящим и прошедшим. Это убеждение... тем замечательнее в г. Жемчужникове, что он родился в глубине Северной России, воспитывался в С.-

Петербурге (в пажеском корпусе) и до приезда в Малороссию не слышал малороссийской речи... Этнография южно-русская имеет в нем несравненного деятеля. Не говоря уже о множестве этюдов с натуры, выражающих быт народа со всеми его принадлежностями, у г. Жемчужникова набралось около пятисот напевов песен, положенных на ноты им самим или, по его просьбе, другими с голоса малороссийских певцов и певиц; а недавно он привез мне из Пирятинского уезда большой сверток сказок, записанных им слово в слово из уст народа». («Записки о Южной Руси», т. II, СПб. 1857, с. 3). Симпатии Шевченко к Л. Жемчужникову особенно укрепились, он узнал, что Жемчужников женился на крепостной девушке. Л. М. Жемчужников принимал деятельное участие в сборе средств для Шевченко.

[^^^]

Получил письмо от... Н. И. Толстой. — Письмо А. И. Толстой дошло до нас в отрывке, напечатанном биографом поэта М. К. Чалым; отрывок этот дает отчетливое представление о его тоне: «Мне так и хочется сказать: дружбе мой единый Тарас Григорьевич! Мы с графом (Ф. П. Толстым. — И. А.) ждем вас и не дождемся. Вы не можете себе представить, как наболела у меня душа, с тех пор как узнала, что вы не будете у нас в Петербурге». И дальше: «Вы получите свободу жить в столице для божественного искусства. У меня есть ваши деньги 500 рублей: прислать ли их вам, или сбегать до вашего приезда?»

[^^^]

Передать поклон В. И. Далю... — В. И. Даль в 1849–1859 гг. жил в Нижнем-Новгороде.

[^^^]

Едва развернувшаяся сантифолия... — одна из разновидностей французской розы.

[^^^]

Зашел я к... Александру Петровичу Варенцову.
— А. П. Варенцев был директором конторы
нижегородской ярмарки.

[^^^]

«Мать испанка» — драматическое представление в трех отделениях Н. А. Полевого.

[^^^]

Просительное письмо графу Ф. П. Толстому.
— Кроме упомянутых в данной записи писем к Ф. П. Толстому и М. С. Щепкину, Шевченко написал в этот день также письмо И. А. Ускову.

[^^^]

Получил письмо от моего милого Бронислава. — Это письмо Бронислава Залесского явилось ответом на несохранившееся письмо Шевченко уже из Нижнего-Новгорода от 18 октября 1857 г. Интересны в письме Залесского два сообщения: о каких-то рисунках Шевченко, присланных ему для продажи, и о горячем содействии, какое оказывал хлопотам о Шевченко Сигизмунд Сераковский, в прошлом товарищ Шевченко и Залесского по ссылке, близкий соратник Чернышевского, один из руководителей польской революционной демократии.

[^^^]

С этой неуклюжею Бобелиною... — Бобелина — участница греческого восстания против турок в 1821 г., получила широкую известность благодаря роману о ней Христиана Августа Вульпиуса (1823). С течением времени имя Бобелины стало нарицательным, обозначая энергичную, крепкую женщину.

[^^^]

Ночью проехал Федор Лазаревский... — Имеются все основания предполагать, что Федор Матвеевич Лазаревский (1820–1890), сблизившийся с поэтом в Оренбурге и затем в продолжение нескольких лет хранивший «захалавные» его книжечки, привез их поэту. Здесь же, в Нижнем-Новгороде, Шевченко начал просмотр и правку своей «невольничьей музыки».

[^^^]

Написал я М. Лазаревскому письмо. — Это письмо печатается обычно с неверной датой: 19 ноября, вместо 29.

[^^^]

Не перевод, а собственное произведение — то есть Василия Степановича Курочкина, напечатанное в «Библиотеке для чтения», 1856, № 12, сс. V–VI.

[^^^]

Получил письмо от М. С. Щепкина. — В этом письме (27 ноября 1857 г.) М. С. Щепкин писал о необходимости ему свидеться с Шевченко. «И это не для того только, чтобы повидаться, а поговорить бы о многом нужно. Может быть, моя старая голова навела бы и твою на добрую мысль... А для того, чтобы только повидаться, нам делать такие расходы жирно. Богатые находят удовольствие в исполнении всех своих желаний, а я, напротив, на хожу величайшее наслаждение, если откажу себе в удовольствии, которое мне не по средствам. Обо всем этом помиркуй хорошенько и извести аккуратно: как и на что решиться». «Добрая мысль», о которой пишет здесь Щепкин, вероятно, возвращение Шевченко к литературной деятельности, обсуждение, в частности, возможности подготовки и издания сборника украинских произведений поэта.

[^^^]

К путейскому офицеру Ультрамарку... — служащий нижегородской «дорожной комиссии» поручик Н. И. Уттермарк.

[^^^]

Великолепнейшего Гюдена... — Жан Антуан Гюден (1802–1880), французский живописец-маринист.

[^^^]

Старика Улыбашева... — Александр Дмитриевич Улыбышев (1794–1858) — в молодости участник декабристского кружка «Зеленая лампа»; с 1841 г. почти безвыездно проживал в Нижнем-Новгороде. Написанные им биографии Моцарта (1843) и Бетховена (1857) доставили ему широкую европейскую известность. Хорошо известны были музыкальные его собрания, воспитавшие, между прочим, композитора М. А. Балакирева. О его увлечении театром рассказывает в своих воспоминаниях Е. Б. Пиунова-Шмидгоф.

[^^^]

Сегодня посетил меня Густав Васильевич Кебер... — Врач и чиновник удельной конторы в Нижнем-Новгороде. Радость поэта от его посещения, возможно, объяснялась тем, что он передал Шевченко пакет с его рукописями, привезенными Ф. М. Лазаревским.

[^^^]

Написал письма Щепкину и Кулишу. — Письма эти, датированные 5 декабря, см. в наст. томе.

[^^^]

Писал поэму... — «Неофиты»; см. т. 2 наст. изд.
Поэма позже была посвящена М. С. Щепкину
«на память 24 декабря 1857», то есть дня при-
езда великого актера в Нижний-Новгород.

[^^^]

Привез мне от Кулиша письмо и... его Граматку. — В коротком, писанном наспех письме Кулиша от 26 ноября 1857 г. содержится краткое упоминание о выходящей в свет книге рассказов и повестей Марка Вовчка. «Граматка» Кулиша (СПб. 1857) — букварь, составленный для крестьянства, с включенными в него элементами арифметики, исторических и географических сведений. О «Граматке» Шевченко 4 января 1858 г. писал Кулишу, что она «так мне по сердцу пришлась, что не умею и рассказать». Позднее, в 1860 г., Кулиш выпустил второе, совершенно переработанное издание «Граматки», в котором основное место занимали сведения из «священной истории»; Шевченко выступил с резкой статьей, осуждавшей «просвещение» народа посредством «священного писания» вместо ознакомления крестьян с начатками знаний, которые повседневно могут им пригодиться. Недавно обнаруженная статья Шевченко печатается в «Литературном наследстве»; она является выразительным свидетельством идейного раз-

рыва революционного демократа Шевченко с
буржуазным националистом Кулишом.

[^^^]

От Бодянского поклон и дорогой подарок. — Речь идет о книге «О времени происхождения славянских письмен», М. 1855. С Осипом Максимовичем Бодянским (1808–1877), профессором Московского университета, ученым историком и фольклористом, отличным знатоком исторического прошлого Украины и славянства, Шевченко познакомился в январе 1844 г.; знакомство не прерывалось и во время ссылки поэта: Бодянский был в числе немногих, поддерживавших с ним переписку, хотя и нечастую.

[^^^]

Видел я на сцене «Станционного смотрителя» Пушкина... — то есть сценическую переделку пушкинской повести.

[^^^]

В Нижний на выборы... — то есть на дворянские выборы губернского и уездных предводителей дворянства, а также некоторых других должностных лиц, избравшихся «по воле дворянства», например, председателей уголовного и гражданского суда и пр. Отмечая в «Дневнике», что все приехавшие помещики были в военных мундирах, «с бородами и усами», Шевченко имел в виду подчеркнуть одно из проявлений «новых веяний»: при Николае I ношение усов и бороды военными было настрого воспрещено.

[^^^]

Получил письмо от Щепкина и от Лазаревского. — Письмо М. С. Щепкина от 11 декабря и письмо М. М. Лазаревского от 9 декабря см. в наст. томе.

[^^^]

Сегодня же принимаюсь за «Сатрапа и Дервиша»... — См. выше примечание к дневниковой записи 19 июля 1857 г. Впоследствии автограф отрывка «Юродивый», который можно считать началом задуманной эпопеи, был подарен поэтом Л. М. Жемчужникову.

[^^^]

Я неравнодушен к библейской поэзии... — Шевченко не раз обращался к библейским сказаниям, образам, мотивам. Поэтом руководили отнюдь не религиозные настроения, как неоднократно пытались утверждать буржуазные исследователи, и даже не чисто эстетические соображения, но более всего стремление использовать Библию и Псалтырь в качестве материала для политической лирики. Шевченко в этом не был пионером, он лишь самостоятельно пришел к тому, что неоднократно применялось в поэзии, начиная с агитационного использования Библии крестьянами против попов и феодалов во время крестьянских войн XVI в., о которых писал Ф. Энгельс. Кроме того, в первые годы ссылки Библия была одною из очень немногих доступных Шевченко книг, и он поневоле выучил ее едва ли не наизусть.

[^^^]

Собственный перевод Откровения с толкованием... — В. И. Даль одно время увлекся различными мистическими писаниями и даже перевел апокалипсис. Перевод этот остался в рукописи. Апокалипсис — произведение раннехристианской литературы с пророчествами о «страшном суде», о «пришествии антихриста» и пр. Пронизывавшая апокалипсис мистика и очень сложная образная символика давали повод для многих толкований.

[^^^]

Получил письмо от П. Кулиша. — Это письмо характерно самовлюбленностью, снисходительно покровительственным тоном по отношению к Шевченко. «Не подобает мне, другомой Тарас, — пишет Кулиш, — ездить на свидание к тебе в Нижний, потому что о тебе хлопочут, как бы перетащить тебя в столицу; если же пойдет слух, что к тебе и теперь съезжаются земляки... то это, того и гляди, повредит твоему делу перед знатными господами. А я, на горе, человек в обществе заметный, и сразу все узнают, что поехал за семь миль киселя хлебать. Если бы еще люди судили обо всем как следует, а то такое выдумают, что и не снилось нашему брату. Итак, не жди меня и не пеняй на меня. Мне это свидание не повредило бы, а тебе, наверное, повредит. Пишешь ты о своих стихах. Хорошо сделал бы ты, если бы привел их в порядок, да и прислал бы за милую душу. Печатать же тебе на первых порах ничего не советую, разве что вовсе потеряешь надежду на столицу. А если даст бог приветствовать тебя в здешних боло-

тах, тогда и посоветуемся, что делать с ними». В том же тоне пишет Кулиш дальше, что «не помышляет» об издании журнала, может, в крайнем случае, лишь помочь товарищам в этом и т. д. Хотя Шевченко записал в «Дневнике», что «почти согласен» с Кулишом в том, что тому не следует приезжать в Нижний-Новгород, однако не мог не сопоставить этот отказ с полученным почти одновременно безоговорочным согласием Щепкина, человека более, нежели Кулиш, и занятого и видного, к тому же актера «императорских» театров. Третий том «Записок о Южной Руси» не был издан. Рукописные материалы для него (в очень сыром виде) хранятся в отделе рукописей Библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

[^^^]

«Дообеденный сон» Островского... — «Сцены» А. Н. Островского «Праздничный сон до обеда» напечатаны в «Современнике», 1857, № 2, и были в то время новинкой.

[^^^]

«Читал и сердцем сокрушился,
Зачем читать учился».

— Неточная цитата «автоэпиграммы» В. В. Капниста.

[^^^]

Monsieur Брас — повидимому, преподаватель нижегородского дворянского института Генрих Иванович Брон.

[^^^]

Сегодня получил письмо от М. С. Щепкина. — Щепкин писал: «Писать много некогда, и потому скажу несколько слов. Я еду 21 числа в Нижний-Новгород, то есть в субботу. Ежели приеду днем, то заверну к тебе; а ежели ночью, то где-нибудь остановлюсь в гостинице, а там уже разберем, як чому быть. Прощай, до свидания! Бог даст, колядовать будем вкупі. Обнимаю тебя от души. Твой щирый друже Михайло Щепкин».

[^^^]

У меня все еще стоит перед глазами городничий... — Запись Шевченко помогает уточнить репертуар Щепкина во время нижегородских его гастролей: на сцене театра были поставлены «Ревизор» Гоголя, «Москаль-чарівник» И. П. Котляревского и «Матрос», «драматический водевиль» Соважа и Делюрье в переводе Д. А. Шепелева. Что касается Любима Торцова, героя драмы А. Н. Островского «Бедность не порок», то, как известно, Щепкин впервые выступил в ней лишь осенью 1858 г., хотя интересовался ею уже давно. (Сыну своему Щепкин писал об этой роли: «Сыграть мне ее нужно было во что бы то ни стало. Это являлось потребностью моей души».) Следует думать, что во время пребывания в Нижнем-Новгороде Щепкин знакомил Шевченко и других лиц с отдельными фрагментами этой роли.

[^^^]

Сочинение этой басни приписывают московскому актеру Ленскому. — Дмитрий Тимофеевич Ленский (1805–1860) — артист и довольно популярный водевилист. Занесенное в «Дневник» стихотворение было позднее опубликовано в сборнике «Русская потаенная литература», составленном Н. П. Огаревым (Лондон, 1859, с. 290), и в герценовской «Поллярной звезде», кн. V, 1859, с. 46, под заглавием «Помойная яма». Упоминаемый в басне «Хозяин наш прекрасный» — Александр II.

[^^^]

Она сыграла роль Тетяны... — Роль Тетяны в водевиле Котляровского «Москаль-чарівник» Пиунова разучивала по совету и под руководством самого Шевченко.

[^^^]

Знаменитая Самойлова... — Надежда Васильевна Самойлова (1823–1899), пользовавшаяся большим успехом в водевильных ролях.

[^^^]

Стихотворение Курочкина на смерть Беранже... — Стихотворение это действительно содержит много ошибок и разночтений по сравнению с печатным текстом («Русский вестник», 1858, май, кн. I, сс. 181–182) и, повидимому, восходит к черновику Курочкина.

[^^^]

Письмо со вложением 250 рублей... — За эту цену были проданы 17 акварелей, посланных из Новопетровского укрепления Брониславу Залесскому еще 15 мая 1857 г., переданных затем Кулишу и приобретенных, наконец, В. В. Тарновским.

[^^^]

Сераковский Сигизмунд (1826–1863) — польский революционер-демократ, позднее один из руководителей польского восстания. В 1848 г. был сослан в оренбургские степи солдатом и там, по словам Герцена, «изучил он ужасное положение полкового, крепостного, военного раба, называемого солдатом». В Оренбурге он познакомился с Шевченко и близко сошелся с ним: Дослужившись до офицерского чина, он в 1856 г. поступил в Академию генерального штаба в Петербурге и одновременно принял живое участие в общественно-политической жизни, став близким сотрудником «Современника», единомышленником и соратником Чернышевского и Некрасова.

[^^^]

Написал полдюжины посланий. — До нас дошли написанные в этот день пять писем Шевченко — к М. С. Щепкину, М. А. Максимовичу, С. Т. Аксакову, П. А. Кулишу, М. М. Лазаревскому.

[^^^]

Автору «Семейной хроники» — то есть Сергею Тимофеевичу Аксакову (1791–1859), кратковременное знакомство которого с Шевченко связано было с попытками украинского поэта опубликовать часть написанных в ссылке повестей. Присланная С. Т. Аксаковым книга («Семейная хроника и воспоминания», М. 1856) сохранялась в личной библиотеке Шевченко.

[^^^]

Кулишу при письме послал свои «Неофиты». — Посылая рукопись поэмы, «еще недостаточно обработанной», Шевченко просил переписать ее и переслать М. С. Щепкину, которому поэма и посвящена. В ответном письме (20 января 1858 г.) Кулиш писал: «Твои «Неофиты», брат Тарас, хорошая вещь, но не для печати... Не следует напоминать сыну (то есть Александру П. — И. А.) об отце (то есть Николае I. — И. А.), ожидая от сына какого бы то ни было добра. Ведь он у нас теперь первый человек: если бы не он, то идохнуть нам не дали бы. А освобождение крепостных — также его дело. Самые близкие теперь душою к нему люди — мы, писатели, а не пузатые чиновники. Он любит нас, он верит нам, и вера не посрамит его. Не только печатать эту вещь (то есть «Неофитов». — И. А.) рано, но позволь мне, брат, не посылать и Щепкину, потому что он будет с нею повсюду носиться, и пойдет о тебе такой слух, что и подавно не след пускать тебя в столицу. Между тем это дело как раз наклюнулось. Так-то, брат!». Это лице-

мерное письмо, предназначенное не столько убедить поэта в несовершенстве написанной им поэмы, сколько лишний раз доказать собственную благонадежность чиновникам, перлюстрирующим письма, глубоко возмутило Шевченко. 26 января 1858 г., тотчас же по получении письма Кулиша, он коротко и резко возражает, что никогда и в мыслях не имел печатать «Неофитов», и еще раз требует переписать посланную поэму и переслать ее Щепкину. Поэт уяснил глубочайшие идейные расхождения с Кулишом. В дальнейшем эти расхождения все увеличивались, пока не привели к окончательному разрыву незадолго перед смертью великого поэта.

[^^^]

С доктором Рейковским... — Врач Донат Михайлович Рейковский служил в почтовом ведомстве. Причины, по которым Шевченко называет его «ученым», неизвестны.

[^^^]

Возвратился почталион из Москвы. — М. С. Щепкин уехал в почтовом дилижансе, который, кроме почты, перевозил также пассажиров.

[^^^]

Привез мне от него письмо. — В письме этом М. С. Щепкин писал: «Спешу сказать несколько слов. И тело устало, и душе некогда. Посылаю четыре рожки, которые раздай кому следует. Передай всем поклоны, а Варенцову прибавь, чтобы он поблагодарил почтмейстера за почтальона: он за мною, как за ребенком, ухаживал, и, пожалуйста, чтобы он не забыл этого: доброе слово в пользу маленького человечка необходимо... До сих пор ничего не видел и ничего не слышал: дай душе отдохнуть, а то она все время была в таком волнении, что немножко и не под силу, а приехал домой — все взворушилось в старой душе моей... Перед моим приездом, за день, получено известие из Малаги, что сын мой Дмитрий умер».

[^^^]

В роли Простушки (водевиль Ленского)... —
Имеется в виду водевиль Д. Т. Ленского «Простушка и воспитанная».

[^^^]

Письмо Сергея Тимофеевича Аксакова... — Это «самое любезное, самое сердечное письмо» не сохранилось. О «Матросе», то есть повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», см. т. 4 наст. изд. Там же о неудавшейся попытке напечатать повесть в «Русском вестнике».

[^^^]

Я написал и директору харьковского театра и моему великому другу... — Письмо к директору харьковского театра не сохранилось. Письмо к Щепкину 17–18 января 1858 г. см. в наст. томе.

[^^^]

Нашел у себя письмо моего гениального друга... — В письме, помеченном 15 января, М. С. Щепкин сообщает о выполнении ряда поручений Шевченко в Москве и приглашает его приехать к себе, под Москву.

[^^^]

Своего поклонника В. Н. Погожева... — Василий Николаевич Погожев (1802–1859), инженер. В начале сороковых годов Шевченко бывал у него в доме на музыкальных собраниях («Исторический вестник», 1893, № 8).

[^^^]

Проводил в Петербург доктора Кутерема. —
Речь идет о враче Дмитрие Ивановиче ван
Путерене. В марте 1859 г. Шевченко встретил-
ся с ним снова в Москве.

[^^^]

Бенефис милочки Пиуновой... — О бенефисе Е. Б. Пиуновой Шевченко написал статью в «Нижегородских губернских ведомостях», 1858, № 5, сс. 17–18. См. «Приложение» в наст. томе.

[^^^]

Посетил меня сегодня Яков Лазаревский. — Яков Матвеевич Лазаревский (1829–1880) был чиновником удельного ведомства, по обязанностям службы много ездил по России.

[^^^]

О грустном Екатеринославском восстании 1856 года... — Движение крестьян в Екатеринославской и Херсонской губерниях, вызванное убеждением крестьянства в близившемся уничтожении крепостной зависимости и стихийно распространившимися слухами о том, что «в Перекопе, в золотой палатке, сидит царь и всем пришедшим раздает волю, а неявившиеся или опоздавшие остаются по-прежнему в панской неволе» («Исторический вестник», 1901, № 4, с. 265). «Крестьяне Екатеринославского и Верхнеднепровского уездов Екатеринославской губернии и Херсонского, Бобринецкого, Александровского и части Елисаветградского уездов Херсонской губернии почти поголовно со всем своим имуществом и хозяйством поднялись с насиженных своих мест и пошли за волей в Крым» (там же). Крестьяне захватывали с собою скот и хозяйственное имущество; в ряде случаев экспроприировали помещичье имущество. Движение было подавлено большой военной силой в середине июля 1856 г. Называя движение

«грустным», Шевченко имел в виду также то, что тысячи крестьян поднялись с насиженных мест и в конце концов совершенно разорились.

[^^^]

Про своего соседа и родственника Н. Д. Белозерского... — С Н. Д. Белозерским Шевченко познакомился в начале 1847 г.

[^^^]

«Дочь второго полка» — комическая опера итальянского композитора Доницетти (1797–1848). Замечание Шевченко о том, что опера должна была нравиться «покойному нашему Тормозу», то есть Николаю I, основано на том, что в ней крайне идеализирована полковая жизнь.

[^^^]

Старуха Шмитгоф — Эвелина Карловна Шмитгоф (1830–1860) была тяжело больна туберкулезом, поэтому она и показалась поэту старухой, хотя ей было неполных 28 лет.

[^^^]

Получил письмо от Кулиша и от М. Лазаревского. — О письме Кулиша см. выше, примечание к записи 4 января 1858 г. Письмо Лазаревского сообщало о выполнении некоторых поручений поэта, об общих их знакомых (в частности, о Льве Жемчужникове, А. И. Толстой).

[^^^]

Николай Петрович Болтин... — Воспоминания современников действительно рисуют его убежденным противником крепостного права; см. В. И. Глориантов, Нижний-Новгород былого времени («Русский архив», 1907, № 1, сс. 287–289).

[^^^]

Любимая и многоуважаемая Екатерина Борисовна... — письмо вписано в «Дневник» посторонней рукою, можно предполагать — М. А. Дороховой; возможно, что ею оно и сочинено.

[^^^]

Получил письмо от М. С. Щепкина. — Письмо это не сохранилось; оно было ответом на письмо поэта 15–17 января 1858 г.

[^^^]

Взял у меня «Губернские очерки» и несколько ливрезонов Гогарта. — Возможно, что у Шевченко оказались серии гравюр Вильяма Гогарта (1697–1764), английского живописца и гравера, изображавшего нравы и пороки современного ему английского буржуазного и аристократического общества («Жизнь кутилы», «Жизнь падшей женщины», «Брак по моде», «Плоды прилежания и лени» и др.).

[^^^]

Драма «Парижские нищие»... — Переводная мелодрама Ф. А. Бурдина (1856), о ней Шевченко упоминает в своей рецензии.

[^^^]

Встретил... некоего г. Шумахера. — П. В.Шумахер (1820–1891), поэт, сатирик, живший в эти годы в Нижнем-Новгороде. Познакомился с ним Шевченко, по всей вероятности, в Петербурге, в начале 40-х годов.

[^^^]

Привез с собою 4 № Колокола. — Герценовский «Колокол» начал выходить с 1 июля 1857 г. каждые две недели. Трудно, таким образом, установить, какие именно номера видел поэт в Нижнем-Новгороде.

[^^^]

Получил письмо от кошового батька... — В письме Я. Г. Кухаренко рассказывал о своей поездке в Одессу, о том, как при встречах со знакомыми заговаривал о Шевченко: «и любят же тебя на Украине, братец». В заключение письма Кухаренко писал: «Не бросай этого дела, то есть не оставляй писать. Погасила проклятая беда костер твоего таланта, но повеял благоприятный ветерок, смел золу, нашел искорку, еще не погасшую, и стал раздувать огонь, — гляди, он и вспыхнет пожаром. Поплюй на колки и смело настраивай кобзу, а потом играй, как играл прежде».

[^^^]

И. А. Усков... пишет, что у них все обстоит благополучно. — В письме Ускова (7 января 1858 г.) содержалось также разъяснение истории с задержкой поэта в Нижнем-Новгороде. «Как я рад, добрейший Тарас Григорьевич, — писал Усков, — что вы догадались остаться в Нижнем-Новгороде и сождать там результата решения из Оренбурга. Я второпях забыл вам вложить письмецо, а главное, сумневался, чтобы моя бумага застала вас в Нижнем. Этот скотина Михальский, заведывающий в отсутствие Львова батальоном, наплел галиматью насчет вашего увольнения и через это подверг меня большим неприятностям... Я теперь рад по крайней мере, что вы не потребованы в Оренбург и можете пользоваться свободой ехать куда угодно».

[^^^]

Какую-то мою Пустку... — Имеется в виду стихотворение Шевченко «Зачаруй меня, волшебник» (см. т. 1 наст. изд.).

[^^^]

М. С. Щепкин с сокрушением сердца пишет мне... — Большая часть письма посвящена устройству Пиуновой. Как видно, «практическое» семейство молодой актрисы решило извлечь наибольшую выгоду из ходатайства за нее знаменитого актера и прославленного поэта, — они предъявили такие условия, каких не ставили и заслуженные актеры. «Представь, — пишет Щепкин, — что если по приезде в Харьков она сделает дебют, и дирекция или из расчетов, или по близорукости не найдет того, что мы находим, тогда она просто скажет, что не может дать ей такого жалованья, а не угодно ли ей остаться на таком жалованье, которое она ей предложит: каково тогда будет ее положение? Конечно, твоей восторженной поэзии и не приходит это в голову, а в действительности это очень, очень может быть. Ради бога, извести поскорей, как мне поступать?» Очень деликатно, но вместе с тем настойчиво указывает Щепкин на необходимость Пиуновой учиться много и упорно, не заявляя преждевременных требований:

«Гораздо лучше соразмерять жизнь свою по средствам, и учиться, и учиться!.. А время все сделает. Я все знаю это по опыту: я в Полтаве получал 2 тысячи ассигнациями, без бенефиса, а у меня было 16 человек семейства? Конечно, я ел только борщ да кашу; чай пили вприкуску, а, право, мне было хорошо...» В заключение письма, так же сердечно, с громадной деликатностью и болью пишет старый актер о «безалаберном и нетрезвом существовании» своего друга. «Не вытерплю, — скажу! Ты, кажуть, дуже кутнув трохи? Никакая пощечина меня бы так не оскорбила. Бог тебе судья! Не щадишь ты ни себя, ни друзей твоих. Погано, дуже погано. Не набрасывай этого на свою натуру и характер. Я этого не допускаю: человек тем и отличается от животных, что у него есть воля. Пантелей Иванович до 60 лет кутил, а потом воля взяла верх, и он всю жизнь не поддавался этой кутне. Не взыщи за мои грубые слова. Дружба строга, а ты сам произвел меня в друзья, и потому пеняй на себя. А все-таки целую тебя без счету и твою бороду».

[^^^]

Отправивши на почту письма Кухаренку и Аксакову... — Письма эти см. в наст. томе.

[^^^]

Г. Майоров малейшего понятия не имеет в этом простом деле. — Майоров — актер и декоратор нижегородского театра.

[^^^]

Жаль, что нет под рукою Реча... — то есть Фридриха Ретша (1779–1857), немецкого живописца и гравера, автора альбома гравюр-иллюстраций к «Фаусту» (1828).

[^^^]

Посетили меня земляки мои Волконский и Малюга. — Ф. Н. Волконский и П. П. Малюга окончили в 1858 г. медицинский факультет Киевского университета.

[^^^]

Марко Вовчок — псевдоним некоей Маркович... — то есть Марии Александровны Маркович (1834–1907). Книга ее повестей — «Народні оповідання (Повістки) Марка Вовчка» (СПБ. 1857) — была прислана поэту в Нижний-Новгород. 22 февраля Шевченко просил М. М. Лазаревского разузнать адрес М. А. Маркович: «нужно будет хоть письмом поблагодарить ее за ее сердечные, искренние «Оповідання». Однако отъезд из Нижнего-Новгорода помешал поэту осуществить свое намерение; личное его знакомство с писательницей состоялось в начале 1859 года, возможно 24 января, в память чего ей и посвящено стихотворение «Сон».

[^^^]

Адрес ее можно достать от Данила Семеновича Каменецкого... — управляющий типографией Кулиша в Петербурге. Принимал участие в издании «Кобзаря» 1860 г.

[^^^]

Письмо от Лазаревского... — В письме, датированном 10 февраля 1858 г., М. М. Лазаревский, между прочим, рассказал, что сфотографировал и размножил присланный ему автопортрет поэта. «Много есть охотников, — писал он, — желающих и молящих у меня твоего портрета, и я решился заказать их 50 штук, чтобы продавать с барышом. Через неделю они будут готовы, и сколько получу за них барыша, скажу, а гроши приложу к имеемым у меня твоим. Ты, друже, пожалуйста, не сердись на меня за это доброе дело — не для тебя, а для других: гроши грошима, но, главное, не следует отказывать в такой теплой, искренней просьбе о твоём, портрете всем душевно тебя любящим».

[^^^]

Песни Беранже Курочкина... — «Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина», СПб. 1858.

[^^^]

Открытие комитета... — «Губернский комитет по устройству и лучшению быта помещичьих крестьян»; его задача — определить требование помещиков в связи с предполагаемой крестьянской реформой. Речь А. Н. Муравьева — в «Нижегородских губернских ведомостях», 1858, № 10, сс. 37–38.

[^^^]

Писал Лазаревскому... — Письмо М. М. Лазаревскому, датированное 22 февраля, см. в наст. томе.

[^^^]

Начал переписывать свою поэзию для печати... — В Нижнем-Новгороде Шевченко, получив от Лазаревского свои «захлявные» книжечки, принялся за обработку и переписку произведений в большой альбом, которым пользовался до самой смерти. Во многих случаях Шевченко переписывал и смягчал «неблагонадежные» в цензурном отношении места, а отдельные стихотворения и вовсе отбрасывал.

[^^^]

Заклучила условие с здешним новым директором — Н. И. Мирцев был директором казанского театра; осенью 1858 г. Пиунова переехала в Казань.

[^^^]

Получил письмо от Кулиша. — В письме от 14 февраля 1858 г., предлагая Шевченко возобновить издание «Живописной Украины», Кулиш преследовал цель отвлечь поэта от политической поэзии, от произведений, подобных незадолго перед тем написанным «Неофитам».

[^^^]

Довольно удачные стишки... — Стихотворение это распространялось во множестве списков, неоднократно печаталось в заграничных сборниках «потаенной» литературы без указания имени автора. Написано оно было П. Л. Лавровым.

[^^^]

Получил письмо Лазаревского. — В письме от 20 февраля 1858 г. М. М. Лазаревский писал, что графиня А. И. Толстая посылала за ним Се-
раковского, «чтобы объявить, что по просьбе графа Федора Петровича тебе дозволено жить в Петербурге (под надзором полиции) и под руководством графа Ф. П. для продолжения изучения живописи при Академии художеств. Графиня чрезвычайно рада, что ты приедешь сюда... и просит тебя, чтобы ты поспешил, а главное, не обижался условиями, потому что это только форма».

[^^^]

Товбич предложил мне прогулку... — Майор Лев Осипович Товбич — чиновник особых поручений при нижегородском военном губернаторе. Упоминаемый ниже капитан Григорий Фердинандович Петрович служил в нижегородской строительной и дорожной комиссии.

[^^^]

Получена бумага о дозволении проживать мне в Петербурге. — В «бумаге» этой сообщалось о разрешении «отставному рядовому Шевченко проживать в С.-Петербурге и для усовершенствования в живописи посещать классы помянутой Академии, с тем, однако, чтобы он подвергнут был здесь строгому полицейскому надзору и чтобы начальство Академии имело должное наблюдение, дабы он не обращал во зло своего таланта в живописи».

[^^^]

Это работа старого распутного японца Адлерберга — то есть министра двора, крайнего реакционера. Через его руки проходили все дела о смягчении участи политических «преступников».

[^^^]

Получил письмо от графини Н. И. Толстой. — «Итак, — писала А. И. Толстая, — заветные мечты мои сбываются: я увижу вас скоро, мой желанный гость, Тарас Григорьевич! Вот уже неделя, как пришла бумага с разрешением государя жить вам в столице и посещать Академию. Приезжайте скорее! Не могу больше писать: руки дрожат от нетерпения и радости».

[^^^]

Книгу «*Детство Багрова внука*»... — В составленной после смерти поэта «Описи книгам, принадлежавшим Т. Г. Шевченко», книга эта значится с пометой: «с надписью автора».

[^^^]

Принялся переписывать Видьму. — О переработке поэмы «Ведьма» см. примечание в т. 1 наст. изд.; там же — об упоминаемых ниже (запись 6 марта) поэмах «Лилея» и «Русалка».

[^^^]

Послал письмо графине Н. И. Толстой. —
Письмо это см. в наст. томе.

[^^^]

Зашел к Вильде... — Николай Евстафьевич Вильде, актер и драматург. Упоминаемый ниже артист и скрипач Шмитгоф Максимилиан Карлович вскоре женился на Пиуновой.

[^^^]

На почтовой станции встретил А. И. Бутакова. — Алексей Иванович Бутаков (1816–1869) — исследователь Аральского моря. За участие, проявленное к ссыльному поэту, в частности за разрешение ему писать и рисовать, вопреки царскому запрету, получил «строжайший выговор»; материалы руководимой им экспедиции 1848–1849 гг. опубликованы его подчиненным, и он не получил золотой медали Географического общества. Тем не менее Бутаков продолжал исследование Аральского моря.

[^^^]

Посетил меня почтеннейший Михайло Александрович Максимович. — С М. А. Максимовичем (1804–1873), фольклористом, историком, филологом, переводчиком «Слова о полку Игореве», Шевченко познакомился еще перед ссылкой, повидимому на Украине.

[^^^]

Встретил несколько человек гостей... — Далее Шевченко называет: Николая Христофоровича Кетчера (1809–1886) — врача и переводчика Шекспира, близкого друга Герцена; Ивана Кондратьевича Бабста (1823–1881) — профессора Московского университета, экономиста; Александра Николаевича Афанасьева (1826–1871) — фольклориста и историка литературы.

[^^^]

Навестил меня Маркович. — Имеется в виду Андрей Николаевич Маркевич; см. запись 21 июня 1857 г.

[^^^]

М. А. Максимович с брошюрой... — Точное название брошюры — «Сказание о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном», — это отдельный оттиск из альманаха «Киевлянин», изданного Максимовичем в 1850 г.

[^^^]

Отправил Лазаревскому два рисунка. — О каких именно рисунках идет речь — неизвестно. Из письма Шевченко к М. М. Лазаревскому 12 марта 1858 г. видно, что поэт просил предварительно рисунки сфотографировать, однако и соответствующих фотографий пока обнаружить не удалось.

[^^^]

Пригласил он для меня какую то г. Грекову. —
Ирина Афанасьевна Грекова — родственница
Н. В. Станкевича.

[^^^]

Петр Михайлович, старший сын моего великого друга... — П. М. Щепкин (1821–1877) — юрист, был третьим сыном М. С. Щепкина.

[^^^]

Нарисовал портрет... — Портрет М. С. Щепкина черным и белым карандашами в настоящее время находится в Государственном музее Т. Г. Шевченко в Киеве, много раз воспроизводился и считается одним из лучших изображений великого актера.

[^^^]

Застали его в хлопотах около «Русской беседы». — «Русская беседа» — журнал славянофильского лагеря, выходивший в 1856–1860 гг. М. А. Максимович принимал в редактировании журнала близкое участие.

[^^^]

Я написал ей на память свой «Весенний вечер». — Это свое стихотворение («Вишневый садик возле хаты...» — И. А.) Шевченко особенно охотно записывал на память знакомым и друзьям, особенно охотно читал его. «Раз, помнится, — вспоминает И. С. Тургенев, — он прочел при мне свое прекрасное стихотворение «Вечір» — и прочел его просто, искренно; сам он был тронут и тронул всех слушателей: вся южнорусская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя, бившая в нем, тут ясно выступила на поверхность».

[^^^]

Приятелю А. Н. Мокрицкому... — О художнике Мокрицком Шевченко упоминает также в повести «Художник» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Заехали в книжный магазин Н. Щепкина. — Второй сын М. С. Щепкина, Николай Михайлович (1820–1886) — прогрессивный издатель и книгопродавец. В издательских его предприятиях принимал участие также Евгений Иванович Якушкин (1826–1905), сын декабриста.

[^^^]

Зашли к Елене Константиновне Станкевич...
— жене Александра Владимировича Станкевича (о нем упоминается в записи 20 марта), участника прогрессивного кружка 30—40-х гг. Станкевича — Грановского. Никаких сведений о времени знакомства с ней (как и с упоминаемой ниже О. И. Меницкой) поэта нет, однако можно предположить, что знакомство это относится к февралю — марту 1844 г., когда он прожил некоторое время в Москве и познакомился с Бодянским и Щепкиным.

[^^^]

Пошел к уральскому казачине Савичу. — Никита Савич (или Савичев) в 1854 г. провел несколько дней в Новопетровском укреплении, в довольно близком общении с поэтом, который передал через него поручение Бодянскому (см. письмо 1 мая 1854 г.). Много лет спустя Н. Савичев напечатал интересные воспоминания о Шевченко («Кратковременное знакомство с Тарасом Григорьевичем Шевченко» — «Казачий вестник», 1884, №№ 53, 54). Книга, полученная у него поэтом, — «Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, составил Самуил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720» (4 тома, Киев, 1848, 1851, 1854, 1864). О существовании этой книги Шевченко знал еще в ссылке и очень ею интересовался (ср. в письме к Кулишу 4 декабря 1857 г.), повидимому, стремясь переосмыслить односторонне-тенденциозное освещение событий основного для него источника сведений по истории Украины — «Истории Русов».

[^^^]

Экземпляр стихотворений Тютчева... — «Стихотворения Ф. Тютчева», СПб. 1854.

[^^^]

Кетчер подарил мне все издания своей компании... — то есть издательской компании «Н. Щепкин и К0», в которой он принимал близкое участие.

[^^^]

Бабст подарил свою речь... — «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», М. 1857 — речь, произнесенная 6 июня 1856 г. в торжественном заседании Казанского университета.

[^^^]

Портрета кн. Волконского, декабриста... — Сергей Григорьевич Волконский (1788–1865) — один из руководителей Южного общества декабристов, был сослан в Сибирь, на вечную каторгу. В 1856 г. получил возможность возвратиться в Россию.

[^^^]

Поехали... к Забелину. — Иван Егорович Забелин (1820–1908) — археолог и историк русского быта, в 1848–1859 гг. служил чиновником московской Оружейной палаты в Кремле. Директором Палаты был писатель и археолог-любитель Александр Фомич Вельтман (1800–1870).

[^^^]

Свидание наше длилось несколько минут. — Из неопубликованных писем Аксаковых видно, что украинский поэт произвел самое благоприятное впечатление на всех: «Шевченко... всем на отесеньку (С. Т. Аксаков. — И. А.) и на братьев (К. С. и И. С. Аксаковых. — И. А.) производит приятное впечатление, — писала В. С. Аксакова, — он умен и прост, и если в нем есть дурные стороны, дурные минуты в его жизни, то, кажется, как будто это не смешивается с его природой. В самом деле, стихи его всегда чисты и нравственны... С Шевченко можно было бы о многом разговориться, и он начинал было рассказывать, но некогда было» (26 марта 1858 г.)

[^^^]

Прочитав статью в 3 № «Полярной звезды»...
— Имеется в виду статья Герцена «Княгиня
Екатерина Романовна Дашкова».

[^^^]

Актер Самарин. — Иван Васильевич Самарин (1817–1885) — артист Малого театра и автор нескольких пьес.

[^^^]

Эпиграмму Щербины... — Списанная в «Дневник» эпиграмма принадлежит не Н. Ф. Щербине, а поэту А. Н. Апухтину (1840–1893) и является пародией на стихотворение А. А. Фета «Лесом мы шли по тропинке единственной», незадолго перед тем появившейся в свет («Русский вестник», 1858, февраль, кн. 2, с. 397).

[^^^]

К актеру Шумскому... — Сергей Васильевич Шумский (Чесноков) (1821–1878) — актер Малого театра, ученик Щепкина.

[^^^]

Здесь я встретил... — Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) — профессор Московского университета, юрист, общественный деятель, умеренный либерал. Алексей Иванович Кронеберг — переводчик «Летописи» Тацита (М. 1858), сын харьковского профессора-классика И. Я. Кронеберга (1788–1838), оказавшего значительное воздействие на формирование эстетических представлений молодого Белинского. Евгений Федорович Корш (1810–1897) — прогрессивный журналист и переводчик. Николай Федорович Крузе (1823–1901) — московский цензор, вышедший несколько месяцев спустя в отставку из-за «либерального» отношения к печати. Отставка его вызвала ряд демонстраций прогрессивных общественных кругов. Крузе цензуровал «Записки о Южной Руси» и «Грамматку» Кулиша; в одном из писем к Шевченко Кулиш предполагал расспросить Крузе, не пропустил ли бы он новым изданием «Кобзарь» и «Гайдамаки».

М. А. Максимович задал мне обед. — Этот обед в честь Шевченко явился демонстрацией славянофилов, обеспокоенных тем, что прославленный украинский поэт во время своего пребывания в Москве оказался в окружении представителей либерального западничества. Имелось в виду привлечь Шевченко к участию в славянофильской «Русской беседе», в проектировавшихся журналах И. С. Аксакова и др. Все эти замыслы потерпели неудачу: Шевченко не только не сделался славянофилом, но попросту не заметил большинства присутствовавших на обеде «столпов» славянофильства, а о замеченных отозвался без всякого восторга и почтения.

[^^^]

Песни, петье Надеждой Сергеевной. — Младшая дочь С. Т. Аксакова Надежда Сергеевна (1829–1869) научилась украинским народным песням у Гоголя; после его смерти продолжала интересоваться ими и расширять свой репертуар.

[^^^]

Поехал я к Кошелеву... — Александр Иванович Кошелев (1806–1883) — публицист и общественный деятель, славянофил.

[^^^]

Приехавшего из Москвы Григория Галагана. — Григорий Павлович Галаган (1819–1888) — крупнейший земельный магнат, деятель буржуазно-националистического толка.

[^^^]

Моего в Москве обретшегося Еретика... — Отобранная у Шевченко при аресте в 1847 году рукопись его поэмы «Еретик» осталась в III Отделении и была опубликована лишь после революции 1905 года. Возвращаясь из ссылки, Шевченко еще в Нижнем-Новгороде предпринял меры к разысканию какой-нибудь копии поэмы. На обеде у Максимовича Шевченко встретился с П. И. Бартевым, архивистом-собирателем, позднее — издателем журнала «Русский архив»; обнаружилось, что у него хранится какой-то список шевченковской поэмы. Он-то и был доставлен Максимовичем. Оказалось, однако, что бартевский список не полон, и розыски продолжались далее.

[^^^]

Отправились мы к графине Н. И. Толстой. — Воспоминания Е. Ф. Юнге рисуют трогательную сцену встречи поэта с теми, кого он считал главными виновниками своего освобождения: «Мы... с замиранием сердца ждали, смотрели в окошко и, как всегда бывает, просмотрели, так что возглас кого-то: «приехали!» застал нас врасплох; мы не успели выбежать навстречу, — Т. Гр. уже вошел в залу. Среднего роста, скорее полный, чем худой, с окладистой бородою, с добрыми, полными слез глазами, он простер к нам свои объятия. Все мы были под влиянием такой полной, такой светлой, такой трогательной радости! Все обнимались, плакали, смеялись, а он мог только повторять: «Сердёнъки мои! други мои!» — и крепко прижимал нас к своему сердцу...» (Е. Ф. Юнге, Воспоминания, книгоиздательство «Сфинкс», с. 164).

[^^^]

Вечер провели мы у В. М. Белозерского... — Василий Михайлович Белозерский (1823–1899) — впоследствии издатель журнала «Основа» (1861–1862), был в числе лиц, привлеченных по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе. За выказанные на допросах «благородство и откровенность» был выслан в Олонецкую губернию на службу, а с середины пятидесятых годов уже служил в Петербурге, в канцелярии военного генерал-губернатора. Либерал Белозерский усердно стремился объединить вокруг «Основы» сторонников крепостнической реакции и революционных демократов. Это выдвинуло его в руководители журнала, который Шевченко мечтал сделать «своим», то есть революционно-демократическим, но который усилиями Белозерского, Кулиша и Костомарова был превращен в эклектический орган.

[^^^]

Встретил я моих соизгнанников оренбургских... — О Сераковском см. выше. Ян Станевич — польский студент, сосланный в 1848 г. в Оренбург в солдаты. В 1856 г, возвратился в Петербург. Эдвард Желиговский (1816–1864) — польский поэт, известный под псевдонимом Антоний Сова. В 1851 г. был сослан в Петрозаводск, где познакомился с В. М. Белозерским, а позднее — переведен на службу в Оренбург. Здесь, через ссыльных поляков, заочно познакомился с Шевченко. В 1857 г. возвратился в Петербург. См. о нем также в т. 1 наст, изд., примечание к стихотворению «Подражание. Эдуарду Сове».

[^^^]

Поехали к Василию Лазаревскому. — Василий Матвеевич Лазаревский (1817–1890) — старший из братьев, позднее видный чиновник министерства внутренних дел и цензурного ведомства.

[^^^]

Лекцию геологии профессора Роде... — Об этих «лекциях» (в действительности своеобразных культурно-исторических спектаклях), привлекавших массу публики, одна из посетительниц писала: «Это представление в 40 картинах, которые изображают постепенное развитие земной поверхности до ее нынешнего состояния» («Голос минувшего», 1915, № 11, с. 199). Успех «лекций» вызвал вмешательство петербургского митрополита Григория-«юбкоборца» (см. о нем в прим. к 1 т. наст. изд.): он сочинил донос, указывая, что «представление» Роде, «явно колеблющее основание христианства», «весьма вредно для народной веры и нравственности» («Колокол», 1858, л. 17).

[^^^]

Портрет в шапке и тулупе... — Этот портрет (так называемый «деньеровский», по фамилии фотографа) стал впоследствии одним из наиболее известных изображений поэта.

[^^^]

Зашел к художнику Лаврову... — Николай Андреевич Лавров (1820–1875) — художник-портретист, товарищ Шевченко по Академии художеств и по мастерской К. Брюллова.

[^^^]

Узнал о смерти Павла Петровского. — О нем см. запись 3 октября 1857 г. Его матери П. С. Петровской была первоначально посвящена баллада «Тополя».

[^^^]

Боюсь, как бы мне не сделаться модной фигурой в Питере. — Популярность Шевченко значительно превышала известность его как поэта и живописца. В нем видели вчерашнего политического ссыльного, борца-революционера, не сломленного ссылкой и солдатчиной, не раскаявшегося. И так было не только в первые дни возвращения поэта в Петербург, но и позже. 21 ноября 1860 года по поводу выступления Шевченко на литературном вечере в пользу воскресных школ Е. А. Штакеншнейдер записала: «Вот век изучай, и все не поймешь то, что называют публикой. Шевченко она так приняла, точно он гений, сошедший в залу Пассажа прямо с небес. Едва успел он войти, как начали хлопать, топать, кричать. Бедный певец совсем растерялся. Думаю, что неистовый шум этот относился не столько лично к Шевченко, сколько был демонстрацией. Чествовали мученика, пострадавшего за правду» (Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки, Асасіетіа, 1934, с. 269).

[^^^]

С художником Лукашевичем был в Эрмитаже. — В дневниковой записи 5 мая 1858 г. Шевченко называет Алексея Лукашевича «учеником и любимцем великого Брюллова». Окончил он Академию художеств в 1839 г., но и позднее продолжал пользоваться советами и указаниями К. Брюллова.

[^^^]

Земляк Л. Н. Дзюбин... — Знакомство с ним относится еще к первой половине сороковых годов; его имя несколько раз встречается в переписке поэта первых лет ссылки. По возвращении в Петербург Шевченко возобновил встречи с Дзюбиным и даже подарил ему (в 1859 году) свой автопортрет (см. «Русская старина», 1891, № 5, с. 447).

[^^^]

*Вечер провел у Семена — то есть у С. С. Арте-
МОВСКОГО.*

[^^^]

Нашел квартиру Кокорева... — Вероятно, речь идет о Василии Александровиче Кокореве (1817–1889) — «откупщике-литераторе», как он характеризуется в «Дневнике» дальше. В конце 50-х гг. Кокорев довольно часто выступал как публицист.

[^^^]

Заехал Сошальский... — О нем неоднократно упоминает Шевченко также в последующих записях. Один из ранних биографов поэта называет Сошальского богатым помещиком.

[^^^]

Увез меня к... землячке Марье Степановне. —
Имеется в виду М. С. Кржисевич (1824–1905) —
одна из племянниц помещика Г. С. Тарнов-
ского (см. т. 3 наст. изд., примечания к пове-
сти «Музыкант»).

[^^^]

Заехали к Градовичу. — Речь идет о враче Эдуарде Александровиче Градовиче, бывшем в 40-х гг. прилукским и лохвицким уездным врачом.

[^^^]

Смотрел и слушал «Бронзового коня». — Опера Обера (1782–1871), французского композитора. Начиная с 1837 г., опера шла в Петербурге с большим успехом, в роскошной постановке.

[^^^]

Старик Петров — певец-бас Осип Афанасьевич Петров (1806–1878), первый исполнитель Сусанина и Руслана в операх М. И. Глинки, приятель Шевченко еще с начала 40-х гг.

[^^^]

«Навуходоносор». — Перевод стихотворения Беранже был сделан В. С. Курочкиным в 1855–1858 гг. и ходил по рукам в списках.

[^^^]

Брехуна Элькана — Александр Львович Элькан (1819–1869) — газетный репортер, переводчик, сплетник и болтун. О нем Шевченко вспоминает в ряде писем из ссылки, а также в повести «Художник» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Как мне приступить к цензуре? — Вопрос о цензуре был для Шевченко особенно сложным ввиду тяготевшего над ним запрещения «писать и рисовать», не снятого в приказе об амнистии.

[^^^]

Слышал... игру Антония Коптского и лично познакомился с поэтом Щербиною. — Антоний Контский (1817–1899) — польский пианист-виртуоз, композитор и педагог. В 1854–1867 гг. жил в Петербурге. Николай Федорович Щербина (1821–1869) — поэт, постоянный посетитель вечеров Толстых. Несмотря на различия эстетических взглядов, оба поэта относились друг к другу с большой симпатией. Сохранилось письмо Щербины к А. В. Дружинину, написанное в связи со смертью Шевченко: «Шевченко умер... Наш единственный народный поэт в настоящее время-довольно сказать, народный поэт и многострадальный человек, и человек исключительный по душе и по современному значению в кругу наших лучших братьи, которых почему-то называют меньшими братьями...» («Письма к А. В. Дружинину (1850–1863)», М. 1948, с. 358).

К старику Бюрно... — О нем см. запись 22
июля 1857 г.

[^^^]

Поперечил художник Соколов... — Иван Иванович Соколов (1823–1910) — художник-жанрист. В 1859 г. офорт Шевченко, сделанный с картины И. И. Соколова «Прятели в шинке», был представлен (вместе с офортом с картины Рембрандта) в Совет Академии художеств для получения звания академика.

[^^^]

Зашли к... генералу Корбе. — С Илларионом Михайловичем Корбе, офицером (потом генералом), владельцем небольшого имения в Черниговской губернии, Шевченко был знаком еще с академических времен.

[^^^]

Две знаменитости: графа Толстого... и защитника Севастополя, генерала Хрулева. — Данная запись давала повод ряду исследователей утверждать личное знакомство Шевченко с Л. Н. Толстым; Н. Гусев внес это знакомство в «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого» (Асасіетіа, 1936, с. 107). Между тем, из дневника самого Л. Н. Толстого явствует, что он, приехав 18 марта 1858 г. в Москву, находился в ней безвыездно до 9 апреля, когда возвратился в Ясную Поляну (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 48, М. 1952, с. 12). Можно предположить, что Шевченко принял за Л. Н. Толстого его брата, Николая Николаевича, кавказского офицера, автора очерка «Охота на Кавказе» («Современник», 1857, № 2), о котором Некрасов писал Тургеневу: «Не знаю, насколько Лев Н. поправил слог, но мне показалось, что эта рука тверже владеет языком, чем сам Л. Н.» (Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, т. X, с. 333). Офицерский чин Н. Н. Толстого, присутствие генерала Хрулева, естественное упоминание

при нем о Севастопольской кампании и известной солдатской песне — все это, следует думать, и послужило поводом для фактически неверной записи «Дневника».

[^^^]

Генерал Степан Александрович Хрулев (1807–1870) — участник Севастопольской обороны, получил известность несколькими смелыми вылазками против неприятеля. По окончании Крымской войны Хрулев оставался «не у дел»; это, очевидно, и дало поэту повод назвать его «приборканою» (то есть приструненною, утихомирившеюся) знаменитостью.

[^^^]

Посетил ... Рамазанова и Михайлова. — Николай Александрович Рамазанов — скульптор, профессор московского училища живописи, ваяния и зодчества, товарищ Шевченко по Академии художеств (окончил ее в 1839 году) (см. о нем повесть «Художник» в т. 4 наст. изд.). О Михайлове см. выше, примечание к записи 1 июля 1857 г.

[^^^]

Очаровательный Семен. — Роль Чупруна в водевиле И. П. Котляревского «Москаль-чарівник» считалась одной из лучших в репертуаре С. С. Гулака-Артемовского.

[^^^]

Поручил Каменецкому хлопотать... — Речь идет о первоначальных, неофициальных шагах, предпринятых Каменецким и имевших целью выяснить самую возможность появления имени Шевченко в печати. Можно думать, что одним из таких шагов было обращение к министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому и к начальнику III Отделения В. А. Долгорукому; см. запись 15 апреля о визите поэта к Долгорукому. После долгих мытарств предположенная книга вышла в значительно урезанном виде в 1860 г. — «Кобзарь Т. Шевченка», СПб. 1860 (с портретом автора).

[^^^]

Из миленькой Анны Яковлевны... — Жена О. А. Петрова Анна Яковлевна (1816–1901) — оперная певица, первая исполнительница ролей Вани и Ратмира в операх Глинки, обладательница замечательного контральто.

[^^^]

Слушал новую драму Желиговского (Совы)... — Имеется в виду драма «Zorski», продолжение давней его драмы «Иордан» (1846). Драма не была издана полностью и известна по отрывкам и пересказам современников. Содержание ее должно было заинтересовать Шевченко: герой драмы Зорский — сильная личность, передовой человек своей эпохи: он раздает свою землю крепостным, старается приобщить их к своим идеям. Друг и последователь Зорского, Водзич, женится на крестьянке, чтобы на деле осуществить слияние интеллигенции с народом.

[^^^]

С успехом доказал Сераковскому, что Некрасов не только не поэт, но даже стихотворец аляповатый. — Скупость и вместе с тем категоричность этой записи издавна привлекали к ней внимание читателей «Дневника», внимание его издателей и комментаторов. Буржуазные исследователи пользовались ею как поводом для заключения, что Шевченко не был в состоянии (или не пожелал) понять Некрасова. Пытаясь же объяснить конкретные причины данного отзыва, они приходили к мало обоснованному заключению, будто бы Шевченко высказывал не собственные свои впечатления от поэзии Некрасова, но повторял отрицательные отзывы С. Т. Аксакова и П. А. Кулиша. Но ссылки на литературных советников нелепы, хотя бы потому, что в своих литературных высказываниях и оценках поэт неизменно основывался на собственных впечатлениях и никогда не судил с чужого голоса. Отрицательный отзыв о поэзии Некрасова, к тому же высказанный Сераковскому, человеку очень близкому к Чернышев-

скому и к редакции «Современника», должен был явиться следствием каких-то свежих читательских впечатлений. Источник этих впечатлений может быть установлен с большой долей вероятия. В сентябрьской книге «Современника» за 1857 год была напечатана поэма Некрасова «Тишина», вызвавшая оживленные толки общественности. Неожиданно, на общем фоне беллетристики и особенно публицистики «Современника», в этой поэме (особенно в ее четвертой главе) прозвучало славословие Александру II в духе тех либеральных писаний, которые связывали с личностью нового царя неясные надежды на лучшее будущее России, на предстоявшие социальные реформы. Сохранились свидетельства о том, как восприняли поэму передовые русские люди: Герцен, например, с возмущением писал Тургеневу, что Некрасов в «Тихине» «обратился в православие», «магдалиняется» и т. д. Совершенно допустимо предположить, что и Шевченко оказался в числе тех, кто увидел в «Тихине» отход Некрасова от демократизма. Становится понятно, почему Шевченко высказал свои впечатления именно Сера-

ковскому, одному из близких сотрудников журнала, руководимого Некрасовым. Сам Некрасов согласился с отрицательными оценками «Тишины»: позднее он значительно переработал поэму, вовсе исключил четвертую главу.

[^^^]

Пошли мы на званый обед... — Об этом обеде рассказывает в своих воспоминаниях Е. Ф. Юнге: «Через несколько дней (после приезда поэта. — И. А.) у нас был обед в честь Шевченко, на котором присутствовали, кроме наших общих друзей, еще многие его земляки-малороссы... говорилось много искренних и трогательных речей; говорил и отец мой (Ф. П. Толстой. — И. А.). Шевченко был так растроган, что не мог кончить своей речи от слез» (Е. Ф. Юнге, Воспоминания, книгоиздательство «Сфинкс», сс. 164–165).

[^^^]

Сказал почти либеральное слово Николай Дмитриевич Старое... — 17 апреля Шевченко списал в свой «Дневник» это «слово». Следует иметь в виду, что в обычном словоупотреблении середины XIX в. определение «либеральный» было равнозначным с «революционный», так что шевченковская запись имела в виду подчеркнуть большую смелость выступления Старова. Н. Д. Старов — педагог, один из воспитателей дочери Ф. П. Толстого Екатерины Федоровны (впоследствии Юнге).

[^^^]

Поехали мы... к М. В. Остроградскому. — Михаил Васильевич Остроградский (1801–1861) — математик, с 1855 г. — академик. Постоянным его посетителем был также С. С. Артемовский.

[^^^]

Слушал стихотворения Юлии Жадозской. — Произведения Юлии Валерьяновны Жадозской (1824–1883) встретили сочувственный отзыв Добролюбова (см. Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, М. 1834, сс. 368–379). Жадозская родилась без левой руки и только с тремя пальцами на правой; это и дало повод поэту назвать ее «жалкой, бедной девушкой».

[^^^]

Семен познакомил меня с... В. П. Энгельгардтом. — Василий Павлович Энгельгардт (1828–1910) — сын бывшего помещика крепостного Шевченко, музыкант и астроном-любитель, друг Глинки, Даргомыжского, Стасовых, Серова и др.

[^^^]

Галаган познакомил меня... с Карташевскими. — По словам Тургенева, в доме Карташевской часто собирались украинцы, проживавшие в Петербурге, и поэт «стал посещать ее чуть не каждый день». Сама В. Я. Карташевская позднее вспоминала: «У нас с Т. Г. завязались дружеские отношения. Он приходил часто по вечерам. Говорил откровенно о своей неудачной и загубленной жизни. Читал мне стихи. Раз вечером, очень взволнованный, ходил по комнате и попросил у меня лист бумаги, присел и написал мне «Садок вишневый коло хати». Он признался, что на старости лет ему хотелось бы жениться и иметь такую обстановку с хаткой и садиком» («Киевская старина», 1900, № 2, Документы, сс. 61–62). В доме Карташевской разыгралось неудачное его сватовство к Ликере Полусмаковой.

[^^^]

Встретился с Громекою. — Степан Степанович Громека (1823–1877) — либеральный публицист-обличитель.

[^^^]

Персидским, с декабристом... — Эта запись не поддается расшифровке, — среди декабристов никого с этой фамилией либо похожей нет.

[^^^]

Каким-то молодым генералом Крыловым...
— Повидимому, А. Д. Крылов; краткую, но выразительную его характеристику сделал М. М. Лазаревский на полях рукописи «Дневника»: «Известная каналья».

[^^^]

Мей прислал мне... «Весенний вечер»... — Перевод шевченковского стихотворения, сделанный Львом Александровичем Меем (1822–1862), появился в печати в «Народном чтении», 1859, № 3, с. 153, в переработанном виде. О первоначальном тексте перевода, бывшем в руках у Шевченко, см. Л. А. Мей, Стихотворения и драмы, «Библиотека поэта», Л. 1947, сс. 545–546.

[^^^]

Познакомил меня с профессором Кавелиным.
— Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) — профессор гражданского права в Петербургском университете, либерал. Симпатия Шевченко к нему была отчасти обусловлена его запиской об уничтожении крепостного права, ходившей в рукописях и использованной Чернышевским в статье «О новых условиях сельского быта» («Современник», 1858, №№ 2, 4).

[^^^]

С тремя братьями Жемчужниковыми. — Вероятно, Алексей Михайлович (1821–1908) — известный поэт, Владимир Михайлович (1830–1884) — чиновник, один из авторов (вместе с братом Алексеем и А. К. Толстым) «Козьмы Пруткова», и Николай Михайлович (1824–1909) — помещик. Обычно комментаторы «Дневника» датируют этим днем начало личного знакомства поэта с Львом Михайловичем Жемчужниковым, однако, как указывалось, последний летом 1857 г. выехал за границу и возвратился лишь почти три года спустя.

[^^^]

Леонова в роли Вани хороша. — Дарья Михайловна Леонова (1829–1896) — певица-контральто, артистка Петербургской оперы.

[^^^]

Письмо от милейшего Сергея Тимофеевича...
— С. Т. Аксаков благодарил поэта за пересланный через Щепкина автопортрет (или фотографию с него). Одновременно Аксаков сообщал о судьбе переданной ему рукописи шевченковской повести «Прогулка с удовольствием и не без морали»: «Первая часть вашей повести давно отдана Максимовичу, который должен уведомить вас, будет ли она помещена в «Р[усской] Беседе», или нет. Вторую часть я читаю понемногу. Как дочитаю, скажу вам откровенно свое мнение. Я считаю, что такому таланту, как вы, надо говорить чистую правду».

[^^^]

Сегодня я увлекся своею Лунатикою. — Об этом произведении Шевченко (повести?) не сохранилось, никаких сведений. Как гласит приписка М. М. Лазаревского на полях рукописи «Дневника», рукопись «Лунатики» «както где-то пропала».

[^^^]

Мадемуазель Грубнер. — Так Шевченко называет Изабеллу Львовну Гринберг, о которой Е. Ф. Юнге (в доме Толстых Шевченко с ней и познакомился) сообщает, что она «пользовалась в Петербурге репутацией хорошей салонной певицы и принимала у себя знаменитых артистов» (Е. Ф. Юнге, Воспоминания, книгоиздательство «Сфинкс», с. 135).

[^^^]

Встретился я с... Даргомыжским и с архитектором Кузьминым... — Александр Сергеевич Даргомыжский (1813–1869) был художественным воспитателем И. Л. Гринберг и часто бывал у нее. Упомянуемого здесь же профессора архитектуры Академии художеств Романа Ивановича Кузьмина (1810–1867) Шевченко знал еще по годам учения в Академии.

[^^^]

Обещает познакомить с декабристом бароном Штейнгелем. — Владимир Иванович Штейнгель (1783–1862) был осужден на двадцатилетнюю каторгу. Из Сибири возвратился в 1856 г. и поселился в Петербурге.

[^^^]

Он прочитал описание своего будинка... — В своем имении Галаган выстроил дом в старинном украинском стиле.

[^^^]

Познакомился с Галаховым. — Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892) — педагог-словесник и журналист.

[^^^]

Вечером пошел в театр. — В Большом театре шла в этот день опера Г. Доницетти «Линда ди Шамуни».

[^^^]

Читали Гумбольдта «Космос». — Александр Гумбольдт (1769–1859) — немецкий ученый-естествоиспытатель и путешественник, стихийный материалист. Его «Космос» (4 тома, 1845–1858) — свод знаний первой половины XIX в., составленный ученым с необычайно широким кругозором. Шевченко, повидимому, был знаком с «Космосом» еще в ссылке. В письме к Брониславу Залесскому 10–15 февраля 1857 г. он говорит о сильном своем желании «поговорить... о «Космосе».

[^^^]

К барону Клодту... — Скульптор Петр Карлович Клодт (о нем см. повесть «Художник» в т. 4 наст. изд.). Упоминаемый дальше монумент «незабываемого» — конная статуя Николая I на Исаакиевской площади.

[^^^]

Встретился мне Зимбулатов и Бориспольц...
— Михаил Иванович Зембулатов в 1842–1857 гг. был преподавателем рисования в военных школах. Платон Тимофеевич Борисполец (1805–1880) — художник. С обоими Шевченко был знаком еще со времен своего учения в Академии художеств.

[^^^]

Зашел к М. И. Сухомлинову... — Михаил Иванович Сухомлинов (1828–1901) — профессор русской словесности в Петербургском университете, впоследствии академик.

[^^^]

Были у Н. И. Петрова... — Николай Иванович Петров — чиновник, литератор. Знакомство Шевченко с ним относится еще к 1844–1845 гг.

[^^^]

Лично познакомился с поэтом Курочкиным и с братом его Николаем... — то есть с В. С. Курочкиным (о нем см. выше) и с Николаем Степановичем Курочкиным (1830–1884), поэтом-демократом, сотрудником «Искры». С обоими братьями Шевченко сошелся дружески. В. С. Курочкин, по рассказу Д. П. Сильчевского («Из воспоминаний о В. С. Курочкине» — «Северный курьер», 1900, № 268), до конца своей жизни «с большой любовью и уважением вспоминал... про Т. Г. Шевченко, с которым сблизился в 1860 г., и про Добролюбова. Об этих двух личностях он говорил... с чисто юношеским восторгом и со сверкающими глазами». Н. С. Курочкин перевел несколько стихотворений Шевченко; его дружеские записки к поэту, свидетельствующие об очень теплых между ними отношениях, см. в примечаниях к т. 2 наст. изд.

[^^^]

Случившуюся со мною рукопись... — «И мертвым и живым и нерожденным землякам моим в Украине и не в Украине мое дружеское послание» (см. в т. 1 наст. изд.). Автограф, подаренный Дзюбину, не сохранился, хотя представлял бы значительный интерес, так как отражал последнюю авторскую правку; в настоящее время стихотворение известно по автографу 1845 г., сохранившемуся в архиве III Отделения.

[^^^]

Зашли в Казанский собор... — «Картина Брюллова», о которой упоминает Шевченко, — образ «Взятие божией матери на небо» (в настоящее время — в Русском музее, Ленинград); образ писался в 1836–1839 гг., то есть, можно сказать, на глазах Шевченко; это объясняет интерес поэта к картине. Замечание Шевченко о неудачном расположении картины также восходит к суждениям самого художника. Об этой картине Шевченко упоминает также в повести «Художник» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Полюбовались... алеутскими болванчиками...
— то есть резными из кости фигурками, появившимися в продаже.

[^^^]

Монумент Крылова... — Памятник этот делался вне учета того, где он будет поставлен. Николай I нашел «слишком видными» предполагавшиеся первоначально места: перед Александрийским театром (там, где впоследствии поставлен памятник Екатерине II) и рядом с Академией художеств. После этого придворные чины решили «упрятать» Крылова в Летнем саду, где памятник оказался стесненным со всех сторон деревьями.

[^^^]

Прошли в сквер... — Имеется в виду обширная площадь позади биржи на стрелке Васильевского острова, позднее застроенная зданиями клиник. В этом сквере в течение многих лет шла оживленная торговля различными заморскими безделушками, животными, которые продавались матросами прибывших кораблей.

[^^^]

Бедный Тыранов! — А. В. Тыранов в 1844 г. психически заболел, хотя продолжал работать, поэтому Шевченко и говорит о его «болезненном маранье» (см. о нем также повесть «Художник» в т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Меня очаровал Танерини. — Шевченко имеет в виду статую итальянского скульптора Пьетро Танерини (1789–1869) «Психея»; он называет ее «Душенькой», припомнив известную шутиливую поэму И. Ф. Богдановича, написанную на сюжет античного сказанья об Амуре и Психее.

[^^^]

Толстейшего Серезу Уварова. — О нем см. в примечаниях к повести «Художник» в т. 4 наст. изд.

[^^^]

С знаменитым гравером Иорданом... — О нем см. выше, примечание к записи 3 ноября 1857 г.

[^^^]

Остановился я на эскизе Мурильо Святое семейство. — Бартоломео Эстебан Мурильо (1617–1682) — испанский художник.

[^^^]

Прошел к граверу и печатнику Служинскому.
— Франц Осипович Служинский в 1837 г. закончил Академию художеств «по части гравирования».

[^^^]

Зашел к Юзефовичу... — к В. В. Юзефовичу, чиновнику синода. Его брат М. В. Юзефович в 1847 г. предательски поступил по отношению к Н. И. Костомарову — взяв «на сохранение» черновики написанных Костомаровым программных Документов Кирилло-Мефодиевского общества, он тотчас же представил рукописи начальству.

[^^^]

Академика Никитенка... — С Александром Васильевичем Никитенко (1804–1877) Шевченко был знаком еще с начала 40-х годов. Его характеристика («декламатор, актер») очень точно определяет существо ораторского дарования Никитенко.

[^^^]

Вошли... Вильбуа. — Константин Петрович Вильбоа (1817–1882) — композитор, автор популярных романсов. Его опера, о которой хлопотать помогал Шевченко, вероятно, «Наташа, или Волжские разбойники», поставленная несколько лет спустя на петербургской и московской оперных сценах.

[^^^]

Протившись с Сухомлиновым... — М. И. Сухомлинов уезжал в заграничную научную командировку, продолжавшуюся до 1 сентября 1860 г.

[^^^]

Билет для входа в Исаакиевский собор... — В 1858 г. была закончена постройка Исаакиевского собора, длившаяся почти сорок лет. До официального освящения осмотр собора разрешался по особым билетам.

[^^^]

Польского журнала «Слово...» — Польская газета «Słowo» начала выходить в Петербурге с января 1859 г., но просуществовала недолго и после выхода № 15 была закрыта.

[^^^]

Пошел к графине Настасье Ивановне... — В начале июня 1858 г. Шевченко получил в помещении Академии небольшую мастерскую с жилой комнатой при ней; здесь он прожил до самой смерти.

[^^^]

К художнику Микешину и потом к Глебовскому. — Михаил Осипович Микешин (1836–1896) — художник и скульптор. О своих отношениях к поэту рассказал впоследствии в воспоминаниях (при т. II так называемого «Пражского» «Кобзаря», 1876). Станислав Хлебовский только что окончил Академию художеств и в апреле 1858 г. получил золотую медаль за картину «Ассамблея при дворе Петра Великого».

[^^^]

По приглашению Троцины... — вероятно, Константина Елисеевича Троцины, нежинского помещика, автора ряда статей по истории судостроительства и по вопросам крестьянского хозяйства.

[^^^]

Ездили с... Макаровым. — Николай Яковлевич Макаров (1828–1892) — чиновник и помещик. В конце 50-х гг. был близок к группе украинских литераторов и общественных деятелей, предпринявших издание журнала «Основа»; в журнале этом он напечатал несколько статей.

[^^^]

«*Do brata Tarasa Szrwczenki*». — Приводим здесь русский перевод стихотворения Э. Желиговского (Антония Совы):

БРАТУ ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО ♦

*Сын народа — вождь народный,
Мученик, твой путь прекрасен,
Лавр славы благородный,
Как и песни, скорбен, ясен.*

*Два венца обрел сплетенных,
Оба дивны, но кровавы,—
Ты трудился не для славы,
А для братьев угнетенных.*

*Им сдавили стоны муки —
Ах! и стоны — преступленье,
Громким эхом во мгновенье
Повторил ты эти звуки.*

*Каждый стих — предел страда-
нья,
Жгучей болью наносимый,
Ты оплакал до созданья,
Духом свыше осененный.*

*Скорбный! видишь чудо слова?
Как никто не спрячет снова
Солнца днем, — так не посмеет
Слово смять рука тиранов;*

*Слово — божье и имеет
Бардов вместо капелланов;
Мрак и холод зимней ночи
Гонит солнечный восход,
И к свободе путь короче,
Если дал вождя народ!*

(Перевод Г. Д. Вержбицкого.)

Стихотворение это было напечатано в сборнике стихотворений Желиговского «Poezye Antoniego Sowy» (СПб. 1858, сс. 165–166) под заглавием «Do porty ludu» («К народному поэту») и с пометой «С болгарского». Следует полагать, что помета эта была сделана специально для цензуры, что стихотворение в действительности было посвящено Шевченко и является оригинальным произведением польского поэта.

[^^^]

«Фейерверк» и рассказ охотника из комедии Ильина, — «Фейерверк» («Я странный видел сон. Мне снилось, будто где-то...») — анонимное стихотворение, ходившее в списках, опубликованное в «Полярной звезде» (1861 г., кн. VI, сс. 200–202). Николай Иванович Ильин (1777–1823) — драматург начала XIX в., некоторые его оригинальные и переводные пьесы держались на сцене вплоть до середины столетия. «Рассказ охотника» — монолог из одноактной комедии «Подложный клад, или Опасно подслушивать у дверей». О чтении Щепкина у Толстых вспоминает Е. Ф. Юнге: «Рассказ охотника и монолог Скупого рыцаря были выше всего, что мне удалось слышать. Этот маленький толстенький человек без всякого грима преображался, уносил вас вглубь средних веков, заставлял негодовать и сострадать» (Е. Ф. Юнге, Воспоминания, книгоиздательство «Сфинкс», с. 241).

Смотрел Садовского в роли Расплюева... — Пров Михайлович Садовский (1818–1872) находился в это время в Петербурге на гастролях. Исполнение им роли Расплюева в комедии А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» произвело громадное впечатление на современников и определило решение образа для всех последующих актеров.

[^^^]

Рукоделье мизерного Падурры. — Тимко Падурра (1801–1871) — посредственный польско-украинский поэт. Шевченко ошибся, приписав песню о Кармалюке Падурре, однако был прав, заподозрив в ней подделку: она сочинена Я. Комарницким (см. «Киевская старина», 1892, № 3, с. 372).

[^^^]

«Сон» — об этом стихотворении см. в т. 2 наст. изд.

[^^^]

455

Впервые — в газете «День», 1914, № 54.

[^^^]

Числясь... посторонним учеником Академии...

— Кроме шестидесяти штатных «академистов», находившихся на казенном содержании, и ста сверхштатных, содержавшихся за счет различных учреждений и частных лиц, существовали «вольноприходящие академисты», к которым принадлежал и Шевченко. Об этой категории в уставе говорилось: «По возможности позволять посторонним или свободно посещающим рисовальные академические классы безмездно пользоваться, если пожелают, учебными и художественными классами в Академии с тем, однакож, что позволение сие может быть даваемо только отличающимся в рисованье и что получившие таковое позволение обязаны беспрепословно повиноваться порядку, в Академии установленному, иметь учебные и художественные пособия на свой счет и посещать учебные и художественные классы в собственных мундирах».

457

Впервые — в газете «День», 1914, № 54.

[^^^]

*Под руководством г. профессора К. Брюлло-
ва...* — О К.П. Брюллове и отношении к нему
Шевченко см. в т. 4 наст. изд. повесть «Худож-
ник» и примечания к ней, а также в дневни-
ковой записи 1 июля 1857 г. и в письмах.

[^^^]

Об адресате письма см. т. 1 наст, изд., примечание к стихотворению «К Основяненко».

[^^^]

Впервые — «Наше минуле», 1918, кн. II, сс. 45–46.

[^^^]

«*На Україні я сирота...*» — цитата из стихотворения Шевченко «Н. Маркевичу» (1840).

[^^^]

Ваша «Маруся» — повесть Квитки «Маруся», которую Шевченко, видимо, недавно прочитал в книге «Малороссийские повести, рассказываемые Грыцьком Основьяненком», кн. I (изд. 2-е), Харьков, 1841.

[^^^]

Должен написать для Академии картину... —
Картина эта, повидимому, не была написана,
хотя все необходимое для нее Квитка при-
слал.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1894, № 2, с. 323; в более исправном виде — «Україна», 1907, № 2, сс. 144–145.

[^^^]

Что нашлось, то и посылаю... — В письме 22 ноября 1841 г. Квитка приглашал Шевченко принять участие в затевавшемся в Харькове альманахе «Молодик», четыре выпуска которого вышли в свет в 1843–1844 гг. В «Молоди́ке» напечатаны три произведения Шевченко: «Думка», «Н. Маркевичу», «Утопленница»; последнюю, только что написанную, поэму Шевченко называет дальше «Ганнусей» — по имени героини.

[^^^]

Стихи своей работы. — Имеется в виду «Песня караульного у тюрьмы» из драмы «Невеста» (см. т. 1 наст. изд.).

[^^^]

Я еще одну драму пишу. — Обе, драмы, упоминаемые поэтом в письме, не сохранились. Вторая из них — «Слепая красавица» — была переработана в поэму (см. т. 1 наст. изд.).

[^^^]

Посылаю вам билеты на «Гайдамаков»... —
Поэма «Гайдамаки», подобно многим изданиям того времени, распространялась по предварительной подписке. В организации подписки в Харькове принял участие Квитка.

[^^^]

Рисуя вашу панну Сотниковну. — Повесть Квитки «Панна Сотниковна» напечатана в журнале «Современник», 1840, № 3, сс. 1—67. Картина (или рисунок) Шевченко не сохранились.

[^^^]

Спасибо вам и пану Артемовскому... — Петр Петрович Гулак-Артемовский (1790–1865) — украинский поэт, профессор Харьковского университета. О нем несколько раз упоминал в своих письмах к Шевченко Г. Ф. Квитка.

[^^^]

Александр Алексеевич Корсун (1818–1891) — украинский поэт-романтик, издатель альманаха «Сніп» (Харьков, 1841); вторая книжка альманаха, для которой Шевченко прислал свою поэму «Марьяна-Черница» (о ней см. в т. 1 наст. изд.), в свет не вышла.

[^^^]

Впервые — «Записки Історично-філологічного відділу Української академії наук», кн. IV, 1924, с. 30.

[^^^]

Об адресате письма см. в т. 3 наст. изд. примечания к повести «Музыкант».

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. V, с. 4.

[^^^]

Было мне с ними горя... — Подробности цензурных преследований поэмы Шевченко не известны. Невосстановимы также цензурные исключения в тексте поэмы.

[^^^]

Посылаю вам три экземпляра... — О Н. А. Маркевиче см. в т. I наст, изд., примечание к стихотворению «Н. Маркевичу»; о В. Н. Забиле см. в т. 3 наст, изд., примечания к повести «Капитанша»; об И. М. Корбе см. «Дневник», запись 8 апреля 1858 г.

[^^^]

Впервые — «Русская старина», 1880, № 3, с. 593. Письмо написано при посылке Квитке вышедших «Гайдамаков».

[^^^]

Филипп Николаевич Королев (1821–1894) — педагог, писатель, общественный деятель, с 1845 г. — преподаватель Горы-Горецкого сельскохозяйственного института.

[^^^]

Впервые — «Литературное наследство», кн. 19–21, 1935, с. 558.

[^^^]

«Запорожская старина» (Харьков, 1833–1836, 6 выпусков) — сборник украинских исторических песен, дум и старинных казацких летописей, изданный известным впоследствии ученым-славистом, академиком Измаилом Ивановичем Срезневским (1812–1880). Позднейшие исследования обнаружили среди материалов «Запорожской старины» много подделок, принадлежавших как самому собирателю, так и лицам, снабжавшим его материалами, однако на современников издание произвело громадное впечатление. «Где выкопали вы столько сокровищ? — спрашивал Срезневского Н. В. Гоголь в письме 6 марта 1834 г. — Все думы, и особенно повести бандуристов, ослепительно хороши» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, изд. Академии наук СССР, т. X, 1940, с. 298).

[^^^]

Впервые — «Литературное наследство», кн. 19–21, 1935, сс. 558–559.

[^^^]

Меня носил проклятуший пароход... — Возможно, что, готовясь к длительной поездке в Италию по окончании Академии художеств, Шевченко, не дожидаясь оформления документов, рискнул «контрабандой» проехаться на судне, совершавшем рейсы между портами Балтийского моря. Болезнь и опасение административной кары за незаконную поездку — причины того, что Шевченко упомянул о ней только в случайном письме к случайному провинциальному знакомому. Поездка Шевченко укладывается в период октябрь — первая половина ноября 1842 г.

[^^^]

«Гамалию», небольшую поэму... — См. т. 1
наст. изд.

[^^^]

Заставила меня нужда... — продажа издательских прав на «Кобзарь» и «Гайдамаки» петербургскому книгопродавцу И. Т. Лисенкову; формальное соглашение было заключено 8 февраля 1843 г. Лисенков выпустил второе издание приобретенных произведений под заголовком: «Чигиринский кобзарь и Гайдамаки. Две поэмы на малороссийском языке Т. Шевченко. Новое издание», СПб. 1844. Сам Шевченко не принимал участия в этом издании. В 60-х годах Лисенков через суд требовал признания исключительных своих прав на публикацию всего литературного наследства Шевченко, однако суд в иске ему отказал.

[^^^]

Старому Грицьку — то есть Г. Ф. Квитке.

[^^^]

Поклонитесь, будьте добры, Метлинському. — Амвросий Лукьянович Метлинский (1814–1870) — профессор Харьковского и Киевского университетов, фольклорист, украинский поэт-романтик, автор сборника «Думки і пісні та ще дещо», Харьков, 1839.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. V, сс. 5–6.

[^^^]

У нас была выставка в Академии... — Выставка работ профессоров и учеников Академии художеств происходила раз в три года; о выставке 1842 г., где были выставлены также две работы самого Шевченко, он вспоминает и в повести «Художник» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Через день дают «Руслана и Людмилу». — Первое представление оперы М. И. Глинки состоялось 27 ноября 1842 г.

[^^^]

Василий Иванович вернулся из Италии... — В. И. Григорович, конференц-секретарь Академии художеств; см. о нем в т. 1 наст. изд. примечания к поэме «Гайдамаки».

[^^^]

Карл Павлович баклуши бьет... — Имеется в виду К. П. Брюллов и его картина «Осада Пскова», над которой он работал много лет.

[^^^]

Михайлов кончил вашу картину хорошо. — Г. К. Михайлов написал по заказу Г. С. Тарновского картину «Три возраста» (старик, молодая женщина и ребенок ставят свечи перед образами в церкви).,

[^^^]

Штернберг пишет мне... — Товарищ поэта по Академии художеств Василий Иванович Штернберг (см. о нем в т. 1 наст. изд. примечания к поэме «Иван Подкова» и «На память Штернбергу» и в т. 4 повесть «Художник» и примечания к ней) в 1840 г. уехал в Италию. Из писем его к Шевченко дошло до нас только одно («Киевская старина», 1897, № 2, сс. 154–155).

[^^^]

Скобелев таки пронюхал... — Иван Никитич Скобелев см. прим. к «Дневнику», запись 8 июля 1857 г. Возможно, «выторгованная» им картина — та «Панна Сотниковна», о которой поэт не раз упоминает в письмах этого времени. Вторая картина — «Катерина» — была приобретена Тарновским; известна во множестве репродукций.

[^^^]

Обещанное пришлю... — Имеется в виду поэма «Слепая», переделанная из драмы на тот же сюжет.

[^^^]

Впервые — «Наше минуле», 1919, кн. I–II, с. 42.

[^^^]

Иван Тимофеевич Лисенков — петербургский книгопродавец и издатель; отличался «манией к спекулятивному торгашеству», которая побудила его в 1867 г. затеять сложную и длительную тяжбу из-за литературного наследства Шевченко. На основании настоящего обязательства, выданного поэтом в тяжелых материальных обстоятельствах, Лисенков через суд требовал признания себя полноправным и единственным издателем произведений поэта. После длительных судебных разбирательств (в которых участвовал в качестве эксперта Н. А. Некрасов) Лисенкову в его домогательствах было отказано. См. об этом «Материалы (собранные особою комиссиею, высочайше учрежденною 2 ноября 1869 г.) для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати», часть III, отд. 2, СПб. 1870.

[^^^]

Петр Александрович Корсаков (1790–1844) — цензор, цензуровал «Кобзарь», «Гайдамаки», «Гамалию», «Чигиринский кобзарь», причем, по свидетельству современников и самого поэта, отнесся к нему довольно снисходительно.

[^^^]

Впервые — «Наше минуле», 1919, кн. I–II, с. 42.

[^^^]

Об адресате письма см. в т. 1 наст. изд. примечание к поэме «Солдатов колодец» и выше, примечания к «Дневнику» (13 июня 1857 г. и др.).

[^^^]

Впервые — «Зоря» (Львов), 1895, № 5, с. 106.

[^^^]

Почему вы мне не присылаете костюма... — По просьбе Кухаренко Шевченко предполагал написать портрет Антона Андреевича Головатого, войскового писаря на Запорожье; после уничтожения Запорожской Сечи Головатый перешел с частью запорожцев на Дунай, но в 1787 г. возвратился в Россию, ему было поручено организовать казачье войско на Кубани. Предположения своего Шевченко не осуществил.

[^^^]

«Черноморский» быт («побут») вышел из цензуры... — Имеется в виду пьеса Я. Кухаренко, написанная еще в 1836 г. В печати появилась только в 1861 г. («Основа», 1861, кн. XI–XII, сс. 17–41).

[^^^]

Я в марте месяце еду за границу... — Это предположение не осуществилось.

[^^^]

«Назара Стодолю...» — См. т. 3 наст. изд.

[^^^]

Хтодонт умер в Киеве. — Федот Леонтьевич Ткаченко — художник, товарищ Шевченко по Академии художеств. Упоминание о его «смерти» — шутка, обозначающая, что, уехав из Петербурга, Ткаченко не подавал о себе вестей.

[^^^]

У Гулака вчера был концерт... — У С. С. Гулака-Артемовского; дальше поэт обыкновенно называет его Артемовским.

[^^^]

Элькан щебечет на всех языках... — Об А. Л. Элькане см. примечания к повести «Художник» (т. 4 наст. изд.) и к «Дневнику», запись 3 апреля 1858 г.

[^^^]

Семененко женился. Кондрат рисует... —
Имеются в виду общие приятели поэта и Ку-
харенко: Евгений Семенович Семененко-Кро-
маревский и художник Кондратий Ежов,
окончивший в 1843 г. Академию художеств,
сожитель поэта в 1842–1843 гг.

[^^^]

Об адресате письма см. выше, в примечаниях к «Дневнику» запись 31 октября 1857 г. Встреча с Шевченко пробудила в Репниной любовь к нему, о которой она рассказала в повести «Девочка»; рукопись повести была дана для прочтения Шевченко. Ответом на повесть-признание и явилось данное письмо. Повесть В. Н. Репниной опубликовал М. Гершензон («Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы», т. 2, М. 1916, сс. 221–244) по неполному черновику; в настоящее время обнаружен полный белой текст этой интересной для биографии Шевченко повести, печатающийся в «Литературном наследстве».

[^^^]

Впервые — в книге М. К. Чалого, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, с. 42.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1899, № 10, сс. 10–11.

[^^^]

Думаю удрать, как Апполон Николаевич. — То есть как А. Н. Мокрицкий (о нем см. примечания к повести «Художник», т. 4 наст. изд., и к «Дневнику», запись 18 марта 1858 г.), который в 1842 году уехал в Рим на собственный счет.

[^^^]

Просил у вас вида... — Речь идет о документе, удостоверявшем личность Шевченко как ученика Академии художеств.

[^^^]

Не надо возвращаться в Академию... — Очевидно в отношениях Шевченко к Академии художеств произошли ухудшения; суть и причины их неясны.

[^^^]

Степан Онисимович Бурачек (1800–1876) — корабельный инженер, издатель мракобесного журнала «Маяк».

[^^^]

«Историю» Маркевича... — В 1842–1843 гг. в Москве вышла пятитомная «История Малороссии» Николая Андреевича Маркевича; см. о нем в т. 1 наст. изд. примечания к стихотворению «Н. Маркевичу».

[^^^]

Коли готова корректура... — корректура поэмы Шевченко «Бесталанний» («Маяк», 1844, т. XIV, Стихотворения, сс. 17–30).

[^^^]

Осип Максимович Бодянский (см. «Дневник», запись 10 декабря 1857 г. и примечание к ней) с Шевченко познакомился весной 1844 г. в Москве; позднее поддерживал переписку с поэтом в ссылке, снабжал его книгами.

[^^^]

Впервые — «Русская старина», 1883, № 9, с. 640.

[^^^]

Я рисую теперь Украину... — Речь идет об издании задуманной Шевченко серии офортов «Живописная Украина», выходящих отдельными выпусками: «1) Виды Южной России, примечательные по красоте своей или по историческим событиям. Все, что время пощадило от совершенного истребления: развалины замков, храмы, укрепления, курганы, найдут здесь себе место. 2) Народный быт настоящего времени, обряды, обычаи, поверья, содержание народных песен и сказок. 3) Важнейшие события, известные из бытописаний Южной России, начиная от основания Киева, имевшие влияние на судьбу обитателей того края» («Северная пчела», 1844, № 193). К этому начинанию поэт вскоре охладел; вышло лишь шесть офортов.

[^^^]

Будкова и Стороженка я по этому же поводу беспокою. — Петр Григорьевич Бутков (1775–1857) — историк-академик, и Андрей Яковлевич Стороженко (1791–1858) — чиновник, литератор, историк-любитель.

[^^^]

Грабовский будет мне польскую... — Михаил Грабовский (1805–1863) — польско-украинский писатель, историк, литературный критик. В 1843 г. затеял аналогичное издание: «Украина старая и современная». Возможно, предполагалось объединить оба издания.

[^^^]

Кулиш будет писать текст. — Кулиш отказался участвовать в задуманном издании.

[^^^]

Впервые — в книге Тарас Шевченко, Листування, Киев, 1929, сс. 21–22. Прошение писано целиком (не исключая и подписи) посторонней, писарской рукой.

[^^^]

Издание, названное мною Живописная Украина. — Об этом издании см. выше, примечание к письму № 17.

[^^^]

Николай Андреевич Цертелев (1790–1869) — помощник попечителя Харьковского учебного округа, фольклорист, автор ряда статей о русской и украинской народной поэзии, составитель первого сборника украинских исторических песен: «Опыт собрания старинных малороссийских песней», СПб. 1819.

[^^^]

Впервые — «Записки наукового товариства імені Шевченка», Львов, т. СХІV, сс. 157–158.

[^^^]

Сиятельный наш генерал-губернатор... — князь Н. А. Долгоруков, харьковский генерал-губернатор, к которому Шевченко обращался с официальной просьбой помочь распространению своего издания и получил обещание содействия.

[^^^]

С.Н. Муханов (1796–1858) — харьковский гражданский губернатор. Серию писем аналогичного содержания Шевченко разослал в связи с предпринятым им изданием во все украинские губернии, используя случайную личную встречу с харьковским, полтавским и черниговским генерал-губернатором Н. А. Долгоруким, впоследствии упомянутым в отрывке «Юродивый» как «Унтер пьяный Долгорукий» (см. т. 2 наст. изд.). Обращения подобного рода диктовались издательской практикой 20—40-х гг.

[^^^]

Впервые — в сборнике «Радянське літературознавство», кн. 4, Киев, 1939, сс. 140–141.

[^^^]

Впервые — «Записки Наукового товариства імені Шевченка», Львов, т. СХІХ — СХХ, 1917, сс. 62–63.

[^^^]

Прошу удостоить меня просимого звания. —
В тот же день Совет Академии художеств записал в «журнале» заседаний: «Поелику Шевченко известен Совету по своим работам и награжден уже за успехи в живописи серебряной медалью 2 достоинства, то удостоить его звания некласного художника». 18 ноября 1845 г. это постановление было утверждено общим собранием Академии.

[^^^]

Впервые — «Записки Наукового товариства імені Шевченка», Львов, т. СХІХ — СХХ, 1917, с. 62. Прошение написано писарской рукой и только подписано поэтом, поэтому имя его в обращении ошибочно — Потап.

[^^^]

О выдаче мне билета на проезд... — Речь идет о документе, удостоверяющем личность Шевченко и его звание. В выданном «билете» писалось: «Предъявитель сего удостоенный звания некласного художника императорской Академии художеств Тарас Шевченко отправляется в малороссийские губернии для художественных занятий, почему гг. на заставах команду имеющие благоволят чинить ему как туда, так и обратно свободный пропуск, равно и беспрепятственное на месте, где сколько нужно будет, пребывание» (25 марта 1845 г.).

[^^^]

Об адресате см. выше, примечание к «Дневнику», запись 9 июля 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Южный край», 1887, 15 декабря.

[^^^]

Ту самую, что давал Мечиславу Вячеславовичу... — Шевченко неверно называет имя учителя музыки в доме Родзянко, собирателя украинских песен и композитора Алоиза Вячеславовича Едлички (1819–1894).

[^^^]

Коли увидите Фанни Ивановну и Осипа Ивановича... — Соседи Родзянок, супруги Дрекслер.

[^^^]

Впервые — в сборнике «Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах», Киев, 1950, с. 81. Ответ на запрос канцелярии, куда адресовать полученные «от некоторых гг. подписчиков» деньги «на получение помянутых эстампов».

[^^^]

Александр Семенович Траскин (1805–1855) — попечитель Киевского учебного округа.

[^^^]

Впервые — «Україна», 1907, № 2, сс. 251–252.

[^^^]

Определить меня на открывшуюся вакансию... — В 1846 году вышел в отставку учитель рисования Киевского университета Капитон Степанович Павлов. См. выше, примечание к дневниковой записи 15–16 августа 1857 г.

[^^^]

Об адресате см. примечание к отрывку «Юридический» (т. 2 наст. изд.), а также выше, дневниковая запись 19 июля 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Україна», 1907, № 2, сс. 252–253.

[^^^]

Я желаю оставаться сотрудником Археографической комиссии. — Сотрудником Киевской Археографической комиссии Шевченко фактически сделался еще в ноябре 1845 г., вскоре по приезде своем на Украину. По заданиям комиссии он совершил тогда поездку в Полтавскую губернию, а по возвращении был назначен штатным сотрудником «для снимков (то есть зарисовок. — И. А.) с предметных памятников», с жалованьем в 150 рублей в год. Сотрудничество в комиссии давало поэту возможность много ездить по Украине; отсюда — его желание сохранить за собой эту службу. Бибиков по должности своей числился председателем Археографической комиссии,

[^^^]

Об адресате см. т. 1 наст. изд., примечание к стихотворению «Н. Костомарову», а также выше, в примечаниях к «Дневнику», записи 30–31 августа 1857 г.

[^^^]

Утвержден ли я в университете... — Во второй половине 1846 г. в Киевском университете освободилась вакансия преподавателя рисования. Претендентом на эту должность выступил и Шевченко. 21 февраля 1847 г. министр народного просвещения Уваров разрешил попечителю Киевского учебного округа «сделать распоряжение об определении исправляющим эту должность некласного художника Шевченко в виде опыта на один год, для удостоверения в его способностях» («Україна», 1907, № 2, с. 253). Воспользоваться этим разрешением Шевченко не успел из-за своего ареста. Существует предположение, что еще до получения разрешения поэт вел занятия со студентами.

[^^^]

На имя Виктора Николаевича Забилы... — О нем см. в т. 3 наст. изд., примечания к повести «Капитанша».

[^^^]

Увидите Юзефовича, поклонитесь от меня. —
Имеется в виду М. В. Юзефович, помощник
попечителя Киевского учебного округа; см. о
нем в примечаниях к «Дневнику», запись 6
мая 1858 г.

[^^^]

О братстве не пишу... — Эти слова принимаются некоторыми комментаторами как прямое свидетельство принадлежности поэта к Кирилло-Мефодиевскому обществу, вопреки утверждениям самого Шевченко, а за ним и Кулиша и Костомарова, что он знал о существовании общества, но не входил в него. Один только разговор о «братстве» с Костомаровым отнюдь не предопределял организационного участия Шевченко в обществе, к «идеям» которого он, по словам Костомарова, «отнесся... с большим задором и крайнею нетерпимостью» («Русская мысль», 1885, № 5, с. 211).

[^^^]

Кулиш блаженствует... — П. А. Кулиш незадолго перед тем женился и готовился к отъезду за границу вместе с В. М. Белозерским, который поэтому и поехал «отказываться от учительства».

[^^^]

И. И. Фундуклей в 1839–1852 гг. — киевский губернатор. При аресте Шевченко руководил обыском, отобрал рукописи и вещи, но в III Отделение переслал лишь часть из них, удержал у себя довольно много рисунков Шевченко, которые до сих пор не найдены, в частности, упоминаемые в письме «виды Киева».

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1894, № 2, с. 321.

[^^^]

Алексею Сенчилу... — Алексей Флорович Сенчило-Стефановский — учитель рисования и сотрудник Киевской Археографической комиссии. Шевченко сблизился с ним во время своего пребывания в Киеве в 1845–1846 гг.

[^^^]

Андрей Иванович Лизогуб (1804–1865) — украинский помещик, человек, по характеристике современника, «чрезвычайно добрый и простой, был хороший музыкант, отлично знал перспективу, любил живопись, писал портреты и пр.» (Л. М. Жемчужников, Мои воспоминания из прошлого, вып. II, М. 1927, с. 53). Шевченко познакомился с ним в 1846 г. и часто бывал у него в имении близ Седнева. После ссылки поэта Лизогуб не прекратил сношений с ним и в 1847–1850 гг. поддерживал довольно оживленную переписку, выполнял различные его поручения и т. д. Переписка оборвалась после второго ареста поэта (в 1850 г.) по прямому требованию III Отделения.

[^^^]

Впервые — в книге М. К. Чалого, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, сс. 67–68.

[^^^]

Нарисовал Кузьма Трофимович... — Персонаж рассказа Г. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет», нарисовавший по заказу помещика портрет солдата вместо пугала.

[^^^]

Захватил денежки... — то есть подписную плату за «Живописную Украину».

[^^^]

Низко кланяюсь Илье Ивановичу... — Лизогубу, старшему брату А. И. Лизогуба, полковнику.

[^^^]

Поклонитесь... от меня Кейкуатовым. — Помещики, соседи Лизогубов. Сохранился портрет Е. Кейкуатовой масляными красками работы Шевченко.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1893, № 2, сс. 262–263.

[^^^]

Отвезли в Петербург 22 апреля... — Шевченко был арестован 5 апреля и на следующий день отправлен в Петербург, 21 апреля он прибыл в III Отделение и допрошен. Поэт ошибочно датировал этот допрос 22 апреля, связывая его с «памятным» для себя днем — днем освобождения из крепостной зависимости, 22 апреля 1838 г.

[^^^]

«О, как неверны наши блага». — Неточная цитата из поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский».

[^^^]

И я все-таки почитаю себя счастливым... — Судьбу своих «соузников» поэт представлял чересчур мрачно. В действительности Кулиш был сослан в Тулу, но уже в 1850 г. получил разрешение возвратиться в Петербург и возобновил литературную деятельность (первое время под псевдонимом «Николай М.»). Костомаров после годичного заключения в Петропавловской крепости был сослан в Саратов, с начала 50-х гг. получил свободу передвижения, ездил в Крым и т. д.

[^^^]

Последнее сочинение Гоголя «Письма к друзьям...» — «Выбранные места из переписки с друзьями», СПб. 1847. Репнина выслала эту книгу поэту в марте 1848 г.

[^^^]

Чтение Московского археологического общества, издаваемое Бодянским — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», издававшиеся под редакцией О. М. Бодянского, как секретаря Общества, с 1846 года.

[^^^]

Андрей Иванович — Лизогуб.

[^^^]

Моя сердечная благодарность княгине Варваре Алексеевне — матери В. Н. Репниной.

[^^^]

Впервые — в книге М. К. Чалого, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, сс. 68–69.

[^^^]

Великим веселием возвеселили вы меня... —
Письмо А. И. Лизогуба 21 октября 1847 г., на-
писанное еще до получения письма от Шев-
ченко; см. «Киевская старина», 1900, № 9, ее
312–314.

[^^^]

Жаль и очень мне вашей маленькой... — дочери Лизогуба Лизы, умершей 5 сентября 1847 г

[^^^]

Сажин мне ничего не пишет — Михаил Макарович Сажин, художник, товарищ Шевченко по Академии художеств. В 1846 г. поэт жил в Киеве с ним вместе; после ссылки Шевченко отношения их прервались. Судьба рисунков, оставшихся у Сажина, неизвестна.

[^^^]

Пришлите ящичек ваш... — В письме 21 октября А. И. Лизогуб писал: «Если вам можно рисовать, то я сделаю все, что смогу, чтобы вам переслать акварельные краски, знаете, мой маленький ящичек, где все есть, — вам будет на память; у меня есть и кисти Шариона, прямо из Парижа, так и вам пару перешлю».

[^^^]

Ежели найдете в Одессе Шекспира... — Перевод всех драм Шекспира, осуществленный Н.Х. Кетчером (М. 1841–1850), позднее был доставлен поэту; отдельные книги этого издания видел у него в 1854 году Н.И. Савичев. «Одиссея» в переводе В.А. Жуковского вышла в 1849 году; Шевченко знал о подготовке этого перевода из неоднократных журнальных и газетных упоминаний.

[^^^]

И о Глафире Ивановне... — Глафира Ивановна Псел (1823–1886) — в замужестве Дунин-Борковская, дочь небогатого помещика, проживавшая в имении Репниных. Небольшое ее стихотворение Шевченко приводит в предисловии к неосуществившемуся изданию трех своих поэм как пример подлинной поэзии.

[^^^]

Надежде Дмитриевне — жене А. И. Лизогуба.

[^^^]

Об адресате см. в «Дневнике» поэта, запись 2 июля 1857 г. и др. и примечания.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1891, № 2, сс. 212–214.

[^^^]

В отвратительном, но все же вольном жилище... — Вскоре по прибытии в Орскую крепость Шевченко получил возможность жить на частной квартире благодаря содействию писаря, сына которого он обучал грамоте. Вновь назначенный комендант крепости Мешков перевел Шевченко в общую казарму.

[^^^]

«Так Дніпро крутоберегий» — цитата из послания «А. О. Козачковскому» (см. т. 2 наст. изд.), написанного, очевидно, в это же время.

[^^^]

Поклонитесь ... от меня Дзюбину... — См. о нем выше, в примечаниях к «Дневнику», запись 31 марта 1858 г.

[^^^]

Плетнев должен меня знать... — Петр Александрович Плетнев (1792–1865) — профессор русской словесности и ректор Петербургского университета, поэт и литературный критик, как и упомянутые ниже Карл Павлович Брюллов и Владимир Иванович Даль, были назначены поэтом и его друзьями в качестве возможных ходатаев за него. Плетнев должен был знать его, так как очень положительно отзывался о «Кобзаре» («Современник», 1840, т. XIX) и не раз слышал имя поэта от Кулиша. Упоминает Шевченко и третий путь заочного знакомства — через художника П. Т. Бориспольца, товарища поэта по Академии художеств.

[^^^]

Повидайтесь с Чернышевым... — Алексей Филиппович Чернышев (1824–1863) — художник. Познакомился с ним Шевченко тотчас по прибытии в Оренбург и, воспользовавшись его возвращением в Петербург, передал письма к лицам, которые могли бы ходатайствовать об улучшении его участи.

[^^^]

Чтоб он умолил В. Перовского... — Как объяснял впоследствии Л. М. Жемчужников, «Перовский знал о Шевченко от К. П. Брюллова, Вас. Андр. Жуковского и проч. Просил за Шевченко у Перовского при проезде его через Москву и граф Андр. Ив. Гудович... просил его и в Петербурге и в Оренбурге двоюродный мой брат, известный... поэт граф А. К. Толстой. Но Перовский, хотя и был всесильным сатрапом, как выразился Шевченко, но ничего не мог сделать для Шевченко, так был зол на поэта император Николай Павлович. Перовский говорил Лизогубам, Толстому и Гудовичу, что лучше теперь молчать, чтобы забыли о Шевченко, так как ходатайство за него может только послужить во вред ему» («Культура», Львов, 1925, № 3, с. 40).

[^^^]

Пришлите ради поэзии святой Лермонтова...
— См. т. 2 наст, изд., примечание к стихотворению «Мне кажется — но сам не знаю».

[^^^]

Кажется, вы знакомы с Василем Езучевским.
— Василий Осипович Езучевский — петербургский чиновник, знакомый Шевченко еще со времени его учения в Академии художеств. Упоминаемый дальше Галуза — Василий Федорович Галузевский, знакомый поэта, петербургский чиновник.

[^^^]

Впервые — в книге М. К. Чалого, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, сс. 69–71.

[^^^]

Получил я письмо ваше, уже второе... — Письмо А. И. Лизогуба 31 декабря 1847 г., а также упоминаемое дальше третье, 7 февраля 1848 г., см. «Киевская старина», 1900, № 9, сс. 314–317.

[^^^]

Ежели пошлют весною в степь, в Раим... — В мае 1848 г. Шевченко действительно был переведен в Раимскую крепость, а вслед за тем — прикомандирован к составу экспедиции по исследованию Аральского моря.

[^^^]

«Свяченая вода» — стихотворение Т. И. Псел.

[^^^]

*...Татьяне Ивановне... и Федору Иваненку от
меня хорошенько поклонитесь. — Имеются в
виду Т. И. Псел и Ф. Г. Иваненко — помещик,
сосед Репниных и Лизогуба.*

[^^^]

Впервые — в книге М. К. Чалого, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, сс. 71–73.

[^^^]

Впервые — «Глобус», 1925, № 5.

[^^^]

«Историю Устрялова»... — Гимназический учебник русской истории Н. Г. Устрялова, взятый поэтом у Ф. Лазаревского на прочтение и возвращенный ему с оказией.

[^^^]

Да еще отдерите за чуб... Левицкого... — О Левицком см. в примечаниях к «Дневнику», запись 19 июля 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1903, № 2, сс. 63–64.

[^^^]

Пришло мне разрешение рисовать... — Оптимистическое сообщение поэта не соответствовало действительности: с разрешения командира Оренбургского корпуса Обручева он был прикомандирован к аральской «описной» экспедиции «для снимания видов в степи и на берегах Аральского моря». Когда в конце 1849 года Обручев обратился в III Отделение за оформлением этого своего разрешения, граф Орлов ответил ему, что обращался к Николаю I «о дозволении рядовому Оренбургского линейного батальона Шевченко заниматься рисованием, но высочайшего соизволения на таковое мое представление не последовало».

[^^^]

Михаилу Семеновичу Александрійскому... — Ф. М. Лазаревский характеризует его как «лучшего представителя молодого поколения сороковых годов». «Наш Кобзарь был принят у него в доме не как солдат, а как самый близкий знакомый, наравне с другими гостями» (М. Чалый, Из воспоминаний Ф. М. Лазаревского о Шевченко, Киев, 1899, с. 4).

[^^^]

Алексей Иванович Макшеев (1822–1892) — офицер генерального штаба, участник аральской экспедиции, впоследствии профессор военной статистики. Очень сошелся с поэтом во время экспедиции.

[^^^]

Впервые — «Життя і революція», Київ, 1927,
№ 3, с. 347.

[^^^]

Впервые — в книге М. К. Чалого, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, с. 75.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1893, № 2, сс. 266–268.

[^^^]

Быть может, встретитесь с Алексеем Ивановичем Бутаковым... — Об А. И. Бутакове, начальнике аральской экспедиции, см. выше, в примечаниях к «Дневнику», запись 10 марта 1858 г.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1903, № 2, сс. 65–66. Входит в комнату добрый Герн... — О Карле Ивановиче Герне см. в примечании к «Дневнику», запись 22 июля 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1893, № 2, сс. 268–269.

[^^^]

Пишу Василию Андреевичу Жуковскому... — См. письмо № 37. О знакомстве Шевченко с Жуковским см. «Дневник», запись 10 июля 1857 г. и примечания к ней, а также в «Автобиографии».

[^^^]

Напишите Гоголю... — В. Н. Репнина была знакома с Гоголем и постоянно с ним переписывалась еще с конца 30-х годов.

[^^^]

Сообщите адрес Гоголя. — Письмо Шевченко к Гоголю неизвестно и, повидимому, не было написано.

[^^^]

Думал я анализировать сердце матери... —
Это первое упоминание о замысле, впоследствии оформившемся в поэме «Мария» (см. в т. 2 наст. изд.).

[^^^]

Впервые — «Русская старина», 1883, № 9, сс. 640–641.

[^^^]

Думал уже в Киеве жениться. — Осенью 1845 г. поэт сватался к кирилловской поповне Феодосии Кошиц, но неудачно.

[^^^]

Пришли Конисского... — то есть «Историю Русов», изданную Бодянским в 1846 году и написанную Георгию Конисскому.

[^^^]

Впервые — «Русский архив», 1898, № 3, сс. 553–554. См. также повесть «Художник» в т. 4 наст. изд.

[^^^]

Я написал... Карлу Павловичу Брюллову. — Письмо это не сохранилось, хотя есть основания полагать, что художник получил его и даже собирался что-то сделать для облегчения участи своего ученика. Известна его записка к В. И. Григоровичу с просьбой «зайти ко мне, чем осчастливите одного доброго и честного человека, а также и вполне вам преданного e vero amico Carlo Bruloff» (Михаил Железнов, Неизданные письма К. П. Брюллова и документы для его биографии, 1867. с. 16).

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», № 2, сс. 269–272.

[^^^]

Перед Гоголем должно благоговеть... — Сравнительная характеристика Гоголя и пользовавшегося большой известностью Эжена Сю повторена несколько лет спустя, в повести «Несчастный» (см. в т. 3 наст. изд.). Интересно сравнить эти высказывания Шевченко с замечанием Белинского о том, что многие читатели и критики «во всеуслышание объявили Эжена Сю гением, а его сказку — бессмертным творением, не упустив при сей верной okazji разругать «Мертвые души» Гоголя, которых любая страница, наудачу развернутая, убьет тысячи таких бедных и жалких произведений, как «Парижские тайны» («Полное собрание сочинений В. Г. Белинского», т. VII, СПб. 1907, с. 491).

[^^^]

Прислали «Мертвые души»... — Репнина не успела исполнить эту просьбу поэта из-за нового его ареста и последовавшего затем строгого запрещения переписываться с ним. «Мертвые души» Шевченко получил в 1856 г. от Бронислава Залесского (см. ниже).

[^^^]

Написать запрестольный образ... — Шевченко всячески стремился обойти запрещение рисовать хотя бы ценою «благонамеренных» работ. Сохранился эскиз упоминаемого образа.

[^^^]

Лазаревский теперь в отсуствии... — Речь идет о Федоре Матвеевиче Лазаревском.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1903, № 3,
«Документы», сс. 67–68.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1893, № 2, сс. 272–273.

[^^^]

Со мною ничего нового не случилось... — Весь этот отрывок написан из соображений конспирации. В действительности 27 апреля 1850 года Шевченко был арестован по обвинению в том, что жил на частной квартире, ходил по городу в штатском платье и, вопреки запрещениям, рисовал и вел переписку с внешним миром. 5 сентября 1850 г. он был освобожден из заключения и по личному приказу царя переведен в Новопетровское укрепление «под строжайший надзор ротного командира». Этот надзор строго соблюдался в первые месяцы пребывания поэта на новом месте.

[^^^]

Аркадий Венгржиновский — один из наиболее влиятельных и уважаемых членов польского землячества в Оренбурге, близкий Шевченко (М. Чалый, Из воспоминаний Ф. М. Лазаревского о Шевченко, Киев, 1899, с. 8). В 1851 г. Венгржиновский получил возможность покинуть Оренбург и поселиться в Одессе. Шевченко, находившийся в это время в новой экспедиции по исследованию угольных залежей в Кара-тау, просит товарища повидаться в Одессе с В. Н. Репниной («моим искренним другом»).

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1893, № 2, с. 273.

[^^^]

Кусок материи... — Так, в целях конспирации, обозначает Шевченко в письмах первой половины 50-х годов свои живописные произведения, посылаемые друзьям и знакомым в дар или для продажи.

[^^^]

Об адресате см. выше, примечание к «Дневнику», запись 11 июля 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VII, сс. 9—11.

[^^^]

Всякое даяние благо... — Пользуясь содействием генерала И. М. Корбе, лично знавшего ссыльного поэта, С. С. Артемовский переслал ему через казанскую комиссариатскую комиссию военного министерства 20 рублей, которые он якобы остался должен Шевченко «за сделанный для г. Артемовского акварельный портрет». Сохранилось подтверждение, что 19 сентября 1852 года ему вручена расписка рядового Тараса Шевченко.

[^^^]

Флегму Федота... — то есть Федота Ткаченко.

[^^^]

Кроме «Русского инвалида» ничего... — Газета «Русский инвалид» была официальным изданием военного министерства, и ее в обязательном порядке выписывали все гарнизоны и подразделения.

[^^^]

Газету литературную — «Литературная газета», основанная А. А. Краевским в 1840 г., прекратилась в начале 1849 г.

[^^^]

Попался мне лоскуток печатной бумаги. — С. С. Артемовский женился в 1848 г. О встречах поэта с А. И. Гулак-Артемовной после возвращения из ссылки и о впечатлениях от ее игры см. записи в «Дневнике» 20 мая 1858 г. и др.

[^^^]

Впервые — «Червоний шлях», Харьков, 1923,
№ 8, сс. 227–228.

[^^^]

Не прогневались ли вы за что на меня? — В 1850 г. граф Орлов вызвал к себе А. И. Лизогуба, бранил его за переписку с Шевченко и именем царя запретил продолжать ее, угрожая, что, в противном случае, «и для него, Лизогуба, найдется место там, где находится Шевченко» (О. Кониський, Т. Шевченко-Грушівський, т. II, Львів, 1901, с. 91).

[^^^]

Соседу вашему... в Бегаче. — Бегач — имение князя Кейкуатова; о нем см. выше, письмо № 30.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1895, № 2, Документы, с. 46.

[^^^]

Спрашиваю у Костромитинова... — Николай Федорович Костромитинов, чиновник оренбургской пограничной комиссии.

[^^^]

Благородного сотника Хаирова... — «Действительный студент из башкир», по официальной терминологии, Ахмет Хаиров служил в Новопетровском укреплении переводчиком.

[^^^]

Не видел ли ты Поспелова? — Прапорщик Ксенофонт Егорович Поспелов был во время аральской экспедиции помощником Бутакова и командиром шхуны «Николай».

[^^^]

Скажи, будь добр, Залесскому... — О Брониславе Залесском, см. т. 2 наст, изд., примечание к стихотворению «Когда мы были казаками», а также «Дневник», запись 13 июня 1857 г. и др.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1897, № 2, сс. 151–152.

[^^^]

«Заграй мені, дуднику, на дуду»... — цитата из народной песни, использованной Шевченко в стихотворении «Протоптала тропочку» (см. т. 2. наст. изд.).

[^^^]

Прости меня ради св. Федора Тирона. — Упоминание св. Федора Тирона, «патрона» Ф. М. Лазаревского, дает основание для предположения, что письмо написано около 17 февраля, когда православная церковь празднует память этого «святого». В таком случае письмо следует датировать 1853 г.

[^^^]

Впервые — «Русская старина», 1883, № 9, сс.
641—643

[^^^]

Недаром Мерзляков сказал... — Далее цитата из известного стихотворения-песни Алексея Федоровича Мерзлякова (1778–1830) «Среди долины ровные».

[^^^]

А покойный Данте... — Эти слова из пятой песни «Ада» по-итальянски взяты К. Ф. Рылеевым эпиграфом к поэме «Войнаровский», хорошо известной Шевченко.

[^^^]

Пришлите мне Летопись Конисского или Величка... — Летопись Кониеского — «История Русов» (см. о ней выше, письмо № 43). Летопись Величка — «Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Составил Самоил Величко, б. канцелярист Войска запорожского, 1720» (т. I, Киев, 1848; т. II, Киев, 1851; следующие томы вышли в 1854 и 1864 гг.).

[^^^]

Некто г. Головачев... — Имеется в виду А. Ф. Головачев — прогрессивный журналист. В Новопетровском укреплении был дважды: в 1852 г., по поручению известного исследователя Каспийского моря Карелина, и в 1853 г., когда привез поэту письмо от Бодянского и книги.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VII, сс. 11–14.

[^^^]

Комендант Маевский умер прошедшею зимою... — А. П. Маевский — подполковник, умер в январе 1853 г. Относился к ссылке поэт не без сочувствия и, хотя содержал его в казармах, однако не возражал против его общения с офицерами и даже против участия Шевченко в любительских спектаклях. Скучную свою переписку поэт вел через Маевского.

[^^^]

Новый комендант — Ираклий Александрович Усков; см. о нем выше, в «Дневнике».

[^^^]

Занимаюсь скульптурой... — Скульптурой Шевченко занялся, обходя формальную сторону запрещения рисовать и одновременно удовлетворяя неодолимую тягу к творчеству. Скульптурой занимался очень серьезно в продолжение нескольких лет. Ни одной скульптурной работы Шевченко не сохранилось.

[^^^]

Напомнил ты мне про К. И. Иохима. — Карл Иванович Иохим (1804–1859) в 1842 г. окончил Академию художеств и специализировался на отливке скульптур с применением гальванопластики.

[^^^]

Некоего Гороновича... — Андрей Николаевич Горонович (1818–1868) — «вольноприходящий» ученик Академии художеств, занимался у К. Брюллова. См. о нем также письма к Бр. Залесскому, январь 1854 г. и 9 октября 1854 г.

[^^^]

Граф Толстой занимался опытом над гутаперчею. — Федор Петрович Толстой (см. о нем в примечаниях к «Дневнику», запись 13 июня 1857 г. и др.) прославился серией медалей, посвященных Отечественной войне 1812 года; «опыты», о которых упоминает Шевченко, были связаны с подготовкой этих медалей.

[^^^]

Кроме физики Писаревского... — «Общепонятная физика, составленная Н. Писаревским», СПб. 1852.

[^^^]

«Одних уж нет»... — Слегка перефразированная цитата из «Евгения Онегина», глава VIII, строфа 51. «Евгений Онегин» — одна из очень немногих книг, бывших в распоряжении Шевченко в ссылке. Отобранная при аресте 1850 г., она затем была возвращена ему.

[^^^]

«Доле моя»... — отрывок из очень распространенной народной украинской песни, которая начиналась так:

*Та йшов козак з Дону, та з Дону
додому,
Та й сів над водою, проклинає до-
лю:
Доле ж моя, доле, чом ти не та-
кая,
Чом ти не така, як доля чу-
жя?..*

(П. Чубинский, Труды этнографическо-статистической экспедиции, т. V, СПб. 1874, сс. 478–479).

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VII, сс. 14–15.

[^^^]

У академика фон Бэра... — Осенью 1853 г. Новопетровское укрепление посетила экспедиция академика Карла Бэра, изучавшая рыбное хозяйство Каспийского моря.

[^^^]

Поклонись... Софии Ивановне. — С. И. Григорович, жена В. И. Григоровича.

[^^^]

Тетрадь литографированных рисунков Кала-
ма... — О нем см. «Дневник», запись 4 июля
1857 г.

[^^^]

С Брониславом Залесским Шевченко познакомился еще в Оренбурге в 1849–1850 гг., а потом, уже во время пребывания поэта в Новопетровском укреплении, они оба участвовали в каратауской экспедиции по изучению месторождений каменного угля на полуострове Мангышлак. По возвращении Залесского в Оренбург между друзьями началась оживленная переписка.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 1, сс. 165–167.

[^^^]

Если бы мне еще портрет Карла... — К. И. Гер-
на.

[^^^]

Послал тебе «Байгушей»... — Байгуши — нищие. Речь идет о рисунке Шевченко, известном в нескольких вариантах; один из них и был переслан Залесскому для продажи.

[^^^]

Мне хотелось бы подарить их Агате. — Так поэт называл в письмах к Залесскому А. Е. Ускову, в которую одно время был влюблен.

[^^^]

Посади secondo Цейзика... — то есть сына
ссылного поляка аптекаря в Оренбурге.

[^^^]

Найдешь хорошие эстампы... — Бр. Залесский интересовался живописью, но специального образования не имел. Защита — Илецкая защита, поселение в 70 километрах к югу от Оренбурга. Эжен Делакруа (1798–1863) и Поль Деларош (1797–1856) — французские художники-романтики. Орас Верне — художник-баталист.

[^^^]

Узнал от Мостовского, что Колесинский в Оренбурге. — О Мостовском см. примечание к «Дневнику», запись 15 июня 1857 г. Бальтазар Колесинский — ссыльный поляк.

[^^^]

Завести переписку с Совой... — то есть с польским поэтом Эдвардом Желиговским; см. о нем в т. 1 наст. изд. примечание к стихотворению «Подражание Эдуарду Сове», а также к «Дневнику», записи 28 марта, 11 апреля 1858 г. и др.

[^^^]

Поцелуй искренно Михайла и Карла... — Оренбургские товарищи обоих корреспондентов: Михаил Белицкий — ссыльный поляк; К. И. Герн. Ojciec priefect — прозвище Михаила Фадеевича Зеленко; Ефстафий Середницкий был сослан в Оренбург еще в 1839 г. в связи с делом Конарского. Людовик Турно — ссыльный поляк (с 1846 г.), товарищ Шевченко по каратауской экспедиции. Аркадий — Венгржиновский.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 1, сс. 168–170.

[^^^]

У нас сегодня байрам у Ираклия... — Очевидно, какое-то семейное торжество у коменданта Новопетровского укрепления Ускова. Байрам — мусульманский праздник.

[^^^]

И у Юнга мысли были бы не на месте... — Эдуард Юнг (1683–1765) — английский поэт, автор поэмы «Ночные думы».

[^^^]

Благодарю тебя за копию «Монаха»... — то есть за копию с рисунка самого Шевченко, посланного для продажи. Выше поэт благодарит также за фотографию или рисунок с его «Трио» — скульптурной группы.

[^^^]

Был на Ханга-бабе... — Ханга-баба — горная цепь неподалеку от Новопетровского укрепления, на полуострове Мангышлак.

[^^^]

Посетить Ханга-бабу с Данилевским... — О Н. Я. Данилевском см. в примечаниях к «Дневнику», запись 26 июня 1857 г.

[^^^]

Ежели он решился побывать на Сыре, то я пойду за ним... — Очевидно, Залесский сообщал о затевавшейся К. И. Герном экспедиции на Сыр-Дарью, к участию в которой предполагалось привлечь и Шевченко. Куань — то есть Куан-Дарья, старое русло Сыр-Дарьи; Аму — Аму-Дарья.

[^^^]

Иордана и Сову я знаю. — С драмой Совы-Желиговского «Иордан» (Вильно, 1846) Шевченко познакомился, вероятно, в Оренбурге.

[^^^]

О моей бедной «Катерине»... — то есть о поэме Шевченко «Катерина», которую Желиговский предполагал перевести на польский язык.

[^^^]

А Ильяшенка и Петрова забудь... — А. Петров — студент Киевского университета, в 1847 г. донес о существовании Кирилло-Мефодиевского общества и затем на допросах всячески оговаривал его участников и Шевченко. Ильяшенко — очевидно, фамилия офицера, донесшего на поэта в Оренбурге в 1850 г. Обычно биографы Шевченко называют доносителя Исаевым (в официальных документах имя его не упоминается) — по недоразумению, основываясь на свидетельстве современников, что доносчиком был «свояк генерал-майора Исаева».

[^^^]

Алексею Ивановичу пожелай всех благ... — А.
И. Бутаков.

[^^^]

С Михайловым ты виделся... — Возможно, здесь имеется в виду Ларион Михайлович Михайлов, отец известного поэта.

[^^^]

Поздравь Фому — Томаша Вернера, товарища Шевченко по аральской экспедиции (о нем см. в т. 2 наст. изд.) примечания к стихотворениям «Когда есть дом родной», «На рожь несжатую в ночи», «Во граде Вильно досто-славном»).

[^^^]

Когда увидишь Фому Лазаревского... — Ошибка, следует — Федора Лазаревского.

[^^^]

Об адресате см. в примечаниях к т. 2 наст. изд.
стих. «А. О. Козачковскому».

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. IV, сс. 21–23.

[^^^]

Давно шевелится у меня в голове мысль... — О переводе «Слова о полку Игореве» на украинский язык Шевченко писал также О. М. Бодянскому (см. следующее письмо), однако к осуществлению этого проекта приступил только в 1860 г. См. в т. 2 наст. изд. примечания к стихотворениям «Плачь Ярославны», «С рассвета и до вечера». Работа над переводом была оборвана смертью поэта. Упомянутые издания «Слова»: А. С. Шишкова, Сочинения и переводы Российской Академии, СПб. 1805; М. А. Максимовича, Песнь о полку Игореве, сложенная в конце XII в. на древнем русском языке, Киев, 1837. Оба издания давали прозаический перевод «Слова». Третье издание — Н. В. Гербеля, Игорь, князь Северский, поэма, СПб. 1854 — содержало стихотворный свободный перевод.

[^^^]

Впервые — «Русская старина», 1883, № 9, сс. 643–644. Этого уральского казачину... — Имеется в виду Н. Савич; см. примечание к «Дневнику», запись 20 марта 1858 г.

[^^^]

Спасибо тебе... за летописи. — В редактируемых Бодянским «Чтениях общества истории и древностей российских» был напечатан ряд казацких летописей: «Летопись Самовидца», М. 1846; «Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах» Миллера, М. 1846; «Летописное повествование о Малой России» А. Ригельмана, М. 1847; «Описание о казацком малороссийском народе и о военных его делах» Симоновского, М. 1847; «История о казаках запорожских», М. 1847; «Краткая история о бунтах Хмельницкого», М. 1847. В посмертной «Описи книгам, принадлежавшим Т. Г. Шевченку», все эти книги значатся «с автографом», то есть дарственными надписями О. М. Бодянского («Червоний шлях», 1923, № 8, с. 236). Тогда же, вероятно, получил поэт и «Историю Русов», М. 1846.

[^^^]

Иванышев... забыл, как меня и зовут... — Николай Дмитриевич Иванышев (1811–1874) — профессор Киевского университета и редактор Киевской Археографической комиссии. В 1845 г. он вместе с Шевченко принимал участие в археологических раскопках. Под редакцией Иванышева печаталась «Летопись» С. Величка.

[^^^]

Я до сих пор жду Щербину... — Речь идет о книге Н. Ф. Щербины «Греческие стихотворения», Одесса, 1850. См. о нем примечания к «Дневнику», запись 6 апреля 1858 г.

[^^^]

Сходи в Симонов монастырь... — Ошибка поэта: Гоголь был похоронен не в Симоновом, а в Даниловом монастыре.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 1, сс. 170–173.

[^^^]

На месте твоего теперешнего пребывания...
— Бр. Залесский ездил на Урал.

[^^^]

Письмо твое к Сигизмунду... — то есть к С. Се-
раковскому.

[^^^]

У Плещеева действительно не оказалось германских книг... — Алексей Николаевич Плещеев — поэт и переводчик, был в 1849 г. за участие в кружке Петрашевского сослан в оренбургские степи солдатом; в 1852–1856 гг. находился в Оренбурге и заочно познакомился с Шевченко. Обращение к нему по поводу «германских книг» следует поставить в связь с упоминанием ниже о Карле Теодоре Кернере — немецком поэте-романтике, книгу стихов которого Шевченко предполагал подарить А. Е. Усковой. О неудаче этого подарка поэт рассказал в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

И особенно Богдана Залесского. — Юзеф Богдан Залесский (1802–1886) — польский поэт-романтик, в произведениях своих широко отразивший украинскую тематику. Поэту был прислан первый том издания «Poezye Bohdana Zaleskiego», СПб. 1852; всего 4 тома.

[^^^]

Прекрасные песни Соы... — Шевченко получил список стихотворений Желиговского; напечатаны они были позже в книге «Poezie Antoniego Sowu» (СПб. 1857).

[^^^]

Товарищ мой, некто Пономарев... — Федор Павлович Пономарев (1822–1884) — соученик поэта по Академии художеств (учился в ней в 1837–1844 гг.) и одно время его сожитель. Известны воспоминания Пономарева о Шевченко — «Русская старина», 1880, № 3, сс. 589–591.

[^^^]

Кланяется тебе Зелинский и Никольский. — Зелинский — ссыльный поляк, служивший одно время в Новопетровском укреплении. С. Р. Никольский — см. примечаниям «Дневнику», запись 19 июня 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Киевская, старина», 1883, № 1, сс. 173–176.

[^^^]

Милого Богдана... — то есть том произведений Богдана Залесского.

[^^^]

Переводы Совы... — Повидимому, присланные поэту переводы Желиговского из «Кобзаря». В печати они не появлялись.

[^^^]

П[лещеева] перевод... — Плещеевский перевод стихотворения Совы-Желиговского «Два слова» был опубликован несколько лет спустя в книге «Стихотворения А. Н. Плещеева», СПб. 1858, с. 27.

[^^^]

Прочитал биографию Гоголя... — «Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя» Николая М. (то есть П. А. Кулиша) в «Современнике», № 2, сс. 37–96; № 3, сс. 1—84; № 4, сс. 91 — 149.

[^^^]

Одесские события... — Попытка англо-французского флота высадить десант в районе Одессы и бомбардировка города (апрель 1854 г.). На поэта эти события «имели влияние», так как Венгржиновский в связи с ними не смог продать присланные ему рисунки поэта. «Цыган» — один из таких рисунков, известный нам по предварительному эскизу, либо неполному повторению.

[^^^]

Впервые — «Русская старина», 1883, № 9, с. 644

[^^^]

Изображение этого никудышного гетманца.
— Петр Петрович Семенов-Тяншанский (1827–1914) — географ и статистик, в 1854 г. посетил с научными целями Мангышлак и Новопетровское укрепление. Пересланный с ним автопортрет Шевченко в виде запорожца («гетманца») не сохранился.

[^^^]

Писал я тебе недавно через одного моего большого друга... — Н. Савича, см. выше, письмо № 60.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 3, сс. 611–612. Насчет «Монаха»... — Речь идет о неизвестном нам рисунке Шевченко, пересланном А. Венгржиновскому для продажи.

[^^^]

Адресат письма — издатель «Отечественных записок», журналист Андрей Александрович Краевский (1810–1889). Краевский возвратил рукопись Бр. Залесскому.

[^^^]

Мой рассказ «Княгиня»... — Одна из первых по времени повестей Шевченко. См. т. 3 наст. изд.; в примечаниях к повести упоминается и история попыток напечатать ее.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 3, сс. 612–614.

[^^^]

Какое чудное, дивное создание... — Речь идет
об А. Е. Усковой.

[^^^]

Старик Рустем... — Ян Рустем (ум. 1835) — художник-портретист, с 1798 г. живший в Вильно. Упоминание о нем в этом письме дало повод некоторым исследователям утверждать, что, еще будучи крепостным, Шевченко в Вильно брал у Рустема уроки живописи. Однако самая формулировка упоминания о Рустеме отнюдь не дает для этого оснований. Даже в ранних своих работах Шевченко был очень далек от живописной манеры Рустема.

[^^^]

Пеняешь ты, почему я тебе не прислал Трио или Христа... — Здесь и далее упоминаются скульптурные работы Шевченко. Ни одна из них не сохранилась.

[^^^]

В пандан... — В дополнение (франц.).

[^^^]

Тебе поручена новая библиотека... — По возвращении в Оренбург Бр. Залесский был назначен заведовать оренбургской публичной библиотекой.

[^^^]

Сблизился с В[асилием] Алексеевичем]... — то есть Перовским, который покровительственно относился к Залесекому и отчасти содействовал его освобождению и возвращению на родину. Шевченко, предполагая, что Перовский с предубеждением относится к нему и не зная, что предубежденность эта продиктована самим царем, надеялся на улучшение своего положения, если Перовский узнает всю правду о нем.

[^^^]

За его прекрасные сердечные стихи. — По всей вероятности, речь идет о стихотворении Желиговского, посвященном Шевченко; см. выше «Дневник», запись 13 мая 1858 г. и примечание к ней.

[^^^]

Представление Фреймана обо мне... — В 1854 г. Шевченко был представлен к производству в унтер-офицеры, что открывало дальнейшую возможность хлопотать об отставке. См. ниже, письмо № 67.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1860, кн. V, сс. 7–8. Об адресате см. выше, письмо № 54. Письма Плещеева к Шевченко не сохранились.

[^^^]

Сигизмунд Сераковский — см. примечание к «Дневнику», запись от 3 января 1858 г. После ссылки Шевченко в Новопетровское укрепление поддерживал с ним оживленную переписку, от которой сохранилось лишь одно письмо Шевченко. Письма Сераковского не сохранились.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. V, сс. 6–7.

[^^^]

О моем настоящем горе... — то есть оставлении без последствий представления Шевченко к производству в унтер-офицеры.

[^^^]

С письмом И. Станевича... — О Яне Станевиче см. в «Дневнике» запись 28 марта 1858 г. и примечание к ней.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 3, сс. 621–622. А моя нравственная, моя единственная опора... — Имеется в виду А. Е. Ускова. О своем разочаровании в ней поэт подробно рассказал в эпизоде с «кузиной» в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Впервые — в книге Тарас Шевченко, Листування, 1929, с. 84.

[^^^]

Просить вас и графа Ф[едора] П[етровича]... —
Ф. П. Толстого, бывшего в то время вице-президентом Академии художеств.

[^^^]

Впервые — «Шевченківський збірник», т. I,
Київ, 1924, сс. 126–127.

[^^^]

Сведение о торжественном прекрасном празднике вашего юбилея. — 10 октября 1854 г.
было отмечено 50-летие художественной деятельности Ф. П. Толстого.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 3, сс. 619–621.

[^^^]

Приехал сюда старик Козлов, штейгер... —
Участник каратауской экспедиции, упоминаемый ниже офицер Антонов командовал отрядом, приданным экспедиции для охраны.

[^^^]

Статью Хотинского и Писаревского о фотографии. — М. Хотинский и Н. Писаревский, Светопись и ее современное состояние («Современник», 1852, т. XXXIV, отд. 2, сс. 1—38).

[^^^]

«*Киевские ландыши*» — то есть «Ландыши Киевской Украины в тридцати книгах стихами и прозою. Книга первая. Сочинение Григория Карпенко 2», СПб. 1848 — бездарно-графоманская стряпня провинциальных актеров братьев Григория и Степана Карпенко. Беспомощность писаний обоих братьев сочеталась с крайней их политической реакционностью.

[^^^]

Повидайся с Лазаревским... — с Ф. М. Лазаревским. Старший брат — Михаил.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 3, сс. 614–617.

[^^^]

Увидеться в Ак-Мечети... — Так называлась небольшая крепостца, возведенная на Сыр-Дарье кокандским ханом в 20.-х гг. XIX в. В 1853 г. была взята русскими войсками и переименована в форт Перовский. Повидимому, Залесский рассчитывал с помощью самого Перовского перевести туда Шевченко, чтобы вырвать поэта из того захолустья, каким было Новопетровское укрепление даже для Оренбургского края.

[^^^]

*Имел ли какое влияние на судьбу мою всеми-
лостивейший манифест.* — Шевченко рассчиты-
вал, что Александр II, вступая на престол
(19 февраля 1855 г.), объявит о прощении по-
литических преступников предшествовавше-
го царствования. Манифест этот не коснулся
Шевченко: он был вычеркнут самим Алексан-
дром II из списка амнистируемых.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 3, сс. 617–619.

[^^^]

Художнику Николаю Осиповичу Осипову... — Н. О. Осипов — художник-миниатюрист, учитель рисования в семье Ф. П. Толстого. Его переписка с Шевченко началась в мае 1855 г., когда он по поручению Ф. П. Толстого, которому было неудобно при его служебном положении переписываться с ссыльным солдатом, сообщил, что Толстой «искренно соболезнует о вашем несчастье и душевно рад употребить все зависящие от него средства для облегчения вашей участи, если только степень вашего преступления не будет неодолимым препятствием. Начало уже сделано» (М. К. Чалый, *Жизнь и произведения Тараса Шевченко*, Киев, 1882, с. 88).

[^^^]

Объявление о издании... — Шевченко упоминает сборник документов по истории Польши, изданный в Петербурге книгопродавцем М. Вольфом в 1852 году.

[^^^]

Говоришь мне о генерале Бюрно... — С военным инженером К. И. Бюрно поэт познакомился осенью 1856 г., когда тот приезжал в Новопетровское укрепление. Знакомство это не прекратилось и после освобождения Шевченко; см. «Дневник», запись 7 апреля 1858 г.

[^^^]

Впервые — «Московские ведомости», 1862,
№ 45, 28 февраля.

[^^^]

Письмо ваше ... получил я 16-го мая... — Письмо это опубликовано в книге М. К. Чалого, *Жизнь и произведения Тараса Шевченко*, Киев, 1882, сс. 90–91.

[^^^]

Променяла лиру на меч... — Осипов сообщал о своем отъезде под Севастополь.

[^^^]

Экземпляр амфибий, между которыми я прозябаю столько лет. — В сохранившемся отрывке письма Осипова рассказа о встречах с «амфибиями», то есть с пьяными офицерами, нет.

[^^^]

Влачил остаток дней своих Овидий Назон... —
См. выше «Дневник», запись 19 июня 1857 г.

[^^^]

Не читает великого Шотландца — то есть
Вальтера Скотта.

[^^^]

Логановский имел для московского храма работы на 80.000 руб. — Скульптор Александр Васильевич Логановский умер 18 ноября 1855 г. Ниже упоминаются также скульпторы Николай Степанович Пименов (1812–1864) и Николай Александрович Рамазанов (1815–1868). Московский храм — храм Христа спасителя; свои впечатления от него Шевченко записал в «Дневнике» 19 марта 1858 г.

[^^^]

Или К[арл] И[ванович] сдержал свое слово... — «Карлом Ивановичем» часто называли Николая I.

[^^^]

Прадье... а о Жаке и Ладурнере и говорить нечего. — Жак Прадье (1792–1852) — французский скульптор. Жак — скульптор француз в Петербурге в 30-х гг., автор нескольких работ, признанных Академией художеств неудачными. А. Ладурнер (1789–1855) — скульптор, академик и профессор Академии художеств в начале 40-х гг.

[^^^]

Старик Мельников... — Абрам Иванович Мельников (1784–1854) — архитектор, автор замечательного, по свидетельству современников, проекта Исаакиевского собора в Петербурге, которому был предпочтен проект Монферрана.

[^^^]

С повестями и рассказами Толстого я совершенно не знаком. — Имеется в виду Л. Н. Толстой, выступивший в печати в 1852 году и первое время подписывавшийся инициалами Л. Н. Т. Поэтому Шевченко, читавший в 1852 году «Современник», где печаталось «Детство», мог не связывать автора повести с Толстым, о котором ему писал Осипов.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 1, сс. 167–168.

[^^^]

Ты мне советуешь не просить многого. — То есть ходатайствовать не об освобождении, но о кое-каких «льготах», например, о получении чина за выслугу, что облегчало отставку.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VII, сс. 15–16.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 4, сс. 856–858.

[^^^]

Настоящее письмо является ответом на письмо Бр. Залесского от 8 июня 1856 («Киевская старина», 1897, № 3, сс. 458–460).

[^^^]

А за письмо не благодарю... — Отрывок этого письма С. Сераковского опубликован. В нем, между прочим, читаем: «Батьку! это год радости и счастья: сегодня солнце вознеслось до зенита на небе и наше счастье, возможное в Оренбурге, самое великое. Бронислав наш получил полное увольнение и не позже первого июня возвращается на родину — в землю нашу родную. Я жду его и поеду вместе с ним или его передовым. И сердце, и ум, и Бронислав, которого слово для меня свято, говорят: первое твое дело, батьку!» (М. К. Чалый, Жизнь и творчество Тараса Шевченко, Киев, 1882, сс. 82–83).

[^^^]

«Горек хлеб подаяния...» — цитата из «Божественной комедии» Данте. Эта цитата, вне всякой связи с содержанием, написана потом на полях одной из страниц рукописи повести «Художник», писавшейся в это время.

[^^^]

Жду от вас письма. — Задержка с письмами от Н. О. Осипова и А. И. Толстой объясняется, видимо, ожиданием манифеста с амнистией ко дню коронации Александра II (20 августа 1856 г.).

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, сс. 3–4.

[^^^]

Письмо твое от 8-го августа... — В письме этом М. Лазаревский писал: «Вчера я прочитал письмо к Семену от 30 июня. Ты думаешь, что тебя уже забыли все твои знакомые: неправда. Многие, многие помнят тебя и часто вспоминают о тебе. Письмо твое к г. Ф. П. [Толстому] получено; но и кроме его добрые люди просили о тебе и получили обещание, которое, может быть, скоро и сбудется... Еще в бытность мою в Оренбурге я остался должным тебе. Ты, вероятно, без денег, а без них и так жить трудно. Может быть, ты и забыл этот долг, но я помню его, и потому не удивляйся прилагаемым в особом конверте... 20-ти рублям. Напиши мне, какие именно нужны тебе статуэтки и не нужно ли еще что из жизненных припасов?» («Культура», Львов, 1925, № 3, с. 34).

[^^^]

Если свидишься с большим Осипом Езучевским... — Имеется в виду петербургский чиновник, давний знакомый Шевченко, Василий Осипович Езучевский. Упоминаемый дальше «глухой Галуза» — Яков Галузевский, также петербургский чиновник.

[^^^]

Не слишком хитростный этюд мой... — Речь идет о повести «Матрос», которая позднее была переименована так: «Прогулка с удовольствием и не без морали» (см. т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Алексею Феофилактовичу Писемскому. — С писателем А. Ф. Писемским Шевченко познакомился в мае — июне 1856 г. в Новопетровском укреплении, куда писатель заехал на короткое время, путешествуя по Каспийскому морю. По просьбе ссыльного поэта, Писемский написал А. И. Толстой, принял какие-то поручения от Шевченко к О. М. Бодянскому и Н. И. Костомарову 5–6 июля 1856 г. А. Ф. Писемский писал Шевченко из Астрахани: «Не знаю, говорил ли я вам, по крайней мере скажу теперь. Я видел на одном вечере человек 20 ваших земляков, которые, читая ваши стихотворения, плакали от восторга и произносили ваше имя с благоговением. Я сам писатель и больше этой заочной чести не желал бы другой славы и известности, и да послужит все это утешением в вашей безотрадной жизни!» (М. К. Чалый, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, с. 93).

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 4, сс. 853–856.

[^^^]

Представить в лицах евангельскую притчу о блудном сыне. — Об этом проекте см. «Дневник», запись 26 июня 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. 111, сс. 4–5.

[^^^]

Знаменитого череполога Лаватера. — Имеется в виду швейцарский поэт Иоганн Каспар Лафатер (1741–1801) — автор большого сочинения «Физиономические фрагменты» (1775–1778), трактовавшего о возможности познать характер человека по его физиономии и строению черепа (см. примечание к повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», т. 4 наст. изд.).

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 4, сс. 858–861.

[^^^]

Письмо твое ... от 18 сентября минувшего года... — Это письмо Бр. Залесского опубликовано в «Киевской старине», 1897, № 3, сс. 462–464.

[^^^]

Получил я письмо... от жены нашего вице-президента... — Из этого письма А. И. Толстой известен небольшой отрывок, приведенный в примечании к дневниковой записи 12 июля 1857 г.

[^^^]

«Мало воздуха всей Аравии наполнить мою свободную грудь...» — цитата из «Фариса» Адама Мицкевича.

[^^^]

Вильно также дорого по воспоминаниям моему сердцу, как и твоему. — В Вильно Шевченко прожил около полутора лет (1829–1831). Здесь он пережил любовь к Дуне Гусиковской; см. «Дневник», запись 5 сентября 1857 г.

[^^^]

Поговорить с тобою о «Космосе» и послушать, как ты читаешь песни Вайделоты. — О «Космосе» Александра Гумбольдта см. выше, примечание к дневниковой записи 23 апреля 1858 г. «Песни Вайделоты» — из поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод».

[^^^]

781

Семена джугары — то есть сорго или гаоляна.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1861, кн. X, сс. 7–9; в исправленном виде — «Кубанские областные ведомости», 1899, № 82.

[^^^]

Твое дружеское ласковое письмо... — В письме 18 декабря 1856 г. Я. Г. Кухаренко пишет, что с большим запозданием узнал про «горькую долю» поэта, все последующие годы не забывал своего друга, приехав в Москву на коронацию, встретился с М. С. Щепкиным. «Щепкин прочитал мне наизусть «Пустку», я тотчас угадал. Разве удивительно узнать язык Тараса, хорошо зная Тараса? Позже приходил Щепкин ко мне на квартиру. Я прочитал ему твое письмо ко мне. Он заплакал. Долго беседовали о тебе, кто что знал, и разошлись. Все твои произведения напечатанные до злого твоего часа, у меня имеются. Да еще, как сказано, я добыл «Гамалию» и «Пустку», а если что найдется кроме того, брат Тарас, прошу списать и прислать мне, а если есть что-нибудь напечатанное, то назвать его и сказать, откуда выписать».

[^^^]

Молодой казак, Маркевич... — Об Андрее Николаевиче Маркевиче см. примечание к дневниковой записи 21 июня 1857 г.

[^^^]

Пишет мне... Лазаревский... — Письмо М. М. Лазаревского от 17 января 1857 г. см. «Киевская старина», 1901, № 2, сс. 285–286. Лазаревский сообщал поэту, что «о увольнении его в отставку уже последовало разрешение царя и сообщено об этом воен[ному] министру для исполнения». В действительности «увольнение» Шевченко состоялось 1 мая, а до Ново-петровского укрепления официальная весть об этом дошла только в конце июля 1857 г.

[^^^]

Какую он это тебе «Пустку» читал? — Речь идет о первоначальной редакции стихотворения «Зачаруй меня, волшебник», посвященного Щепкину в память знакомства (см. т. 1 наст. изд). Ср. запись в «Дневнике» 10 февраля 1858 г.

[^^^]

Панько Кулиш книгу своей работы... — О присланных Кулишом книгах, в частности о «Записках о Южной Руси», см. в «Дневнике», запись 17 июня 1857 г. и др., а также в ряде последующих писем к разным лицам.

[^^^]

Журнала уже десятый год ... и в глаза ни одного не видел... — Из писем Шевченко известно, что в 1852 г. в Новопетровском укреплении получался «Современник», в 1856 г. — «Библиотека для чтения» и т. д.

[^^^]

На старости попробую писать прозу. — Имеются в виду повести Шевченко, относительно устройства которых в печати он упоминает в письмах к разным лицам.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. V, сс. 8–9 (без приписки). Приписка — в кн. Т. Шевченко, Дневник, Харьков, 1925, сс. 172–173.

[^^^]

Спасибо ему, этому Николаю М. — В 1852–1857 гг., до получения разрешения печататься под собственным именем, П. Кулиш подписывался псевдонимом «Николай М.»

[^^^]

Не встретишься ли ты случайно с Гербелем...
 — Николай Васильевич Гербель (1827–1883) — поэт и переводчик. О его переводе «Слова о полку Игореве» см. выше, примечание к письму № 59. В «Библиотеке для чтения», 1856, № 11, отд. I, сс. VII–VIII, было напечатано его стихотворение «Дума (С малороссийского)» — первый русский перевод из Шевченко, особенно примечательный тем, что был опубликован еще до амнистии украинского поэта, когда самое имя его было запретным. Ср. в т. 1 наст. изд. примечание к стихотворению «Думка («На что черные мне брови»)».

[^^^]

Мы были когда-то большие приятели... — «Приятельство» Шевченко с Маркевичем было очень кратковременным: по возвращении из ссылки он не делал попыток воскресить его, очевидно узнав о реакционных настроениях Н. Маркевича, бывшего ученика Кюхельбекера, друга М. И. Глинки и ряда декабристов.

[^^^]

Дело вот в чем... — О полковнике Киреевском и его жульничестве см. в «Дневнике», запись 21 июня 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, сс. 6–8.

[^^^]

Картина была у Езучевского... — В своем письме М. Лазаревский писал коротко: «Картина твоя, что ты сделал когда-то для Езучевского, досталась мне в лотерею». Самая лотерея была устроена друзьями поэта для того, чтобы собрать ему средства на возвращение в Петербург и первоначальное обзаведение.

[^^^]

У какого-то Н. Д. — то есть у Николая Дмитриевича Белозерского; о нем см. «Дневник», запись 22 января 1858 г.

[^^^]

Не делайте ничего, братья мои... — В письме 17 января 1858 г. М. Лазаревский сообщил, что петербургские друзья и благоприятели поэта уже нашли ему занятие: «Тут есть добрые знакомые, при помощи которых можно устроить фотографич[еский] и дагеротипн[ый] станок и иметь кусок хлеба на всю жизнь». Однако Шевченко довольно сдержанно относился к фотографии, полагая, что «это дело химии и физики», а не искусства (ср. письмо к Бр. Залесскому 10 июня 1855 г.).

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 4, сс. 862–865.

[^^^]

Что значит твое упорное молчание? — Письмо Шевченко разминулось с письмом Бр. Залесского 2 марта 1857 г. («Киевская старина», 1897, № 3, сс. 464–466). О получении этого письма поэт сообщает ниже.

[^^^]

Объяснил мне М. Лазаревский. — Письмо М. М. Лазаревского 11 апреля 1857 г. см. «Киевская старина», 1901, № 2, сс. 286–288. Лазаревский писал: «Давно уже я собираюсь писать к тебе, но все откладывал, чтоб сказать что-нибудь положительное; а сегодня не утерпел и пишу хоть не окончательное, но положительное все-таки, что ты можешь скоро рассчитывать на милость; но какую и с каким ограничением — еще не знаю». И еще: «Только на днях добился положительно, что доклад о тебе и других подобных готов и будет представлен к пасхе».

[^^^]

Ты не Улисс, а я не Ментор. — В древнегреческом эпосе Ментор, друг Одиссея (Улисса), которому последний, отправляясь на Троянскую войну, поручил воспитание своего сына Телемака.

[^^^]

Для «Виленского альбома» пришлю несколько штук из нашего каратауского вояжа... — Залесский предлагал дать в «Виленский альбом» серию «Блудный сын», но Шевченко прислал 17 каратауских видов, которые редакция альбома отказалась поместить. Позднее Залесский переслал эти рисунки через С. Сераковского Кулишу, и они были проданы. См. «Дневник», запись 3 января 1858 г.

[^^^]

Предание о происхождении рисования. — Этот рисунок, как и названные дальше «Счастливый ловец» и «Ловкий продавец», известны только по данному упоминанию.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, сс. 8–9.

[^^^]

Как, заумирав, Явдоха на том свете побывала... — Рассказ С. С. Артемовского, очевидно, один из народных вариантов опубликованного в «Записках о Южной Руси» цикла рассказов о «странствованиях по тому свету» («Записки о Южной Руси», т. I, СПб. 1856, сс. 303–311).

[^^^]

Впервые — «Основа», 1861, кн. X, сс. 9—10.

[^^^]

Могила, говорят, издает сборник наших песен? — Вероятно, сборник «Народные южно-русские песни» (Киев, 1854), изданный А. Л. Метлинским (его псевдоним Амвросий Могила).

[^^^]

Впервые «Основа», 1862, кн. III, сс. 9—10.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, сс. 10–11.

[^^^]

Письмо твое... от 2 мая... — В письме этом (см. «Киевская старина», 1901, № 2, сс. 286–287) М. Лазаревский сообщал, что «третьего дня послана бумага командиру Оренбургского корпуса» об увольнении поэта в отставку.

[^^^]

Сшил из шести листов бумаги тетрадь. — Сохранившийся дневник Шевченко, который велся с 12 июня 1857 г. по 13 июля 1858 г., состоял из нескольких самодельных тетрадей, впоследствии переплетенных М. М. Лазаревским, которому они были подарены, в один переплет.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 4, сс. 865–866.

[^^^]

В один день с твоим письмом от 30 мая... —
Письмо это см. «Киевская старина», 1897, № 3,
сс. 466–468.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, с. 11.

[^^^]

1 августа пришла почта... — Разрешения в действительности не было; И. А. Усков самостоятельно разрешил Шевченко выехать из Новопетровского укрепления. См. примечание к дневниковой записи 5 августа 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1861, кн. X, сс. 10–11,

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, с. 12.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, сс. 13–14.

[^^^]

Кроме «Богдана Хмельницкого» Костомарова... — Об этом исследовании Н. И. Костомарова и о впечатлениях Шевченко от него см. «Дневник», запись 22 сентября 1857 г. и примечание.

[^^^]

Об адресатах письма см. дневниковые записи 15–23 августа 1857 г. и примечания к ним. Там же приведена, в записи Ф. Чельцова, история о черте (он же Иван Рогожин).

[^^^]

Впервые — «Радянське літературознавство»,
кн. IV 1939, еє 143–144.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1889, № 2, сс. 306–308.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, сс. 14–15.

Письмо это обычно печатается с неверной датой. 18 ноября; между тем, сопоставление его с «Дневником» показывает, что датироваться оно должно 28 ноября: ср. «Дневник», записи 26. 28 ноября 1857 г.

[^^^]

Письмо твое... я получил. — См. «Киевская старина», 1901, № 2, сс. 290–291.

[^^^]

Поблагодари ... Кулиша. — О получении книг от П. Кулиша Шевченко записал в «Дневнике» 10 ноября 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1861, кн. X, сс. 13–15.

[^^^]

Старик Улыбышев... — Об А. Д. Улыбышеве см. в примечании к «Дневнику», запись 2 декабря 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. V сс. 9—11.

[^^^]

Я ее прочитал и в «Русской беседе». — Роман П. Кулиша «Черная рада» печатался в русском переводе в «Русской беседе», 1857, кн. II–IV. Там же (1857, кн. III, сс. 138–140) был напечатан «Эпилог» к «Черной раде», о котором упоминает Шевченко, — критический обзор наиболее выдающихся явлений и современного состояния молодой украинской литературы. О Шевченко там говорилось как о «величайшем таланте южнорусской литературы, певце людских неправд и собственных горячих слез» и т. д. В «Дневнике» (запись 26 октября 1857 г.) поэт отозвался об «Эпилоге» довольно сдержанно, предположив, что похвалы продиктованы Кулишу «дружбой».

[^^^]

Спасибо тебе за «Наймичку». — Имеется в виду поэма Шевченко, напечатанная Кулишом в т. II «Записок о Южной Руси», якобы принадлежащая неведомому поэту и извлеченная из альбома какой-то «уездной или хуторской барышни». О поэме «Иван Гус» («Еретик») см. в т. 1 наст. изд.

[^^^]

Оригинальный человецище Л. Жемчужников!
— См. дневниковую запись 10 ноября 1857 г.
и примечание.

[^^^]

Поцелуй Маркевича... — К т. II «Записок о Южной Руси» были приложены «Малороссийские народные песни, положенные на ноты для пения и фортепиано Андреем Маркевичем. Тетрадь первая», содержащая 25 песен.

[^^^]

Впервые — «Московские ведомости», 1862,
№ 45.

[^^^]

Впервые — «Русская старина», 1877, № 10, сс. 291–292.

[^^^]

Впервые — в брошюре Д. І. Яворницький, Матеріали до біографії Т. Г. Шевченка, Катеринослав, 1909, с. 47.

[^^^]

Впервые — «Речь» (газета), 1913, 13 августа.

[^^^]

Присел я это вот написать тебе... — Через М. С. Щепкина М. А. Максимович (см. о нем выше, в примечании к «Дневнику», запись 12 и 25 марта 1858 г.) переслал поэту письмо (опубликовано в «Киевской старине», 1884, № 4, сс. 645–646) и несколько книг, в том числе свой перевод «Слова о полку Игореве» Он приглашал Шевченко участвовать в славянофильских изданиях — газете «Молва» и журнале «Русская беседа».

Во время пребывания Шевченко в Москве в марте 1858 г. славянофилы настойчиво, но безуспешно старались привлечь поэта к участию в своих изданиях.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, с. 15.

[^^^]

Этот человек завтра едет... — П. А. Овсянников, нижегородский знакомый поэта. См. о нем в «Дневнике», запись 20 сентября 1857 г. и примечание.

[^^^]

Дай Кулишу полтину серебром... — Среди присланных поэту в Нижний-Новгород книг была «Граматка» (букварь) П. Кулиша, очень понравившийся поэту (см. «Дневник», запись 10 декабря 1857 г.). Небольшая книжечка продавалась по 50 копеек, потому что, по объяснению Кулиша, предназначалась не столько для народа, сколько для тех, кто будет обучать народ грамоте. При выписке же «Граматки» непосредственно для крестьян книжку отпускали по 20 и даже 15 копеек; объявленная цена (50 коп.) должна была восполнить убытки издателя. Шевченко не пожелал принять подарок и просил М. Лазаревского уплатить полную стоимость книжки.

[^^^]

Не знаешь ли ты, где живет Жемчужников?
— то есть Лев Михайлович Жемчужников,
переславший поэту 175 рублей, собранных им
на Украине среди помещиков.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. V, с. 11.

[^^^]

Получил я твое третье письмо... — См. «Киевская старина», 1898, № 2, с. 232. См. также запись в «Дневнике» 3 января 1858 г.

[^^^]

Из «Черной рады» сейчас не нарисую тебе ничего... — Об иллюстрациях к «Черной раде» Кулиш, вероятно, просил Шевченко устно, через Баренцева, привезшего поэту письмо и деньги.

[^^^]

Посылаю тебе... своих «Неофитов». — См. в т. 2 наст. изд. и примечание.

[^^^]

Впервые — в сборнике «Шевченко та його доба» («Шевченко и его время»), кн. I, Киев, 1925, ее 194–195.

[^^^]

Уже успокоился ли ты хоть немного... — Бенефис М. С. Щепкина в Малом театре состоялся 13 января 1858 г. Была поставлена переводная пьеса «Жакар, или Жакардов станок» Фурнье.

[^^^]

Твоя и моя милая Тетяся Пиунова... — Пиунову звали Екатериной Борисовной. Тетясей Шевченко называет ее по персонажу водевиля И. П. Котляревского «Москаль-чарівник», поставленного в Нижнем-Новгороде с участием М. С. Щепкина. О переезде Пиуновой в Харьков см. «Дневник», запись 14 января 1858 г. и сл.

[^^^]

Панегирик от Сергея Тимофеевича. — То есть С. Т. Аксакова. Письмо это не сохранилось; о нем, кроме настоящего письма, известно также по дневниковой записи 13 января 1858 г.

[^^^]

Приносят твое письмо от Брылкина. — Письмо Щепкина 15 января 1858 года см. в газете «Киевлянин», 1870, № 41, 4 апреля.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, с. 16.

[^^^]

Рекомендую тебе... Константина Антоновича Шрейдера. — О нем см. примечание к дневниковой записи 8 октября 1857 г.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862 г., кн. V, сс. 12–13.

[^^^]

Приготовил своих «Неофитов» для печати? —
Имеется в виду письмо Кулиша 20 января
1858 г. (см. «Киевская старина», 1898, № 2, сс.
232–233); ср. также в т. 2 наст. изд. примеча-
ния к «Неофитам» и выше, примечание к
«Дневнику», запись 4 января 1858 г.

[^^^]

«Заграй мені, дуднику...» — Ответ на запрос Кулиша относительно стихотворения Шевченко «Протоптала тропочку»; см. в т. 2 наст. изд.

[^^^]

О каких ты это мне пишешь деньгах? — В письме Кулиш, уговаривая поэта не печатать повестей, написанных по-русски, писал: «Ни денег, ни славы ты за них не добудешь».

[^^^]

Впервые — «Основа», 1861, кн. X, сс. 15–16.

[^^^]

Спасибо тебе... за письмо твое... — Письмо это не сохранилось. Краткое его содержание поэт записал в «Дневнике» 1 февраля 1858 г.

[^^^]

Посылает тебе свой репертуар и условия... —
См. примечание к дневниковой записи 11
февраля 1858 г.

[^^^]

Написал я небольшую статейку. — Статья Шевченко «Бенефис г-жи Пиуновой, января 21, 1858 г.» (см. Приложения) напечатана в «Нижегородских губернских ведомостях», неофициальная часть, 1858, № 5. сс. 17–18. При содействии М. С. Щепкина перепечатана в «Московских ведомостях», 1858, № 18. См. также примечания к «Дневнику», запись 21 января 1858 г.

[^^^]

27 генваря похоронили славного старика Улыбышева. — См. также дневниковую запись 27 января 1858 г.

[^^^]

М. А. Дорохова со своим чужим ребенком... — то есть с Ниной Пущиной. См. дневниковую запись 31 октября 1857 г. и др.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1885, № 2, с. 334.

[^^^]

О Сергее Тимофеевиче Аксакове см. в «Дневнике» поэта, запись 4 января 1858 г. и др., а также в примечаниях к повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» (т. 4 наст. изд.). Письмо Аксакова, переданное через Щепкина, не сохранилось.

[^^^]

Впервые — «Искусство», 1928, т. III, вып. 1–2, сс. 157–158.

[^^^]

Кончили ли вы печатать вашу книгу? — «Детские годы Багрова-внука», М. 1858. Шевченко получил эту книгу от автора лишь в марте 1858 г. (см. запись в «Дневнике» от 3 марта 1858 г.).

[^^^]

Впервые — «Основа», 1861, кн. X, сс. 11–12.

[^^^]

Письмо твое от 7 августа прошлого года... —
Письмо это см. «Киевская старина», 1897, № 3,
сс. 455–456.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1889, № 2, сс. 308–310.

[^^^]

Письмо ваше от 7 января... — Письмо это см. «Киевская старина», 1889, № 2, сс. 308–309. Оно рассказывает о житейских буднях Новопетровского укрепления. Поэт записал в «Дневнике» 10 февраля: «И. А. Усков... пишет, что у них все обстоит благополучно. Не завидую вашему благополучию»,

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, сс. 16–17.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III с. 17.

[^^^]

Получил я твое письмо. — Письмо М. М. Лазаревского от 20 февраля 1858 г. («Киевская старина». 1897 № 2, ее. 153–154) извещало поэта о полученном разрешении ему поселиться в Петербурге.

[^^^]

Впервые — «Русская старина», 1877, № 10, сс. 292.

[^^^]

Ваше сердечное, святое письмо. — Имеется в виду коротенькая, взволнованная записочка, опубликованная М. К. Чалым («Жизнь и произведения Тараса Шевченко». Киев, 1882, с. 121). См. примечание к «Дневнику», запись 2 марта 1858 г.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, сс. 17–18.

[^^^]

Я в Москве, нездоров. — См. дневниковые записи 12–16 марта 1858 г.

[^^^]

Посылаю тебе два рисунка. — Рисунки предназначались великой княгине Марии Николаевне («президенту» Академии Художеств); дальнейшая их судьба неизвестна.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, с. 18.

[^^^]

Садись на чугунку, да — и ко мне... — На это приглашение М. Лазаревский отвечал 23 марта. («Киевская старина», 1901, № 2, с. 299). Этим письмом Шевченко отвечает на записку М. М. Лазаревского 16 марта 1858 г. («Киевская старина», 1901, № 2, сс. 297–298), написанную по просьбе и по поручению А. И. Толстой: «она чрезвычайно жалеет о твоей болезни и боится, чтобы Михайло Семенович не удержал тебя в Москве и на пасху».

[^^^]

Впервые — «Зоря» (Львов), 1896, № 5, с 87.

[^^^]

Получил я от Грицька Галагана все твои труды. — То есть стихи Максимовича, посвященные Шевченко и читанные на обеде в его честь 25 марта 1858 г., бесплатную подписную квитанцию на «Русскую беседу» и список поэмы Шевченко «Еретик», оказавшийся у историка П. И. Бартенева. См. дневниковую запись 28 марта 1858 г. и примечание к ней.

[^^^]

Читаю теперь «Гуса» Анникова... — Шевченко, повидимому, имеет в виду статью Е. П. Новикова «Гус и Лютер» («Русская беседа», 1857, № 4; 1858, №№ 1, 3, 4).

[^^^]

Посылаю тебе обещанное... — К письму поэт приложил стихотворение «Когда мы были казаками» (см. т. 2 наст, изд.), озаглавленное здесь «Полякам» и подписанное: Кобзарь Дармограй.

[^^^]

Впервые — «Искусство», т. III, вып. 1–2, 1928, сс. 158–159.

[^^^]

Получил я ваше искреннее, драгоценное письмо... — Письмо это опубликовано М. К. Чалым («Жизнь и произведения Тараса Шевченко», Киев, 1882, сс. 119–120).

[^^^]

Выставка случилась в Академии художеств...
— Свои впечатления от очередной академической выставки Шевченко занес также в «Дневник», см. запись 6 апреля и др.

[^^^]

Айвазовский, увы, спасовал. — Иван Константинович Айвазовский представил на выставке 1858 г. четырнадцать картин, в большинстве — жанровые зарисовки (например, «Зима и постоялый двор в Тульской губернии» и др.), чуждые самому характеру дарования художника-мариниста.

[^^^]

Алмазное стихотворение «На Новый год». — Стихотворение И. С. Аксакова «На Новый год» напечатано в «Русской беседе», 1858, № 1, сс. 5–6. Отражая настроения общественного подъема, И. С. Аксаков писал:

*День встает, багрян и пышен.
Долгой ночи скрылась тень,
Новой жизни трепет слышен,
Чем-то вещим смотрит день!
С сонных вежд стряхнув дремоту,
Бодрой свежести полна,
Вышла, с богом, на работу
Пробужденная страна.*

[^^^]

Поцелуйте моего великого друга... — то есть Щепкина,

[^^^]

Григорий Николаевич Честаховский
(1820–1893) — художник, близкий к поэту в последние годы его жизни. Был организатором похорон Шевченко и перевоза его тела на Украину, о чем оставил воспоминания («Киевская старина», 1895, № 2).

[^^^]

Впервые — «Зоря» (Львов), 1896, № 5, с. 87.

[^^^]

Старого Щепкина-актера. — О приезде Щепкина в Петербург на гастроли (14–19 мая 1858 г.) Шевченко сделал ряд записей в «Дневнике» за указанные дни.

[^^^]

Об адресате см. «Дневник», запись 28 марта
1858 г и др.

[^^^]

Впервые — «Шевченківський збірник» («Шевченковский сборник»), Киев, 1924, с. 128.

[^^^]

Иван Иванович Соколов — см. примечание к «Дневнику», запись 7 апреля 1858 г.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1889, № 2, сс.
310—311

[^^^]

До заветного Павловска. — В Павловске жил полковник Киреевский. См. «Дневник», запись 21 июня 1857 г.

[^^^]

Я посылаю вам «Губернские очерки». — Очевидно, одно из двух отдельных изданий «Губернских очерков. Из записок отставного на- дворного советника Щедрина», М. 1857.

[^^^]

Что мои великие друзья поделявают? — то есть дочери И. А. Ускова, упоминаемые дальше Наденька и Наташа.

[^^^]

Впервые — «Искусство», 1928, т. III, вып. 1–2. с.
160

[^^^]

Ваше искренно благородное письмо. — Имеется в виду письмо, известное по публикации в книге М. К. Чалого. Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, сс. 119–120 В письме содержится отзыв С. Т. Аксакова о повести «Прогулка с удовольствием и не без морали», см. т. 4 наст, изд

[^^^]

Выставлена теперь картина Иванова... — «Явление Христа народу»; о ней см. запись в «Дневнике» 27 июля 1857 г. и примечание. Сравнение А. А. Иванова с видным представителем реакционного романтизма в немецкой живописи Фридрихом Овербеком (1789–1869) ошибочно: в картине Иванова не было ни сентиментальности, ни рассудочности, ни отвлеченной условности образов, характерных для немецкого художника.

[^^^]

Бедный автор не выдержал приговора товарищей. — А. А. Иванов умер 3 июля 1858 г. Как писал А. И. Герцен в «Колоколе» (1858, № 22), «больной, измученный нуждой, Иванов не вынес грубого прикосновения царской дворни и — умер!»

[^^^]

Посылаю моему великому другу... — См. следующее письмо.

[^^^]

Сегодня принимаюсь за новую доску. — Шевченко начал подготовку офорта с находящейся в Эрмитаже картины Рембрандта «Притча о виноградаре».

[^^^]

Впервые — «Основа», 1861, кн. X, с. 16.

[^^^]

Вырви ты прямо у этого К[окор]ева... — Об откупщице В. А. Кокореве см. в «Дневнике» записи 1 и 8 апреля 1858 г. По-видимому, Кокорев обещал субсидировать издание одного из шевченковских офортов.

[^^^]

«Гугенотов» не на что послушать... — Имеется в виду опера Мейербера.

[^^^]

Запродал я было свои сочинения книгопродавцу Кожанчикову... — Дмитрий Ефимович Кожанчиков, прогрессивный издатель, близкий к редакции «Современника», в частности к Чернышевскому. Вероятно, по совету последнего, а также Н. И. Костомарова, начал переговоры с Шевченко относительно издания его сочинений, но вскоре отказался от своего намерения, испугавшись цензурных затруднений.

[^^^]

Через художника Раева... — Василий Георгиевич Раев (1807–1870) — исторический живописец и мозаичист. Шевченко переслал с ним свой офорт с картины Рембрандта «Притча о виноградаре».

[^^^]

У графа Алексея Сергеевича Уварова... — А. С. Уваров (1828–1884) — археолог. Средства на издание шевченковского офорта он дал по ходатайству М. Лазаревского, своего управляющего.

[^^^]

Впервые — «Глобус», Киев, 1925. № 5.

[^^^]

Ваше почтенное письмо... — Письмо М. А. Максимовича от 15 ноября 1858 г. см. «Наше минуле», Киев, 1919, кн. I–II. сс. 27–29. Максимович сообщил, что отказался от редактирования «Русской беседы» и просил от имени И. С. Аксакова разрешения передать ему для новой славянофильской газеты «Парус» несколько стихотворений Шевченко.

[^^^]

Плыть... под этим парусом! — Провозглашая своим «знаменем» «русскую народность», И. Аксаков пытался в соответствии со славянофильскими доктринами включить в это понятие также все славянские народности. Не признавал И. Аксаков также за украинской и белорусской литературами права на самостоятельное существование: в перечне славянских литератур они вовсе не были названы.

[^^^]

Заступник сиятельного князя, любителя березовой каши. — Князь В. А. Черкасский, предложивший в статье «Некоторые общие черты будущего сельского управления» (в журнале «Сельское благоустройство», 1858, № 9) учредить в деревнях особую должность участкового старосты. Он писал: «Можно, по крайности, даже предоставить ему право, в случае особенного бесчинства крестьянина его участка, требующего немедленного взыскания, подвергать такового наказанию собственной властью, но не иначе, как в присутствии двух свидетелей, преимущественно из стариков, и не свыше как 18 ударами розог». Крепостническое выступление Черкасского вызвало сильное возмущение в прогрессивной среде и оживленную полемику в прессе. И. Аксаков печатно защищал «добрые намерения» Черкасского («Московские ведомости», 1858, № 130). Его защиту даже консервативно настроенный Максимович в ответном письме к Шевченко 1 декабря 1858 г. признал «неуместной», сообщив вместе с тем: «А если б ты ви-

дел, как расходился здесь старый наш Михай-
ло [Щепкин]!» («Наше минуле», 1919, кн. I–II,
с. 28).

[^^^]

Спасибо вашей милой Марии Васильевне... — Вместе с письмом поэт переслал небольшую записочку М. В. Максимович, в которой напоминает о просьбе «оженить» его: «Ожените, пожалуйста! Потому что если не ожените, то и сам бог не оженит, так и пропаду сиротою на чужбине». С этой записочкой было переслано М. В. Максимович стихотворение «Сон» («На панцині пшеницю жала»).

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1898, № 2, сс. 208–209. Письмо является ответом на сообщение Щепкина о неудачных его попытках встретиться с В. Кокоревым по поручению Шевченко (см. письмо № 130).

[^^^]

У нас теперь африканский актер... — Негр Аира Олдридж (1807–1867) — замечательный актер-трагик. Первое его выступление в Петербурге состоялось 10 ноября 1858 г. Шевченко познакомился с ним после одного из первых спектаклей. С Олдриджем поэт очень часто встречался в семействе Толстых; см. Е. Ф. Юнге, Воспоминания, к-во «Сфинкс». Сохранились интересные неопубликованные дневники Е. Ф. Толстой-Юнге с упоминаниями о встречах Шевченко с Олдриджем; они печатаются в «Литературном наследстве», т. 64.

[^^^]

И. Д. Десянов (1818–1897) — попечитель Петербургского учебного округа, позднее — видный чиновник, с 1882 г. — министр народного просвещения. Крайний реакционер, он в конце 50-х гг., в соответствии с «модой» того времени, слегка заигрывал с либералами и по ходатайству ряда литераторов согласился рассмотреть в подчиненном ему Петербургском цензурном комитете произведения Шевченко. Просмотр этот затянулся более чем на год: лишь в 1860 г. новое издание «Кобзаря» вышло из печати.

[^^^]

Впервые — «Начало», 1922, № 2, сс. 241–242.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1885, № 2. сс. 336–337.

[^^^]

*Сегодня был я у Александры Михайловны — А.
М. Кулиш.*

[^^^]

*Не забываете моей просьбы. — Найти поэту
невесту.*

[^^^]

Впервые — в газете «День», 1914, № 54.

[^^^]

Получив звание художника в 1844 году... —
Ошибка поэта; звание художника получено
им в 1845 г,

[^^^]

Прошу... удостоить меня звания академика...
— По уставу Академии художеств почетное звание академика давалось особо отличившимся лицам, окончившим Академию со званием классных художников и пробывшим в этом звании не менее трех лет, по выполнении ими специально заданной «программы». Неклассные художники, к которым относился и Шевченко, должны были представлять в Академию свои работы для получения звания кандидата (или — «назначенного») в академии и лишь затем, по прошествии некоторого времени, ходатайствовать о назначении им программы. Соответственно этим требованиям Совет Академии в своем «предварительном заседании» того же 16 апреля, которым датировано «прошение» поэта, постановил: «Шевченко по представленным гравюрам признать назначенным в академики и задать программу на звание академика по гравированию на меди». Однако никакой специальной программы ему задано не было, и 2 сентября 1860 г. Совет присудил Шевченко зва-

ние академика по гравированию — «в уважение искусства и познаний в художествах, доказанных исполненными работами по заданным от Академии программам и по другим известным трудам».

[^^^]

Впервые — «Русский библиофил», 1914, № 1, с. 6.

[^^^]

Шлю вам две Блудницы... — Вероятно, два экземпляра офорта «Сама себе хозяйка в комнате».

[^^^]

Впервые — «Записки Наукового товариства імені Шевченка», Львов, т. СХІХ — СХХ, 1917. с. 68.

[^^^]

Прошу ... выдать мне вид на проезд... — Получение этого «вида» сильно затянулось по вине III Отделения и только в начале июня поэт выехал из Петербурга.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1885, № 2, сс. 337–338.

[^^^]

Чтоб о полотенце позаботилась да чтоб на своем огороде гарбузов не сажала... — По народному украинскому обычаю при сватовстве, если на него отвечали согласиём, невеста надевала сватам через плечо и вручала жениху вышитые полотенца. В случае отказа — сватам выносили гарбуз — тыкву.

[^^^]

Впервые — «Правда», Львов, 1875, ч. 14, сс. 574–575. Об адресате письма см. т. 2, примечание к стихотворению «Марку Вовчку».

[^^^]

Спасибо тебе, моя дочка милая... — Обычное ласковое обращение поэта к М. А. Маркович. Письмо ее, о котором упоминает Шевченко, не сохранилось.

[^^^]

Он мне ничего не сказал про «Ледащицу». — Этот рассказ Марко Вовчка был опубликован в «Основе», 1861. кн. VI Кожан-икову писательница послала свой рассказ в надежде, что он выпустит его отдельным изданием в русском переводе еще до того, как явится возможность опубликовать его в подлиннике.

[^^^]

Осенью будет у нас свой журнал... — В 1859 г., после получения цензурного разрешения на издание украинского альманаха «Хата», среди украинских литераторов возникла мысль добиваться превращения альманаха в журнал, который должен был объединять широкий фронт участников — от революционных демократов, с Шевченко во главе, до открытых реакционеров-крепостников. Дело с разрешением затеянного журнала тянулось более года; окрещенный «Основой», он начал выходить с 1861 г. Ко времени его выхода поэт охладел к этому предприятию, так как убедился, что пресловутая «широта» программы скрывала за собою полную политическую беспринципность.

[^^^]

Пишите мне через Каменецкого. — О Даниле Семеновиче Каменецком, факторе (управляющем) типографии Кулиша, см. в примечании к «Дневнику», записи 11 апреля 1858 г.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. III, сс. 18—19

[^^^]

Спасибо тебе за твое письмо и за письмо Марии Александровны. — Письмо М. М. Лазаревского от 17 июня 1858 г. см. Тарас Шевченко, Листування, Киев, 1929. с. 319, Письмо М. А. Маркович (недатированное, написано в конце мая 1858 г.) см. «Культура», Львов, 1925, № 3, сс. 35–36.

[^^^]

Пошли мое коротенькое письмо... — Это письмо к М. А. Маркович не сохранилось.

[^^^]

Впервые — «Русский библиофил», 1914, № 1, с. 15.

[^^^]

Я очутился в Мошнах. — 13 июля 1859 г. Шевченко был арестован и привезен в Мошны в результате доноса черкасского исправника о том, что поэт сеет смуту среди крестьян, богохульствует и пр. После месячной волокиты Шевченко был отправлен в Петербург.

[^^^]

Впервые — «Русский библиофил», 1914, № 1, с. 15.

[^^^]

Я завтра буду в Киеве. — 26 июля 1859 г. поэт был переведен в Киев, где его «делом» занялась канцелярия генерал-губернатора.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1898, № 3, сс. 431–433.

«Объяснение» подробно рассказывает об аресте Шевченко в июле 1859 г. за революционную пропаганду среди крестьян; ср. также выше, примечания к письмам 141–142.

[^^^]

Варфоломей Григорьевич Шевченко
(1821–1892) — однофамилец и «названный брат» поэта (на его сестре был женат брат поэта Иосиф). В последние годы жизни Шевченко довольно часто переписывался с ним, большей частью по различным хозяйственным делам: через него, в частности, вел переговоры относительно покупки земельного участка на берегу Днепра, предполагая переселиться туда на постоянное жительство.

[^^^]

Впервые — «Правда», Львов, 1875, ч. 23, сс. 925–926.

[^^^]

Впервые — «Правда», 1875, ч. 23, с. 926.

[^^^]

Пришли мне маленькую книжку... — Речь идет о «захалявной» книжечке поэта (см. о ней в т. 2 наст, изд.), которую он возил с собою, оставил у В. Г. Шевченко и не смог затем получить, так как должен был из Киева ехать прямо в Петербург.

[^^^]

Мне разрешили печатать... — Цензурное разрешение на выпуск «Кобзаря» (СПб. 1860) помечено 28 ноября 1860 г. По возвращении в Петербург поэт, очевидно, получил согласие кого-то из влиятельных лиц (возможно, министра народного просвещения Е. П. Ковалевского) пропустить рукопись книги, когда она будет представлена в цензуру.

[^^^]

Посылаю Рузе... — Старшая дочь В. Г. Шевченко Ефросинья; в дальнейших письмах поэт называет ее Присей.

[^^^]

Василий Васильевич Тарновский (младший) (1837–1899) — богатый украинский помещик. Собрал большую коллекцию украинской старины и, кроме того, рукописей, рисунков и картин Шевченко, а также различных мемориальных вещей, связанных с ним.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 2, с. 406.

[^^^]

Если бы не встретились вы мне... — Речь идет об имении Тарковских Качановке, куда по дороге из Киева в Москву заехал поэт.

[^^^]

*По четыре экземпляра своей работы... — то
есть офортов, изготовленных Шевченко,*

[^^^]

Увидите Иванышева и Селина... — Имеются в виду профессор Киевского университета Н. Д. Иванищев (см. о нем примечание к письму № 60) и Александр Иванович Селин (1816–1877); с обоими Шевченко был знаком по Киевской Археографической комиссии в 1845–1847 гг. и в 1859 г. знакомство возобновил.

[^^^]

Иван Максимович Сошенко (1806–1876) — художник в 1834–1838 гг. учился в Академии художеств. См. «Автобиографию», а также повесть «Художник» (т. 4 наст. изд.). В 1859 г. поэт возобновил знакомство с И. Сошенко, учительствовавшим в Киеве.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1895, № 2, с. 43.

[^^^]

Кое-что моих никудышных работ. — То есть свои офорты.

[^^^]

Милой панночке Ганнусе... — племяннице Сошенко. Упоминаемые далее «наши песни» — сборник А. Маркевича, приложенный к «Запискам о Южной Руси», т. II, СПб. 1857; см. выше, письмо № 91.

[^^^]

Как зовут Чалого и Чалиху... — Имеется в виду Михаил Корнеевич Чалый (1816–1907) — педагог, впоследствии первый биограф Шевченко, собравший и опубликовавший множество первостепенных материалов о нем.

[^^^]

Андреевскому сам занеси рисунок... — М. А. Андреевский, следователь генерал-губернаторской канцелярии в Киеве. Летом 1859 г. он вел дело о «богохульстве» Шевченко (см. выше) и немало способствовал тому, что дело это закончилось благоприятно для поэта.

[^^^]

Впервые — «Русский библиофил», 1914, № 1, с. 16.

[^^^]

Поклонитесь... старым Деркачам. — Имеются в виду соседи Максимовичей — Лев Павлович и Катерина Ивановна Деркач.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 2, с. 407.

Надежде Васильевне Тарновской посвящены стихотворения «Н. Т.» («Великомученица-дева!») и «Кума моя и я» (см. т. 2 наст. изд.).

[^^^]

Впервые — «Правда», 1875, ч. 23, сс. 926–927.

[^^^]

Хариту сватать... — Харитина Васильевна
Довгополенкова — работница у Варфоломея
Шевченко.

[^^^]

Насчет той книжки ты сказал правду — то есть относительно забытой у В. Г. Шевченко «захалавной» книжечки; в письме В. Г. Шевченко, очевидно, содержались какие-то замечания, касающиеся вписанных в нее стихотворений.

[^^^]

Платон Федорович Семеренко — крупный сахарозаводчик. Познакомившись с Шевченко летом 1859 г., согласился субсидировать издание его произведений.

[^^^]

Впервые — в книге Тарас Шевченко, Листування, Киев, 1929, с. 177.

[^^^]

Алексей Иванович Хропаль — родственник П. Ф. Семеренко и служащий на его заводе.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1889, № 2, с. 463.

[^^^]

Титаривну же трижды поцелуйте... — маленькую дочку Хропаля.

[^^^]

Впервые — «Правда», Львов, 1875, ч. 23, сс. 927–928.

[^^^]

Чижову я завтра сам напишу... — Речь идет о Федоре Васильевиче Чижове (1811–1877) — ученом, публицисте, славянофиле, общественном деятеле. Повидимому, поэт собирался посоветоваться с Чижовым по поводу участка земли, купить который собирался.

[^^^]

Александр Александрович (Шевченко ошибочно написал: Александр Демьянович) *Оболонский* (1825–1877) — редактор-издатель журнала «Народное чтение» (1859–1860). Шевченко принимал в журнале близкое участие как собственными стихами, так и содействуя публикации переводов; см. т. I наст. изд. — в примечаниях указаны переводы Н. С. Курочкина, А. Н. Плещеева и др, напечатанные в «Народном чтении».

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1892, № 2, Документы, с. 321.

[^^^]

Впервые — Т. Шевченко, Листування, Київ, 1929. сс. 179–180.

[^^^]

Спасибо вам за ваше письмо... — В письме к поэту 11 декабря 1859 г. П. Ф. Семеренко уведомлял об отправке ему 1100 рублей на издание «Кобзаря» с тем, чтобы по выходе книги долг этот был возвращен экземплярами издания. С. Д. Пурлевский — представитель фирмы Яхненко и Семеренко в Москве.

[^^^]

Нецензурный экземпляр вам доставит... — то есть экземпляр «Кобзаря» с впечатанными в него строками выброшенными цензурой. О том, как были сделаны такие экземпляры (некоторые из них дошли до нас), рассказывает один из современников. «Бывши в 1860 г. в Петербурге, я зашел в типографию Кулиша; через некоторое время быстро вошел туда Шевченко и торопливо спрашивал: «А что, готово? готово?» — «Готово», — отвечали ему и подали несколько листков с напечатанными стихами. На вопрос мой: что это такое? — покойный Каменецкий... объяснил что это не пропущенные цензурою места из «Катерины» для наклейки в экземплярах, предназначенных для поднесения некоторым высокопоставленным лицам, между прочим — бывшему тогда министру народного просвещения Ковалевскому. Я выпросил и для себя такой листок и наклеил его в своем экземпляре» (Ф. Каминский, Еще щепотка на могилу Шевченко. — «Киевская старина», 1885, № 3, сс. 521–522).

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, сс. 10–11.

[^^^]

В Бессарабию отправился. — О смысле этого выражения см. в т. 3 наст, изд., примечание к повести «Варнак».

[^^^]

Впервые — «Правда», Львов, 1875, № 23, с. 931.

[^^^]

Впервые — «Записки історично-філологічного відділу Української Академії наук», кн. VII–VIII, 1927, с. 370.

[^^^]

Передайте Тарасевичу... — соседу Козачковского.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, с 11.

[^^^]

Что это за пан Трощинский? — Д. А. Трощинский — разорившийся полтавский помещик, намеревавшийся продать свое имение Кагарлык. В. Г. Шевченко настойчиво советовал поэту приобрести у Трошинского имение, однако покупка эта не осуществилась. Письмо Т. Шевченко к Трощинскому не сохранилось.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, сс. 11–12.

[^^^]

Прочти это письмо. — Повидимому, речь идет о каком-то письме, приложенном к этому.

[^^^]

Трижды спасибо тебе за Васю. — Имеется в виду племянница поэта, дочь его сестры Ярины, жившая в семье В. Г. Шезченко.

[^^^]

Есть ли у Хариты отец или мать? — В ответном письме В. Г. Шевченко сообщал: «У Хариты есть отец и мать, крепостная кн. Лопухина, на волю выкупить ее нельзя, нужно только замуж ей выйти» («Основа», 1862, кн. VI, с. 11).

[^^^]

Впервые — в сборнике «Радянське літературознавство», кн. 4, 1939, с. 147.

[^^^]

Впервые — в кн. Т. Шевченко, Листування, Киев. 1929, с. 182.

[^^^]

Будет ли дома завтра вечером Варвара Яковлевна. — Сестра Н. Я. Макарова, Варвара Яковлевна Карташевская (1832–1902), с которой Шевченко познакомился после своего возвращения в Петербург (см. дневниковую запись 14 апреля 1858 г.) и в доме которой бывал часто. По настоящему письму и по воспоминаниям самой Карташевской («Киевская старина», 1900, № 2, сс. 61–63, Документы), Шевченко познакомил ее с Тургеневым, ставшим затем близким знакомым семейства (отрывки из писем к В. Я. Карташевской опубликованы в «Голосе минувшего», 1919, № 1–4. сс. 207–220).

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI сс. 12–13.

[^^^]

Адрес жаботкского и кирилловского пана... — Речь идет о В. Э. Флиорковском, с которым у поэта завязалась переписка по поводу выкупа его родственников. См. о нем выше — в примечании к «Автобиографии».

[^^^]

Посылаю тебе наскоро сделанный план хаты.
— Сохранилось несколько планов проектируемого дома поэта. Все они предусматривают три комнаты, из которых одна — «рабочая»; фасад дома обращен к Днепру, с широким крытым крыльцом и пр.

[^^^]

«Русская газета» запрещена. — «Еженедельное политическое, экономическое и литературное издание», издававшееся в Москве С. Подем, единомышленником славянофила И. С. Аксакова. Газета была запрещена за статью о правах дворянства обращаться со своими нуждами непосредственно к царю.

[^^^]

Паны очень косятся на нищего слепца. — По-видимому, имеется в виду недовольство выходом «Кобзаря» в правительственных сферах, о чем Шевченко мог знать через Толстых, министра народного просвещения Е. П. Ковалевского и др.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, сс. 13–14.

[^^^]

Росказни, которые ты мне так мудро изложил? — Поэт имеет в виду просьбу В. Г. Шевченко в одном из писем написать какую-нибудь «молитву или оду и напечатать во всех журналах. Потому что я ежедневно такое про тебя слышу... Чтобы не сторонились тебя люди, уступи им, брат» («Основа», 1862, кн. VI, сс. 12–13).

[^^^]

Впервые — «Зоря», Львов, 1894, № 5, с. 106.

[^^^]

Посылаю тебе к пасхе вместо писанки «Хату». — Изданный П. Кулишом альманах «Хата» (СПб. 1860) имел большой успех и вышел на протяжении немногих месяцев двумя изданиями. Альманах явился прообразом журнала, посвященного Украине и выходящего на русском и украинском языках, — «Основа» (1861–1862). См. о нем выше, примечание к письму № 139.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, сс. 14–15.

[^^^]

Впервые — «Зоря», 1896, № 5, с. 87.

[^^^]

Мой рисунок — «Русалки». — По заказу П. А. Кочубея Шевченко должен был сделать несколько стенных панно и картин. Сюжетом одного из панно (или плафона), должно было стать народное поверье о том, как «русалки месяц ловят». Речь идет об эскизе сепией для этого панно (в настоящее время — в шевченковском музее, Киев).

[^^^]

Впервые — «Товариш», Львов, 1888, № 1, с. 109.

При неоднократных перепечатках письма его адресатом считались: М. С. Щепкин, М. А. Маркович и др. Всего правильнее, однако, считать адресатом Н. Я. Макарова, который в начале мая 1860 г. выехал за границу.

[^^^]

Передайте его А[лександр]у И[ванович]у с моим благоговейным поклоном. — Речь идет об А. И. Герцене; об отношении Шевченко к Герцену см. в «Дневнике» и примечаниях к нему. Оригинал настоящей записки был передан вместе с экземпляром «Кобзаря» А. И. Герцену и хранился в его альбоме («Жит.є і слово» («Жизнь и слово»), Львов, 1897, кн. I, с. 78).

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, сс. 15–16.

Сам поэт в датировке письма ошибся, пометив его 22 марта. Правильная дата устанавливается по упоминанию «большого праздника», то есть годовщины освобождения из крепостной неволи: произошло это, как известно, именно 22 апреля 1838 года.

[^^^]

Харита превратила мой большой праздник в такие серые будни... — В письме, на которое отвечает поэт. В. Г. Шевченко писал: «О Харите не могу тебе рассказать, потому что у меня от горя много желчи разлилось. Когда я сказал ей (о намерении поэта жениться на ней. — И. А.), то она спрашивает: «Скоро ли он приедет?» Я говорю: летом или осенью. «Пускай же, говорит она, я схожу посоветуюсь с отцом и с матерью». Может быть, говорю, ты не веришь, так я выкуплю тебя, покуда он приедет. «Я, говорит, еще не собираюсь замуж: погуляю». А сестре Катерине сказала: «Если выкупят, то закрепостят на всю жизнь... не хочу, бог с ними». Вот тебе и воз и перевоз! Она думает, что мы с тобою паны, а раз пан, то заклятый враг мужику, — хоть крест целуй!.. Вот до чего крепостное право людей-братьев довело! Мне кажется, что ее следует совсем забыть. Не грусти, голубчик!..» («Основа», 1862, кн. VI, сс. 14–15.)

Михаил Матвеевич переменил квартиру. — М. М. Лазаревский, на имя которого Шевченко получал большую часть писем.

[^^^]

Получил ли ты вторую книжку «Народного чтения» за этот год? — В этой книжке журнала было напечатано автобиографическое письмо поэта к редактору; см. о нем выше, примечание к «Автобиографии».

[^^^]

1015

Об адресате письма см. выше, в «Дневнике», запись 8 октября 1857 г. и примечание к ней.

[^^^]

Впервые — «Русская старина», 1884, № 5, с. 402.

[^^^]

Последнее дело рук моих... — то есть один из офортов своих, по всей вероятности, автопортрет «со свечкой».

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, сс. 17–18.

[^^^]

Отошли этот экземпляр «Объявления»... —
Это «объявление» рассылалось вместе с петербургскими газетами летом 1860 г.

[^^^]

Я ему после «Кобзаря» уже дважды писал. — Письма поэта к П. Ф. Семеренко после выхода «Кобзаря» неизвестны. Причины молчания Семеренко отчасти выясняются из мартовского письма В. Г. Шевченко к поэту. «Платон Федорович, — писал он, — когда увидел «Кобзаря», то очень обрадовался, а когда посмотрел, что напечатано «коштом Платона Семеренко», то так рассердился, что даже побледнел. «Это не по-нашему, говорит, не по-нашему поступил. Зачем он написал это? Дело было просто между нами, даже моя жена не знала... зачем это мне нужно?» Я и говорю: может быть, это обозначает публичную благодарность за оказанную вами ему помощь? «В покровительстве его талант не нуждается: я дал деньги и получаю долг книжками. Я хотел, чтобы это дело осталось между нами; неужели всем нужно знать, кому я деньги даю? Почему он меня не спросил? Не по-нашему поступил, не по-нашему!..» («Основа», 1862, кн. VI, сс. 12–13). Комментируя это письмо, буржуазно-националистические шевченковеды ссылались на

«скромность» Семеренко, на то, что ссуда была выдана поэту не персонально П. Ф. Семеренко, но его «фирмой», то есть совместно с К. М. Яхненко и т. д. В действительности возмущение Семеренко очень слабо прикрывало испуг его перед возможными последствиями, какие могли свалиться на него после раскрытия его связей с «политически неблагонадежным» поэтом. Этот же испуг побудил его оставить без ответа несколько писем поэта.

[^^^]

Заедет к тебе офицер Новицкий. — Николай Дементьевич Новицкий, член кружка Чернышевского, весной 1860 г. предпринял поездку на Украину, имея, в частности, задачей вести переговоры с помещиком Флиорковским относительно отпуска на свободу родственников Шевченко. О своих переговорах с Флиорковским Новицкий так писал к Шевченко 7 сентября 1860 г.: «Был я у Ф[лиорков]ского. Плохо. Он соглашается дать «личную свободу» семействам твоих братьев и сестры без выкупа, уступает за деньги усадьбы, но ни за что не соглашается уступить земли под запашки. Этого, говорит, я сделать не могу, не возмущая других крестьян. О, бестия же этот Ф[лиорков]ский да еще какая бестия— самая модная! Во что он оценивает, я этого не знаю, так как он говорит, что для этого ему необходимы некоторые соображения. Обо всем он сам обещал написать Ковалевскому» (М. К. Чалый, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882. с. 174).

[^^^]

Об адресате письма, своем товарище по Академии художеств, в 1844 году уехавшем в Полтаву учителем рисования в тамошней гимназии, поэт несколько раз упоминал в переписке академического времени (см., например, выше, письмо № 13 и др.). Непосредственные поводы для восстановления отношений между бывшими товарищами неизвестны. Возможно, что настоящее письмо было передано Ткаченко через Н. Д. Новицкого и должно было служить ему рекомендацией.

[^^^]

Впервые — «Древняя и новая Россия», 1875,
№ 6, сс. 193–196.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, с. 20.

[^^^]

Сегодня в Корсуни преотвратительный праздник... — то есть праздник Петра и Павла, день именин владельца Корсуня князя Павла Лопухина.

[^^^]

Будет в Корсуни и Наталка Шулячивна. — Наталка Шулячивна была нянькой детей Варфоломея Шевченко. Последний в письме 17 мая 1860 г. предлагал поэту: «Если хочешь, я сделаю так, что моя жена посватает тебе Наталку Ш[улячив]ну; человек с умом и сердцем — можно жить с нею припеваючи» («Основа», 1862, кн. VI, с. 19).

[^^^]

Впервые — «Народное чтение», 1860, № 5, сс. 170–175.

Черновой автограф письма опубликован в газете «Русские ведомости», 1914, № 46. В «Народном чтении» к письму было сделано следующее редакционное примечание: «Предлагаемое письмо Т. Г. Шевченко было написано вследствие ответа г. Флиорковского комитету Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым на просьбу об освобождении из крепостного состояния братьев и сестры нашего знаменитого поэта Тараса Григорьевича Шевченко. Письмо Комитета к В. Э. Флиорковскому по этому делу и его ответ были напечатаны в «Русском инвалиде», № 142». См. также примечание к «Автобиографии», письмам №№ 163, 171.

[^^^]

Письмо это, как дело домашнее, не будет оглашено во всеуслышание. — Согласно уставу Литературного фонда, сведения об оказываемой им помощи не подлежали опубликованию Между тем Флиорковский, полемизируя с автобиографическим письмом Шевченко к редактору «Народного чтения», вынес на страницы прессы все дело с освобождением родственников поэта («Киевский телеграф», 1860, № 45).

[^^^]

О наших народностях я вашего мнения не оспариваю. — Флиорковский обвинял Шевченко в «несвоевременности» упреков «представителей вельможной шляхты злоупотреблениями давно прошедшего времени».

[^^^]

Примите мою искреннюю благодарность. — Выражения благодарности в данном случае имели иронический характер. В действительности «освобождение» родственников поэта было произведено Флиорковским не только исключительно в собственных своих интересах, но и с обходом существующих законоположений. Как разъяснял позднее современник, «внесенные им за личную свободу семьи Т. Г. деньги пошли в уплату его же долга кредитным учреждениям; личную свободу он силится доставить им без земли, в ущерб высочайше дарованной тогда же воли крестьянам с правом выкупа их земель, и только поверка утвержденных и введенных в действие грамот возвратила им и землю и те права, которых никто не решался отнять от их односельцев» («Киевская старина», 1889, № 4, с. 193). Именно поэтому Шевченко в ряде писем (к В. Г. Шевченко и др.) настаивал, чтобы родственники его ни при каких обстоятельствах не соглашались на освобождение без земли.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, с. 20.

[^^^]

Впервые — в книге М. К. Чалого Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, с. 163.

[^^^]

Бог в лице Надежды и Александры Михайловны... — Надежда Михайловна Забила и Александра Михайловна Кулиш. О роли Н. М. Забины в сватовстве Шевченко подробно с ее слов рассказала ее дочь Н. Кибальчич («Киевская старина», 1890, № 2. сс. 175–184). Роль ее сестры А. М. Кулиш неясна; позднее она относилась к решению Шевченко жениться на «горничной» с нескрываемым возмущением. О сватовстве поэта см. также в т. 1 наст. изд. примечания к стихотворениям «Ликерия», «Н. Я. Макарову».

[^^^]

Увидите Марью Александровну... — М. А. Маркович (Марко Вовчок), которая в это время, как и адресат настоящего письма, находилась за границей.

[^^^]

1035

Об адресате письма см. выше, примечание к письму № 138.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 2, с. 407.

[^^^]

Переслать в Чернигов. — Воскресные школы для взрослых стали возникать в конце 50-х годов по инициативе кружков демократической интеллигенции и были одним из проявлений нараставшего общественно-революционного подъема. Первые воскресные школы были организованы в 1859 году в Киеве и Чернигове, а два года спустя по всей России насчитывалось уже 274 школы. Интерес к воскресным школам связывался у Шевченко с широкой программой в области народного образования; он не только помогал материально новому начинанию, но затеял издание ряда книг для народа, из которых осуществил только выпуск «Букваря южнорусского».

[^^^]

Об адресате см. выше, примечание к письму № 147. Шевченко познакомился с ним летом 1859 года, во время своего пребывания на Украине.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, с. 25.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, сс. 20–22.

[^^^]

Вы с Кулишом чересчур расфантазировались.
— Письмо В. Г. Шевченко, о котором упоминает поэт, не сохранилось. Из переписки Кулиша явствует, что он настойчиво уговаривал В. Г. Шевченко заняться торговлей книгами на ярмарках, покинув службу в панских эконо-
миях.

[^^^]

Впервые — «Древняя и новая Россия», 1875,
№ 6, сс. 193—196

[^^^]

Спасибо тебе и за курносенькую чернобровку.
— Письмо Ф. Л. Ткаченко, на которое отвечает поэт, не сохранилось, однако из воспоминаний современников известно, что в нем содержалось предложение сосватать Шевченко с дочерью общего их знакомого Р. Витавского; несколько стихотворений последнего были незадолго перед тем переданы для напечатания в «Основе», поэтому ниже Шевченко передает Витавскому привет от себя и от В. М. Белозерского (редактора «Основы»).

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, сс. 22–23.

[^^^]

Я со своей молодой, не женившись, разошелся.
— См. об этом в т. 1 наст. изд. примечание к стихотворению «Н. Я. Макарову».

[^^^]

Поглядеть на эту мадам Соар. — В киевском частном пансионе «мадам Соар» учились две дочери В. Г. Шевченко. С запросами относительно содержательницы пансиона поэт обращался также к М. К. Чалому и И. М. Сошенко и получил от первого ответ, пересланный В. Г. Шевченко.

[^^^]

Ни с кем не посоветовавшись, сделал черт знает что. — В июле 1860 г. братья поэта Иосиф и Никита неожиданно согласились на предложение Флиорковского и получили свободу без земли, то есть по существу свели на нет все хлопоты самого поэта и близких к нему лиц.

[^^^]

1048

Об адресате настоящего письма сведений нет.

[^^^]

В собрании писем Т. Г. Шевченко печатается впервые.

[^^^]

Во время ярмарки... — Имеется в виду так называемая Крещенская ярмарка в Харькове, проходившая в первой половине января.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI. сс. 25–26.

[^^^]

Впервые — «Русский библиофил», 1914, № 1, с. 26.

[^^^]

Его нужно показать Бекетову. — Цензор Бекетов, который должен был просмотреть рукопись «Южнорусского букваря» после цензора духовного, архимандрита Фотия.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, с. 26.

[^^^]

Высокопреосвященный Арсений весьма возревновал о сельских школах. — Киевский митрополит Арсений (Ф. П. Москвин) обращался к сельским священникам с призывами завести в деревнях школы для народа. Это и дало повод поэту обратиться к нему с предложением своего «букваря». Однако митрополит имел в виду распространение духовных школ и резко отрицательно относился к преподаванию для народа общеобразовательных предметов и к преподаванию на родном украинском языке. К предложению Шевченко митрополит отнесся враждебно.

[^^^]

Старый лодырь... — то есть И. М. Сошенко.
Упомянутое здесь его письмо не сохранилось.

[^^^]

Впервые — «Древняя и новая Россия», 1875,
№ 6, сс. 193–196.

[^^^]

Курица тебя забодай. — Дочь Витавского, которую Ткаченко собрался было сватать за поэта, оказалось, была уже невестой другого.

[^^^]

Дай один букварь редактору «Губернских ведомостей». — Редактором «Полтавских губернских ведомостей» был Павел Ильич Бодянский (1809–1869) — педагог, историк и этнограф.

[^^^]

Впервые — «Древняя и новая Россия», 1875,
№ 6, сс. 193–196.

[^^^]

Впервые — «Основа», 1862, кн. VI, с. 24.

[^^^]

Впервые — «Киевская старина», 1883, № 2, с. 408.

[^^^]

От Романа Дмитриевича Тризны... — Р. Д. Тризна — черниговский помещик, знакомый поэта еще с 40-х гг. В конце 50—начале 60-х гг. принимал близкое участие в организации воскресных школ.

[^^^]

Иван Николаевич Таволга-Мокрицкий — чиновник канцелярии петербургского обер-полицмейстера. Шевченко был с ним знаком, очевидно, еще с 40-х гг. и возобновил знакомство по возвращении из ссылки, 29 марта 1858 г. (см. выше дневниковую запись).

[^^^]

Впервые — в книге М. К. Чалого, Жизнь и произведения Тараса Шевченко, Киев, 1882, с. 184.

[^^^]